Ширер Уильям
Взлет и падение третьего рейха. Том II

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
ВОЙНА: ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ И ВЕЛИКИЙ ПОВОРОТ

ПАДЕНИЕ ПОЛЬШИ

В 10 часов утра 5 сентября 1939 года у генерала Гальдера состоялась беседа с генералом фон Браухичем, главнокомандующим немецкой армией, и генералом фон Боком, возглавлявшим группу армий «Север». Рассмотрев общую обстановку, какой она представлялась им в начале пятого дня нападения на Польшу, они, как записал Гальдер в своем дневнике, пришли к единому мнению, что «противник разбит».

Накануне вечером сражение за Польский коридор закончилось соединением 4–й армии генерала фон Клюге, наступавшей из Померании в восточном направлении, с войсками 3–й армии под командованием генерала фон Кюхлера, наступавшей из Восточной Пруссии в западном направлении. Именно в этом сражении прославил себя и свои танки генерал Гейнц Гудериан. На одном участке, когда танки неслись на восток через Польский коридор, они были контратакованы Поморской кавалерийской бригадой, и взору автора этих строк, посетившего несколько дней спустя участок, где разворачивалась контратака, предстала отвратительная картина кровавой мясорубки.

Для скоротечной польской кампании это было символично. Лошади против танков! Длинные пики кавалеристов против длинных стволов танковых пушек. И сколь ни были мужественными, доблестными и безрассудно храбрыми поляки, немцы просто раздавили их стремительной танковой атакой превосходящими силами. Для них, да и для всего мира, это был первый опыт блицкрига внезапно обрушившегося наступления: в небе с ревом проносились истребители и бомбардировщики, проводя воздушную разведку, атакуя цели на земле, сея огонь и ужас; визжали пикирующие бомбардировщики, устремляясь на свои жертвы; танки, целые дивизии танков, прорывая оборону, покрывали за день 30–40 миль; самоходные скорострельные тяжелые артиллерийские установки мчались со скоростью до 40 миль в час по изрытым колеями польским дорогам; невероятные скорости развивала даже пехота — целая армия в полтора миллиона солдат неслась на колесах, направляемая и координируемая с помощью специальной связи, состоящей из сложных радиосетей, телефонных и телеграфных средств. Эта сила, какой никогда не видел мир, казалась неким механизированным безжалостным чудовищем.

Примерно через 48 часов польские военно–воздушные силы перестали существовать, большая часть из 500 самолетов первой линии были уничтожены на аэродромах бомбовыми ударами, не успев подняться в воздух; аэродромные сооружения были сожжены; подавляющая часть личного состава аэродромных команд были либо убиты, либо ранены. Краков, второй по величине город Польши, пал 6 сентября. В ту же ночь польское правительство бежало из Варшавы в Люблин. На следующий день Гальдер занялся планами переброски войск из Польши на Западный фронт, хотя там не наблюдалось какой–либо активности западных союзников. В полдень 8 сентября 4–я танковая дивизия достигла окраин польской столицы, в то время как на южном направлении со стороны Силезии и Словакии продвигалась 10–я армия Рейхенау, которая захватила Кельце, а 14–я армия Листа заняла Сандомир у слияния Вислы и Сана. За неделю польская армия была полностью разбита. Большая часть из ее 35 дивизий — все, что успели мобилизовать, — была либо разгромлена, либо зажата в огромные клещи, которые сомкнулись вокруг Варшавы.

Теперь немцам предстояло осуществить вторую фазу: более плотно стянуть кольцо вокруг ошеломленных и дезорганизованных польских частей, оказавшихся внутри, уничтожить их и захватить в более крупные, на сотни миль к востоку, клещи остальные

польские формирования, дислоцированные к западу от Брест–Литовска и реки Буг.

Эта фаза началась 9 сентября и завершилась 17–го. Левое крыло группы армий «Север» под командованием Бока устремилось на Брест–Литовск. 19–й корпус Гудериана подошел к городу 14 сентября и через два дня овладел им. 17 сентября части корпуса Гудериана встретились с патрульными дозорами 14–й армии Листа в 50 милях к югу от Брест–Литовска, возле Влодавы, — так сомкнулись вторые гигантские клещи. Контрнаступление, как заметил позднее Гудериан, нашло «четкое завершение» 17 сентября. Все польские войска, за исключением незначительных групп у русской границы, были окружены. Польские войска, оказавшиеся в варшавском треугольнике и возле Познани, мужественно оборонялись, но были обречены. Польское правительство, или то, что от него осталось после непрерывных бомбардировок и обстрелов с воздуха самолетами люфтваффе, 15 сентября добралось до румынской границы. Для него и гордого польского народа все кончилось. Оставалось только умирать в рядах тех частей, которые все еще с неимоверной стойкостью оказывали сопротивление.

Русские вторгаются в Польшу

Правительство в Кремле, как и правительства других стран, было ошеломлено той быстротой, с какой немецкие армии пронеслись по Польше. 5 сентября, давая официальный письменный ответ на предложение нацистов напасть на Польшу с востока, Молотов сообщал, что это будет сделано «в подходящее время», но «это время еще не наступило». Он считал, что «излишняя поспешность» может нанести ущерб, но настаивал на том, чтобы немцы, хотя они первыми вошли в Польшу, скрупулезно соблюдали «демаркационную линию», согласованную и подтвержденную в секретных статьях германо–советского пакта. Подозрительность русских в отношении немцев уже начала проявляться. В Кремле полагали, что на завоевание немцами Польши может потребоваться довольно много времени. Однако вскоре после полуночи 8 сентября, когда немецкие танковые дивизии достигли предместий Варшавы, Риббентроп направил «срочное, совершенно секретное» сообщение Шуленбургу в Москву о том, что успех операций в Польше превзошел «все ожидания» и что в сложившихся обстоятельствах Германия хотела бы знать о «военных намерениях Советского правительства». На следующий день, в 16.10, Молотов ответил, что Россия применит вооруженные силы в ближайшие дни. Несколько ранее советский комиссар по иностранным делам официально поздравил немцев по случаю вступления войск в Варшаву.

10 сентября Молотов и посол фон дер Шуленбург запутались. После заявления о том, что Советское правительство ошеломлено неожиданными военными успехами немцев и потому находится в «затруднительном положении», комиссар по иностранным делам коснулся обоснования, которое Кремль собирался выдвинуть в оправдание своей агрессии по отношению к Польше, Это было, как телеграфировал Шуленбург в Берлин, делом «наиболее срочным» и «совершенно секретным».

Польша разваливалась, и вследствие этого у Советского Союза возникла необходимость прийти на помощь украинцам и белорусам, которым «угрожала» Германия. Этот довод, утверждал Молотов, необходим для того, чтобы Советский Союз смог оправдать свое вмешательство в глазах широких масс и не предстал агрессором. Более того, Молотов сетовал на Немецкое информационное бюро, которое цитировало заявление генерала фон Браухича, утверждавшего, что «больше нет необходимости вести военные действия на немецкой восточной границе». Если это так, если война закончена, то Россия, по словам Молотова, «не может начать новую войну». Он был крайне недоволен сложившейся обстановкой. Стремясь еще больше усложнить дело, 14 сентября он вызвал Шуленбурга в Кремль и, сообщив ему, что Красная Армия выступит раньше, чем предполагалось, поинтересовался, когда падет Варшава, — чтобы оправдать свое вступление в Польшу, русские должны были дождаться падения польской столицы.

Поднятые комиссаром вопросы смутили посла. Когда падет Варшава? Как отреагируют немцы, если Россия возложит на них вину за свое вступление в Польшу? Вечером 15 сентября Риббентроп направил «сверхсрочную, совершенно секретную» депешу Молотову через своего посла в Москве, в которой сообщал, что Варшава будет занята «в ближайшие дни» и Германия «приветствовала бы начало советских военных операций именно теперь». Что касается намерения возложить на Германию вину за вторжение русских в Польшу, то об этом не может быть и речи. «…Вопреки истинным немецким намерениям… это противоречило бы договоренностям, достигнутым в Москве, и наконец… представило бы два государства перед всем миром противниками». Депеша заканчивалась просьбой к Советскому правительству установить день и час нападения русских на Польшу.

Это было сделано вечером следующего дня, и два оказавшихся в числе захваченных немецких документов донесения от Шуленбурга, показывающие, как это было сделано, раскрывают всю лживость Кремля.

«Я встретился с Молотовым в 6 часов вечера, — телеграфировал Шуленбург в Берлин 16 сентября. — Он сообщил, что военное вмешательство Советского Союза произойдет, вероятно, завтра или послезавтра. В настоящее время Сталин совещается с военными руководителями. Молотов добавил, что… Советское правительство намерено оправдать свои действия следующими мотивами: Польское государство развалилось и более не существует, поэтому все соглашения и договоры, ранее заключенные с ним, утратили силу; третьи державы могли попытаться воспользоваться хаосом, который там возник, поэтому Советское правительство сочло своим долгом вмешаться, чтобы взять под защиту украинских и белорусских братьев и дать возможность этим несчастным людям жить в мире».

Поскольку единственной возможной «третьей державой» в данном случае могла быть Германия, Шуленбург возразил против такой формулировки.

«Молотов согласился с тем, что предлагаемый довод Советского правительства содержит ссылку, задевающую немецкую чувствительность, но просил нас, учитывая затруднительное положение Советского правительства, не придавать этому доводу значения. У Советского правительства, к сожалению, нет возможности выдвинуть какие–либо другие доводы, поскольку ранее Советский Союз никогда не проявлял беспокойства о положении национальных меньшинств в Польше и вынужден так или иначе оправдывать свое нынешнее вмешательство перед заграницей».

17 сентября, в 5.30 вечера, Шуленбург отправил еще одну «сверхсрочную, совершенно секретную» депешу в Берлин:

«Сталин принял меня в 2 часа ночи… и заявил, что Красная Армия пересечет советскую границу в 6 часов утра… Советские самолеты сегодня начнут бомбить районы к востоку от Львова».

Когда Шуленбург высказал свои возражения по трем пунктам советского коммюнике, русский диктатор «с подчеркнутой готовностью» внес в текст изменения.

Таким образом, был выдвинут именно этот жалкий предлог: Польша прекратила свое существование, и польско–советский пакт о ненападении, следовательно, утратил свое значение и силу, а поскольку требовалось защитить свои интересы и интересы украинского и белорусского национальных меньшинств, Советский Союз утром 17 сентября направил свои войска в поверженную Польшу. Чтобы нанести дополнительное оскорбление, польского посла в Москве проинформировали, что Россия в польском конфликте будет строго придерживаться нейтралитета. На следующий день, 18 сентября, советские и немецкие войска встретились в Брест–Литовске, где ровно двадцать один год назад молодое большевистское правительство порвало узы, связывавшие прежнюю Россию с западными союзниками, и заключило сепаратный мирный договор с Германией на тяжелейших для себя условиях.

И хотя теперь русские выступали в роли соучастников нацистской Германии в уничтожении древней Польши, они сразу же продемонстрировали недоверие к своим новым друзьям. Как информировал Берлин посол Шуленбург, на встрече с ним накануне советской

агрессии Сталин выразил сомнение, будет ли немецкое верховное командование придерживаться условий Московских соглашений, предусматривающих отвод немецких войск на демаркационную линию. Посол пытался успокоить Сталина, но, очевидно, без особого успеха. «Ввиду присущей Сталину подозрительности, — телеграфировал он в Берлин, — я был бы признателен, если бы меня уполномочили дать дальнейшие заверения подобного характера, дабы устранить его последние сомнения». На следующий день, 19 сентября, Риббентроп телеграммой уполномочил своего посла сообщить Сталину: «…Соглашения, которые я подписал в Москве, будут, конечно, соблюдаться… Они рассматриваются нами как прочная основа для новых дружественных отношений между Германией и Советским Союзом».

Тем не менее трения между участниками противоестественного партнерства продолжались. 17 сентября возникли разногласия по поводу текста совместного коммюнике, призванного оправдать русско–германское уничтожение Польши. Сталин высказался против немецкого варианта, поскольку в нем факты излагались «слишком откровенно». Затем он составил свой собственный вариант — образец изощренности — и вынудил немцев согласиться с ним. В нем утверждалось, что общей целью Германии и России являлось «восстановление мира и порядка в Польше, которые были подорваны развалом польского государства, и оказание помощи польскому народу в установлении новых условий для его политической жизни». По цинизму Гитлер нашел в Сталине достойного партнера.

Поначалу оба диктатора, по–видимому, были склонны создать на территории Польши государство наподобие наполеоновского Варшавского герцогства, чтобы успокоить мировое общественное мнение. Однако 19 сентября Молотов объявил, что у большевиков на этот счет иные соображения. После сердитого протеста, выраженного Шуленбургу по поводу того, что немецкие генералы игнорируют Московские соглашения и пытаются захватить территорию, которая должна отойти к России, он перешел к сути.

«Молотов намекнул, — телеграфировал в Берлин Шуленбург, — что первоначальное соображение, поддержанное Советским правительством и лично Сталиным, которое сводилось к существованию

Польши на остальной территории, привело к идее раздела Польши по линии Писса — Нарве — Висла — Сан. Советское правительство желает немедленно начать переговоры по данному вопросу».

23 сентября Риббентроп по телеграфу поручил Шуленбургу сообщить Молотову, что «русская идея о пограничной линии вдоль хорошо известных четырех рек совпадает с точкой зрения правительства рейха». Он выразил пожелание вновь прилететь в Москву для отработки деталей этого вопроса, а также «окончательной структуры польского района».

Теперь переговоры взял в свои руки Сталин, и его немецкие союзники убедились — а английские и американские союзники убедятся в этом несколько позднее, — насколько упорным, циничным, склонным к соглашательству партнером он был. 25 сентября, в 8 часов вечера, советский диктатор вызвал в Кремль Шуленбурга, а несколько позднее, в тот же вечер, германский посол предостерегал Берлин относительно суровой реальности и хитроумных замыслов Сталина:

«…Он считает ошибочным сохранить независимую Польшу (на тех землях, которые останутся после изъятия части земель в пользу Германии и России). Он предложил территорию к востоку от демаркационной линии, всю Варшавскую провинцию, которая простирается до самого Буга, добавить к нашей доле. За это мы должны отказаться от наших притязаний на Литву.

Сталин… добавил, что если мы согласны, то Советский Союз немедленно возьмется за решение проблемы Прибалтийских государств в соответствии с (секретным) протоколом от 23 августа и ожидает в этом вопросе безоговорочной поддержки со стороны немецкого правительства. Сталин выразительно указал на Эстонию, Латвию и Литву, но не упомянул Финляндию».

Это была хитроумная и трудная сделка. Сталин предлагал две польские провинции,

которые немцы уже захватили, за Прибалтийские государства. Оказав Гитлеру огромную услугу — предоставив ему возможность напасть на Польшу, он стремился теперь, пользуясь благоприятными условиями, получить все, что возможно. Более того, он предложил включить в состав Германии основную массу польского народа. Хорошо усвоив урок многовековой истории России, он понимал, что польский народ никогда не примирится с потерей своей независимости. Так пусть по этому поводу болит голова у немцев, а не у русских! А между тем он получит Прибалтийские государства, которые были отняты у России после первой мировой войны и географическое положение которых позволяло Советскому Союзу обезопасить себя на случай внезапного нападения нынешнего союзника.

Риббентроп во второй раз прибыл самолетом в Москву в 6 часов вечера 27 сентября. Прежде чем отправиться в Кремль, он нашел время прочитать телеграммы из Берлина, в которых его информировали о том, чего хотят русские. Это были переправленные из Берлина в Москву донесения немецкого посланника в Таллинне, в которых тот сообщал Риббентропу, что эстонское правительство только что проинформировало его о требовании Советского Союза «под самой серьезной угрозой немедленного нападения» предоставить ему военные и авиационные базы. Поздней ночью, после долгого совещания со Сталиным и Молотовым, Риббентроп телеграфировал Гитлеру, что в эту самую ночь заключается пакт, на основании которого Советский Союз разместит две дивизии Красной Армии и одну авиационную бригаду «на эстонской территории, однако на сей раз без упразднения эстонской системы правления». Но фюрер, имевший опыт в делах подобного рода, знал, чем обернется это для Эстонии. На следующий день Риббентропу сообщили, что фюрер приказал эвакуировать из Эстонии и Латвии 86 тысяч фольксдойче. Сталин предъявлял свой счет, и Гитлер был вынужден, по крайней мере пока, оплатить его. Он немедленно оставлял не только Эстонию, но и Латвию, которые по обоюдному согласию, достигнутому при заключении нацистско–советского пакта, были включены в советскую сферу интересов. Но прежде чем день закончился, Гитлер уступил также и Литву, которая по условиям дополнительного секретного протокола к Московскому пакту входила в сферу интересов рейха. Во время совещания с Риббентропом, которое началось в 10 часов вечера 27 сентября и продолжалось до часу ночи, Сталин предоставил немцам на выбор два варианта. Эти два варианта, как он сообщил 25 августа Шуленбургу, состояли в следующем: принятие первоначальной демаркационной линии по рекам Писса, Нарев, Висла и Сан, при этом Германия получает Литву; или, уступив Литву России, Германия получает дополнительно польскую территорию (Люблинскую провинцию и земли к востоку от Варшавы), что поставило бы под контроль немцев почти все польское население. Сталин упорно настаивал на втором варианте, и Риббентроп в обстоятельной телеграмме, отправленной Гитлеру в 4 часа утра 28 сентября, оставлял этот вопрос на его усмотрение. Гитлер согласился.

Раздел Восточной Европы потребовал соответствующего точного обозначения на картах, и днем 28 сентября, после трех с половиной часов переговоров, после чего в Кремле был устроен банкет, Сталин и Молотов прервали переговоры с Риббентропом, чтобы принять латвийскую делегацию, которую они вызвали в Москву. Риббентроп поехал в Большой театр смотреть «Лебединое озеро» и вернулся в Кремль в полночь для дальнейших консультаций по составлению карт и по другим вопросам. В 5 часов утра Молотов и Риббентроп поставили свои подписи под новым пактом, получившим официальное название «советско–германского договора о дружбе и границе». При этом Сталин улыбался, как докладывал позднее один немецкий дипломат, «от удовольствия»[1]. Для этого у него были основания.

Сам договор, сразу же опубликованный, провозглашал границу «соответствующих государственных интересов» двух стран в «бывшем польском государстве» и утверждал, что

---

[1] Андор Хенке, помощник министра иностранных дел, долгие годы работавший в немецком посольстве в Москве, составил подробный и забавный отчет об этих переговорах Это единственная немецкая запись о втором дне совещаний Риббентропа со Сталиным и Молотовым — Прим авт.

в пределах полученной ими территории эти страны восстановят «мир и порядок» и «гарантируют людям, проживающим там, мирную жизнь в соответствии с их национальными традициями».

Однако, как и при предыдущей нацистско–советской сделке, на этот раз также имелись секретные протоколы, в двух из которых была заключена суть соглашения. В одном из протоколов содержалось положение, согласно которому Литва входила в советскую сферу интересов, а Люблинская провинция и земли к востоку от Варшавы — в сферу интересов Германии. Второй протокол был краткий и конкретный:

Обе стороны не допустят на своих территориях никакой польской агитации, затрагивающей интересы другой стороны. Обе стороны обязуются на своих территориях подавлять в зародыше любую подобную агитацию и информировать друг друга относительно принятых с этой целью мер.

Таким образом, Польша, как ранее Австрия и Чехословакия, исчезла с карты Европы. Однако на сей раз Адольфу Гитлеру содействовал в уничтожении страны Союз Советских Социалистических Республик, долгое время выдававший себя за защитника угнетенных народов. Это был четвертый раздел Польши, осуществленный Германией и Россией[2] (в других разделах Польши участвовала и Австрия), и раздел этот должен был стать наиболее безжалостным и бесчеловечным.

Гитлер развязал войну против Польши и выиграл ее, но куда в большем выигрыше оказался Сталин, войска которого вряд ли произвели хоть один выстрел[3]. Советский Союз получил почти половину Польши и взялся за Прибалтийские государства. Это, как никогда ранее, отдалило Германию от ее основных долгосрочных целей: от украинской пшеницы и румынской нефти, остро ей необходимых, чтобы выжить в условиях английской блокады. Даже польские нефтеносные районы Борислав, Дрогобыч, на которые претендовал Гитлер, Сталин выторговал у него, великодушно пообещав продавать немцам эквивалент годовой добычи нефти в этих районах. Почему Гитлер согласился заплатить русским столь высокую цену? Очевидно, что он пошел на это, чтобы удержать Советский Союз от консолидации с западными союзниками и от участия в войне. Но он никогда не был сторонником соблюдения договоров, и теперь, когда Польша пала под не поддающимся сравнению ударом немецкого оружия, можно было ожидать, что он не сдержит, как настаивал на том рейхсвер, обязательств, принятых согласно пакту от 23 августа. Если бы Сталин стал возражать, фюрер мог пригрозить ему нападением самой мощной армии в мире, как только что подтвердила польская кампания. А мог ли? Нет, не мог, пока английские и французские армии стояли на западе в боевой готовности. Чтобы разделаться с Англией и Францией, он должен был обезопасить свой тыл. Именно в этом, как явствует из его более поздних заявлений, заключалась причина, по которой он позволял Сталину брать верх в сделках с нацистской Германией. Но он не забывал жесткого поведения советского диктатора в ходе этих сделок, хотя в данный момент и устремлял все свое внимание на Западный фронт.

СИДЯЧАЯ ВОЙНА НА ЗАПАДЕ

На Западе ничего не случилось. Едва ли прозвучал хоть один выстрел. Рядовой немецкий обыватель стал называть эту войну «сидячей». На Западе же ее вскоре назвали «странной войной». Сильнейшая армия в мире (французская), как напишет позднее английский генерал Фуллер, имея перед собой не более 26 (немецких) дивизий, все еще сидела за укрытиями из стали и бетона, в то время как ее по–донкихотски мужественного

---

[2] Арнольд Тойнби в своих трудах называет это пятым разделом Польши — Прим авт.

[3] По официальным данным, немецкие потери в Польше составили 10 572 убитых, 30 322 раненых и 3400 пропавших без вести — Прим авт.

союзника уничтожали. Были ли немцы удивлены этим? Едва ли. В самой первой дневниковой записи от 14 августа начальник генерального штаба сухопутных войск Гальдер дает подробную оценку обстановки на Западе, если Германия нападет на Польшу. Он считает французское наступление маловероятным. Он уверен, что Франция не станет посылать свою армию через Бельгию вопреки желанию бельгийцев. Его вывод сводился к тому, что французы предпочтут остаться в обороне. 7 сентября, когда судьба польской армии была решена, Гальдер уже разрабатывал планы переброски немецких дивизий на запад. В этот вечер он записал в дневнике о результатах совещания Браухича с Гитлером, состоявшегося днем 7 сентября.

«Перспективы на Западе еще не ясны. Кое–какие факты говорят о том, что западные державы не хотят войны… Французский кабинет отнюдь не настроен на решительность и героизм. Из Англии уже раздаются первые робкие голоса разумных людей».

Через два дня Гитлер издал Директиву №3 «на ведение войны», предложив осуществить необходимые меры для переброски частей армии и военно–воздушных сил из Польши на запад. Но не обязательно для того, чтобы сражаться. В директиве говорилось: даже после нерешительного открытия военных действий Англией… и Францией… оставляю за собой право отдать приказ относительно:

а) всякого перехода сухопутной германской границы на западе,

б) любого перелета германской западной границы, если это только не вызывается необходимостью отражения крупных воздушных налетов противника…

Что обещали Франция и Англия Польше, если она подвергнется нападению? Английские гарантии носили общий характер. Но французские были достаточно определенными. Они были изложены во франко–польской военной конвенции от 19 мая 1939 года. В соответствии с конвенцией стороны соглашались, что французы будут постепенно наращивать наступательные операции с ограниченными целями к третьему дню после объявления общей мобилизации. Общая мобилизация была объявлена 1 сентября. Однако, как говорилось в конвенции, «как только определится главное немецкое усилие против Польши, Франция предпримет наступательные действия против Германии остальной массой своих войск пятнадцать дней спустя после начала общей французской мобилизации». На вопрос заместителя начальника польского генерального штаба полковника Яклинча о том, сколько французских войск будет выделено для этого крупного наступления, генерал Гамелен ответил, что приблизительно 35–38 дивизий.

Но к 23 августа, когда немецкое нападение на Польшу стало неминуемым, робкий французский «генералиссимус» говорил своему правительству, как мы убедились, что ему, вероятно, не удастся предпринять серьезное наступление «раньше, чем через два года» (то есть в 1941–1942 годах), и добавлял, что Франция к этому времени получит «помощь английских войск и американскую технику».

В первые недели войны Англия действительно имела прискорбно мало войск, чтобы послать их во Францию. К 11 октября, спустя три недели по окончании войны в Польше, во Франции находились четыре английские дивизии — 158 тысяч человек. «Символический вклад», как назвал их Черчилль, а Фуллер отмечал, что первая потеря английских войск — капрал, застреленный во время патрулирования, — пришлась только на 9 декабря[4]. «Такой бескровной войны, — комментировал Фуллер, — мир еще не знал…»

Ретроспективно на процессе в Нюрнберге немецкие генералы были единодушны в том,

---

[4] 9 октября автор этих строк совершил поездку поездом на правый берег Рейна, где проходил франко–германский фронт, и записал в своем дневнике: «Никаких признаков войны, и железнодорожники говорили мне, что не слышали на этом фронте ни одного выстрела за все время, как началась война… Мы могли видеть французские бункеры и во многих местах огромные маты, за которыми французы воздвигали оборонительные сооружения. Идентичная картина наблюдалась и на немецкой стороне. Войска… занимались своим делом на виду у противника и в пределах действительного огня. Немцы перевозили по железной дороге орудия и технику, но французы им не мешали. Странная война» (Берлинский дневник, с. 234). — Прим авт.

что, не предприняв наступления на Западе во время польской кампании, западные союзники упустили блестящую возможность.

«Успех в Польше стал возможен лишь благодаря тому, — заметил генерал Галъдер, — что на нашей западной границе войск почти не было. Если бы французы прочувствовали ситуацию и воспользовались тем обстоятельством, что основные немецкие силы находились в Польше, то они смогли бы без помех форсировать Рейн и стали бы угрожать Рурскому району, который являлся для Германии самым решающим фактором при ведении войны».

«…Если мы не потерпели, крах в 1939 году, — сказал генерал Йодль, то только благодаря тому, что во время польской кампании приблизительно 110 французских и английских дивизий, дислоцированных на Западе, ничего не предпринимали против 23 немецких дивизий».

А генерал Кейтель, начальник штаба ОКБ, добавил следующее: «Мы, военные, все время ожидали наступления французов во время польской кампании и были очень удивлены, что ничего не произошло… При наступлении французы натолкнулись бы лишь на слабую завесу, а не на реальную немецкую оборону».

Тогда почему же французская армия, располагавшая на Западе подавляющим превосходством (только к первой неделе октября были развернуты две английские дивизии), не предприняла наступление, как письменно обещали генерал Гамелен и французское правительство?

Тому было много причин: пораженческие настроения французского высшего командования, правительства и народа; память о том, как была обескровлена Франция в первую мировую войну, и стремление при малейшей возможности не допустить подобной бойни; осознание, что к середине сентября польские армии будут окончательно разгромлены и немцы вскоре смогут перебросить свои превосходящие силы на Запад и остановить первоначальное продвижение французов; страх перед немецким превосходством в артиллерии и авиации. В самом деле, французское правительство с самого начала настаивало на том, чтобы английские военно–воздушные силы не бомбили объекты в самой Германии, опасаясь, что в качестве ответной меры немцы могут нанести бомбовые удары по французским заводам, хотя массированная бомбардировка Рура, индустриального сердца рейха, могла обернуться для немцев катастрофой. Этого больше всего боялись в сентябре немецкие генералы, как они признавались впоследствии.

На вопрос о том, почему Франция не выступила против Германии в сентябре, наиболее обоснованный ответ дал, пожалуй, Черчилль. «Это сражение, — писал он, — было проиграно несколько лет назад».

В Мюнхене в 1938 году; во время занятия Германией Рейнской области в 1936 году, за год до того, как Гитлер ввел воинскую повинность, игнорируя условия Версальского мирного договора. Теперь подошло время расплаты за горестное бездействие союзников, хотя в Париже и Лондоне, казалось, думали, что этой расплаты можно избежать путем такого же бездействия. А немцы уже действовали на море.

Немецкий военно–морской флот не был окутан такой секретностью, как немецкая армия на Западе. И за первую неделю боевых действий он потопил 11 английских судов общим водоизмещением 64 595 тонн, что составляло почти половину тоннажа судов, потопленных немцами за неделю подводной войны в самый ее разгар — в апреле 1917 года, когда Англия была поставлена на грань катастрофы. После этого английские потери пошли на убыль: 51 561 тонна — за вторую неделю, 12 750 тонн — за третью неделю и только 4646 тонн — за четвертую, а всего за сентябрь подводными лодками было потоплено 26 судов общим водоизмещением 135 552 тонны и три судна общим водоизмещением 16 488 тонн подорвались на минах.

Англичанам не были известны причины столь резкого сокращения числа потопленных судов. Дело в том, что 7 сентября адмирал Редер имел продолжительную беседу с Гитлером, который, радуясь первоначальным успехам в Польше и спокойствию на французско–германском фронте на Западе, посоветовал флоту замедлить темпы. Франция

проявила «политическую и военную сдержанность», англичане «колебались». Учитывая такую обстановку, решили, что подводные лодки, бороздящие воды Атлантики, будут щадить все без исключения пассажирские суда и воздерживаться от нападения на французские суда, что карманный линкор «Дойчланд» в Северной Атлантике и «Граф Шпее» в Южной Атлантике должны вернуться на некоторое время на свои базы. Как отметил Редер в своем дневнике, общая политика сводится к проявлению «сдержанности, пока не прояснится политическая ситуация на Западе, на что уйдет около недели».

Потопление «Атении»

На совещании Редера с Гитлером 7 сентября было принято еще одно решение. Адмирал Редер записал в своем дневнике: «Никаких попыток не будет предпринято для выяснения истины по делу «Атении» до возвращения подводных лодок».

Война на море, как было уже отмечено, началась через десять часов после объявления Англией войны, когда 3 сентября, в 9 часов вечера, английский лайнер «Атения» с 1400 пассажирами на борту был без предупреждения торпедирован в 200 милях к западу от Гебридских островов. При этом погибло 112 человек, в том числе 28 американцев. Немецкое министерство пропаганды сразу сверило сообщения из Лондона с информацией высшего командования военно–морских сил Германии и, получив заверения, что близ этого района не было немецких подводных лодок, выступило с опровержением причастности немецкого флота к гибели «Атении». У Гитлера и военно–морского командования эта катастрофа вызвала очень серьезную озабоченность. Сначала они вообще не поверили сообщениям англичан. Всем командирам подводных лодок были даны строжайшие указания соблюдать Гаагскую конвенцию, согласно которой запрещалось нападать на судно без предупреждения. Поскольку все подводные лодки поддерживали радиомолчание, то невозможно было выяснить немедленно, что же произошло[5]. Однако это не помешало контролируемой нацистами прессе через пару дней обвинить англичан в потоплении собственного лайнера с целью спровоцировать вступление в войну Соединенных Штатов.

На Вильгельмштрассе действительно были обеспокоены американской реакцией на катастрофу, повлекшую смерть 28 американских граждан. На второй день после потопления «Атении» Вайцзекер пригласил поверенного в делах США Александра Кирка и заявил ему, что немецкие подводные лодки к этому делу непричастны. Он заверил американского дипломата, что ни один немецкий корабль не находился близ района катастрофы. В тот вечер, согласно свидетельским показаниям Вайцзекера на Нюрнбергском процессе, он разыскал Редера и напомнил ему о том, как немцы, потопив «Лузитанию» во время первой мировой войны, содействовали вступлению в войну Америки, и настойчиво советовал сделать все, дабы не спровоцировать Соединенные Штаты. Адмирал заверил его, что «ни одна немецкая подводная лодка не могла быть замешана» в этом деле.

По настоянию Риббентропа 16 сентября адмирал Редер пригласил к себе американского военно–морского атташе и заявил ему, что к настоящему времени получены донесения от всех подводных лодок, «в результате чего установлено совершенно определенно: «Атения» не была потоплена немецкой подводной лодкой». Он просил его так и проинформировать свое правительство, что атташе и сделал **Немедленно**[6].

Гросс–адмирал говорил не всю правду. Не все подводные лодки, находившиеся в море

---

[5] На следующий день, 4 сентября, всем подводным лодкам был передан сигнал. «Приказ фюрера: ни под каким предлогом не предпринимать операций против пассажирских судов, даже если они идут в сопровождении эскорта». — Прим. авт.

[6] Очевидно, сообщение он не зашифровывал, поскольку копия его телеграммы в Вашингтон была обнаружена в документах немецких ВМС на суде в Нюрнберге. — Прим. авт.

3 сентября, вернулись на базу. Среди невернувшихся числилась и лодка «U–30» под командованием обер–лейтенан–та Лемпа — она не появлялась на базе до 27 сентября. В порту командира лодки встретил адмирал Карл Дениц, командующий подводным флотом Германии, который спустя многие годы рассказывал об этой встрече на судебном процессе в Нюрнберге и ответил наконец на вопрос, кто же потопил лайнер.

«Я встретил капитана подводной лодки обер–лейтенанта Лемпа возле шлюза в Вильгельмсхафене, когда лодка входила в гавань, и он попросил побеседовать со мной с глазу на глаз. Выглядел он, как я заметил, очень несчастным и сразу признался мне, что, по его мнению, именно он ответствен за потопление «Атении» в районе Северного Ла–Манша. В соответствии с моими предыдущими указаниями он вел наблюдение за возможным проходом вооруженных торговых судов на подступах к Британским островам и торпедировал корабль, в котором по последовавшим затем радиосообщениям опознал «Атению». Ему показалось, что это вооруженное торговое судно ведет патрулирование…

Я тут же отправил Лемпа самолетом в штаб военно–морских сил в Берлин; между тем в качестве предварительной меры я приказал держать все в полной тайне. Позднее в тот же день или рано утром на следующий день я получил приказ, гласивший:

1. Дело должно быть сохранено в строжайшей тайне.

2. Высшее командование военно–морских сил считает, что нет необходимости судить командира лодки военным судом, поскольку оно удовлетворено тем, что капитан в своих действиях руководствовался лучшими намерениями.

3. Политические объяснения будут подготовлены главным командованием военно–морских сил.

Я не имел никакого отношения к политическим событиям, во время которых фюрер заявил, что ни одна немецкая подводная лодка непричастна к потоплению «Атении».

Однако Дениц, судя по всему, догадывался об истинных виновниках гибели «Атении» (иначе зачем бы он пошел в док встречать возвратившуюся подводную лодку «U–30»?) и имел прямое отношение к изъятию записей в вахтенном журнале лодки и в своем дневнике, связанных с этим событием. Как признал он на суде в Нюрнберге, он лично отдал приказ уничтожить в вахтенном журнале любое упоминание об «Атении» и проделал то же самое в своем дневнике. Он потребовал от экипажа лодки дать клятву хранить в строжайшей тайне все сведения, связанные с этим событием[7].

У высшего военного командования любой страны в ходе войны появляются тайны, и можно понять, хотя это и недостойно похвалы, почему. Гитлер, как свидетельствовал адмирал Редер на Нюрнбергском процессе, настаивал на сохранении в тайне подлинной истории с «Атенией», особенно если учесть, что поначалу военно–морское командование действовало, руководствуясь твердым убеждением, будто немецкие подводные лодки непричастны к катастрофе. Следовательно, признание своей непосредственной вины в гибели лайнера поставило бы немецкую сторону в исключительно тяжелое положение. Но Гитлеру этого было мало. Воскресным вечером 22 октября по радио выступил министр пропаганды Геббельс (автор хорошо помнит это выступление) и обвинил Черчилля в потоплении собственного лайнера. На следующий день «Фелькишер беобахтер» на первой полосе под огромным заголовком «Черчилль потопил «Атению» сообщила, что первый лорд адмиралтейства подложил бомбу замедленного действия в трюм лайнера. На суде в Нюрнберге было установлено, что Гитлер лично приказал выступить с таким заявлением по радио и дать материал в газету и что, несмотря на крайнее недовольство Редера, Деница и

---

[7] Офицеры, в том числе Лемп, и некоторые члены экипажа подводной лодки «U–30» были переведены на лодку «U–110» и вместе с ней отправились на дно 9 мая 1941 года. Один из членов экипажа был ранен спустя несколько дней после потопления «Атении». Его выгрузили в Рейкьявике (Исландия), взяв предварительно клятву о сохранении тайны, а позднее перевели в лагерь для военнопленных в Канаде. И только после войны он дал письменные показания об известных ему фактах. Немцы, по–видимому, беспокоились, что он заговорит, но он молчал до конца войны. — Прим. авт.

Вайцзекера таким приказом, они не решились возражать.

Эта бесхребетность адмиралов и Вайцзекера, в полной мере присущая и генералам, когда на них оказывал давление их демонический фюрер, неминуемо должна была привести к одной из самых мрачных страниц немецкой истории.

Гитлер предлагает мир

«Сегодня пресса открыто говорит о мире, — отметил я 20 сентября в своем дневнике. — Все немцы, с кем я разговаривал, совершенно уверены, что не пройдет и месяца, как у нас будет мир. У всех приподнятое настроение».

За день до этого в парадно украшенном Гильдхалле в Данциге я слушал первую после выступления в рейхстаге 1 сентября в связи с началом войны речь фюрера. Он был разъярен, так как ему помешали произнести эту речь в Варшаве, гарнизон которой все еще мужественно сопротивлялся; он исходил желчью каждый раз при упоминании Великобритании и сделал легкий жест в сторону мира. «У меня нет никаких военных целей против Англии и Франции, — заявил он. — Мои симпатии на стороне французского солдата. Он не знает, за что сражается». А затем он призвал всемогущего, благословившего немецкое оружие, «ниспослать другим народам понимание того, насколько бесполезной будет эта война… и натолкнуть их на размышление о мирном благоденствии».

26 сентября, за день до падения Варшавы, предприняли широкое наступление немецкая пресса и радио. Основной смысл всех аргументов, судя по моим записям в дневнике, сводился к следующему: «Почему Франция и Англия хотят войны теперь? Воевать–то не за что. У Германии нет претензий к Западу».

Пару дней спустя, поспешно проглотив свою долю Польши, включилась в мирное наступление и Россия. Наряду с подписанием советско–германского договора о дружбе и границе с секретными статьями к нему, предусматривающими раздел Восточной Европы, Молотов и Риббентроп состряпали и подписали в Москве 28 сентября трескучую декларацию мира.

В ней говорилось, что правительства Германии и России, урегулировав конкретные проблемы, возникшие в результате распада польского государства, и заложив прочную основу для длительного мира в Восточной Европе, выражают уверенность, что это будет служить подлинным интересам всех народов, положит конец состоянию войны между Германией и Англией и Францией. Оба правительства будут направлять совместные усилия на скорейшее достижение этой цели. Если же, однако, усилия договаривающихся правительств окажутся бесплодными, то это должно подтвердить тот факт, что Англия и Франция ответственны за продолжение войны…

Хотел ли Гитлер мира или он стремился продолжать войну, с помощью Советов переложив ответственность за ее продолжение на западных союзников? Пожалуй, он и сам не осознавал этого до конца.

26 сентября у него состоялся продолжительный разговор с Далерусом, который упорно вел поиски мира. За двое суток до этого неутомимый швед встречался со своим старым другом Форбсом в Осло, где бывший советник английского посольства в Берлине занимал аналогичную должность. Далерус сообщил Гитлеру, как явствует из конфиденциального меморандума доктора Шмидта, что английское правительство, по словам Форбса, занято поисками мира. Оставался невыясненным лишь один вопрос: как при этом англичанам избежать позора?

«Если англичане действительно хотят мира, — ответствовал Гитлер, — они могут обрести его через две недели, и без каких–либо унижений». Однако, как он заявил, им пришлось бы примириться с фактом, «что Польша не сможет возродиться вновь». Более того, он был готов гарантировать статус–кво «остальной Европе», включая гарантии безопасности Англии, Франции и Нидерландам. Затем разговор перешел к вопросу о том, как

начать мирные переговоры. Гитлер предложил сделать это Муссолини. По мнению Далеруса, королева Нидерландов могла быть более нейтральной. Геринг, присутствовавший при этом, выдвинул предложение: представители Англии и Германии должны предварительно тайно встретиться в Голландии, а затем, если наметится прогресс, королева могла бы пригласить представителей обеих стран на переговоры по перемирию. Гитлер, неоднократно заявлявший о своем скептицизме в отношении «стремления англичан к миру», в конце концов согласился направить на следующий же день в Англию шведа для того, чтобы провести зондаж в указанном направлении.

«Англичане могут получить мир, если хотят его, — сказал Гитлер на прощание Далерусу. — Но им следует поторопиться».

Это было одно направление в замыслах фюрера. Второе он открыл своим генералам. В дневниковой записи Гальдера от 25 сентября упоминается о «плане фюрера предпринять наступление на Западе». А 27 сентября, на второй день после того, как он заверял Далеруса, будто готов заключить мир с Англией, он собрал в имперской канцелярии командующих видами вооруженных сил и сообщил им о своем решении «наступать на Западе как можно скорее, поскольку франко–английская армия пока еще не подготовлена». Как утверждает Браухич, он даже наметил дату наступления — 12 ноября. Несомненно, в тот день Гитлер был воодушевлен известием, что Варшава наконец капитулировала. Возможно, он думал, что Францию так же легко, как и Польшу, поставить на колени, хотя через два дня Гальдер делает в дневнике пометку: фюреру необходимо пояснить, что «боевой опыт, приобретенный в Польше, не является рецептом для наступления на Западе; не годится против крепко спаянной армии». Пожалуй, лучше всех уловил настроение Гитлера молодой итальянский министр иностранных дел Чиано во время продолжительной беседы, имевшей место 1 октября в Берлине. К этому времени у него возникло глубокое отвращение к немцам, но он был обязан соблюдать приличия. Фюрера он застал в приподнятом настроении. Когда Гитлер излагал ему в общих чертах свой план, то его глаза, как успел заметить Чиано, «загорались зловещим отблеском всякий раз, едва он касался путей и методов ведения войны». Подводя итог своим впечатлениям, итальянец записал в дневнике:

«…Сегодня перед Гитлером, пожалуй, все еще маячит соблазнительная цель предложить своему народу прочный мир после достигнутой им крупнейшей победы. Но если ради достижения этой цели пришлось бы пожертвовать хоть в самой малой степени чем–либо из того, что представляется ему законным плодом его победы, он бы тысячу раз предпочел сражение»[8].

Когда 6 октября, днем, я сидел в рейхстаге и слушал выступление Гитлера с его призывами к миру, мне казалось, что я слушаю старую граммофонную запись, проигрываемую пятый или шестой раз. Как часто с этой самой трибуны после очередного захвата чужой страны произносил он речи! Какими честными и искренними казались его призывы к миру, если забыть на время о его очередной жертве! В этот свежий солнечный осенний день он прибег к столь обычным для него красноречию и лицемерию. Это была длинная речь, самая длинная из всех его публичных выступлений, но под конец, после того как он более часа бессовестно искажал историю и хвастался успехами немецкого оружия в Польше («это смехотворное государство»), он перешел к конкретным предложениям заключения мира и их обоснованию.

«Мои главные усилия были направлены на то, чтобы освободить наши отношения с Францией от всех следов злой воли и сделать их приемлемыми для обоих народов… У Германии нет никаких претензий к Франции… Я даже не буду касаться проблемы Эльзаса и Лотарингии… Я не раз высказывал Франции свои пожелания навсегда похоронить нашу старую вражду и сблизить эти две нации, у каждой из которых столь славное прошлое…» А

---

[8] Муссолини не разделял уверенности Гитлера в победе, о чем доложил ему Чиано. Он считал, англичане и французы «будут стоять твердо… Зачем скрывать это?». 3 октября Чиано записал в дневнике: «Он (Муссолини) несколько огорчен столь неожиданной славой Гитлера» (Чиано Г. Дневники, с. 155). — Прим. авт.

как насчет Англии?

«Не меньше усилий посвятил я достижению англо–германского взаимопонимания, более того, установлению англо–германской дружбы. Я никогда не действовал вопреки английским интересам… Даже сегодня я верю, что реальный мир в Европе и во всем мире может быть обеспечен только в том случае, если Германия и Англия придут к взаимопониманию». А как насчет мира?

«Зачем нужна эта война на Западе? Для восстановления Польши? Польша времен Версальского договора уже никогда не возродится… Вопрос о восстановлении польского государства является проблемой, которая будет решена не посредством войны на Западе, а исключительно Россией и Германией… Бессмысленно губить миллионы людей и уничтожать имущество на миллионы же для того, чтобы воссоздать государство, которое с самого рождения было признано мертворожденным всеми, кто не поляк по происхождению. Какие еще существуют причины?

Если эту войну действительно хотят вести лишь для того, чтобы навязать Германии новый режим… тогда миллионы человеческих жизней будут напрасно принесены в жертву… Нет, эта война на Западе не может решить никаких проблем…»

Но проблемы существовали, и они требовали решения. Гитлер сам выдвинул целый перечень таких проблем: «создание польского государства» (которое по договоренности с русскими не должно существовать); «решение еврейской проблемы»; колонии для Германии; проблемы сохранения международной торговли; «безоговорочные гарантии мира»; сокращение вооружений; «правила ведения воздушной войны, использования химического оружия, подводных лодок и т. д.»; урегулирование проблемы национальных меньшинств в Европе.

Для достижения этих «великих целей» он предложил «после самой тщательной подготовки» созвать конференцию ведущих европейских стран.

«Недопустимо, — продолжал он, — чтобы такая конференция, призванная определить судьбу континента на многие годы вперед, могла спокойно вести обсуждение назревших проблем в то время, когда грохочут пушки или отмобилизованные армии оказывают давление на ее работу. Если, однако, эти проблемы рано или поздно должны быть решены, то было бы более разумно урегулировать их до того, как миллионы людей будут посланы на бессмысленную смерть и уничтожено на миллиарды национальных богатств. Продолжение нынешнего состояния дел на Западе немыслимо. Скоро каждый день будет требовать новых жертв… Национальное благосостояние Европы будет развеяно снарядами, а силы каждого народа истощены на полях сражений… Одно совершенно ясно. В ходе всемирной истории никогда не было двух победителей, но очень часто только проигравшие. Пусть народы, которые придерживаются того же мнения, и их лидеры дадут сегодня свой ответ. И пусть те, кто считает войну лучшим средством разрешения проблем, оставят без внимания мою протянутую руку».

Он думал о Черчилле.

«Если, однако, верх возьмут взгляды господ Черчилля и его последователей, то это мое заявление будет последним. Тогда мы будем сражаться… Но в истории Германии уже не будет нового Ноября 1918 года».

Мне показалось крайне сомнительным — и я записал об этом в своем дневнике после возвращения из рейхстага, — чтобы англичане и французы хоть краем уха прислушались к этим туманным предложениям. Но немцы были настроены оптимистично. В тот вечер по пути на радиостанцию я прихватил утренний выпуск «Фелькишер беобахтер». Бросались в глаза кричащие заголовки: «Воля Германии к миру», «Никаких военных целей против Англии и Франции мы не преследуем», «Никакого пересмотра требований, кроме колоний», «Сокращение вооружений», «Сотрудничество со всеми народами Европы», «Предложение о созыве конференции».

На Вильгельмштрассе, как стало теперь известно из секретных немецких документов, стремились уверовать в донесения, поступавшие из Парижа через испанского и итальянского

послов, что у французов нет желания продолжать войну. Еще 8 сентября испанский посол сообщал немцам, что Бонне «ввиду огромной непопулярности войны во Франции попытается прийти к взаимопониманию, как только закончатся боевые действия в Польше. Наблюдаются признаки того, что в связи с этим он вступил в контакт с Муссолини».

2 октября Аттолико вручил Вайцзекеру текст последнего донесения от итальянского посла в Париже, в котором утверждалось, что большинство французского кабинета высказалось в пользу мирной конференции и теперь основной вопрос сводился к тому, «как Франции и Англии избежать позора». Однако премьер Даладье не принадлежал к большинству[9].

Это была ценная разведывательная информация. 7 октября Даладье ответил Гитлеру. Он заявил, что Франция не сложит оружия до тех пор, пока не будут получены гарантии «подлинного мира и общей безопасности». Но Гитлера больше интересовал ответ Чемберлена, чем французского премьера. 10 октября в своей краткой речи, произнесенной в Шпортпаласте по случаю развертывания кампании «зимней помощи», он вновь подчеркнул свое «стремление к миру». У Германии, добавил он, «нет никаких причин воевать против западных держав».

Ответ Чемберлена пришел 12 октября. Для немецкого народа, если не для Гитлера[10], он явился своего рода холодным душем. Обращаясь к членам палаты представителей, премьер–министр охарактеризовал предложения Гитлера как «туманные и неопределенные» и отметил, что «они не содержат никаких предложений по устранению зла, причиненного Чехословакии и Польше». Нельзя полагаться на обещания «нынешнего правительства Германии». Если Германия хочет мира, нужны «дела, а не только слова». Он призвал Гитлера представить «убедительные доказательства», что он желает мира.

Главного инициатора Мюнхена уже нельзя было одурачивать обещаниями. На следующий день, 13 октября, в официальном немецком заявлении констатировалось, что Чемберлен, отклоняя мирные предложения Гитлера, преднамеренно избрал войну. Теперь у нацистского диктатора имелось оправдание.

Фактически, как теперь известно из захваченных немецких документов, Гитлер и не ждал ответа от премьер–министра и еще раньше отдал приказ о подготовке к немедленному наступлению на Западе. 10 октября он созвал всех своих военачальников, зачитал им длинный меморандум о состоянии войны и положении дел в мире и решительно положил перед ними Директиву №6 на ведение войны.

Когда в конце сентября Гитлер выдвинул требование предпринять как можно скорее наступление на Западе, это привело руководителей армии чуть ли не в полное замешательство. Браухич и Гальдер сговорились при поддержке еще нескольких генералов доказать своему вождю, что не может быть и речи о немедленном наступлении. Потребуется несколько месяцев, чтобы отремонтировать танки, использованные в польской кампании. Генерал Томас представил расчеты, доказывающие, что ежемесячный дефицит стали у Германии составляет 600 тысяч тонн. Фон Штюльпнагель, генерал–квартирмейстер, докладывал, что запас боеприпасов составляет лишь одну треть потребности немецких дивизий на две недели боевых действий, чего явно недостаточно, чтобы выиграть войну с

---

[9] Немного позднее, а именно 16 ноября, итальянцы в соответствии с информацией, полученной ими из Парижа, сообщили немцам «Маршал Петен рассматривается как поборник мирной политики во Франции… Если вопрос о мире приобретет во Франции более острый характер, то Петен сыграет свою роль». Это был первый намек немцам, что Петен может оказаться полезен для них. — Прим. авт.

[10] За день до этого, 11 октября, в Берлине произошли «мирные беспорядки». Рано утром берлинская городская радиосеть сообщила, что английское правительство пало и теперь немедленно начнутся переговоры о перемирии. Когда этот слух распространился, в городе началось ликование. На овощном рынке старые торговки на радостях подбрасывали вверх кочаны капусты, ломали стойки и направлялись в ближайшие пивные выпить в честь мира. — Прим авт.

Францией. Однако фюрер не стал слушать главнокомандующего сухопутными войсками и начальника генерального штаба, когда они 7 октября представили ему официальный доклад о причинах, не позволяющих начать немедленное наступление на Западе. Генерал Йодль, первый после Кейтеля лакей Гитлера в ОКБ, предупредил Гальдера, что «назревает очень серьезный кризис» из–за возражений армии против наступления на Западе и что фюрер крайне «раздражен, так как генералы не подчиняются его указаниям».

Именно на этом фоне Гитлер собрал 10 октября, в 11 часов, своих генералов. Их мнение его не интересовало. Директива №6 от 9 октября четко предписывала, что им делать.

Совершенно секретно

1. Если в ближайшее время станет ясно, что Англия и под ее руководством Франция не пожелают окончить войну, то я намерен без промедления приступить к активным и наступательным действиям…

3. Поэтому для дальнейшего ведения военных операций я приказываю следующее:

а) На северном фланге Западного фронта подготовить наступательные операции через люксембургско–бельгийско–голландскую территорию. Это наступление должно быть проведено как можно более крупными силами и как можно скорее.

б) Целью этих наступательных операций является разгром по возможности большей части французской действующей армии и сражающихся на ее стороне союзников и одновременно захват возможно большей голландской, бельгийской и северофранцузской территории в качестве базы для ведения многообещающей воздушной и морской войны против Англии…

8. Я прошу главнокомандующих по возможности скорее доложить мне детально о своих намерениях на основе этой директивы и постоянно держать меня через штаб ОКБ в курсе дела о состоянии подготовки.

Секретный меморандум также от 9 октября, который Гитлер зачитал своим военачальникам перед тем, как вручить им директиву, является одним из наиболее впечатляющих документов, когда–либо составленных бывшим австрийским ефрейтором. Он продемонстрировал не только понимание истории, разумеется с немецкой точки зрения, и военной стратегии и тактики, что весьма примечательно, но и, как мы убедимся дальше, предвидение относительно того, как будут развиваться военные действия на Западе и с какими результатами. Борьбу между Германией и западными державами, которая, как сказал он, продолжается со времен распада первого германского рейха, закрепленного Мюнстерским (Вестфальским) договором 1648 года[11], немецкий народ «так или иначе должен выдержать». Однако после крупной победы в Польше «не было бы никаких возражений против окончания войны» при условии, «если заключение мира не поставило бы под вопрос успех, достигнутый оружием».

В этом меморандуме не ставится цель изучить или вообще рассмотреть имеющиеся в этом отношении возможности. Я хочу в этом меморандуме заняться совсем другим вопросом, а именно — необходимостью продолжения борьбы… Цель Германии в войне должна, напротив, состоять в том, чтобы окончательно разделаться с Западом военным путем, т. е. уничтожить силу и способность западных держав еще раз воспротивиться государственной консолидации и дальнейшему развитию германского народа в Европе.

Правда, эта внутренняя целевая установка должна в зависимости от обстоятельств претерпевать перед мировой общественностью психологически обусловленные пропагандистские коррективы. Но от этого в самой цели войны ничего не меняется. Ею есть

---

[11] Заключением договора завершилась Тридцатилетняя война в Европе (1618–1648 годы) и было закреплено превращение «Священной римской империи германской нации» в конгломерат независимых государств и распад Германии на территориальные княжества. — Прим. тит. ред.

и остается уничтожение наших западных противников.

Генералы возражали против чересчур поспешного наступления на Западе. Но фюрер пояснил им, что время работает на противника. Победы в Польше, напомнил он, стали возможны потому, что Германия сражалась на одном фронте. Эта обстановка еще сохраняется, но как долго?

Никаким договором и никаким соглашением нельзя с определенностью обеспечить длительный нейтралитет Советской России. В настоящее время есть все основания полагать, что она не откажется от нейтралитета. Через восемь месяцев, через год или даже через несколько лет это может измениться. Незначительная ценность соглашений, закрепленных договорами, именно в последние годы проявилась во всех отношениях. Самая большая гарантия от какого–либо русского вмешательства заключена в ясном показе немецкого превосходства, в быстрой демонстрации немецкой силы.

Что касается Италии, то ее поддержка Германии зависит главным образом от «прочности фашистского влияния в этом государстве и в значительной степени от жизни самого дуче». Здесь тоже играет роль фактор времени, как это было с Бельгией и Голландией, которые оказались бы вынужденными под давлением западных союзников отказаться от своего нейтралитета, а это нечто такое, чего Германия не может ждать сложа руки. Даже в отношении Соединенных Штатов «время следует рассматривать как фактор, работающий против Германии».

Конечно, признавал Гитлер, в большой войне Германию подстерегают и опасности. И он тут же перечислил некоторые из них. Дружественные или недружественные нейтралы (в данном случае он, вероятно, имел в виду прежде всего Россию, Италию и Соединенные Штаты) могут перейти при известных условиях на сторону противника, как это случилось во время первой мировой войны. Нужно также иметь в виду, продолжал он, «ограниченную продовольственную и сырьевую базу» Германии, что затруднит производство средств, необходимых для ведения войны. Величайшая опасность заключается в уязвимости Рура, подчеркивал фюрер. Если противнику удастся поразить сердцевину немецкого промышленного производства, это «рано или поздно приведет к нарушению военной экономики Германии и, следовательно, к крушению ее военных возможностей».

Следует признать, что в этом меморандуме бывший ефрейтор продемонстрировал поразительное понимание военной стратегии и тактики, не отягощенное никакими моральными соображениями. На нескольких страницах анализируется новая тактика использования танков и самолетов, получившая развитие в ходе польской кампании, и даются подробные указания, как эта тактика может сработать на Западе и даже где именно. Главное, по мнению фюрера, заключается в том, чтобы не допустить повторения позиционной войны 1914–1918 годов. Бронетанковые дивизии должны быть использованы для решающего прорыва.

Ни при каких обстоятельствах их нельзя бросать на гибель в бесконечные лабиринты улиц бельгийских городов. Поэтому им необязательно самим атаковывать города. Необходимо, чтобы они обеспечивали в оперативном отношении непрерывное продвижение войск и массированными ударами по обнаруженным слабым местам препятствовали стабилизации фронта противника.

Это был потрясающе точный прогноз войны на Западе, и когда читаешь этот прогноз, невольно удивляешься, почему же никому из союзников не пришло в голову ничего подобного.

А это тоже относится к стратегии Гитлера. Единственно возможный район наступления, по мысли фюрера, через Люксембург, Бельгию и Голландию. При этом необходимо иметь в виду две военные задачи: разгромить голландские, бельгийские, французские и английские армии и овладеть позициями на берегах Ла–Манша и Северного моря, откуда люфтваффе смогут «со всей жестокостью» поразить Великобританию.

Возвращаясь к вопросам тактики, он сказал, что прежде всего необходимо импровизировать.

Особенности этой кампании могут вынудить применять в самых широких масштабах импровизации в максимально большом объеме, сосредоточивать на отдельных участках как в обороне, так и в наступлении силы сверх нормативов (например, танковые и противотанковые части), в то же время на других участках довольствоваться меньшими силами.

Что касается времени наступления, то Гитлер говорил своим несговорчивым генералам, что «время наступления при всех обстоятельствах, если есть хоть какая–то возможность, нужно определить на эту осень».

Немецкие адмиралы в отличие от генералов не нуждались в подталкивании со стороны Гитлера к наступательным действиям, несмотря на существенное превосходство британского военно–морского флота над немецким. По существу, на протяжении второй половины сентября и первых дней октября адмирал Редер уговаривал фюрера снять путы с военно–морских сил. Это делалось постепенно. 17 сентября немецкая подводная лодка торпедировала английский авианосец «Карейджес» у берегов Ирландии. 27 сентября Редер приказал карманным линкорам «Дойчлйнд» и «Граф Шпее» покинуть район укрытий и атаковать английские суда. К середине октября на их счету уже было семь английских торговых судов и захваченное в качестве приза американское судно «Сити оф Флинт».

4 октября немецкая подводная лодка «U–47» под командованием обер–лейтенанта Гюнтера Приена проникла, казалось бы, в недоступную английскую военно–морскую базу Скапа–Флоу и торпедировала стоявший на якоре линкор «Ройал Оук»; при этом погибло 786 офицеров и матросов. Это был бесспорный успех, в полной мере использованный Геббельсом в пропагандистских целях и поднявший авторитет флота в глазах фюрера.

С генералами дело обстояло хуже. Вопреки указаниям, содержавшимся в длинном, обстоятельно продуманном меморандуме фюрера и Директиве №6 и предписывавшим быть готовыми в ближайшее время к наступлению на Западе, они явно не торопились. Их не волновали какие–либо моральные аспекты, связанные с нарушением гарантированного нейтралитета Бельгии и Голландии. Они просто сомневались в успехе в настоящее время.

Исключение составлял генерал Вильгельм Риттер фон Лееб, командующий группой армий «С», развернутой вдоль линии Мажино. Он не только выражал скептицизм в отношении победы на Западе, но и, судя по имеющимся архивным материалам, высказывался против наступления через территорию Бельгии и Голландии, руководствуясь отчасти моральными соображениями. На второй день после совещания генералов у Гитлера, 11 октября, Лееб составил обстоятельный меморандум, который адресовал Браухичу и другим генералам. Он писал в меморандуме, что весь мир повернется против Германии, которая второй раз в течение двадцати пяти лет нападает на нейтральную Бельгию. Германия, правительство которой торжественно ручалось за соблюдение этого нейтралитета всего лишь несколько недель назад! Детально проанализировав все военные аргументы против наступления на Западе, он призвал к миру. «Нация, утверждал он в заключение, — жаждет мира».

Однако Гитлер уже стремился к войне, к схватке и не хотел больше мириться с непростительной, по его мнению, для генералов робостью. 14 октября Браухич и Гальдер встретились, чтобы обсудить создавшееся положение и выработать единую линию. Начальник генерального штаба сухопутных войск усматривал три возможности: наступление, ожидание или коренное изменение. Гальдер занес в свой дневник эти три возможности в тот же день, а после войны разъяснил, что под «коренным изменением» он подразумевал устранение Гитлера. Однако слабовольный Браухич считал, что столь радикальная мера «по существу негативна» и имеет тенденцию сделать рейх уязвимым. Они не остановились ни на одной из этих взаимоисключающих «перспективных возможностей». Оставалось одно: продолжать воздействовать на Гитлера.

17 октября Браухич снова встретился с фюрером, но его доводы, как рассказывал он Гальдеру, не оказали никакого воздействия на фюрера. Ситуация становилась «безнадежной». Гитлер коротко заметил Браухичу, как записал в своем дневнике Гальдер,

что «англичане (уступят) лишь после ударов. Следует как можно скорее (наступать). Срок: самое раннее — между 15 и 20 ноября».

Впоследствии состоялось еще несколько совещаний с нацистским вождем, который в конце концов 27 октября призвал генералов к порядку. После вручения четырнадцати генералам Рыцарского креста фюрер перешел к вопросу о наступлении на Западе. Когда Браухич попытался было доказывать, что армия будет готова не раньше чем через месяц, то есть к 26 ноября, Гитлер ответил, что это слишком поздно. Наступление начнется 12 ноября. Браухич и Гальдер ушли с совещания подавленные и побитые. В тот вечер они пытались утешить друг друга. Гальдер записал в своем дневнике, что Браухич «измотан и разочарован».

Заговор против Гитлера в Цоссене

Для заговорщиков опять настало время действовать — во всяком случае, так они думали. Незадачливые Браухич и Гальдер стояли перед суровой реальностью — либо осуществить третью «возможность», которую они обсуждали 14 октября, то есть устранить Гитлера, либо готовить наступление на Западе, которое, по их мнению, грозило Германии катастрофой. Как военные, так и гражданские заговорщики, разом ожившие, настаивали на первом варианте.

С момента начала войны их планы однажды уже срывались. Накануне нападения на Польшу из длительной отставки был вызван генерал фон Хаммерштейн и назначен командующим на Западе. В первую неделю войны он упрашивал Гитлера посетить его штаб–квартиру, чтобы показать, что он не пренебрегает Западным фронтом, хотя и занят захватом Польши. На самом деле Хаммерштейн, непримиримый противник Гитлера, собирался арестовать его при посещении штаба. Фабиан фон Шлабрендорф шепнул об этом заговоре Форбсу еще 3 сентября, во время торопливой встречи в берлинском отеле «Адлон», когда Англия объявила Германии войну. 26

Но фюрер отклонил приглашение бывшего главнокомандующего сухопутными войсками, а вскоре уволил его в отставку.

Заговорщики продолжали поддерживать контакт с англичанами. Потерпев неудачу в попытках предотвратить уничтожение Гитлером Польши, они сосредоточили свои усилия, чтобы не допустить распространения войны на Западе. Гражданские участники заговора понимали, что армия оказалась единственной организацией в рейхе, способной остановить Гитлера; после всеобщей мобилизации и молниеносной победы в Польше ее мощь и значение выросли неизмеримо. Однако ее разросшиеся размеры, как пытался объяснить им Гальдер, являлись также и препятствием. Офицерские кадры, раздутые за счет офицеров резерва, многие из которых были фанатичными нацистами, и солдатские массы оказались пропитаны нацистскими настроениями. Трудно было, указывал Гальдер — а он слыл большим мастером подчеркивать трудности другу или недругу, — отыскать такое армейское соединение, которое можно было бы вовлечь в заговор против фюрера.

Было и другое соображение, на которое указывали генералы и с которым гражданские заговорщики полностью соглашались. Если они поднимут бунт против Гитлера, сопровождаемый хаосом в армии и в стране, не воспользуются ли этим англичане и французы, чтобы напасть на Германию, оккупировать ее и навязать немецкому народу жесткие условия мира, несмотря на то что он свергнет своего преступного лидера? Поэтому нужно поддерживать контакт с англичанами, чтобы иметь четкую договоренность, что западные союзники не воспользуются благоприятными для них условиями в случае антинацистского заговора.

Для поддержания контактов использовали несколько каналов. Один из них осуществлял через Ватикан доктор Йозеф Мюллер, ведущий мюнхенский адвокат, убежденный католик, человек столь крупного телосложения, огромной энергии и стойкости,

что в молодости его прозвали «быком». В самом начале октября с молчаливого согласия полковника Остера из абвера Мюллер отправился в Рим и установил в Ватикане контакт с английским посланником при святейшем престоле. Согласно немецким источникам, он сумел получить не только заверения от англичанина, но и согласие самого папы римского выступить в качестве посредника между будущим антинацистским режимом в Германии и Англией.

Другой канал проходил через Берн. Вайцзекер направил туда Теодора Кордта, в недавнем прошлом немецкого поверенного в посольстве в Лондоне, в качестве атташе немецкой дипломатической миссии, и именно здесь, в швейцарской столице, он встречал иногда англичанина доктора Филипа Конуэлл–Эванса, который, будучи профессором университета в Кенигсберге, считался экспертом по нацизму и до некоторой степени сочувствовал ему. В конце октября Конуэлл–Эванс доставил Кордту известие, которое тот охарактеризовал впоследствии как торжественное обещание Чемберлена сотрудничать с будущим антинацистским правительством Германии на справедливой основе. Фактически же англичанин доставил лишь выдержки из речи Чемберлена в палате общин, где премьер–министр, отклоняя мирные предложения Гитлера, заявил, что Англия не намерена «лишать законного места в Европе Германию, которая будет жить в мире и согласии с другими народами». Хотя это и подобные ему высказывания из выдержанной в дружественном по отношению к немецкому народу тоне речи, передававшейся по радио из Лондона, предположительно были услышаны заговорщиками, тем не менее они приветствовали «обязательство», доставленное в Берн неофициальным английским представителем, как акт исключительной важности. С этим «обязательством» и с английскими заверениями, которые, как они считали, получили через Ватикан, гражданские заговорщики с надеждой обратились к немецким генералам. С надеждой, но и с отчаянием. «Наша единственная надежда на спасение, говорил Вайцзекер 17 октября Хасселю, — связана с военным переворотом. Но как его осуществить?»

Времени оставалось совсем мало. Немецкое наступление через Бельгию и Голландию было запланировано на 12 ноября. Заговор необходимо было осуществить до этого срока, поскольку после нарушения Германией нейтралитета Бельгии, как предупреждал Хассель, получить «приличный» мир будет невозможно.

Существует несколько вариантов объяснений, данных участниками по поводу того, что же произошло потом, или, скорее, по поводу того, почему ничего не произошло. Эти объяснения крайне противоречивы. Генерал Гальдер, начальник генерального штаба сухопутных войск, как и во времена Мюнхена, был ключевой фигурой. Но он постоянно менял свои взгляды, колебался и путался. Во время допроса в Нюрнберге он объяснял, что действующая армия не могла поднять бунт, поскольку «ей противостоял хорошо вооруженный противник». Он утверждал, что обращался с призывом действовать к войскам тыла, которым не угрожал противник, но самое большее, чего ему удалось добиться от их командующего генерала Фридриха Фромма, — это согласия выполнить любой приказ Браухича.

Однако Браухич был еще более нерешительным, чем начальник генерального штаба. «Если у Браухича не хватает смелости принять решение, — говорил генерал Бек Гальдеру, — тогда вы должны принять решение и поставить его перед свершившимся фактом». Гальдер же настаивал на том, что поскольку Браухич является главнокомандующим сухопутными войсками, то вся ответственность ложится на него. Так они и перекладывали ответственность за принятие решения друг на друга. «Ни личные качества, ни полномочия не позволяли Гальдеру овладеть нынешней ситуацией», — с огорчением отметил в своем дневнике Хассель в конце октября.

Что касается Браухича, то он, по словам Бека, казался просто шестиклассником. И все же заговорщики, на этот раз возглавляемые генералом Томасом, армейским экспертом по экономике, и полковником Остером из абвера, работали на Гальдера, который в конце концов, как они надеялись, согласится организовать путч, как только Гитлер отдаст

окончательный приказ о наступлении на Западе. Сам Гальдер заявлял, что окончательное решение все же зависело от Браухича. Во всяком случае, 3 ноября, согласно утверждениям полковника Ганса Гроскурта из ОКБ, доверенного лица Гальдера и Остера, Гальдер по условленному каналу передал генералу Беку и Герделеру, двум главным заговорщикам, предупреждение находиться в готовности с 5 ноября. Цоссен, штаб–квартира командования сухопутных войск и генерального штаба сухопутных войск, стал очагом заговорщической деятельности.

5 ноября явилось днем свершения. В этот день должно было начаться перемещение войск на исходные позиции для наступления на Голландию, Бельгию и Люксембург. На этот же день назначили встречу Браухича с Гитлером, на которой должен был произойти откровенный обмен мнениями. Браухич и Гальдер 2 и 3 ноября посетили высших армейских командиров и убедились в их отрицательном отношении ко всей операции и ее исходу. «Ни одна высшая командная инстанция не рассматривает наступление… как обеспечивающее успех», — доверительно писал Гальдер в своем дневнике об итогах поездки. Так, набрав вполне достаточно доводов как от генералов на Западном фронте, так и от своих собственных и генералов Гальдера и Томаса, которые были сведены в меморандум, и прихватив с собой на всякий случай «контрмеморандум», как окрестил Гальдер ответ на меморандум Гитлера от 9 октября, главнокомандующий сухопутными войсками, полный решимости отговорить фюрера от наступления на Западе, 5 ноября отправился в Берлин, в имперскую канцелярию. Если Браухич теперь потерпит неудачу, он присоединится к заговору с целью устранить диктатора — так или примерно так оценивали ситуацию участники заговора. Они находились в состоянии крайнего возбуждения и наивысшего подъема. Герделер, по утверждению Гизевиуса, уже наскоро набросал состав временного антинацистского правительства, и генерал Бек, как человек мыслящий более трезво, был вынужден его сдерживать. Один Шахт был настроен крайне скептически. «Вот увидите, — говорил он, — Гитлер почует недоброе и завтра не примет вообще никакого решения».

Они, как обычно, ошиблись.

Браухич, как и следовало ожидать, ни своим меморандумом, ни донесениями от командующих армиями, ни своими доводами ничего не добился. Когда он сослался на плохие погодные условия на Западе в это время года, Гитлер отпарировал, что погода одинаково плохая как для немцев, так и для противника, более того, весной она может оказаться не лучше. Окончательно впав в отчаяние, бесхребетный Браухич стал уверять фюрера, что моральное состояние войск на Западе аналогично тому состоянию, в котором они находились в 1917–1918 годах, когда в германской армии получили широкое распространение пораженческие настроения, случаи неповиновения и даже бунт.

Услышав это, Гитлер, по словам Гальдера, чей дневник является основным свидетельством об этом секретном совещании Браухича с фюрером, пришел в ярость. «В каких частях имели место случаи нарушения дисциплины? требовательно вопрошал он. — Что случилось? Где?» Он кричал, что завтра вылетит туда сам. Бедный Браухич, как замечает Гальдер, преднамеренно преувеличил, «чтобы сдержать Гитлера», и теперь ощутил на себе всю силу неуправляемой ярости фюрера. «Какие акции предприняло командование? продолжал кричать фюрер. — Сколько смертных приговоров приведено в исполнение?» По его словам, «армия просто не желает драться».

«Дальше разговаривать было невозможно, — рассказывал Браухич на Нюрнбергском процессе, вспоминая этот неприятный эпизод. — Так я и ушел». Другие вспоминают: он вернулся в штаб в Цоссене, расположенный в 18 милях от Берлина, в таком состоянии, что некоторое время даже не мог связно изложить, что же там произошло.

Это был конец «цоссенского заговора». Он так же позорно провалился, как и «заговор Гальдера» в период Мюнхена. Каждый раз, когда заговорщики излагали условия, при которых они будут действовать, эти условия выполнялись. На этот раз Гитлер придерживался своего решения начать наступление на Западе 12 ноября. После того как ошеломленный Браухич покинул канцелярию фюрера, последний фактически еще раз

подтвердил свой приказ о наступлении 12 ноября телефонным звонком в Цоссен. Когда Гальдер попросил сделать подтверждение в письменной форме, Гитлер тотчас прислал его. Таким образом, заговорщики имели письменные доказательства, которые были нужны им для того, чтобы свергнуть фюрера, — приказ на наступление, который, по их мнению, должен был привести Германию к катастрофе. Но дальше они ничего не предприняли, а просто запаниковали. Начали поспешно сжигать бумаги, которые могли выдать их причастность к заговору, и заметать следы. Только полковник Остер, казалось, сохранял спокойствие. Он послал предупреждение бельгийскому и голландскому посольствам в Берлине, что наступление на Западном фронте начнется утром 12 ноября. Затем отправился в свою бесплодную поездку, чтобы еще раз попытаться уговорить генерала Вицлебена устранить Гитлера. Генералы, в том числе и Вицлебен, знали, что потерпели неудачу. Бывший ефрейтор снова одержал над ними верх, причем довольно легко. Спустя несколько дней Рундштедт, командующий группой армий «А», собрал командиров корпусов и дивизий, чтобы обсудить детали наступления. И хотя он все еще сомневался в успехе операции, тем не менее он посоветовал генералам отбросить свои сомнения. «Армии поставлена задача, — сказал он, — и она выполнит ее».

На следующий день после того, как Гитлер довел Браухича до нервного припадка, он принялся составлять воззвание к голландскому и бельгийскому народам, оправдывающее нападение на них. Гальдер записал в дневнике: «Повод — вступление французских войск».

Однако 7 ноября, к облегчению генералов, Гитлер отложил наступление.

Совершенно секретно Берлин,

7 ноября 1939 года

…Фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами, заслушав доклады о метеорологической обстановке и о положении на железнодорожном транспорте, приказал:

День «А» перенести на три дня. Следующее решение будет принято в 6 часов вечера 9 ноября 1939 года.

Кейтель

Это первая из четырнадцати отсрочек, принятых Гитлером в течение осени и зимы, копии которых были найдены в архивах ОКВ в конце войны. Они показывают, что фюрер никогда не отказывался от своего решения напасть на западных союзников; просто он переносил дату нападения со дня на день: с 9 ноября нападение было перенесено на 19 ноября; с 13 ноября — на 22 ноября и так далее, каждый раз с уведомлением за пять или шесть суток и, как правило, со ссылкой на плохие погодные условия.

Возможно, в определенной степени фюрера сдерживали генералы. Возможно, он все–таки осознал, что армия еще не готова. Его стратегические и тактические планы, бесспорно, не были в полной мере отработаны, ибо он все время вносил в них поправки.

Возможно, у Гитлера были и другие причины для первой отсрочки наступления. 7 ноября, когда было принято решение об отсрочке, немцев смутило совместное заявление короля Бельгии и королевы Нидерландов, в котором монархи предлагали свое посредничество в мирных переговорах, «пока война в Западной Европе не начала бушевать во всей ее разрушительной силе». При таких обстоятельствах было бы трудно убедить, как это пытался сделать Гитлер в воззвании, что германская армия вторгается на территорию Бельгии и Голландии, потому что стало известно, будто Франция собирается ввести в Бельгию свои войска. Возможно, Гитлер пронюхал, что его наступление через территорию маленькой нейтральной Бельгии не окажется внезапным, на что он рассчитывал. В конце октября Герделер совершил поездку в Брюссель с секретным поручением от Вайцзекера уговорить германского посла Бюлова–Шванте в частном порядке предупредить короля «об исключительно серьезном положении». Посол выполнил эту просьбу, и вскоре король Леопольд выехал в Гаагу, чтобы обсудить ситуацию с королевой Голландии и составить

совместную декларацию. Однако бельгийцы располагали более точной информацией. Частично, как мы убедились, она поступила от Остера. 8 ноября Бюлов–Шванте телеграфом предупредил Берлин: король Леопольд сообщил королеве Голландии, что располагает информацией о наращивании немецких войск на бельгийской границе, указывающем на подготовку немецкого наступления через Бельгию, которое начнется в ближайшие два–три дня.

Вечером 8 ноября и около полудня 9–го произошли два странных события взрыв бомбы, которым чуть было не убило Гитлера, и похищение эсэсовцами двух английских агентов в Голландии, недалеко от немецкой границы, которые сначала отвлекли нацистского главаря от планов нападения на Запад, но в конечном счете еще больше укрепили его престиж в Германии, до смерти напугав «цоссенских заговорщиков», фактически не имевших к этим двум событиям никакого отношения.

Похищение и взрыв бомбы в пивной

Спустя двенадцать минут после того, как вечером 8 ноября в мюнхенской пивной Гитлер закончил свою традиционную в ознаменование «пивного путча» 1923 года речь, обращенную к старым борцам, речь более короткую, чем обычно, там взорвалась бомба, заложенная в колонну за трибуной. При этом было убито семеро и ранено шестьдесят три человека. К тому времени все важные нацистские лидеры во главе с Гитлером поспешно покинули зал, хотя в предыдущие годы просиживали здесь за пивом гораздо дольше, предаваясь воспоминаниям со старыми товарищами по партии.

На следующее утро только газета «Фелькишер беобахтер» поместила сообщение о покушении на жизнь фюрера. Она обвиняла в этом подлом деле английскую секретную службу и даже самого Чемберлена. «Попытка «убийства», отметил я в тот вечер в своем дневнике, — несомненно настроит общественное мнение в пользу Гитлера и возбудит ненависть к Англии… Большинство из нас считают, что происшедшее попахивает так же, как и поджог рейхстага».

Только в воспаленном мозгу Геббельса могла родиться версия о причастности к этому делу английской секретной службы. Сразу же была предпринята попытка связать одно с другим. Часа через два после взрыва бомбы в Мюнхене Генрих Гиммлер, шеф СС и гестапо, позвонил в Дюссельдорф одному из своих молодых, но быстро растущих подчиненных — Вальтеру Шелленбергу и от имени фюрера приказал на следующий день пересечь голландскую границу и организовать похищение двух агентов английской секретной службы, с которыми Шелленберг поддерживал личный контакт.

Приказы Гиммлера привели к одному из самых странных инцидентов времен второй мировой войны. Более месяца Шелленберг, гангстер с университетским образованием, как и Альфред Науйокс, встречался в Голландии с двумя офицерами английской разведывательной службы — капитаном С. Пейном Вестом и майором Сти–венсом. Англичанам он представился майором Шеммелем, антинацистски настроенным офицером из ОКБ (Шелленберг взял имя реально существовавшего офицера), и убедительно поведал, что немецкие генералы настроены свергнуть Гитлера. Майор Шеммель (он же Шелленберг) говорил англичанам, будто немцы хотят получить от них заверения, что лондонское правительство отнесется положительно к новому антинацистскому режиму. Поскольку англичане, очевидно, уже слышали из других источников о существовании в Германии военного заговора, участники которого добивались точно таких же заверений, Лондон был заинтересован в развитии дальнейших контактов с майором Шеммелем. Бест и Стивенс снабдили его маленьким радиопередатчиком и приемником, после чего имели место многочисленные радиообмены и встречи в различных городах Голландии. К 7 ноября, когда обе стороны встретились в небольшом голландском городке Венло у немецкой границы, английские агенты передали Шеммелю послание из Лондона для лидеров немецкого

Сопротивления, в котором в довольно туманных выражениях излагалась основа для заключения справедливого мира с антинацистским режимом. Договорились, что на следующий день Шеммель привезет в Венло одного из будущих лидеров, немецкого генерала, чтобы начать конкретные переговоры. Эта встреча была перенесена на 9–е.

До этого момента цели обеих сторон были ясны. Англичане пытались установить прямой контакт с немецкими путчистами, чтобы оказать им помощь и поддержку. Гиммлер же пытался выяснить через англичан, кто входил в число заговорщиков и каковы их связи с секретной службой противника. Очевидно, что Гиммлер и Гитлер уже подозревали некоторых генералов, а также таких людей, как Остер и Канарис из абвера. Но теперь, в ночь на 8 ноября, Гитлер и Гиммлер поставили новую задачу: похитить Беста и Стивенса и обвинить этих двух агентов английской секретной службы в организации взрыва бомбы в мюнхенской пивной.

И вновь на сцене появляется уже знакомая нам личность — Альфред Науйокс, тот самый, который инсценировал нападение поляков на немецкую радиостанцию в Глейвице. С дюжиной крепких парней из службы безопасности (СД) он взялся помочь Шелленбергу осуществить похищение английских агентов. Акция прошла гладко. 9 ноября, в 4 часа дня, когда Шелленберг на террасе кафе в Венло потягивал маленькими глотками сок в ожидании Беста и Стивенса, два английских агента подъехали на своем «бьюике», припарковали машину за кафе и пошли… И тут по ним открыли огонь из эсэсовского автомобиля, в котором находились головорезы Науйокса. Лейтенант Клоп, офицер голландской разведки, обычно сопровождавший англичан на переговоры с Шелленбергом, был смертельно ранен. Англичан вместе с раненым лейтенантом люди Науйокса засунули в эсэсовскую автомашину, «точно несколько охапок сена», как позднее вспоминал Шелленберг, и на большой скорости укатили через государственную границу[12] в Германию.

Итак, 21 ноября Гиммлер публично заявил, что имел место заговор с целью убийства Гитлера в мюнхенской пивной. Взрыв был подготовлен и проведен по наущению английской секретной службы, два организатора — Стивенс и Бест были арестованы «на голландско–германской границе» на следующий после взрыва день.

Фактическим исполнителем был назван некто Георг Эльсер, немецкий коммунист, столяр, проживавший в Мюнхене.

Обстоятельства преступления, детально изложенные Гиммлером, вызвали у меня сомнения, о чем я не преминул записать в тот день в дневнике. Но поставленной цели он достиг. «Совершенно очевидно, что Гиммлер и его банда ставят своей целью, — отмечал я в дневнике, — убедить доверчивый немецкий народ, будто английское правительство пыталось выиграть войну путем убийства Гитлера и его главных помощников».

Тайна организации взрыва в мюнхенской пивной так и осталась не раскрытой до конца. Эльсер, хотя и не такой слабоумный, каким предстал Маринус ван дер Люббе в истории с поджогом рейхстага, оказался человеком ограниченным и совершенно бесхитростным. Он не только признал себя виновным в установке и подрыве бомбы, но и хвастался этим. Конечно, до взрыва ни с Вестом, ни со Стивенсом он никогда не встречался, зато за долгие годы пребывания в концентрационном лагере Заксенхаузен он познакомился с Вестом и рассказал ему длинную и запутанную историю.

Однажды в октябре в концентрационном лагере Дахау, куда Эльсер был заключен с середины лета как сочувствующий коммунистам, его вызвали в управление начальника лагеря, где представили двум незнакомым людям. Они объяснили Эльсеру, что возникла необходимость избавиться от некоторых «предательски» настроенных соратников фюрера путем подрыва бомбы в пивной «Бюргерброй–келлер» сразу же после того, как на вечере 8 ноября Гитлер обратится к присутствующим с традиционной речью и покинет зал. Бомбу

---

[12] Согласно официальной голландской версии, английская автомашина, в которой находились Стивенс, Бест и Клоп, была на буксире увезена немцами через границу, проходившую всего в 125 футах от места происшествия. — Прим. авт.

нужно было установить в колонне за трибуной. Поскольку Эльсер был столяром высокого класса, электриком и жестянщиком, ему и предложили выполнить все работы. Если он это сделает, ему дадут большую сумму денег и устроят побег в Швейцарию, чтобы он мог там жить в свое удовольствие. В подтверждение серьезности предложения ему обещали лучшее обращение до принятия им окончательного решения: улучшенное питание, гражданскую одежду, много сигарет, ибо он курил непрерывно, а также верстак и соответствующий столярный инструмент. Там, в лагере, Эльсер изготовил примитивное, но эффективное взрывное устройство с восьмисуточным часовым механизмом и с приспособлением для подрыва с помощью электропереключателя. Он утверждал, что однажды ноябрьским вечером его забрали из лагеря и доставили в пивной зал, где он и установил в колонне взрывное устройство.

Вечером 8 ноября, примерно в то время, когда должна была взорваться бомба, его, как позднее рассказывал он, доставили к швейцарской границе, предварительно выдав деньги и — что довольно любопытно — почтовую открытку с изображением зала пивной с колонной, на которой на месте заложенной бомбы была сделана пометка крестиком. Однако вместо того, чтобы помочь ему пересечь границу — и это, кажется, ужасно удивило туповатого столяра, — его вместе с почтовой открыткой и со всем прочим схватили гестаповцы. Позднее в гестапо его натаскивали с целью втянуть Веста и Стивенса в судебный процесс, на котором ему предстояло стать объектом всеобщего внимания[13].

Суд так никогда и не состоялся. Теперь нам известно, что Гиммлер по известным причинам не рискнул его устраивать. Мы знаем также, что в концентрационных лагерях Заксенхаузен и Дахау Эльсер жил в сносных условиях, вероятно, по распоряжению Гитлера, авторитет которого в глазах общественности после взрыва значительно возрос. Однако Гиммлер не спускал с Эльсера глаз до самого конца. Нельзя было допустить, чтобы столяр пережил войну и рассказал всю правду. И вот незадолго до ее окончания, точнее, 16 апреля 1945 года гестапо сообщило, что Георг Эльсер накануне погиб во время воздушного налета авиации союзников. Теперь мы знаем, что он был убит гестапо.

Гитлер обращается к своим генералам

Избежав смерти от покушения (или имитации его) и подавив сопротивление своих генералов, Гитлер вновь обратился к уточнению планов крупной наступательной операции на Западе. 20 ноября он издал Директиву №8 на ведение военных действий, приказав «сохранять готовность», с тем чтобы «немедленно воспользоваться благоприятными метеоусловиями», и изложил планы уничтожения Голландии и Бельгии. А затем, чтобы вдохнуть мужество в малодушных и поднять их настроение накануне крупных сражений, он счел необходимым днем 23 ноября собрать руководителей вермахта в имперской канцелярии.

Из всех секретных совещаний, состоявшихся у Гитлера, это, рассчитанное на то, чтобы вселить уверенность в военачальников, наилучшим образом разоблачает его политику. В обнаруженных союзниками архивных материалах ОКБ во Фленсбурге сохранились отрывки записи его выступления, сделанной неизвестным участником совещания.

---

[13] В лагере Дахау Эльсер рассказывал аналогичную историю пастору Нимеллеру, который утверждал, что организация взрыва была несомненно санкционирована самим Гитлером, чтобы поднять собственную популярность среди немецкого народа и вызвать военную истерию. Справедливости ради следует добавить, что, по мнению Гизевиуса, этого архиврага Гитлера, Гиммлера и Шелленберга, о чем он говорил в своих показаниях в Нюрнберге и писал в своей книге, Эльсер действительно готовил покушение на Гитлера и не было никаких нацистских соучастников. Шелленберг, как не очень надежный в данном случае источник, утверждает, что, хотя вначале он подозревал в причастности к взрыву Гиммлера и Гейдриха, затем, после допроса столяра и чтения протоколов, пришел к выводу, что действительно имело место покушение на фюрера. — Прим. авт.

«Цель этого совещания, — начал Гитлер, — довести до вас мои идеи о мире, которыми я руководствуюсь в преддверии будущих событий, и сообщить вам мои решения…»

В его голове перемешалось прошлое, настоящее и будущее, и перед этой группой избранных он, используя свое потрясающее красноречие и первобытную прямоту, сделал поразительные выводы из всего того, что переполняло его извращенный, но изобретательный ум, с убийственной точностью предсказав ход предстоящих событий. Трудно вообразить, чтобы кто–либо из слушавших его все еще сомневался, что человек, который в настоящее время держал в своих руках судьбу Германии, да и всего мира, страдает опасной манией величия.

«У меня достанет ясности ума, чтобы представить вероятный ход исторических событий, — сказал он, рассуждая о начальном периоде своей борьбы, — и твердой воли, чтобы принять жестокие решения… В качестве последнего фактора я со всей скромностью должен назвать собственную личность — я незаменим. Ни одна личность ни из военных, ни из гражданских кругов не смогла бы меня заменить. Попытки покушений могут повториться. Я убежден в силе своего разума и в своей решимости… Никто не сделал того, что сделал я… Я поднял немецкий народ на большую высоту, хотя сейчас нас и ненавидят во всем мире… Судьба рейха зависит лишь от меня. Я буду действовать в соответствии с вышеизложенным…»

Он пожурил своих генералов за их сомнения, когда он принимал нелегкое решение покинуть Лигу Наций, ввести всеобщую воинскую повинность, оккупировать Рейнскую демилитаризованную зону, укрепить ее оборону и захватить Австрию. «Число людей, веривших в успех, — сказал он, незначительно». «Следующим шагом была Богемия, Моравия и Польша», — цинично заявил он, перечисляя свои завоевания, чего так и не услышал, к сожалению, Чемберлен.

«…С самого начала я понимал, что не могу остановиться на Судетской области. Это было лишь частичное решение. Было решено занять Богемию. Затем последовало установление протектората — тем самым была создана основа для захвата Польши. Но в тот период мне еще не было ясно, должен ли я буду выступить сначала против Востока и затем против Запада или же наоборот… Объективно получилось так, что сначала пришлось начать борьбу против Польши. Возможно, мне возразят — борьба и снова борьба. В борьбе я вижу судьбу всего живого. Никто не может уйти от борьбы, если он не хочет погибнуть.

Рост численности нации требовал большего жизненного пространства. Целью моей являлось установление разумных пропорций между численностью нации и ее жизненным пространством. А этого можно добиться только путем борьбы. От решения этого вопроса не может уйти ни один народ; если он откажется от этого, он постепенно погибнет… Никакое умничанье здесь не поможет, решение возможно только с помощью меча. Народ, который не найдет в себе сил для борьбы, должен уйти со сцены…»

Вся беда немецких «руководящих личностей» прошлого, говорил Гитлер, в том числе Бисмарка и Мольтке, заключалась в том, что они не проявили «достаточной твердости», а «решения возможно было добиться лишь путем нападения на ту или иную страну при самых благоприятных условиях». Непонимание этого привело в 1914 году к войне на нескольких фронтах, что «не принесло решения проблемы».

«Сегодня, — продолжал Гитлер, — пишется второй акт этой драмы. В первый раз за последние 67 лет можно констатировать, что нам не придется вести войну на два фронта… Но никто не знает, как долго продлится это состояние… В принципе я создал вооруженные силы не для того, чтобы бездействовать. Решение действовать было во мне всегда».

Мысли о представившейся благоприятной возможности вести войну на одном фронте вернули фюрера к вопросу о России.

«Россия в настоящее время опасности не представляет. Сейчас она ослаблена в результате многих внутренних процессов. Кроме того, у нас есть договор с Россией. Однако договоры соблюдаются до тех пор, пока они целесообразны. Россия будет соблюдать договор лишь до тех пор, пока она будет считать его выгодным для себя… Сейчас Россия

решает большие задачи, прежде всего по укреплению своих позиций на Балтийском море. Мы сможем выступить против России лишь после того, как освободимся на Западе».

Что касается Италии, то многое зависит от Муссолини, смерть которого «может изменить все». «Как и смерть Сталина, смерть дуче таит для нас угрозу, — сокрушался фюрер. — А как легко может наступить смерть государственного деятеля, я сам недавно испытал». Гитлер считал, что «Америка благодаря принятым в ней законам о нейтралитете… опасности не представляет» и «помощь, оказываемая Америкой противнику, пока несущественна». «Все указывает на то, что настоящий момент благоприятен для нас, — утверждал фюрер, — но через шесть месяцев положение, быть может, станет иным». Поэтому он настроен решительно:

«Мое решение непоколебимо. В ближайшее время я выберу благоприятнейший момент и нападу на Францию и Англию. Нарушение нейтралитета Бельгии и Голландии не имеет никакого значения. Ни один человек не станет спрашивать об этом, когда мы победим. Мы не станем обосновывать нарушение нейтралитета так идиотски, как в 1914 году».

Наступление на Западе, говорил Гитлер своим генералам, означало «окончание мировой войны, а не отдельной кампании. Речь идет не о каком–то частном вопросе, а о жизни или смерти нации». Затем он пустился в разглагольствования:

«Всех нас должны вдохновлять идеи великих людей нашей истории. Судьба требует от нас не больше того, что она требовала от великих людей германской истории. Пока я жив, я буду думать только о победе моего народа. Я ни перед чем не остановлюсь и уничтожу каждого, кто против меня… Я намерен уничтожить врага…»

Это была эффектная речь, и, насколько известно, ни один генерал не поднял свой голос, чтобы высказать сомнения, имевшиеся почти у всех армейских командующих, относительно успеха наступления в это время или относительно аморальности нападения на Бельгию и Голландию, нейтралитет которых и незыблемость границ Германия торжественно гарантировала. По утверждению некоторых присутствовавших на этом совещании генералов, замечания Гитлера относительно невысокого духа в высших армейских эшелонах и генеральном штабе были высказаны в куда более сильных выражениях, чем в приведенной записи.

В этот же день, в шесть часов вечера, нацистский диктатор вновь послал за Браухичем и Гальдером. Начальника генерального штаба сухопутных войск он продержал в приемной как провинившегося мальчишку, а главнокомандующему прочитал мораль о «цоссенском духе». Главное командование сухопутных войск (ОКХ) Гитлер обвинял в пораженческих настроениях, а генеральный штаб, возглавляемый Гальдером, в том, что он «проявляет упрямство, которое мешает ему присоединиться к фюреру и поддерживать его». Униженный Браухич, согласно его показаниям, данным позднее в Нюрнберге, предложил свою отставку, но Гитлер не принял ее, резко напомнив главнокомандующему, что он «обязан выполнять… долг и обязанности точно так же, как любой другой солдат». В тот вечер Гальдер нацарапал стенографическим знаком в своем дневнике: «День кризиса!»

День 23 ноября 1939 года во многих отношениях стал вехой в развитии событий. Он ознаменовал собой решительную победу Гитлера над армией, которая в первую мировую войну свергла императора Вильгельма II и взяла на себя высшую политическую и военную власть в Германии. С этого дня бывший австрийский ефрейтор начал оценивать свои не только политические, но и военные суждения как более квалифицированные, чем суждения его генералов, и перестал прислушиваться к их советам, отвергая их критику, что в конечном счете привело к катастрофе.

«Произошел конфликт, — говорил на суде в Нюрнберге Браухич, описывая события 23 ноября, — который позднее был улажен, но так и не залатан до конца».

Более того, разглагольствования Гитлера перед генералами в тот осенний день полностью отбили у Гальдера и Браухича охоту помышлять о свержении нацистского диктатора. Он ведь предупредил, что уничтожит любого, кто встанет на его пути, и, по словам Гальдера, намеренно добавил, что подавит любую оппозицию со стороны

«генерального штаба «со всей жестокостью».

По крайней мере, в то время Гальдер не был тем человеком, который смело встречает столь серьезные угрозы. Когда спустя четыре дня, 27 ноября, генерал Томас по настоянию Шахта и Попитца явился к Гальдеру с просьбой уговорить Браухича действовать против фюрера (по воспоминаниям Гальдера, Томас сказал: «Гитлера нужно устранить!»), начальник генерального штаба напомнил ему о возникших трудностях, заметив, что не уверен в желании Браухича принять «активное участие в перевороте».

Спустя несколько дней Гальдер привел Герделеру довольно смехотворные доводы, мотивируя ими отказ от дальнейших планов свержения нацистского диктатора. Хассель записал их в своем дневнике. Кроме того факта, что «нельзя устраивать бунт в то время, когда стоишь лицом к лицу перед противником», Гальдер выдвинул следующие причины: «Необходимо дать Гитлеру последний шанс избавить немецкий народ от рабства британского капитализма… Другого столь крупного деятеля сегодня нет… Оппозиция еще не созрела… Нельзя быть уверенными в молодых офицерах». Хассель обратился к адмиралу Канарису, одному из основных заговорщиков, с просьбой продолжить начатое дело, но ничего не добился. «Он уже не надеется, что генералы способны оказать сопротивление, — записал в своем дневнике 30 ноября бывший посол, и считает, что предпринимать что–либо в этом направлении бесполезно». Немного позднее Хассель отмечал, что «Гальдер и Браухич для Гитлера не более чем мальчики, подносящие клюшки и мячи во время игры в гольф».

Нацистский террор в Польше (первая фаза)

Прошло немного времени после нападения на Польшу, как в моем дневнике начали появляться заметки о нацистском терроре в захваченной стране. И последующие страницы дневника полны подобных записей. 19 октября Хассель сообщил, что слышал об «ужасных жестокостях эсэсовцев, особенно в отношении евреев». Еще позднее он доверительно изложил в своем дневнике историю, рассказанную ему немецким землевладельцем из провинции Позен[14]. «Последнее, что он там видел, — это пьяный партийный лидер, который приказал открыть тюрьму, застрелил пять проституток и пытался изнасиловать еще двух».

18 октября Гальдер записал в своем дневнике основные пункты, обговоренные с Эдуардом Вагнером, генерал–квартирмейстером, который в тот день совещался с Гитлером относительно будущего Польши. Будущее ее представлялось мрачным.

«Мы не хотим оздоровления Польши… Польша должна управляться самостоятельно. Ее не следует превращать в образцовое, по немецким понятиям, государство. Не допустить, чтобы польская интеллигенция стала новым правящим классом. Жизненный уровень должен оставаться крайне низким. Дешевые рабы… Добиться всеобщей дезорганизации в экономике. Никакой помощи от имперских инстанций! Рейх должен только обеспечить генерал–губернатору средства для осуществления этого дьявольского плана». И рейх обеспечивал.

Теперь на основе захваченных немецких документов и показаний свидетелей на различных судебных процессах в Нюрнберге можно коротко описать, как стал осуществляться нацистский террор в Польше. Но это было только начало тех мрачных злодеяний, которые впоследствии немцы совершали во всех захваченных ими странах. Однако самые ужасные злодеяния они совершили в Польше, где нацистское варварство достигло невероятных масштабов.

Перед самым нападением на Польшу на совещании в Оберзальцберге 22 августа Гитлер говорил своим генералам, что там начнут твориться такие дела, которые им не понравятся, и

---

[14] Немецкое название Познани. — Прим. ред.

предупредил, чтобы они в подобные дела «не вмешивались, ограничиваясь выполнением своих чисто военных обязанностей». Он знал, о чем говорил. Автора этих строк как в Берлине, так и в Польше вскоре завалили сообщениями об устраиваемых нацистами убийствах. Доходили эти сообщения и до генералов. 10 сентября, когда польская кампания была в полном разгаре, Гальдер занес в свой дневник случай, который вскоре стал широко известен в Берлине. Несколько бандюг из эсэсовского артиллерийского полка привели пятьдесят евреев на ремонт моста; когда те после целого дня напряженной работы закончили ремонт, эсэсовцы загнали их в синагогу и устроили там побоище, уничтожив всех до одного. Даже генерал фон Кюхлер, командующий 3–й армией, который впоследствии не мучился угрызениями совести, отказался утвердить вынесенные убийцам приговоры военно–полевого суда — один год тюрьмы на том основании, что наказания оказались слишком мягкими. Однако главнокомандующий армией Браухич после вмешательства Гиммлера вообще отменил приговоры, сославшись на то, что осужденные подпадают под общую амнистию.

Немецких генералов, считавших себя истинными христианами, это смущало. 12 сентября в вагоне фюрера состоялось совещание между Кейтелем и адмиралом Канарисом, на котором последний протестовал против зверств, творимых в Польше. Подхалимствующий шеф штаба ОКБ коротко заметил в ответ, что «фюрер уже решил этот вопрос». Если армия хочет оставаться «непричастной к подобным происшествиям, то ей придется принять эсэсовских комиссаров в каждую воинскую часть для осуществления этих убийств».

«Я указал генералу Кейтелю, — записал Канарис в своем дневнике, который был предъявлен суду в Нюрнберге, — что знаю о запланированных в широких масштабах казнях в Польше, особенно в среде аристократии и духовенства. В конечном счете мир возложит ответственность за эти деяния на вермахт».

Гиммлер был слишком хитер, чтобы позволить генералам хоть частично уйти от ответственности за творимые злодеяния. 19 сентября Гейдрих, главный помощник Гиммлера, посетил главное командование вермахта и сообщил генералу Вагнеру о планах эсэсовцев относительно чистки среди польских евреев, интеллигенции, духовенства и дворянства. Свою реакцию на сообщение Вагнера Гальдер поспешил отразить в дневнике:

«Требования армии: «чистку» начать после вывода войск и передачи управления постоянной гражданской администрации, то есть в начале декабря».

Эта краткая дневниковая запись начальника генерального штаба сухопутных войск дает ключ к пониманию морали немецких генералов. Всерьез противиться «чистке», то есть уничтожению польских евреев, интеллигенции, духовенства и дворянства, они не собирались. Просто намеревались просить отсрочить ее до вывода армии из Польши, чтобы тем самым снять с себя ответственность. Кроме того, необходимо было считаться с международным общественным мнением. На следующий день после долгого обсуждения этого вопроса с Браухичем Гальдер записал в дневнике:

«Не должно произойти ничего такого, что могло бы дать повод к развертыванию за границей пропаганды о зверствах немцев. (Католическое духовенство! В настоящее время еще невозможно лишить его влияния на польское население.)»

21 сентября Гейдрих передал высшему командованию вермахта копию своего первоначального плана «чистки» в Польше. В качестве первого шага предусматривалось собрать всех евреев в города (где их было бы легко сгонять в определенные места для уничтожения). Для «окончательного решения» потребуется некоторое время, и этот вопрос должен оставаться в строжайшей тайне, но ни у одного генерала, ознакомившегося с этим конфиденциальным меморандумом, не могло остаться сомнений в том, что под «окончательным решением» подразумевалось уничтожение. В течение двух лет, когда подошло время для его осуществления, оно превратилось в одно из наиболее зловещих кодовых названий, которыми пользовались высшие немецкие чиновники, чтобы прикрыть наиболее ужасные нацистские преступления в годы войны.

То, что осталось от Польши после того, как Россия захватила свою часть на востоке, а Германия официально аннексировала свои бывшие земли и некоторые территории на западе,

декретом Гитлера от 12 октября получило наименование Польского генерал–губернаторства (Ганс Франк занял пост генерал–губернатора, а Зейсс–Инкварт, венский квислинг, стал его заместителем).

Франк представлял собой типичный образец нацистского гангстера–интеллектуала. Он вступил в нацистскую партию в 1927 году, по окончании юридической школы, и быстро приобрел среди нацистов репутацию знатока юриспруденции. Остроумный, энергичный, начитанный, поклонник искусств, особенно музыки, он стал крупной фигурой в юридическом мире после прихода к власти нацистов, занимая сначала пост министра юстиции Баварии, а затем рейхс–министра без портфеля и президента юридической академии и ассоциации немецких адвокатов. Смуглый щеголь, крупного телосложения, отец пятерых детей, Франк умело скрывал свою изуверскую сущность под маской интеллектуала и оттого казался менее отталкивающей фигурой среди окружения Гитлера. Но за внешним лоском таился хладнокровный убийца. Он вел журнал о своей жизни и деятельности, который составил сорок два тома и был представлен суду в Нюрнберге[15]. Это один из самых зловещих документов, выплывших на свет из нацистского мрака, в котором автор предстает как человек знающий свое дело, холодный, безжалостный и кровожадный. Очевидно, в журнале нашли отражение все его варварские высказывания.

«Поляки будут рабами германского рейха», — заявил он на второй день своего пребывания в новой роли. Когда однажды он услышал, что протектор Богемии Нейрат приказал вывесить объявление о казни семи чешских студентов, то, по свидетельству нацистского журналиста, воскликнул: «Если бы я приказал вывешивать объявления о казни каждых семи поляков, то на территории Польши не хватило бы леса на изготовление бумаги для таких объявлений».

Гитлер поручил уничтожение евреев Гиммлеру и Гейдриху. В обязанности Франка кроме изъятия у населения продовольствия, поставок сырья и принудительной рабочей силы из Польши в рейх входило уничтожение интеллигенции. Этой операции нацисты дали кодовое название «Экстраординарная акция умиротворения» (или «Акция АВ»). Франку потребовалось время, чтобы осуществить задуманное. О первых результатах стало известно на исходе весны следующего года, когда крупное немецкое наступление на Западе отвлекло внимание мировой общественности от Польши. К 30 мая, как явствует из журнала Франка, он уже мог похвастаться в доверительной беседе, что в деле наметился прогресс — несколько тысяч польских интеллигентов лишены жизни или будут вот–вот лишены.

«Умоляю вас, господа, — говорил он, — принимать самые строгие меры, чтобы помочь нам в этом деле». И при этом добавлял, что это приказ фюрера. По его словам, Гитлер выразил свою мысль таким образом:

«Мужчины, способные руководить в Польше, должны быть ликвидированы. Те, которые следуют за ними… должны быть уничтожены в свою очередь. Нет надобности перегружать рейх… нет надобности отправлять подобные элементы в концентрационные лагеря рейха».

Фюрер объяснил, что их надо ликвидировать прямо здесь, в Польше. На совещании, как записал в своем журнале Франк, начальник полиции безопасности сообщил о ходе выполнения операции «Акция АВ». Он доложил, что около двух тысяч мужчин и несколько сот женщин были задержаны в начале «экстраординарной акции умиротворения» и большинство из них уже «суммарно осуждены» — нацистский эвфемизм, означающий уничтожение. В настоящее время готовится новая партия интеллигентов для «суммарного осуждения». А всего для этой акции будет подготовлено около 3500 человек польских интеллигентов из числа наиболее опасных.

Франк не пренебрегал еврейской проблемой, несмотря на то, что гестапо освободило

---

[15] Журнал был обнаружен в мае 1945 года лейтенантом Вальтером Штейном из американской 7–й армии в апартаментах Франка в гостинице «Бергхоф», расположенной возле Нойхауса в Баварии. — Прим авт.

его от непосредственного участия в истреблении евреев. Его журнал пестрит соображениями и выводами, связанными с осуществлением этой акции. 7 октября 1940 года он записал в журнал свою речь по итогам первого года, с которой он обратился к нацистскому сборищу в Польше:

«Дорогие камерады! …Я не мог уничтожить всех вшей и евреев за один год. («Публику это позабавило», — отметил он в этом месте записи.) Но со временем, если вы мне поможете, эта цель будет достигнута».

Через год, за две недели до рождества, закрывая совещание руководящего состава в штаб–квартире в Кракове, Франк произнес такие слова:

«Что касается евреев, то хочу вам сказать совершенно откровенно, что их нужно убрать так или иначе… Господа, я вынужден просить вас избавиться от какой бы то ни было жалости. Наш долг — уничтожить евреев».

И далее он признался, что «расстрелять или отравить три с половиной миллиона евреев в генерал–губернаторстве трудно», но заверил, что в состоянии «принять такие меры, которые все же приведут к их уничтожению». Судьба евреев была предопределена.

Охота за евреями и поляками, выселение из домов, в которых проживали их предки, начались сразу по завершении военных действий в Польше. 7 октября, на следующий после «мирной речи» в рейхстаге день, Гитлер назначил Гиммлера руководителем новой организации — имперского комиссариата по укреплению германской нации. Эта организация должна была осуществить депортацию поляков и евреев из польских провинций, аннексированных Германией, и заменить их немцами и фольксдойче (последние представляли собой иностранцев немецкого происхождения, бежавших сюда из Прибалтийских государств и различных областей Польши). Гальдер слышал про этот план еще две недели назад и в дневнике отметил: «Из этих областей выселять вдвое больше поляков, чем туда прибудет немцев».

9 октября, через два дня после принятия на себя функций главы новой организации, Гиммлер издал распоряжение переместить 550 тысяч евреев из 650 тысяч, проживающих на аннексированных польских территориях, вместе с поляками, непригодными для «ассимиляции», на территорию генерал–губернаторства, к востоку от Вислы. Нацисты перегнали на восток в течение года 1 миллион 200 тысяч поляков и 300 тысяч евреев, и только 497 тысяч фольксдойче расселились на месте их проживания. Это было несколько лучшее соотношение, чем у Гальдера: изгонялись три поляка и еврея, а на их место поселялся один немец.

Зима 1939/40 года выдалась, помнится, необычайно суровая и снежная, и переселение в этих условиях уносило жертв не меньше, чем нацистские пули и виселицы. Подтверждением могут служить высказывания такого авторитета, как Гиммлер. Обращаясь к дивизии СС «Лейбштандарт» после падения Франции, он провел параллель между депортациями, осуществляемыми его людьми на Западе, и депортациями, проводимыми на Востоке.

«В Польше случалось, что мы должны были гнать при 40–градусном морозе тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч; там нам нужно было проявлять твердость вы должны об этом узнать, чтобы тут же забыть, — чтобы расстреливать тысячи видных польских деятелей… Господа, во многих случаях гораздо легче идти в бой с ротой, чем подавлять ставшее помехой население с низким уровнем культуры, осуществлять казни и гнать людей, как скот, или выгонять из домов истерично рыдающих женщин».

Уже 21 февраля 1940 года оберфюрер СС Рихард Глюке, начальник инспекции в управлении концентрационных лагерей, выяснив обстановку в районе Кракова, информировал Гиммлера, что нашел «подходящее место» для нового «карантинного лагеря» возле Аушвица[16] в заброшенном и заболоченном районе с 12 тысячами жителей, где кроме

---

[16] Немецкое название Освенцима. В этом крупнейшем концентрационном лагере гитлеровцами в годы войны было истреблено свыше 4 миллионов человек. Освобожден Красной Армией 27 января 1945 года. — Прим. тит. ред.

нескольких фабрик находились бывшие австрийские кавалерийские казармы. Работы начались немедленно, и уже 14 июня Аушвиц начал функционировать как концентрационный лагерь для польских политических заключенных, с которыми немцам предписывалось обращаться с особой суровостью. Вскоре Аушвицу суждено было стать куда более зловещим местом. Между тем руководство «И. Г. Фарбениндустри», крупнейшего немецкого химического концерна, выбрало Аушвиц как вполне подходящее место для нового завода по производству синтетического топлива и каучука. Оно возлагало надежды на дешевый рабский труд, необходимый не только для строительства новых корпусов, но и для эксплуатации новых предприятий.

Весной 1940 года в Аушвиц для управления лагерем и снабжения «И. Г. Фарбениндустри» рабской рабочей силой прибыла шайка отъявленных мерзавцев из СС, в том числе Йозеф Крамер, впоследствии известный у англичан как «бельзенский зверь», и Рудольф Франц Зесс, отсидевший пять лет в тюрьме за убийство (он вообще основную часть своей жизни провел в тюрьме: сначала в качестве заключенного, затем — тюремщика), а в 1946 году, в возрасте сорока шести лет, хваставшийся в Нюрнберге тем, что в Аушвице под его руководством было уничтожено 2,5 миллиона людей, не считая полмиллиона, которым было позволено «умереть от истощения».

Вскоре Аушвиц превратится в наиболее известный лагерь уничтожения, который следует отличать от концентрационных лагерей, где кое–кто все–таки выживал. Немаловажное значение для понимания психологии немцев имеет тот факт, что при Гитлере даже такие респектабельные немцы, как директора всемирно известной фирмы «И. Г. Фарбениндустри», ведущие бизнесмены Германии, люди набожные, намеренно выбрали район лагеря смерти как наиболее подходящее для обеспечения прибылей своему предприятию место.

Трения между Германией и Италией

Ось Рим — Берлин в ту первую военную осень начала скрипеть. Разногласия вылились в обмены резкими посланиями на различных уровнях: немцы не выполнили обещание эвакуировать всех фольксдойче из итальянского Южного Тироля, о чем была достигнута договоренность в июне прошлого года; немцы не соблюдали график ежемесячной поставки угля в размере 1 миллиона тонн; итальянцы нарушали обещание поставлять Германии сырье через свою территорию в обход английской блокады; Италия активно торговала с Англией и Францией, в том числе продавала им военные материалы; усиливались антигерманские настроения у Чиано. Муссолини, как обычно, колебался, и Чиано отразил это в своем дневнике. 9 ноября у дуче возникли трудности при составлении поздравительной телеграммы по случаю неудавшегося покушения на жизнь фюрера. Он хотел, чтобы телеграмма была теплой, но не слишком, так как, по его мнению, ни один итальянец не испытал особой радости по поводу того, что Гитлер избежал смерти, а меньше всех сам дуче.

«20 ноября… Для Муссолини мысль о том, что Гитлер ведет войну и — что еще хуже — выигрывает ее, просто невыносима».

На второй день после рождества дуче желал поражения немцам и дал указание Чиано секретно сообщить Бельгии и Голландии, что на них готовится нападение[17]. Однако накануне Нового года он снова заговорил о вступлении в войну на стороне Гитлера.

Главной причиной трений между державами оси являлась прорусская политика Германии. 30 ноября 1939 года Красная Армия напала на Финляндию, и Гитлер оказался в самом унизительном положении. Пакт со Сталиным предусматривал срочную эвакуацию из

---

[17] Чиано передал предупреждение бельгийскому послу в Риме 2 января, как об этом записано в его дневнике. Согласно Вайцзекеру, немцы перехватили две шифрованные телеграммы бельгийского посла в Брюссель с предупреждениями итальянцев и расшифровали их. — Прим. авт.

Прибалтики немецких семей, проживавших там на протяжении столетий. Теперь Гитлеру пришлось официально простить неспровоцированное нападение России на маленькую страну, которая имела тесные связи с Германией и независимость которой была получена, главным образом, в результате интервенции регулярных германских войск в 1918 году[18]. Горькая пилюля, но ему пришлось ее проглотить. Немецкие дипломатические миссии, а также пресса и радио получили строгие инструкции поддержать агрессию России и избегать выражения какого–либо сочувствия финнам.

Возможно, это явилось последней соломинкой для Муссолини, которому нужно было расправляться с антинемецкими демонстрациями, охватившими Италию. Во всяком случае, 3 января нового, 1940 года дуче написал обстоятельное письмо, как бы снимая тяжелый груз со своих плеч. Никогда ранее и, разумеется, никогда потом дуче не был столь откровенен с Гитлером и не выражал готовности давать ему столь резкие и неприятные советы.

Дуче писал, что глубоко убежден: Германия даже при поддержке Италии никогда не сможет «поставить на колени Англию и Францию или хотя бы разорвать их союз. Верить в это — значит обманывать себя. Соединенные Штаты не допустят полного поражения этих демократий». Поэтому теперь, когда Гитлер обеспечил безопасность своих восточных границ, какая необходимость «рисковать всем, в том числе и режимом, и приносить в жертву цвет нации», чтобы попытаться нанести им поражение? Можно было бы заполучить мир, утверждал Муссолини, если бы Германия смирилась с существованием некоей «скромной, разоруженной Польши, которая была бы только польским государством». «Если бы вы не были непоколебимо настроены вести войну до конца, — добавил дуче, — то я считаю, что создание польского государства… явилось бы фактором, который положил бы конец войне и создал предпосылки для заключения мира».

Но больше всего итальянского диктатора беспокоила сделка Германии с Россией.

«…Не участвуя в войне, Россия получила большой выигрыш в Польше и Прибалтике. Но я, прирожденный революционер, говорю вам, что вы не можете постоянно жертвовать принципами вашей революции из тактических соображений текущего политического момента… Мой прямой долг добавить, что еще один шаг к сближению с Москвой будет иметь катастрофические отзвуки в Италии…»

Письмо Муссолини не только свидетельствовало об ухудшении итало–германских отношений, но и било по уязвимому месту: по медовому месяцу фюрера с Советской Россией, который начал действовать на нервы обеим сторонам. Сделка с Россией позволила фюреру напасть на Польшу и уничтожить ее. Кроме того, она принесла ему выгоды иного порядка. Из захваченных немецких документов стал, например, известен один из наиболее строго охраняемых секретов: Германия осуществляла импорт остро дефицитного сырья для военной промышленности через предоставленные Советским Союзом порты в Арктике, на Черном море и на побережье Тихого океана, поскольку другие районы оказались недоступны для немцев в результате английской морской блокады.

10 ноября 1939 года Молотов согласился даже оплатить перевозку грузов по русским железным дорогам. Немецкие корабли, в том числе подводные лодки, пополнялись топливом и ремонтировались в арктическом порту Териберка, восточнее Мурманска, — Молотов считал, что Мурманск «недостаточно изолирован», в то время как Териберка являлась «более отдаленной и не посещалась иностранными судами».

Всю осень и начало зимы 1939 года между Москвой и Берлином велись непрерывные переговоры об увеличении объема торговли. К концу октября русские поставки сырья в Германию, особенно зерна и нефти, значительно возросли, но немцы хотели еще больше. Однако они начали понимать, что в экономике, как и в политике, Советы являлись упрямым

---

[18] 9 октября 1918 года — это малоизвестный забавный эпизод в истории — финский парламент под впечатлением, что Германия выигрывает войну, избрал 75 голосами «за» и 25 голосами «против» принца Фридриха Карла Гессенского королем Финляндии. Победа, одержанная союзниками через месяц после «выборов», положила конец этому надуманному варианту. — Прим авт.

и ловким партнером. 1 ноября фельдмаршал Геринг, гросс–адмирал Редер и генерал–полковник Кейтель «независимо друг от друга», как отметил Вайцзекер, заявили протест министерству иностранных дел по поводу чрезмерных требований русских на поставки немецких военных материалов. Спустя месяц Кейтель вновь жаловался Вайцзекеру, что русские требования на поставки немецкой продукции, особенно станков по производству военного снаряжения, «становились все более непомерными». Но если Германия хочет получать продовольствие и нефть из России, то ей придется платить теми товарами, в которых нуждается Москва. Английская блокада настолько ощутимо ударила по рейху, что потребность в русском сырье приобрела острейший характер, и 30 марта 1940 года, в самый критический момент, Гитлер распорядился, чтобы поставки военных материалов русским пользовались приоритетом даже над поставками германским вооруженным силам [19]. Одновременно немцы предложили Москве недостроенный тяжелый крейсер «Лютцов» в качестве частичной компенсации за текущие поставки. Еще раньше, 15 декабря, адмирал Редер предложил продать русским планы и чертежи строившегося тогда крупнейшего в мире линкора «Бисмарк» водоизмещением 45 тысяч тонн, если русские заплатят «очень высокую цену».

В конце 1939 года Сталин сам принял участие в переговорах с немецкой торговой делегацией в Москве. Немецкие экономисты нашли его очень трудным партнером. В захваченных на Вильгельмштрассе документах были обнаружены длинные и обстоятельные меморандумы о трех примечательных встречах с внушающим страх советским диктатором, который обладал способностью вникать в такие детали, что поражал немцев. Как выяснилось, Сталина невозможно было обмануть, а иногда он становился настолько требовательным, что, как докладывал в Берлин один из участников переговоров, доктор Шнурре, «приходил в крайнее возбуждение». Советский Союз, напоминал Сталин немцам, «оказал Германии исключительно большую услугу (и) приобрел себе врагов за оказание этой помощи». В ответ Советский Союз ожидает от Берлина понимания этого обстоятельства. На совещании в Кремле в преддверии Нового, 1940 года Сталин заявил, что цена за самолеты непомерна и во много раз превышает их реальную стоимость. Если Германия не хочет поставлять их Советскому Союзу, то он предпочитает, чтобы об этом было сказано открыто.

На ночном совещании в Кремле 8 февраля Сталин попросил немцев не устанавливать слишком высокие цены, как это случалось раньше. В качестве примеров он упомянул сумму на 300 миллионов рейхсмарок за самолеты и 150 миллионов марок за крейсер «Лютцов». Он советовал не злоупотреблять благожелательностью Советского Союза.

11 февраля 1940 года в Москве было наконец подписано замысловатое торговое соглашение, предусматривавшее обмен товарами в течение ближайших восемнадцати месяцев на общую сумму не менее 640 миллионов рейхсмарок. Это явилось дополнением к предыдущему торговому соглашению, подписанному в августе прошлого года и предусматривавшему товарный обмен на 150 миллионов в год. Россия должна была получить кроме крейсера «Лютцов» и проектной документации на «Бисмарк» тяжелые морские орудия и другое оборудование, а также примерно 30 самолетов новейших марок, в том числе истребители «Мессершмитт–109» и «Мессершмитт–110» и пикирующие бомбардировщики «Юнкерс–88». Кроме того, Советский Союз должен был получить машины и оборудование для нефтяной и электротехнической промышленности, локомотивы, турбины, генераторы, дизельные двигатели, корабли, станки и образцы немецкой артиллерии, танков, взрывчатых веществ, оснащение для ведения химической войны и т. д.

То, что немцы получили в первый год, зарегистрировано ОКБ — один миллион тонн зерновых, полмиллиона тонн пшеницы, 900 тысяч тонн нефти, 100 тысяч тонн хлопка, 500

---

[19] После захвата Франции, Бельгии и Голландии Геринг информировал генерала Томаса начальника экономической службы ОКБ, что «фюрер желает пунктуального соблюдения соглашения о поставках русским только до весны 1941 года». «В дальнейшем, — добавил он, — мы не будем заинтересованы в полном удовлетворении русских требований». — Прим. авт.

тысяч тонн фосфатов, значительное количество другого сырья и один миллион тонн соевых бобов транзитом из Маньчжурии.

А в Берлине доктор Шнурре, экономический эксперт министерства иностранных дел, возглавлявший немецкую торговую делегацию на переговорах в Москве, подготовил длинный меморандум о том, что он выиграл для рейха. Помимо остро необходимого для военного производства сырья, которое Россия будет поставлять в Германию, Сталин, по словам Шнурре, обещал «щедрую помощь… в качестве покупателя металлов и сырья в третьих странах».

«Соглашение, — писал в заключение Шнурре, — означает широко открытую для нас дверь на Восток… Влияние английской блокады будет решающим образом ослаблено».

В этом заключалась одна из причин, вынуждавших Гитлера проглотить горькую пилюлю, поддержать агрессию русских против Финляндии, весьма непопулярную в Германии, и примириться с тем, что появление советских войск и летчиков на создаваемых на территории трех Прибалтийских государств базах представляло угрозу для Германии (в конечном счете против кого, как не против Германии, они будут использованы?). Сталин помогал ему преодолеть английскую блокаду. Но еще более важно то, что Сталин давал ему возможность вести войну на одном фронте, сосредоточить всю свою военную мощь на Западе, чтобы нокаутировать Францию и Англию, захватить Бельгию и Голландию, после чего… Ну да ладно, о том, что он задумал, Гитлер уже говорил своим генералам.

Еще 17 октября 1939 года, когда едва закончилась польская кампания, он напомнил Кейтелю, что польская территория является важной с военной точки зрения как передовой плацдарм и как место для стратегического сосредоточения войск. С этой целью железные дороги, дороги и каналы связи должны содержаться в порядке.

В конце памятного 1939 года Гитлер стал осознавать, как он уже указывал своим генералам в меморандуме от 9 октября, что нельзя вечно полагаться на советский нейтралитет. За восемь месяцев или за год обстановка может измениться. И в своей речи перед ними 23 ноября он подчеркнул: «Мы сможем выступить против России лишь после того, как освободимся на Западе». Эта мысль никогда не покидала его беспокойный ум.

Конец рокового года вошел в историю как странное, внушающее суеверный страх время. Несмотря на то что шла мировая война, никаких сражений на суше не велось, а в небе тяжелые бомбардировщики разбрасывали только пропагандистские листовки, к тому же скверно составленные. Только на море шла настоящая война. Подводные лодки продолжали собирать свою дань с английских, а подчас и с нейтральных судов в суровой Северной Атлантике. «Граф Шпее», один из трех немецких карманных линкоров, появившийся в Южной Атлантике из своего района выжидания, за три месяца потопил девять английских торговых судов общим водоизмещением 50 тысяч тонн. 14 декабря 1939 года немецкая общественность была взбудоражена новостью о крупной победе на море, о которой под кричащими заголовками поведали газеты, оперативные сводки радио. Как говорилось в сообщении, «Граф Шпее» завязал вчера морское сражение с тремя английскими крейсерами в 400 милях от Монтевидео и вывел их из строя. Однако вскоре бурные восторги сменились недоумением. Через три дня в прессе появились заметки: экипаж затопил карманный линкор в устье Ла–Платы как раз напротив уругвайской столицы. Какая же это победа? 21 декабря командование военно–морских сил Германии известило, что командир «Графа Шпее» капитан Ганс Лангсдорф «последовал за своим кораблем» и тем самым «как боец и герой оправдал доверие своего фюрера, немецкого народа и военно–морских сил».

Несчастный немецкий народ так никогда и не узнал, что «Граф Шпее» был сильно поврежден тремя английскими крейсерами, значительно превосходившими линкор в артиллерии, что ему пришлось отправиться в Монтевидео для ремонта, что уругвайское правительство в соответствии с международным правом разрешило ему оставаться в порту только 72 часа, чего для изуродованного линкора было недостаточно, что «герой» капитан Лангсдорф, не рискуя ввязываться в новые сражения с англичанами, затопил его, а сам, вместо того чтобы пойти на дно заодно с кораблем, застрелился через два дня в уединенном

номере отеля в Буэнос–Айресе[20]. Не сказали немецкому народу, разумеется, и о том, что, как записал в своем дневнике 18 декабря Йодль, фюрер «страшно зол из–за того, что «Граф Шпее» затоплен без боя», и послал за адмиралом Редером, которому устроил головомойку.

12 декабря Гитлер издал очередную совершенно секретную директиву об отсрочке наступления на Западе, оговариваясь, что новое решение последует не раньше 27 декабря и что самым ранним сроком для дня «А» является 1 января 1940 года. Поэтому рождественские увольнения в отпуск, говорилось в директиве, можно предоставлять. Рождество, самый радостный для немцев праздник, как явствует из моих дневниковых записей, получилось в Берлине в ту зиму невеселым: скудные подарки, скудная пища, отсутствие мужского пола, неосвещенные улицы, плотно закрытые ставни — все это порождало недовольство.

Между Гитлером и Сталиным произошел обмен рождественскими поздравлениями. Гитлер телеграфировал:

«Лучшие пожелания личного благополучия Вам, а также будущего процветания народам дружественного Советского Союза». Сталин на это ответил:

«Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной».

А в Берлине посол фон Хассель использовал рождественские праздники, чтобы посовещаться с коллегами по заговору Попитцем, Герделером и генералом Беком, и 30 декабря набросал в своем дневнике новый, последний план:

…Оставить в Берлине некоторое число дивизий, следующих «транзитом с запада на восток». Затем Вицлебен появляется в Берлине и распускает СС. На основе этой акции Бек направляется в Цоссен и отбирает у Браухича верховное командование. Врач объявляет, что Гитлер неспособен руководить, после чего он будет взят под стражу. Затем будет объявлено воззвание к народу, в котором предусматривается решение трех вопросов: предотвращение дальнейших зверств СС; возрождение порядочности и христианской морали; продолжение войны, но с готовностью к миру на разумной основе…

Все это были одни разговоры. И заговорщики настолько запутались, что Хассель в своем дневнике отвел немало места обсуждению вопроса, нужно или не нужно задерживать Геринга.

Сам Геринг, как Гитлер, Гиммлер, Геббельс, Лей и другие партийные руководители, использовал Новый год для того, чтобы выступить с напыщенными воззваниями. Лей в своем воззвании говорил: «Фюрер всегда прав! Подчиняйтесь фюреру!» Фюрер заявил, что не он, а «евреи и капиталистические поджигатели войны» развязали войну, и продолжал:

«Объединенные внутри страны, экономически подготовленные и в высшей степени вооруженные, мы вступаем в этот самый решающий в германской истории год… Пусть 1940 год принесет разрешение. Что бы ни случилось, это будет год нашей победы».

27 декабря он опять отложил наступление на Западе «по меньшей мере на пару недель». 10 января он назначил конкретную дату — 17 января, «за 15 минут до восхода солнца, то есть в 8.16 утра». Военно–воздушные силы должны были начать свое наступление 14 января, на три дня раньше, чтобы разрушить аэродромы противника во Франции, но не в Бельгии и Голландии. Две маленькие нейтральные страны нужно было держать в неведении относительно их судьбы до самого последнего момента.

Однако 13 января нацистский диктатор вновь неожиданно отложил наступление «из–за метеорологической обстановки». В захваченных документах ОКВ после этого срока вплоть до 7 мая нигде не упоминается о дне наступления. Возможно, в отмене наступления, назначенного на 13 января, сыграли свою роль метеоусловия. Но теперь мы знаем, что произошло два других события, которые и повлияли главным образом на решение об отмене

---

[20] За день до затопления Геббельс заставил немецкую прессу опубликовать липовое донесение из Монтевидео, будто «Граф Шпее» получил лишь «незначительные повреждения», а английские сообщения о том, что линкор жестоко искалечен, являются «чистейшей ложью». — Прим. авт.

наступления, — вынужденная посадка в Бельгии 10 января особо важного немецкого военного самолета и новые возможности, открывшиеся на севере. В тот самый день, 10 января, когда Гитлер отдал приказ на наступление через Бельгию и Голландию рано утром 17 января, немецкий военный самолет, летевший из Мюнстера в Кельн, потерял над Бельгией ориентировку в облаках и совершил вынужденную посадку возле Мехелена. В самолете находился майор Гельмут Рейнбергер, ответственный штабной офицер люфтваффе, а в его портфеле лежали немецкие планы со всеми картами наступления на Западе. Когда бельгийские солдаты стали приближаться к самолету, майор отбежал в соседние кусты и поджег содержимое своего портфеля. Привлеченные этим необычным явлением, бельгийцы загасили пламя ногами и собрали то, что не успело сгореть. Приведенный в расположенную поблизости военную казарму, Рейнбергер пошел на отчаянный шаг: он схватил обгоревшие бумаги, которые бельгийский офицер выложил на стол, и бросил их в горящую печь. Бельгийский офицер быстро выхватил их оттуда.

Рейнбергер немедленно сообщил через свое посольство в Брюсселе в штаб люфтваффе, находящийся в Берлине, что сумел сжечь бумаги «до незначительных обрывков размером с ладонь». Однако в высших штабах в Берлине это событие повергло всех в оцепенение. Йодль немедленно доложил Гитлеру, о чем противник может знать или не знать. Но сам он не имел об этом представления. «Если противнику достались все документы, — записал он в дневнике 12 января после встречи с фюрером, — то ситуация просто катастрофическая». В тот вечер Риббентроп послал срочную шифровку в немецкое посольство в Брюсселе, требуя немедленного доклада об «уничтожении багажа курьера». Утром 13 января, как явствует из записи в дневнике Йодля, у Геринга состоялось совещание с участием срочно вызванного из Брюсселя военно–воздушного атташе. «Результат: основная часть наверняка сожжена», — записал Йодль в дневнике.

Но это, как явствует из записей Йодля, был показной оптимизм. В час дня он записал: «Приказ генералу Гальдеру (по телефону) — задержать все передвижения».

В тот же день немецкий посол в Брюсселе в срочном порядке информировал Берлин о значительных передвижениях бельгийских войск, расценив их «как результат тревожных донесений, полученных бельгийским генеральным штабом». На следующий день посол направил в Берлин новое сверхсрочное донесение: «Бельгийцы осуществлют «Фазу Д» — предпоследний шаг в мобилизации, призвав две новые категории призывников». Причиной, как полагал посол, являлись «сообщения о крупных перемещениях немецких войск на бельгийской и голландской границах, а также содержание не полностью сгоревшей курьерской почты, обнаруженной у офицера германских военно–воздушных сил».

К вечеру 15 января у высших военных руководителей в Берлине возникли сомнения, действительно ли майор Рейнбергер уничтожил, как он утверждал, изобличающие их документы. Йодль после еще одного совещания по этому вопросу заметил, что они были «предположительно сожжены». Но 17 января бельгийский министр иностранных дел Поль Анри Спаак вызвал немецкого посла и прямо, о чем тот немедленно доложил в Берлин, заявил ему:

«…Самолет, сделавший вынужденную посадку 10 января, предоставил в руки бельгийцев документ исключительно серьезного характера, который содержит четкие доказательства намерения совершить нападение. Это был не просто оперативный план, а разработанный во всех деталях приказ на наступление, в котором осталось только указать время».

Немцы так и не выяснили, блефует или не блефует Спаак. А среди союзников — английскому и французскому генеральным штабам были представлены копии немецкого плана — проявлялась тенденция рассматривать захваченные немецкие документы как «подделку» с целью ввести противника в заблуждение. Черчилль говорит, что он выступал решительно против такой интерпретации, и сетует, что в связи со столь серьезным предупреждением ничего не было предпринято. Определенно можно лишь утверждать, что 13 января, после того как Гитлера проинформировали о случившемся, он отменил

назначенное наступление, и к тому времени, когда весной надо было снова принимать решение, стратегический план был полностью изменен.

Однако вынужденная посадка в Бельгии и плохая погода не единственные причины, по которым было отложено наступление. В Берлине между тем созревали планы внезапного нападения на две другие маленькие нейтральные страны, расположенные дальше на север, и теперь они получили приоритет. Странная война, по крайней мере для немцев, с приближением весны подходила к концу.

ЗАХВАТ ДАНИИ И НОРВЕГИИ

Под невинно звучавшим кодовым названием «Везерюбунг»[21] скрывался новый план очередной германской агрессии. Истоки этого плана и его разработка уникальны и в корне отличаются от других агрессий неспровоцированностью нападения, которому посвящена значительная часть нашего рассказа. Захват Дании и Норвегии — это не порождение ума Гитлера в отличие от всех предыдущих планов нападения; это замысел честолюбивого адмирала и одурманенного успехами нацистского работяги. Это был единственный акт немецкой военной агрессии, в которой решающую роль сыграл немецкий военно–морской флот. Это был также единственный план, для реализации которого ОКБ скоординировало действия всех трех видов вооруженных сил. По существу с руководством армии даже не посоветовались, к великому раздражению военных. Геринга пригласили на авансцену только в последний момент — пренебрежение, приведшее в ярость разжиревшего шефа люфтваффе.

Германский военно–морской флот давно устремлял свои взоры на север. Германия не имела прямого выхода на широкие океанские просторы — факт, который запечатлелся в сознании офицеров флота еще во времена первой мировой войны. Непроницаемая сеть, протянутая англичанами через узкое Северное море от Шетландских островов до побережья Норвегии и поддерживаемая минными заграждениями и патрульными кораблями, закупорила мощный имперский флот, серьезно мешала подводным лодкам прорваться в Северную Атлантику и не допускала немецкое торговое судоходство к основным морским артериям. Немецкий военно–морской флот, созданный для действий в открытом море, никогда не доходил до него. Английская морская блокада задушила императорскую Германию во время первой мировой войны.

В период между войнами горстка немецких офицеров, командовавших скромным по размерам нацистским военно–морским флотом, не забывала о прошлом опыте и об этом географическом факте и по размышлении пришла к выводу: в любой будущей войне с Англией Германия должна попытаться заполучить базы в Норвегии, что позволило бы ей прорвать английскую блокаду в Северном море, сделать морские просторы доступными для немецкого надводного и подводного флотов и на деле предоставить рейху возможность, поменявшись ролями с Англией, предпринять эффективную блокаду Британских островов.

Неудивительно поэтому, что в начале войны, в 1939 году, адмирал Рольф Карле, третье лицо в командовании немецкого военно–морского флота, личность весьма влиятельная, принялся соответствующим образом обрабатывать адмирала Редера, который отметил в своем дневнике, а затем подтвердил в Нюрнберге «важность оккупации норвежского побережья Германией». Редера не надо было долго уговаривать, ибо 3 октября, в конце польской кампании, он направил конфиденциальный вопросник в штаб военно–морских сил (ОКМ) с просьбой выяснить возможность заполучить «базы в Норвегии под комбинированным давлением со стороны России и Германии». Риббентроп проконсультировался об отношении Москвы к этому вопросу и ответил, что можно надеяться на «далеко идущую поддержку». Редер сообщил своему штабу, что Гитлера необходимо поскорее проинформировать о такой возможности.

---

[21] «Учения на Везере». — Прим. тит. ред.

10 октября в ходе затянувшегося доклада фюреру о военно–морских операциях Редер высказал мысль о важности приобретения военно–морских баз в Норвегии, если нужно, то и с помощью России. Насколько явствует из конфиденциальных записей, впервые военно–морской флот обратил внимание фюрера непосредственно на данную проблему. Редер утверждает, что фюрер «сразу же понял всю важность норвежской проблемы». Он попросил оставить ему памятки по данному вопросу и обещал его обдумать. Однако в данный момент все помыслы нацистского заправилы были заняты наступлением на Западе и преодолением колебаний у генералов[22]. Норвегия, вероятно, выпала из его поля зрения.

Мысли фюрера вернулись к ней через два месяца по трем причинам. Одной их них являлось наступление зимы. Само существование Германии зависело от импорта железной руды из Швеции. В первый военный год немцы рассчитывали на 11 миллионов тонн шведской руды из годового потребления 15 миллионов. В теплые месяцы эту руду доставляли в Германию из Северной Швеции по Ботническому заливу и Балтийскому морю и никаких проблем даже в военное время не возникало, поскольку Балтика была прочно ограждена от проникновения туда английских подводных лодок и надводных боевых кораблей. Но в зимнее время пользоваться этим путем было невозможно, так как море покрывалось толстым слоем льда. В холодные месяцы шведскую руду приходилось доставлять по железной дороге в ближайший норвежский порт Нарвик и оттуда вдоль норвежского побережья на судах в Германию. Почти весь этот маршрут немецкие рудовозы могли идти в норвежских территориальных водах, тем самым спасаясь от ударов английских боевых кораблей и бомбардировщиков.

Таким образом, как указывал командованию военно–морского флота Гитлер, нейтралитет Норвегии имел свои преимущества. Он позволял Германии получать жизненно необходимую ей железную руду без помех со стороны Англии.

Уинстон Черчилль, в то время первый лорд адмиралтейства, сразу понял этот маневр и в первые же недели войны пытался убедить кабинет разрешить ему поставить минные заграждения в норвежских территориальных водах, чтобы воспрепятствовать доставке шведской руды этим путем в Германию. Однако Чемберлен и Галифакс не хотели нарушать нейтралитет Норвегии и предложение Черчилля на некоторое время было отклонено.

Вторжение России в Финляндию 30 ноября 1939 года радикально изменило обстановку в Скандинавии, в огромной мере усилив ее стратегическое значение как для западных союзников, так и для Германии. Франция и Англия приступили к формированию экспедиционных сил в Шотландии в целях их отправки на помощь финнам, которые вопреки предсказаниям упорно выдерживали жесточайшие удары Красной Армии. Однако эти силы могли добраться до Финляндии только через Норвегию и Швецию, и Германия сразу поняла, что если войскам союзников будет разрешен транзит или они пройдут через северную часть двух скандинавских стран без такого разрешения, то под предлогом обеспечения линий коммуникации в этих странах останется достаточно войск и Германия тем самым полностью лишится поставок шведской руды[23]. Более того, западные союзники обошли бы рейх с северного фланга. Адмирал Редер не упускал случая напоминать Гитлеру об этих угрожающих факторах.

---

[22] Было уже 10 октября, когда Гитлер вызвал к себе всех военачальников, зачитал им пространный меморандум о необходимости немедленного наступления на Западе и вручил Директиву №6, в которой предписывалось подготовиться к наступлению через Бельгию и Голландию. — Прим. авт.

[23] Это было правильное предположение. Как известно, Высший военный совет союзников на заседании 5 февраля 1940 года в Париже решил, что одновременно с отправкой экспедиционных сил в Финляндию войсками, высаженными в Нарвике, должны быть оккупированы районы шведских железорудных разработок (см. Ширер У. Вызов Скандинавии, с. 115–116). Черчилль отмечает, что на этом совещании было решено, «между прочим, взять под контроль железорудные залежи Гулливаре» (Черчилль У. Надвигающаяся буря, с. 560). — Прим. авт.

Наконец, шеф германского военно–морского флота нашел в Норвегии для осуществления своих замыслов ценного союзника в лице майора Видкуна Абрахэма Лауритца Квислинга, имя которого станет синонимом слова «предатель» почти во всех языках мира.

Появление Видкуна Квислинга

Жизнь Квислинга началась вполне достойно. Родился он в 1887 году в исконно крестьянской семье, окончил с отличием норвежскую военную академию и совсем молодым человеком получил назначение военным атташе в Петроград. За услуги в обеспечении английских интересов после разрыва дипломатических отношений с большевистским правительством Великобритания наградила Квислинга орденом Британской империи второй степени. В это время он был настроен и пробритански, и пробольшевистски. Некоторое время он оставался в Советской России в качестве помощника Фритьофа Нансена, великого норвежского исследователя и гуманиста, одного из организаторов помощи голодающим Поволжья.

Успехи коммунистов в России произвели настолько глубокое впечатление на молодого норвежского офицера, что по возвращении в Осло он предложил свои услуги лейбористской партии, которая в то время являлась членом Коминтерна. Он внес предложение о создании «красной гвардии», однако в лейбористской партии к нему — относились с подозрением и его предложение было отклонено. Затем он впал в другую крайность: с 1931 по 1933 год он занимал пост министра обороны, в мае 1933 года создал фашистскую партию под названием Национальный союз, положив в основу ее деятельности идеологию и тактику нацистов, только что пришедших к власти в Германии. Однако в обстановке демократизма в Норвегии нацизм не получал того развития, которого ожидал Квислинг. На выборах он даже не прошел в парламент. Потерпев поражение в собственной стране, он обратил взоры в сторону нацистской Германии.

Там он установил контакт с Альфредом Розенбергом, официальным расистом–философом нацистского движения, который помимо прочих обязанностей выполнял функции шефа отдела по иностранным делам нацистской партии. Этот прибалтийский олух, один из первых наставников Гитлера на политическом поприще, связывал с норвежским офицером осуществление своей давнишней сумасбродной идеи — создания огромной нордической империи, откуда будут изгнаны евреи и другие «нечистые» расы и которая в конечном счете станет господствовать над всем миром под руководством нацистской Германии. Начиная с 1933 года он поддерживал контакт с Квислингом и пичкал его своей абсурдной философией и пропагандой.

В июне 1939 года, когда над Европой сгущались грозовые тучи, Квислинг воспользовался своим присутствием в Любеке на конференции нордического общества, чтобы заручиться у Розенберга чем–то большим, чем просто идеологическая поддержка. Согласно конфиденциальным докладам Розенберга, оглашенным на Нюрнбергском процессе, Квислинг предупреждал его об угрозе установления английского контроля над Норвегией в случае войны и о тех преимуществах, которые получит Германия, если оккупирует ее. Квислинг просил о солидной материальной помощи для своей партии и печати.

Розенберг, большой мастак составлять меморандумы, тут же подготовил их трем адресатам — Гитлеру, Герингу и Риббентропу, однако эти три высших нацистских сановника, по–видимому, проигнорировали их — никто в Германии не воспринял слишком серьезно «официального толкователя» нацистской философии. Сам же Розенберг в лучшем случае был в состоянии организовать в августе двухнедельные курсы для двух–трех десятков штурмовиков Квислинга.

В течение первых месяцев войны адмирал Редер — так он утверждал на Нюрнбергском

процессе — не имел никаких контактов с Розенбергом, которого едва знал, а о Квислинге вообще ничего не слышал. Однако сразу после вторжения русских в Финляндию Редер начал получать донесения от своего военно–морского атташе в Осло капитана Рихарда Шрайбера о нависшей над Норвегией угрозе высадки западных союзников. 8 декабря, напомнив Гитлеру об этих донесениях, он прямо заявил ему: «Очень важно оккупировать Норвегию».

Вскоре после этого Розенберг направил адмиралу Редеру меморандум (без указания даты) «относительно визита тайного советника Квислинга из Норвегии». Норвежский заговорщик прибыл в Берлин, и Розенберг считал, что следовало бы сообщить Редеру, кто такой Квислинг и чего он хочет. По словам Розенберга, у Квислинга было много сочувствующих среди высокопоставленных офицеров в норвежской армии. В качестве доказательства Розенберг показал письмо, полученное недавно от полковника Конрада Сундло, командира в Нарвике, который характеризовал норвежского премьер–министра как болвана, а одного из ведущих министров как старого пьянчугу и заявлял о готовности «рискнуть своей шкурой ради национального восстания». Позднее полковник Сундло рисковать шкурой, чтобы защитить свою страну от агрессии, не пожелал.

По сути, Розенберг информировал Редера о наличии у Квислинга плана подготовки заговора. Это, должно быть, дошло до чуткого уха в Берлине, ибо он был скопирован с варианта австрийского аншлюса. В Германии некоторое число штурмовиков Квислинга в ускоренном порядке стали натаскивать нужному ремеслу «опытные и неустрашимые» национал–социалисты, практиковавшиеся в проведении подобных операций». Их ученики, вернувшись в Норвегию, должны были захватить стратегические пункты в Осло, в то время как германский военно–морской флот с контингентами германской армии намеревался высадиться в заранее условленном месте за пределами Осло в ответ на специальное обращение нового норвежского правительства.

Это была все та же тактика аншлюса, а в роли Зейсс–Инкварта на сей раз выступал Квислинг.

«Квислинг не сомневается, — добавлял Розенберг в своем меморандуме, что такой переворот… будет встречен с одобрением в тех частях армии, с которыми он имеет теперь связь… Что касается короля, то, по его мнению, он воспримет это как fait accompli[24]. Оценка Квислинга относительно численности немецких войск, необходимых для проведения операции, совпала с оценкой немецких специалистов.

11 декабря адмирал Редер встретился с Квислингом. Встречу организовал Розенберг при помощи некоего Вильяма Хагелина, норвежского бизнесмена, который по роду своей деятельности большую часть времени проводил в Германии и выполнял роль главного связного у Квислинга. Хагелин и Квислинг наговорили Редеру кучу всякой всячины, и адмирал добросовестно занес все это в конфиденциальные военно–морские архивы.

«Квислинг сообщил… английский десант планируется поблизости от Ставангера, а Кристиансанн предполагается использовать как возможную английскую базу. Деятельность нынешнего норвежского правительства, как и парламента, да и вся внешняя политика находятся под контролем хорошо известного еврея Хамбро (Карл Хамбро, президент стортинга, большой друг Хор–Белиша)… Опасности, возникающие для Германии вследствие английской оккупации, были рассмотрены во всех деталях…»

Чтобы опередить англичан, Квислинг предлагал предоставить «в распоряжение германских вооруженных сил необходимые базы. По всему побережью на важных участках (железные дороги, коммуникации, почты) с этой целью уже подкуплены влиятельные люди». Он и Хагелин прибыли в Берлин, чтобы четко определить отношения с Германией в будущем… Желательно провести совещания для обсуждения совместных действий, перевода войск в Осло и т. д.

На Нюрнбергском процессе, давая показания, Редер утверждал, будто все это

---

[24] Свершившийся факт (франц.)

произвело на него большое впечатление и он объяснил своим собеседникам, что посоветуется с фюрером и сообщит им о результатах. Он сделал это на следующий день на совещании, где присутствовали Кейтель и Йодль. Главнокомандующий военно–морскими силами (его доклад на этом совещании был обнаружен среди других захваченных документов) информировал Гитлера, что Квислинг произвел на него «благоприятное впечатление». Затем он изложил в общих чертах основные предложения норвежцев, отметив «прочные связи Квислинга с офицерами норвежской армии» и его готовность «взять на себя функции правительства посредством политического переворота и просить Германию о помощи». Все присутствовавшие согласились с тем, что английская оккупация Норвегии не может быть допущена, однако Редер вдруг начал осторожничать, указав, что немецкая оккупация, «несомненно, столкнулась бы с сильным английским противодействием… а немецкий флот еще не готов справиться с английским в течение более или менее длительного времени. В случае оккупации это будет слабым местом». В то же время Редер предложил, чтобы ОКВ было разрешено составить вместе с Квислингом планы подготовки и осуществления оккупации:

а) либо дружественным путем, то есть Норвегия обратится с просьбой ввести германские вооруженные силы;

б) либо посредством силы.

В данный момент Гитлер не был готов пойти так далеко. Он ответил, что сначала хочет лично переговорить с Квислингом, чтобы составить впечатление о нем.

Это произошло на следующий же день, то есть 14 декабря. Адмирал Редер лично сопровождал двух норвежских предателей в канцелярию фюрера. Хотя не обнаружено никаких записей о содержании этой встречи, но Квислинг, вероятно, произвел впечатление на немецкого диктатора[25], как, впрочем, и на Редера, поскольку в тот же вечер Гитлер приказал ОКВ разработать проект плана, консультируясь при этом с Квислингом. Гальдер слышал, что в план войдет и «акция против Дании».

Несмотря на огромную занятость, связанную с неприятными известиями о линкоре «Граф Шпее», Гитлер встречался с Квислингом еще дважды — 16 и 18 декабря. Однако неудача военно–морского флота, по–видимому, вынудила фюрера проявлять осторожность в отношении скандинавского предприятия, успех которого всецело зависел от военно–морского флота. Согласно утверждениям Розенберга, фюрер заявил своему визитеру, что «наиболее предпочтительным для Норвегии… был бы полный нейтралитет». Но если англичане собираются вступить на территорию Норвегии, то немцам придется их опередить. А пока что он предоставит Квислингу фонды для ведения пропаганды против англичан и укрепления его прогерманского движения. В январе была выделена первоначальная сумма 200 тысяч марок золотом и обещано в последующем выдавать по 10 тысяч фунтов стерлингов в течение трех месяцев начиная с 15 марта.

Незадолго до рождества Розенберг направил в Норвегию специального агента Ганса Вильгельма Шейдта работать вместе с Квислингом, а после рождественских праздников группа офицеров в ОКВ, посвященная в эту проблему, приступила к разработке плана, который первоначально получил название «Север». Среди руководства военно–морского флота мнения разделились. Редер был убежден, что Англия намерена оккупировать Норвегию в ближайшее время. Оперативный отдел штаба фронта не соглашался с такой точкой зрения, и в конфиденциальном военном дневнике 13 января 1940 года эти расхождения были зафиксированы:

«В частичном несогласии с точкой зрения главкома ВМС находится 1–й отдел военно–морского штаба, по мнению которого вероятность захвата в скором времени

---

[25] Он не произвел впечатления на немецкого посла в Осло доктора Курта Брейера, который в декабре дважды предупреждал Берлин, что Квислинга «не следует принимать всерьез», что «его влияние и перспективы крайне незначительны». За такую откровенность и нежелание говорить то, что хотелось услышать фюреру, посол очень скоро поплатился. — Прим. авт.

Норвегии Англией не подкрепляется никакими данными… Оккупация же Норвегии Германией, осуществленная в условиях отсутствия угрозы подобных действий со стороны Англии, представляла бы собой… опасное предприятие».

Штаб флота пришел к выводу, «что наиболее благоприятное решение вопроса заключалось бы, бесспорно, в сохранении статус–кво», и подчеркивал, что это «позволило бы Германии обеспечить надежное использование норвежских территориальных вод для своих стратегически важных морских перевозок при условии, что со стороны Англии не стали бы предприниматься серьезные попытки поставить под угрозу эти морские коммуникации».

Гитлер был недоволен как колебаниями руководства военно–морского флота, так и результатами «Севера», которые ОКВ представило ему в середине января. 27 января он приказал Кейтелю издать совершенно секретную директиву, подтверждающую, что дальнейшая работа над планом «Север» будет продолжена под непосредственным контролем фюрера, а на Кейтеля возлагается ответственность за все практические приготовления. В ОКВ была образована небольшая рабочая группа — по одному представителю от каждого из трех видов вооруженных сил — для отработки плана операции, которая теперь получила кодовое название «Везерюбунг».

Как представляется, это означало конец колебаниям фюрера относительно оккупации Норвегии, но если у него и оставались какие–либо сомнения, то инцидент 17 февраля в норвежских территориальных водах развеял их окончательно.

Вспомогательное судно «Альтмарк» из группы боевых кораблей сумело проскочить через английскую блокаду, но 14 февраля, когда оно следовало на юг в сторону Германии в норвежских территориальных водах, английский разведывательный самолет вновь его обнаружил. Английскому правительству было известно, что на борту «Альтмарка» находятся триста британских моряков с потопленного линкором «Граф Шпее» английского судна. Их везли в Германию в качестве военнопленных. Офицеры норвежского военно–морского флота, произведя поверхностный осмотр «Альтмарка» и не обнаружив на нем ни пленных, ни оружия, разрешили ему проследовать курсом на Германию. Черчилль, которому была доподлинно известна обстановка на «Альтмарке», отдал приказ английской флотилии эсминцев войти в норвежские территориальные воды, взять на абордаж «Альтмарк» и освободить пленных английских моряков.

Английский эсминец «Коссак» под командованием капитана Филипа Вайэна выполнил задачу в ночь на 17 февраля в Йесинг–фьорде, где искал укрытия «Альтмарк». После короткой схватки, в ходе которой четыре немца были убиты, а пятеро ранены, английская абордажная группа освободила 299 моряков, запертых в складских помещениях и в пустом топливном отсеке, чтобы их не обнаружили норвежцы.

Норвежское правительство заявило резкий протест Англии в связи с нарушением ею норвежских территориальных вод, но Чемберлен в палате общин возразил, что Норвегия сама нарушила международный закон, разрешив использовать свои территориальные воды для перевозки английских военнопленных в германскую тюрьму.

Для Гитлера инцидент стал последней каплей. Он убедил его, что норвежцы в их собственных территориальных водах не окажут серьезного сопротивления британской демонстрации силы. Его также привело в ярость, как отмечает в дневнике Йодль, что члены экипажа «Графа Шпее», находившиеся на борту «Альтмарка», даже не подрались по–настоящему: «…Никакого сопротивления, никаких потерь у англичан». 19 февраля Йодль пишет: «Фюрер очень торопит с подготовкой операции «Везерюбунг». «Оснастить корабли. Подготовить соединения», — приказал он Йодлю. Но еще не был назначен офицер, который возглавил бы предприятие, и Йодль напомнил Гитлеру, что пора назначить генерала и его штаб для проведения операции.

Кейтель предложил кандидатуру генерала Николауса фон Фалькенхорста, воевавшего в дивизии генерала фон дер Гольца в Финляндии в конце первой мировой войны, а в настоящее время командовавшего армейским корпусом на Западе, и Гитлер тут же послал за

ним. Хотя генерал происходил из старой силезской семьи военных по фамилии Ястржембски, которую он сменил на Фалькенхорст (по–немецки «соколиное гнездо»), он не был известен фюреру.

Впоследствии на Нюрнбергском процессе Фалькенхорст описал свою первую встречу в имперской канцелярии, состоявшуюся утром 21 февраля и прошедшую не без забавных нюансов. Никогда не слышавший о плане операции «Север» генерал, встретившись лицом к лицу с нацистским главарем, очевидно, не испытал того страха, который внушал он всем другим генералам.

«Меня пригласили сесть, — вспоминал генерал на суде в Нюрнберге. Затем я должен был рассказать фюреру про боевые действия в Финляндии в 1918 году… Он сказал: «Садитесь и просто расскажите мне, как все это было», что я и сделал.

Потом он встал и подвел меня к столу, на котором лежали развернутые карты. Он сказал: «Правительство рейха располагает данными, что англичане намерены высадить десант в Норвегии…» Фалькенхорст отметил: у него сложилось впечатление, что именно инцидент с «Альтмарком» повлиял на принятие Гитлером решения «теперь же осуществить план». И тогда генерал, к своему удивлению, узнал, что назначен командующим по реализации этого плана. Гитлер добавил, что армия выделяет в его распоряжение пять дивизий. Идея заключалась в захвате основных портов Норвегии.

В полдень фюрер отпустил Фалькенхорста, предупредив, что в пять часов вечера он будет слушать его доклад по проведению оккупации Норвегии.

«Я вышел на улицу и купил путеводитель Бедекера для путешествий, объяснял генерал на суде в Нюрнберге, — для того, чтобы просто уяснить для себя, что такое Норвегия. Я не имел ни малейшего представления об этой стране… Затем я направился в свой номер в отеле и принялся изучать страну по Бедекеру. В пять часов вечера я опять направился к фюреру».

Планы генерала, подготовленные на основе справочника для туристов, планы, разработанные в ОКВ, ему так и не показали — были, по нашим представлениям, весьма схематичны, но они, по–видимому, устраивали Гитлера. На каждую из пяти важнейших норвежских гаваней — Осло, Ставангер, Берген, Тронхейм и Нарвик выделялось по одной дивизии. «Не оставалось ничего другого, что можно было бы еще сделать, — говорил впоследствии Фалькенхорст, — потому что это были крупнейшие гавани». Генерал дал клятву хранить тайну, и его отпустили с напутствием «Спешите», после чего он приступил к работе.

Браухич и Гальдер, поглощенные проблемами подготовки наступления на Западе, обо всех этих делах почти ничего не знали, пока Фалькенхорст не явился 26 февраля в генеральный штаб сухопутных войск с требованием предоставить в его распоряжение некоторое количество войск, особенно горно–егерские части, для выполнения порученной ему операции. Гальдер не проявил особого желания сотрудничать с ним; он был, несомненно, возмущен и требовал более полной информации о планируемой операции и ее обеспечении. «По этому вопросу между фюрером и главкомом не было сказано ни слова, возмущается Гальдер в своем дневнике. — Это следует отметить для военной истории».

Однако, сколь презрительно ни относился Гитлер к генералам старой школы, особенно к начальнику генерального штаба сухопутных войск, не считаться с ним он не мог. 29 марта фюрер с энтузиазмом одобрил представленный Фалькенхорстом план, включив сюда требование командующего операцией выделить ему две горные дивизии, и, более того, заявил, что потребуются дополнительные силы, поскольку ему не хотелось иметь «сильную группировку у Копенгагена». Дания, бесспорно, была включена в перечень жертв Гитлера; военно–воздушные силы Геринга давно присматривались к имевшимся там авиационным базам для использования их против Англии.

На следующий день, 1 марта, Гитлер издал официальную директиву по операции «Везерюбунг».

Совершенно секретно

Директива на операцию «Везерюбунг»

1. Развитие обстановки в Скандинавии требует осуществить все подготовительные меры, чтобы… оккупировать Данию и Норвегию («Операция «Везерюбунг»). Тем самым должны быть упреждены английские попытки вторжения в Скандинавию и район Балтийского моря, обеспечена безопасность наших источников получения руды в Швеции, а для военно–морских и военно–воздушных сил — расширены исходные позиции для действий против Англии.

…Учитывая наше военно–политическое превосходство над Скандинавскими странами, необходимо выделить для выполнения операции «Везерюбунг» по возможности небольшие силы. Их немногочисленность должна быть компенсирована отважными действиями и ошеломляющей внезапностью в проведении операции.

В принципе следует стремиться к тому, чтобы придать операции характер мирного захвата, имеющего целью вооруженную защиту нейтралитета Скандинавских стран. Одновременно с началом операции правительствам этих стран будут предъявлены соответствующие требования. В случае необходимости для оказания нужного давления будут проведены демонстративные действия флота и авиации.

Если же, несмотря на это, будет оказано сопротивление, оно должно быть сломлено с помощью всех имеющихся военных средств…

3. Переход датской границы и высадка десантов в Норвегии должны быть осуществлены одновременно…

Исключительно важно, чтобы наши меры застали врасплох как Скандинавские страны, так и западных противников. Войска должны быть ознакомлены с настоящими задачами операции лишь после выхода в море.

В тот самый вечер 1 марта в штабе армейского верховного командования, судя по записям в дневнике Йодля, разыгралась буря, вызванная требованиями Гитлера выделить войска для операции на Севере. На следующий день Геринг, разозлившись на Кейтеля, пошел к фюреру с жалобой. Тучный фельдмаршал пришел в ярость от того, что от него так долго держали в тайне подготавливаемую операцию, а теперь силы люфтваффе подчинили Фалькенхорсту. Опасаясь возникновения серьезного межведомственного спора, Гитлер 5 марта собрал в своей канцелярии командующих тремя видами вооруженных сил, чтобы разрядить обстановку, но это оказалось не так–то легко.

«Фельдмаршал (Геринг) крайне раздражен тем, — записал Йодль в своем дневнике, — что с ним заранее не посоветовались. Он главенствует в споре и пытается доказать, что все предыдущие приготовления никуда не годятся».

Фюрер успокоил его некоторыми небольшими уступками, и разработка планов продолжалась в ускоренном темпе. Еще 21 февраля, судя по дневниковым записям, у Гальдера сложилось мнение, что нападение на Данию и Норвегию не произойдет, пока не начнется наступление на Западе и пока это наступление не «даст определенные результаты». Сам Гитлер колебался, какую из операций начать в первую очередь, и 22 февраля поднял этот вопрос в разговоре с Йодлем. Йодль порекомендовал не связывать одну операцию с другой, и Гитлер с ним согласился, заметив: «Если это окажется возможно».

Но 3 марта он решил, что операция «Везерюбунг» должна предшествовать операции «Гельб» (кодовое название наступления на Западе через Голландию и Бельгию), и в присутствии Йодля в очень резкой форме высказался за «необходимость быстрых и решительных акций в Норвегии». К этому времени мужественная финская армия оказалась перед катастрофой под давлением массированного наступления численно и технически превосходящих сил русских, а сообщения из надежных источников подтверждали опасения, что англо–французский экспедиционный корпус готовится отправиться со своих баз в Шотландии в Норвегию и, пройдя через эту страну и Швецию, добраться до Финляндии, чтобы попытаться спасти финнов[26]. Эта угроза являлась главной причиной поспешности,

---

[26] 7 марта генерал Айронсайд, начальник английского генерального штаба, информировал маршала Маннергейма о том, что союзные экспедиционные силы в составе 57 тысяч человек готовы прийти на помощь

проявленной Гитлером.

Однако 12 марта русско–финская война внезапно закончилась — Финляндия приняла жесткие условия русских. И если в Берлине приветствовали заключение мира, поскольку это освобождало Германию от необходимости защищать агрессивные действия русских против финнов, а также положило конец, пусть временно, советским устремлениям захватить Прибалтику, тем не менее это обстоятельство смущало Гитлера в связи с его собственной затеей в Скандинавии. Как отмечает в своем дневнике Йодль, это существенно затруднило мотивировку оккупации Норвегии и Дании. «Заключение мира между Финляндией и Россией, — писал он в дневнике 12 марта, — лишило Англию, а также нас всяких политических оснований для высадки в Норвегии».

Теперь Гитлеру трудно было подыскать предлог для оккупации Норвегии. 13 марта Йодль добросовестно записывает, что фюрер «занимается поисками обоснования». На следующий день: «Фюрер еще не решил, как обосновать «Везерюбунг». Положение еще больше осложнилось в связи с тем, что адмирал Редер начинал терять интерес к этой операции. Он «сомневался, не утратила ли значение игра в превентивную войну (?) в Норвегии».

На некоторое время Гитлер заколебался. Между тем возникли две другие проблемы: 1) как вести переговоры с Самнером Уэллесом, заместителем государственного секретаря США, который прибыл в Берлин 1 марта по поручению президента Рузвельта, чтобы на месте выяснить, есть ли шансы положить конец войне, прежде чем начнется бойня на Западе; 2) как успокоить своего брошенного, униженного итальянского союзника. Гитлер все еще не удосужился ответить на вызывающее письмо Муссолини от 3 января, и отношения между Берлином и Римом заметно охладели. А теперь Уэллес появился в Европе, как считали не без некоторых оснований немцы, чтобы попытаться оторвать Италию от скрипучей оси и убедить ее в любом случае не вступать в войну на стороне Германии, если конфликт будет продолжаться. До Берлина доходили из Рима предупреждения: настало время что–то сделать, чтобы удержать рассердившегося дуче в упряжке.

Гитлер встречается с Уэллесом и Муссолини

Неосведомленность Гитлера, как, впрочем, и Геринга и Риббентропа, относительно намерений Соединенных Штатов Америки можно было охарактеризовать как полное невежество[27]. И хотя их политика сводилась к тому, чтобы стараться удержать Америку от

финнам и что первая дивизия в составе 15 тысяч может прибыть в Финляндию в конце марта, если Норвегия и Швеция разрешат транзит. За пять дней до этого, 2 марта, как было известно Маннергейму, Норвегия и Швеция отклонили просьбу Англии и Франции о транзите. Это не помешало премьеру Даладье 8 марта пожурить финнов за то, что те официально не просили помощи союзными войсками, и намекнуть, что союзные войска могут быть посланы вопреки норвежским и шведским протестам. Однако Маннергейма провести не удалось и, посоветовав своему правительству добиваться мира, пока финская армия еще не разгромлена, он одобрил немедленную отправку мирной делегации в Москву 8 марта. Финский главнокомандующий, очевидно, был настроен скептически относительно рвения французов сражаться на финском фронте более рьяно, чем на собственном (см. мемуары маршала Маннергейма).

Можно только догадываться о той полной неразберихе, которая сложилась бы среди воюющих держав, если бы англо–французский экспедиционный корпус прибыл–таки в Финляндию и стал сражаться против русских. Через год с небольшим, когда Германия начала воевать с Россией, противники на Западе были бы союзниками на Востоке. — Прим. авт.

[27] Примеры странных взглядов Гитлера на Америку уже приводились в предыдущих главах, однако в захваченных архивах министерства иностранных дел имеется поразительный документ, свидетельствующий о представлениях фюрера о Соединенных Штатах как о государстве. 12 марта Гитлер имел продолжительную беседу с немецким экспертом Колином Россом, недавно вернувшимся из США, где он читал лекции, внося свою лепту в нацистскую пропаганду. Когда Росс заметил, что в Соединенных Штатах превалирует «империалистическая тенденция», Гитлер, согласно стенографическим записям доктора Шмидта, спросил, «не

вступления в войну, они, как и их предшественники в Берлине в 1914 году, не воспринимали всерьез военный потенциал янки. Еще 1 октября 1939 года немецкий военный атташе в Вашингтоне генерал Фридрих фон Беттихер рекомендовал ОКБ не беспокоиться по поводу появления американских экспедиционных сил в Европе. Далее, 1 декабря он сообщал своим начальникам в Берлине, что американское вооружение неадекватно «агрессивной военной политике», и добавлял, что генеральный штаб в Вашингтоне «в отличие от госдепартамента, проводящего бесплодную политику ненависти, и Рузвельта с его импульсивной политикой, часто основанной на переоценке американской военной мощи, по–прежнему относится с пониманием к Германии и ведению ею войны». В своем первом донесении Беттихер отмечал, что «Линдберг и знаменитый воздухоплаватель Рикенбакер» выступают за то, чтобы Америка воздержалась от вступления в войну. Несмотря на его невысокое мнение об американской военной мощи, к 1 декабря он пришел к выводу: «Соединенные Штаты все же вступят в войну, если придут к убеждению, что нависает угроза Западному полушарию», — и предупреждал об этом ОКБ.

Ганс Томсен, немецкий поверенный в делах в Вашингтоне, прилагал усилия, чтобы довести до своего невежественного министра иностранных дел некоторые сведения о США, очень важные для Германии. 18 сентября, когда польская кампания приближалась к завершению, он предупреждал Вильгельмштрассе: «…Симпатии подавляющего большинства американского народа на стороне наших врагов… Америка убеждена в виновности Германии в этой войне». В том же самом донесении он указывал на страшные последствия любой попытки Германии осуществить диверсии в Америке и настаивал, чтобы никакие подобные акции не предпринимались. Эта его просьба, по–видимому, не была воспринята в Берлине со всей серьезностью, ибо 25 января 1940 года Томсен вновь писал в Берлин:

«Насколько мне стало известно, американец немецкого происхождения, некто фон Хаусбергер, и немецкий гражданин Вальтер, оба из Нью–Йорка, по указанию немецкого абвера якобы собираются предпринять диверсии против объектов американской военной промышленности. Фон Хаусбергер, по слухам, располагает детонаторами, спрятанными в его доме».

Томсен просил Берлин воздержаться от подобного рода акций:

«Нет более надежного способа подтолкнуть Америку к вступлению в войну, чем прибегая к действиям, которые однажды, перед мировой войной, уже привели Америку в стан наших противников и, между прочим, ни в коей мере не помешали развертыванию военной промышленности Соединенных Штатов».

Кроме того, как добавлял он, «обе эти личности ни в каком отношении не годятся для действий в качестве агентов абвера».

С ноября 1938 года, когда Рузвельт отозвал американского посла в Берлине в знак протеста против устроенных нацистами еврейских погромов, дипломатическая служба в

усилит ли эта империалистическая тенденция желания присоединить к Соединенным Штатам Канаду, что усугубит антианглийские настроения».

Следует признать, что советники Гитлера по США не способствовали получению более объективного представления об этой стране. Во время вышеупомянутой беседы Росс, пытаясь ответить на вопросы Гитлера о том, почему Америка настроена против Германии, в числе других доводов привел следующий: «…Дополнительным фактором ненависти против Германии… является чудовищная мощь еврейства, которое с поистине фантастической изобретательностью и мастерством ведет борьбу против всего немецкого и национал–социалистского… Затем Колин Росс рассказал о Рузвельте, который, по его убеждению, является врагом фюрера по причинам личной жажды власти. Он пришел к власти в тот же год, что и фюрер, и ему приходится наблюдать, как фюрер осуществляет свои грандиозные планы, в то время как он, Рузвельт, своих целей не достиг. Он тоже привержен идеям диктатуры, в некотором отношении почти аналогичным национал–социалистским. И именно осознание, что фюрер добился своей цели, в то время как он, Рузвельт, ее не добился, породило у последнего патологическое желание выступать на мировой арене в качестве соперника Гитлера. После того как Колин Росс ушел, фюрер заметил, что он — очень интеллигентный человек, у которого, бесспорно, много хороших идей. — Прим. авт.

обеих странах не была представлена послами. Торговля едва сочилась тонкой струйкой, главным образом, вследствие американского бойкота, а теперь и вовсе прекратилась под воздействием английской блокады. 4 ноября 1939 года после голосования в сенате и палате представителей было снято эмбарго на вывоз оружия — тем самым был открыт путь для доставки американского оружия западным союзникам. Именно на фоне быстро ухудшающихся отношений Самнер Уэллес прибыл 1 марта 1940 года в Берлин.

За день до его приезда, то есть 29 февраля, Гитлер предпринял необычный шаг, издав секретную «Директиву по ведению переговоров с мистером Самнером Уэллесом». Директива требовала проявления на переговорах сдержанности с немецкой стороны и рекомендовала, «насколько это удастся, дать возможность говорить Уэллесу». Затем перечислялись пять пунктов — ими должны были руководствоваться все высшие чиновники, которым предстояло принимать специального американского посланника. Основной довод немцев сводился к следующему: не Германия объявила войну Англии и Франции, а наоборот; фюрер предлагал в октябре заключить мир, но его предложение отвергли; Германия приняла вызов; военные цели Англии и Франции сводились к «уничтожению германского государства», поэтому у Германии нет иной альтернативы, кроме продолжения войны.

«От обсуждения конкретных политических вопросов, — указывалось далее в директиве Гитлера, — таких, как вопрос о будущем польского государства, следует уклоняться, насколько это возможно. В случае если (Уэллес) поднимет такого рода вопросы, в ответ следует сказать, что такие вопросы решаются мной. Само собой разумеется, полностью исключается обсуждение таких вопросов, как Австрия и протекторат Богемии и Моравии… Следует избегать заявлений, которые могут быть интерпретированы… как означающие, что в настоящее время Германия в какой–либо мере заинтересована в обсуждении возможностей достижения мира. Напротив, у мистера Уэллеса не должно быть ни малейших оснований сомневаться в том, что Германия решительно настроена победоносно завершить эту войну…»

Не только Риббентроп и Геринг, но и сам фюрер следовали букве этой директивы, когда они, каждый в отдельности, встречались с Уэллесом соответственно 1, 3 и 2 марта. Судя по обстоятельным записям бесед, которые делал доктор Шмидт (эти записи были обнаружены среди захваченных документов), у американского дипломата, человека неразговорчивого и циничного, должно было сложиться впечатление, будто он, если верить собственным ушам, оказался в психиатрической лечебнице. Каждый из большой тройки нацистских заправил излагал Уэллесу свою фальсифицированную версию, в которой факты были фантастически искажены и даже простейшие слова теряли свое значение[28]. Подписав 1 марта директиву о подготовке операции «Везерюбунг», Гитлер на следующий день, принимая Уэллеса, утверждал, что целью западных союзников в войне является уничтожение, а целью Германии мир. Своему собеседнику он прочитал целую лекцию о том, какие усилия он прилагал, чтобы поддерживать мир с Англией и Францией.

«Незадолго до начала войны английский посол сидел на том же самом месте, где сидел сейчас Уэллес, и фюрер сделал ему величайшее за всю свою жизнь предложение».

Все его предложения англичанами были отвергнуты, и теперь Англия прилагала усилия, чтобы уничтожить Германию. Поэтому Гитлер считал, «что конфликт придется довести до конца… что не может быть иного решения, чем борьба не на жизнь, а на смерть».

Неудивительно, что Уэллес доверительно сказал Вайцзекеру и повторил Герингу: если Германия решительно настроена добиваться военной победы на Западе, то его поездка в Европу «оказалась бесцельной… и больше сказать ему нечего».

Хотя Уэллес на переговорах с немцами подчеркивал, что услышанное им из уст

---

[28] В присутствии Уэллеса Геринг восклицал, что он, фельдмаршал, мог бы заявить перед богом и всем миром: «Германия не хотела этой войны. Она была навязана ей. Но что ей оставалось делать, когда другие хотели ее уничтожить?» — Прим. авт.

европейских государственных деятелей в ходе поездки предназначено только для ушей президента, тем не менее он посчитал разумным проявить некоторую неосторожность и рассказать и Гитлеру, и Герингу, что у него был «долгий, конструктивный и полезный» разговор с Муссолини и что, по мнению дуче, «все еще имеется возможность установить в Европе прочный и длительный мир». Если таковы были мысли итальянского диктатора, то немцы решили, что самое время поправить своего союзника. Мир — да, но только после оглушительной немецкой победы на Западе.

Отсутствие ответа от Гитлера на письмо Муссолини от 3 января вызывало у дуче все большее недовольство. В течение целого месяца посол Аттолико выяснял у Риббентропа, когда можно ожидать ответа, и намекал при этом, что отношения Италии с Францией и Англией, как и торговля с ними, улучшаются.

Эта торговля, включавшая продажу итальянских военных материалов, раздражала немцев, которые без конца заявляли в Риме протесты, утверждая, что она чрезмерно помогает западным союзникам. Посол фон Макензен по–прежнему докладывал своему другу Вайцзекеру о «серьезной обеспокоенности» по поводу отношений с Италией. Вайцзекер и сам опасался, что если ответ на письмо Муссолини задержится, то это предоставит дуче свободу действий и он и Италия могут быть потеряны для Германии навсегда.

И тут Гитлеру представился благоприятный случай. 1 марта англичане объявили, что заблокировали поставку немецкого угля морем через Роттердам в Италию. Это был тяжелый удар по итальянской экономике. Он вызвал у дуче яростное возмущение против англичан и в то же время дал толчок для потепления отношений с немцами, которые тут же пообещали изыскать средства доставки угля по железным дорогам. Воспользовавшись этими благоприятными для Германии обстоятельствами, Гитлер 8 марта подготовил ответное письмо Муссолини, которое Риббентроп через два дня лично доставил в Рим.

Фюрер не извинялся за задержку с ответом на письмо дуче, но в весьма корректном тоне детально излагал свои замыслы почти по каждому вопросу, проявив такое многословие, каким не отличался ни в одном предыдущем письме, адресованном итальянскому партнеру. Он оправдывал нацистский альянс с Россией, оставление финнов на произвол судьбы, полное уничтожение польского государства.

«Если бы я вывел германские войска из генерал–губернаторства, это не принесло бы умиротворения Польше, а вызвало бы страшный хаос. И церковь оказалась бы не в состоянии осуществлять свою функцию восхваления всевышнего, а священникам отрубили бы головы…»

Что касается визита Самнера Уэллеса, продолжал Гитлер, то американец ничего не добился. Фюрер по–прежнему полон решимости предпринять наступление на Западе. Он понимает, «что предстоящий поход не из легких, что это будет ожесточеннейшее в истории Германии сражение… сражение не на жизнь, а на смерть».

И тут, как опытный игрок, делающий хорошую подачу, Гитлер предлагает Муссолини вступить в войну:

«…Дуче, не может быть никаких сомнений в том, что исход войны решит также и будущее Италии… Наступит день, и Вы столкнетесь с теми самыми противниками, которые сегодня сражаются против Германии… Я также понимаю, что судьбы наших двух стран, наших народов, наших революций и наших режимов неразрывно связаны…

И наконец, позвольте заверить Вас, что, несмотря на все, я верю, рано или поздно судьба заставит нас сражаться бок о бок, то есть и Вам не избежать этого вооруженного столкновения независимо от того, как отдельные аспекты нынешней ситуации развиваются сегодня, и тогда Ваше место, как никогда раньше, будет рядом с нами, точно так же, как мое место — рядом с Вами».

Муссолини был польщен содержанием письма и тотчас заверил Риббентропа в своем глубоком убеждении, что его место «на огневом рубеже» на стороне Гитлера. Нацистский министр иностранных дел со своей стороны, не теряя времени, старался умаслить гостеприимного хозяина. Фюрер, сказал он, «глубоко возмущен последними шагами

англичан, пытавшихся блокировать доставку в Италию немецкого угля морем». Сколько угля требуется итальянцам? От 500 до 700 тысяч тонн в месяц, отвечал Муссолини. Германия готова, бойко заверил Риббентроп, поставлять миллион тонн ежемесячно и обеспечить железнодорожный транспорт для его доставки.

11 и 12 марта состоялись две продолжительные встречи этих деятелей при участии Чиано, и стенографические записи доктора Шмидта свидетельствуют, что Риббентроп на них в полной мере проявил свою претенциозность. Хотя имелись и более важные вопросы, нуждавшиеся в согласовании, немецкий министр иностранных дел вытащил на свет перехваченные польские дипломатические депеши из западных столиц, чтобы показать «чудовищную вину Соединенных Штатов в этой войне».

«Министр иностранных дел пояснил, что эти документы показывают особо зловещую роль американских послов Буллита (Париж), Кеннеди (Лондон) и Дрекселя Биддла (Варшава)… Они дают лишь в общих чертах представление о тех махинациях еврейско–плутократических клик, под влиянием которых при поддержке Моргана и Рокфеллера оказались все, включая самого Рузвельта».

В течение нескольких часов надменный нацистский министр иностранных дел самовлюбленно витийствовал, выдавая при этом привычное для него незнание обстановки в мире, подчеркивая общность судеб двух фашистских государств, делая акцент на том, что Гитлер вскоре предпримет наступление на Западе, в течение лета разобьет французскую армию и выгонит англичан с континента еще «до окончания года». Муссолини в основном слушал, лишь изредка делая замечания, сарказм которых, очевидно, не доходил до нацистского министра. Когда, например, Риббентроп высокопарно заявил, что «Сталин отвергает идею мировой революции», дуче, как свидетельствует запись Шмидта, возразил: «И вы этому действительно поверили?» Когда Риббентроп сказал, что «нет ни одного немецкого солдата, который бы не верил, что победа будет достигнута в этом году», Муссолини заметил: «Это исключительно интересно». В тот вечер Чиано записал в своем дневнике:

«После беседы, когда мы остались вдвоем, Муссолини сказал, что не верит ни в немецкое наступление, ни в полный успех немцев».

Итальянский диктатор обещал изложить свою точку зрения на совещании, намеченном на следующий день. Риббентроп почувствовал некоторую обеспокоенность по поводу того, какой она, эта точка зрения, может оказаться, и телеграфировал фюреру, что ему не удалось хотя бы прояснить замыслы дуче.

Но оснований для беспокойства не было. Муссолини на следующий день предстал совсем другим человеком. Совершенно неожиданно, как замечает Шмидт, он «стал выступать в поддержку войны». Вопрос заключается не в том, говорил он Риббентропу, вступит ли Италия в войну на стороне Германии, а когда. Вопрос времени «крайне деликатен», ибо ему не следует вмешиваться, пока не будут завершены все приготовления у партнера, чтобы не обременять его дополнительными заботами.

«Во всяком случае он должен заявить на этот раз со всей ясностью, что Италия в финансовом отношении не в состоянии выдержать длительную войну. Он не может позволить себе расходовать по миллиарду лир ежедневно, как это делают Англия и Франция».

Это заявление на некоторое время привело, очевидно, в замешательство немецкого министра, и он попытался было вынудить дуче назвать конкретную дату вступления Италии в войну, но тот, проявляя осмотрительность, старался не связывать себя обязательствами. «Наступит момент, когда четко определятся отношения Италии с Францией и Англией, то есть произойдет разрыв отношений с этими странами», — сказал Муссолини и добавил, что спровоцировать такой разрыв не составит особого труда. Сколько ни упорствовал Риббентроп, он так и не добился, чтобы Муссолини назвал конкретную дату. Очевидно, Гитлеру самому придется вмешаться в это дело. Затем нацистский министр иностранных дел предложил провести очередную встречу между двумя вождями в Бреннере во второй

половине марта, после 19–го, с чем Муссолини охотно согласился. Риббентроп, между прочим, даже словом не обмолвился о планах Гитлера оккупировать Данию и Норвегию. Существуют такие секреты, о которых не извещают своего союзника, даже если оказывают на него давление, чтобы перетянуть его на свою сторону.

Хотя ему и не удалось выяснить у Муссолини конкретную дату вступления в войну, все же немецкий министр вырвал у дуче обязательство вступить в нее. «Если он хотел усилить союз держав оси, — писал Чиано в дневнике, — то он этого добился». По возвращении Самнера Уэллеса в Рим после посещений Берлина, Парижа и Лондона он вновь встретился с Муссолини 16 марта и обнаружил в нем разительную перемену.

«Казалось, он сбросил с себя какой–то огромный груз, — писал позднее Уэллес. — …Я часто размышлял, не решился ли он за две недели, прошедшие со времени моего первого визита в Рим, перейти Рубикон, а во время визита Риббентропа втянуть Италию в войну».

Уэллесу не было надобности удивляться этому. Как только Риббентроп в своем специальном поезде покинул Рим, колеблющийся итальянский диктатор стал сомневаться, правильно ли он вел себя с немецким министром иностранных дел. «Он опасается, — записал Чиано в своем дневнике 12 марта, — что зашел слишком далеко, дав обязательство вступить в войну против западных союзников. Теперь он хотел бы убедить Гитлера не предпринимать наступления на суше и надеется–добиться этого во время встречи на Бреннерском перевале». Однако Чиано, каким бы ограниченным он ни был, предвидел, чем все кончится. «Нельзя отрицать того, — писал он в дневнике, — что дуче восхищен Гитлером, причем восхищение это связано с какими–то глубоко укоренившимися в его мозгу понятиями. Фюрер добьется от дуче значительно больше, чем Риббентроп». Это было правдой, но с некоторыми оговорками, в чем мы вскоре убедимся.

Едва Риббентроп вернулся в Берлин, как тут же (13 марта) позвонил Чиано, передав просьбу провести встречу в Бреннере раньше, чем было договорено, а именно 18 марта. «Немцы просто невыносимы, — взорвался Муссолини. — Они не дают времени ни вздохнуть, ни обдумать вопрос». Тем не менее он согласился с новой датой.

«Дуче нервничает, — отмечает Чиано в дневнике. — До настоящего времени он питал иллюзии, что реальную войну вести не придется. Перспектива предстоящего столкновения, в котором он может остаться в стороне, беспокоила его и, выражаясь его словами, унижала». Падал снег, когда утром 18 марта 1940 года поезда двух диктаторов приближались к небольшой приграничной станции у Бреннерского перевала. Эта встреча, как некая уступка Муссолини, состоялась в его личном вагоне, но говорил почти все время только Гитлер. Вечером Чиано в своем дневнике подвел итоги этого совещания:

«Совещание скорее напоминает монолог… Все время говорит Гитлер… Муссолини слушает его с интересом и вниманием. Он говорит мало и подтверждает свое намерение идти вместе с Германией. Он оставляет за собой лишь выбор времени вступления в войну». Далее Муссолини сказал, когда ему наконец представилась возможность вставить хотя бы слово, что «невозможно оставаться нейтральным до окончания войны». Сотрудничество с Англией и Францией немыслимо. Мы их ненавидим. Поэтому вступление Италии в войну неизбежно». Гитлер потратил более часа на то, чтобы убедить дуче в этом, если, конечно, Италия не хочет остаться в стороне и, как он добавил, превратиться во «второстепенную державу». Но, ответив на главный вопрос, к удовлетворению фюрера, дуче начал выдвигать условия, позволявшие ему не связывать себя конкретными обязательствами.

…Большой проблемой являются сроки вступления… Для этого необходимо выполнить одно условие. Италии предстоит «очень хорошо подготовиться»… Финансовое положение не позволяет ей вести затяжную войну… Он спросил у фюрера, угрожает ли Германии какая–либо опасность, если наступление будет отсрочено. Он не думает, что такая опасность существует… Иначе он завершил бы свои военные приготовления в три–четыре месяца и не оказался в затруднительном положении, видя, как его товарищ сражается, а он обречен только демонстрировать силу… Ему хотелось бы предпринять нечто большее, но в настоящее время он не в состоянии это сделать.

Нацистский главарь не намеревался откладывать наступление на Западе он так прямо и сказал об этом. Но у него имелось «несколько теоретических соображений», которые помогли бы Муссолини разрешить его трудности, предприняв фронтальное наступление в гористой Южной Франции, поскольку этот конфликт, по его мнению, «будет стоить много крови». Фюрер предложил: а почему бы не выделить сильную итальянскую группировку, которая вместе с немецкими войсками будет наступать вдоль швейцарской границы в сторону долины реки Рона «для того, чтобы обойти французско–итальянский альпийский фронт»? Перед этим, разумеется, основные немецкие армии начнут теснить назад французские и английские силы на севере. Гитлер явно пытался облегчить положение итальянцев.

«Когда враг будет разгромлен (в Северной Франции), наступит момент для активного вмешательства Италии, и не на самом тяжелом участке альпийского фронта, а где–то в другом месте… — продолжал фюрер. — Исход войны будет решен во Франции. Покончив с Францией, Италия становится хозяйкой Средиземноморья, и Англии придется пойти на заключение мира».

Следует отметить, что Муссолини сразу же уловил забрезжившую перспективу получить так много после того, как немцы возьмут на себя основную тяжесть войны.

«Дуче ответил, что, как только Германия осуществит победоносное наступление, он немедленно вмешается… Он не станет терять времени… когда союзники окажутся настолько ошеломлены в ходе немецкого наступления, что потребуется только второй удар, чтобы поставить их на колени».

Но с другой стороны, если прогресс Германии будет медленным, то дуче со вступлением в войну повременит.

Эта грубая, трусливая сделка, очевидно, не вызывала особого беспокойства у Гитлера. Если личная привязанность Муссолини к фюреру, как говорит Чиано, была связана с «какими–то глубоко укоренившимися в его мозгу понятиями», то можно утверждать, что тяготение друг к другу было взаимным по тем же самым необъяснимым причинам. Вероломный, каким он показал себя по отношению к некоторым из самых близких друзей, Гитлер вместе с тем сохранял странную лояльность по отношению к своему ничтожному партнеру, которая не ослабевала, а усиливалась, когда превратности судьбы настигли чванливого и спесивого «римского цезаря», а затем наступила катастрофа. Это один из парадоксов нашего повествования.

Во всяком случае, очень немногие из немцев, особенно среди генералов, считали: очень важно, что наконец–то Италия торжественно обязалась вступить в войну. Нацистский главарь опять сумел направить помыслы дуче в сторону новых, предстоявших в скором времени завоеваний. Но о самом ближайшем завоевании, намечавшемся на Севере, Гитлер ни словом не обмолвился своему другу и союзнику.

Планы заговорщиков снова срываются

Еще раз участники антинацистского заговора попытались уговорить генералов сместить фюрера — на этот раз до того, как он предпримет новую агрессию на Севере, о которой они прознали. Гражданские заговорщики вновь хотели получить от английского правительства заверение в том, что оно заключит мир с антинацистским режимом и что при любом соглашении с новым правительством рейха за Германией сохранятся территории, приобретенные во время пребывания Гитлера у власти: Австрия, Судеты и польские земли в границах 1914 года, хотя последнее условие в прошлом было достигнуто путем истребления польского народа.

Именно с таким предложением Хассель, проявив большое личное мужество, отправился в Арозу, Швейцария, 21 февраля 1940 года на встречу с английским тайным посредником, которого он называет в своем дневнике мистером Икс и которым определенно

был Лонсдейл Брайенс. 22 и 23 февраля они провели четыре совещания в обстановке строжайшей секретности. Брайенс был известен в дипломатических кругах Рима и слыл одним из тех самозваных и несколько наивных людей, которые пытались добиться мира путем переговоров. У него имелись связи с людьми на Даунинг–стрит, и на Хасселя, встретившегося с ним, он произвел сильное впечатление. После того как майор Стивенс и капитан Бест потерпели фиаско в своих попытках установить связь из Голландии с немецкими заговорщиками, англичане проявляли некоторый скептицизм в отношении всей этой затеи, и когда Брайенс стал настаивать, чтобы Хассель представил более надежную информацию о людях, от имени которых он говорил, немец возразил: «Я не могу назвать имена людей, которые поддерживают меня. Я могу только заверить вас, что переданное вами заявление Галифакса будет доведено до них».

Затем Хассель изложил в общих чертах точку зрения немецкой «оппозиции»: подразумевалось, что Гитлера следует свергнуть «до того, как начнутся крупные военные операции»; что это должно быть «исключительно немецкое дело»; что должно последовать «авторитетное английское заявление» по поводу того, как относиться к новому антинацистскому режиму в Берлине, и что «принципиальным препятствием любому изменению режима являются события 1918 года, то есть обеспокоенность немцев, как бы события не стали развиваться так же, как после того, когда в жертву был принесен кайзер». Хассель и его друзья хотели получить гарантии, что, если они избавятся от Гитлера, к Германии отнесутся более великодушно, чем тогда, когда немцы избавились от Вильгельма II.

После этого он вручил Брайенсу меморандум, составленный им самим на английском языке. Это очень расплывчатый документ, полный благородных высказываний о будущем мире, «основанном на принципах христианской этики, справедливости и закона, социального благополучия, свободы мысли и совести». Хассель писал, что величайшей опасностью «этой сумасшедшей войны» является «большевизация Европы», — он считал, что это хуже, чем сохранение нацизма. А главное его условие сводилось к тому, чтобы за новой Германией остались почти все завоеванные Гитлером территории, которые тут же перечислялись. Присоединение к Германии Австрии и Судет не подлежало пересмотру при любом предложении мира; Германия должна была иметь границу с Польшей, как до 1914 года, что соответствовало, о чем он, разумеется, не упомянул, границе с Россией, поскольку в 1914 году Польша как самостоятельное государство не существовала.

Брайенс соглашался, что необходимо действовать быстро ввиду скорого немецкого наступления на Западе, и обещал доставить меморандум Хасселя лорду Галифаксу. Хассель вернулся в Берлин, чтобы ознакомить участников заговора с последними предпринятыми им мерами. Хотя они ждали большего от встречи Хасселя с мистером Икс, теперь их больше беспокоил так называемый «доклад X», разработанный одним из членов группы в абвере Гансом фон Донаньи на основе встречи доктора Мюллера с англичанами в Ватикане. В этом докладе говорилось, что папа римский готов обратиться к англичанам с просьбой предложить разумные мирные условия новому антинацистскому правительству Германии. В этой связи характерна точка зрения оппонентов Гитлера, ставивших в качестве одного из условий, которое, по их утверждению, согласен был поддержать папа римский, «урегулирование восточного вопроса в пользу Германии». Демонический нацистский диктатор добился урегулирования на Востоке «в пользу Германии» посредством вооруженной агрессии; добродетельные немецкие заговорщики хотели, чтобы то же самое сделали для них англичане с благословения папы римского.

В зиму 1939/40 года «доклад X» в умах заговорщиков приобретал преувеличенное значение. В конце октября генерал Томас показал «доклад X» Браухичу в надежде убедить главнокомандующего сухопутными войсками уговорить Гитлера отменить осеннее наступление на Западе. Однако Браухичу это не понравилось. Он пригрозил арестовать Томаса за «государственную измену», если тот еще раз обратится к нему с этим вопросом.

Теперь, в момент подготовки новой нацистской агрессии, Томас пришел с «докладом

X» к генералу Гальдеру в надежде, что он возьмется за него. Но надежды оказались тщетными. Начальник генерального штаба ответил Герделеру, одному из наиболее активных заговорщиков, также умолявшему Гальдера возглавить заговор, поскольку слабовольный Браухич сделать это отказался, что, будучи солдатом, не может в такое время оправдать нарушение клятвы, данной на верность фюреру. А кроме того, Англия и Франция объявили Германии войну, и надо довести ее до победного конца. Мир на условиях компромисса был бы бессмыслен. Только в крайнем случае можно предпринять действия, желательные Герделеру.

«Стало быть, так! — записал Хассель в своем дневнике 6 апреля 1940 года, подробно фиксируя настроение Гальдера со слов Герделера. — Гальдер начал плакать во время обсуждения степени его ответственности и произвел впечатление слабого человека с расстроенными нервами».

Достоверность подобной реакции со стороны Гальдера вызывает большие сомнения. Когда я просматривал его дневниковые записи за первую неделю апреля, связанные с подготовкой гигантского наступления на Западе, у меня сложилось впечатление, что начальник генерального штаба, совещаясь с командующими войсками и уточняя детали наиболее дерзкой в немецкой военной истории операции, пребывал в жизнерадостном, бодром настроении. В его дневниках нет и намека на изменнические помыслы или какие–либо угрызения совести. Хотя у него и были сомнения в вопросах, связанных с подготовкой нападения на Данию и Норвегию, но они основывались на чисто военных соображениях. И нет в дневниках даже намека на угрызения совести по поводу нацистской агрессии против четырех маленьких нейтральных стран, неприкосновенность границ которых Германия торжественно гарантировала. Более того, он сам руководил разработкой планов агрессии против двух из них Бельгии и Голландии.

Так завершилась последняя попытка «добродетельных» немцев устранить Гитлера, пока не поздно. Это была последняя возможность заключить мир на выгодных условиях. Генералы, как это дали ясно понять Браухич и Гальдер, не были заинтересованы в мире, добытом путем переговоров. Теперь они, как и их фюрер, думали о мире, навязанном силой, — навязанном после победы немецкого оружия. И пока шансы на установление мира путем переговоров не улетучились окончательно, они всерьез не возвращались к своим старым изменническим замыслам устранить своего безумного диктатора, которым придавали огромное значение во времена Мюнхена и Цоссена.

Оккупация Дании и Норвегии

Приготовления Гитлера к захвату Дании и Норвегии многие авторы относят к немецким секретам, наиболее строго охранявшимся во время войны, но, как представляется автору, две скандинавские страны и даже англичане были застигнуты врасплох не потому, что их не предупреждали о надвигающейся опасности, а потому, что они никак не хотели поверить в реальность подобной опасности. За десять дней до катастрофы полковник Остер из абвера предупреждал своего близкого друга полковника Саса, голландского военного атташе в Берлине, о плане «Везерюбунг» и Сас немедленно сообщил об этом датскому военно–морскому атташе капитану Кельсену. Однако самодовольное датское правительство не поверило своему военно–морскому атташе, и, когда 4 апреля датский посол в Берлине отправил Кельсена в Копенгаген, чтобы тот лично предупредил правительство о нависшей угрозе, предупреждение не было воспринято всерьез. Даже накануне нападения, вечером 8 апреля, когда уже было получено сообщение о торпедировании немецкого военного транспорта у южного побережья Норвегии и когда датчане собственными глазами видели, как отплывает на север немецкая военно–морская армада, датский король, сидя за обеденным столом, ответил непринужденной улыбкой на замечание о том, что над его страной нависла угроза.

«Он действительно не поверил в это», — подтвердил позднее гвардейский офицер, присутствовавший при разговоре. После обеда король, по словам того же офицера, в самоуверенном и приподнятом настроении отправился в Королевский театр.

Норвежское правительство еще в марте получило от своего посла в Берлине и от шведов предупреждение о сосредоточении немецких войск и военных кораблей в Северном море и балтийских портах, а 5 апреля из Берлина поступили разведывательные данные о предстоящем десантировании немецких войск на южном побережье Норвегии. Однако самонадеянный норвежский кабинет отреагировал на подобного рода сигналы скептически. 7 апреля, когда были замечены немецкие крупные военные корабли, следовавшее курсом на север вдоль норвежского берега, и получены сообщения от английских пилотов, обстрелявших группу немецких военных кораблей у входа в Скагеррак, и даже 8 апреля, когда английское адмиралтейство проинформировало норвежское посольство в Лондоне, что большая группа немецких кораблей приближается к Нарвику, а газеты в Осло сообщили, что немецкие солдаты, спасенные с транспортного судна «Рио–де–Жанейро», торпедированного у норвежского берега возле Лиллесанн польской подводной лодкой, заявили, что они следовали в Берген, чтобы помочь оборонять его от англичан, — даже тогда норвежское правительство не нашло нужным провести такие элементарные мероприятия, как мобилизация армии, укомплектование личным составом фортов, охраняющих входы в важнейшие гавани, блокирование взлетно–посадочных полос на аэродромах и, самое важное, минирование узких проливов на подступах к столице и крупнейшим городам. Если бы оно осуществило эти мероприятия, история могла бы пойти по совершенно иному пути.

Зловещие известия, по выражению Черчилля, начали просачиваться в Лондон к 1 апреля, а 3 апреля британский военный кабинет обсуждал последние разведывательные данные, поступавшие прежде всего из Стокгольма, о значительном сосредоточении немецких войск и техники в портах Северной Германии с целью вторгнуться в Скандинавию. Спустя два дня, 5 апреля, когда первая волна немецких кораблей обеспечения и снабжения уже находилась в море, премьер–министр Чемберлен в своей речи заявил, что Гитлер, не сумев организовать наступление на Западе, когда англичане и французы не были подготовлены, «опоздал на автобус», — об этих словах ему очень скоро пришлось пожалеть[29].

Английское правительство в этот момент, как утверждает Черчилль, было склонно поверить, будто немецкое наращивание сил в портах Балтики и Северного моря производилось, чтобы помочь Гитлеру нанести контрудар, если англичане, заминировав норвежские воды с целью перерезать пути доставки в Германию шведской руды из Нарвика, оккупируют этот и другие норвежские порты, расположенные к югу.

Действительно, английское правительство предусматривало возможность такой оккупации. После долгих месяцев безуспешных усилий Черчиллю, первому лорду адмиралтейства, в конце концов 8 апреля удалось получить одобрение военного кабинета и Высшего военного совета союзников заминировать норвежские водные пути — операция «Уилфред». Поскольку было очевидно, что последует яростная реакция немцев на блокирование путей доставки в Германию шведской железной руды — жесточайший для немецкой военной экономики удар, было решено послать небольшую англо–французскую оперативную группу в Нарвик и продвигаться в сторону ближайшей шведской границы. Другие контингента предполагалось высадить в Тронхейме, Бергене и Ставангере и далее к югу, чтобы, как объяснял Черчилль, «лишить противника возможности воспользоваться этими базами». Эти меры получили кодовое наименование «План Р–4».

Таким образом, в течение первой недели апреля, в то время как немецкие войска грузились на различные суда и боевые корабли для отправки в Норвегию, английские войска,

---

[29] Первые три немецких транспорта отправились в Нарвик в 2 часа дня 3 апреля Крупнейший немецкий танкер, загруженный русской нефтью, вышел из Мурманска 6 апреля. — Прим. авт.

хотя и в значительно меньшем количестве, грузились на военные транспорты в Клайде и на крейсера в Форте, чтобы отправиться туда же.

В полдень 2 апреля после долгого совещания с Герингом. Редером и Фалькенхорстом Гитлер издал официальную директиву, в которой предписывалось начать операцию «Везерюбунг» в 5.15 утра 9 апреля. В это же время он издал другую директиву, предупреждавшую, что «бегство королей Дании и Норвегии из своих стран во время оккупации необходимо предотвратить всеми доступными средствами». В этот же день ОКВ посвятило министерство иностранных дел в свою тайну: Риббентропу вручили длинную директиву с инструкцией, какие предпринять дипломатические шаги, чтобы убедить Данию и Норвегию капитулировать без боя, как только на их территориях появятся немецкие войска, и как состряпать какое–нибудь оправдание очередной агрессии Гитлера.

Но этот обман не ограничивался рамками министерства иностранных дел. Военно–морской флот также должен был прибегнуть к маскировочным трюкам. 3 апреля, после выхода в море первых судов, Йодль писал в своем дневнике, как ввести в заблуждение норвежцев, если у них возникнут подозрения в связи с присутствием столь большого количества немецких боевых кораблей. Корабли и транспорты получили указания выдать себя за английские, а если потребуется, идти под английскими флагами! В секретных приказах по частям и кораблям флота, участвовавшим в операции, были даны детальные указания по «введению в заблуждение противника и по маскировке во время вторжения в Норвегию».

Секретно, особой важности

Поведение во время входа в гавань

Все суда идут с погашенными огнями… Маскировку под английские корабли следует сохранять как можно дольше. На все запросы норвежских кораблей отвечать по–английски. В ответах выбирать что–либо вроде:

«Иду в Берген с кратким визитом. Враждебных намерений не имею».

…На запросы называться именами английских боевых кораблей:

«Кельн» — корабль Его Величества «Каир»;

«Кенигсберг» — корабль Его Величества «Калькутта»… и т. д.

Принять заранее меры, чтобы при необходимости можно было освещать развевающийся английский флаг…

Для Бергена… руководствоваться следующими принципиальными указаниями, если одна из наших частей окажется вынуждена ответить на запрос проходящего корабля:

Отвечать на запрос (в случае с кораблем «Кельн»): «Корабль Его Величества «Каир».

На приказ остановиться: (1) «Пожалуйста, повторите последний сигнал». (2) «Невозможно понять ваш сигнал».

В случае предупредительного выстрела: «Прекратите огонь. Британский корабль. Добрый друг».

В случае запроса относительно назначения и цели: «Иду в Берген. Преследую немецкие пароходы»[30].

Итак, 9 апреля 1940 года, в 5 часов 20 минут утра (а в Дании — 4 часа 20 минут), за час до рассвета, немецкие послы в Копенгагене и Осло подняли министров иностранных дел с постели ровно за 20 минут до начала вторжения (Риббентроп настаивал на строгом соблюдении графика в соответствии с прибытием немецких войск) и предъявили датскому и норвежскому правительствам ультиматум, требуя немедленно и без сопротивления встать под «защиту рейха». Ультиматум был, пожалуй, самым беззастенчивым документом из тех, какие когда–либо составляли Гитлер и Риббентроп, к тому времени изрядно поднаторевшие в дипломатическом обмане.

---

[30] На Нюрнбергском процессе гросс–адмирал Редер оправдывал подобную тактику на том основании, что это были законные «военные хитрости, против которых с юридической точки зрения не может быть возражений». — Прим. авт.

После заявления, что рейх пришел на помощь Дании и Норвегии, чтобы защитить их от англо–французской оккупации, в меморандуме говорилось:

…Немецкие войска вступили на норвежскую землю не как враги. Немецкое верховное командование не намерено использовать районы, занятые немецкими войсками, в качестве баз для операций против Англии до тех пор, пока его не принудят к этому… Наоборот, немецкие военные операции нацелены исключительно на защиту Севера от предполагаемой оккупации норвежских баз англо–французскими силами…

…В духе добрых отношений между Германией и Норвегией, которые существовали до сих пор, правительство рейха заявляет королевскому норвежскому правительству, что у Германии нет намерений ущемлять своими действиями территориальную целостность и политическую независимость Королевства Норвегии ни в настоящее время, ни в будущем…

Поэтому правительство рейха ожидает, что норвежское правительство и норвежский народ… не окажут сопротивления. Любое сопротивление будет подавлено всеми возможными средствами… и поэтому приведет лишь к совершенно бессмысленному кровопролитию.

Немецкие расчеты оказались верны в отношении Дании, но не в отношении Норвегии. Об этом стало известно на Вильгельмштрассе после получения первых срочных донесений от соответствующих послов в этих странах. Немецкий посол в Дании телеграфировал в 8.34. Риббентропу из Копенгагена, что датчане «приняли все требования (хотя) и заявили протест». Посол Курт Брейер в Осло был вынужден отправить донесение совершенно иного содержания. В 5 часов 52 минуты, ровно через 32 минуты после вручения ультиматума, он сообщил в Берлин ответ норвежского правительства: «Добровольно мы не подчинимся: сражение уже началось».

Надменный Риббентроп пришел в негодование[31]. В 10.55 он послал Брейеру «исключительно срочную» телеграмму: «Еще раз решительно внушите норвежскому правительству, что сопротивление совершенно бессмысленно».

Однако незадачливый немецкий посол этого уже не мог сделать. Норвежский король, правительство и члены парламента к этому времени бежали из столицы на север, в горы. Сколь ни безнадежным казалось положение, они были полны решимости сопротивляться. В сущности, в некоторых районах с появлением на рассвете немецких боевых кораблей сопротивление уже началось.

Датчане оказались в более безнадежном положении. Их прекрасное государство не было приспособлено к обороне. Оно было слишком маленькое и слишком равнинное, а большая его часть — Ютландия — была открыта для танков Гитлера. Не было никаких гор, где могли бы укрыться король и правительство, как в Норвегии; бесполезно было ждать и какой–либо помощи от Англии. Словом, датчане оказались слишком цивилизованны, чтобы сражаться в таких условиях; во всяком случае, они не сражались. Генерал Приор, главнокомандующий армией, практически один высказался за сопротивление, но его предложение отклонили премьер Торвальд Стаунинг, министр иностранных дел Эдвард Мунх и король, который, даже получив 8 апреля скверные известия, отверг предложение командующего о проведении мобилизации. По причинам, которые остались неясны автору

---

[31] Мне редко доводилось видеть нацистского министра иностранных дел более несносным, чем в то утро. Облачившись в крикливую униформу, он явился на специально созванную в министерстве иностранных дел пресс–конференцию с таким важным, напыщенным видом, «точно владел всей Землей». «Фюрер дал свой ответ… — резко заговорил он. — Германия оккупировала землю Дании и Норвегии, чтобы защитить эти страны от союзников, и будет бороться за их подлинный нейтралитет до конца войны. Таким образом, лучшая часть Европы спасена от неминуемой деградации».

Берлинскую прессу в этот день стоило поглядеть. Газета «Берзен цейтунг» писала: «Англия хладнокровно шагает по трупам малых народов. Германия защищает слабые государства от английских грабителей с большой дороги, и Норвегии следовало бы понять справедливость действий Германии, призванных обеспечить свободу норвежского народа». Рупор Гитлера «Фелькишер беобахтер» поместила аншлаг на всю страницу. «Германия спасает Скандинавию!» — Прим. авт.

этих строк даже после обстоятельного изучения соответствующих материалов в Копенгагене, военно–морской флот Дании не произвел ни единого выстрела ни со своих кораблей, ни с береговых батарей, когда немецкие транспорты с войсками проходили вблизи этих орудий, способных разнести их вдребезги. В Ютландии произошло несколько стычек между армией и оккупантами, королевская гвардия произвела несколько выстрелов возле королевского дворца в столице, потеряв несколько человек ранеными. Ко времени, когда датчане заканчивали свой завтрак, оккупация завершилась. По рекомендации правительства, но вопреки мнению генерала Приора король капитулировал.

Планы захвата Дании, построенные на внезапности и обмане, как видно из захваченных немецких военных архивов, были разработаны с удивительной педантичностью. Генерал Курт Химер, начальник штаба оперативной группы, сформированной для захвата Дании, прибыл поездом в гражданской одежде в Копенгаген 7 апреля, чтобы лично провести там разведку в целях осуществления необходимых мер по швартовке транспорта «Ганзештадт Данциг» с войсками и техникой. Командир батальона также находился в Копенгагене пару дней в гражданской одежде, чтобы набросать план порта, пристаней, пирсов и т. д. Все это было необходимо для захвата крупного города.

Поэтому нет ничего странного в том, что планы генерала и майора, командовавшего батальоном, были претворены в жизнь практически без сучка и задоринки. Транспорт с войсками подошел к Копенгагену перед рассветом, проследовал мимо береговых батарей форта, охранявших гавань, и датских патрульных кораблей и спокойно пришвартовался у пирса Лангелини в центре города, всего в 50 метрах от Цитадели, где размещался штаб датской армии, на некотором расстоянии от дворца Амалиенборг, постоянной резиденции короля. Оба объекта были быстро захвачены единственным батальоном без какого–либо заслуживающего упоминания сопротивления.

В верхнем этаже дворца под трескотню автоматных выстрелов король совещался со своими министрами, которые ратовали за капитуляцию без сопротивления. Только генерал Приор умолял разрешить ему оказать сопротивление. В самом крайнем случае, по его мнению, король должен был укрыться в расположенном поблизости военном лагере у Хевелте, чтобы избежать пленения. Но король согласился с министрами. Как утверждает свидетель, присутствовавший при этом, монарх спросил, «сражались ли солдаты достаточно долго», на что Приор ответил отрицательно[32].

Генерала Химера задержка обеспокоила. Он позвонил в штаб комбинированных операций, созданный в Гамбурге, — датские власти не удосужились прервать телефонную связь с Германией — и, как он сам рассказывает, попросил несколько бомбардировщиков с ревом пронестись над Копенгагеном, «чтобы вынудить датчан принять» условия ультиматума. Переговоры велись шифром, и в люфтваффе решили, что он действительно просил бомбардировать столицу, и обещали сделать это незамедлительно — в конечном счете ошибка была исправлена. Генерал Химер говорит, что «бомбардировщики с ревом пронеслись над датской столицей и произвели соответствующее впечатление: правительство приняло германские требования».

Определенные затруднения возникли при поисках радиосредств, потребовавшихся, чтобы передать обращение к датским войскам о капитуляции правительства, поскольку местные радиостанции в столь ранний час еще не работали. Обращение было передано на датской волне с помощью передатчика, который привез с собой немецкий батальон, а генерал Химер предусмотрительно раздобыл грузовик, чтобы доставить радиостанцию в Цитадель.

В 2 часа дня генерал Химер в сопровождении немецкого посла Сесиля фон Ренте–Финка нанес визит королю Дании, который уже не был сувереном, но еще не

---

[32] Общие потери Дании составили 13 убитых и 23 раненых. Немцы потеряли примерно 20 человек. — Прим. авт.

осознавал этого. В немецких военных архивах сохранилась запись беседы Химера с королем:

«Во время аудиенции семидесятилетний король выглядел потрясенным, хотя внешне держался превосходно, сохраняя королевское достоинство….Король заявил, что он и его правительство сделают все возможное, чтобы сохранить мир и порядок в стране и устранить любые трения между датчанами и немецкими войсками. Он хотел избавить свою страну от дальнейших несчастий и бед.

Генерал Химер ответил: лично он очень сожалеет, что был вынужден явиться к королю с такой миссией, но он только выполняет долг солдата… Мы пришли сюда как друзья и т. д….Когда король спросил, может ли он держать при себе телохранителей, генерал Химер ответил… что фюрер наверняка позволит ему сохранить их возле себя. Он в этом не сомневался.

Король заметно приободрился, услышав это. В ходе аудиенции… он становился все более раскованным и в заключение обратился к генералу Химеру со следующими словами: «Генерал, могу я, как старый солдат, сказать вам кое–что? Как солдат солдату? Вы, немцы, опять совершили невероятное. Следует признать, это было проделано великолепно!»

Около четырех лет, пока фортуна не отвернулась от нацистов, датский король и его народ, добродушный, цивилизованный и беззаботный, доставляли очень мало беспокойства немцам. Дания приобрела известность как «образцовый протекторат». Монарху, правительству, судам и даже парламенту и прессе завоеватели на первых порах предоставили на удивление большую свободу.

Их даже не беспокоили семь тысяч евреев, проживавших в Дании. Пока не беспокоили. Однако датчане, позднее других народов оказавшиеся под пятой немецких оккупантов, в конце концов поняли, что дальнейшее «лояльное сотрудничество», как это у них называлось, с тевтонскими тиранами, жестокость которых с каждым годом и с каждой неудачей на фронтах усиливалась, невозможно, если они хотят сохранить хоть малую толику чувства собственного достоинства и чести. Они стали понимать, что Германия в конечном счете может проиграть войну и что маленькая Дания не безнадежно обречена, как считалось вначале, находиться в вассальной зависимости от гитлеровского государства, построенного на принципах отвратительного «нового порядка». И началось сопротивление.

Норвежское сопротивление

В Норвегии сопротивление началось сразу, хотя, разумеется, не повсюду. В Нарвике, незамерзающем порту и конечном пункте железной дороги, по которой сюда доставлялась шведская руда для Германии, начальник местного гарнизона полковник Конрад Сундло, который, как мы убедились, являлся фанатичным последователем Квислинга, сдался немцам без единого выстрела. Местный начальник военно–морских сил был человеком иного склада. При появлении десяти немецких эсминцев у входа в длинный фьорд норвежский старый броненосец «Эйдсволд», один из двух находившихся в гавани, дал предупредительный выстрел и просигнализировал эсминцам, чтобы те сообщили, кто они и куда следуют. В ответ контрадмирал Фриц Бонте, командовавший немецкой флотилией, послал к норвежскому кораблю офицера на катере с требованием сдаться. Тогда же немцы прибегли к своему обычному вероломству, хотя немецкий морской офицер позднее приводил в свое оправдание довод, что на войне приказ превыше законов. Когда офицер на катере передал сигнал немецкому адмиралу, что норвежцы намерены оказать сопротивление, Бонте выждал, пока катер отойдет в сторону, и стремительно торпедировал «Эйдсволд». Тогда открыл огонь второй норвежский линкор — «Норге», но и с ним немцы разделались очень быстро. Триста норвежских моряков — экипажи двух кораблей — погибли. К 8 часам утра Нарвик уже был захвачен десятью немецкими эсминцами, проскочившими через грозный британский флот, и оккупирован двумя батальонами нацистских войск под командованием бригадного генерала Эдуарда Дитля, старого баварца, закадычного друга Гитлера со времен «пивного путча»,

которому еще предстояло проявить командирскую изобретательность и смелость, когда дела в Нарвике пошли туго.

Тронхейм, расположенный в центре западного побережья Норвегии, был захвачен немцами с такой же легкостью, как и Нарвик. Береговые батареи у входа в гавань огня по немецким военным кораблям, во главе которых шел тяжелый крейсер «Хиппер», не открывали на всем протяжении длинного фьорда, и войска, находившиеся на борту крейсера и четырех эсминцев, без помех высадились на пирсе городской гавани. Некоторые форты не сдавались в течение нескольких часов, а ближайший аэродром у Ваернеса сопротивлялся два дня, однако это не повлияло на захват прекрасной гавани, способной принимать самые крупные боевые корабли, а также подводные лодки. Здесь же находился важный пункт железной дороги, которая проходила через центральную часть Норвегии до Швеции и по которой немцы рассчитывали — и не без оснований получать подкрепления, если Англия перекроет им морские пути снабжения.

Берген, второй по величине порт и город Норвегии, расположенный примерно в 300 милях от Тронхейма и связанный железной дорогой со столицей, оказал некоторое сопротивление. Огнем батарей у входа в гавань были сильно повреждены крейсер «Кенигсберг» и вспомогательное судно, однако с других кораблей войска благополучно высадились и к полудню овладели городом. Именно у Бергена потрясенные норвежцы впервые ощутили реальную помощь англичан. В полдень 15 пикирующих бомбардировщиков морской авиации потопили крейсер «Кенигсберг», самый крупный корабль из когда–либо отправленных на дно в результате атаки с воздуха. За пределами гавани у англичан находилась мощная группировка в составе четырех крейсеров и семи эсминцев, которые могли разгромить более слабую немецкую группировку внутри гавани. Английские корабли уже собрались было войти в гавань, но получили из адмиралтейства приказ об отмене атаки из–за риска напороться на мины или попасть под бомбовые удары с воздуха. К этому решению был причастен Черчилль, который позднее очень сожалел о нем. В этом решении проявилась склонность англичан к осторожности и полумерам, что дорого обошлось им в последующем.

Аэродром Сола возле Ставангера на юго–западном побережье не имел противовоздушной обороны и оказался захвачен немецкими парашютистами после того, как были подавлены норвежские пулеметные позиции. Это был крупнейший в Норвегии аэродром, в стратегическом отношении исключительно важный для люфтваффе, поскольку отсюда бомбардировщики могли действовать не только против английских кораблей возле норвежского побережья, но и против расположенных на севере Англии военно–морских баз. Захват этого аэродрома позволял немцам обеспечить превосходство непосредственно в небе Норвегии и означал провал любой попытки англичан высадить там более или менее крупные силы. Кристиансанн, расположенный на южном берегу, оказал немцам серьезное сопротивление; его береговые батареи дважды заставили отходить немецкий флот во главе с легким крейсером «Карлсруэ». Однако форты были быстро выведены из строя ударами немецкой авиации с воздуха и во второй половине дня порт был занят. Легкий крейсер «Карлсруэ» покинул гавань и в тот же вечер был торпедирован английской подводной лодкой и так сильно поврежден, что его пришлось затопить.

Таким образом, к полудню или чуть позднее пять крупнейших норвежских городов и портов и один крупный аэродром, расположенные на западном и южном побережье общей протяженностью около 1500 миль от Скагеррака до Арктики, оказались в руках немцев. Они были захвачены очень небольшими силами, доставленными туда военно–морским флотом, значительно уступавшим британскому флоту. Считалось, в результате обмана и внезапности нападения Гитлер сумел одержать блестящую победу малой ценой.

Однако у Осло, который немцы расценивали как главный приз, их военная группировка и дипломатия столкнулись с неожиданными трудностями. Всю промозглую ночь на 9 апреля группа сотрудников немецкого посольства во главе с капитаном 1 ранга Шрайбером, военно–морским атташе, и случайно присоединившийся к ним посол доктор Брейер,

пребывая в приподнятом настроении, провели в гавани столицы в ожидании подхода немецких боевых кораблей и транспорта с войсками. Помощник военно–морского атташе носился на моторной лодке по заливу, чтобы взять на себя роль лоцмана подошедшей армады во главе с карманным линкором «Лютцов» (ранее он назывался «Дойчланд», но был переименован, так как Гитлер не хотел рисковать кораблем с таким названием) и совершенно новым тяжелым крейсером «Блюхер», флагманом эскадры.

Но прождали они напрасно. Крупные корабли так и не пришли.

У входа в 50–мильный Осло–фьорд их встретил норвежский минный заградитель «Олав Трюгверсон». Он потопил немецкий торпедный катер и повредил легкий крейсер «Эмден». Высадив небольшую группу для подавления береговых батарей, немецкая эскадра продолжила свой путь по фьорду. Примерно в 15 милях к югу от Осло, где фьорд сужается до 15 миль, у немцев возникли новые осложнения. Здесь стояла старинная крепость Оскарсборг, защитники которой вопреки ожиданиям немцев не были застигнуты врасплох. Перед самым рассветом 280–миллиметровые крупповские орудия крепости открыли огонь по «Лютцову» и «Блюхеру», а с берега по ним были выпущены торпеды. Тяжелый крейсер «Блюхер» водоизмещением 10 тысяч тонн объяло пламя, начали взрываться имевшиеся на его борту боеприпасы, и он пошел на дно, унеся с собой 1600 человек, в том числе нескольких гестаповских и административных чиновников (со всеми документами), которые должны были арестовать короля и правительство и взять на себя управление столицей. «Лютцов» также был поврежден, но не полностью выведен из строя. Находившиеся на «Блюхере» контр–адмирал Оскар Куммец, командир эскадры, и генерал Эрвин Энгельбрехт, командир 163–й пехотной дивизии, сумели вплавь добраться до берега, где их взяли в плен норвежцы. После этого эскадра на некоторое время отошла назад, чтобы зализать полученные раны. Она не сумела выполнить свою главную задачу — захватить столицу Норвегии. Туда она попала только на следующий день.

По существу, Осло был захвачен чуть ли не иллюзорными силами, сброшенными с самолетов на необороняемый аэропорт. Катастрофические известия, поступившие из других морских портов Норвегии, и доносившийся с Осло–фьорда грохот орудий заставили норвежскую королевскую семью, правительство и членов парламента в 9.30 утра бежать на специальном поезде из столицы в Хамар, расположенный в 80 милях к северу. Двадцать грузовиков, нагруженных золотом из подвалов банка Норвегии, и еще три грузовика с секретными документами министерства иностранных дел покинули Осло в это же время. Таким образом, мужественные действия небольшого гарнизона крепости Оскарсборг сорвали замыслы Гитлера захватить норвежского короля, правительство и золото.

Население Осло пребывало в полном замешательстве. В столице находились кое–какие войска, но они не были приведены в состояние боевой готовности. Не было ничего предпринято и для организации обороны, хотя, чтобы заблокировать ближайший аэропорт Форнебу, достаточно было установить на взлетно–посадочной полосе и около нее несколько старых автомашин. Накануне, поздно вечером, капитан Шпиллер, немецкий военно–воздушный атташе в Осло, сам встал на аэродроме, чтобы встретить воздушно–десантные войска, которые должны были прибыть после того, как корабли флота войдут в порт. Когда корабли потерпели неудачу, из немецкого посольства в Берлин полетела отчаянная радиограмма, извещавшая о неожиданных неприятностях. Ответ последовал немедленно парашютисты и авиадесантники уже вскоре спешно высаживались на аэродроме Форнебу. К полудню там собралось около пяти рот. Поскольку они имели при себе только легкое оружие, то находившиеся в столице норвежские войска могли легко их уничтожить. Однако по не выясненным до сих пор причинам — такая неразбериха царила тогда в Осло — наличные силы не были собраны воедино, и в результате чисто символический отряд немецкой пехоты промаршировал по столице вслед за военным духовым (возможно, импровизированным) оркестром. Так пал последний из норвежских городов. Но не пала еще Норвегия.

Днем 9 апреля стортинг, норвежский парламент, собрался в Хамаре, причем из двухсот

депутатов отсутствовали только пятеро. Но в 7.30 вечера заседание было прервано в связи с приближением немецких войск, и стортинг переехал в Эльверум, расположенный в нескольких милях к востоку, ближе к шведской границе. Доктор Брейер под давлением Риббентропа требовал немедленной аудиенции у короля, и норвежский премьер–министр дал на нее согласие, но при условии, что немецкие войска отойдут на юг и будут находиться на безопасном удалении. На это немецкий посол не согласился.

В это же время нацисты готовили очередную подлость. Капитан Шпиллер, военно–воздушный атташе, во главе двух рот немецких парашютистов отправился из аэропорта Форнебу в Хамар, чтобы захватить там неподатливого короля и его правительство. Задуманная операция казалась им скорее веселой шалостью. Поскольку норвежские войска не произвели ни одного выстрела, чтобы предотвратить вступление немцев в Осло, Шпиллер не ожидал встретить сопротивление и у Хамара. Две роты, по сути, устроили себе увеселительную поездку по красивым местам на реквизированных автобусах. Но они не учли того обстоятельства, что их встретит норвежский офицер, который будет действовать совершенно иначе в отличие от многих других. Полковник Руге, генеральный инспектор пехоты, сопровождавший короля на север, настоял на том, чтобы обеспечить какое–то прикрытие правительству, бежавшему из оккупированного врагом района, и устроил на дороге засаду в составе двух батальонов пехоты, которые наскоро собрал перед отъездом из Осло. Автобусы с немцами были остановлены, и в последовавшей стычке Шпиллера смертельно ранило. Понеся потери, немецкие парашютисты отошли назад к Осло. На следующий день доктор Брейер в одиночку отправился из Осло по той же самой дороге, чтобы увидеться с королем. Профессиональный дипломат старой школы, немецкий посол не находил в этом особого удовольствия, но Риббентроп непрерывно требовал, чтобы он уговорил короля и правительство согласиться на капитуляцию. Трудная задача Брейера еще больше усложнилась в результате политических событий, которые только что произошли в Осло. Накануне вечером Квислинг наконец приступил к энергичным действиям. Когда столица, казалось, находилась в руках немцев, он ворвался на радиостанцию и в обращении к норвежцам провозгласил себя главой нового правительства и приказал немедленно прекратить сопротивление. Хотя Брейер еще не понял этого, а Берлин так никогда и не сумел понять, но этот акт предательства обрек на провал все усилия немцев склонить Норвегию к капитуляции. Парадоксально, что, хотя это был момент национального позора для норвежцев, измена Квислинга подвигла их на сопротивление, которому предстояло стать грозной и героической силой.

Доктор Брейер встретился с Хоконом VII, единственным в двадцатом столетии королем, который был избран на трон путем всенародного голосования[33], в помещении школы в небольшом городке Эльверум в 3 часа дня 10 апреля. Из личной беседы с монархом и после внимательного изучения как норвежских архивных материалов, так и секретного доклада доктора Брейера, который был обнаружен среди захваченных документов германского министерства иностранных дел, я сумел составить довольно полную картину того, что произошло. После продолжительного сопротивления король согласился принять немецкого посла в присутствии своего министра иностранных дел доктора Хальдана Кота. Когда Брейер стал настаивать, чтобы сначала состоялась встреча с глазу на глаз с королем, то тот с одобрения Кота в конце концов уступил.

Немецкий посол, действуя в соответствии с полученными инструкциями, то льстил королю, то пытался его запугать. Германия хотела сохранить династию. Она просто просит Хокона сделать то, что сделал днем раньше в Копенгагене его брат. Безрассудно

---

[33] Норвегия на протяжении четырех веков являлась составной частью Дании, затем в течение столетия — составной частью Швеции. Только в 1905 году она обрела полную независимость, разорвав унию со Швецией, и народ выбрал принца Карла Датского королем Норвегии. Он принял имя Хокона VII (Хокон VI умер в 1380 году). Хокон VII являлся братом датского короля Кристиана X, так быстро сдавшегося немцам утром 9 апреля 1940 года. — Прим. авт.

сопротивляться вермахту. Это приведет лишь к бессмысленной гибели норвежцев. Короля просят утвердить правительство Квислинга и вернуться в Осло. Хокон, человек честный и демократичный, приверженец конституционных процедур, даже находясь в столь критическом положении, пытался объяснить немецкому дипломату, что в Норвегии король не принимает политических решений, что это исключительно дело правительства, с которым он теперь хотел бы посоветоваться. Здесь к разговору присоединился Кот, и было решено, что ответ правительства будет передан Брейеру по телефону в условленном месте, когда он будет возвращаться в Осло.

Для Хокона, который хотя и не принимал политических решений, но конечно же мог влиять на них, существовал только один ответ немцам. Укрывшись в скромной гостинице в деревне Нибергсунн возле Эльверума — на случай, если немцы после ухода Брейера попытаются внезапно захватить его в плен, — он собрал членов правительства на заседание государственного совета.

«…Что касается меня, — сказал он собравшимся, — то я не могу принять немецкие требования. Это противоречило бы моему пониманию долга короля Норвегии, куда я приехал почти тридцать пять лет назад… Я не хочу, чтобы правительство приняло решение под влиянием моего заявления. Но… я не могу назначить премьер–министром Квислинга, человека, к которому не питает никакого доверия, как мне известно, ни наш народ… ни его представители в стортинге. Поэтому, если правительство будет вынуждено принять немецкие требования, — мне полностью понятны доводы в пользу такого решения, если принять во внимание нависшую угрозу войны, в которой столь многим молодым норвежцам придется отдать свои жизни, — единственно возможным для меня выбором остается отречение».

Правительство не захотело уступить королю в мужестве, хотя до этого момента многие его члены колебались, и быстро сплотилось вокруг монарха. Ко времени, когда Брейер достиг местечка Эйдсволл, на полпути к Осло, Кот по телефону сообщил ему ответ норвежского правительства. Немецкий посол тут же перезвонил в свое посольство в Осло, а оттуда — немедленно в Берлин.

«Король не назначит никакого правительства во главе с Квислингом. Решение это принято по единодушной рекомендации правительства. На мой прямой вопрос министр иностранных дел Кот ответил: «Сопротивление будет продолжаться, пока хватит сил».

В тот вечер через оказавшуюся поблизости слабенькую радиостанцию, единственное средство для поддержания связи с внешним миром, норвежское правительство бросило перчатку могущественному третьему рейху. Оно сообщило о своем решении не принимать немецких требований и призвало народ — а норвежцев насчитывалось всего три миллиона — оказывать захватчикам сопротивление. Король официально поддержал это воззвание.

Однако нацистские захватчики не могли сразу поверить, что норвежцы готовы к тому, к чему они призывают. Было предпринято еще две попытки убедить короля. Утром 11 апреля появился эмиссар Квислинга капитан Иргенс, который настаивал на возвращении монарха в столицу. Он обещал, что Квислинг будет лояльно служить ему. С молчаливым презрением его предложение было отклонено.

В полдень поступила срочная депеша от Брейера, в которой посол просил новой аудиенции у короля, чтобы обговорить «конкретные предложения». Посол получил очередные инструкции от Риббентропа передать монарху, что он «хотел предоставить норвежскому народу последний шанс прийти к разумному соглашению»[34]. На этот раз

---

[34] Зловещий намек на очередное вероломство имеется в секретных инструкциях Риббентропа. Брейеру было сказано, чтобы он попытался договориться о встрече где–нибудь между Осло и нынешним местом пребывания короля. Очевидно, Брейеру предписывалось обсудить все в деталях с генералом фон Фалькенхорстом и затем проинформировать его о том, на каком месте и в какое время состоится встреча с королем. Гаус, который по телефону передавал указания Риббентропа, докладывал, что «господин Брейер хорошо уяснил смысл указаний». Напрашивается мысль, что если бы король пошел на эту встречу, то солдаты Фалькенхорста там бы его и схватили. — Прим. авт.

доктор Кот, посоветовавшись с королем, ответил, что, если у немецкого посла имеются «конкретные предложения», он может их сообщить министру иностранных дел.

Нацистская реакция на такой резкий отказ от такой маленькой и теперь такой беспомощной страны оказалась весьма характерной для немцев. Сначала они не сумели захватить короля и членов правительства, затем не сумели убедить их капитулировать. Теперь они попытались их убить. Поздно вечером 11 апреля были посланы бомбардировщики люфтваффе, чтобы хорошенько проучить деревню Нибергсунн. Нацистские летчики с помощью фугасных и зажигательных бомб полностью уничтожили деревню, а затем расстреляли из пулеметов тех, кто пытался бежать подальше от пылавших руин. Вначале немцы, вероятно, полагали, что им удалось уничтожить заодно короля и членов его правительства. В дневнике одного немецкого пилота, позднее захваченного в плен в Северной Норвегии, имелась следующая запись, датируемая 11 апреля: «Нибергсунн. Правительство Осло полностью уничтожено».

Деревня действительно была стерта с лица земли, но король и его правительство не пострадали. С приближением нацистских бомбардировщиков они укрылись в соседнем лесу. Стоя по колено в снегу, они наблюдали, как нацистская авиация уничтожала скромные домики этой деревушки. Они оказались перед выбором: либо идти к шведской границе и просить политического убежища в нейтральной Швеции, либо продвигаться дальше на север и укрыться в собственных горах, все еще покрытых глубоким снегом. Решили идти вверх по сильно пересеченной долине Гудбраннс, которая пролегала от Хамара и Лиллехаммера до Ондалснеса, расположенного примерно в 100 милях юго–западнее Тронхейма. Продвигаясь по этому маршруту, они надеялись организовать ошеломленные и рассеянные норвежские войска на дальнейшее сопротивление оккупантам. К тому же оставалась некоторая надежда, что на помощь норвежцам придут английские войска.

Сражение за Норвегию

На далеком севере, у Нарвика, английский военно–морской флот быстро отреагировал на внезапную немецкую оккупацию. По признанию Черчилля, возглавлявшего в то время британское адмиралтейство, немцы «полностью перехитрили» англичан. Теперь, находясь за пределами радиуса действия немецких бомбардировщиков, базирующихся на суше, английский флот перешел в наступление. Утром 10 апреля, через 24 часа после того, как десять немецких эсминцев захватили Нарвик и высадили войска Дитля, группа английских кораблей в составе пяти эсминцев вошла в гавань Нарвика, потопила два из пяти находившихся там немецких эсминцев, три эсминца повредила и потопила все немецкие транспортные суда, за исключением одного. В ходе этого побоища был убит контр–адмирал Бонте, командовавший немецкими морскими силами в Нарвике. Но, покидая гавань, английские корабли натолкнулись на пять немецких эсминцев, которые шли сюда из других фьордов. На немецких кораблях оказалось более мощное вооружение, и они сумели потопить один английский эсминец, другой, на котором был смертельно ранен командир группы кораблей капитан 1 ранга Варбертон–Ли, вынудили выброситься на мель, а третий повредили. Трем из пяти английских эсминцев удалось проскочить в открытое море, где они потопили крупное немецкое грузовое судно с боеприпасами, направлявшееся к порту Нарвик.

В полдень 13 апреля английская флотилия эсминцев во главе с линкором «Уорспайт», уцелевшим участником Ютландского сражения времен первой мировой войны, вернулась в Нарвик и уничтожила остальные немецкие корабли. Вице–адмирал Уитворт, командовавший флотилией, радируя в адмиралтейство о результатах своих действий, настаивал, что Нарвик необходимо занять немедленно «сильной десантной группой», поскольку немецкие войска

на берегу ошеломлены и дезорганизованы, — Дитль со своими солдатами бежал в горы. К несчастью для союзников, английский командир такой группы генерал–майор П. Мэкеси, человек чрезмерно осторожный, прибыв на следующий день с передовым отрядом в составе трех пехотных батальонов, предпочел не рисковать и выгрузил свои войска у Харстада, на 35 миль севернее населенного пункта, где дислоцировались норвежцы. Дорого обошлась эта ошибка союзникам.

Англичане заранее подготовили небольшой экспедиционный корпус для использования в Норвегии, но в критический момент проявляли непостижимую медлительность вместо того, чтобы поскорее использовать войска по своему назначению. Днем 8 апреля, когда были получены известия о продвижении групп немецких кораблей к северу вдоль норвежского побережья, английский флот срочно выгрузил войска, находившиеся на судах и предназначавшиеся для оккупации Ставангера, Бергена, Тронхейма и Нарвика, мотивируя это тем, что теперь для боевых действий на море будет необходим каждый корабль. К тому времени, когда английские сухопутные войска были вновь погружены на суда, все вышеперечисленные портовые города находились в руках немцев. А к тому времени, когда они достигли центральной части норвежского побережья, они оказались обречены, как и английские корабли, прикрывавшие их, поскольку в небе уже господствовала немецкая авиация.

К 20 апреля одна английская бригада, усиленная тремя батальонами французов, высадилась в Намсусе, небольшом порту, расположенном примерно в 80 милях северо–восточнее Тронхейма, а другая — высадилась на берег возле Ондалснеса, в 100 милях к юго–западу от Тронхейма, который, таким образом, надо было атаковать с севера и юга. Однако отсутствие полевой артиллерии, зенитных орудий и авиационной поддержки, а также продолжавшиеся днем и ночью налеты немецкой авиации на позиции этих бригад, господство немцев в воздухе — все это не позволило англичанам наладить доставку подкреплений и боевой техники и поставило эти бригады в такое положение, что они не смогли серьезно угрожать занятому немцами Тронхейму. Бригада, высадившаяся у Ондалснеса, после встречи с норвежским подразделением возле Думбоса, железнодорожного узла, расположенного в 60 милях к востоку, отказалась от предполагавшегося наступления на север в сторону Тронхейма и двинулась на юго–восток, чтобы помочь норвежским войскам, которые под руководством энергичного полковника Руге сдерживали главное немецкое наступление вверх по долине от Осло.

21 апреля у Лиллехаммера, к северу от Хамара, произошло первое сражение между английскими и немецкими войсками, которые находились явно не в равных условиях. Корабль, загруженный артиллерией английской бригады, был потоплен, поэтому англичане имели только винтовки и пулеметы, чтобы противостоять натиску немцев, оснащенных артиллерией и легкими танками. Хуже того, английская пехота, не получая поддержки с воздуха, подвергалась непрерывным ударам немецкой авиации, действовавшей с ближайших норвежских аэродромов. Лиллехаммер пал после 24–часового боя, и английские и норвежские войска начали 140–мильный отход вверх по долине вдоль железной дороги на Ондалснес, останавливаясь то здесь, то там, чтобы вести арьергардные бои, которые замедляли, но никогда не останавливали продвижение немцев. В ночь на 1 мая английские войска были эвакуированы из Ондалснеса, а 2 мая был эвакуирован англо–французский контингент из Намсуса. Саму эвакуацию можно приравнять к героическим подвигам, ибо обе гавани, подвергаясь непрерывной бомбардировке немецкой авиацией, превратились в море огня. В ночь на 29 апреля король Норвегии и члены его правительства были взяты на борт английского крейсера «Глазго» возле Молде и доставлены в Тромсе, находившийся далеко за Полярным кругом, севернее Нарвика, где 1 мая была провозглашена временная столица.

К тому времени Южная Норвегия, где находились все основные города и порты, оказалась безвозвратно потерянной. Однако Северная Норвегия, казалось, оставалась в безопасности. 28 мая союзные силы в составе 25 тысяч человек, в том числе две бригады

норвежцев, одна бригада поляков и два батальона французского иностранного легиона, изгнали намного уступавшие им в численности силы немцев из Нарвика. Казалось, нет оснований сомневаться, что теперь Гитлер будет лишен железной руды и не сможет оккупировать всю Норвегию и заставить норвежское правительство капитулировать. Однако в это время вермахт нанес ошеломляющий удар на Западном фронте, и теперь там был нужен каждый союзный солдат, чтобы затыкать образовавшиеся бреши. Союзные войска оставили Нарвик, поспешно погрузились на суда и отбыли, а генерал Дитль, отсиживавшийся в суровых горах возле шведской границы, 8 июня вновь занял город и порт Нарвик, а спустя четыре дня принял капитуляцию доблестного полковника Руге и ошеломленных норвежских войск, считавших, что англичане бросили их в беде. Король Хокон и его правительство 7 июня были взяты на борт крейсера «Девоншир» в Тромсе и вывезены в Лондон, где провели пять горьких лет изгнания[35]. А Дитля произвели в Берлине в генерал–майоры, наградили Рыцарским крестом, и сам Гитлер провозгласил его «победителем Нарвика».

Несмотря на потрясающие успехи, у фюрера были тяжелые минуты во время норвежской кампании. Дневник генерала Йодля испещрен немногословными записями о нервных вспышках фюрера. «Ужасное возбуждение» Йодль фиксирует 14 апреля после получения известия об уничтожении немецких военно–морских сил в Нарвике. 17 апреля у Гитлера произошел приступ истерии из–за потери Нарвика: он требовал эвакуировать войска Дитля по воздуху, что было совершенно невозможно. «Каждое скверное известие, — отмечал в тот день в своем дневнике Йодль, — порождает самые худшие опасения». Еще спустя два дня: «Снова кризис. Политическая акция не удалась. Посол Брейер отозван. По мнению фюрера, необходимо применить силу…»[36] Совещание в имперской канцелярии в Берлине 19 апреля, когда руководители трех видов вооруженных сил стали обвинять друг друга за задержку и промедление, приобрели столь ожесточенный характер, что «лакей» Кейтель даже потихоньку вышел из комнаты. «Опять в руководстве назревает угроза хаоса», — замечает Йодль. А 22 апреля добавляет: «Фюрер все сильнее беспокоится по поводу английских десантов».

23 апреля медленное продвижение немецких войск из Осло в направлении Тронхейма и

---

[35] Первая попытка Квислинга управлять Норвегией длилась недолго. 15 апреля, спустя шесть дней после того, как он провозгласил себя премьер–министром, немцы изгнали его и назначили Административный совет в составе шести видных норвежских граждан, включая епископа Эйвинна Бергграва, главу лютеранской церкви в Норвегии, и Пола Берга, президента Верховного суда. Это было делом рук Берга, блестящего, но непоследовательного в своих убеждениях юриста, который позднее стал тайным руководителем норвежского движения Сопротивления. 24 апреля Гитлер назначил Тербовена, известного своей беспощадностью молодого нацистского гаулейтера, рейхскомиссаром Норвегии. По существу, он и управлял страной, все время ужесточая оккупационный режим. Брейер, с самого начала выступавший против Квислинга, 17 апреля был отозван, уволен с дипломатической службы и направлен солдатом на Западный фронт. Немцы вновь поставили Квислинга на пост премьер–министра в 1942 году, но, будучи исключительно непопулярной личностью среди народа, он не обладал практической властью, несмотря на отчаянные усилия истово служить своим немецким хозяевам. В конце войны его судили как предателя и 24 октября 1945 года казнили.

Рейхскомиссар Норвегии Тербовен предпочел покончить с собой, чем сдаться. Кнут Гамсун, известный норвежский писатель, который открыто сотрудничал с немцами и восхвалял их деяния, был признан виновным в измене, но обвинения были сняты ввиду его преклонного возраста. Тем не менее его судили «за использование нацистского режима в целях наживы» и присудили к штрафу в 65 тысяч долларов. Умер он 19 февраля 1952 года в возрасте 93 лет. Генерал фон Фалькенхорст был предан суду как военный преступник. Смешанный англо–норвежский военный суд приговорил его к смертной казни за передачу военнопленных из числа союзных коммандос в руки СС в целях уничтожения. 2 августа 1946 года смертная казнь была заменена ему пожизненным тюремным заключением. — Прим. авт.

[36] 13 апреля генерал Фалькенхорст, несомненно по наущению Гитлера, который неистовствовал из–за сопротивления норвежцев, подписал приказ, предусматривающий взятие в заложники двадцати наиболее выдающихся граждан Осло, в том числе епископа Бергграва и Пола Берга, которых, по словам Брейера, намеревались расстрелять в случае продолжения сопротивления или актов саботажа. — Прим. авт.

Ондалснеса вызвало у фюрера, по записям Йодля, «нарастающее возбуждение», но на следующий день поступили неплохие известия. С этого дня они стали все более утешительными. К 26 апреля настроение нацистского правителя настолько улучшилось, что в 3.30 утра, после ночи, проведенной с военными советниками, он заявил, что намерен начать операцию «Гельб» между 1 и 7 мая. Хотя 29 апреля Гитлер опять проявлял «обеспокоенность относительно Тронхейма», на следующий день он «сиял от радости», получив известие, что боевая группа из Осло достигла Тронхейма. Наконец он снова мог сосредоточить свое внимание на Западе. 1 мая он приказал завершить приготовления к крупному наступлению 5 мая.

Руководители вермахта — Геринг, Браухич, Гальдер, Кейтель, Йодль, Редер и другие впервые в ходе норвежской кампании наблюдали, как их демонический лидер теряет самообладание даже при незначительных военных неудачах. Эта слабость впоследствии проявлялась все сильнее, когда после целой серии поразительных успехов военное счастье изменило ему, что в немалой степени способствовало краху третьего рейха.

И все же, с какой стороны ни посмотри, быстрый захват Дании и Норвегии явился важной победой Гитлера и обескураживающим поражением англичан. Эта победа обеспечила безопасность доставки руды зимой в Германию, дала дополнительное прикрытие подступов к Балтике, позволила немецкому военно–морскому флоту решительно прорваться в Северную Атлантику и обеспечила немцев прекрасными портовыми сооружениями для базирования подводных лодок и надводных кораблей, чтобы вести войну на море против Англии. Она позволила Гитлеру приблизить свои авиационные базы на сотни миль к главному противнику. И, пожалуй, самое важное — это огромный рост военного престижа третьего рейха и, соответственно, упадок престижа западных союзников. Нацистская Германия казалась непобедимой. Австрия, Чехословакия, Польша, а теперь Дания и Норвегия легко развалились под ударами Гитлера или под угрозой применения силы, и даже помощь двух крупных западных союзников в последнем случае не оказала никакого влияния на ход событий. Казалось, будущее, как писала одна известная американка, принадлежит Гитлеру и нацизму.

Для остальных нейтральных стран захват Гитлером Дании и Норвегии являлся вместе с тем ужасающим уроком. Очевидно, нейтралитет уже не давал гарантии маленьким демократическим государствам, пытающимся выжить в мире, где господствовали тоталитарные режимы. Только что это поняла Финляндия, а теперь Дания и Норвегия. Им, отказавшимся принять в свое время — до фактической агрессии — помощь дружественных держав, приходилось теперь винить себя за свою слепоту.

«Я верю, — говорил Черчилль в палате общин 11 апреля, — этот факт станет предметом размышлений для других стран, которые могут завтра, через неделю или через месяц сами стать жертвами столь же тщательно разработанного штабами плана их уничтожения и порабощения».

Говоря это, он, очевидно, думал о Голландии и Бельгии, но даже в этом случае, когда они получили месячную отсрочку, размышлений подобного рода не было[37].

---

[37] Шведы, оказавшиеся между Россией и Финляндией, балтийскими странами и Германией, захватившей граничащие со Швецией Норвегию и Данию, после долгих размышлений пришли к выводу, что у них нет иного выбора, как цепляться за свой драгоценный нейтралитет или погибнуть в бою, если они подвергнутся нападению. Они умиротворили Советский Союз, отказав западным союзникам в транзите их войск в Финляндию, а теперь, уступая сильному давлению Германии, умиротворили ее. Хотя Швеция и послала внушительную партию оружия в Финляндию, теперь, когда Норвегия подверглась нападению, она отказала ей в продаже оружия и топлива. В течение всего апреля немцы требовали, чтобы шведы разрешили транзит своих войск в Нарвик на выручку Дитля, но шведы так и не дали разрешения до конца боевых действий, хотя поезд с медицинским персоналом и продовольствием пропустили. 19 июня, опасаясь прямого нападения со стороны Германии, шведы уступили давлению Гитлера и согласились пропускать через свою территорию железнодорожные составы с нацистскими войсками и военными материалами в Норвегию при условии, что число войск гарнизонов в Норвегии не нарушит существующего баланса. Это была огромная помощь Германии. Перевозка свежих гитлеровских войск и военных грузов по шведской территории избавляла их от

Нужно было извлечь определенные выводы из молниеносного захвата Гитлером скандинавских стран. Наиболее серьезный вывод — значение авиации, ее превосходства над военно–морскими силами, когда наземные авиабазы находятся поблизости. Не менее важен был старый вывод, что победы часто достигает тот, кто действует решительно и изобретательно. И то и другое было присуще нацистской авиации и флоту, а Дитль в Нарвике проявил изобретательность, какая отсутствовала у союзников.

И еще один существенный военный итог скандинавской кампании, который не был оценен сразу, поскольку не представлялось возможным заглянуть слишком далеко вперед. Потери в живой силе с обеих сторон оказались сравнительно невелики. Немцы потеряли 1317 человек убитыми, 2375 пропавшими без вести и 1604 ранеными, всего — 5296 человек; потери норвежцев, французов и англичан составили чуть менее 5 тысяч. Англичане потеряли один авианосец, один крейсер и семь эсминцев, поляки и французы — по одному эсминцу. Немецкие потери оказались более существенными: десять из двадцати эсминцев, три из восьми крейсеров, линейные крейсера «Шарнхорст» и «Гнейзенау», а также карманный линкор «Лютцов» получили столь серьезные повреждения, что в течение нескольких месяцев находились в ремонте. Для предстоящей летней кампании у Гитлера не было настоящего флота. Когда подошло время осуществлять вторжение на Британские острова — а время это подошло очень скоро, — отсутствие достаточных военно–морских сил оказалось непреодолимым для операции «Морской лев».

Однако тяжелые потери немецкого флота не вызывали теперь особой тревоги у фюрера, и, включив в начале мая Данию и Норвегию в длинный список своих завоеваний, он работал рука об руку со своими старательными генералами, ибо они уже отбросили сомнения, обуревавшие их прошлой осенью, над последними приготовлениями к операции, которая — они были в этом уверены — должна была привести их к величайшей победе.

ПОБЕДА НА ЗАПАДЕ

Прекрасным весенним утром 10 мая 1940 года посол Бельгии и посланник Нидерландов в Берлине были вызваны на Вильгельмштрассе, где Риббентроп сообщил им, что немецкие войска вступают на территорию их стран в целях обеспечения их нейтралитета перед лицом нависшей угрозы нападения англо–французских армий — аналогичный бесчестный предлог был использован всего месяц назад для оправдания оккупации Дании и Норвегии. Официальный немецкий ультиматум призывал оба правительства принять необходимые меры, чтобы воспрепятствовать оказанию сопротивления. В случае такового оно будет решительно подавлено всеми имеющимися средствами и ответственность за кровопролитие «всецело ляжет на королевское бельгийское и королевское нидерландское правительства».

В Брюсселе и Гааге, как недавно в Копенгагене и Осло, немецкие послы направились в министерства иностранных дел с аналогичными посланиями. По иронии судьбы в Гааге ультиматум должен был вручить граф Юлиус фон Зех–Буркерсроде, немецкий посланник, являвшийся зятем Бетман–Холвега, бывшего канцлера кайзера, который в 1914 году публично назвал немецкие гарантии нейтралитета Бельгии, только что нарушенные империей Гогенцоллернов, клочком бумаги.

В министерстве иностранных дел в Брюсселе, в то время как немецкие бомбардировщики с ревом проносились над бельгийской столицей и от разрывов

риска быть уничтоженными англичанами при транспортировке по морю. За первые шесть месяцев в Норвегии было заменено 140 тысяч немецких солдат и немецкий контингент значительно увеличился. Позднее, перед самым нападением немцев на Россию, Швеция дала разрешение нацистскому верховному командованию на пропуск через свою территорию целой дивизии с боевой техникой и оружием из Норвегии в Финляндию для использования против Советского Союза. То, в чем она отказала западным союзникам годом раньше, теперь было разрешено нацистской Германии. Более подробно о немецком давлении на Швецию, включая обмен письмами между королем Густавом V и Гитлером, см. «Документы по внешней политике Германии» (IX). Автор подробно изложил этот вопрос в своей работе «Вызов Скандинавии». Прим. авт.

сбрасываемых ими на ближайшие аэродромы бомб дребезжали стекла, Бюлов–Шванте, немецкий посол, начал было извлекать из своего кармана официальную бумагу, но Поль Анри Спаак остановил его:

«Прошу прощения, господин посол. Первым буду говорить я. Германская армия только что напала на нашу страну, — сказал Спаак, не пытаясь скрыть своего возмущения. — Уже во второй раз за двадцать пять лет Германия совершает преступную агрессию против нейтральной и лояльной Бельгии. То, что случилось, является даже более одиозным, чем агрессия 1914 года. Ни ультиматума, ни ноты, ни протеста какого бы то ни было характера не было предъявлено бельгийскому правительству. Только после нападения Бельгия узнала, что Германия нарушила взятые на себя обязательства… Германский рейх будет нести за это ответственность перед историей. Бельгия полна решимости защищать себя».

Незадачливый немецкий дипломат начал было читать немецкий ультиматум, но Спаак прервал его: «Дайте мне документ. Я хочу избавить вас от исполнения неприятной обязанности».

Третий рейх не первый раз давал этим двум маленьким государствам гарантии нейтралитета. Независимость и нейтралитет Бельгии были гарантированы «бессрочно» пятью великими европейскими державами в 1839 году пактом, который соблюдался в течение 75 лет, пока Германия в 1914 году не нарушила его. Веймарская республика обещала никогда не поднимать оружие против Бельгии, и Гитлер, придя к власти, неоднократно заверял, что соблюдение нейтралитета Бельгии незыблемо, и дал такие же гарантии Нидерландам. 30 января 1937 года, отказавшись считаться с условиями Локарнского договора, нацистский канцлер публично заявил:

«Германское правительство дало дальнейшие заверения Бельгии и Голландии, что оно готово признать и гарантировать нейтралитет этих территорий и нерушимость их границ».

Напуганная ремилитаризацией третьего рейха и оккупацией им Рейнской области весной 1936 года Бельгия, разумно отказавшаяся после 1918 года от политики нейтралитета, теперь вновь искала спасения в провозглашении нейтралитета. 24 апреля 1937 года Англия и Франция освободили ее от обязательств по Локарнскому договору, а 13 октября этого же года Германия официально и торжественно подтвердила свою решимость ни при каких обстоятельствах не причинять ущерба неприкосновенности и целостности Бельгии и во все времена уважать неприкосновенность бельгийской территории и оказывать Бельгии помощь, если она окажется объектом нападения…

Начиная с этого дня в частных указаниях Гитлера генералам появляется пункт, совершенно противоположный тем публичным заверениям, которые он источал в адрес Бельгии и Нидерландов. 24 августа 1938 года, касаясь одного из докладов, подготовленных для него в связи с разработкой плана «Грюн» (нападение на Чехословакию), он говорил о том огромном преимуществе, которое дала бы Германии оккупация Бельгии и Голландии, и спросил у армии мнение, «при каких условиях можно было бы осуществить оккупацию этого района и сколько времени для этого потребовалось бы». 28 апреля 1939 года в своем ответе Рузвельту Гитлер вновь подчеркивал «обязывающие заверения», которые он сделал Нидерландам и Бельгии в числе других. Не прошло и месяца, как 23 мая фюрер заявил своим генералам, что «голландские и бельгийские аэродромы должны быть отняты силой… с молниеносной быстротой», что «следует игнорировать декларации о нейтралитете». Он еще не начал войну, но планы у него уже созрели. 22 августа, за неделю до нападения на Польшу, он совещался со своими генералами относительно возможности нарушить нейтралитет Голландии и Бельгии. «Англия и Франция, — сказал он, — не станут нарушать нейтралитет этих стран». Четырьмя днями позднее, 26 августа, он приказал своим послам в Брюсселе и Гааге проинформировать соответствующие правительства, что в случае возникновения войны «Германия ни при каких обстоятельствах не нарушит неприкосновенность границ Бельгии и Голландии» — заверение, которое он публично повторил 6 октября по завершении польской кампании. На следующий день, 7 октября, генерал Браухич по указанию Гитлера предложил своим командующим группами армий осуществить все приготовления для

немедленного вторжения на территорию Голландии и Бельгии, если этого потребует политическая обстановка.

А еще двумя днями позднее, 9 октября, в Директиве №6 Гитлер приказывал:

«…Подготовить наступательные операции через люксембургско–бельгийско–голландскую территорию. Это наступление должно быть проведено как можно более крупными силами и как можно скорее… Целью этих наступательных операций является разгром по возможности большей части французской действующей армии и сражающихся на ее стороне союзников и одновременно захват возможно большей голландской, бельгийской и северофранцузской территории…»

Бельгийцы и голландцы, разумеется, были не в курсе секретных приказов Гитлера, тем не менее они получили предостережение относительно того, что их ожидало. О некоторых предостережениях уже говорилось ранее: полковник Остер, один из антинацистских заговорщиков, предупредил 5 ноября голландского и бельгийского военных атташе в Берлине, что немецкое нападение запланировано на 12 ноября. В конце октября Герделер, другой участник антинацистского заговора, выехал по настоянию Вайцзекера в Брюссель, чтобы предупредить бельгийцев о предстоящем нападении. А вскоре после Нового года, точнее, 10 января 1940 года гитлеровские планы наступления на Западе попали в руки бельгийцев, когда офицер, который вез эти документы, совершил вынужденную посадку в Бельгии.

К тому времени генеральные штабы Бельгии и Голландии знали от своих приграничных разведывательных служб, что Германия сосредоточивает у границы около 50 дивизий. Воспользовались они и необычным источником информации в самой немецкой столице. Таким источником оказался полковник Г. Дж. Сас, нидерландский военный атташе в Берлине. Сас был близким другом полковника Остера и часто обедал в его уединенном доме, расположенном в пригороде Берлина Целендорф, — этой практике способствовало введенное с начала войны затемнение, под прикрытием которого ряд лиц, как иностранцев, так и немцев, осуществляли в Берлине свои рискованные миссии, не опасаясь попасть в поле зрения немецкой контрразведки. Именно Сасу полковник Остер сообщил в начале ноября о немецком нападении, назначенном на 12 ноября. Он же сообщил в январе военному атташе о новом сроке нападения. Ни в первом, ни во втором случае нападения не произошло, и в Брюсселе, и в Гааге вера в правдивость информации Саса оказалась несколько поколеблена — там, разумеется, не знали, что Гитлер действительно дважды устанавливал даты нападения, а затем отменял их. Однако предупреждение, переданное Сасом в Гаагу за десять дней до нападения на Норвегию и Данию, позднее подтвердившееся, очевидно, до некоторой степени восстановило его престиж.

3 мая Остер совершенно четко сообщил Сасу, что немецкое наступление на Западе через территорию Нидерландов и Бельгии начнется 10 мая, и военный атташе немедленно сообщил об этом своему правительству. На следующий день в столице Нидерландов получили подтверждение этой информации от голландского посла в Ватикане. Гаага немедленно известила об этом Брюссель. 5 мая было воскресенье, а уже в начале следующей недели всем нам в Берлине стало очевидно, что удар на Западе последует в ближайшие дни. Напряжение в столице усиливалось. К вечеру 8 мая я отправил в свой офис в Нью–Йорке телеграмму с просьбой задержать одного из наших корреспондентов в Амстердаме, вместо того чтобы отправлять его в Норвегию, где война, вероятно, уже закончилась. В тот вечер военные цензоры позволили мне намекнуть в радиопередаче, что вскоре развернутся события на Западе, включая Голландию и Бельгию.

Вечером 9 мая Остер и Сас обедали вдвоем, и этот совместный обед оказался для них последним. Немецкий офицер подтвердил, что отдан приказ начать наступление на Западе завтра на рассвете. Чтобы еще раз удостовериться в том, что никаких изменений в последнюю минуту не произойдет, Остер после обеда (скорее, после ужина) наведался в штаб ОКБ на Бендлерштрассе. Никаких изменений. «Свинья отбыла на Западный фронт», передал Остер Сасу. Под «свиньей», естественно, подразумевался Гитлер. Сообщив эту

новость бельгийскому военному атташе, Сас направился в свое посольство и позвонил в Гаагу. Для передачи такого сообщения существовал специальный код, и Сас произнес несколько безобидных на первый взгляд слов, которые означали: «Завтра на рассвете. Держитесь!»

Как ни странно, но две великие западные державы — Англия и Франция оказались застигнуты врасплох. Их генеральные штабы игнорировали тревожные донесения из Брюсселя и Гааги. Лондон был охвачен правительственным кризисом, который продлился три дня и разрешился только вечером 10 мая, когда Чемберлена на посту премьер–министра сменил Черчилль. Французский и английский штабы впервые услышали о немецком нападении, когда тишину предрассветного утра разорвал грохот немецких самолетов и визг пикирующих бомбардировщиков. С наступлением утра голландское и бельгийское правительства, до того державшие союзников на почтительном расстоянии в течение восьми месяцев, вместо того чтобы согласованно действовать в интересах укрепления общей обороны, обратились к ним с отчаянной мольбой о помощи.

Тем не менее планы союзников ответить на немецкое наступление в Бельгии начали осуществляться почти без задержек в первые два дня. Огромная англо–французская армия устремилась на северо–восток с франко–бельгийской границы, чтобы занять главную оборонительную линию вдоль рек Диль и Маас восточнее Брюсселя. Именно этого и добивалось высшее немецкое командование, ибо массированный обходный маневр союзников был ему крайне выгоден. Англо–французские войска, не осознавая этого, шли прямо в западню, что вскоре и привело союзные армии к полной катастрофе.

Альтернативные планы

Первоначальный вариант плана наступления на Западе, который в январе стал известен бельгийцам и, как подозревали немцы, французам и англичанам, подвергся коренным изменениям. Операция, получившая кодовое название «Гельб», была наскоро состряпана в конце 1939 года высшим командованием вермахта под давлением Гитлера, требовавшего предпринять наступление на Западе не позднее середины ноября. Среди военных историков да и среди самих немецких генералов ведутся споры о том, не являлся ли первый план модифицированной версией старого плана Шлиффена; Гальдер и Гудериан утверждали, что это именно так. Этот план предусматривал нанесение немцами основного удара на правом фланге через Бельгию и Северную Францию с целью захватить порты на французском побережье Ла–Манша. Совсем немногим отличался он от знаменитого плана Шлиффена, претворение в жизнь которого едва не привело немцев к успеху в 1914 году и который обеспечивал не только захват портов на Ла–Манше, но и мощный обходный маневр, что могло завершиться выходом правого крыла немецких армий через Бельгию и Северную Францию и через Сену в район, откуда они могли повернуть на восток южнее Парижа и там окружить и разгромить остатки французских вооруженных сил. Целью такой операции было стремление быстро покончить с вооруженным сопротивлением французов, с тем чтобы Германия уже в 1914 году обратила свою военную мощь против России.

Однако в 1939–1940 годах у Гитлера не было оснований беспокоиться по поводу русского фронта. Тем не менее его цель была более ограниченной. Во всяком случае, на первой фазе кампании он собирался не разгромить французскую армию, а только потеснить ее таким образом, чтобы, оккупировав побережье Ла–Манша и тем самым отрезав Англию от своего союзника на континенте и обеспечив себя авиационными и военно–морскими базами, Германия могла тревожить Британские острова и осуществлять их блокаду. Как явствует из его разглагольствований перед генералами в те дни, Гитлер полагал, что после такого поражения Англия и Франция согласятся на заключение мира и он сможет еще раз направить свои устремления на Восток.

Еще до того как первоначальный вариант плана «Гельб» попал в руки западных

союзников, их верховное командование предвидело его основную идею. 17 ноября Высший военный совет союзников на своем заседании в Париже одобрил «План Д», который в случае немецкого наступления через Бельгию предусматривал немедленную переброску французских 1–й и 9–й армий и английских экспедиционных сил к главному бельгийскому оборонительному рубежу по рекам Диль и Маас от Антверпена через Левен, Намюр и Живе к Шер–левиль–Мезьер. За несколько дней до этого французский и английский генеральные штабы в ходе ряда секретных совещаний с представителями высшего военного командования Бельгии получили от последних заверения, что они усилят оборону на этом рубеже и окажут здесь основное сопротивление. Однако, все еще цепляясь за свой иллюзорный нейтралитет, что поддерживало в них надежду, будто им удастся избежать войны, бельгийцы да пыле этих договоренностей не пошли. Английский комитет начальников штабов доказывал, что если немцы начнут наступление, то времени для развертывания сил союзников на столь близком расстоянии не будет, тем не менее по настоянию генерала Гамелена «План Д» был принят.

В конце ноября союзники добавили к плану пункт, предусматривавший быструю переброску 7–й армии под командованием генерала Анри Жиро на побережье Ла–Манша в помощь голландцам, если Нидерланды подвергнутся немецкому нападению. Таким образом, попытка немцев вторгнуться через Бельгию — и, возможно, через Голландию — в обход линии Мажино натолкнется в самом начале на мощь английских экспедиционных сил, основных сил французской армии, 22 бельгийских и 10 голландских дивизий — силе в целом, как выяснилось, по численности равной немецкой.

Чтобы избежать фронтального столкновения и в то же время заманить в западню английскую и французскую армии, которые будут опрометчиво стремиться вперед, генерал Эрих фон Манштейн (урожденный Левинский), начальник штаба группы армий «А» под командованием Рундштедта, предложил радикально изменить план «Гельб». Манштейн, штабной офицер, имевший относительно невысокое звание, но богатое воображение, в течение зимы сумел изложить свою смелую идею Гитлеру вопреки первоначальным возражениям Браухича, Гальдера и ряда других генералов. Его предложение сводилось к тому, чтобы главный удар был нанесен в центре, через Арденны, массированными бронетанковыми силами, которым затем предстоит форсировать реку Маас севернее Седана, вырваться на оперативный простор и устремиться к Ла–Маншу, в район Абвиля.

Гитлер, которому всегда импонировали дерзкие решения, заинтересовался этим вариантом. Рундштедт стал без устали проталкивать эту идею не только потому, что он поверил в нее, но и потому, что в этом случае его группа армий «А» приобретала решающую роль в наступлении. Хотя личная неприязнь Гальдера и профессиональная зависть некоторых старших по званию генералов и привели в конце января к переводу Манштейна со штабной должности на должность командира корпуса, он все же использовал представившуюся ему во время обеда, устроенного фюрером в честь ряда новых командиров корпусов 17 февраля в Берлине, возможность и изложил Гитлеру свои неортодоксальные взгляды. Он доказывал, что удар танковыми силами через Арденны пришелся бы как раз по тому участку, где его союзники меньше всего ожидают, поскольку их генералы, как и большинство немецких генералов, считают эту сильно пересеченную, покрытую лесами местность непригодной для танков. Ложное наступление на правом фланге вынудило бы английские и французские армии устремиться в Бельгию. Затем, прорвав оборону французов у Седана и продвигаясь на запад вдоль правого берега реки Соммы к Ла–Маншу, немцы захлопнули бы западню для крупных англофранцузских сил, а также для бельгийской армии.

Это был довольно рискованный, как подчеркивали некоторые генералы, в том числе и Йодль, план. Но к этому времени Гитлер, считавший себя военным гением, практически уверовал в то, что идея эта его собственная, и высказывался в ее поддержку со все большим энтузиазмом. Генерал Гальдер, вначале отвергавший эту идею как сумасбродную, затем начал воспринимать ее как разумное предложение и при помощи офицеров генерального штаба значительно улучшил предложенный вариант. 24 февраля 1940 года план был

официально одобрен и принят новой директивой ОКБ, а генералам было предложено к 7 марта произвести перегруппировку своих войск. В ходе пересмотра из общего плана кампании, утвержденного 29 октября 1939 года, случайно выпал вопрос об оккупации Нидерландов, но 14 ноября был включен вновь по настоянию военно–воздушных сил, которые нуждались в голландских аэродромах для проведения воздушных операций против Англии и для снабжения значительной части воздушно–десантных войск в этой небольшой, но сложной операции. Такого рода соображения иногда играют решающую роль в судьбах небольших государств.

Итак, по мере того как кампания в Норвегии приближалась к победоносному завершению и становилось тепло, немецкая армия, самая мощная, какую когда–либо видел мир, наращивала готовность нанести удар на Западе. В численном отношении силы сторон были почти равны–136 немецких дивизий против 135 французских, английских, бельгийских и голландских. Преимущество обороняющейся стороны заключалось в наличии широкой сети оборонительных сооружений: непреодолимая линия Мажино на юге, вытянутая линия бельгийских фортов в середине и укрепленные водные рубежи в Голландии на севере. Даже по количеству танков союзники не уступали немцам. Однако они не сосредоточили их так, как это сделали немцы. А из–за приверженности голландцев и бельгийцев к идее нейтралитета не было тесного взаимодействия и согласованности между штабами союзников, чтобы обороняющаяся сторона могла объединить свои ресурсы и усилия в целях достижения наилучших результатов. У немцев было единое командование, инициатива нападающей стороны, их не обуревали сомнения морального порядка.

Готовясь к агрессии, они обладали непоколебимой уверенностью в самих себе и смелым планом. У них имелся боевой опыт, приобретенный в польской кампании. Там они проверили на практике свою новую тактику и новое оружие. Им уже были известны возможности пикирующего бомбардировщика и массированного применения танков. И они знали, со слов Гитлера, который не переставал их повторять, что, хотя французам придется защищать родную землю, чудеса героизма они не проявят.

Несмотря на уверенность и решимость, немецкое верховное командование, как это явствует из секретных документов, по мере приближения часа «Ч» временами впадало в панику. По крайней мере, это испытывал Гитлер как верховный главнокомандующий. Об этом пишет генерал Йодль в своем дневнике. В самый последний момент Гитлер отменял ранее назначенное время наступления: 1 мая он наметил наступление на 5 мая; 3 мая он передвинул дату наступления с 5 мая на 6–е, сославшись на плохой прогноз погоды, в действительности же, очевидно, из–за того, что министерство иностранных дел не находило достаточно оправданными предложенные им мотивы для нарушения нейтралитета Бельгии и Нидерландов. На следующий день он наметил «день Х» на 7 мая, а затем опять перенес его на 8 мая. «Фюрер закончил обдумывание оправдательных доводов для плана «Гельб», — отметил в своем дневнике Йодль. Бельгию и Голландию нужно было обвинить в действиях, совершенно недопустимых для нейтральной страны.

«7 мая. Поезд фюрера должен был отправиться из Финкенкруга в 16.38 по расписанию (из дневника Йодля). Однако погода оставалась неопределенной, поэтому приказ (на наступление) был отменен… Фюрер крайне обеспокоен переносом начала наступления, поскольку существует опасность предательства. Разговор бельгийского посла в Ватикане с Брюсселем дает основание полагать, что измена совершена каким–то немцем, выехавшим из Берлина в Рим 29 апреля…

8 мая. Тревожные вести из Голландии. Отмена отпусков, эвакуации, блокирование дорог и другие мобилизационные приготовления… Фюрер больше не хочет ждать. Геринг просит отодвинуть начало наступления хотя бы до 10–го… Фюрер крайне обеспокоен; он соглашается передвинуть дату наступления на 10 мая, по его словам, вопреки интуиции. Но ни на один день дольше…

9 мая. Фюрер принял решение начать наступление 10 мая. Это уже наверняка. Отъезд вместе с фюрером в его поезде назначен на 17.00 из Финкенкруга. После получения

благоприятной сводки погоды на 10–е, вечером 9–го, в 21.00, в войска было передано кодовое слово «Данциг».

Гитлер в сопровождении Кейтеля, Йодля и некоторых других представителей ОКБ прибыл в штаб–квартиру возле Мюнстера, название которой дал он сам Фельзеннест, как раз перед самым рассветом 10 мая. В 25 милях к западу германские вооруженные силы устремились через бельгийскую границу. На фронте протяженностью 175 миль от Северного моря до линии Мажино нацистские войска пересекли границы трех небольших нейтральных государств Голландии, Бельгии и Люксембурга, грубо нарушив свои торжественно данные и многократно повторенные гарантии. захваченных районов. Неужели союзные командующие не изучили особенностей этих кампаний и не сделали для себя соответствующих выводов?

Шестинедельная война: 10 мая — 25 июня 1940 года

Для Нидерландов война закончилась через пять дней. За этот же короткий период времени фактически была решена судьба Бельгии, Франции и английских экспедиционных сил. Для немцев все шло по плану, и не только по плану, а в соответствии со стратегическими и тактическими замыслами. Их успехи превзошли даже самые безрассудные мечты Гитлера. Его генералы были поражены молниеносной быстротой и размахом собственных побед. Что касается руководителей союзных держав, то развитие событий, которых они никоим образом не ожидали, и последовавшая затем полнейшая неразбериха, которой они не могли ожидать, просто парализовала их.

Сам Уинстон Черчилль, который вступил на пост премьер–министра в первый день сражения, был ошеломлен. В половине седьмого утра 15 мая его разбудил телефонный звонок премьер–министра Франции Поля Рейно из Парижа, который взволнованным голосом сообщил: «Нас разбили! Нас бьют!» Черчилль не мог этому поверить. Чтобы великая французская армия исчезла за одну неделю? Это невозможно. «Для меня были непостижимы масштабы революции, произошедшей в военном деле со времен последней войны и проявившейся в массированном применении танков», — писал позднее Уинстон Черчилль.

Танки — семь танковых дивизий, сосредоточенные на самом слабом участке обороны западных союзников для крупного прорыва, — вот что позволило добиться таких результатов. Эти танки и пикирующие бомбардировщики, парашютисты и десантируемые по воздуху войска, высадившиеся далеко позади оборонительных рубежей союзников или прямо на казавшиеся неприступными форты, повергли в полнейшее смятение западных союзников.

И все же мы, кто в это время находился в Берлине, не могли не удивляться тому, что тактика немцев и их способы действий оказались столь ошеломляющими для лидеров западных держав.

Разве войска Гитлера не продемонстрировали свою эффективность в боевых действиях против Польши? И там крупнейшие прорывы, завершавшиеся окружением или уничтожением польских армий в пределах недели, были осуществлены благодаря массированному применению танков после того, как пикирующие бомбардировщики сломили сопротивление поляков. Парашютисты и воздушно–десантные войска действовали в Польше неэффективно, даже когда их использовали в ограниченных масштабах; они не смогли захватить ключевые мосты в исправном состоянии. Но в Норвегии, за месяц до наступления на западном направлении, они действовали удивительно успешно, захватив Осло и все аэродромы, усилив отдельные небольшие группы, которые были высажены с моря в Ставангере, Бергене, Тронхейме и Нарвике, и тем самым обеспечив успешное удержание этими группами

Завоевание Нидерландов

Только одну танковую дивизию выделили немцы для захвата Нидерландов, который был осуществлен всего за пять дней в основном парашютистами и войсками, доставленными на самолетах в районы позади крупных водных рубежей, созданных посредством затопления, что, как считали многие в Берлине, должно было надолго задержать немецкие войска. К изумлению озадаченных голландцев, впервые в истории военного дела действия против них свелись к проведению крупномасштабной воздушно–десантной операции. Учитывая внезапность такой акции, голландцы тем не менее сделали больше, чем можно было от них ожидать.

Первоочередная задача немцев состояла в том, чтобы доставить сюда по воздуху крупные силы, высадить их на аэродромах близ Гааги, сразу же оккупировать столицу и захватить королеву и правительство, как пытались они это сделать месяцем ранее в Норвегии. Однако в Гааге, как и в Осло, осуществить намеченные планы не удалось, правда из–за иных обстоятельств. Придя в себя после неожиданного нападения и преодолев неразбериху, голландская пехота, поддержанная артиллерией, к вечеру 10 мая оттеснила немцев в составе двух полков с трех аэродромов, расположенных вокруг Гааги. Это задержало на некоторое время захват столицы и спасло правительство, однако сковано голландские резервы, которые были крайне необходимы в других местах.

Ключевым моментом в немецком плане был захват воздушно–десантными подразделениями мостов через Маас, расположенных чуть южнее Роттердама и в устье Мааса у Дордрехта, на юго–востоке. Именно через эти мосты генерал Георг фон Кюхлер надеялся переправить в Голландию свою 18–ю армию, двигавшуюся от границы Германии, проходившей почти в 100 милях отсюда. Никаким иным путем нельзя было быстро овладеть этим районом, находившимся за грозными водными препятствиями и охватывавшим Гаагу, Амстердам, Утрехт, Роттердам и Лейден,

Мосты были захвачены утром 10 мая воздушно–десантными подразделениями, причем одна рота приземлилась на реке у Роттердама в отживших свой век гидросамолетах, прежде чем ошарашенная внезапностью голландская охрана успела их взорвать. Голландские подразделения предпринимали отчаянные усилия, чтобы отогнать немцев от мостов, и уже были близки к успеху, но немцы сумели продержаться до утра 12 мая, когда здесь появилась танковая дивизия из армии Кюхлера, ранее прорвавшая оборонительный рубеж Греббе, Пиил на востоке, усиленный несколькими водными препятствиями, на которых, как надеялись голландцы, можно было задержать противника на несколько дней.

Оставалась некоторая надежда, что немцев удастся задержать до мостов, у Мердика, силами французской 7–й армии под командованием генерала Жиро, которая направилась сюда с берегов Ла–Манша и достигла Тилбурга в полдень 11 мая. Однако у французов, как и у голландцев, оказавшихся под сильнейшим давлением, не хватало авиационной поддержки, бронетанковых средств, противотанковых и зенитных орудий, поэтому их легко отбрасывали назад, к Бреде. Это открыло немецкой 9–й танковой дивизии дорогу через мосты у Мердика и Дордрехта, и в полдень 12 мая она появилась на левом берегу Мааса, где немецкие десантники все еще удерживали в своих руках мосты.

Но пройти по мостам в Роттердам танки не могли, так как голландцы за это время сумели заблокировать их с севера. К утру 14 мая обстановка для голландцев сложилась крайне тяжелая, но небезнадежная. Голландия пока что не была повержена. Немецкие воздушно–десантные подразделения, высадившиеся вокруг Гааги, были либо взяты в плен, либо рассеяны по близлежащим деревням. Роттердам все еще держался. Немецкое верховное командование, надеявшееся снять с голландского фронта одну танковую дивизию и части поддержки, чтобы использовать их в развитие только что возникших благоприятных условий йо Франции, оказалось в затруднительном положении. Утром 14 мая Гитлер издал Директиву №11, в которой констатировал: «…Сопротивление голландской армии оказалось более стойким, чем предполагалось. Как политические, так и военные факторы требуют сломить это сопротивление в кратчайший срок». Как? Он приказал высвободить часть сил и

средств из полосы 6–й армий в Бельгии, чтобы «облегчить быстрое овладение крепостью Голландия».

Гитлер и Геринг отдали специальный приказ об ожесточенной бомбардировке Роттердама. Голландцев вынудят капитулировать, использовав для этого нацистский террор, тот самый, который был использован против осажденной Варшавы прошлой осенью.

Утром 14 мая немецкий штабной офицер из 39–го корпуса прошел с белым флагом по мосту у Роттердама и потребовал сдачи города. Он предупредил, что в случае отказа город будет подвергнут бомбардировке. Пока голландский офицер вел переговоры о капитуляции в штабе немцев, размещавшемся возле моста, обсуждая ее детали, а потом возвращался к себе с немецкими условиями, над городом появились бомбардировщики и стерли с лица земли всю центральную часть Роттердама. Около 800 человек, в основном из числа гражданского населения, было убито, несколько тысяч ранено и 78 тысяч остались без крова[38].

Этот акт вероломства, акт преднамеренной жестокости надолго сохранился в памяти голландцев, хотя на Нюрнбергском процессе Геринг, так и Кессельринг обосновывали бомбардировку Роттердама тем, что он не являлся открытым городом и упорно оборонялся. И тот и другой утверждали, что им не было ничего известно о переговорах по поводу капитуляции города, когда они направили туда бомбардировщики, хотя, как явствует из архивных документов немецкой армии, они хорошо знали об этом. Во всяком случае, ОКВ не принесло в то время никаких извинений. Вечером 14 мая я слушал специальную сводку ОКВ по Берлинскому радио:

«Впечатляющие удары немецких пикирующих бомбардировщиков и неотвратимость танковой атаки заставили город Роттердам капитулировать и тем самым спасти себя от разрушения».

После того как Роттердам сдался, капитулировали и голландские вооруженные силы. Королева Вильгельмина и правительство на двух английских эсминцах бежали в Лондон. 14 мая, с наступлением сумерек, генерал Винкельман, главнокомандующий голландскими вооруженными силами, отдал своим войскам приказ сложить оружие, а на следующий день, в 11 часов, подписал официальный документ о капитуляции. За пять дней все было закончено. То есть с боями было закончено. Над маленькой цивилизованной страной, подвергшейся насилию, почти на пять лет опустилась ночь жестокого немецкого террора.

Падение Бельгии и окружение англо–французских армий

Ко времени капитуляции Голландии уже был брошен жребий, определивший судьбу Бельгии, Франции и английских экспедиционных сил. 14 мая оказалось фатальным, хотя с начала Немецкого наступления это был всего лишь пятый день. Накануне вечером германские танковые части захватили четыре моста через реку Маас с крутыми, покрытыми густым лесом берегами между Динаном и Седаном, овладев последним, который в 1870 году был свидетелем капитуляции Наполеона III перед немецким генералом Мольтке и конца третьей империи, и теперь создавали серьезную угрозу центру обороны союзников и важнейшему участку, откуда цвет французской и английской армий так быстро достиг Бельгии.

На следующий день, то есть 14 мая, лавина прорвалась. Танковая армия, невиданная в истории войн по своей численности, концентрации боевой техники, мобильности и ударной мощи, которая начала продвижение от немецкой границы еще 10 мая, тремя колоннами, растянувшись на сотни километров, теперь прорвалась через французские 9–ю и 2–ю армии и устремилась к Ла–Маншу, оставив союзные войска в Бельгии. Это была грозная,

---

[38] Тогда было сообщено, что погибло не менее 25–30 тысяч голландцев, и долгое время этому верили. Однако на Нюрнбергском процессе голландское правительство назвало цифру 814. — Прим. авт.

неумолимая сила. Ее появлению предшествовали следовавшие одна за другой атаки пикирующих бомбардировщиков, которые обрабатывали французские оборонительные рубежи; на месте переправ через реки и каналы кишмя кишели саперы и понтонеры, ставившие на воду резиновые лодки и наводившие понтонные мосты; у каждой танковой дивизии имелась своя самоходная артиллерия и по одной бригаде мотопехоты; а непосредственно за танковыми корпусами шли дивизии моторизованной пехоты с целью закрепиться на позициях, захваченных танковыми частями, — такую махину из стали и огня невозможно было остановить теми средствами, которыми располагали ошеломленные обороняющиеся. По обе стороны от Динана на Маасе французы не выдержали натиска 15–го танкового корпуса генерала Германа Гота, в котором одной из двух танковых дивизий командовал молодой энергичный бригадный генерал Эрвин Роммель. Далее на юг вдоль реки возле Монтерме танковый корпус генерала Георга Рейнхардта тоже прорвал двумя танковыми дивизиями оборону французов.

Однако самый главный удар по союзникам был нанесен у Седана, который в памяти французов всегда ассоциировался с катастрофой. Утром 14 мая две танковые дивизии из 19–го танкового корпуса генерала Гейнца Гудериана быстро проскочили по наскоро наведенному через Маас понтонному мосту и нанесли удар в западном направлении. Хотя французские бронетанковые силы и английские бомбардировщики предпринимали отчаянные усилия, чтобы разрушить этот мост (только в ходе одного налета 40 (из 71) английских самолетов было сбито огнем зенитной артиллерии и уничтожено 70 французских танков), им не удалось даже повредить его. К вечеру немецкий плацдарм у Седана составлял уже 30 миль в ширину и 15 в глубину, а французские войска на центральном участке обороны союзников оказались разгромлены. Те же, кто не попал в окружение или в плен, в беспорядке отступали. Над франко–английскими армиями на севере, а также 22 бельгийскими дивизиями нависла зловещая угроза оказаться отрезанными.

Первые два дня для союзников прошли довольно хорошо — так, по крайней мере, они думали. Для Черчилля, только что окунувшегося в водоворот событий в новом для него качестве премьер–министра, до вечера 12 мая, как писал он впоследствии, «не было никаких оснований считать, что операции развиваются плохо» [39]. Гамелен, «генералиссимус» союзных вооруженных сил, был тоже доволен сложившейся обстановкой. Накануне вечером лучшая и главная часть французских войск — 1, 7 и 9–я армии — вместе с английскими экспедиционными силами в составе девяти дивизий под командованием лорда Горта соединились с бельгийцами, как и предусматривалось планом, на мощном оборонительном рубеже по реке Диль от Антверпена через Левен к Вавру и далее через Жамблу и Намюр вдоль Мааса на Седан. Между мощными бельгийскими крепостями Намюр и Антверпен на фронте 60 миль союзники фактически превосходили по численности приближавшихся немцев, располагая 36 дивизиями против 20, входивших в состав 6–й армии генерала Рейхенау.

Несмотря на то что бельгийцы довольно успешно действовали на своем участке фронта, они не смогли задержать противника на такое время, которое было предусмотрено планом. Как и голландцы, они оказались не в состоянии противодействовать совершенно новой тактике вермахта. Здесь, как и в Голландии, немцы захватили важнейшие мосты при помощи специально обученных штурмовых подразделений, которые на рассвете были бесшумно доставлены сюда на планерах. Они устранили охрану двух или трех мостов через Альберт–канал, прежде чем та сумела привести в действие взрывные устройства.

Еще более крупного успеха добился противник, захватив форт Эбен–Эмаэль, господствовавший над районом пересечения реки Маас и Альберт–канала. Эту современную, очень важную в стратегическом отношении крепость как союзники, так и немцы считали

---

[39] Два танковых корпуса Рейнхардта и Гудериана составляли танковую группу генерала фон Клейста, в которую входили пять танковых и три моторизованные пехотные дивизии. — Прим. авт.

самым мощным фортификационным сооружением в Европе, которое превосходило все, что создали, французы на линии Мажино, а немцы на Западном валу. Форт состоял из серии казематов, сооруженных из стали и бетона глубоко под землей, с орудийными башнями, защищенными мощной броней, с гарнизоном в 1200 человек. Считалось, что такой форт может выдерживать удары самых мощных авиационных бомб и артиллерийских снарядов в течение неопределенно долгого времени. А между тем 80 немецких солдат под командованием унтер–офицера за 30 часов вынудили гарнизон крепости сложить оружие. Операцию по обезвреживанию крепости немцы начали с того, что на ее крышу высадили вышеупомянутых 80 солдат. Потери нападающей стороны составили шесть убитых и девятнадцать раненых. В Берлине, помнится, ОКВ представило дело в самом таинственном свете, сообщив в специальном коммюнике вечером 11 мая, что форт Эбен–Эмаэль взят «новым методом». Сообщение породило различного рода слухи, будто у немцев появилось новое смертоносное «секретное оружие», вероятно нервно–паралитический газ, на время парализующий противника; и доктор Геббельс с удовольствием раздувал эти слухи.

Однако правда была куда более прозаичной. С присущим немцам педантизмом зимой 1939/40 года они воздвигли в Хильдесхайме макет форта и мостов через Альберт–канал и тренировали на них около 400 солдат, которых доставляли к объектам захвата на планерах. Три группы должны были захватить три моста, четвертая группа — овладеть фортом. Эта группа в составе 80 человек высадилась с планеров на крышу форта, заложила в бронированные орудийные башни специально приготовленную взрывчатку, с помощью которой не только вывела из строя крепостную артиллерию, но и вызвала пожары и распространение газа в расположенных ниже казематах. Используя портативные огнеметы, немцы в течение какого–то часа проникли в верхние казематы, вывели из строя легкие и тяжелые орудия и пункты наблюдения. Бельгийская пехота тщетно пыталась выбить небольшой отряд немцев из крепости, но ее отогнали прилетевшие пикирующие бомбардировщики и подоспевшие подкрепления парашютистов. К утру 11 мая здесь появились головные части наступавших танковых соединений, которые по двум исправным мостам двинулись на север; они окружили еще сопротивлявшийся форт, последовали новые бомбовые удары с воздуха, и после рукопашных схваток в самих казематах в полдень 11 мая над крепостью поднялся белый флаг и 1200 ошеломленных бельгийских защитников крепости вышли из нее и сложили оружие.

Такое мастерство немецких солдат наряду с захватом мостов и яростью наступательных действий 6–й армии генерала Рейхенау, поддержанных 16–м танковым корпусом генерала Гепнера в составе двух танковых и одной механизированной дивизий, убедило высшее военное командование союзников, что, как и в 1914 году, главный удар немецкого наступления осуществляется правым крылом войск противника и что они, западные союзники, приняли соответствующие контрмеры, чтобы остановить его. И действительно, еще вечером 15 мая бельгийские, английские и французские войска прочно удерживали фронт по линии Даль — Антверпен — Намюр.

Именно этого и добивалось немецкое верховное командование. Теперь ему представился случай применить план Манштейна и нанести ошеломляющий удар в центре. Генерал Гальдер, начальник генерального штаба сухопутных войск, хорошо понимал возможности сложившейся обстановки. Вечером 13 мая он записал в своем дневнике:

«Следует предполагать, что севернее Намюра будет закончено сосредоточение войск в количестве примерно 24 англо–французских и около 15 бельгийских дивизий. Им противостоят 15 дивизий нашей 6–й армии и 6 из резерва… Если противник перейдет в контрнаступление, мы сумеем создать достаточно прочную оборону. Развертывать новые силы не нужно… Южнее Намюра противник уступает нам в численности. Соотношение сил 2:1. Исход наступления на Маасе решит, где и когда мы сможем использовать это превосходство. На этом участке фронта никакими крупными подвижными силами противник не располагает…»

Никакими крупными силами противник не располагает на участке фронта, который на

следующий день был прорван?

16 мая премьер–министр Черчилль вылетел в Париж для выяснения обстановки. К полудню, когда он направлялся в министерство иностранных дел на встречу с премьером Рейно и генералом Гамеленом, передовые немецкие части уже находились в 60 милях западнее Седана и стремительно продвигались по открытой местности, не встречая никакого сопротивления. Между ними и Парижем или между ними и Ла–Маншем не было никаких значительных сил, однако Черчилль еще не знал об этом. «Где стратегические резервы? — обратился он к Гамелену и, переходя на французский, спросил: — А есть ли силы для маневра?» Командующий союзными армиями повернулся к нему и, отрицательно качнув головой и пожав плечами, ответил: «Нет никаких»[40].

«Я был поражен, — писал впоследствии Черчилль. — Это было неслыханно, чтобы великая армия, подвергнувшаяся нападению, не держала никаких войск в резерве. Я признался, что это одна из самых больших неожиданностей в моей жизни».

Едва ли это вызвало меньшее удивление у немецкого верховного командования, по крайней мере, у фюрера и его генералов в ОКВ, если не у Гальдера. Гитлер дважды заколебался во время кампании на Западе, которой руководил сам лично.

Первый раз он заколебался 17 мая, когда нервное напряжение достигло наивысшей точки. В то утро Гудериан, танковый корпус которого шел третьим клином на Ла–Манш, получил приказ остановиться там, где его застанет приказ. По данным воздушной разведки, проведенной люфтваффе, французы предпринимали крупное контрнаступление с целью отрезать танковые немецкие клинья, вытянувшиеся в западном направлении от Седана. В связи с этим Гитлер стал поспешно совещаться с главнокомандующим сухопутными войсками Браухичем и Гальдером. Он был уверен, что серьезная угроза со стороны французов нарастает с юга. Генерал Рундштедт, командующий группой армий «А», которая составляла основную силу, осуществившую прорыв на Маасе, поддержал фюрера, когда они обсуждали этот вопрос позднее. Он заметил, что ожидает «крупного внезапного контрнаступления французов со стороны Вердена и Шалон–сюр–Марн».

В лихорадочном мозгу Гитлера возникал призрак второй Марны[41]. «Я пристально слежу за этим, — писал он на следующий день Муссолини. — Чудо на Марне, как в 1914 году, не повторится!»

«Безрадостный день, — записал в своем дневнике Гальдер вечером 17 мая. — Фюрер ужасно нервничает. Он боится собственного успеха, не хочет ничем рисковать и охотнее всего задержал бы наше дальнейшее продвижение. Предлог озабоченность левым флангом! Переговоры… вызвали лишь недоумение и сомнения».

Настроение у нацистского главаря не улучшилось и на следующий день, несмотря на поток сообщений, свидетельствовавших о крахе французов. 18 мая Гальдер зафиксировал в своем дневнике кризисное состояние в настроении фюрера:

«Фюрер, непонятно почему, озабочен южным флангом. Он беснуется и кричит, что можно погубить всю операцию и поставить себя перед угрозой поражения. Он и слушать не хочет о продолжении операции в западном направлении, не говоря уже о юго–западном, и все еще одержим идеей наступления на северо–запад. Это явилось предметом в высшей степени неприятной полемики между фюрером, с одной стороны, и главкомом и мной — с другой…»

Генерал Йодль из ОКВ, для которого фюрер почти всегда был прав, также отмечал разногласия на самом высшем уровне военного руководства.

«День огромного напряжения, — писал он 18 мая. — Главнокомандующий

---

[40] После войны Гамелен утверждал, что ответил не «Нет никаких», а «Больше нет никаких». — Прим. авт.

[41] В сентябре 1914 года на реке Марна англо–французские войска остановили наступление германской армии. — Прим. тит. ред.

сухопутными войсками (Браухич) не претворил в жизнь намерение как можно быстрее наращивать силы на новой фланговой позиции к югу… Немедленный вызов Браухича и Гальдера, и они получают категорический приказ немедленно принять необходимые меры».

Однако Гальдер оказался прав: у французов не было резервов, чтобы предпринять контрнаступление с юга. И хотя танковые дивизии, проявляя нетерпение, рвались в бой, полученные приказы предписывали ограничиваться «разведкой боем» — именно это и было нужно, чтобы продолжать оттеснять противника в сторону Ла–Манша. К утру 19 мая мощный клин в составе семи танковых дивизий, безостановочно продвигаясь от реки Соммы на север мимо знаменитых полей сражения времен первой мировой войны, находился уже примерно в 50 милях от Ла–Манша. Вечером 10 мая, к удивлению штаба Гитлера, 2–я танковая дивизия вышла к Абвилю у устья Соммы. Бельгийцы, английские экспедиционные силы и три французские армии оказались в западне.

«Фюрер вне себя от радости, — записал в тот вечер в своем дневнике Йодль. — Самой высокой похвалы достойны немецкая армия и ее руководство. Фюрер работает над проектом мирного договора, не упуская из вида основную мысль: возвращение территорий, которые были отняты у немецкого народа на протяжении последних 400 лет, и других ценностей…»

В архивных документах хранится специальный меморандум, зафиксировавший взволнованные слова фюрера, которому главнокомандующий сухопутными войсками по телефону доложил о захвате Абвиля. У армий союзников оставалась единственная надежда выйти из окружения и избежать катастрофы — немедленно повернуть на юго–запад, оторваться от немецкой 6–й армии, которая наседала на них, пробиться через немецкий танковый клин, протянувшийся через Северную Францию к морю, и соединиться со свежими французскими силами, направлявшимися от Соммы на север. По существу к этому и сводился приказ Гамелена, отданный им утром 19 мая, но в тот же вечер он был замещен генералом Максимом Вейганом, который тут же отменил его приказ. Генерал Вейган, приобретший огромный военный авторитет еще в первую мировую войну, хотел посоветоваться с союзными командующими в Бельгии, прежде чем принимать какие–либо решения. В результате, пока Вейган пришел к тому решению, которое уже принял его предшественник, было потеряно три дня. Задержка эта дорого обошлась союзникам. На севере имелось 40 французских, английских и бельгийских дивизий, получивших боевой опыт, и если бы они ударили в южном направлении через немецкий танковый клин 19 мая, как приказал Гамелен, то могли бы вырваться из западни. К тому же времени, когда они предприняли попытку действовать, связь между штабами союзных войск нарушилась, и в условиях сильного давления со стороны противника удары союзных армий оказались несогласованными. Во всяком случае, план Вейгана остался существовать в его голове. В действительности французские войска, стоявшие на Сомме, не двинулись с места.

Между тем немецкое верховное командование бросило все оказавшиеся в наличии пехотные соединения, чтобы расширить брешь, проделанную в войсках союзников танковым клином. К 24 мая танки Гудериана, двигавшиеся вдоль Ла–Манша от Абвиля, захватили Булонь и окружили Кале, два главных порта, и вышли к Гравлину, расположенному примерно в 20 милях от Дюнкерка. В Бельгии фронт перемещался в юго–западном направлении по мере того, как союзные войска пытались оторваться от противника. И к 24 мая английские, французские и бельгийские армии на севере оказались загнанными в относительно небольшой треугольник, основание которого составляло побережье Ла–Манша, а вершина находилась где–то в районе Валансьена, примерно в 70 милях от побережья. Теперь у союзников уже не было надежды вырваться из окружения. Оставалась лишь надежда, и та слишком слабая, что удастся осуществить эвакуацию морем из Дюнкерка.

Именно в этот момент, 24 мая, когда немецкие танки уже находились на ближних подступах к Дюнкерку, готовясь нанести завершающий удар вдоль Аа–канала между Гравлином и Сент–Омером, был получен странный — а для наступавших солдат просто необъяснимый — приказ прекратить дальнейшее наступление. Это была первая во второй

мировой войне крупная ошибка немецкого верховного командования, ставшая предметом острейших споров не только для немецких генералов, но и для военных историков, старавшихся выяснить, кто ответствен за такой приказ и почему он был отдан. К этому вопросу мы еще вернемся и попытаемся разобраться в потоке материалов, которые в настоящее время стали доступны для исследователей. Каковы бы ни были причины, побудившие отдать такой приказ, он предоставил союзникам, особенно англичанам, отсрочку, приведшую к чуду Дюнкерка. Но это чудо не спасло бельгийцев.

Капитуляция короля Леопольда

Король Бельгии Леопольд III сдался рано утром 28 мая. Молодой упрямый правитель, разорвавший альянс с Францией и Англией во имя абсурдного нейтралитета, отказывавшийся восстановить этот альянс даже тогда, когда стало известно, что немцы готовят массированное наступление через бельгийскую границу, в самый последний момент, когда Гитлер уже нанес удар, обратившийся к французам и англичанам за военной помощью и получивший ее, теперь, в час отчаяния, дезертировал и бросил их, открыв дорогу немецким дивизиям, которые ринулись во фланг оказавшимся в западне англо–французским войскам. Более того, он сделал это, как заявил в палате общин 4 июня Черчилль, «без предварительной консультации, без какого–либо уведомления, без учета мнения министров его правительства, поступив по своему усмотрению».

Практически он сделал это вопреки единодушному мнению бельгийского правительства, указаниям которого согласно конституции обязан был следовать. 25 мая, в 5 часов пополудни, у короля состоялся откровенный обмен мнениями с тремя членами кабинета, включая премьер–министра и министра иностранных дел, по поводу складывавшейся обстановки; все участники совещания настаивали, чтобы король не сдавался в плен немцам, ибо в противном случае «его унизят и заставят играть ту же роль, что играл чешский президент Гаха». Министры также напомнили ему, что он является главой государства и одновременно главнокомандующим и что в худшем случае до победы союзников он мог бы выполнять функции главы государства в изгнании, как королева Голландии и король Норвегии. «Я принял решение остаться, — заявил Леопольд. — Дело союзников проиграно».

27 мая, в 5 часов, он направил генерала Деруссо, заместителя начальника бельгийского генерального штаба, к немцам с просьбой о перемирии. В 10 часов вечера генерал вернулся с немецкими условиями: «Фюрер требует сложить оружие безоговорочно». В 11 часов вечера король согласился на безоговорочную капитуляцию и предложил прекратить огонь в 4 часа утра следующего дня, что и было сделано.

Премьер–министр Франции Поль Рейно в своем гневном выступлении по Парижскому радио в резких выражениях осудил капитуляцию Леопольда, а бельгийский премьер в более сдержанном тоне проинформировал бельгийский народ о том, что король действовал вопреки единодушному мнению правительства, порвал связи со своим народом и более не в состоянии управлять страной и что бельгийское правительство в изгнании будет продолжать борьбу. Выступая в палате представителей 28 мая, Черчилль оставил за собой право дать оценку поступка Леопольда позднее, но уже 4 июня присоединился к общему мнению и осудил действия короля Бельгии.

Ожесточенные споры по этому вопросу долго длились и после войны. Защитники Леопольда, а их оказалось немало как внутри страны, так и за ее пределами, считали, что он поступил правильно и благородно, решив разделить судьбу своих солдат и всего бельгийского народа. Они особенно напирали на то, что, соглашаясь на капитуляцию, король действовал не как глава государства, а как главнокомандующий бельгийской армией.

То, что разбитые бельгийские войска к 27 мая оказались в отчаянном положении, бесспорно. Они мужественно согласились растянуть свой фронт, чтобы дать возможность

англичанам и французам пробиваться на юг, и этот растянутый фронт быстро разваливался под мощными ударами немцев, хотя бельгийцы упорно оборонялись на занятых рубежах. Леопольду не сообщили, что 26 мая лорд Горт получил из Лондона приказ отступать к Дюнкерку и спасти то, что еще можно спасти из английских экспедиционных сил. Это одна сторона доводов, но есть и другая. Бельгийская армия подчинялась общему союзному командованию, а Леопольд пошел на сепаратный мир без согласования этого вопроса с ним. В оправдание Леопольда приводят тот факт, что 27 мая, в 12.30, он направил Горту телеграмму, в которой сообщал, что скоро «вынужден будет капитулировать во избежание развала». Однако английский командующий этой телеграммы не получил. Впоследствии, давая показания, он утверждал, что впервые услышал о капитуляции только после 11 вечера 27 мая и оказался «неожиданно перед брешью протяженностью 20 миль между Ипром и морем, через которую танковые силы противника могли выйти к побережью». Генерал Вейган, являвшийся для короля старшим военачальником, узнал эту новость из телеграммы от французского офицера связи в бельгийском штабе вскоре после 6 часов вечера. Она поразила его, по утверждению командующего, «как гром среди ясного неба, ведь никакого предупреждения не было…»

Наконец, даже в роли главнокомандующего вооруженными силами Леопольд был обязан в условиях конституционной, демократической монархии согласиться с единодушным мнением своего правительства. Ни в этой роли, ни в роли главы государства он не имел полномочий на капитуляцию по своему усмотрению. Окончательное решение относительно своего суверена — и это было правомерно вынес бельгийский народ. Его попросили вернуться на трон из Швейцарии, где он нашел убежище в конце войны, только через пять лет после разгрома вермахта. Когда 20 июля 1950 года после референдума, показавшего, что 57 процентов участвовавших в нем высказались за возвращение Леопольда, такая просьба наконец поступила, его появление в Бельгии вызвало столь бурную реакцию со стороны народа, что возникла угроза гражданской войны. Вскоре король отрекся от престола в пользу своего сына.

Что бы ни говорили о поведении Леопольда, не может быть никаких споров, хотя они и велись: его армия вела себя мужественно. В течение нескольких дней мая я шел по следам 6–й армий Рейхенау через Бельгию и видел собственными глазами, с каким упорством сражались бельгийские солдаты в самых неблагоприятных условиях. Их не сломило ни огромное численное превосходство, противника, ни безраздельное господство в воздухе пикирующих, бомбардировщиков, беспрепятственно обрушивавших свой смертоносный груз, ни попытки немецких танков прорвать бельгийскую оборону. Этого нельзя сказать о некоторых других войсках союзников, участвовавших в кампании. Бельгийцы стойко держались в течение 18 суток и держались бы гораздо дольше, если бы, подобно английским экспедиционным силам и французским северным армиям, не угодили в западню, причем не по своей вине.

Дюнкерское чудо

Начиная с 20 мая, когда танки Гудериана прорвались к Абвилю, английское адмиралтейство по личному указанию Черчилля собирало в одном месте всевозможные средства морского транспорта на случай эвакуации с французского побережья Ла–Манша английских экспедиционных сил и других союзных войск. Эвакуация через узкий пролив в Англию персонала, не принимавшего непосредственного участия в сражениях, началась сразу же. Как мы уже видели, к 24 мая бельгийский участок фронта на севере оказался на грани полного развала, а на юге немецкие танковые части, нанося удары вдоль побережья от Абвиля, захватили Булонь, окружили Кале и вышли в район Аа–канала, что всего в 20 милях от Дюнкерка. В этом промежутке находились бельгийская армия, девять дивизий английских экспедиционных сил и десять дивизий французской 1–й армии. Хотя местность в южной

части образовавшегося котла, вдоль и поперек пересеченная каналами, траншеями и затопленными участками, была труднопроходимой для танков, танковые корпуса Гудериана и Рейнхардта овладели пятью плацдармами на противоположной стороне основного препятствия — Аа–канала, между Гравелином на побережье и Сент–Омером, и нацелились на нанесение сокрушающего удара по войскам союзников, которые оказались между молотом (танковые корпуса) и наковальней (с северо–востока немецкие 6–я и 18–я армии).

Неожиданно вечером 24 мая поступил категорический приказ верховного командования, изданный по настоянию Гитлера при поддержке Рундштедта и Геринга и вопреки решительному возражению Браухича и Гальдера, согласно которому танковые войска должны были остановиться на рубеже канала и не предпринимать никаких попыток к дальнейшему продвижению. Для лорда Горта это было равносильно отсрочке приведения в исполнение смертного приговора, которую он, а также английский военно–морской флот и авиация использовали в полной мере и которая, по словам Рундштедта, привела «к одному из крупнейших поворотных моментов в войне».

Как все–таки возник этот непостижимый приказ приостановить дальнейшее наступление, как представляется, на пороге величайшей победы немцев в этой кампании? Какие на то были причины? И кто ответствен за такой приказ? Эти вопросы вызвали ожесточеннейшие споры среди немецких генералов, причастных к данному событию, и среди историков. Генералы, возглавляемые Рундштедтом и Гальдером, возлагали вину исключительно на Гитлера. Черчилль подлил масла в огонь, утверждая во втором томе своих мемуаров, что инициатива издания такого приказа исходила от Рундштедта, а не от Гитлера, и цитируя в качестве доказательства материалы из военных дневников штаба самого Рундштедта. Из путаницы противоречивых и взаимоисключающих показаний трудно было выявить факты. В ходе подготовки этой главы автор письменно обратился к генералу Гальдеру за дальнейшими разъяснениями и вскоре получил вежливый и обстоятельный ответ. На основе этого ответа, а также многих других доказательств, которыми мы располагаем в настоящее время, можно сделать определенные выводы и разрешить спор, если не окончательно, то, по меньшей мере, довольно убедительно.

Что касается ответственности за тот знаменитый приказ, то Рундштедту вопреки его утверждениям придется разделить ее вместе с Гитлером. Утром 24 мая фюрер посетил штаб–квартиру группы армий «А» Рундштедта в Шарлевиль–Мезьере. Рундштедт предложил остановить танковые дивизии на рубеже по каналу перед Дюнкерком, пока сюда не будут подтянуты дополнительно пехотные дивизии[42]. Гитлер согласился, заметив, что танковые силы следует сохранить для последующих операций против французов к югу от Соммы. Более того, он заявил, что если котел, в который угодили союзники, стал слишком

---

[42] Установление этого факта на основании архивов штаба Рундштедта тем не менее не удержало генерала от нескольких заявлений, сделанных им после войны, в которых он возлагал вину на Гитлера. «Если бы я мог поступить по–своему, — говорил он майору Мильтону Шульману, офицеру канадской разведки, — то англичане у Дюнкерка так легко не отделались бы. Но руки у меня были связаны приказами, исходившими от самого Гитлера. В то время как англичане карабкались на суда в прибрежных водах, я продолжал отсиживаться в стороне от порта, не имея возможности действовать. Я сидел за городом и наблюдал, как спасаются бегством англичане, в то время как моим танкам и пехоте было запрещено идти вперед. Эта невероятная ошибка произошла из–за того, что Гитлер весьма своеобразно воспринимал проблемы военного руководства» (см. Шульман М. Поражение на Западе, с. 42–43).

На заседании Международного военного трибунала в Нюрнберге 20 июня 1946 года Рундштедт добавил: «Это была очень крупная ошибка главнокомандующего… Трудно описать, какое раздражение вызвал его приказ в то время». Аналогичные заявления Рундштедт сделал и Лиддел Гарту (см. Говорят немецкие генералы, с. 112–113; Соединенные Штаты против Лееба, с. 3350–3353, 3931–3942 (материалы Нюрнбергского процесса).

Тейлор в «Марше завоеваний» и Эллис в «Войне во Франции и Фландрии», проанализировав немецкие армейские архивы, пришли к несколько иному заключению. Труд Эллиса является официальным английским изложением этой кампании и опирается как на английские, так и на немецкие документы. Тейлор, в течение четырех лет представлявший обвинение от США на Нюрнбергских процессах, считается авторитетом по части немецких документов. — Прим. авт.

мал, то это будет мешать действиям люфтваффе. Вероятно, Рундштедт с одобрения фюрера тут же издал приказ о приостановке наступления, ибо, как пишет Черчилль, штаб английских экспедиционных сил перехватил немецкое указание по радио в 11.42 того же дня. Гитлер и Рундштедт в этот момент совещались. Во всяком случае, в тот вечер Гитлер официально отдал приказ из ОКВ и это зафиксировали в своих дневниках и Йодль, и Гальдер. Начальник генерального штаба сухопутных войск был страшно огорчен.

«Подвижное левое крыло, перед которым нет противника, по настойчивому требованию фюрера остановлено! В указанном районе судьбу окруженных армий должна решить наша авиация».

Этот презрительный восклицательный знак указывает на то, что Геринг переговорил с Гитлером, и теперь известно, что так оно действительно было. Он предложил ликвидировать окруженную вражескую группировку лишь силами люфтваффе. В своем письме автору от 19 июля 1957 года Гальдер сообщал о тщеславных замыслах Геринга, которыми тот руководствовался, подталкивая Гитлера на отдачу такого приказа.

«В ходе последующих дней (то есть после 24 мая) стало известно, что принятие Гитлером этого решения было сделано под влиянием главным образом Геринга. Быстрое продвижение армии, риск и перспективы успеха которого были недоступны пониманию фюрера из–за отсутствия у него военного образования, обретало для него почти зловещий смысл. Он находился под постоянным давлением тревоги, что произойдет обратное…

Геринг, хорошо знавший фюрера, воспользовался его беспокойством. Он предложил завершить последнюю часть грандиозного сражения против окруженного противника только силами люфтваффе, тем самым устранив риск использования столь важных для дальнейших планов танковых соединений. И он сделал это предложение… из соображений, присущих столь неразборчивому в средствах, тщеславному человеку. Он хотел, чтобы после поразительно удачных операций армии осуществление решающего, заключительного акта в этом грандиозном сражении было поручено его военно–воздушным силам. Тем самым он надеялся в глазах мировой общественности снискать славу за успех всей операции…»

Далее в письме генерал Гальдер сообщает подробности разговора с Браухичем после того, как тот имел обстоятельную беседу с генералами люфтваффе Мильхом и Кессельрингом в нюрнбергской тюрьме в январе 1946 года. Мильх и Кессельринг заявили, что Геринг внушал в то время (май 1940 года) Гитлеру, что если эту большую победу в развертывавшемся сражении поставят в заслугу только армейским генералам, то престижу фюрера в глазах немецкого народа будет нанесен непоправимый ущерб. Это можно предотвратить только в том случае, если люфтваффе, а не армия доведут это решающее сражение до победного конца.

Таким образом, совершенно очевидно, что замысел Гитлера, подогреваемый Герингом и Рундштедтом, но решительно не одобряемый Браухичем и Гальдером, сводился к тому, чтобы позволить люфтваффе и группе армий «Б» под командованием Бока без использования танковых соединений медленно теснить бельгийцев и англичан в юго–западном направлении к Ла–Маншу, уничтожая их в образовавшемся котле. Группе армий «А» под командованием Рундштедта примерно с семью танковыми дивизиями, остановленной на водных рубежах к западу и югу от Дюнкерка, предстояло твердо стоять на занятых позициях и не выпускать противника из окружения. Однако ни люфтваффе, ни группа армий Бока оказались не в состоянии решить эту задачу. Утром 26 мая Гальдер раздраженно отмечал в своем дневнике, что высочайшие приказы «совершенно непостижимы», что «танки, моторизованные соединения по высочайшему приказу стоят как пригвожденные».

Наконец вечером 26 мая Гитлер отменил этот злополучный приказ и согласился, что ввиду медленного продвижения войск Бока в Бельгии и большой активности морского транспорта противника в прибрежных водах танковые войска могут возобновить наступление на Дюнкерк. Но было уже поздно: за это время загнанный в западню противник успел усилить свои оборонительные рубежи и под их прикрытием начал уходить в море.

Теперь мы знаем, что в поддержку этого рокового приказа у Гитлера имелись и политические соображения. Гальдер в своем дневнике отметил, что 25 мая «день снова начался с неприятных стычек между Браухичем и фюрером относительно дальнейшего ведения битвы на окружение». Далее он пишет:

«Однако политическое руководство считает, что решающая битва должна произойти не на территории Фландрии, а в Северной Франции».

Эта запись меня озадачила, и, когда я обратился к бывшему начальнику генерального штаба сухопутных сил генералу Гальдеру с просьбой припомнить, какие политические мотивы выдвигал Гитлер в обоснование своего желания завершить сражение на территории Франции, а не Бельгии, Гальдер припомнил все довольно подробно. «Я очень хорошо помню, — писал он, — что в ходе наших разговоров в то время Гитлер в обоснование своего приказа приостановить наступление приводил два главных соображения. Первое было связано с причинами чисто военного характера: неподходящий для использования танков рельеф местности, что могло привести к большим потерям в танках и в свою очередь привело бы к ослаблению сил для предстоящего наступления на остальную часть Франции, и т. п.». Затем, как отмечает Гальдер, фюрер привел вторую причину:

«…Он знал, что мы, как солдаты, не могли ее оспаривать, поскольку она была политической, а не военной. Эта вторая причина заключалась в том, что он не хотел, чтобы решающее сражение, которое неизбежно нанесло бы огромный урон населению, произошло на территории, заселенной фламандцами. По его словам, он собирался создать независимый национал–социалистский регион на территории, заселенной фламандцами немецкого происхождения, тем самым тесно связав этот регион с Германией. Его сторонники на фламандской земле активно работают в этом направлении уже давно; он обещал им не подвергать их земли разрушениям войны, если он не выполнит это обещание, их вера в него будет серьезно поколеблена. Это было бы политически невыгодно для Германии, и он, как несущий политическую ответственность лидер, не должен допустить этого».

Абсурд? Если это представить как еще одну внезапную аберрацию Гитлера (Гальдер пишет, что ни его, ни Браухича «эти доводы не убедили»), то другие политические доводы, которые излагал своим генералам Гитлер, были более здравыми и важными. Описывая после войны совещание Гитлера с Рундштедтом, состоявшееся 24 мая, генерал Гюнтер Блюментрит, в то время начальник оперативного отдела в штабе Рундштедта, говорил английскому военному писателю Лиддел Гарту:

«Гитлер пребывал в очень хорошем настроении… и высказал нам свое мнение, что война будет закончена в шесть недель. После этого ему бы хотелось заключить разумный мир с Францией, и тогда была бы открыта дорога для соглашения с Англией…

Затем он удивил нас своими восторженными высказываниями о Британской империи, о необходимости ее существования и о цивилизации, которую Англия принесла миру… Он сказал, что все, чего он хочет от Англии, так это чтобы она признала положение Германии на континенте. Возвращение Германии ее колоний желательно, но это несущественно… В заключение он сказал, что его целью является заключение мира с Англией на такой основе, которую бы совместимой с ее честью и достоинством».

С подобного рода суждениями Гитлер часто выступал в последующие несколько недель перед своими генералами, перед Чиано и Муссолини и, наконец, публично. Месяц спустя Чиано был поражен, узнав, что нацистский диктатор, находясь в зените славы, высказывался о важности сохранения Британской империи как «фактора мирового равновесия», а 13 июля Гальдер отметил в своем дневнике, что фюрера крайне занимает вопрос, почему Англия до сих пор не ищет мира. «… Он считает, что придется силой принудить Англию к миру. Однако он несколько неохотно идет на это…. Разгром Англии будет достигнут ценой немецкой крови, а пожинать плоды будут Япония, Америка и др.»

Хотя многие в этом сомневались, но, возможно, Гитлер остановил свои танки перед Дюнкерком для того, чтобы избавить Англию от горького унижения и тем самым содействовать миру. Это был бы, по его словам, мир, в котором Англия предоставила бы

Германии свободу снова направить свои усилия на Восток, на этот раз против России. Лондону пришлось бы в таком случае согласиться с господством третьего рейха на континенте. В течение последующих двух–трех месяцев Гитлер пребывал в уверенности, что такой мир вот–вот будет достигнут. Как прежде, так и теперь он не понимал характера английской нации, которая во главе со своими лидерами была полна решимости сражаться до конца.

Ни фюрер, ни его генералы, невежественные в морском деле, какими они остались и впредь, не осознавали, что морская нация сумеет эвакуировать треть миллиона людей через крохотный осажденный порт у них под носом.

Примерно в семь часов вечера 26 мая, вскоре после того, как Гитлер отменил приказ о приостановке наступления танковых соединений, британское адмиралтейство передало сигнал о начале операции «Динамо» — эвакуации из Дюнкерка в Англию оставшейся части английских экспедиционных сил. В ту же ночь немецкие танки возобновили свое наступление на порт, но теперь продвигаться было трудно. У лорда Горта оказалось достаточно времени, чтобы развернуть против немецких танков три пехотные дивизии с мощной артиллерийской поддержкой.

Танки продвигались очень медленно. Между тем началась эвакуация. Армада в составе 850 судов и кораблей самых разных классов — от крейсеров и эсминцев до парусных шлюпок и голландских спортивных глиссеров, ведомых подчас экипажами, укомплектованными добровольцами из прибрежных населенных пунктов, устремилась к Дюнкерку. В первый день, 27 мая, они вывезли 7669 человек; во второй день — 17804; затем — 47310; 30 мая — 53 823 солдата и офицера. Таким образом, всего за первые четыре дня было эвакуировано 126 606 человек — значительно больше, чем надеялось вывезти адмиралтейство. Когда операция началась, адмиралтейство предполагало за двое суток, на которые оно рассчитывало, эвакуировать приблизительно 45 тысяч человек.

И только на четвертые сутки операции «Динамо», то есть 30 мая, немецкое верховное командование осознало, что происходит. В течение четырех дней в сводках ОКБ повторялось, что окруженные вражеские армии обречены. В сводке от 29 мая, которую я занес в свой дневник, прямо говорилось: «Судьба французской армии в Артуа[43] решена… Английская армия, зажатая на узкой полосе… вокруг Дюнкерка, также уничтожается под ударами нашего концентрического наступления».

Но она не уничтожалась. Она уходила в море. Конечно, побросав свое тяжелое оружие и оснащение, но сохранив уверенность, что в будущем сможет снова вступить в бой. Утром 30 мая Гальдер доверительно записал в своем дневнике: «В окруженном нашими войсками «мешке» начинается процесс разложения. Английские части обороняются стойко и ожесточенно, тогда как часть сил устремилась к побережью и — пытается на судах и кораблях всех видов бежать через пролив. Разгром!» Он использовал название знаменитого романа Эмиля Золя, в котором отображено поражение Франции во франко–прусской войне.

После совещания у Браухича он делает следующую запись в дневнике:

«Браухич раздражен, так как просчеты, которые мы допустили по вине ОКБ… теперь начинают сказываться… Главное состоит в том, что вследствие остановки механизированных соединений кольцо не замкнулось на побережье и теперь нам приходится лишь созерцать, как многие тысячи солдат противника у нас под носом бегут в Англию, так как из–за плохой погоды авиация действовать не может». Фактически именно это они и делали. Несмотря на усиление давления, которое было немедленно предпринято немцами по всему периметру котла, англичане удерживали рубежи обороны и продолжали дальнейшую эвакуацию своих войск. 31 мая в этом плане был самым успешным днем: около 68 тысяч человек отправились в Англию, причем треть из них была подобрана прямо с берега, а остальные □, в гавани Дюнкерка. Теперь общее число вывезенных из окружения составило

---

[43] Историческая область Франции. — Прим. ред.

194 620 человек, то есть в четыре раза больше, чем предусматривалось первоначально. Где же были знаменитые люфтваффе? Часть времени, как отмечает Гальдер, авиация оставалась прикованной к земле из–за нелетной погоды, а остальное время проходило в схватках с английскими королевскими военно–воздушными силами, которые впервые предпринимали успешные вылеты со своих баз на английском побережье Ла–Манша в ответ на действия немецкой авиации[44]. Несмотря на численное превосходство противника, новые английские «спитфайеры» оказались достойными противниками «мессершмиттов», успешно сбивая тяжелые немецкие бомбардировщики.

В перерывах между сражениями с английскими самолетами самолетам Геринга удалось совершить несколько опустошительных налетов на Дюнкерк, после которых порт на некоторое время полностью выходил из строя, и тогда эвакуацию личного состава производили прямо с побережья. Люфтваффе совершили также несколько мощных налетов на плавучие средства, сосредоточившиеся у Дюнкерка, и в общей сложности потопили 243 (из 861) корабля и судна, принимавших участие в эвакуации. Однако выполнить данное Гитлеру обещание уничтожить английские экспедиционные силы Герингу не удалось. 1 июня, когда немецкая авиация совершила самый мощный налет (и понесла самые тяжелые потери — 30 самолетов, как и противная сторона), потопив три английских эсминца и несколько небольших транспортных судов, для англичан оказался довольно успешным: в этот день было эвакуировано 64 429 человек. К рассвету следующего дня внутри котла оставалось только 4 тысячи английских солдат, которых прикрывали 100 тысяч французов, сменивших англичан на оборонительных рубежах вокруг Дюнкерка.

Между тем немецкая артиллерия среднего калибра подошла на дистанцию действительного огня, и эвакуацию в дневное время пришлось прекратить. С наступлением сумерек немецкая авиация тоже прекращала налеты, поэтому за две ночи, на 2 и на 3 июня, были успешно эвакуированы остатки английских экспедиционных сил и 60 тысяч французских солдат и офицеров. Дюнкерк, все еще упорно обороняемый 40 тысячами французов, продержался до утра 4 июня, когда из немецких клещей вырвалось 338 226 английских и французских солдат. К этому времени они уже перестали быть армией и являли собой довольно жалкое зрелище. Но это были испытанные в сражениях солдаты, которые знали, что при подходящем боевом оснащении и соответствующем прикрытии с воздуха они бы успешно противостояли немецкой армии. Большинство из них это доказали, когда был достигнут баланс в вооружении, и доказали это на прибрежных плацдармах, недалеко от тех мест на французском побережье Ла–Манша, откуда их эвакуировали в конце мая — начале июня.

Дюнкерк явился для англичан спасением. Однако 4 июня Черчилль в палате представителей напомнил, что «войны не выигрываются посредством эвакуации». Великобритания оказалась действительно в крайне тяжелом положении, в более тяжелом, чем во времена норманнских завоевателей почти тысячелетие назад. У нее не было армии, чтобы оборонять острова. Военно–воздушные силы оказались серьезно ослаблены после боев во Франции. Оставался только военно–морской флот, но норвежская кампания показала, насколько уязвимы крупные боевые корабли для авиации наземного базирования. Теперь бомбардировщики Геринга базировались всего в пяти — десяти минутах лета над узким проливом Ла–Манш. Французы все еще держались, но их лучшие войска и вооружение были потеряны в Бельгии и в Северной Франции, а их немногочисленные и

---

[44] Тысячи англичан, измотанные на французском побережье ожесточенными (бомбардировками, об этом не знали, поскольку воздушные бои происходили либо за облаками, либо где–то далеко. Они знали только, что на всем пути от Восточной Бельгии до Дюнкерка их без конца бомбили и обстреливали, и считали, что авиация бросила их на произвол судьбы. Добравшись до английских берегов, они нередко осыпали оскорблениями людей в голубой форме английских ВВС. Черчилль был крайне удручен этим обстоятельством и внес ясность, когда 4 июня, выступая в палате общин, заявил, что спасение армии из Дюнкерка «обеспечивали военно–воздушные силы». — Прим. авт.

устаревшие военно–воздушные силы разгромлены. Что касается двух наиболее известных генералов — маршала Петена и генерала Вейгана, которые теперь верховодили в нестабильном правительстве, то они не испытывали желания драться с превосходящим их по численности противником.

Держа в голове эти удручающие факты, Черчилль и выходил на трибуну палаты общин 4 июня 1940 года, в то время когда разгружались последние транспорты, прибывшие из Дюнкерка, полный решимости, как писал он впоследствии, показать не только своему собственному народу, но и всему миру, и прежде всего Соединенным Штатам Америки, что «наша решимость сражаться базировалась на серьезной основе». Именно в этот раз он произнес знаменитую речь, которую затем будут долго вспоминать и сравнивать с величайшими пророчествами, делавшимися когда–либо в прошлые века.

«Даже если огромные части Европы и многие старые и знаменитые государства падут или попадут в лапы гестапо и всего одиозного аппарата нацистского правления, мы не расслабимся и не дрогнем. Мы будем сражаться во Франции, мы будем сражаться на морях и океанах, мы будем сражаться со все возрастающей уверенностью и усиливающейся мощью в воздухе, мы будем защищать наш остров, чего бы нам это ни стоило; мы будем сражаться на побережье, мы будем сражаться в местах десантирования, мы будем сражаться в полях и на улицах; мы будем сражаться в горах; мы никогда не сдадимся, даже если этот остров или большая часть его будут порабощены и начнут умирать с голода, во что я никогда не поверю. Тогда наша империя за морями, вооруженная и охраняемая британским флотом, будет сражаться до тех пор, пока по воле божьей Новый Свет со всей своей мощью и могуществом не выступит на спасение и освобождение Старого Света».

Крушение Франции

Решимость англичан сражаться, по–видимому, не вызывала беспокойства у Гитлера. Он был уверен, что англичане прозреют, когда он покончит с Францией, к чему он и приступал. После падения Дюнкерка, утром 5 июня, немцы предприняли массированную атаку на Сомме, и вскоре они уже наступали превосходящими силами по всему 400–мильному фронту, растянувшемуся от Абвиля до Верхнего Рейна. Французы были обречены. 143 немецким дивизиям, в том числе десяти танковым, они могли противопоставить только 65 дивизий, в большинстве своем второсортных, ибо лучшие соединения и бронетанковые силы были утрачены в Бельгии. Немногое сохранилось и от маломощных французских ВВС. Англичане могли внести вклад лишь в виде одной пехотной дивизии, которая дислоцировалась в Сааре, и некоторых частей танковой дивизии. Королевские военно–воздушные силы для участия в этом сражении могли выделить всего несколько самолетов, чтобы не оставить Британские острова без защиты. Наконец, французское верховное командование, которое возглавляли теперь Петен и Вейган, было насквозь пропитано пораженческими настроениями. Тем не менее некоторые французские части сражались с большим мужеством и упорством, то здесь, то там преграждая на время путь немецким танкам, стойко выдерживая непрерывные удары вражеской авиации.

Но это была неравная борьба. В «победоносной неразберихе», как метко заметил Тэлфорд Тейлор, немецкие войска неслись по Франции, подобно приливной волне, и путаница происходила из–за того, что их, этих войск, было слишком много и продвигались они так быстро, что часто оказывались на пути друг у друга. 10 июня французское правительство поспешно покинуло Париж, а 14 июня этот великий город, гордость Франции, оставленный без защиты, был оккупирован войсками 18–й армии генерала Кюхлера. На Эйфелевой башне была немедленно водружена свастика. 16 июня премьер Рейно, правительство которого бежало в Бордо, подал в отставку. Его сменил Петен, который на следующий день через испанского посла обратился к немцам с просьбой о перемирии. В тот же день Гитлер ответил, что сначала должен посоветоваться со своим союзником

Муссолини, ибо этот чванливый вояка, убедившись, что французские армии окончательно разбиты, 10 июня вступил в войну, дабы, подобно шакалу, успеть поживиться.

Дуче вонзает свой маленький кинжал в спину Франции

Несмотря на свою исключительную занятость развертывавшимися сражениями на Западе, Гитлер находил время довольно часто писать Муссолини, информируя его о все возрастающем числе немецких побед.

После первого письма от 7 мая, в котором фюрер одобрительно отзывался о нападках дуче на Бельгию и Голландию, преследующих цель «обеспечения их нейтралитета», и сообщал, что будет регулярно информировать своего друга о прогрессе в делах, с тем чтобы дуче мог в нужное время принимать решения, последовали новые письма от 13, 18 и 25 мая, с каждым разом все более детальные и все более вдохновенные. Как видно из дневниковых записей Гальдера, немецким генералам было наплевать, вступит дуче в войну или не вступит, однако сам фюрер придавал этому важное значение. Как только Бельгия и Нидерланды капитулировали, а англо–французские армии на севере были разбиты и остатки английских войск начали грузиться на суда в Дюнкерке, Муссолини решил вступить в войну. В письме от 30 мая он информировал Гитлера, что на 5 июня назначено вступление Италии в войну. Гитлер немедленно ответил, что глубоко тронут таким решением.

«Если и было что–нибудь такое, что могло бы укрепить мою непоколебимую веру в победоносное завершение этой войны, — писал Гитлер 31 мая, — так это ваше заявление… Сам факт вашего вступления в войну является элементом, рассчитанным на нанесение сокрушительного удара по нашим противникам».

Тем не менее фюрер просил своего союзника передвинуть дату вступления в войну на три дня, так как сначала хотел разгромить остатки французских ВВС. И Муссолини передвинул дату на пять дней — на 10 июня, заверив, что боевые действия начнутся на следующий день.

Однако боевые действия для итальянской стороны развертывались не слишком удачно. К 18 июня, когда Гитлер вызвал своего младшего партнера в Мюнхен, чтобы рассмотреть условия перемирия с Францией, около 32 итальянских дивизий после недели боев оказались не в состоянии потеснить каких–нибудь шесть французских дивизий на фронте в Альпах и дальше вдоль Ривьеры, несмотря на то что теперь над обороняющимися там французами нависла угроза со стороны немцев, наступавших вниз по долине реки Рона и угрожавших тылам французов на итальянском фронте[45]. 12 июня Чиано записал в своем дневнике:

«Муссолини совершенно унижен, так как наши войска не продвинулись ни на шаг. Даже сегодня они потерпели неудачу в наступлении и остановились перед первым французским укреплением, оказавшим некоторое сопротивление».

Лживость хвастливых заявлений Муссолини о военной мощи итальянцев обнаружилась в самом начале военных действий против Франции, и это вызывало у оскандалившегося итальянского диктатора настроение подавленности, когда вечером 17 июня он выехал с Чиано на встречу с Гитлером, чтобы обсудить условия перемирия с Францией.

«Муссолини недоволен, — писал Чиано в своем дневнике. — Этот внезапно наступивший мир беспокоит его. В дороге мы долго обговаривали условия, при которых может быть удовлетворена просьба французов о перемирии. Дуче… подумывает даже о

---

[45] Пораженчески настроенное французское верховное командование запретило любые наступательные действия против Италии. 14 июня французская эскадра обстреляла заводы, нефтеочистительные предприятия и топливные резервуары возле Генуи, однако адмирал Дарлан запретил дальнейшие акции подобного рода. Когда английская авиация собралась было вылететь с аэродрома в Марселе на бомбардировку Милана и Турина, французы загромоздили грузовыми машинами взлетные полосы и не позволили бомбардировщикам взлететь. — Прим. авт.

полной оккупации французской территории и требовании сдать французский военно–морской флот. Но он понимает, что его мнение имеет только консультативную ценность. Война выиграна Гитлером без какого–либо активного участия в ней Италии, поэтому последнее слово остается за ним. Это, естественно, беспокоит Муссолини и омрачает его настроение». Умеренность «последнего слова» фюрера вызвала у итальянцев откровенную растерянность, когда они совещались с нацистским главарем в Доме фюрера в Мюнхене, где Чемберлен и Даладье проявили такую уступчивость по отношению к двум диктаторам в вопросе о Чехословакии менее чем два года назад. Из секретного немецкого меморандума по поводу этого совещания явствует, что Гитлер был настроен прежде всего не допустить, чтобы французский военно–морской флот попал в руки англичан. Его также беспокоило, как бы французское правительство не сбежало в Северную Африку или в Лондон и оттуда не продолжило войну. Исходя из этих соображений условия перемирия окончательные условия могут оказаться иными — должны быть умеренными, рассчитанными на то, чтобы «французское правительство функционировало на французской земле», а «французский флот был нейтрализован». Фюрер резко отклонил требование Муссолини предоставить итальянцам право оккупировать долину реки Рона, включая Тулон (крупная французская военно–морская база на Средиземном море, где сосредоточилась основная часть французского военного флота) и Марсель, а также требование о разоружении Корсики, Туниса и Джибути. В немецком меморандуме отмечается, что город Джибути, ворота в оккупированную Италией Эфиопию, вполголоса назвал Чиано.

Даже воинственный Риббентроп, как отметил в дневнике Чиано, проявил «исключительную умеренность и спокойствие и высказывался в поддержку мира». И воинственный Муссолини, как заметил его зять, был «очень сильно смущен».

«Он чувствует, что его роль второстепенная… По правде говоря, дуче боится, что с наступлением мира мечта его жизни — слава, добытая на поле боя, — снова останется неосуществленной».

Муссолини оказался неспособен убедить Гитлера вести переговоры о перемирии с французами совместно. Фюрер не собирался делить с дуче триумф на историческом месте (он даже не назвал своему другу место, где будет подписано перемирие с французами), но пообещал, что его перемирие с Францией не вступит в силу до тех пор, пока французы не подпишут перемирия с Италией.

Муссолини покинул Мюнхен огорченный и расстроенный, однако на Чиано Гитлер произвел весьма благоприятное впечатление, чего с ним ранее не случалось. Об этом свидетельствует запись, сделанная Чиано в дневнике по возвращении в Рим:

«Из всего этого определенно следует, что он (Гитлер) хочет действовать быстро, чтобы покончить со всем этим. Сегодня Гитлер похож на игрока, который сорвал огромный куш и хотел бы встать из–за стола, чтобы больше не рисковать. Говорит он сдержанно, с той осмотрительностью, которая после такой победы просто удивительна. Меня нельзя обвинить в излишней нежности к нему, но сегодня я действительно им восхищаюсь».

Второе перемирие в Компьене

Я прибыл следом за германской армией в Париж в июне — время, когда все в исполненной величия, а теперь поверженной столице наполняется неизъяснимым очарованием, и 19–го разузнал, где Гитлер собирается изложить французам свои условия перемирия, о которых два дня назад просил Петен. Вручение немецких условий должно было состояться на том самом месте, где германская империя капитулировала перед Францией и ее союзниками 11 ноября 1918 года, — на небольшой поляне в Компьенском лесу. Там нацистский вождь выплеснет на французов свою месть, и сам окрестный ландшафт добавит сладости его отмщению. Эта идея осенила его 20 мая, спустя десять дней после начала великого наступления на Западе, в день, когда немецкие танки достигли Абвиля.

Йодль отметил в тот день в своем дневнике: «Фюрер работает над мирным договором… Первые переговоры пройдут в Компьенском лесу».

После полудня 19 июня я поехал туда и застал там немецких саперов, разрушавших стены музея, где хранился спальный вагон маршала Фоша, в котором в 1918 году было подписано перемирие. Уходя, я видел, как саперы, орудовавшие пневматическими молотами, разобрав стену, уже тащили вагон на рельсы на то самое место в центре поляны, где он стоял в 5 часов утра 11 ноября 1918 года, когда под нажимом Фоша германские представители поставили свои подписи под условиями перемирия.

Итак, это было в полдень 21 июня. Я стоял у края поляны в Компьенском лесу, чтобы увидеть собственными глазами последний и крупнейший из триумфов Гитлера, которых я в ходе своей работы видел так много за эти бурные годы. Был один из самых прекрасных летних дней, какие мне запомнились в мою бытность во Франции. Теплые лучи солнца задерживались на мощных ветвях величественных вязов, дубов, кипарисов и сосен, которые отбрасывали приятную тень на заросшие дорожки, ведущие к небольшой круглой поляне. Точно в 3 часа 15 минут пополудни прибыл на своем мощном «мерседесе» Гитлер в сопровождении Геринга, Браухича, Кейтеля, Редера, Риббентропа и Гесса, — каждый в своей, отличной от других форме и Геринг — единственный фельдмаршал рейха с маршальским жезлом в руке. Они вышли из своих автомобилей примерно в 200 ярдах от монумента в ознаменование освобождения Эльзаса и Лотарингии, который был задрапирован немецкими военными флагами так, чтобы фюрер не мог увидеть огромный меч (я помнил это по предыдущим посещениям), меч победоносных союзников 1918 года, пронзивший жалкого орла, символизировавшего германскую империю Гогенцоллернов. Взглянув на монумент, Гитлер двинулся дальше.

«Я наблюдал за его лицом, — записал я в своем дневнике. — Оно было серьезным, торжественным и тем не менее полным жажды мести. В нем, как и в его пружинистой походке, было что–то от победоносного завоевателя, бросившего вызов всему миру. Было что–то… вроде злобной радости от свершения этого величайшего поворота судьбы, поворота, который он сам устроил».

Когда он подошел к маленькой поляне в лесу, где в центре был установлен его личный штандарт, его внимание привлек огромный гранитный блок, возвышавшийся примерно на три фута над землей.

«Гитлер, сопровождаемый свитой, медленно подходит к гранитному блоку и читает надпись, выгравированную (по–французски) крупными буквами: «Здесь 11 ноября 1918 года была сломлена преступная гордыня германской империи, побежденной свободными народами, которые она пыталась поработить». Гитлер читает надпись, и Геринг тоже. Все читают ее, стоя в тишине под июньским солнцем. Я стараюсь разглядеть выражение лица Гитлера. Я всего в 50 ярд от него и вижу его лицо в бинокль, точно он прямо передо мной. Я много раз видел это лицо в величайшие минуты жизни фюрера. Но сегодня! Оно пылает презрением, гневом, ненавистью, неистребимой жаждой мести, торжеством. Он отходит от монумента, всем своим видом показывая презрение, что удается ему в совершенстве. Он еще раз оглядывается назад — презрительно, зло, — вы почти осязаете, как он зол, что не может сразу же одним взмахом своего прусского сапога[46] уничтожить эти отвратительные, провокационные слова. Внимательным взглядом обводит он поляну, и, когда его глаза встречаются с вашими, вы чувствуете всю глубину ненависти, таящейся в них. Но в его глазах таится и торжество — мстительная, ликующая ненависть. Вдруг, будто лицо его еще не в полной мере отразило чувства, он придает своему телу положение, созвучное его настроению. Он быстро кладет руки на бедра, расправляет плечи, широко расставляет ноги. Это великолепная поза, она выражает вызов, жгучее презрение к этому месту, ко всему тому, что стояло здесь двадцать два года, будучи немым свидетелем уничтожения германской

---

[46] По распоряжению Гитлера монумент был взорван три дня спустя. — Прим. авт.

империи».

Затем Гитлер и его свита вошли в вагон, где фюрер уселся в кресло, на котором в 1918 году сидел Фош. Через пять минут появилась французская делегация во главе с генералом Шарлем Хюнтцигером, командовавшим 2–й армией у Седана, в составе одного адмирала, генерала авиации и одного гражданского лица, Леона Ноэля, бывшего французского посла в Польше, ставшего свидетелем краха еще одного государства под ударами немецкого оружия. Они были потрясены, но сохраняли достоинство даже в этих трагических обстоятельствах. Им заранее не сказали, что доставят в эту французскую святыню, чтобы подвергнуть унизительной процедуре, и французы, вне всякого сомнения, пережили как раз то шоковое состояние, на какое рассчитывал Гитлер. В тот вечер, после того как Браухич детально описал ему всю процедуру, Гальдер записал в своем дневнике:

«Французы… не подозревали, что им придется вести переговоры в том самом месте где проходили переговоры в 1918 году. Этот факт так подействовал на них, что они долго не могли прийти в себя».

Разумеется, французы были ошеломлены, и это было заметно. Тем не менее вопреки сообщениям, которые публиковались в те дни, они пытались, как теперь стало известно из официальных протоколов этой встречи, обнаруженных среди нацистских секретных документов, смягчить наиболее жесткие пункты условий, выдвинутых фюрером, и устранить те из них, которые, по их мнению, являлись позорными. Однако их усилия оказались тщетными.

Гитлер и его свита покинули вагон, как только генерал Кейтель зачитал французам преамбулу к условиям перемирия, предоставив ведение переговоров начальнику штаба ОКБ, но при этом не разрешив ему ни на йоту отступить от составленных им самим условий.

Хюнтцигер, ознакомившись с условиями, заявил, что они «тяжелые и безжалостные», значительно хуже, чем те, которые французы вручили немцам здесь в 1918 году. Более того, продолжал Хюнтцигер, если «страна по ту сторону Альп, которая не нанесла поражения Франции (Хюнтцигер слишком презирал Италию, чтобы назвать ее), предъявит аналогичные требования, то Франция ни при каких обстоятельствах не подчинится. Она будет сражаться до горького конца… Поэтому он не считает возможным поставить свою подпись под немецкими условиями перемирия…»

Генерал Йодль, второй человек в ОКБ, председательствовавший на совещании, не ожидал столь дерзких слов от полностью разгромленного противника и ответил, что хотя не может не выразить своего «понимания» относительно всего сказанного Хюнтцигером об итальянцах, тем не менее он не имеет полномочий изменить условия, выдвинутые фюрером. Он может сделать одно — «дать комментарии и разъяснить непонятные пункты». Французам придется либо подписать этот документ по перемирию, либо оставить его в том виде, в каком он есть.

Немцы были раздражены тем, что французская делегация приехала без полномочий заключить перемирие, а только для того, чтобы передать согласие правительства, находившегося в Бордо. То ли в результате технического чуда, то ли по счастливой случайности, но им удалось установить телефонную связь с правительством в Бордо из старого спального вагона прямо через линию фронта, где еще шли бои. Французской делегации разрешили воспользоваться этим телефоном, чтобы передать текст условий перемирия и обсудить их со своим правительством. Доктора Шмидта, выступавшего на переговорах в роли переводчика, для подслушивания переговоров поместили в армейскую спецмашину связи, стоявшую в нескольких ярдах за деревьями. На следующий день мне удалось прослушать отрывок записанных немцами на пленку переговоров между Хюнтцигером и генералом Вейганом.

К чести последнего, который несет серьезную ответственность за поражение французов, за полную капитуляцию и за разрыв с Англией, следует заметить, что он энергично возражал против многих требований немцев. Одним из наиболее одиозных требований было обязательство французов передать рейху всех антинацистски настроенных

беженцев, нашедших убежище во Франции и на ее территориях. Вейган назвал это требование позорным, сославшись на французские традиции предоставления права на политическое убежище, но когда на следующий день об этом было заявлено немцам, надменный Кейтель, не слушая никаких доводов, стал кричать, что «немецкие эмигранты» являются «величайшими поджигателями войны», что они «предали свой собственный народ» и должны быть переданы рейху «любой ценой». Французы не высказали возражений против статьи, в которой говорилось, что с теми французами, которых схватят с оружием в руках в войсках других стран, воюющих против Германии, будут обращаться как с франтирерами, то есть немедленно расстреляют. Этот пункт был направлен против де Голля, который уже пытался организовать в Англии движение «Свободная Франция». Как Вейган, так и Кейтель знали, что это являлось грубейшим нарушением элементарных правил войны. Не возражали французы и против параграфа, в котором предусматривалось, что все военнопленные будут содержаться в плену до заключения мира. Вейган был уверен, что англичане покорятся в пределах трех недель и после этого французские военнопленные будут отпущены домой. Тем самым он обрек полтора миллиона французов на пятилетнее содержание в лагерях для военнопленных.

Самым сложным в соглашении о перемирии являлся вопрос о судьбе французского военно–морского флота. Когда Франция зашаталась, Черчилль предложил освободить ее от обязательства не заключать сепаратный мир, если французский военный флот получит указание направиться в английские порты. Гитлер был полон решимости не допустить этого; он хорошо понимал, как говорил он Муссолини 18 июня, что это неимоверно усилило бы Англию. Поскольку на карту было поставлено так много, он решил пойти на некоторые уступки или по крайней мере пообещать пойти на уступки разгромленному противнику. Соглашением о перемирии предусматривалось, что французский флот будет демобилизован, а сами корабли поставлены на стоянку в своих портах. В ответ на это германское правительство торжественно заявило французскому правительству, что оно не намерено использовать французский флот, находившийся в портах под немецким наблюдением, в своих военных интересах. Более того, правительство торжественно заявило, что оно не имеет намерения предъявлять какие–либо права на французский военный флот во время заключения мира. Как и все обещания Гитлера, это тоже будет нарушено.

Наконец, Гитлер оставлял французскому правительству неоккупированную зону на юге и юго–востоке Франции, где оно якобы будет управлять по своему усмотрению. Это был коварный ход, позволивший не только разделить саму Францию географически и административно, но и затруднить, если не исключить полностью, возможность сформирования французского правительства в изгнании и перечеркнуть любые планы политических деятелей в Бордо сделать местом пребывания правительства Северную Африку, — замысел, который был близок к осуществлению, но оказался в конечном счете сорван не немцами, а французскими пораженцами: Петеном, Вейганом, Лавалем и их сторонниками. Более того, Гитлер знал, что те, кто теперь контролировал французское правительство в Бордо, являлись врагами французской демократии и можно было надеяться на сотрудничество с ними в установлении нацистского «нового порядка» в Европе.

Однако и на второй день переговоров в Компьене французская делегация продолжала препирательства и проволочки. Одна из причин задержек — Хюнтцигер настаивал, чтобы Вейган не просто уполномочил его подписать условия перемирия: никто во Франции не хотел брать на себя такую ответственность, а приказал это сделать. В конце концов в 6.30 вечера Кейтель предъявил ультиматум: французы должны в течение часа принять или отклонить немецкие условия перемирия. Французское правительство капитулировало. В 6 часов 50 минут вечера 22 июня 1940 года Хюнтцигер и Кейтель подписали соглашение о перемирии[47].

---

[47] Соглашением предусматривалось, что оно вступит в силу, как только будет подписано франко–итальянское соглашение о перемирии, и боевые действия прекратятся через шесть часов после его

Я слушал, как проходил последний акт подписания перемирия, поскольку все было записано на пленку с помощью скрытых микрофонов. Перед тем как поставить свою подпись, французский генерал дрожащим голосом сказал, что хочет сделать заявление от себя лично. Мне удалось записать это по–французски. Он говорил:

«Я заявляю, что французское правительство приказало мне подписать эти условия перемирия… Вынужденная силой оружия прекратить борьбу, которую мы вели на стороне союзников, Франция сознает тяжесть навязанных ей условий. На будущих мирных переговорах Франция вправе ожидать, что в Германии возобладают настроения, которые позволят двум великим державам жить и трудиться в мире и добрососедстве».

Тем мирным переговорам, о которых говорил французский генерал, не было суждено состояться, но настроения, которые должны были возобладать в нацистском третьем рейхе, если бы они состоялись, начали выявляться по мере того, как оккупация становилась все более жесткой, а давление на раболепный режим Петена все более сильным. Франции было предначертано превратиться в германского вассала, с чем Петен, Вейган и Лаваль, очевидно, были согласны.

Пошел мелкий дождь, когда участники переговоров покидали вагон. На дороге сквозь лес можно было видеть бесконечную цепочку усталых, едва переставлявших ноги беженцев, которые возвращались домой на велосипедах, на телегах, а немногие счастливчики — на старых грузовиках. Я вышел из тени деревьев и направился к поляне. Группа немецких саперов, громко крича, уже начала передвигать старый вагон, в котором велись переговоры.

 Куда? — поинтересовался я.

 В Берлин, — последовал ответ[48].

Франко–итальянское перемирие было подписано в Риме двумя днями позднее. Согласно перемирию, Муссолини мог оккупировать только ту территорию, которую захватили его войска, то есть всего несколько сот ярдов французской земли. Франции была также навязана 50–мильная демилитаризованная зона как перед границей с Италией, так и в Тунисе. Перемирие было подписано в 7.35 вечера 24 июня. Спустя шесть часов пушки во Франции смолкли.

Та самая Франция, которая в минувшей войне выдержала четыре года борьбы, на сей раз была выведена из войны всего за шесть недель. Немецкие войска завоевали территорию большей части Европы от мыса Нордкап за Полярным кругом до Бордо, от берегов Ла–Манша до реки Буг в Восточной Польше. Адольф Гитлер достиг вершины славы. Бывший австрийский бродяга, объединивший немцев в национальное государство, прошел путь от ефрейтора времен первой мировой войны до величайшего германского завоевателя. Теперь установить германскую гегемонию в Европе мешал ему лишь неукротимый англичанин Уинстон Черчилль и возглавляемый им народ, полный решимости и отвергающий возможность поражения, в то время как Англия стояла на грани поражения; народ, оставшийся в одиночестве, фактически безоружный, осажденный в своем островном доме самой мощной военной машиной, какую когда–либо видел мир.

Гитлер ведет игру с целью заключить мир

Спустя десять дней после начала немецкого наступления на Западе, в тот самый вечер, когда немецкие танки вышли к Абвилю, генерал Йодль, описав в своем дневнике, как фюрер был «вне себя от радости», добавил, что он «работает над мирным договором» и что «Англия может получить сепаратный мир в любое время после возвращения германских колоний».

подписания. — Прим. авт.

[48] В Берлин вагон был доставлен 8 июля. По иронии судьбы в ходе войны он был разбит во время одного из налетов союзной авиации. — Прим. авт.

Это было 20 мая. Затем в течение нескольких недель Гитлер, по–видимому, не сомневался, что после выхода Франции из войны Англия будет стремиться к заключению мира. Выдвигаемые им условия, с точки зрения немцев, представлялись исключительно щедрыми, учитывая, что Англия потерпела поражение в Норвегии и во Франции. 24 мая фюрер детально изложил их генералу фон Рундштедту, выразив при этом свое восхищение Британской империей и подчеркнув необходимость ее существования. От Лондона он требовал одного — свободы рук в континентальной Европе.

Он был настолько уверен, что англичане согласятся с его предложением, что после падения Франции даже не намечал никаких планов относительно продолжения войны против Англии, а его хваленый генеральный штаб, который, считалось, с прусской тщательностью разработал все возможные в будущем варианты, не надоедал ему со своими планами. Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Гальдер не делает никаких записей по этому вопросу в своем объемистом дневнике. Он больше обеспокоен русской угрозой на Балканах и на Балтике, чем поведением англичан.

В самом деле, разве будет Великобритания сражаться в одиночестве, оказавшись в столь безнадежном положении? Особенно сейчас, когда она может заключить мир, сохранив, в отличие от Франции, Польши и других потерпевших поражение стран, свою целостность и свободу? Этот вопрос задавали повсюду, но не на Даунинг–стрит, где, как позднее признавался Черчилль, он никогда даже не обсуждался, ибо ответ напрашивался сам собой. Однако немецкий диктатор этого не знал и, когда Черчилль публично заявил, что Англия не сдастся, он, вероятно, этому не поверил. Не поверил, даже когда 4 июня, по завершении дюнкеркской эпопеи, Черчилль выступил со своей знаменитой речью о продолжении борьбы на холмах и побережье; не поверил, даже когда 18 июня, после того как Петен запросил перемирия, Черчилль снова заявил в палате общин о «непоколебимой решимости продолжать войну», а в заключение другого, не менее красноречивого и запоминающегося выступления сказал:

«Давайте напряжем все свои усилия, чтобы каждый выполнил свой долг, и будем помнить, что если Британская империя и ее Содружество просуществуют тысячу лет, то люди скажут: «Это был их звездный час».

Это могли быть просто высокопарные слова талантливого оратора — так, должно быть, думал и Гитлер, будучи сам блестящим оратором. Его уверенность, вероятно, подкреплялась итогами зондажа в столицах нейтральных государств и призывами покончить с войной, исходившими оттуда. 28 июня Гитлер получил от папы римского конфиденциальное послание — аналогичные обращения были адресованы Муссолини и Черчиллю, — в котором глава Ватикана предлагал свое посредничество в интересах «установления справедливого и почетного мира». В своем обращении папа подчеркивал, что, прежде чем предпринимать такой шаг, он желал бы удостовериться, как будет воспринято его предложение заинтересованными сторонами. Король Швеции также проявлял активность, предлагая свои услуги в деле заключения мира между Лондоном и Берлином.

В Соединенных Штатах германское посольство во главе с Гансом Томсеном, поверенным в делах, расходовало каждый доллар, на который могло наложить лапу, на поддержку изоляционистов, высказывавшихся против вступления Америки в войну, тем самым подталкивая Англию к отказу от ее продолжения. Захваченные документы германского министерства иностранных дел изобилуют донесениями Томсена, который докладывал в Берлин об усилиях посольства склонить американское общественное мнение в пользу Гитлера. Этим летом в США проходили партийные съезды, и Томсен всеми силами стремился оказать влияние на внешнеполитические программы партий, особенно республиканской.

Например, 12 июня под грифом «совершенно секретно, срочно» он сообщил в Берлин, что «хорошо известный конгрессмен–республиканец», тесно сотрудничающий с германским посольством, предложил за 3 тысячи долларов пригласить пятьдесят конгрессменов–республиканцев, поддерживающих программу изоляционистов, на съезд

республиканцев, «с тем чтобы они могли воздействовать на остальных делегатов в поддержку изоляционистской внешней политики». Тот же «тесно сотрудничающий» конгрессмен, докладывал в Берлин Томсен, просит 30 тысяч долларов, чтобы оплатить рекламу в американских газетах на всю полосу под заголовком «Держать Америку вне войны!»[49] На следующий день Томсен писал в Берлин о новом проекте, который он обсуждает с неким американским литератором; в данном случае вопрос сводился к тому, чтобы пять хорошо известных американских писателей написали книги, от которых он ждет «больших результатов». На осуществление этого проекта ему потребуется 20 тысяч долларов — сумма, которую одобрил Риббентроп через несколько дней[50].

Одним из первых публичных высказываний Гитлера о его надеждах на мир с Англией явилось его интервью с Карлом фон Ви–гандом, корреспондентом газетного магната Херста, которое было опубликовано в нью–йоркском «Джорнэл Американ» 14 июня. Спустя две недели Томсен информировал германское министерство иностранных дел о том, что отпечатал дополнительно 100 тысяч экземпляров этого интервью и что ему удалось, кроме того, через надежного агента убедить изоляциониста, члена палаты представителей Торкелсона (республиканец от штата Монтана), включить интервью фюрера в «Конгрешнл рекорд» («Протоколы Конгресса») от 22 июня. Это еще раз гарантирует его самое широкое распространение.

Нацистское посольство в Вашингтоне хваталось за любую соломинку. Однажды летом пресс–атташе посольства пытался протолкнуть идею, которая, по его словам, была предложена неким Фултоном Люисом, радиокомментатором, которого атташе характеризовал как искреннего поклонника Германии и фюрера и исключительно уважаемого американского журналиста.

«Фюреру нужно будет обратиться к Рузвельту с телеграммой… приблизительно следующего содержания: «Вы, господин Рузвельт, неоднократно взывали ко мне, и я всегда выражал желание избежать кровопролитных войн. Я не объявлял войну Англии; наоборот, я всегда подчеркивал, что не желаю уничтожения Британской империи. Мои неоднократные просьбы к Черчиллю проявить здравомыслие и согласиться на заключение почетного мира упорно им отвергались. Я вполне осознаю, что Англия жестоко пострадает, когда я отдам приказ начать тотальную войну против Британских островов. Поэтому я прошу Вас обратиться от своего имени к Черчиллю и убедить его отказаться от бессмысленного упрямства». Люис добавил, что Рузвельт, конечно, даст грубый и язвительный ответ, но это не играет роли. Такое обращение произвело бы глубокое впечатление как на Северную Америку, так и на Южную Америку…»

Адольф Гитлер не принял рекомендации Люиса, однако министерство иностранных дел в Берлине телеграфом запросило свое посольство, насколько авторитетен упомянутый радиокомментатор в Америке. Томсен ответил, что Люис «пользовался успехом в последнее время… но по сравнению с ведущими американскими комментаторами никакого политического веса не имеет»[51].

---

[49] Такая реклама появилась в «Нью–Йорк таймс» 25 июня 1940 года. — Прим. авт.

[50] 5 июля 1940 года Томсен настолько испугался возможного разоблачения, что шифром запросил у Берлина разрешения на уничтожение всех расписок и отчетов по расходам за вышеупомянутые операции: «Выплаты получателям… производятся через надежных посредников, однако при нынешних обстоятельствах очевидно, что никаких расписок получать нельзя… Подобные расписки или памятные записки могут попасть в руки американских секретных служб, если посольство вдруг будет захвачено американскими властями, и, несмотря на все усилия по маскировке, сам факт существования таких документов вызовет серьезный политический скандал и другие нежелательные последствия для наших друзей, которые, возможно, известны нашим врагам… Поэтому я прошу разрешить посольству уничтожить эти расписки и отчеты и впредь обходиться без них». Это телеграфное донесение было уничтожено. Прим. авт.

[51] Описание действий германского посольства в Вашингтоне в этот период, как это видно из донесений и

Черчилль был несколько обеспокоен, судя по его мемуарам, усилиями определенных кругов через Швецию, Соединенные Штаты и Ватикан прозондировать возможность заключения мира с Англией и, убедившись, что Гитлер пытается максимально использовать такие настроения, принял решительные контрмеры. Узнав о попытках немецкого поверенного в делах в Вашингтоне Томсена начать переговоры с английским послом, Черчилль по телеграфу предупредил, чтобы «лорд Лотиан ни под каким видом не отвечал на послание немецкого поверенного в делах».

Королю Швеции, который настойчиво требовал, чтобы Великобритания пошла на мирное урегулирование, непреклонный премьер–министр подготовил твердый ответ:

«…Прежде чем любое подобное требование или предложение будет рассмотрено, необходимо, чтобы Германия не на словах, а на деле дала надежные гарантии восстановления свободной и независимой Чехословакии, Польши, Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии и прежде всего Франции…»[52]

других документов, опубликованных в томах «Документы по внешней политике Германии», могло бы стать темой для большой, захватывающей книги. Поражаешься тенденции немецких дипломатов говорить нацистскому диктатору именно то, что он желал услышать, — практика, распространенная во всех тоталитарных странах. Два офицера из ОКВ в Берлине рассказывали мне, что высшее командование, по крайней мере генеральный штаб, относилось с недоверием к донесениям, поступавшим из посольства в Вашингтоне, и создало свою военную разведывательную службу в Соединенных Штатах. ОКВ и генеральный штаб не получали нужной информации от немецкого военного атташе в Вашингтоне генерала Фридриха фон Беттихера, если судить по его донесениям, включенным в тома «Документов». Он все время предупреждал ОКВ, генеральный штаб сухопутных войск и главный штаб ВВС, куда были адресованы его депеши, что Америка находится под контролем евреев и франкмасонов, что точно соответствовало мыслям Гитлера. Беттихер переоценивал влияние изоляционистов в американской политике, особенно влияние полковника Чарлза Линдберга, который в его донесениях фигурировал как величайший герой. Одна или две выдержки из этих донесений дадут полное представление об их тоне:

«20 июля 1940 года….Как выразитель интересов евреев, которые через франкмасонов осуществляют контроль над широкими массами американского народа, Рузвельт хочет, чтобы Англия продолжала сражаться… В кругах Линдберга стали осознавать развитие событий и теперь пытаются по крайней мере помешать распространению фатального контроля над американской политикой со стороны евреев… Я неоднократно докладывал о подлой и злобной кампании против Линдберга, которого евреи считают своим наиболее сильным противником…

августа 1940 года. Теперь еврейские элементы занимают ключевые позиции в американских вооруженных силах… в последние недели посты военного министра, помощника военного министра, министра военно–морских сил оказались заняты раболепствующими личностями, а в качестве секретаря к военному министру приставили очень влиятельного еврея полковника Юлиуса Охс–Адлера.

В своих донесениях я уже упоминал о силах, противостоящих еврейским элементам и нынешней политике Соединенных Штатов, учитывая также важность генерального штаба. Исключительно одаренный Линдберг, у которого довольно обширные связи, является самой важной фигурой. Еврейские элементы и Рузвельт боятся духовного и особенно морального превосходства этого человека.

В воскресенье (4 августа) Линдберг нанес удар, который скажется на евреях. Он… подчеркнул, что Америке следует стремиться к искреннему сотрудничеству с Германией, имея в виду сохранение мира и западной культуры. Несколькими часами позднее престарелый генерал Першинг, который долгое время оставался игрушкой в руках Рузвельта, то есть в руках евреев, прочитал по радио декларацию, подсунутую ему мастерами закулисных махинаций, о том, что поражение Англии вызовет реальную угрозу для Америки…

Шайка еврейских элементов, бросающих посредством прессы тень подозрения на Линдберга, обвинения в его адрес со стороны сенатора… Лукаса, который в своем выступлении по радио вечером в понедельник по указанию Рузвельта назвал Линдберга представителем «пятой колонны», то есть предателем, — все это подчеркивает страх перед духовной мощью этого человека, об успехах и значимости которого для развития будущих германо–американских отношений я докладывал в начале войны». 18 сентября в очередном донесении Томсен изложил конфиденциальный разговор, который, по его словам, состоялся между Линдбергом и несколькими офицерами американского генерального штаба. Линдберг высказал мнение, что Англия скоро развалится под ударами немецкой авиации. Однако офицеры генерального штаба считали, что авиационная мощь Германии недостаточна, чтобы добиться нужных для нее результатов. — Прим. авт.

[52] В «Документах по внешней политике Германии» имеются донесения, адресованные германскому министерству иностранных дел, о якобы имевших место контактах с различными английскими дипломатами и деятелями, иногда прямых, иногда через нейтралов, таких, например, как франкистские испанцы. Принц Макс фон Гогенлоэ, англофил из судетских немцев, докладывал в Берлин о своих беседах с английским послом в

В этом заключалась позиция Черчилля, и, вероятно, никто в Лондоне не собирался ставить такую позицию под угрозу путем заключения мира, гарантирующего сохранение Англии, но оставляющего народы стран, порабощенных Гитлером, на положении рабов. Но этого не понимали в Берлине, где, помнится, в те летние дни, особенно на Вильгельмштрассе и Бендлерштрассе, были уверены, что с войной, в сущности, покончено.

Вторую половину июня и первые дни июля Гитлер все еще надеялся получить из Лондона известие о готовности английского правительства сдаться и заключить мир. 1 июля он говорил новому итальянскому послу Дино Альфиери[53], что «не может даже представить, чтобы кто–либо в Англии всерьез верил в победу». И верховное командование ничего не предпринимало для продолжения войны против Англии.

Но на следующий день после разговора с итальянским послом ОКБ наконец издало первую директиву по этому вопросу. Это был скорее нерешительный приказ.

Фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами решил:

1. При наличии определенных предпосылок, важнейшей из которых является завоевание превосходства в воздухе, может встать вопрос о высадке в Англии. Ввиду этого дата пока не назначается. Приготовления к проведению операции начать как можно ранее…

Прохладное отношение Гитлера к идее вторжения на Британские острова и его уверенность, что такая операция в конце концов окажется ненужной, нашли отражение в заключительной фразе директивы:

…Во всех приготовлениях учитывать, что план высадки в Англии отнюдь еще не является твердым и что речь идет лишь о подготовке возможной операции.

Когда Чиано встретился с фюрером 7 июля в Берлине, у него сложилось впечатление, судя по записям в его дневнике, что нацистский главарь в растерянности и не может пока что принять решение.

«Он, по–видимому, склонен продолжать борьбу и обрушить бурю гнева и стали на головы англичан. Однако к окончательному решению он еще не пришел и по этой причине откладывает свою речь, в которой, как он выразился, должно быть взвешенным каждое слово».

11 июля Гитлер собрал своих военачальников в Оберзальцберге, чтобы узнать их мнение по этому вопросу. Адмирал Редер, флоту которого пришлось бы перебрасывать армию вторжения через Ла–Манш, имел в этот день продолжительный разговор с фюрером. Ни тот, ни другой не проявили особого желания тщательно рассмотреть возникшую проблему, по существу, основную часть времени они посвятили обсуждению вопросов, связанных с развертыванием военно–морских баз в Тронхейме и Нарвике (Норвегия).

Верховный главнокомандующий, судя по конфиденциальному докладу адмирала о прошедшей встрече, находился в подавленном настроении. Он поинтересовался у адмирала, произведет ли эффект намеченное выступление в рейхстаге. Адмирал ответил, что речь произведет эффект, если ей будет предшествовать «концентрированный» налет на Англию. Напомнив своему шефу, что английские военно–воздушные силы наносят ощутимый урон

Швейцарии Давидом Келле и Ага–ханом. Он утверждал, что последний просил его отправить фюреру сообщение следующего содержания: «Хедив Египетский, также находящийся здесь, согласился, что в тот день, когда фюрер остановится на ночь в Виндзоре, они вместе разопьют бутылку шампанского… Если Германия или Италия планируют отобрать у англичан Индию, он в их распоряжении… Борьба против Англии — это борьба не против английского народа, а против евреев. Черчилль многие годы находился на содержании у евреев, а король слишком слаб и ограничен в правах… Если бы он направился с этими мыслями в Англию, Черчилль бы заключил его в тюрьму…»

Необходимо принять во внимание, что эти донесения могут быть совсем неправдивыми, но они содержат то, что хотелось услышать Гитлеру. Нацистский план перетянуть на свою сторону герцога Виндзорского состоял в том, чтобы похитить его, а затем попытаться использовать в своих целях, как это явствует из секретных документов германского министерства иностранных дел. Прим. авт.

[53] Аттолико был заменен Альфиери по наущению Риббентропа в мае 1940 года. Прим. авт.

немецким военно–морским базам в Вильгельмсхафене, Гамбурге и Киле, адмирал высказал мнение, что люфтваффе следовало бы немедленно активизировать свои действия против англичан. Что касается вторжения на Британские острова, то к этим планам командующий военно–морскими силами отнесся довольно сдержанно. Он настоятельно советовал, чтобы оно было предпринято «только как последнее средство вынудить Англию пойти на заключение мира».

«Он (Редер) убежден, что Англию можно принудить запросить мира, перерезав ее артерии снабжения посредством беспощадной войны подводного флота, воздушных налетов на конвои и сильных воздушных налетов на ее главные центры…

Поэтому командующий военно–морскими силами (Редер) не может выступать в поддержку идеи вторжения в Англию, как в случае с Норвегией».

Далее адмирал принялся подробно и долго объяснять трудности, связанные с таким вторжением, которые, вероятно, несколько охладили Гитлера. Охладили, но и убедили. Ибо Редер отметил, что «фюрер также рассматривает вторжение как последнее средство».

Спустя два дня после разговора с адмиралом, 13 июля, в Бергхоф на совещание с верховным главнокомандующим прибыли генералы. Они нашли фюрера все еще озадаченным поведением англичан. «Фюрера, — записал в тот вечер в своем дневнике Гальдер, — больше всего занимает вопрос, почему Англия до сих пор не ищет мира». Но теперь для него стала ясна одна из причин. Гальдер это отметил:

«Он, как и мы, видит причину этого вопроса в том, что Англия еще надеется на Россию. Поэтому он считает, что придется силой принудить Англию к миру. Однако он несколько неохотно идет на это. Причина: если мы разгромим Англию, вся Британская империя распадется. Но Германия ничего от этого не выиграет. Разгром Англии будет достигнут ценой немецкой крови, а пожинать плоды будут Япония, Америка и др.»

В тот же день Гитлер в письме Муссолини с благодарностью отклонял предложение дуче использовать итальянские войска и самолеты для вторжения в Англию. Из этого письма очевидно, что фюрер наконец начинал приходить к определенным выводам. Странные англичане просто не желали прислушиваться к голосу разума.

«Я столько раз обращался к Англии с предложением заключить соглашение, даже сотрудничество, и в ответ на это со мной обращались так бесчестно, писал он, — что теперь я убежден, что любой новый призыв к разуму будет так же отвергнут, ибо в этой стране в настоящее время правит не разум…»

Тремя днями позднее, 16 июля, нацистский правитель наконец принял решение. Он издал «Директиву №16 о подготовке операции по высадке войск в Англии».

Ставка фюрера,
16 июля 1940 года

Совершенно секретно

Поскольку Англия, несмотря на свое бесперспективное военное положение, все еще не проявляет никаких признаков готовности к взаимопониманию, я решил подготовить и, если нужно, осуществить десантную операцию против Англии. Цель этой операции — устранить английскую метрополию как базу для продолжения войны против Германии и, если это потребуется, полностью захватить ее.

Операция получила кодовое название «Морской лев». Приготовления планировалось закончить к середине августа.

«…Если нужно, осуществить десантную операцию…» Несмотря на то что интуиция подсказывала, что такая необходимость возникнет, он, как явствует из директивы, не был в этом уверен. Это «если» все еще оставалось большим знаком вопроса, когда Адольф Гитлер вечером 19 июля поднимался на трибуну в рейхстаге, чтобы сделать свое последнее предложение Англии заключить мир. Это было последнее продолжительное выступление фюрера в рейхстаге и последнее выступление, услышанное автором этих строк. В тот же вечер я записал свои впечатления об этом выступлении:

«Гитлер, которого мы видели сегодня вечером в рейхстаге, предстал завоевателем и,

сознавая это, тем не менее настолько искусно играл, настолько владел умами немцев, что непоколебимая уверенность завоевателя великолепно сочеталась с почтительным смирением — это всегда хорошо воспринимается широкими массами, когда они знают, что наверху настоящий человек. Его голос звучал сегодня гораздо тише; вопреки обыкновению, он редко повышал голос на трибуне и ни разу не перешел на истерический крик, какой мне не раз приходилось слышать с этой трибуны».

Разумеется, его длинная речь изобиловала фальсификациями истории и щедрыми вкраплениями оскорблений в адрес Черчилля. Но по тону она была умеренной, учитывая исключительно благоприятные для Германии обстоятельства, умело выстроенной, что позволяло ему рассчитывать на поддержку не только своего народа, но и нейтралов и подбросить широким слоям англичан пищу для раздумий.

«Из Британии, — сказал он, — я слышу сегодня только один крик — не народа, а политиканов — о том, что война должна продолжаться. Я не знаю, правильно ли представляют себе эти политиканы, во что выльется продолжение борьбы. Верно, они заявляют, что будут продолжать войну, а если Великобритания погибнет, то будут продолжать войну из Канады. Я не могу поверить, что под этим они подразумевают то обстоятельство, будто английскому народу придется перебраться в Канаду. Очевидно, в Канаду поедут те джентльмены, которые заинтересованы в продолжении войны. Боюсь, народу придется остаться в Британии и… увидеть войну другими глазами, нежели это представляется их так называемым лидерам в Канаде.

Поверьте мне, господа, я питаю глубокое отвращение к подобного рода бессовестным политиканам, которые обрекают на гибель целые народы. У меня вызывает почти физическую боль одна только мысль, что волею судеб я оказался тем избранным лицом, которому придется наносить последний удар по структуре, уже зашатавшейся в результате действий этих людей… Мистер Черчилль… будет к тому времени в Канаде, куда несомненно уже отосланы деньги и дети тех, кто принципиально заинтересован в продолжении войны. Однако миллионы простых людей ждут великие страдания. Мистеру Черчиллю, пожалуй, следовало бы прислушаться к моим словам, когда я предсказываю, что великая империя распадется, — империя, разрушение которой или даже причинение ущерба которой никогда не входило в мои намерения…»

Сделав, таким образом, выпад против упрямого премьер–министра и предприняв попытку оторвать английский народ от него, Гитлер подошел к самой сути своей большой речи:

«В этот час я считаю долгом перед собственной совестью еще раз обратиться к разуму и здравому смыслу как Великобритании, так и других стран. Я считаю, что мое положение позволяет мне обратиться с таким призывом, ибо я не побежденный, выпрашивающий милости, а победитель, говорящий с позиций здравого смысла.

Я не вижу причины, почему эта война должна продолжаться»[54].

И все. В детали он не вдавался, не внес никаких конкретных предложений

---

[54] Затем последовала беспрецедентная в истории Германии колоритная сцена, когда Гитлер, неожиданно прервав свою речь, принялся вручать фельдмаршальские жезлы двенадцати генералам и специальный, сродни «королевским», жезл Герингу, которому было присвоено вновь введенное звание «рейхсмаршал великого германского рейха», ставившее его выше всех других маршалов. Он был также награжден Большим Железным крестом — единственный случай за всю войну. Гальдера в этой лавине фельдмаршальских званий обошли: его повысили только на один ранг — из генерал–лейтенантов в генералы. Такое неразборчивое присвоение маршальских званий — кайзер за всю первую мировую войну произвел в фельдмаршалы только пять генералов, и даже Людендорф не был удостоен этого звания — несомненно помогало Гитлеру задушить даже скрытую оппозицию среди генералов, что в прошлом имело место трижды. Поступая таким образом, Гитлер хоть и умалял ценность высших воинских рангов, но достигал поставленной цели — укреплял свою власть над генералами. В фельдмаршалы были произведены девять армейских генералов: Браухич, Кейтель, Рундштедт, Бок, Лееб, Лист, Клюге, Вицлебен, Рейхенау, и три генерала люфтваффе: Мильх, Кессельринг и Шперле. — Прим. авт.

относительно условий для заключения мира, относительно того, что же будет в случае заключения мира с сотнями миллионов людей, находящихся в настоящее время под нацистским ярмом в захваченных немцами странах. Но в тот вечер в рейхстаге нашлось бы очень немного людей, если бы вообще нашлось, которые считали, что на этой стадии нужно что–то детализировать. Я общался с довольно многими высокопоставленными лицами и офицерами при закрытии заседания, и ни один из них не сомневался, что англичане примут великодушное, по их убеждению, предложение фюрера. Но заблуждение их длилось недолго.

С заседания я поехал прямо на радиостанцию, чтобы передать для Соединенных Штатов радиорепортаж о речи фюрера. Едва я прибыл на студию, как тут же поймал передачу Би–би–си на немецком языке из Лондона. Би–би–си уже передавала английский ответ Гитлеру, хотя после выступления фюрера прошло не более часа. Ответом англичан было решительное «Нет!»[55].

Младшие офицеры из верховного командования и чиновники из различных министерств сидели в комнате и с восторженным вниманием слушали радио. Постепенно их лица вытянулись. Они отказывались верить своим ушам. «Вы что–нибудь понимаете?» — кричал мне один из них. Казалось, он оцепенел. «Вы в состоянии понять этих английских дураков? — продолжал он кричать. — Теперь отклонить мир? Да они просто с ума сошли!»

В тот же вечер Чиано[56] стал свидетелем реакции на безумие англичан на более высоком уровне, чем я. «Поздно вечером, — отмечал он в своем дневнике, — когда стали поступать первые спокойные отклики англичан на речь фюрера, у немцев возникло чувство трудно скрываемого разочарования». Согласно утверждению Чиано, воздействие речи на Муссолини оказалось совершенно противоположным.

«Он… характеризует ее как «слишком коварную». Он опасается, что англичане могут усмотреть в ней предлог для начала переговоров. Это совершенно не устраивает Муссолини, потому что сейчас, как никогда раньше, ему хочется вести войну».

Дуче, как позднее заметил Черчилль, «не стоило беспокоиться по этому поводу. Он сполна получит войну, о которой мечтал».

«Маневр, рассчитанный на то, чтобы сплотить немецкий народ на борьбу против Англии, — так расценил я речь фюрера в тот вечер в своем дневнике. Речь Гитлера — настоящий шедевр, ибо теперь немцы будут говорить: «Гитлер предлагает англичанам мир, причем без всяких условий. Он говорит, что не видит причин для продолжения войны. Если она будет продолжаться, то лишь по вине англичан».

И не крылась ли главная причина в том, что за трое суток до своего выступления с мирными предложениями в рейхстаге он издал Директиву №16 о подготовке операции по высадке войск на Британские острова? 1 июля он доверительно признался в этом двум итальянцам — Альфиери и Чиано:

«…Всегда считалось хорошей тактикой переложить ответственность за будущий ход событий в глазах мировой общественности и общественности Германии на противника. Это укрепляет наш собственный моральный дух и подрывает моральное состояние противника. Такая операция, какую планирует Германия, будет кровопролитной… Поэтому нужно убедить общественное мнение, что было предпринято все, чтобы избежать этого ужаса…»

---

[55] Позднее Черчилль утверждал, что мирные предложения Гитлера были немедленно и решительно отклонены Би–би–си «без какой–либо подсказки со стороны правительства его величества, как только отзвучала речь Гитлера по радио» (Черчилль У. Вторая мировая война, т. 2, с. 260). — Прим. авт.

[56] Итальянский министр иностранных дел вел себя точно клоун во время выступления фюрера в рейхстаге — вскакивал, как марионетка, чтобы фашистским салютом приветствовать каждую паузу в его речи. Я заметил Квислинга, маленького человечка со свинячьими глазками, сидевшего в углу первого балкона. Он приехал в Берлин, чтобы просить снова поставить его у власти в Осло. — Прим. авт.

В своей речи от 6 октября[57] он тоже руководствовался мыслью переложить всю ответственность за последующий ход развития событий на противника. Поэтому он выиграл войну еще до того, как начал ее. И опять он намеревался по психологическим соображениям подкрепить моральный дух, так сказать, ради действий, которые будут предприняты.

А 8 июля, то есть через неделю, Гитлер доверительно пояснял Чиано, что он инсценирует еще одну демонстрацию, с тем чтобы в случае продолжения войны (по его мнению, это единственная реальная возможность) произвести нужный психологический эффект на англичан… Может, посредством ловко состряпанного обращения к английскому народу еще больше удастся изолировать английское правительство.

Но это оказалось невозможным. Речь фюрера от 19 июля произвела впечатление на немецкий народ, но не на английский. 22 июля лорд Галифакс в выступлении по радио официально отклонил мирные предложения Гитлера. Хотя это и не явилось неожиданностью для Вильгельмштрассе, тем не менее многих это встревожило, и в тот день я встречал там немало сердитых лиц. «Лорд Галифакс, — говорил один официальный представитель правительства, — отклонил мир, предложенный фюрером. Джентльмены, будет война!»

Легче сказать, чем сделать. В действительности ни Гитлер, ни верховное командование, ни высшие штабы сухопутных войск, ВМС и ВВС никогда всерьез не рассматривали вопрос о том, как вести и выиграть войну против Великобритании. А теперь, в середине лета 1940 года, они не знали, что делать с блестящей победой: у них не было никаких планов и почти никакого желания воспользоваться величайшими военными победами, достигнутыми собственным народом–солдатом.

В этом заключается один из парадоксов третьего рейха. В тот самый момент, когда Гитлер находился в зените военной славы и основная часть Европы лежала поверженной у его ног, а его победоносные армии, растянувшиеся от Пиренеев до Полярного круга, от Атлантики до берегов Вислы, отдыхали, готовясь к дальнейшим действиям, он не имел четкого представления, что делать дальше, как довести войну до победного завершения. Не имели об этом представления и его генералы, двенадцать из которых получили из его рук маршальские жезлы.

Конечно, на то была причина, хотя и неясная нам в то время. Несмотря на их хваленые военные таланты, у немцев не было какой–либо грандиозной стратегической концепции. Их кругозор был ограничен — всегда был ограничен! — войной на суше против соседних государств Европейского континента. Гитлер боялся моря[58], и его крупнейшие полководцы совершенно не были знакомы с военными концепциями, связанными с использованием морей или океанов. Все они были сухопутчиками, а не моряками, и мыслили соответствующим образом. И хотя их армии за неделю сумели бы разгромить довольно–таки слабые английские сухопутные войска, если бы дело дошло до схватки один на один, даже Ла–Манш — такая отделявшая их друг от друга неширокая водная преграда, что можно было разглядеть противоположный берег, — в их воображении становился непреодолимым препятствием.

Существовала, конечно, и другая альтернатива. Немцы могли поставить Англию на колени, нанеся ей мощные удары через Средиземное море при поддержке своего итальянского союзника, захватив Гибралтар у западной горловины Средиземного моря, а затем про–вйгаясь на восток через Египет и далее через Суэцкий канал в Иран, перерезав тем самым одну из жизненно важных артерий снабжения метрополии. Но для этого необходимо было осуществлять крупные морские операции на огромном удалении от баз в Германии, а в 1940 году все это выходило за рамки немецкого стратегического мышления.

---

[57] Тогда он предлагал Западу мир по завершении польской кампании. — Прим. авт.

[58] «На суше я герой, а на воде трус», — говорил он однажды Рундштедту (Шульман М. Поражение на Западе, с. 50). — Прим. авт.

Таким образом, достигнув поразительного успеха, Гитлер и его военачальники заколебались. Они не продумали ни следующего шага, ни способа его осуществления. Этот промах впоследствии сыграет роковую роль в войне, в недолгом существовании третьего рейха и головокружительной карьере Адольфа Гитлера. На смену столь ярким победам пришли неудачи. Однако это, разумеется, невозможно было предвидеть, когда в конце лета осажденная, оставшаяся в одиночестве Англия готовилась отразить имевшимися у нее небольшими силами удар немецких войск.

ОПЕРАЦИЯ «МОРСКОЙ ЛЕВ»: СОРВАННОЕ ВТОРЖЕНИЕ В АНГЛИЮ

«Окончательная победа Германии над Англией теперь только вопрос времени, — писал 30 июня 1940 года начальник штаба оперативного руководства вермахта генерал Йодль. — Вражеские наступательные операции в крупных масштабах более невозможны». Любимый стратег Гитлера пребывал в самодовольном настроении.

За неделю до этого капитулировала Франция, оставив в одиночестве, очевидно, беспомощную Англию. 15 июня Гитлер проинформировал генералов, что собирается провести частичную демобилизацию — из 160 дивизий оставить только 120. «Предпосылкой для такого приказа, — писал в этот день в своем дневнике Гальдер, — является мнение, что в связи с уже очевидным окончательным разгромом противника сухопутные войска выполнили свою задачу и что мы можем на территории противника спокойно провести эту перестройку, которая явится основой для дальнейшей организации в мирное время. На ВВС и ВМС ложится задача — вести войну с Англией одним».

По правде говоря, армия не проявляла особого интереса к этому вопросу. Да и самого фюрера эта проблема не очень волновала. 17 июня полковник Вальтер Варлимонт, заместитель Йодля, информировал руководство военно–морских сил, что «относительно высадки в Великобритании фюрер… до сих пор не высказал такого намерения… Поэтому даже в настоящее время ОКБ не осуществляет никаких подготовительных мер». Четыре дня спустя, 21 июня, в тот самый момент, когда Гитлер входил в салон–вагон в Компьене, чтобы унизить французов, военно–морские силы были проинформированы, что генеральный штаб сухопутных войск не занимается вопросами вторжения в Англию, так как считает его осуществление невозможным.

Ни один из талантливых руководителей любого из трех видов немецких вооруженных сил не знал, как следует организовать вторжение на Британские острова, хотя, естественно, флот первым начал обдумывать эту проблему. Еще 15 ноября 1939 года, когда Гитлер тщетно торопил своих генералов предпринять наступление на Западе, адмирал Редер дал указание штабу военно–морских сил изучить «возможность вторжения в Англию при определенных условиях, вызванных дальнейшим ходом войны». Впервые в истории немецкий военный штаб получил распоряжение рассмотреть такую акцию. Похоже, Редер предпринял этот шаг главным образом для того, чтобы упредить любое неожиданное помрачение ума своего непредсказуемого лидера. Нет никаких данных, указывающих на то, что Гитлера информировали об этом. Все его помыслы были направлены в это время на захват аэродромов и военно–морских баз в Голландии, Бельгии и во Франции для усиления блокады Британских островов.

К декабрю 1939 года командование сухопутных войск и люфтваффе стали высказывать свои соображения относительно вторжения в Англию. Три вида вооруженных сил обменивались довольно расплывчатыми предложениями и, разумеется, недалеко продвинулись в этом вопросе. В январе 1940 года военно–морские и военно–воздушные силы отвергли армейский план как нереалистичный. Моряки утверждали, что этот план совершенно не учитывал мощь британского военно–морского флота, а люфтваффе считали, что он недооценивал возможности английских королевских военно–воздушных сил. В заключении докладной главного штаба люфтваффе, адресованной главному командованию сухопутных войск, говорилось: «Комбинированная операция с высадкой в Англии в качестве

ее цели должна быть отклонена». Позднее, как мы убедимся, Геринг и его помощники заняли совершенно противоположную позицию.

Первое упоминание в немецких архивах о том, что Гитлер считался с возможностью вторжения в Англию, относится к 21 мая (второй день после того, как танковые части вермахта вышли к морю в районе Абвиля). Редер в частном порядке обсуждал с фюрером «возможность высадки в Англии на более поздней стадии». Источником такой информации является сам командующий флотом, которому не перепало славы от выдающихся побед армии и военно–воздушных сил на Западе и который, бесспорно, искал пути и средства, чтобы вывести свой вид вооруженных сил на передний план. Однако все помыслы Гитлера были заняты сражением на севере и на Сомме, поэтому он не беспокоил своих генералов вопросами, выходившими непосредственно за рамки этих задач.

Офицеры военно–морских сил, не обремененные заботами, тем не менее продолжали изучать проблему вторжения, и к 27 мая контр–адмирал Курт Фрике, начальник оперативного отдела главного штаба ВМС, вынес на суд начальства новый план под заглавием «Исследование Англии». Была начата также предварительная работа по сбору соответствующих судов и созданию десантно–высадочных средств, которых у германского военно–морского флота совершенно не было. В этой связи доктор Готфрид Федер, кудесник от экономики, который помогал Гитлеру составить партийную программу в дни Мюнхена, а ныне являлся статс–секретарем в министерстве экономики, где быстро расправлялись с его сумасшедшими идеями, разработал планы подготовки десантно–высадочных средств, назвав их «военными крокодилами».

Это была своеобразная самоходная баржа, изготовленная из бетона. Она могла нести на себе роту из 200 человек с полной боевой выкладкой, несколько танков или артиллерийских орудий, выкатываться на берег и обеспечивать прикрытие десантируемых солдат и боевых машин. Эта идея была всерьез воспринята командованием военно–морских сил и даже Гальдером, который упоминает о ней в своем дневнике, и обстоятельно обсуждалась Гитлером и Редером 20 июня. Но в итоге ничего из этого не вышло.

Июнь близился к концу, а толкового плана вторжения на Британские острова адмиралы так и не представили. После появления в Компьенском лесу 21 июня Гитлер в сопровождении нескольких закадычных друзей отправился осматривать Париж[59], затем поля сражений, но не этой, а первой мировой войны, когда он служил связным. Его сопровождал Макс Аманн, старший унтер–офицер в те далекие годы, а ныне нацистский издатель–миллионер. Будущий ход войны, особенно продолжение сражения против Англии, казалось, сейчас интересовал его меньше всего, или он просто считал, что этот несущественный вопрос фактически решен, поскольку англичане теперь образумятся и согласятся на мирное урегулирование.

В свою новую ставку в Танненберге, западнее Фройденштадта в Шварцвальде, Гитлер не возвращался до 29 июня. На следующий день по возвращении, спустившись с облаков на землю, он задумался над представленным Йодлем докладом относительно планов дальнейшего ведения войны. Доклад был озаглавлен так: «Продолжение войны против Англии». Хотя в фанатической вере в гений фюрера Йодль в ОКВ уступал лишь Кейтелю, тем не менее он проявлял осторожность при решении стратегических вопросов. Однако теперь он разделял общее мнение, царившее в штабе верховного главнокомандующего, что война практически выиграна и почти завершена. Если Англия не поняла этого, то придется опять применить силу, чтобы напомнить ей об этом. Осуществить осаду Англии в докладной предлагалось в три этапа: интенсификация воздушной и морской войны против английского судоходства, складов, заводов и английской военной авиации; «терроризирующие» налеты на густо населенные центры; высадка войск в целях оккупации Англии.

---

[59] Гитлер намеревался также поглазеть на гробницу Наполеона в Доме инвалидов. Своему верному фотографу Генриху Гофману он при этом сказал: «Это была величайшая и счастливейшая минута моей жизни». — Прим. авт.

Йодль признавал, что «борьбе против английских военно–воздушных сил должно быть придано первостепенное значение». Однако в целом, по его мнению, этот, как и другие аспекты удара, могут быть осуществлены без особых затруднений.

Наряду с пропагандистскими усилиями и периодическими терроризирующими налетами, квалифицируемыми как возмездие, резкое ухудшение продовольственной базы парализует и в конечном счете подорвет волю народа к сопротивлению и тем самым вынудит правительство к капитуляции[60].

Что касается высадки войск на острова, то это можно детально рассматривать только после обеспечения господства в воздухе. Поэтому высадка войск не должна преследовать военное завоевание Англии; эту задачу необходимо возложить на военно–воздушные силы и флот. Целью высадки десанта скорее является нанесение смертельного удара по Англии, экономически уже парализованной и более не способной сражаться в воздухе, если необходимость в этом еще сохранится.

Однако, по мнению Йодля, это может и не оказаться необходимым.

Поскольку Англия уже не может надеяться на победу, а может сражаться только ради сохранения своих владений и своего престижа, она вынуждена будет проявить склонность, судя по прогнозам, к заключению мира, когда поймет, что все это пока еще она может получить по относительно низкой цене.

Это был тот же ход рассуждений, что и у Гитлера, и фюрер немедленно приступил к подготовке своей мирной речи в рейхстаге. А между тем, как мы уже убедились, 2 июля он отдал приказ о предварительном планировании высадки в Англии и 16 июля, когда из Лондона не последовало «здравой» оценки ситуации, издал Директиву №16 о подготовке операции «Морской лев». Наконец, после колебаний, длившихся более шести недель, было решено, «если возникнет необходимость», осуществить вторжение на Британские острова. Гитлер и его генералы, хоть и с запозданием, начали осознавать, что это крупная и довольно рискованная военная операция, ибо успех ее будет зависеть от того, удастся ли люфтваффе и военно–морскому флоту расчистить путь на остров для пехоты вопреки противодействию куда более мощного британского военно–морского флота и далеко не слабого королевского военно–воздушного флота.

Являлся ли «Морской лев» серьезно задуманным планом? И были ли серьезными намерения осуществить его?

На этот счет до сих пор высказываются сомнения, и такие взгляды подтвердили после войны многие немецкие генералы. Рундштедт, на которого возлагалось руководство войсками вторжения, рассказал союзным следственным органам в 1945 году:

«Предложение осуществить вторжение в Англию было абсурдно, так как для этого не имелось необходимого числа судов… На все это мы смотрели как на некую игру, ибо было ясно, что никакое вторжение неосуществимо, поскольку наш военно–морской флот не был в состоянии гарантировать безопасное пересечение Ла–Манша десантными судами или доставку на острова подкреплений. Да и немецкая авиация не могла взять на себя эти функции, если бы это не удалось флоту… Я всегда скептически относился ко всей этой затее… У меня было такое чувство, что фюрер никогда всерьез не намеревался осуществлять план вторжения. У него никогда не хватило бы для этого мужества… Он определенно надеялся на то, что англичане согласятся на мирное урегулирование…»

Блюментрит, начальник оперативного отдела в штабе Рундштедта, высказал после войны аналогичную точку зрения Лидделу Гарту, утверждая, что между собой они говорили об этом (операция «Морской лев») как о блефе.

Я сам в середине августа в течение нескольких дней выискивал на берегу Ла–Манша, на участке от Антверпена до Булони, следы присутствия армии вторжения. 15 августа возле

---

[60] Йодль предусматривал также возможность «перенесения военных действий на периферию», то есть нападение на Британскую империю не только при помощи Италии, но и при поддержке Японии, Испании и России. — Прим. авт.

Кале и у мыса Гри–Не мы увидели, как армады немецких бомбардировщиков в сопровождении истребителей направились через Ла–Манш в сторону Англии, — позднее выяснилось, что это был первый массированный налет на Англию. И хотя было очевидно, что люфтваффе обрушатся всей своей мощью, отсутствие судов и особенно десантно–высадочных средств в портах, каналах и на реках укрепило меня во мнении, что немцы блефовали. Насколько я мог убедиться, у них просто не было десантно–высадочных средств, чтобы преодолеть такую водную преграду, как Ла–Манш.

Конечно, один репортер способен увидеть очень немногое, но теперь мы знаем, что до 1 сентября немцы не начинали сбор судов вторжения. Что касается генералов, то те, кто знакомился с их показаниями на допросах или слушал их во время перекрестных допросов в ходе судебных процессов в Нюрнберге, научились относиться к их послевоенным свидетельским показаниям более чем скептически[61]. Человеческая память — инструмент несовершенный, и память немецких генералов не исключение из общего правила. К тому же они преследовали и свои личные цели, прежде всего стремились дискредитировать военное руководство Гитлера. Действительно, в их скучных и длинных мемуарах, в их показаниях на допросах, в их свидетельствах на судебных процессах красной нитью проходит мысль, что если бы они обладали свободой при принятии решений, то Гитлер никогда бы не привел третий рейх к поражению.

К несчастью для них, но к счастью для последующих поколений и истины, горы немецких секретных военных документов не оставляют сомнений, что план Гитлера осуществить в начале осени 1940 года вторжение в Англию был абсолютно невыполним и что, несмотря на колебания, нацистский диктатор отважился бы претворить в жизнь операцию «Морской лев», если бы имелись какие–либо шансы на успех. В конечном счете от осуществления этого плана пришлось отказаться не из–за отсутствия решимости или достаточных усилий, а из–за фортуны, которая впервые начала ему изменять.

17 июля, через день после издания Директивы №16 об операции по высадке войск в Англии и за два дня до выступления фюрера в рейхстаге с «мирными» предложениями, главное командование сухопутных войск выделило войска для операции «Морской лев» и приказало 13 отобранным для этого дивизиям занять исходные позиции на побережье Ла–Манша в составе первой волны сил вторжения. В тот же день командование закончило детальную разработку плана высадки войск на южном побережье Англии.

Здесь, как и во Франции, главный удар должен был наносить фельдмаршал фон Рундштедт (этот титул он получил 19 июля) в качестве командующего группой армий «А». Шесть пехотных дивизий из 16–й армии генерала Эрнста Буша, погрузившись на суда в районе Па–де–Кале, должны были высадиться на английском побережье между Рамсгитом и Бексхиллом. Четырем дивизиям из 9–й армии генерала Адольфа Штраусса предстояло пересечь Ла–Манш из района Гавра и высадиться между Брайтоном и островом Уайт. Далее на западе трем дивизиям из 6–й армии фельдмаршала фон Рейхенау (из группы армий «Б» фельдмаршала фон Бока) предстояло отправиться из района Шербура и высадиться в заливе Лайм между Уэймаутом и Лайм Регис. Первую волну, таким образом, составляли 90 тысяч человек; к третьему дню верховное командование планировало доставить на английское побережье в общей сложности до 260 тысяч человек. Этому должны были содействовать воздушно–десантные части, выбрасываемые в заливе Лайм и в других районах. Бронетанковые силы в составе не менее шести танковых дивизий, усиленные тремя моторизованными дивизиями, последуют в составе второй волны десантируемых сил через несколько дней, чтобы иметь на островах в общей сложности 39 дивизий плюс две воздушно–десантные дивизии. Их задача сводилась к следующему. После овладения плацдармами на английском побережье дивизии из группы армий «А» будут продвигаться на

---

[61] Даже такой проницательный военный критик, как Лиддел Гарт, не всегда придерживался данного правила, и это сказалось на содержании его книги «Говорят немецкие генералы». Говорить–то они говорили, но или им изменяла память, или они грешили против правды. — Прим. авт.

юго–востоке к своей первой цели — рубежу Гравесенд, Саутгемптон. 6–я армия Рейхенау будет наступать на север на Бристоль, отрезав Девон и Корнуэлл. Вторая цель — захват рубежа от Малдона на восточном побережье до района севернее устья Темзы, заблокировав Уэльс. Ожидалось, что по выходе немецких войск к первому рубежу «развернутся тяжелые бои с крупными силами англичан», однако они будут быстро разгромлены, Лондон окружен и наступление в северном направлении возобновится. 17 июля Браухич говорил Редеру, что вся операция завершится в течение одного месяца и окажется относительно легкой.

Однако Редер и командование ВМС были настроены довольно скептически. Операция такого масштаба и на таком широком фронте — на протяжении свыше 200 миль от Рамсгита до залива Лайм — была для немецкого флота непосильна. Спустя два дня Редер так и информировал ОКБ; позднее (21 июня) он поднял этот вопрос, когда Гитлер вызвал его, Браухича и генерала Ганса Ешонека, начальника главного штаба люфтваффе, на совещание в Берлин. Фюрер по–прежнему имел весьма смутное представление о том, «что же происходит в Англии». Он с пониманием относился к трудностям военно–морского флота, но вместе с тем подчеркивал важность скорейшего завершения войны. Фюрер уверял, что для осуществления вторжения потребуется сорок дивизий и что главная операция должна быть завершена к 15 сентября[62]. В целом главный нацистский заправила пребывал в приподнятом настроении, несмотря на отказ Черчилля именно в тот самый момент пойти на заключение мирного соглашения.

«Положение Англии безнадежно, — сказал, по словам Гальдера, Гитлер. Война выиграна нами. Перспективы на успех не могут претерпеть поворота к худшему».

Однако военно–морской флот, перед которым стояла задача огромной сложности — переброска целой армии через бурный Ла–Манш на глазах у намного превосходящего своей мощью британского флота и все еще активно действующей авиации, не был так уверен в исходе операции. 29 июля главный штаб ВМС представил подготовленный им меморандум, в котором высказывался против проведения операции в этом году и предлагал «рассмотреть ее в мае 1941 года или еще позднее».

Гитлер же настаивал на рассмотрении плана 31 июля 1940 года и вновь созвал своих военачальников — на этот раз в Оберзальцберге. Помимо Редера, Кейтеля, Йодля из ОКВ здесь присутствовали Браухич и Гальдер из ОКХ. "

Гросс–адмирал — так теперь звучало воинское звание Редера — говорил на совещании больше других, хотя будущее представлялось* ему мало обнадеживающим.

По его мнению, 15 сентября — самая ранняя дата для начала* операции «Морской лев» и то только в том случае, если не возникнут «непредвиденные обстоятельства, связанные с погодными условиями или с действиями противника». Когда Гитлер поинтересовался погодой, Редер в ответ прочитал на эту тему целую лекцию, нарисовав картину красочную, но не вселяющую оптимизма.

За исключением первых двух недель, докладывал гросс–адмирал, погода в октябре в

---

[62] Немецкая разведка считала, что сухопутные силы Англии в июле, августе и сентябре составляли около восьми дивизий. В начале июля немецкий генеральный штаб сухопутных войск оценивал английские силы как 15–20 боеспособных дивизий. Фактически в это время в Англии было 29 дивизий, но боеспособных — не более половины десятка, поскольку остальные не имели практически ни танков, ни артиллерии. Однако вопреки широко распространенному мнению, которое бытует и сегодня, в середине сентября английская армия была бы достойным противником для немецких дивизий, включенных в состав первой волны вторжения. К этому времени англичане имели 16 хорошо обученных дивизий, готовых встретить противника на южном побережье Англии, из которых три являлись танковыми; а восточный берег от Темзы до залива Уош прикрывали четыре пехотные дивизии плюс танковая бригада. Это означало, что англичане восстановили силы после краха у Дюнкерка, в результате которого страна в июне оставалась на суше фактически беззащитной.

Английская разведка имела превратное представление о немецких планах вторжения, а в течение первых трех месяцев, когда угроза вторжения стала реальной, и вовсе ошибочное. На протяжении лета Черчилль и его военные советники были убеждены, что немцы предпримут главные усилия по десантированию на восточном участке побережья, и поэтому именно там англичане до сентября держали свои основные силы. — Прим. авт.

Ла–Манше и в Северном море в целом плохая; в середине месяца наползают легкие туманы, которые к концу месяца сильно сгущаются. Но это лишь часть проблемы. «Операция, — заявил он, — может быть осуществлена только в том случае, если море спокойно». При сильной волне баржи потонут и даже крупные корабли окажутся бесполезны, поскольку не смогут разгружаться. По ходу своего доклада гросс–адмирал все более мрачнел, поскольку вопросы, которые он затрагивал, становились все сложнее и сложнее.

«Даже если первой партии десанта удастся пересечь Ла–Манш при благоприятных погодных условиях, — продолжал адмирал, — то нет никакой гарантии, что такие же благоприятные условия будут сопутствовать переброске второй и третьей партий десанта….Реальная действительность такова, что мы должны помнить: не может быть и речи о переброске в течение нескольких дней через Ла–Манш значительных подкреплений, пока не появится возможность использовать определенные гавани».

А это может поставить в крайне тяжелое положение армию, высаженную на побережье и оказавшуюся без снабжения и без подкреплений. Далее Редер затронул основные расхождения между армией и флотом. Армия хотела иметь широкий фронт от Дувра до залива Лайм. Однако военно–морской флот был просто не в состоянии выделить число кораблей, необходимое для такой операции в условиях ожидаемого сильного противодействия британского флота и военно–воздушных сил. Поэтому Редер убедительно настаивал на сокращении фронта от Па–де–Кале до Истборна. Решающий довод адмирал приберег к концу своего доклада.

«Принимая во внимание все вышеизложенное, — заявил он, — лучшим временем для операции был бы май 1941 года».

Но Гитлер не хотел ждать так долго. Он допускал, что погода от них не зависит. Однако и они должны учитывать все последствия упущенного времени. Немецкий военно–морской флот не станет к весне сильнее британского. Английская армия в настоящее время находится в жалком состоянии. Но дайте ей еще восемь — десять месяцев, и она будет насчитывать от 30 до 35 дивизий значительная сила на ограниченном участке предполагаемого фронта вторжения. Поэтому его решение, судя по конфиденциальным записям, сделанным как Редером, так и Гальдером, сводилось к следующему:

«…Этот отвлекающий маневр (в Африке) следует продумать… Решающая победа может быть достигнута лишь воздействием на Англию. Поэтому необходимо попытаться подготовить операцию к 15 сентября 1940 года… Решение о том, состоится ли операция в сентябре или будет отложена до мая 1941 года, предстоит принять после того, как военно–воздушные силы проведут в течение недели концентрированные налеты на Южную Англию. Если эффект от этих воздушных налетов окажется таков, что вражеская авиация, порты и гавани, военно–морские силы и т. п. понесут тяжелый урон, операция «Морской лев» будет осуществлена в 1940 году. В противном случае ее следует отложить до мая 1941 года».

И теперь все зависело от люфтваффе.

На следующий день, 1 августа, как результат этого совещания, Гитлер издал две директивы ОКБ: одну — за собственной подписью, другую — за подписью Кейтеля.

Ставка фюрера

1 августа 1940 года

Совершенно секретно

Только для командования

Директива №17 о ведении воздушной и морской войны против Англии

С целью создания предпосылок для окончательного разгрома. Англии я намерен вести воздушную и морскую войну против Англии в более острой, нежели до сих пор, форме.

Для этого приказываю:

1. Германским военно–воздушным силам всеми имеющимися в их распоряжении средствами как можно скорее разгромить английскую авиацию…

2. По достижении временного или местного превосходства в воздухе продолжать

действия авиации против гаваней, особенно против сооружений, предназначенных для хранения запасов продовольствия…* Налеты на порты южного побережья производить с учетом запланированной операции в возможно меньшем масштабе…

4. Усиленную воздушную войну вести таким образом, чтобы авиация в любой момент могла быть привлечена к поддержке операций военно–морского флота… Кроме того, она должна сохранить свою боеспособность для операции «Морской лев».

5. Терроризирующие налеты в качестве возмездия остаются в моей компетенции.

6. Усиление воздушной войны можно начать с 5.8… Военное морскому флоту одновременно разрешается предусмотренное усиление военных действий на море.

Адольф Гитлер

Директива, подписанная Кейтелем по поручению Гитлера в тот же день, в частности, гласила:

Совершенно секретно

Только для командования

Содержание: Операция «Морской лев»

По докладу главнокомандующего военно–морскими силами от 31.7 о том, что подготовка к операции «Морской лев» не может быть закончена до 15.9 1940 г., фюрер принял следующее решение:

1) продолжать приготовления к операции «Морской лев», продлить их до 15.9 как в сухопутных войсках, так и в военно–воздушных силах;

2) через 8, самое позднее через 14 дней с начала массированных воздушных налетов на Англию, которые начнутся примерно 5.8, фюрер примет решение, в зависимости от результатов этих налетов, может ли быть операция «Морской лев» предпринята еще в этом году или нет…

4) оперативную подготовку и дальше продолжать на широкой основе, как это запланировано, несмотря на указание военно–морских сил, что они смогут гарантировать только узкую полосу (на запад примерно до Истборна)..,

Последний параграф содействовал только разжиганию вражды между армией и флотом из–за ширины фронта высадки. За пару недель до этого главный штаб военно–морских сил подсчитал, что для десантирования на 200–мильном участке побережья от Рамсгита до залива Лайм 100 тысяч солдат с боевой техникой и материальным обеспечением потребуется 1722 баржи, 1161 моторный катер, 471 буксир и 155 транспортов. Если бы даже удалось собрать столь большое число судов, говорил Редер Гитлеру 25 июля, это подорвало бы экономику Германии, так как изъятие такого числа барж и буксиров расстроило бы всю систему перевозок по внутренним водам, от работы которой в значительной мере зависит экономическая жизнь. Во всяком случае, Редер ясно дал понять, что обеспечение безопасности такой армады, пытающейся снабжать столь широкий фронт под неизбежными ударами английского флота и авиации, выходит за рамки возможностей военно–морских сил Германии. При обсуждении одного из пунктов плана штаб ВМС предупреждал представителей командования сухопутных сил, что если они будут настаивать на широком фронте, то флот может потерять все корабли.

Однако армия продолжала настаивать на своем предложении. Переоценивая возможности английской обороны, она доказывала, что при высадке на узком участке фронта наступающие войска столкнутся с превосходящими сухопутными войсками англичан. 7 августа произошла открытая перепалка между двумя видами вооруженных сил, когда Гальдер встретился с равным ему по положению адмиралом Шнивиндом, начальником главного штаба ВМС. Произошла острая, даже драматическая стычка.

«Я полностью отвергаю предложение военно–морского флота, — возмущенно заявил начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Гальдер, обычно очень выдержанный. — С точки зрения армии, я считаю предлагаемый флотом вариант настоящим самоубийством. С таким же успехом мы могли бы только что высаженные войска пропустить через мясорубку!»

Согласно протокольной записи этого совещания, имеющейся в архивах флота, Шнивинд ответил, что было бы «равносильно самоубийству» пытаться транспортировать войска на столь широком фронте, как это предлагает армия, «при наличии английского военно–морского превосходства»[63].

Это была суровая дилемма. Если попытаться предпринять высадку войск на широком фронте и в крупных размерах, то вся экспедиция может быть потоплена англичанами во время переправы. Если десантироваться на узком участке английского побережья и, следовательно, с меньшим количеством десантируемых войск, то англичане смогут сбросить высадившихся в море. 10 августа Браухич, главнокомандующий сухопутными войсками, информировал ОКВ, что он не может принять вариант высадки между Фолкстоном и Истборном. Однако он выразил готовность, хотя и не очень охотно, отказаться от десантирования в районе залива Лайм для того, чтобы сократить фронт и хотя бы наполовину удовлетворить требование флота.

Но твердолобым адмиралам этого было недостаточно, и их осторожность и упрямство уже начинали оказывать влияние на ОКВ. 13 августа Йодль набросал оценку ситуации, положив в основу, успеха операции «Морской лев» пять условий, которые генералы и адмиралы восприняли бы как нелепые, не окажись дилемма» столь серьезной. Во–первых, сказал он, придется исключить участие британских военно–морских сил в событиях у южного побережья; Англии и, во–вторых, придется удалить королевские военно–воздушные силы из воздушного пространства над Англией. Прочие условия, касающиеся высадки войск, их численности и темпов десантирования, очевидно, выходят за рамки полномочий военно–морского флота. Если эти условия не будут выполнены, то, по его мнению, высадка явится «актом безрассудства, который придется осуществлять в крайне безнадежной обстановке, но у нас нет причин претворять его в жизнь именно теперь».

Если опасения руководства военно–морского флота начали оказывать воздействие на Йодля, то сомнения последнего стали оказывать влияние на фюрера. На протяжении всей войны фюрер в своих решениях все чаще полагался на Йодля, чем на начальника штаба ОКВ, бесхребетного, тупоумного, неповоротливого Кейтеля. Поэтому неудивительно, что 13 августа, когда Редер встретился с верховным главнокомандующим в Берлине и попросил его пересмотреть решение в пользу более узкого фронта десантирования, Гитлер был склонен согласиться с руководством флота о проведении десантирования в меньших масштабах. Он обещал внести в этот вопрос окончательную ясность на следующий день, после того как переговорит с главнокомандующим сухопутными войсками. Выслушав 14 августа мнение Браухича по этому вопросу, Гитлер пришел к окончательному решению, и 16 августа директивой ОКБ за подписью Кейтеля было объявлено, что фюрер решил отказаться от десантирования в районе залива Лайм, где должны были высадиться дивизии 6–й армии Рейхенау. Приготовления к высадке на более узком участке фронта, запланированные на 15 сентября, должны продолжаться; но теперь впервые в секретной директиве прозвучали сомнения самого фюрера. «Окончательные приказы последуют только после того, как прояснится обстановка», — говорилось в заключении директивы. Этот новый приказ явился чем–то вроде компромиссного решения. Ибо в следующей директиве, изданной в тот же день, участок фронта вновь расширился.

Основная переправа через Ла–Манш должна быть осуществлена на узком участке фронта. Одновременно производятся высадки у Брайтона от четырех до пяти тысяч солдат на моторных лодках и некоторое число воздушно–десантных войск высаживается в районе Дил,

---

[63] В своих дневниковых записях, сделанных в тот же вечер, Гальдер этой цитаты не приводит, однако говорит, что «совещание привело лишь к выявлению непримиримых разногласий по ряду вопросов». Флот, сказал он, «отклоняет возможность высадки десанта в более западных районах из страха перед Портсмутом и английским надводным флотом. Решительную ликвидацию этой угрозы с помощью авиации ОКМ считает невозможной». По–видимому, к этому времени у немецкого флота, если не у армии, уже не было особых иллюзий относительно ударной мощи авиации Геринга. — Прим. авт.

Рамсгит. Кроме того, накануне дня «Д» люфтваффе осуществят мощный налет на Лондон, который вызовет бегство населения из города, в результате чего окажутся заблокированы дороги.

Хотя 23 августа Гальдер наскоро застенографировал в своем дневнике, что «при таких обстоятельствах проведение десантной операции в этом году не имеет никаких шансов на успех», директива от 27 августа за подписью Кейтеля устанавливала окончательные планы десантирования в четырех основных районах на южном побережье между Фолкстоном и Селси Билл и восточнее Портсмута с целью, как и было первоначально определено, овладеть рубежом Портсмут, Темза, восточнее Лондона у Грейвсенда; на этот рубеж необходимо было выйти сразу же, как только плацдармы соединятся и войска смогут ударить на север. В это же самое время поступил приказ быть готовыми к проведению ложных маневров, в которых главным являлась акция под кодовым названием «Осеннее путешествие». Эта акция предусматривала проведение крупномасштабной демонстрации силы на участке против восточного побережья Англии, где, как уже отмечалось, Черчилль и его военные советники все еще ожидали вторжения главных сил немцев. С этой целью четыре крупных лайнера, включая «Европу» и «Бремен», а также десять других транспортных судов под эскортом четырех крейсеров предстояло вывести из южных норвежских портов и Гельголандской бухты в день «Д» и взять курс на английское побережье между Абердином и Ньюкаслом. Транспорты, разумеется, будут пустыми, и вся экспедиция с наступлением темноты ляжет на обратный курс, чтобы на следующий день повторить маневр.

30 августа Браухич издал длиннейшие указания по предстоящему десантированию, однако получивших эти указания генералов, должно быть, немало удивило, сколько души вложил он в это предприятие. Документ, озаглавленный «Инструкция по подготовке операции «Морской лев», запоздал, учитывая, что начало операции было намечено на 15 сентября. «Приказ на исполнение зависит от развития политической обстановки», — добавил Браухич, должно быть, озадачив аполитичных генералов. 1 сентября началось перемещение транспортных средств из немецких портов в Северном море в сторону гаваней на французском побережье Ла–Манша, где предполагалось погрузить на суда войска и технику вторжения, однако через два дня, то есть 3 сентября, поступила очередная директива ОКБ.

1. Самый ранний срок для:

а) выхода транспортного флота — 20.9 1940 г.

б) дня «Д» (день высадки) — 21.9 1940 г.

2. Приказ о начале операции будет отдан в день «Д» минус 10 дней, то есть предположительно 11.9 1940 г.

3. Окончательное установление дня «Д» (начало первой высадки) последует самое позднее в день «Д» минус 3 дня в полдень.

4. Все мероприятия должны предприниматься с таким расчетом, чтобы операцию еще можно было отменить за 24 часа до часа «Ч».

Начальник штаба верховного главнокомандования

вооруженных сил Кейтель

Звучало по–деловому, но все это было обманом. 6 сентября гросс–адмирал Редер еще раз долго совещался с Гитлером. «Намерение фюрера высадиться в Англии, — писал адмирал в дневнике боевых операций штаба флота в тот же вечер, — никоим образом не приобрело характера окончательного решения, поскольку он твердо убежден, что поражения Британии можно добиться даже без высадки». Как явствует из обстоятельной записи этой беседы адмирала, фюрер говорил обо всем, за исключением операции «Морской лев»: о Норвегии, Гибралтаре, Суэце, США, об обращении с французскими колониями и о фантастических планах создания некоего «Северного германического союза».

Если бы Черчилль и его военачальники хоть что–то выведали об этом примечательном совещании, то вечером 7 сентября по Лондонскому радио не прозвучал бы кодовый сигнал «Кромвель», обозначавший «Вторжение неминуемо» и вызвавший хаос, несмолкаемый звон церковных колоколов, начавшийся по инициативе войск местной обороны, взрывы ряда

важных мостов армейскими саперами и потери среди тех, кто напоролся на установленные впопыхах минные заграждения[64].

Но на исходе 7 сентября немцы предприняли первую массированную бомбардировку Лондона — 625 бомбардировщиков в сопровождении 648 истребителей. Это был самый опустошительный воздушный налет, какие когда–либо совершались на города, — бомбардировки Варшавы и Роттердама по сравнению с этим налетом булавочные уколы, — и к вечеру весь район, прилегающий к докам огромного города, скрылся в бушующем пламени, а железнодорожная линия, ведущая на юг, столь важная для обеспечения обороны на случай вторжения, оказалась заблокированной. В этой обстановке многие лондонцы восприняли чудовищный налет как прелюдию к вторжению немцев на Британские острова, и главным образом поэтому на всю страну прозвучал кодовый сигнал, предупреждавший: «Вторжение неминуемо». Как вскоре выяснилось, варварская бомбардировка Лондона 7 сентября хотя и послужила предупреждением для англичан, причинив большой урон, но она обозначила поворотный пункт в битве за Англию. После этого крупнейшего сражения в воздухе, какие когда–либо знала планета, битва за Англию быстро достигла своей кульминации.

Приближалось время, когда Гитлеру предстояло принять окончательное решение: начинать или не начинать вторжение на Британские острова? Директивой от 3 сентября предусматривалось, что такое решение нужно принять не позднее 11 сентября, чтобы дать всем видам вооруженных сил время для осуществления предварительных мер. Но 10 сентября Гитлер отложил принятие окончательного решения до 14 сентября. Как представляется, по крайней мере две причины побудили его отложить на несколько дней принятие решения. Первая заключалась в том, что среди руководителей ОКБ сложилось мнение, будто бомбардировка Лондона нанесет Англии такой ущерб как материального, так и морального порядка, что вторжение может оказаться просто ненужным[65].

Вторая причина вытекала из трудностей, испытываемых немецким военно–морским флотом, которому требовалось набрать необходимое число судов, катеров и прочих средств транспортировки людей и боевой техники по морю. Не говоря уже о погодных условиях, характеризующихся, по прогнозам соответствующих специалистов военно–морского флота от 10 сентября, как «совершенно ненормальные и неустойчивые», английская авиация, которую Геринг обещал уничтожить, и британский военно–морской флот все настойчивее мешали немцам сосредоточить плавсредства, чтобы переправиться через Ла–Манш и осуществить вторжение. В тот самый день, когда штаб немецкого флота предупреждал о вероятной опасности со стороны англичан, английская авиация и корабли британского флота предприняли несколько налетов на немецкие морские транспорты, которые, по словам того же штаба, оказались успешными. Через два дня, 12 сентября, штаб военно–морской оперативной группы «Запад» направил в Берлин зловещую депешу:

«Помехи, причиняемые вражеской авиацией, дальнобойной артиллерией и легкими

---

[64] Черчилль утверждал, что ни он, ни комитет начальников штабов не знали о том, что по всем службам передан кодовый сигнал «Кромвель». Сигнал был разослан штабом войск местной обороны (Черчилль У. Их звездный час, с. 312). Однако четыре дня спустя, 11 сентября, в своем выступлении по радио премьер–министр предупредил, что если вторжение должно состояться, то оно не может «долго откладываться». «Поэтому, — сказал он, — необходимо рассматривать ближайшие дни как очень важные в нашей истории. Эти дни можно сравнить разве что с теми днями, когда испанская армада приближалась к Ла–Маншу, а Дрейк завершал кругосветное путешествие или когда Нельсон встал между нами и великой армией Наполеона у Булони». — Прим. авт.

[65] На немцев производили большое впечатление донесения из германского посольства в Вашингтоне, основанные на информации, получаемой из Лондона и затем приукрашиваемой в посольстве. Как докладывали, в американском генеральном штабе считали, что Англия не сможет долго продержаться. Согласно утверждениям представителя сухопутных войск в ОКБ подполковника фон Лоссберга (В штабе руководства вермахта, с. 9), Гитлер всерьез надеялся, что в Англии вспыхнет революция. — Прим. авт.

боевыми кораблями, приобретают серьезное значение. Гавани в Остенде, Дюнкерке, Кале и Булони не могут быть использованы в качестве ночных якорных стоянок судов из–за угрозы налетов авиации и обстрелов дальнобойной артиллерией. Части английского флота уже орудуют на Ла–Манше почти беспрепятственно. В силу вышеизложенных трудностей ожидаются дальнейшие задержки в концентрации морских транспортных средств, необходимых для переброски войск вторжения через канал».

На следующий день обстановка еще больше ухудшилась. Легкие корабли британского флрта обстреляли главные порты погрузки войск вторжения на Ла–Манше — Остенде, Кале, Булонь и Шербур, в то время как английская авиация потопила 80 барж в гавани Остенде. В этот день в Берлине Гитлер совещался за завтраком со своими командующими видами вооруженных сил. Он считал, что воздушная война складывается в пользу Германии, и заявил, что не собирается идти на риск вторжения. На основе этого замечания у Йодля создалось впечатление, что фюрер, «очевидно, решил полностью отказаться от проведения операции «Морской лев», — впечатление, которое на тот момент соответствовало действительности, что и подтвердил на следующий день сам Гитлер, в очередной раз изменив свое мнение и вернувшись к плану операции «Морской лев».

Как Редер, так и Гальдер оставили в своих дневниках доверительные записи об этом совещании фюрера со своими командующими, состоявшемся в Берлине 14 сентября. Гросс–адмирал воспользовался случаем и до начала общего обсуждения вручил Гитлеру меморандум, в котором излагалась точка зрения флота: нынешняя авиационная обстановка не обеспечивает условий для осуществления операции («Морской лев»), поскольку риск все еще слишком велик.

В начале совещания нацистский вершитель судеб был настроен негативно, мысли его путались, противореча друг другу. Он заявил, что не отдаст приказа на вторжение, но и не станет отменять его. Как отмечал в дневнике операций флота Редер, «он, очевидно, надеялся сделать это 13 сентября».

Каковы же причины, побудившие фюрера изменить свои взгляды? Гальдер довольно подробно останавливается на некоторых из них: «Успешный десант с последующей оккупацией Англии приведет к быстрому окончанию войны. Англия умрет с голоду. Несмотря на необходимость десанта, он не может быть обусловлен определенным сроком, в который его следует во что бы то ни стало провести… Длительная война связана с обострением обстановки, в особенности в области политики… В любой момент возможны неожиданности…» Далее Гитлер сказал, что надежды Англии на Россию и Америку не оправдались. Россия не собирается проливать кровь ради англичан.

«Военный потенциал Америки в полной мере может дать о себе знать лишь в 1945 году. Длительная война для нас нежелательна…

Самым быстрым способом окончания войны явилась бы высадка десанта в Англии. Предварительные условия для этого, которые должен был создать военно–морской флот, созданы (похвала флоту!)… Действия авиации заслуживают всяческой похвалы. Необходимо четыре–пять дней хорошей погоды, чтобы перейти к решительным действиям… Шансы на то, что удастся провести тотальный разгром Англии, очень велики…»

В чем же тогда причина задержки? Что заставляет колебаться и не начинать вторжение?

«Полностью ликвидировать истребительную авиацию противника, — признал фюрер, — еще не удалось. Наши донесения о потерях, нанесенных противнику, не создают достоверной картины. Но, несомненно, противник понес тяжелые потери. Однако, несмотря на все успехи, предпосылки для операции «Морской лев» еще не созданы».

Гитлер делает выводы из вышесказанного:

«1. Успешная высадка десанта означает победу, но это требует полного господства в воздухе.

2. Неблагоприятные условия погоды, существовавшие до сих пор, помешали достижению превосходства в воздухе.

3. Все другие факторы благоприятны.

Поэтому решение: В настоящий момент мы еще не отказываемся от проведения операции».

Придя к такому заключению, Гитлер все еще питал фантастические надежды, что люфтваффе добьются победы, которая была так дразняще близка. «Наши воздушные налеты, — говорил он, — оказали очень сильное воздействие, хотя, возможно, главным образом психологическое. К этому присоединяется также страх перед высадкой десанта. Угроза высадки десанта не должна исчезать. Даже если мы будем продолжать непрерывные воздушные налеты только в течение десяти — двенадцати дней, в Англии может возникнуть массовая паника».

Чтобы содействовать этому, начальник штаба люфтваффе Ешонек упорно просил разрешения бомбить жилые кварталы Лондона, поскольку в городе, по его утверждению, пока не наблюдалось никаких признаков «массовой паники». Адмирал Редер с энтузиазмом поддерживал идею таких бомбардировок, чтобы запугать англичан и вызвать среди них панику. Однако Гитлер считал более важным сосредоточение бомбовых ударов по военным объектам. «Массовая паника — самая последняя цель… — говорил он. — Ужасная угроза сброса бомб на массу гражданского населения должна оставаться последним козырем в наших руках».

Энтузиазм адмирала Редера в поддержку терроризирующих налетов авиации объясняется, очевидно, тем, что он относился индифферентно к идее вторжения. Теперь он снова начал подчеркивать «огромный риск», связанный с операцией «Морской лев». Он указывал, что обстановка в воздухе едва ли улучшится до назначенной даты десантирования — 24–27 сентября, поэтому высадку следует отложить до 8 октября.

Но практически это означало, по мнению Гитлера, отмену операции, и он установил, что от исполнения своего решения будет воздерживаться лишь до 17 сентября (еще трое суток). Таким образом, десантирование может быть предпринято через десять дней — 27 сентября. Если это окажется невозможным, он наметит дату вторжения в октябре. После этого по данному вопросу в войска была направлена директива верховного главнокомандования.

Берлин

14 сентября 1940 года

Совершенно секретно

…Фюрер принял следующие решения:

…Начало операции отодвигается на новый срок. Соответствующий приказ… будет отдан 17.9 1940 г. Все приготовления продолжать…

…Налеты авиации на Лондон и в дальнейшем производить главным образом на важные в военном отношении и жизненно необходимые для большого города цели (включая вокзалы), до тех пор пока еще будут сохраняться такие цели…

Массированные терроризирующие налеты исключительно на жилые кварталы должны сохраняться как последнее возможное средство давления…

Таким образом, хотя Гитлер и отложил принятие окончательного решения на трое суток, он вовсе не отказался от плана вторжения. Получи люфтваффе несколько дней хорошей летной погоды для окончательного разгрома английской авиации и деморализации Лондона, и высадка могла бы состояться. Она принесла бы окончательную победу. Таким образом, вновь все зависело от хваленой авиации Геринга. И действительно, на следующий же день она предприняла максимум усилий.

Однако мнение военно–морского флота о люфтваффе с каждым часом ухудшалось. В тот вечер, когда в Берлине состоялось решающее совещание, штаб ВМС докладывал об ожесточенных бомбовых ударах, которым английская авиация подвергла порты от Антверпена до Булони, где должны были собираться силы и средства вторжения.

«…В Антверпене… бомбардировкой нанесен серьезный урон транспортным средствам — сильно повреждены пять транспортных судов, потоплена одна баржа, повреждены два

крана, взорван железнодорожный состав с боеприпасами, несколько депо охвачено огнем». Следующая ночь выдалась еще хуже. Как докладывал штаб ВМС, противник подверг «сильным воздушным налетам объекты на всем побережье между Гавром и Антверпеном». Моряки посылали сигналы SOS, прося защиты от вражеской авиации в портах, предназначенных для сосредоточения сил вторжения. 17 сентября штаб флота докладывал:

«Английская авиация все еще не разгромлена, наоборот, она проявляет все возрастающую активность, совершая налеты на порты в Ла–Манше и создавая все больше помех нашим усилиям по сосредоточению сил и средств для вторжения».[66]

В ту ночь было полнолуние, и английские ночные бомбардировщики в полной мере этим воспользовались. Штаб немецкого флота докладывал о «весьма существенных потерях» в судах, предназначенных для погрузки армии вторжения[67], которыми были забиты все порты. У Дюнкерка было потоплено или повреждено 84 баржи, а от Шербура до Ден Хелдер среди прочих потерь значилось: взорван склад, где хранилось 500 тонн боеприпасов; сгорели продовольственные склады; потоплены различные транспорты и торпедные катера; значительные потери в личном составе. Эта ожесточенная бомбардировка и обстрел из тяжелой дальнобойной артиллерии через Ла–Манш сделали необходимым, как докладывал штаб флота, рассредоточить боевые корабли и транспортные суда, уже собранные по побережью Ла–Манша, и прекратить дальнейшую переброску судов и десантно–высадочных средств в порты, предназначенные для погрузки армии вторжения. В противном случае, говорилось в докладной, энергичные действия противника со временем приведут к таким потерям, что само осуществление операции в намеченном масштабе окажется проблематичным.

Оно уже и стало таковым.

Поэтому в журнале боевых действий германского флота появляется лаконичная запись от 17 сентября о том, что фюрер принял решение отложить на неопределенное время операцию «Морской лев».

После стольких головокружительных успехов Адольфа Гитлера постигла наконец неудача. Еще в течение месяца поддерживалась видимость, будто вторжение не снято с повестки дня, будто оно может состояться той же осенью, но это был всего лишь показной оптимизм. 19 сентября фюрер официально отдал приказ прекратить дальнейшее сосредоточение средств и флота вторжения, а суда, собранные в портах погрузки армии вторжения, рассредоточить «во избежание лишних потерь от налетов вражеской авиации».

Однако невозможно было поддерживать в боевой готовности рассредоточенную армаду и все войска, орудия, танки и средства материального обеспечения, которые были собраны на французском побережье Ла–Манша для вторжения, теперь отложенного на неопределенный срок. «…Длительное неопределенное положение становится невыносимо», — негодует по поводу «Морского льва» Гальдер в дневниковой записи от 28 сентября. После встречи Чиано и Муссолини с Гитлером у Бреннера 4 октября итальянский министр иностранных дел записал в своем дневнике: «…Никаких разговоров о высадке на Британские острова больше не велось». Неудача Гитлера крайне обрадовала его партнера Муссолини.

---

[66] Согласно одному немецкому источнику, 16 сентября английские бомбардировщики внезапным налетом сорвали крупное учение по десантированию, нанеся тяжелые потери в людях и десантно–высадочных средствах. Это породило слухи, распространившиеся как в рейхе, так и в других странах на континенте, будто немецкие войска предприняли попытку высадиться на побережье Англии, но были отброшены англичанами (см. Фухтер Г. История воздушной войны, с. 176). Об этом сообщении я услышал вечером 16 сентября в Женеве, где находился на отдыхе. 18 сентября, а затем и 19–го я видел два длинных санитарных поезда, из которых выгружали раненых солдат в пригородах Берлина. По повязкам я определил, что ранения носили в основном ожоговый характер, ибо более трех месяцев боев на суше нигде не велось. — Прим. авт.

[67] 21 сентября в секретном документе штаба германских ВМС отмечалось, что 21 транспорт и 214 барж, что составляло около 12 процентов общего числа сосредоточенных в целях вторжения плавсредств, было потеряно или повреждено. — Прим. авт.

«Редко я видел дуче в столь хорошем расположении духа… как сегодня у Бреннерского перевала», — записал Чиано.

Теперь уже и флот и армия оказывали на фюрера давление, чтобы тот принял решение об отмене операции «Морской лев» вообще. Генеральный Штаб сухопутных войск докладывал ему, что сохранение войск на французском побережье Ла–Манша «под непрерывными налетами английской авиации ведет к неоправданным потерям».

Наконец 12 октября нацистский правитель официально признал неудачу и отменил вторжение на всякий случай до весны.

Ставка фюрера,

12 октября 1940 года

…Фюрер принял решение о том, чтобы приготовления к высадке в Англии с настоящего времени и до весны сохранялись лишь как средство политического и военного давления на Англию.

Если весной или в начале лета 1941 года вновь появится намерение осуществить высадку в Англии, то своевременно будет отдан приказ о необходимой степени боевой готовности…

Армия получила указание распустить формирования, выделенные в состав войск вторжения, и направить их для выполнения других задач или для использования на других фронтах. Военно–морской флот получил указание принять все меры, чтобы высвободить личный состав и рассредоточить корабли и суда.

Оба вида вооруженных сил были обязаны действовать с максимальной скрытностью. «У англичан необходимо поддерживать впечатление, что мы продолжаем готовить высадку широким фронтом», — требовал Гитлер.

Что же в конце концов заставило Адольфа Гитлера уступить? Причин тому две: фатальный ход битвы за Англию в воздухе и желание еще раз обратить свои устремления в восточном направлении, на Россию.

Битва за Англию

Широкомасштабное наступление люфтваффе Геринга на Англию (операция «Орел») было начато 15 августа с целью уничтожить английские военно–воздушные силы и тем самым создать условия для германского вторжения на Британские острова. Тучный рейхсмаршал, как его теперь величали, не сомневался в своей победе. В середине июля он пришел к твердому убеждению, что английскую истребительную авиацию в Южной Англии можно будет разгромить в течение четырех дней посредством массированной атаки. Для полного уничтожения британских военно–воздушных сил, по мнению Геринга, времени требовалось немного больше: от двух до четырех недель. Увешанный орденами шеф люфтваффе считал, что они смогут самостоятельно поставить Англию на колени и тогда, вероятно, отпадет необходимость вторжения сухопутных войск.

Для достижения такой важной в стратегическом отношении цели у него имелось три воздушных флота: 2–й — под командованием фельдмаршала Кессельринга, действовавший с авиабаз на территории Нидерландов и Северной Франции; 3–й — под командованием фельдмаршала Шперле, базирующийся в Северной Франции; 5–й — под командованием генерала Штумпфа, базировавшийся на территории Дании и Норвегии. Два первых воздушных флота насчитывали в общей сложности 929 истребителей, 875 бомбардировщиков и 315 пикирующих бомбардировщиков; 5–й воздушный флот по численности значительно уступал им он располагал 123 бомбардировщиками и 34 двухмоторными истребителями Ме–ПО. Британские военно–воздушные силы в системе противовоздушной обороны в начале августа могли противопоставить этим огромным силам 700–800 истребителей.

В течение июля авиация Геринга постепенно наращивала свои удары по английским

кораблям, бороздящим воды Ла–Манша и базирующимся в портах южного побережья Британских островов. По существу, люфтваффе прощупывали возможности английской авиации. Хотя и необходимо было очистить узкий Ла–Манш от английских кораблей, прежде чем предпринимать вторжение на Британские острова, свою главную задачу в ходе этих предварительных налетов немецкая авиация видела в том, чтобы втянуть английские истребители в воздушное сражение. Однако это им не удалось. Командование английских ВВС, проявляя осмотрительность, уклонялось от ввода в бои большого числа истребителей, в результате чего значительный урон понесло английское судоходство, а также некоторые порты. Немцам удалось потопить четыре эсминца, восемнадцать торговых судов, потеряв при этом 296 самолетов. Кроме того, 135 самолетов были повреждены. Английские же ВВС потеряли 148 истребителей.

12 августа Геринг отдал приказ приступить на следующий день к операции «Орел», но уже 12–го были произведены мощные налеты на вражеские радарные станции. Пять радарных станций были повреждены, одна — полностью выведена из строя, однако на этой стадии немцы еще не осознали, насколько важны эти станции для английской ПВО, и не возобновили налеты на них. 13 и 14 августа немцы поднимали в воздух около 1500 самолетов, направив бомбовые удары главным образом по аэродромам английской истребительной авиации, и хотя позднее они утверждали, что пять аэродромов разрушили полностью, на самом деле ущерб оказался совершенно незначительным, а люфтваффе потеряли 47 самолетов против 13 английских[68].

Первое крупное воздушное сражение произошло 15 августа. Немцы бросили в сражение основную часть самолетов всех трех воздушных флотов, причем бомбардировщики совершили 801 самолето–вылет, а истребители–1149. 5–й воздушный флот, действовавший с аэродромов в Скандинавии, в этот день потерпел небывалую катастрофу. Предприняв силами примерно 800 самолетов массированный налет на южное побережье Англии, немцы рассчитывали, что северо–восточное побережье останется без защиты. Однако на подходе к району Тайнсайд отряд в составе 100 бомбардировщиков в сопровождении 34 двухмоторных истребителей Ме–110 был неожиданно встречен семью эскадрильями «харрикейнов» и «спитфайеров» и понес тяжелые потери. Тридцать немецких самолетов, в основном бомбардировщики, были сбиты, при этом англичане не потеряли ни одной машины. Так закончилось участие 5–го воздушного флота в битве за Англию. Больше его к ней не подключали.

Более успешно немцы действовали в тот день на юге Англии. Они предприняли четыре массированных налета, причем один на Лондон. Были нанесены бомбовые удары по четырем авиационным заводам в Кройдоне и повреждены пять аэродромов истребительной авиации. Всего немцы потеряли 75 самолетов против 34 английских[69]. При таком соотношении, несмотря на численное превосходство, немцы едва ли могли надеяться на то, что сумеют очистить небо от английских самолетов.

И здесь Геринг допустил свою первую тактическую ошибку. Умение английского командования истребительной авиации вводить свои самолеты в бой с численно превосходящим атакующим противником основывалось на хитроумном использовании радаров. Как только немецкие самолеты поднимались в воздух с аэродромов в Западной Европе, их обнаруживали и с такой точностью определяли курс полета, что английское командование истребительной авиации знало, где и когда лучше всего атаковать. Эта новинка воздушной войны ставила немцев, далеко отстававших от англичан в разработке и

---

[68] Руководители люфтваффе утверждали, что в эти два дня было уничтожено 143 английских самолета и 34 немецких. С этого момента обе стороны сильно преувеличивали урон, наносимый противнику. Прим. авт.

[69] В Лондоне в тот вечер появилась официальная сводка: сбито 182 немецких самолета и еще 43, вероятно, повреждено. Это резко повысило моральный дух англичан, особенно пилотов истребительной авиации, тяжело переживавших свои потери. — Прим. авт.

использовании электроники, в тупик.

«Мы понимали, что английскими истребительными эскадрильями, должно быть, управляют с земли каким–то новым способом, — сообщил, давая свидетельские показания, Адольф Галланд, знаменитый немецкий ас–истребитель, — потому что мы слышали команды, умело и точно направлявшие «спитфайеры» и «харрикейны» против немецких самолетов в полете… Для нас этот радар и управление истребителями с земли явились неожиданностью, очень горькой неожиданностью».

Тем не менее дальнейших ударов по английским радарным станциям, которым 12 сентября был нанесен столь ощутимый урон, не последовало, и 15 августа, в день, когда немецкая авиация получила тяжелый ответный удар, Геринг вообще отменил налеты на радарные станции, заявив: «Очень сомневаюсь, есть ли смысл продолжать налеты на радарные станции, поскольку ни одна из станций пока что не выведена из строя».

Вторым ключом к успешной обороне в небе над Южной Англией явилась так называемая секторная станция. Это был подземный центр управления, откуда «харрикейны» и «спитфайеры» наводили по радиотелефону на основе последних разведывательных данных, получаемых от радарных установок, от наземных постов воздушного наблюдения и от пилотов, находящихся в воздухе. Немцы, как отмечал Галланд, наверняка слышали постоянные переговоры по радио между секторными станциями и пилотами в небе и в конце концов начали осознавать важность этих наземных центров управления. 24 августа они переключились на уничтожение секторных станций, семь из которых играли исключительно важную роль в противовоздушной обороне южных районов Англии и самой столицы. Это был удар по жизненно важным объектам в системе английской противовоздушной обороны.

До этого дня казалось, исход воздушного сражения складывается не в пользу люфтваффе. 17 августа немцы потеряли 71 самолет против 27 английских. Тихоходные пикирующие бомбардировщики, которые помогали прокладывать дорогу немецкой победоносной армии в Польше и на Западе, для английских истребителей оказались легкой добычей, и 17 августа приказом Геринга их вывели из боя, сократив численность бомбардировочной авиации на одну треть. Между 19 и 23 августа в небе над Англией царило из–за плохой погоды затишье. Проанализировав складывавшуюся ситуацию, Геринг из своего роскошного загородного имения Каринхалле, расположенного недалеко от Берлина, отдал 19 августа приказ: после улучшения погодных условий люфтваффе нацелить свои удары исключительно на английские военно–воздушные силы.

«Мы подошли к решающему моменту в воздушной войне против Англии, заявил он. — Важнейшей задачей является нанесение поражения вражеским военно–воздушным силам. Нашей первой задачей является уничтожение истребителей противника».

С 24 августа по 6 сентября немцы ежедневно посылали в небо над Англией до тысячи самолетов, чтобы добиться поставленной цели. Тут рейхсмаршал оказался прав. Битва за Англию вступила в решающую фазу. Хотя английские пилоты порядком вымотались за месяц непрерывных воздушных боев, совершая иногда по нескольку боевых вылетов в день, они сражались мужественно, однако численное превосходство немцев начало сказываться. Пять передовых аэродромов истребительной авиации на юге Англии были основательно разрушены, хуже того, шесть из семи ключевых секторных станций подверглись такой ожесточенной бомбардировке, что на грани краха оказалась вся система связи. А это уже грозило Англии катастрофой.

Рост потерь начал сказываться на истребительной авиации английской противовоздушной обороны. В те решающие две недели — между 23 августа и 6 сентября — англичане потеряли 466 истребителей, включая серьезно поврежденные, немцы же потеряли 385 самолетов, из которых истребителей 214. Более того, потери английских летчиков составили 103 убитых и 128 тяжелораненых, то есть почти четверть личного состава. «Чаша весов склонилась не в пользу истребительного командования, — писал позднее Черчилль. — Это вызвало большую тревогу». Еще несколько таких недель, и у Англии не стало бы никакой организованной противовоздушной обороны. В подобных условиях вторжение

наверняка оказалось бы успешным.

Но в этот момент Геринг неожиданно допустил вторую тактическую ошибку, которую по последствиям можно сравнивать с приказом Гитлера остановить продвижение танков у Дюнкерка 24 мая. Ошибка Геринга спасла измотанные, обескровленные английские военно–воздушные силы и стала одним из поворотных пунктов в истории крупнейшей воздушной битвы.

В то время когда английская истребительная авиация несла невосполнимые потери в воздухе и на земле, немецкая авиация 7 сентября переключилась на проведение массированных ночных налетов на Лондон. Английская истребительная авиация получила передышку.

Что же произошло в лагере противника, если это привело к изменению в тактике и оказалось роковым для честолюбивых замыслов Гитлера и Геринга? Ответ на этот вопрос исполнен мрачной иронии.

Началось с того, что пилоты примерно десяти немецких бомбардировщиков в ночь на 23 августа допустили небольшую навигационную ошибку. Имея задачу сбросить бомбовый груз на авиационные заводы и нефтехранилища на окраине Лондона, летчики ошиблись в расчетах и сбросили бомбы на центр английской столицы, взорвав несколько домов и убив некоторое число мирных жителей. Англичане решили, что это преднамеренная бомбардировка густонаселенных кварталов столицы, и на следующий вечер английская авиация в качестве ответной меры совершила налет на Берлин.

С военной точки зрения налет оказался малорезультативным. Берлин в ту ночь был закрыт плотной пеленой облаков, поэтому только половина бомбардировщиков из 81 посланного вышли на свои цели. Материальный ущерб был ничтожен, но зато моральный — огромен, ведь впервые на Берлин упали бомбы.

«Берлинцы в оцепенении, — писал я в своем дневнике на следующий день, 26 августа. — Они не думали, что это может когда–нибудь случиться. Когда начиналась война, Геринг заверил их, что этого не будет… И немцы поверили ему. Тем сильнее сегодня их разочарование. Нужно было видеть их лица, чтобы это понять».

Берлин хорошо охранялся двумя мощными поясами зенитных средств, и в течение трех часов, пока английские бомбардировщики носились над облаками, закрывавшими для летчиков город, но и не позволявшими прожекторам обнаружить их, зенитные орудия вели самый интенсивный огонь, какой я когда–либо наблюдал. Однако ни один самолет не был сбит. Англичане сбросили также листовки, в которых говорилось, что «война, которую начал Гитлер, будет продолжаться, пока жив сам Гитлер». Это была хорошая пропаганда, но взрывы бомб еще лучше.

В ночь на 29 августа английская авиация появилась над Берлином в более мощном составе, и я отметил в дневнике: «Впервые в столице рейха есть убитые». Официально сообщалось, что в результате налета убито десять и ранено двадцать девять человек. Нацистские заправилы пришли в ярость. Геббельс, сначала приказавший прессе опубликовать всего несколько строк о первом воздушном налете, теперь дал указание кричать вовсю о зверствах английских летчиков, бомбивших беззащитных детей и женщин в Берлине. Большинство ежедневных газет вышли с одним и тем же аншлагом: «Подлое нападение англичан». После третьего ночного налета заголовки газет гласили: «Английские воздушные пираты над Берлином».

«Главный эффект от непрерывных ночных налетов на Берлин, — отметил я 1 сентября в своем дневнике — это сильнейшее разочарование народа и возникшие в умах немцев сомнения… Вообще–то бомбардировки не причинили тяжелого урона городу».

1 сентября была первая годовщина начала войны. Делая запись в дневнике, я остановился на настроении людей, страдающих от нервного напряжения, которое вызвали тревожные бессонные ночи, неожиданные налеты и ужасный грохот зенитных орудий.

«В этом году германское оружие добилось таких побед, равных которым не было даже в блестящей военной истории этого воинственного народа. И все же война еще не закончена

и не выиграна. И именно на этом сосредоточены все помыслы людей сегодня. Они жаждут мира. И они хотят, чтобы мир пришел до наступления зимы».

Гитлер посчитал необходимым 4 сентября выступить перед народом в Шпортпаласте по случаю открытия кампании зимней помощи. Его выступление держали в секрете до самого последнего момента, очевидно, из опасения, что вражеские самолеты могут воспользоваться облачностью и сорвать собрание, хотя оно проводилось за час до сумерек.

Я редко наблюдал, чтобы нацистский диктатор пребывал в таком саркастическом настроении и отпускал шутки, считавшиеся у немцев забавными, хотя Гитлер был почти лишен чувства юмора. Черчилля он называл не иначе как «небезызвестный военный корреспондент», а о Даффе Купере сказал: «В немецком языке нет даже подходящего слова, чтобы точно его охарактеризовать. Только у баварцев оно есть. Слово это можно перевести как «старая истеричная курица».

«Болтовня мистера Черчилля или мистера Идена, — продолжал Гитлер, уважение к преклонному возрасту не позволяет мне упомянуть о мистере Чемберлене — не означает для немецкого народа ровным счетом ничего. В лучшем случае это вызывает у него смех».

И Гитлер продолжал веселить аудиторию, состоявшую в основном из женщин, вызывая у них сначала смех, а затем истерические аплодисменты. Он вынужден был дать ответ на два самых важных вопроса, которые волновали каждого немца: когда же будет осуществлено вторжение в Англию? Что будет предпринято в связи с ночными бомбардировками Берлина и других немецких городов? Что касается первого вопроса:

«В Англии все полны любопытства и постоянно спрашивают: «Почему он не приходит?» Будьте спокойны. Будьте спокойны. Он идет! Он идет!»

Слушатели нашли шутку весьма забавной, но вместе с тем восприняли ее и как недвусмысленное обязательство. Что касается бомбардировок, то начал он с обычной фальсификации, а закончил зловещей угрозой:

«Ну теперь… мистер Черчилль демонстрирует новое порождение своего ума — ночные воздушные налеты. Черчилль осуществляет эти налеты не потому, что они обещают принести значительный эффект, а потому, что его авиация не смеет летать над Германией в светлое время… в то время как немецкие самолеты летают над английской землей каждый день… Едва увидев огоньки на земле, англичанин бросает бомбу… на жилые кварталы, фермы и деревни».

И тут же последовала угроза:

«В течение трех месяцев я не отвечал, так как верил, что подобному безумию придет конец. Но мистер Черчилль воспринял это как признак нашей слабости. Теперь мы ответим налетом на налет.

Если английская авиация сбрасывает две, три или четыре тысячи килограммов бомб, то мы будем сбрасывать на них за одну ночь 150, 230, 300 или 400 тысяч килограммов».

В этом месте, согласно моим записям, Гитлер был вынужден сделать паузу, так как разразились истеричные аплодисменты.

«Если они заявляют, — продолжал Гитлер, — что усилят налеты на наши города, то мы будем стирать с лица земли их города».

Здесь я отметил, что молодые дамы просто выходили из себя, истерично хлопая в ладоши. Когда они успокоились, Гитлер добавил:

«Мы покончим с этими ночными воздушными пиратами. Да поможет нам бог!»

Судя по моим записям, услышав эти слова, «молодые немки вскочили на ноги, их грудь высоко вздымалась, и они принялись с неистовством выражать свое одобрение».

«Придет час, — закончил свое выступление Гитлер, — когда один из нас рухнет, но это будет не национал–социалистская Германия!»

При этих словах неистовствовавшие девицы издали дикие крики радости и принялись скандировать: «Никогда! Никогда!»

Несколько часов спустя выступление Гитлера передали в записи по радио, и министра иностранных дел Италии Чиано, слушавшего передачу в Риме, оно озадачило. «Гитлер,

должно быть, нервничает», — сделал он в связи с этим пометку в дневнике.

Нервозность фюрера послужила существенным фактором при принятии фатального решения переключить люфтваффе с успешных дневных налетов против английских ВВС на массированную ночную бомбардировку Лондона. Это решение имело как военное, так и политическое значение и отчасти было принято в порядке мести за бомбардировки Берлина и других немецких городов, которые представляются булавочными уколами по сравнению с деяниями авиации Геринга в английских городах, предпринятыми с целью подорвать этими опустошительными налетами на столицу волю англичан к дальнейшему сопротивлению. Если это удастся (а Гитлер и Геббельс в этом не сомневались), то, вероятно, отпадет и необходимость вторжения.

Итак, на исходе 7 сентября начался сильнейший воздушный налет на Лондон. Немцы бросили на английскую столицу, как мы уже видели, 625 бомбардировщиков и 648 истребителей. Примерно в 5 часов пополудни первая волна в составе 320 бомбардировщиков под прикрытием истребителей появилась над Темзой и самолеты начали сбрасывать бомбовый груз на Вулидж, на нефтеперегонные заводы, электростанции, склады и доки. Вскоре весь огромный район был охвачен пламенем. Население Сильвертауна оказалось в огненном кольце, и людей пришлось срочно эвакуировать по воде. С наступлением темноты, в 8 часов 10 минут, появилась вторая волна в составе 250 бомбардировщиков. И так до 4.30 воскресного утра немецкие самолеты волна за волной обрушивали на Лондон свой смертоносный груз. В 7.30 вечера налеты возобновились силами 200 бомбардировщиков и продолжались всю ночь. Согласно официальным данным, приводимым английскими историками, за это время в городе погибло 842 человека и было ранено 2347, причинены огромные разрушения. Всю следующую неделю налеты на Англию совершались каждую ночь[70].

И тогда, окрыленные успехом или результатом, который они приняли за успех, немцы решили осуществить на искалеченную, охваченную пожарами английскую столицу мощный дневной налет. Этот налет пришелся на воскресенье 15 сентября и вошел в историю как одно из решающих сражений войны.

Около 200 немецких бомбардировщиков под прикрытием 600 истребителей появились над Ла–Маншем около полудня, держа курс на Лондон. Однако командование английских ВВС было готово к встрече с этой армадой и на экранах радаров вело за ней наблюдение. Немецкие самолеты были перехвачены еще на подходе к столице. Некоторым из них, правда, удалось прорваться к городу, но в основном они были рассеяны, а часть бомбардировщиков оказались сбиты, не успев сбросить бомбовый груз. Через два часа накатилась еще более мощная волна немецких самолетов, но результат оказался тот же. Хотя англичане и заявили тогда, что сбили 185 самолетов люфтваффе, но, как выяснилось после войны из немецких архивных документов, в действительности потерь было значительно меньше — 56 немецких самолетов, из них 34 бомбардировщика. Англичане потеряли всего 26 самолетов.

Этот день показал, что люфтваффе пока не в состоянии осуществлять крупные дневные налеты на Англию. А это означало, что перспективы высадки через Ла–Манш по–прежнему весьма туманны. Поэтому 15 сентября стало поворотным пунктом — «перекрестком», по выражению Черчилля, — в битве за Англию. На следующий день Геринг приказал изменить тактику и использовать бомбардировщики не для бомбардировки, а в качестве приманки для английских истребителей; при этом он хвастливо заявлял, что с вражескими истребителями «будет покончено в пределах четырех–пяти дней». Гитлер и командующие армией и флотом лучше разбирались в обстановке и спустя два дня после решающего воздушного сражения — 17 сентября — фюрер отложил операцию «Морской лев» на неопределенное время.

В этот мрачный период (с 7 сентября до 3 ноября) Лондону предстояло выдержать

---

[70] В это время средства ночной противовоздушной обороны еще не были усовершенствованы и немцы несли ничтожные потери. — Прим. авт.

непрерывные ночные налеты, в которых участвовало в среднем 200 бомбардировщиков, так что иногда, как впоследствии признавался Черчилль, возникало опасение, что вскоре весь город превратится в груду развалин. В это же время большинство городов Англии, особенно Ковентри, подверглись ужасным разрушениям, и тем не менее моральный дух англичан не был подорван, а уровень военного производства не упал вопреки надеждам Гитлера. Как раз наоборот, английские авиационные заводы — главные цели для бомбардировщиков люфтваффе — обогнали в 1940 году Германию: англичане выпустили 9924 самолета, а немцы всего 8070. Немецкие потери в бомбардировщиках оказались настолько серьезными, что восполнить их впоследствии, как это явствует из немецких секретных документов, так и не удалось, и люфтваффе так и не оправились в полной мере от ударов, полученных в то время в небе над Англией.

Немецкие военно–морские силы, ослабленные потерями, понесенными ранней весной у берегов Норвегии, оказались неспособны, как признало командование, обеспечить десантирование войск и их прикрытие боевыми средствами флота. Без мощных ВМС и без господства в воздухе немецкая армия была бессильна преодолеть воды пролива Ла–Манш. Впервые в ходе войны планы Гитлера относительно дальнейших завоеваний оказались сорваны, и как раз в тот самый момент, когда, как мы убедились, он был уверен, что окончательная победа достигнута.

Он никогда не предполагал, да и никто до сих пор не предполагал, что решающее сражение произойдет в воздухе. Возможно, ему и в голову не приходило, что, когда над Европой сгущались зимние сумерки, десяток английских летчиков, сорвав планы немецкого вторжения, сохранили Англию в качестве огромного плацдарма для будущего освобождения континента. Его мысли волей–неволей поворачивались в другом направлении, а фактически, как мы убедимся, они уже повернулись.

Англия была спасена. Почти целое тысячелетие она успешно защищала себя посредством своей морской мощи. Ее лидеры, правда очень немногие, преодолев свои заблуждения, о которых так много говорилось на страницах книги, в предвоенные годы поняли, что воздушная мощь в середине двадцатого столетия является решающим фактором обороны, а маленький самолет–истребитель, ведомый пилотом, ее главным щитом. Как выразился в палате общин 20 августа Черчилль, когда исход воздушного противоборства был все еще не ясен, «в сфере человеческих конфликтов никогда еще люди не были так многим обязаны совсем немногим».

Если бы вторжение удалось

Оккупация Англии немецкими нацистами вряд ли оказалась бы акцией гуманной. Захваченные немецкие документы не оставляют в этом никаких сомнений. 9 сентября командующий армией Браухич подписал директиву, в которой говорилось, что «все здоровое мужское население Англии в возрасте от 17 до 45 лет должно быть интернировано и, если обстановка на месте не требует какого–либо исключения, отправлено на континент». Во исполнение этой директивы спустя несколько дней последовали приказы генерал–квартирмейстерской службы главного командования сухопутных войск (ОКХ) в 9–й и 16–й армиях, сосредоточенных для вторжения. Ни для одной захваченной страны, даже для Польши, немцы не планировали таких драконовских мер. Указания Браухича были оформлены как «Распоряжения, касающиеся организации и функций военной администрации в Англии» и излагались довольно подробно. Как видно из содержания этих указаний, они были рассчитаны на систематическое ограбление Британских островов и устрашение местного населения. 27 июля был создан специальный «военный экономический штаб Англии» для решения первоочередных задач. Все продовольствие, за исключением минимальных домашних запасов, подлежало немедленной реквизиции. Должны были быть взяты заложники. Любой англичанин, захваченный за развешиванием плакатов,

направленных против немцев, будет подвергнут немедленной казни; аналогичное наказание предусматривалось и для тех, кто не сдаст огнестрельное оружие или радиоприемник в течение 24 часов.

Однако настоящий режим террора должна была осуществлять СС Гиммлера. Для этой цели в свое время было создано так называемое главное управление имперской безопасности во главе с Гейдрихом [71]. Человеком, которому предстояло руководить из Лондона деятельностью службы безопасности на местах, был некий полковник СС, профессор, доктор Франц Сикс, один из тех гангстеров–интеллектуалов, которых во времена нацизма привлекали к службе в секретной полиции Гиммлера. Профессор Сикс оставил пост декана факультета Берлинского университета, чтобы поступить на секретную службу в ведомство Гейдриха, где он специализировался по «научным вопросам», скрытая сторона которых так привлекала кровавого Генриха Гиммлера и его головорезов. О том, что не пришлось испытать англичанам, так как доктору Сиксу не довелось похозяйничать на английской земле, можно судить по его последующей карьере в России. Он орудовал в составе эсэсовских эйнзатцкоманд, которые отличились при проведении массовых расстрелов, а одна из обязанностей Сикса сводилась к тому, чтобы выявлять среди советских пленных комиссаров в целях их ликвидации[72].

1 августа, как явствует из немецких архивных документов, Геринг призвал Гейдриха приниматься за дело. Полиция безопасности (СС) и служба безопасности (СД) должны были начать свою деятельность одновременно с военным вторжением на Британские острова, чтобы захватить и эффективно обезвредить многочисленные важные организации и общества в Англии, настроенные враждебно по отношению к Германии.

17 сентября Гитлер отложил вторжение на неопределенное время, и в тот же день профессор Сикс по иронии судьбы был официально назначен на этот новый пост Гейдрихом, который дал ему следующее напутствие:

«Ваша задача состоит в том, чтобы, применяя все необходимые средства, бороться со всеми антинемецкими организациями, институтами, оппозиционными группами, которые можно захватить в Англии, предотвратить утаивание наличных материальных ценностей, сосредоточить их в определенных местах, обеспечить их сохранность для использования в будущем. Я назначаю Лондон местом пребывания вашей штаб–квартиры… и уполномочиваю вас сформировать небольшие эйнзатцкоманды в различных частях Великобритании, как подскажет вам обстановка и когда в этом возникнет необходимость».

Фактически Гейдрих еще в августе организовал шесть эйнзатцкоманд для Англии с центрами в Лондоне, Бристоле, Бирмингеме, Ливерпуле, Манчестере, Эдинбурге или Глазго. Они должны были осуществлять нацистский террор: для начала арестовать всех, кто числился в «специальном поисковом списке» по Великобритании, который из–за спешки был довольно небрежно составлен аппаратом Вальтера Шелленберга, еще одного интеллектуала, окончившего университет и работавшего у Гиммлера во главе отдела IVE (контрразведка главного управления имперской безопасности). Так, по крайней мере, утверждал позднее Шелленберг хотя тогда он больше времени проводил в Лиссабоне, занятый подготовкой головокружительной авантюры, связанной с похищением герцога Виндзорского.

«Специальный поисковый список по Великобритании» относится к числу наиболее забавных документов, связанных с подготовкой вторжения и, разумеется, случайно обнаруженных среди документов аппарата Гиммлера. В списке содержались имена примерно

---

[71] РСХА — главное управление имперской безопасности, которое начиная с 1939 года контролировало гестапо, уголовную полицию и службу безопасности (СД). — Прим. авт.

[72] Доктора Сикса осудили в 1948 году в Нюрнберге как военного преступника на 20 лет тюремного заключения, но в 1952 году выпустили. Прим. авт.

2300 видных деятелей Великобритании, причем не все из них являлись англичанами, которых гестапо считало необходимым немедленно заключать в тюрьму. Естественно, Черчилль и члены кабинета значились в этом списке, равно как и ведущие политические деятели других партий. В этом же списке оказались ведущие редакторы, издатели, репортеры, в том числе два бывших корреспондента газеты «Таймс» в Берлине Норман Эббатт и Дуглас Рид, репортажи которых не вызывали особого удовольствия у нацистов. Английские писатели удостоились самого пристального внимания. Имя Бернарда Шоу в списках отсутствовало, зато Герберт Уэллс был занесен туда наряду с такими писателями, как Вирджиния Вулф, Э. М. Форстер, Олдос Хаксли, Джон Пристли, Стефен Спендер, Ч. П. Сноу, Ноэль Ковард, Ребекка Уэст, Филип Гиббс и Норман Ангелл. Не были обделены вниманием и ученые: Гилберт Муррей, Бертран Рассел, Гарольд Ласки, Беатриса Уэбб и Дж. Б. С. Холдейн.

Гестапо намеревалось также, пользуясь своим пребыванием в Англии, переловить там всех иностранных и немецких эмигрантов. В списках гестапо числились Падеревски, Фрейд[73], Ч. Вейсман; президент Бенеш и министр иностранных дел чехословацкого правительства в эмиграции Ян Масарик. В список немецких эмигрантов были включены два бывших близких друга Гитлера, позднее отвернувшиеся от него: Герман Раушнинг и Путци Ханфштенгль. Многие английские имена были настолько искажены, что их почти невозможно было узнать. После каждого имени стоял штамп бюро главного управления имперской безопасности, что означало: данной персоной будет заниматься это ведомство. Черчилля планировалось передать VI отделу (иностранная разведка), но большинство должно было быть передано гестапо[74].

Эта нацистская «Черная книга», очевидно, являлась дополнением к совершенно секретной книге — справочнику под названием Информационсхефт[75], который, по утверждению Шелленберга, был составлен им самим в качестве пособия по ограблению Англии и уничтожению там всех антинемецких институтов. Она еще более забавна, чем поисковый список. В числе опасных институтов здесь значатся помимо масонской ложи, еврейских организаций, которые вызывали особое внимание имперской службы безопасности, общественные школы (в Англии — частные школы), церковь Англии, которая характеризуется как «мощный инструмент в руках британских имперских политиков», и организация бойскаутов, занесенная в список как «превосходный источник информации английской разведывательной службы». Глубокоуважаемый основатель и руководитель этой детской организации лорд Баден–Пауэлл подлежал немедленному аресту.

Если бы немцы попытались вторгнуться на территорию Англии, они бы не встретили там джентльменского приема. Впоследствии Черчилль признавался, что часто задумывался над тем, что бы произошло в таком случае. Он был уверен в одном: «с обеих сторон началась бы резня, страшная и беспощадная, без сострадания и жалости. Они стали бы прибегать к террору, а мы готовы были на все».

Черчилль не раскрывает, что подразумевается под выражением «готовы были на все». Однако Питер Флеминг в своей книге, посвященной операции «Морской лев», упоминает, что англичане решили в качестве последнего средства, если все другие обычные способы обороны окажутся несостоятельными, произвести газовую атаку против захваченных немцами плацдармов, распространив горчичный газ с низко летящих самолетов. Это

---

[73] Знаменитый психоаналитик. Умер в Лондоне в 1939 году. — Прим. авт.

[74] Ряд американцев тоже значатся в этих списках, в том числе Бернард Барух, Джон Гюнтер, Поль Робсон, Луис Фишер, Даниел де Лис, корреспондент агентства «Ассошиэйтед Пресс», Б. Фодор, корреспондент чикагской газеты «Дейли ньюс», хорошо известный своими антинацистскими публикациями. — Прим. авт.

[75] Информационная тетрадь. — Прим. авт.

решение, принятое на высшем уровне после долгих душевных мук, по мысли Флеминга, как тогда, так и теперь окутано тайной.

До резни, о которой говорит Черчилль, и террора, который собиралось развязать гестапо, дело в то время не дошло по причинам, изложенным в настоящей главе. Но менее чем через год в другой части Европы немцы развязали такой террор и в таких масштабах, каких дотоле не ведал мир.

Еще до того, как отказаться от вторжения в Англию, Адольф Гитлер пришел к новому решению: весной будущего года он повернет свое оружие против России.

Нацистский заговор в целях похищения герцога и герцогини Виндзорских

История о нацистском заговоре в целях похищения герцога и герцогини Виндзорских, чтобы вынудить бывшего короля Великобритании к сотрудничеству с Гитлером во имя мирного урегулирования конфликта с Англией, представляет собой скорее забавный эпизод, свидетельствующий о смехотворных усилиях заправил третьего рейха, которые именно в то лето добились крупнейших успехов на полях сражений. Эволюция этого фантастического плана подробно излагается в захваченных документах германского министерства иностранных дел. Касается в своих мемуарах этого вопроса и молодой Вальтер Шелленберг, шеф отдела контрразведки главного управления имперской безопасности, которому была поручена реализация замысла.

Сама идея такого плана, как говорил Шелленбергу Риббентроп, принадлежала Гитлеру. Нацистский министр иностранных дел ухватился за нее с большим энтузиазмом, которым он всякий раз прикрывал свое глубочайшее невежество, и теперь МИД Германии со своими дипломатическими представителями в Испании и Португалии были вынуждены тратить огромные усилия и время в течение лета 1940 года.

После падения Франции в июне 1940 года герцог, входивший в состав британской военной миссии при французском высшем командовании армии, переехал с герцогиней в Испанию, чтобы не попасть в плен к немцам. 23 июня немецкий посол в Мадриде Эберхард фон Шторер, профессиональный дипломат, телеграфировал в Берлин:

«Испанский министр иностранных дел просил совета в отношении того, как обращаться с герцогом и герцогиней Виндзорскими. Сегодня ожидается их прибытие в Мадрид, очевидно, по пути в Англию через Лиссабон. Министр иностранных дел полагает, что, возможно, мы заинтересованы в том, чтобы задержать герцога здесь, а может быть, вступить с ним в контакт. Прошу ваших указаний».

Риббентроп на следующий же день по телеграфу передал указания. Он предлагал задержать герцогскую чету на пару недель в Испании, но предупреждал: не должно казаться, что такое предложение исходит из Германии. На следующий день, 25 июня, Шторер ответил Берлину: «Министр иностранных дел (Испании) обещал сделать все возможное, чтобы задержать здесь герцога на некоторое время». Испанский министр иностранных дел полковник Хуан Бейгбедер Атиенза встретился с герцогом и доложил о состоявшейся беседе послу Германии, который в свою очередь информировал Берлин совершенно секретной телеграммой от 2 июля, что герцог не возвратится в Англию до тех пор, пока его жену не признают членом королевской семьи, а ему самому не предоставят солидный пост. В противном случае он поселится в Испании в одном из замков, обещанном ему правительством Франко.

«Герцог Виндзорский высказал министру иностранных дел и другим знакомым свое отрицательное отношение к Черчиллю и к войне», — добавлял посол в своем докладе.

В начале июля герцог с супругой выехали в Лиссабон, и 11 июля немецкий посланник докладывал оттуда Риббентропу, что герцога назначили губернатором Багамских островов, но он «намерен откладывать свой отъезд туда как можно дольше… в надежде *а поворот событий, благоприятный для него».

«Он высказал убежденность, — докладывал посланник, — что если бы оставался на троне, то этой войны можно было бы избежать, и охарактеризовал себя как твердого сторонника мирного урегулирования отношений с Германией. Герцог считает, что длительные ожесточенные бомбардировки сделают Англию податливой к заключению мира».

Эта информация натолкнула надменного германского министра иностранных дел на мысль отправить поздно вечером 11 июля сверхсрочную и совершенно секретную телеграмму в немецкое посольство в Мадриде. Он хотел, чтобы герцога, предпочтительно при помощи его испанских друзей, уговорили не ехать на Багамские острова и вернуться обратно в Испанию. «После их возвращения в Испанию, — рекомендовал далее Риббентроп, — герцога и его жену нужно убедить или заставить оставаться на испанской территории». Если потребуется, Испания может интернировать его как английского офицера и обращаться с ним как с военным беженцем.

«В подходящий момент, — инструктировал далее Риббентроп, — герцога нужно проинформировать, что Германия стремится к миру с английским народом, но на пути к этому стоит клика Черчилля и что было бы хорошо, если бы герцог подготовился к последующим событиям. Германия полна решимости принудить Англию заключить мир, используя для этого все средства, и по достижении мира с готовностью удовлетворит любые его пожелания, особенно связанные с намерением герцога и герцогини вернуться на британский трон. Если у герцога имеются иные планы, но он готов сотрудничать в установлении добрых отношений между Германией и Англией, мы готовы оказать ему и его жене такую материальную поддержку, которая позволила бы ему… вести образ жизни, подобающий королю»[76].

Далеко не умный нацистский министр, который во время своего пребывания в Лондоне в качестве германского посла так и не научился понимать англичан, добавил, будто располагает информацией о намерении английской секретной службы убрать герцога, как только он появится на Багамских островах.

12 июля германский посол в Мадриде встретился с министром внутренних дел Испании Романом Серрано Суньером, шурином генерала Франко, который обещал вовлечь генералиссимуса в этот заговор и осуществить следующий план. Испанское правительство направит в Лиссабон старого друга герцога Мигуэла Примо де Риверу, мадридского лидера фаланги и сына бывшего испанского диктатора. Ривера пригласит герцога в Испанию поохотиться, а также обсудить с правительством некоторые вопросы англо–испанских отношений. Суньер проинформирует герцога о заговоре английских секретных служб с целью убрать его с политической сцены. Затем, как сообщал в Берлин немецкий посол, «министр посоветует герцогу и герцогине воспользоваться испанским гостеприимством, а также финансовой поддержкой.. Может быть, есть какой–либо иной способ предотвратить отъезд герцога. Во всем этом деле мы остаемся совершенно в стороне».

Согласно немецким архивным документам, Ривера вернулся в Мадрид из Лиссабона после своего первого визита к герцогской чете 16 июля и привез донесение испанскому министру иностранных дел, который препроводил его далее германскому послу, а тот в свою очередь по телеграфу передал его содержание в Берлин. Черчилль, говорилось в донесении, назначил герцога губернатором Багамских островов в «очень сдержанном и категоричном по тону письме» и приказал ему немедленно следовать к месту назначения. В случае невыполнения указания «Черчилль угрожает герцогу Виндзору военным трибуналом». Испанское правительство согласилось, как добавлялось в донесении в Берлин, еще раз самым настоятельным образом «предостеречь герцога от занятия этого поста».

Ривера вернулся после второй поездки в Лиссабон 22 июля, а на следующий день

---

[76] Риббентроп сообщил Шелленбергу, что 50 миллионов швейцарских франков депонированы в швейцарском банке, добавив, что «фюрер согласен повысить эту цифру». — Прим. авт.

германский посол в Мадриде по телеграфу «очень срочно» и «совершенно секретно» докладывал Риббентропу в Берлин:

«У него состоялось два долгих разговора с герцогом Виндзорским; при втором разговоре присутствовала герцогиня. Герцог выражался очень свободно… Политически он все больше отдаляется от короля и нынешнего английского правительства. Герцог и герцогиня меньше опасаются короля, который глуповат, нежели коварной королевы, которая искусно плетет интриги против герцога и, в частности, против герцогини. Герцог собирается выступить… с неодобрением нынешнего курса английской политики и с намерением порвать со своим братом… Герцог и герцогиня сказали, что очень хотят вернуться в Испанию».

С целью ускорить их возвращение посол договорился с Суньером, как указывалось далее в телеграмме, что тот направит в Лиссабон другого испанского эмиссара, «чтобы убедить герцога покинуть Лиссабон под предлогом длительной экскурсии на автомобиле, а затем пересечь границу в установленном месте, где испанская тайная полиция позаботится о том, чтобы все прошло без осложнений».

Спустя два дня посол сообщил дополнительную информацию, полученную от Риверы в «срочной, совершенно секретной» телеграмме:

«Когда он посоветовал герцогу не ехать на Багамы, а вернуться в Испанию, поскольку герцога, вероятно, попросят сыграть важную роль в политике Англии и попытаются возвести на английский престол, как герцог, так и герцогиня не смогли скрыть своего изумления. Оба… ответили, что, согласно английской конституции, это невозможно после отречения. Когда эмиссар конфиденциально пояснил им, что ход войны может привести даже к изменениям 3 английской конституции, герцогиня глубоко задумалась». В этом донесении немецкий посол напомнил Риббентропу, что Ривера ничего не знал о «каком–либо немецком интересе в данном вопросе». Молодой испанец, вероятно, считал, что действует в интересах своего правительства.

К концу июля план похищения нацистами герцога Виндзорского был в основном составлен. Гитлер назначил персонально Вальтера Шелленберга ответственным за осуществление этой операции. С этой целью он вылетел из Берлина в Мадрид, посовещался там с германским послом, переехал в Португалию и приступил к делу. 26 июля посол уже мог обстоятельно изложить Риббентропу суть плана:

«…Можно считать, что герцог и герцогиня принимают твердое решение возвратиться в Испанию. Для подкрепления такого намерения туда сегодня выезжает второй тайный эмиссар с письмом к герцогу, составленным очень искусно. В качестве дополнения к письму прилагается тщательно разработанный план пересечения границы.

Согласно этому плану, герцог и его супруга должны по официальной версии отправиться на летние каникулы в горы недалеко от испанской границы для того, чтобы пересечь ее точно в установленном месте и в конкретное время в ходе охоты. Поскольку у герцога нет паспорта, то придется заручиться согласием португальского пограничного чиновника на данном участке.

В это же время в соответствии с планом первый законспирированный эмиссар (Примо де Ривера) должен находиться у границы с испанским отрядом, расположенным так, чтобы была гарантирована безопасность герцога Виндзорского. Шелленберг со своей группой действует из Лиссабона в интересах операции. С этой целью во время поездки к месту летнего отдыха, а также в период самого отдыха чета будет находиться под неослабным наблюдением заслуживающего доверия шефа португальской полиции…»

Планом предусматривалось, что в момент пересечения границы группа Шелленберга возьмет на себя обеспечение безопасности на португальской стороне и выполнит эту задачу на испанской территории в качестве эскорта, который будет периодически незаметно меняться.

В целях обеспечения безопасности всего плана министр (испанский) подобрал другого тайного агента — женщину, которая при необходимости могла бы установить контакт со

вторым тайным агентом и доставлять информацию группе Шелленберга.

При возникновении какого–либо непредвиденного чрезвычайного обстоятельства в результате действий английской Интеллидженс сервис предусматривалась переброска герцога и герцогини в Испанию самолетом. В этом случае, как и в первом варианте, главным условием являлось согласие герцога на выезд, которого предполагали добиться путем искусного психологического воздействия на его типично английский образ мышления, не создавая у него при этом впечатления бегства из–за действий английской Интеллидженс сервис и привлекая его перспективой свободной политической деятельности с территории Испании.

При необходимости помимо мер безопасности в Лиссабоне предусматривалось проведение «операции запугивания», чтобы убедить герцога покинуть Португалию.

Таков был нацистский план похищения герцога Виндзорского и его жены. Он отличался типичной немецкой неуклюжестью, а его реализация осложнялась неспособностью немцев понять «английский образ мышления» герцога.

«Операцию запугивания» предстояло осуществить группе Шелленберга. Однажды ночью он организовал группу лиц, которые забросали камнями окна на вилле, где проживали герцог с женой, а затем распространили среди прислуги слухи, будто это сделали агенты английской секретной службы. Герцогине был доставлен букет цветов с запиской: «Будьте осторожны, английская секретная служба не дремлет. От португальского друга, сердечно заинтересованного в Вашем благополучии». А в официальном донесении в Берлин Шел–ленберг докладывал: «…Открытие огня по окнам (безопасное для герцогини битье окна в спальне), запланированное в ночь на 30 июля, было отложено, поскольку психологический эффект от этого на герцогиню скорее усилил бы ее желание побыстрее уехать на Багамы».

Времени оставалось мало. 30 июля Шелленберг докладывал о прибытии в Лиссабон сэра Уолтера Монктона, высокопоставленного чиновника английского правительства и старого друга герцога. Его задача, очевидно, заключалась в том, чтобы как можно скорее отправить герцога с женой на Багамские острова. В тот же день германский посол в Мадриде срочно телеграфировал шифром Риббентропу, что его немецкий агент в Лиссабоне только что сообщил ему: герцог и герцогиня собираются уехать из Португалии 1 августа, то есть через два дня. В связи с этой информацией он запрашивал Риббентропа, не следует ли им «выйти из тени». Согласно сообщениям немецкой разведки, продолжал посол, герцог в присутствии своего хозяина, португальского банкира Рикардо до Эспирито Санто Сильва, выразил «желание вступить в контакт с фюрером». Почему бы не организовать встречу герцога Виндзорского с фюрером?

На следующий день, 31 июля, посол опять писал «очень срочно, совершенно секретно», пересказывая только что услышанное от испанского эмиссара, вернувшегося из Лиссабона после встречи с герцогом: герцогская чета, «находясь под сильнейшим впечатлением от сообщений об английских интригах против них и опасаясь за свою безопасность», очевидно, планирует отплыть 1 августа, хотя герцог пытается скрыть истинную дату отъезда. В своем донесении посол добавил, что испанский министр внутренних дел намерен предпринять «последнее усилие, чтобы воспрепятствовать отъезду герцога и герцогини».

Известие о том, что герцог собирается вскоре покинуть Португалию, вызвало тревогу у Риббентропа, и 31 июля, поздно вечером, из своего специального поезда в Фушле он направил «очень срочную, совершенно секретную» телеграмму немецкому послу в Лиссабоне, в которой просил довести до сведения герцога через его друга–банкира следующее:

«По существу, Германия хочет мира с английским народом. На пути к этому миру стоит клика Черчилля. После того как был отвергнут последний призыв фюрера к здравому смыслу, Германия полна решимости вынудить Англию пойти на заключение мира, используя для этого все имеющиеся средства. Было бы хорошо, если бы герцог был готов к трезвому восприятию дальнейшего хода событий. В таком случае Германия была бы готова

тесно сотрудничать с герцогом и выполнить любое желание герцога и герцогини… Если у герцога и герцогини иные намерения, но они готовы к установлению добрых отношений между Германией и Англией, Германия также готова сотрудничать с герцогом и договориться относительно будущего герцогской четы в соответствии с их пожеланиями. Португальское доверенное лицо, у которого проживает в настоящее время герцог с супругой, должно предпринять самые искренние усилия, чтобы воспрепятствовать завтрашнему отъезду герцога, поскольку мы располагаем достоверными данными, что Черчилль намеревается прибрать герцога к рукам и держать его на Багамах постоянно, а также поскольку для нас будет чрезвычайно трудно установить с герцогом контакт на Багамах, если в этом возникнет необходимость…»

Срочные указания германского министра иностранных дел достигли посольства в Лиссабоне около полуночи. Тогда же германский посол встречался с Эспирито Санто Сильвой и уговаривал его передать суть вышеприведенной телеграммы именитому гостю. Банкир сделал это утром 1 августа, и, согласно депеше, переданной из посольства в Берлин, информация произвела на герцога сильное впечатление.

«Герцог воздал должное желанию фюрера заключить мир, поскольку оно совпадало с его собственной точкой зрения. Он был твердо убежден, что если бы был королем, то дело никогда не дошло бы до войны. Обращенный к нему призыв сотрудничать в установлении мира он воспринял с радостью. Однако в настоящее время он обязан следовать официальным приказам своего правительства. Неповиновение может преждевременно открыть его намерения, вызвать скандал и подорвать его авторитет в Англии. Он также убежден, что для него пока преждевременно выходить на передний план, поскольку еще не существует признаков, что Англия готова к сближению с Германией. Однако, как только в стране изменятся настроения, он будет рад немедленно вернуться…Либо Англия обратится к нему, что он считает вполне вероятным, либо Германия выразит желание вступить с ним в переговоры. И в том, и в другом случае он готов на любые жертвы личного порядка и предоставит себя в распоряжение обстоятельств, пренебрегая малейшими личными амбициями.

Он готов поддерживать постоянную связь со своим гостеприимным хозяином и даже согласовал с ним пароль, получив который немедленно вернется».

К удивлению немцев, герцог и герцогиня отплыли на Багамы вечером 1 августа на американском лайнере «Экскалибур». В донесении министру иностранных дел Риббентропу, свидетельствовавшем о провале миссии, Шелленберг на следующий день сообщал, что он предпринимал все меры до последнего момента, чтобы предотвратить отъезд. Брата Франко, который был испанским послом в Лиссабоне, уговорили сделать последнюю попытку отговорить герцога не покидать Лиссабон. Автомобиль с личными вещами герцога был задержан и, как утверждает Шелленберг, прибыл к лайнеру с большим опозданием. Немцы распространили слухи, что в лайнер заложена бомба замедленного действия. Португальские власти задержали отправку лайнера, пока не осмотрели весь корабль сверху донизу в поисках этой мифической бомбы.

Тем не менее герцог Виндзорский с супругой в тот же вечер отплыли. Нацистский заговор сорвался. Шелленберг в своем последнем донесении Риббентропу писал, что срыв плана произошел в результате влияния на герцога Монктона, «краха испанского варианта» и «умонастроений самого герцога».

В захваченных досье немецкого министерства иностранных дел имеется еще один документ по этому делу. 15 августа немецкий посол в Лиссабоне телеграфировал в Берлин: «Доверенное лицо только что получило телеграмму от герцога с Багамских островов, в которой тот просит сообщить ему пароль, едва возникнут обстоятельства, благоприятные для принятия нужных акций. Следует ли давать ответ?»

Никакого ответа на Вильгельмштрассе обнаружено не было. К середине августа Гитлер принял решение завоевать Англию силой оружия. И не было необходимости искать нового короля для Англии. Островом, как и всеми другими завоеванными территориями, будут

управлять из Берлина. Так или примерно так думал Гитлер.

Такова эта любопытная история, изложенная в секретных немецких документах и дополненная Шелленбергом, человеком, менее всего заслуживающим доверия, хотя вряд ли он стал бы придумывать для себя столь нелепую, по его признанию, роль.

В заявлении, сделанном через лондонского адвоката 1 августа 1957 года после опубликования захваченных немецких документов, герцог заклеймил переписку между Риббентропом и германскими послами в Испании и Португалии как «намеренную фальсификацию и искажение истины». Герцог Виндзорский объяснил, что, когда в Лиссабоне в 1940 году он ждал отплытия на Багамские острова, «определенные люди», которых он считал деятелями, сочувствующими нацистам, предпринимали усилия, чтобы убедить его вернуться в Испанию и не принимать пост губернатора. «Меня даже предупреждали, что лично я и герцогиня подвергнем себя риску, если отправимся на Багамы, — заявил он. Но у меня никогда даже мысли не появлялось принять такое предложение. Я встречал его с презрением, которого оно заслуживало».

«БАРБАРОССА»: НА ОЧЕРЕДИ РОССИЯ

В то время как летом 1940 года Гитлер был занят завоеванием Запада, Сталин, воспользовавшись этим обстоятельством, вступил на территорию Прибалтийских государств, а также двинулся в сторону Балкан[77].

На первый взгляд отношения между двумя диктатурами складывались дружественные. Молотов, работая на Сталина, не упускал случая польстить немцам в связи с каждым новым актом агрессии. Когда 9 апреля 1940 года Германия вторглась в Норвегию и Данию, советский комиссар по иностранным делам поспешил заверить посла Шуленбурга, что «Советское правительство с пониманием относится к тем мерам, которые были навязаны Германии». «Мы желаем Германии, — уверял Молотов, — полного успеха в ее оборонительных мерах».

Спустя месяц, когда немецкий посол нанес визит Молотову, чтобы официально проинформировать его о наступлении вермахта на Западе, которое в соответствии с инструкцией Риббентропа «было вынужденной мерой, предпринятой Германией ввиду нависшей угрозы англо–французского наступления на Рур через Бельгию и Голландию», советский государственный деятель вновь выразил ему свое удовлетворение. «Молотов отнесся к моему сообщению с пониманием», телеграфировал Шуленбург в Берлин.

17 июня Молотов вызвал Шуленбурга, чтобы от имени Советского правительства принести поздравления «с блестящим успехом германского вермахта».

У комиссара по иностранным делам было припасено еще кое–что, но это «кое–что» для немецкого уха оказалось не особенно приятным. Молотов — можно при этом вообразить блеск его глаз — информировал немецкого посла, как в «срочном порядке» телеграфировал в Берлин последний, о «советских акциях против Прибалтийских государств», добавив, «что стало необходимым положить конец всем интригам, посредством которых Англия и Франция пытаются сеять разлад и недоверие между Германией и Советским Союзом в Прибалтийских государствах». Чтобы покончить с таким «разладом», Советское правительство, добавил Молотов, направило «специальных эмиссаров» в эти три Прибалтийские страны: Деканозова — в Литву; Вышинского — в Латвию; Жданова — в Эстонию. Все трое слыли искуснейшими сталинскими интриганами.

Свою миссию они выполнили с той добросовестностью, какой можно было ожидать от этого трио, особенно от двух последних.

---

[77] Непосредственной причиной войны с Финляндией и вступления летом 1940 года советских войск на территорию Прибалтийских государств и Бессарабии явились поражение англо–французской коалиции и — как следствие — резко возросшая угроза нацистской агрессии против СССР, использования указанных стран и территорий в этих целях. — Прим. тит. ред.

Уже 14 июня, когда германские войска вступали в Париж, Советское правительство направило Литве ультиматум с требованием отставки ее правительства, ареста некоторых из его членов и права ввести такое количество войск Красной Армии, какое сочтет необходимым. Хотя литовское правительство и приняло ультиматум, Москву это не удовлетворило, и на следующий день, 15 июня, советские войска оккупировали эту единственную из Прибалтийских стран, граничащую с Германией. Еще через пару дней аналогичные советские ультиматумы были направлены Латвии и Эстонии, после чего они также были оккупированы советскими войсками.

В данном случае Сталин мог быть столь же жестоким и беспощадным, как и Гитлер, и даже еще более циничным. Подавив прессу, арестовав политических лидеров и объявив все партии, за исключением коммунистических, вне закона, русские устроили 14 июля инсценировку выборов во всех трех государствах. После того как таким образом «избранные» парламенты проголосовали за присоединение своих стран к Советскому Союзу, Верховный Совет (парламент) России принял их в свое отечество: Литву — 3 августа, Латвию — 5 августа, Эстонию — 6 августа.

Адольф Гитлер был унижен, но, занятый подготовкой к вторжению в Англию, не мог ничего поделать. Письма послов этих трех Прибалтийских стран в Берлине с протестами против русской агрессии были возвращены им по указанию Риббентропа. Чтобы еще сильнее унизить немцев, Молотов 11 августа предъявил им бесцеремонное требование ликвидировать дипломатические представительства в Каунасе, Риге и Таллинне в течение двух недель и закрыть консульства к 1 сентября.

Захват Прибалтийских государств не удовлетворил аппетита Сталина. В результате поразительно быстрого развала англо–французских армий создались благоприятные условия, побуждавшие Сталина захватить столько, сколько возможно. Очевидно, он полагал, что времени терять нельзя.

23 июня, на второй день после официальной капитуляции Франции и подписания перемирия в Компьене, Молотов опять пригласил нацистского посла в Москве, чтобы сообщить ему, что «решение бессарабского вопроса не терпит более отлагательств. Советское правительство полно решимости использовать силу, если румынское правительство отклонит мирное соглашение». Советское правительство ожидает, добавил Молотов, что Германия не только не помешает, но и поддержит Советы в их действиях. Более того, «Советы претендуют также на Буковину». Бессарабия была отторгнута от России Румынией в конце первой мировой войны, но Буковина никогда ей не принадлежала. Она входила в состав Австро–Венгрии, пока в 1919 году ее не захватила Румыния. На переговорах в Москве по поводу заключения нацистско–советского пакта Риббентроп — теперь он напомнил об этом Гитлеру — был вынужден уступить русским Бессарабию, но он никогда не давал согласия включить в сферу их интересов Буковину.

В Берлине возникла определенная тревога, которая распространилась и на штаб ОКБ на Западе. Вермахт зависел от румынской нефти, а Германия, кроме того, получала из этой балканской страны продовольствие и фураж. Все это будет потеряно, если Красная Армия оккупирует Румынию. Незадолго до того, 23 мая, в самый разгар сражения за Францию румынский генеральный штаб послал в ОКВ сигнал SOS, информируя немцев о том, что советские войска сосредоточиваются у румынской границы.

На следующий день Йодль суммировал реакцию на это сообщение в штабе Гитлера: «Обстановка на Востоке становится угрожающей из–за сосредоточения русских сил у границ Бессарабии».

В ночь на 26 июня Россия вручила Румынии ультиматум, требуя передать ей Бессарабию и Северную Буковину. Ответ необходимо было дать на следующий день. Охваченный паникой Риббентроп прямо из своего поезда направил срочные указания своему послу в Бухаресте: посоветовать румынскому правительству пойти на уступки, что то и сделало 27 июня. А уже на следующий день советские войска заняли вновь обретенные территории, а в Берлине с облегчением вздохнули, что по крайней мере богатые источники

нефти и продовольствия не были отобраны у Германии.

Из этих действий и из секретных немецких документов очевидно, что, хотя Сталин и стремился захватить все что можно в Восточной Европе, пока немцы были связаны по рукам и ногам на Западе, он не желал разрыва с Гитлером и даже не помышлял об этом.

К концу июня Черчилль в личном письме пытался предостеречь Сталина об опасности немецких завоеваний для России, как и для Англии. Советский диктатор даже не потрудился ответить; вероятно, он, как и другие, считал, что с Англией покончено. И он выболтал немцам то, что так беспокоило английское правительство. Сэр Стаффорд Криппс, один из лидеров левого крыла лейбористской партии, которого премьер–министр срочно направил в Москву новым британским послом в надежде вызвать более глубокий отклик в сердцах большевиков, — безнадежное предприятие, как он позднее с горечью признавал, — был принят Сталиным в начале июля. Состоялась беседа, которую Черчилль охарактеризовал как «формальную и холодную». А 13 июля Молотов по указанию Сталина вручил немецкому послу памятную записку о содержании этой конфиденциальной беседы.

Это весьма любопытный документ. Он, как ни один другой источник, свидетельствует об ограниченности холодных внешнеполитических расчетов советского диктатора. Шуленбург срочной шифрованной телеграммой тут же передал в Берлин содержание памятной записки. Риббентроп был настолько признателен за ее содержание, что просил передать Советскому правительству, как «высоко он ценит полученную информацию». В памятной записке говорилось:

«Криппс настаивал, чтобы Сталин изложил свою позицию по принципиальному вопросу, утверждая, что английское правительство убеждено: Германия стремилась к установлению своей гегемонии в Европе… Это угроза как Советскому Союзу, так и Англии. Поэтому обеим странам следовало бы выработать общую политику защиты от Германии и восстановить баланс сил в Европе…»

Ответы Сталина приводятся в следующем виде:

«Сталин не видит какой–либо угрозы гегемонии со стороны любой страны Европы, и еще меньше страшит его, что Европа может быть поглощена Германией. Сталин следит за политикой Германии и хорошо знает нескольких деятелей Германии. Он не обнаружил какого–либо желания с их стороны проглотить европейские страны. Сталин не считает, что военные успехи Германии представляют угрозу для Советского Союза и его дружественных отношений с ней…»

Просто поразительны такая самоуверенность и полнейшее невежество. Конечно, русскому тирану не было известно, какие тайные замыслы зрели в голове Гитлера, но поведение фюрера в недалеком прошлом, его амбиции и ошеломляюще быстрые завоевания должны были именно теперь стать серьезным предостережением о страшной угрозе, нависшей над Советским Союзом. Однако, сколь это ни непостижимо, предостережением они не стали.

Из захваченных нацистских документов и свидетельских показаний многих действующих лиц этой великой драмы, которая разыгрывалась в тот год на огромных пространствах Западной Европы, явствует, что в тот момент, когда Сталин упивался самодовольством, Гитлер обдумывал планы нападения на Советский Союз и его уничтожения.

Основополагающая идея уходила в далекое прошлое, по меньшей мере на пятнадцать лет назад, — к «Майн кампф».

«Итак, ныне мы, национал–социалисты, — писал Гитлер, — возвращаемся к тому, что было шесть столетий назад. Мы прекращаем бесконечное германское движение на юг и запад Европы и обращаем наши взоры в сторону земель на Востоке… Когда мы говорим сегодня о приобретении новых земель и нового пространства в Европе, то в первую очередь думаем о России и о подчиненных ей окраинных государствах. Кажется, будто сама судьба указывает нам дорогу туда… Эта колоссальная империя на Востоке созрела для ее ликвидации, и конец еврейского господства в России станет концом России как

государства».

Эта основополагающая идея не исчезла из головы Гитлера, и его пакт со Сталиным вовсе не отверг ее, а только отодвинул сроки осуществления. Однако ненадолго. Уже через два месяца после подписания пакта, которым он воспользовался, чтобы уничтожить Польшу, фюрер дал указание руководству армии рассматривать захваченную польскую территорию «как район сосредоточения для будущих немецких операций». Это указание поступило 18 октября, и Гальдер зафиксировал его в своем дневнике[78].

Пять недель спустя, когда 23 ноября он разглагольствовал в присутствии своих генералов, противившихся наступлению на Западе.

Россия не выпала из его поля зрения. «Мы сможем противостоять России, заявил он, — лишь тогда, когда обретем свободу на Западе». В то время Гитлеру не давала покоя война на два фронта — кошмар для немецких генералов целого столетия, и он долго распространялся по этому поводу. Он не повторит ошибки бывших германских правителей; он будет следить за тем, чтобы армия в каждый конкретный момент воевала на одном фронте.

И кажется вполне естественным, что именно тогда, когда пала франция, когда английская армия спаслась бегством через Ла–Манш, но угроза разгрома Англии оставалась реальной, помыслы Гитлера снова устремились в сторону России. Ибо теперь он обрел свободу на Западе, то есть выполнил первое упомянутое им в речи условие, необходимое, чтобы суметь «противостоять России». Быстрота, с какой Сталин захватил в июне Прибалтийские государства и две румынские провинции, подтолкнула Гитлера к принятию решения.

В настоящее время появилась возможность проследить момент принятия этого решения. Йодль говорит, что «фундаментальное решение» было принято «еще во время западной кампании». Полковник Вальтер Варлимонт, заместитель Йодля в ОКБ, вспоминает, что 29 июля Йодль сообщил на совещании офицеров оперативного отдела, что «Гитлер намеревается напасть на СССР весной 1941 года». Несколько раньше Йодль говорил, что Гитлер сказал Кейтелю о своем намерении «предпринять наступление против СССР осенью 1940 года». Но это было слишком даже для Кейтеля, и он принялся отговаривать фюрера, ссылаясь не только на осеннее ненастье, но и на трудности переброски основной массы сухопутных войск с Запада на Восток, что делало наступление невозможным. К моменту совещания, по словам Варлимонта, «дата задуманного наступления (против России) была передвинута на весну 1941 года».

Еще за неделю до этого, как явствует из дневника Гальдера, фюрер считал возможным начать кампанию в России осенью этого года, если не будет предпринято вторжение в Англию. На военном совещании в Берлине 21 июля он приказал Браухичу заняться приготовлениями к наступлению на Россию. Что главнокомандующий сухопутными войсками и его генеральный штаб уже думали над этой проблемой, хотя и не слишком долго, видно из его ответов фюреру. Брау–хич заверил вождя, что «кампания продлится от четырех до шести недель», что ее целью будет «нанесение поражения русской армии или по крайней мере оккупация достаточно протяженной русской территории, чтобы советские бомбардировщики не могли долететь до Берлина или Силезского промышленного бассейна, в то время как бомбардировщики люфтваффе могли бы долетать до всех важных объектов в Советском Союзе». По мнению Браухича, для выполнения этой задачи требовалось от 80 до 100 немецких дивизий; советские силы он оценивал как «50–75 хороших дивизий». Заметки Гальдера о том, что говорил ему о совещании Браухич, подтверждают, что Гитлера захваты, предпринятые на Востоке Сталиным, глубоко уязвили, что, по мнению фюрера, советский диктатор «кокетничал с Англией» для того, чтобы воодушевлять англичан на продолжение борьбы, но он не видел никаких признаков, указывавших на приготовление России к

---

[78] Гитлер особо подчеркнул, как необходимо содержать в порядке железные и шоссейные дороги, проходящие по территории Польши — «немецкому плацдарму на будущее» (Гальдер Ф. Военный дневник, т. 1, с. 158). — Прим. тит. ред.

вступлению в войну против Германии.

К моменту следующего совещания, которое состоялось в Бергхофе 31 июля 1940 года, перспектива вторжения на Британские острова стала еще более неопределенной, и это подтолкнуло Гитлера впервые во всеуслышание заявить руководителям армии о своем решении напасть на Россию. Гальдер присутствовал на этом совещании и затем со стенографической точностью зафиксировал все, что сказал диктатор. Эти записи свидетельствуют, что Гитлер не только принял окончательное решение вторгнуться в Россию будущей весной, но и выработал основные стратегические цели кампании.

«Надежда Англии — Россия и Америка, — заявил он. — Если рухнут надежды на Россию, Америка также отпадет от Англии, так как разгром России будет иметь следствием невероятное усиление Японии в Восточной Азии».

Чем больше Гитлер думал об этом, тем больше убеждался, что упорная решимость Англии продолжать войну связана с надеждами на Россию.

«В Лондоне что–то произошло! Англичане совсем было пали духом, теперь они вдруг снова воспрянули.

Подслушанные разговоры. Россия недовольна быстрым развитием событий в Западной Европе. Достаточно России сказать Англии, что она не хочет видеть Германию слишком сильной, чтобы англичане уцепились за это заявление, как утопающий за соломинку, и начали надеяться, что через шесть–восемь месяцев дела обернутся совсем по–другому.

Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия.

Вывод: В соответствии с этим рассуждением Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года.

Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше».

Затем нацистский диктатор подробно остановился на своих стратегических планах, которые, как это было очевидно для генералов, давно зрели в его голове, несмотря на огромную занятость в связи с ведением войны на Западе.

«Операция будет иметь смысл только в том случае, если мы одним стремительным ударом разгромим все государство целиком. Только захвата какой–то части территории недостаточно…

Цель — уничтожение жизненной силы России. Операция распадается на:

1–й удар: Киев, выход на Днепр; авиация разрушает переправы. Одесса.

2–й удар: через Прибалтийские государства на Москву; в дальнейшем двусторонний удар с севера и юга; позже — частная операция по овладению районом Баку».

Сама мысль о подобных завоеваниях приводила Гитлера в возбуждение; мысленно он уже решил, что будет делать с вновь завоеванными землями. Он сразу же аннексирует Украину, Белоруссию и Прибалтийские страны, а территорию Финляндии расширит до Белого моря. Для проведения кампании на Востоке он выделит 120 дивизий, оставив 60 дивизий для обороны на Западе и в Скандинавии. Наступление начнется в мае 1941 года, для полного же осуществления кампании потребуется до пяти месяцев. К зиме она должна завершиться. Он предпочел бы провести кампанию в этом году, но это оказалось невозможно.

На следующий день, 1 августа, Гальдер с офицерами генерального штаба приступил к разработке планов новой операции. Хотя позднее он утверждал, что противился самой идее нападения на Советский Союз, считая ее безумной, его дневниковые записи показывают, что он с большим энтузиазмом взялся за новую, захватывающую задачу. Теперь планирование шло с типичной немецкой тщательностью на трех уровнях: на уровне генерального штаба сухопутных войск, в оперативном отделе Варлимонта в ОКБ и в секторе экономики и вооружений ОКБ под руководством генерала Томаса. 14 августа Геринг проинструктировал Томаса, сообщив ему, что по желанию фюрера поставки в Россию заказанных ею товаров

должны продолжаться «только до весны 1941 года»[79]. Между тем служба Томаса обязана была подготовить детальный обзор советской промышленности, транспорта и нефтеносных центров в качестве руководства при выборе целей, а позднее — в помощь по административному управлению Россией.

За несколько дней до этого, 9 августа, Варлимонт выпустил свою первую директиву по подготовке районов развертывания на Востоке для прыжка на Советский Союз. Кодовое наименование — «Строительство на Востоке». 26 августа Гитлер приказал перебросить с Запада в Польшу десять пехотных и две танковые дивизии. Танковые части, уточнил Гитлер, должны быть сосредоточены в юго–восточной части Польши, с тем чтобы они могли вмешаться в случае необходимости и защитить румынские нефтеносные районы. Перевод крупных контингентов на Восток невозможно было осуществить, не вызвав подозрений у Сталина, и немцы прибегли к многочисленным ухищрениям, чтобы этого не допустить. Поскольку некоторые передвижения войск скрыть просто невозможно, то военному атташе в Москве генералу Эрнсту Кестрингу было поручено проинформировать советский Генеральный штаб, что это всего–навсего замена более возрастных контингентов молодыми. 6 сентября Йодль издал директиву по маскировке и введению противника в заблуждение[80]: «Из этих наших перегруппировок у России ни в коем случае не должно сложиться впечатление, что мы подготавливаем наступление на Восток».

Чтобы командование вооруженных сил не почивало на лаврах после крупных летних побед, Гитлер издал 12 ноября 1940 года совершенно секретную директиву, изложив новые военные задачи по всей Европе и за ее пределами. Мы еще вернемся к некоторым из них. Нас же здесь интересует часть, относящаяся к Советскому Союзу:

«Политические переговоры с целью выяснить позицию России на ближайшее время начаты. Независимо от того, какие результаты будут иметь переговоры, продолжать все приготовления в отношении Востока, приказ о которых уже был отдан ранее устно…»

Кстати, буквально в тот самый день, 12 ноября, Молотов прибыл в Берлин, чтобы продолжить вышеупомянутые политические переговоры с самим Гитлером.

Молотов в Берлине

Отношения между Берлином и Москвой в последние несколько месяцев стали портиться. Одно дело, когда Сталин и Гитлер обманывали третью сторону, и совсем иное — когда они начали обманывать друг друга. В тот момент Гитлер не смог предотвратить захват русскими Прибалтийских государств, Бессарабии и Северной Буковины, и досада по этому поводу лишь усиливала его неприязнь. Необходимо было остановить продвижение русских в западном направлении, прежде всего в сторону Румынии, нефтяные ресурсы которой имели исключительно важное значение для Германии, из–за английской блокады не имевшей возможности импортировать нефть по морю.

Еще больше осложняли эту проблему Гитлера притязания Венгрии и Болгарии на куски румынской территории. К концу лета 1940 года Венгрия фактически была готова пойти войной против Румынии, которая по итогам первой мировой войны получила Трансильванию за счет Венгрии. Такая война, как понимал Гитлер, отрезала бы Германию от главного источника сырой нефти и, вероятно, привела бы к тому, что Россия оккупировала Румынию и навсегда лишила рейх румынской нефти.

---

[79] В своем докладе по этому вопросу Томас подчеркивает, насколько точно производились советские поставки в Германию. Не без удивления он замечает, что фактически они продолжались до самого момента вторжения, даже в последние несколько дней велись поставки индийского каучука с Дальнего Востока по скоростным дорогам (предположительно — по Транссибирской магистрали). — Прим. авт.

[80] Немцы держали в Польше только семь дивизий, две из которых были переброшены на Запад во время весенней кампании. Гальдер сострил, что этих войск едва хватало для обеспечения таможенной службы. Если бы Сталин развернул наступление на Германию в июне 1940 года, то Красная Армия, вероятно, дошла бы до Берлина,, прежде чем немцы сумели бы организовать более или менее серьезное сопротивление. — Прим. авт.

К 28 августа обстановка приняла настолько угрожающий характер, что Гитлер приказал привести в боевую готовность пять танковых и три моторизованные дивизии плюс парашютные и воздушно–десантные войска, чтобы 1 сентября захватить румынские нефтеносные районы. В тот же день он совещался в Бергхофе с Риббентропом и Чиано и затем направил их в Вену, где они должны были изложить безапелляционным тоном министрам иностранных дел Венгрии и Румынии точку зрения Германии и заставить их принять посредничество держав оси. Эта миссия была выполнена без особых осложнений, после того как Риббентроп запугал обе стороны. И 30 августа в Бель–ведерском дворце в Вене венгры и румыны приняли предложенное державами оси решение. Когда Михай Манулеску, министр иностранных дел Румынии, увидел карту, на которой было отмечено, что почти половина Трансильвании переходит к Венгрии, он без сознания упал на стол, где предстояло подписать соглашения, и пришел в себя только после вмешательства врача[81]. Якобы взывая к благоразумию румын, а в действительности для того, чтобы Гитлер получил юридическое обоснование для осуществления своих дальнейших замыслов, Германия и Италия гарантировали целостность сохранившихся за Румынией территорий, за исключением Южной Добруджи, которую Румыния была вынуждена уступить Болгарии.

Дальнейшие планы фюрера стали ясны три недели спустя. 20 сентября в совершенно секретной директиве Гитлер приказал направить в Румынию военную миссию.

«Для внешнего мира ее задача состоит в том, чтобы помогать дружественной Румынии в организации и обучении вооруженных сил. Подлинные же задачи, которые не должны стать очевидными ни румынам, ни нашим собственным войскам, будут состоять в следующем:

защищать нефтеносные районы…

подготовиться для развертывания на румынских базах немецких и румынских войск, если нам будет навязана война с Россией». Он уже заботился об обеспечении южного фланга нового фронта. Венские переговоры и особенно немецкие гарантии Румынии вызвали у Москвы крайне негативную реакцию, поскольку с ней не проконсультировались. Когда Шуленбург 1 сентября пришел к Молотову, чтобы вручить пустую по содержанию памятную записку от Риббентропа, в которой делалась попытка объяснить — и оправдать — то, что произошло в Вене, комиссар по иностранным делам, по словам посла, «был сдержан вопреки своей обычной манере». Однако он не слишком сдерживался, выражая резкий протест в устной форме. Он обвинил правительство Германии в том, что оно поставило Россию перед свершившимся фактом, а это противоречило статье III нацистско–советского пакта, согласно которой обе стороны обязаны были консультироваться по «вопросам, представляющим обоюдный интерес».

…В последующие дни взаимные обвинения приняли еще более резкий характер. 3 сентября Риббентроп телеграфом направил в Москву длинный меморандум, отрицая нарушение Германией Московского пакта и обвиняя в нарушении этого пакта Россию, которая проглотила Прибалтийские страны и две румынские провинции, не проконсультировавшись с Берлином. Меморандум был составлен в сильных выражениях, и русские ответили на него 21 сентября в столь же жестком тоне — на этот раз обе стороны изъяснялись в письменной форме. В своем ответе русские вновь повторяли, что Германия нарушила пакт, предупреждали, что у России все еще есть интересы в Румынии, и в заключение с сарказмом выражали готовность Советского правительства, если статья, предусматривающая консультации, влечет за собой «определенные неудобства и ограничения» для рейха, внести поправки или убрать эту статью из договора.

Подозрения Кремля еще больше усилились после двух событий, произошедших в

---

[81] Королю Каролю это стоило трона. 6 сентября он отрекся в пользу своего 18–летнего сына Михая и, прихватив с собой рыжеволосую любовницу Магду Лупеску, укатил в специальном поезде, составленном из десяти вагонов, забитых не чем иным, как «награбленным добром», через Югославию в Швейцарию. Генерал Ион Антонеску, начальник фашистской «железной гвардии» и друг Гитлера, стал диктатором. — Прим. авт.

сентябре. 16 сентября Риббентроп телеграфом дал указание Шуленбургу посетить Молотова и «случайно проинформировать его, что немецкие подкрепления в Северную Норвегию будут направлены через Финляндию». Несколько дней спустя, 25 сентября, нацистский министр иностранных дел отправил еще одну телеграмму в посольство в Москве, на этот раз адресованную поверенному в делах, поскольку Шуленбург уехал в отпуск в Германию. Это была депеша, помеченная грифом «строго секретно, государственная тайна». Там говорилось, что содержащиеся в ней указания следует осуществить только в том случае, если завтра поверенный в делах получит из Берлина по телеграфу или по телефону условный сигнал.

Он должен был сообщить Молотову, что в «ближайшие несколько дней» Япония, Италия и Германия собираются скрепить договором в Берлине военный альянс. Он не направлен против России — это оговаривалось в специальной статье.

«Этот альянс, — пояснял Риббентроп, — направлен исключительно против американских поджигателей войны. Конечно, об этом, как принято, в договоре открыто не говорится, однако это можно безошибочно вывести из его условий… Его единственная цель — привести в чувство те элементы, которые оказывают давление на Америку, стремясь вовлечь ее в войну, убедительно показав им, что если они вступят в нынешнюю борьбу, то автоматически будут иметь в качестве противников три великие державы».

Неприветливый советский комиссар по иностранным делам, у которого подозрения в отношении немцев росли, точно цветы в июне, воспринял новость, принесенную ему Вернером фон Типпельскирхом вечером 26 сентября, крайне скептически. С присущей ему педантичной внимательностью к деталям, что так раздражало всех, кто вел с ним переговоры, будь то друг или недруг, он тут же заметил, что, согласно статье IV Московского пакта, Советское правительство имеет право ознакомиться с текстом этого тройственного военного альянса до того, как он будет подписан, в том числе и с «любыми секретными протоколами».

Молотов хотел знать больше относительно немецкого соглашения с Финляндией по транспортировке войск через эту страну, о чем ему стало известно из печати, в частности из сообщения агентства «Юнайтед Пресс» из Берлина. За последние три дня, сказал Молотов, Москва получила сообщения о высадке немецких войск по меньшей мере в трех финских портах, хотя Германия не уведомила об этом Советский Союз.

«Советское правительство, — продолжал Молотов, — хочет получить текст соглашения о пропуске войск через Финляндию, в том числе текст секретной части соглашения… и получить информацию… против кого оно направлено и каким целям служит».

Русских нужно было успокоить — этого не мог не понимать даже тупоголовый Риббентроп, и 2 октября он передал по телеграфу текст, который, по его словам, и составлял суть соглашения с Финляндией. Он также вновь повторил, что тройственный пакт, между прочим, уже подписанный[82], не был направлен против Советского Союза, и торжественно заявил, что «не было никаких секретных протоколов, никаких других секретных соглашений». В соответствии с его инструкциями Типпельскирх 7 октября как бы между прочим сообщил Молотову, что в Румынию направляется немецкая военная миссия. Молотов отреагировал на эту очередную новость скептически: «Сколько войск вы

---

[82] Пакт был подписан в Берлине 27 сентября 1940 года (церемонию его подписания я отразил в своем «Берлинском дневнике»). В статьях 1 и 2 соответственно Япония признавала лидерство Германии и Италии в установлении «нового порядка» в Европе, а эти две страны признавали лидерство Японии в Восточной Азии. Статья 3 предусматривала взаимную помощь в случае, если одна из трех держав подвергнется нападению со стороны Соединенных Штатов (хотя Америка не упоминалась, но на нее прозрачно, намекалось). Самым значительным в пакте, как я тогда отметил в своем дневнике, было то, что Гитлер уже смирился с мыслью о длительной войне. Чиано, подписавший пакт от имени Италии, пришел к такому же выводу (см. : Чиано Г. Дневники, с. 296). Итак, вопреки утверждениям пакт явился как бы предупреждением Советскому Союзу. — Прим. авт.

направляете в Румынию?» Поэтому 13 октября Риббентроп послал длинное письмо Сталину с целью воспрепятствовать усилению тревоги в Москве по поводу действий Германии.

Это письмо, как и следовало ожидать, являло собой глупое и высокомерное сочинение, изобиловавшее несуразностями, ложью и отговорками. Вину за продолжение войны и ее последствия он возлагал на Англию, причем ему совершенно ясно одно: «Война, как таковая, нами выиграна. Вопрос только в том, как долго она продлится, прежде чем Англия… признает свой крах». Шаги, направленные против России, предпринятые в Финляндии и Румынии, а также тройственный пакт преподносятся в письме как подлинное благо для нее. Между тем английская дипломатия и агенты английских секретных служб пытаются вызвать осложнения в отношениях между Россией и Германией. И далее Риббентроп спрашивал Сталина, почему бы ему не послать в Берлин Молотова, с тем чтобы фюрер мог «лично изложить свои взгляды относительно будущих отношений между нашими странами».

При этом Риббентроп прозрачно намекал, что это за взгляды: разделение мира между четырьмя тоталитарными державами.

«По–видимому, миссией четырех держав — Советского Союза, Италии, Японии и Германии, — писал он, — является принятие долгосрочной политики… путем разграничения своих интересов в мировом масштабе».

В немецком посольстве в Москве произошла некоторая задержка с доставкой этого письма по назначению, что вызвало у Риббентропа ярость и побудило его отправить сердитую телеграмму Шуленбургу, в которой он требовал объяснить, почему письмо было передано только 17 октября и почему, «учитывая важность его содержания», оно не было вручено лично Сталину (посол вручил его Молотову). Сталин ответил 22 октября в весьма благожелательном тоне. «Молотов считает, — писал он, — что обязан нанести вам визит в Берлине, и принимает ваше приглашение». Благожелательность Сталина была, по–видимому, всего лишь маской. Несколько дней спустя Шуленбург телеграфировал в Берлин, что русские протестуют против отказа Германии поставлять им военные материалы, в то время как немецкое оружие морем доставляется в Финляндию. «Советы впервые упомянули о наших поставках оружия в Финляндию», — сообщал Шуленбург в Берлин.

«Молотов прибыл в Берлин в пасмурный, дождливый день; его встреча носила строго официальный характер. Когда он проезжал по Унтер–ден–Линден к советскому посольству, то показался мне старательным провинциальным школьным учителем. Но он, вероятно, обладал какими–то способностями, если сумел выжить в условиях той резни, которая была развязана кремлевскими головорезами. Немцы бойко судачили о том, что, пусть Москва осуществит свою давнишнюю мечту о Босфоре и Дарданеллах, тогда им достанется остальная часть Балкан — Румыния, Югославия, Болгария…»

Так начинаются мои дневниковые записи, сделанные в Берлине 12 ноября 1940 года. Сообщения немцев об этих переговорах были довольно точными. Сегодня мы знаем значительно больше об этой странной и, как оказалось, роковой встрече благодаря захваченным документам германского министерства иностранных дел, в которых была обнаружена секретная запись о двухдневном пребывании Молотова, сделанная, за исключением одного случая обмена мнениями, вездесущим доктором Шмидтом[83].

На первом совещании двух министров иностранных дел, состоявшемся днем 12 ноября, Риббентроп принялся было с напыщенным видом разглагольствовать о пустяках, но Молотов быстро раскусил его и разгадал игру немцев. «Англия, начал Риббентроп, — разбита, , и только вопрос времени — когда она признает свое поражение… Пришло время начала конца Британской империи». Англичане действительно надеются на помощь Америки, но «вступление Соединенных Штатов в войну Германию не волнует. Германия и

---

[83] Их точность позднее была подтверждена самим Сталиным, хотя и непреднамеренно. Черчилль утверждает, что в августе 1942 года он получил от Сталина подробную информацию о переговорах Молотова в Берлине, которая в основном не отличалась от немецкого варианта, хотя была изложена более сжато. — Прим. авт.

Италия не позволят больше ни одному англосаксу высадиться на Европейском континенте… Это вообще не военная проблема… Поэтому державы оси думают не о том, как выиграть войну, а скорее о том, как покончить с последствиями войны, которую они выиграли».

Исходя из этого, Риббентроп пояснил, что подошло время определить четырем великим державам — России, Германии, Италии и Японии — сферы их интересов. Фюрер, по его словам, пришел к заключению, что все четыре державы будут, естественно, расширяться «в южном направлении». Япония уже обратила свои взоры на юг, как и Италия, в то время как Германия после установления в Западной Европе «нового порядка» найдет для себя дополнительное жизненное пространство (из всех мест!) в Центральной Африке. Ему, Риббентропу, хотелось бы знать, собирается ли Россия «обратить свои взоры на юг в поисках естественного выхода к морю, что так важно для нее». «К какому морю?» холодно уточнил Молотов.

Это был неуклюже поставленный, но кардинальный вопрос, как осознают немцы в ходе последующих 36–часовых непрерывных переговоров с этим упрямым, прозаически настроенным, педантичным большевиком. Такой вопрос смутил до некоторой степени Риббентропа, и он не смог придумать ответа. Вместо этого он стал перескакивать с одной темы на другую, заговорил о «больших изменениях, которые произойдут во всем мире после войны», о том, как важно, чтобы «оба партнера по германо–русскому пакту плодотворно сотрудничали» и «продолжали бы делать дела». Однако, когда Молотов стал настаивать на ответе на его простой вопрос, Риббентроп заявил, что «в конечном счете наиболее удобный доступ к морю для России можно было бы поискать в направлении Персидского залива и Аравийского моря».

Доктор Шмидт, который вел стенографическую запись беседы, отмечает, что Молотов сидел «с непроницаемым лицом». Говорил он мало, лишь изредка делал замечания, в частности о том, что «точность и осмотрительность» необходимы при разграничении сфер интересов, «особенно между Германией и Россией». Хитрый советский партнер приберегал свое главное оружие для переговоров с Гитлером, которые должны были состояться днем. Для всемогущего нацистского диктатора эта встреча совершенно неожиданно обернулась трепкой нервов, неприятной и даже непривычной.

Речь Гитлера была столь же туманной и расплывчатой, как и речь его министра иностранных дел, но более торжественной. Как только улучшится погода, заявил он, Германия нанесет «завершающий удар по Англии». Конечно, «проблема Америки» существует. Однако «Соединенные Штаты не смогут угрожать свободе других народов вплоть до 1970 или 1980 года… Им нет никакого дела до Европы, Африки или Азии». Здесь Молотов вставил фразу, что вполне согласен с заявлением фюрера. Однако он не согласился со многим из того, о чем говорил Гитлер. После того как нацистский лидер закончил пространное изложение общепринятых положений, подчеркнув, что нет фундаментальных разногласий между двумя странами в осуществлении их желаний и в их устремлении к океану, Молотов заметил, что «заявления фюрера носили общий характер». Теперь, сказал он, он изложит идеи Сталина, который перед отъездом из Москвы дал ему четкие указания. После этого он обрушил град вопросов на немецкого диктатора, который, как явствует из стенографической записи, едва ли был к этому готов. «Вопросы Гитлеру так и сыпались, вспоминал впоследствии Шмидт. — Ни один иностранный визитер никогда не разговаривал с ним так в моем присутствии».

Что замышляет Германия в Финляндии? Молотов хотел это знать. Что означает «новый порядок» в Европе и Азии и какая роль отводится Советскому Союзу? Каково значение тройственного пакта? «Более того, — продолжал Молотов, — существуют требующие ясности вопросы, затрагивающие интересы России на Балканах и ни Черном море (имелись в виду Болгария, Румыния и Турция)». Он бы хотел услышать некоторые ответы и разъяснения.

Гитлер, пожалуй, впервые в жизни захваченный врасплох, не смог ответить ничего убедительного. И тогда он предложил отложить беседу «ввиду возможной воздушной

тревоги», пообещав на следующий день обсудить все детально.

Решающий разговор удалось отложить, но предотвратить его было невозможно, а на следующее утро, когда переговоры между Гитлером и Молотовым возобновились, выявилась непримиримость русского комиссара. Начать с того, что по поводу Финляндии возник ожесточенный и язвительный спор и обе стороны пришли в сильное возбуждение. Молотов требовал, чтобы Германия вывела свои войска из Финляндии. Гитлер же отрицал, что «Финляндия оккупирована немецкими войсками»: войска направляются в Норвегию транзитом через Финляндию. Но он хотел знать, «не собирается ли Россия начать войну против Финляндии». Согласно немецким записям, Молотов на этот вопрос ответил уклончиво, что не удовлетворило Гитлера.

«На Балтике не должно быть никакой войны, — настаивал Гитлер. — Это вызвало бы серьезную напряженность в германо–русских отношениях». К этой угрозе он тут же добавил, что такая напряженность могла бы привести к непредвиденным последствиям. Во всяком случае, что еще хочет Советский Союз в Финляндии? Гитлер желал это выяснить, и его визитер объяснил, что он хочет «урегулирования в таком же масштабе, как в Бессарабии», — это означало неприкрытую аннексию. Реакция Гитлера привела в смущение даже такого невозмутимого собеседника, как Молотов, который поспешил спросить мнение фюрера.

В свою очередь диктатор отвечал уклончиво: он может лишь повторить, что «не должно быть никакой войны с Финляндией, потому что такой конфликт способен привести к далеко идущим последствиям».

«Этой позицией в наше обсуждение вносится новый фактор», — резко и остроумно отвечал Молотов.

Спор становился настолько острым, что Риббентроп, должно быть, к этому времени основательно испугавшийся, вмешался в разговор, сказав, как явствует из немецких протокольных записей, «что фактически нет никаких оснований создавать проблему из финского вопроса. Скорее, это просто недоразумение».

Гитлер воспользовался этим своевременным вмешательством и быстро переменил тему. Его интересовало: смогут ли русские не поддаться соблазну поживиться добычей, учитывая, какие неограниченные возможности представятся в скором времени в связи с развалом Британской империи? И он предложил вернуться к более важным проблемам.

«После завоевания Англии, — заговорил он, — Британская империя будет разделена как гигантское, разбросанное по всему миру, обанкротившееся имение площадью 40 миллионов квадратных километров. В этом обанкротившемся имении русские получат доступ к незамерзающему океану. — До сих пор меньшинство 45 миллионов англичан — правило 600 миллионами жителей Британской империи. Пора разгромить это меньшинство… В этих условиях возникли бы перспективы мирового масштаба… Всем странам, которые, возможно, заинтересуются разделом обанкротившегося имения, придется забыть наконец о разногласиях и заняться исключительно разделом Британской империи. Это относится к Германии, Франции, Италии, России и Японии…»

Сухого, бесстрастного русского гостя, казалось, не воодушевили столь блестящие «перспективы мирового масштаба», не был он и так убежден, как немцы, — момент, который он подчеркнет позднее, — что Британская империя вскоре развалится. Он хотел бы, сказал русский дипломат, поговорить о проблемах, «более близких к Европе», — например, о Турции, Болгарии, Румынии.

«Советское правительство, — сказал Молотов, — придерживается мнения, что немецкие гарантии Румынии нацелены, откровенно говоря, против интересов Советской России». Он целый день говорил откровенно, к досаде и раздражению хозяев. И теперь потребовал, чтобы Германия аннулировала свои гарантии. Гитлер это требование отклонил.

«Хорошо, — продолжал упорствовать Молотов, — учитывая заинтересованность Москвы в проливах, что сказала бы Германия, если бы Россия дала Болгарии… гарантии на точно таких же условиях, как Германия и Италия Румынии?»

Можно представить, как помрачнел и нахмурился Гитлер. Он поинтересовался,

обращалась ли Болгария к русским за гарантиями, как это сделала Румыния. Фюрер, как цитируется в немецком меморандуме, добавил: «Нам неизвестно о каком–либо запросе со стороны Болгарии». Во всяком случае желательно было бы посоветоваться с Муссолини, прежде чем давать русским более определенный ответ. И он зловеще добавил, что если бы Германия «искала источников трений с Россией, то для этого ей не понадобились бы проливы».

Однако, всегда столь разговорчивый, фюрер на сей раз не испытывал особого желания говорить с этим невозможным русским.

«В этот момент, — говорится в немецких записях, — фюрер обратил внимание собеседника на поздний час и сказал, что в связи с вероятностью налета английской авиации целесообразно прервать переговоры, поскольку основные вопросы в достаточной мере уже удалось обсудить».

В тот вечер Молотов устроил торжественный банкет в честь своих гостей в русском посольстве на Унтер–ден–Линден. Гитлер, очевидно измученный и все еще раздраженный после выпавших ему в тот день испытаний, на банкете не присутствовал.

А англичане пожаловали. Я удивлялся, почему их бомбардировщики не появлялись над Берлином, как делали это обычно почти каждый вечер, чтобы напомнить советскому комиссару в первый же вечер его пребывания в столице: что бы ни говорили немцы, Англия все еще не сложила оружия и довольно больно лягалась. Кое–кто из нас, должен признаться, с надеждой ждал английских самолетов, но они не появлялись. Официальные лица на Вильгельм–штрассе, которые больше всех боялись английских бомбардировщиков, испытывали в эти дни явное облегчение. Однако это длилось недолго.

Вечером 13 ноября англичане появились в небе раньше обычного[84]. В это время года в Берлине темнеет примерно в 4 часа, а вскоре после 9 часов вечера завыли сирены противовоздушной обороны, затем загрохотали зенитные орудия и между залпами можно было услышать гул бомбардировщиков. Как утверждает доктор Шмидт, присутствовавший на банкете в советском посольстве, Молотов только что предложил дружеский тост и Риббентроп поднялся, чтобы ответить ему тем же, как прозвучала тревога, возвещая о начавшемся воздушном налете, и гости поспешили в укрытие. Я помню, как стремительно бежали вниз по Унтер–ден–Линден, сворачивая за угол на Вильгельмштрассе, немцы и русские, торопясь в подземное укрытие министерства иностранных дел. Некоторые из чиновников, в их числе доктор Шмидт, нырнули в отель «Адлон», а мы, сидя напротив, не могли попасть на импровизированное совещание, которое открыли два министра иностранных дел в подвалах министерства иностранных дел. Протокол этого совещания из–за вынужденного отсутствия доктора Шмидта вел Густав Хилгер, советник германского посольства в Москве, который выступал во время совещаний в роли одного из переводчиков.

В то время как английские бомбардировщики проносились в ночном небе над Берлином, а зенитные орудия били по ним без особого успеха, двуличный нацистский министр иностранных дел пытался последний раз втянуть русских в тройственный пакт. Он вытащил из своего кармана проект соглашения, которое, по сути дела, превращало тройственный пакт в пакт четырех (в качестве четвертого члена выступала Россия). Молотов терпеливо выслушал, пока Риббентроп дочитал до конца.

Статья II составляла суть пакта. В соответствии с этой статьей Германия, Италия, Япония, и Советский Союз обязались «уважать естественные сферы влияния друг друга». Любые споры, затрагивающие их интересы, должны быть урегулированы «мирным путем». Оба фашистских государства и Япония соглашались «признать нынешние границы владений Советского Союза и уважать их». Все четыре страны, согласно статье III, договаривались не вступать ни в какие союзы, «направленные против одной из четырех держав», и не

---

[84] Черчилль уверяет, что налет по времени был приурочен к этому событию. «Нас заранее известили о проходивших совещаниях, — писал он позднее, — и хотя мы не были приглашены на переговоры, оставаться совсем в стороне от них не захотели» (Черчилль У. Их звездный час, с. 584). — Прим. авт.

поддерживать их.

Само соглашение будет опубликовано, убеждал Риббентроп, но, разумеется, без секретных протоколов, которые он тут же стал зачитывать. Наиболее важный из них определял «территориальные устремления» каждой из стран — участниц пакта. Четко указывались и устремления России — «к югу от государственных границ Советского Союза в направлении к Индийскому океану».

Молотов не клюнул на эту приманку. Предлагаемый договор он воспринял как откровенную попытку отвлечь Россию от ее традиционных устремлений в западном направлении, в Прибалтику, на Балканы и через проливы к Средиземному морю, где Советская Россия неизбежно столкнулась бы с алчными замыслами Германии и Италии. СССР не был, по крайней мере в данный момент, заинтересован в Индийском океане, находившемся так далеко. «Что интересует Советский Союз в данный момент, — отвечал Молотов, — так это Европа и Турецкие проливы. Следовательно, соглашения на бумаге для Советского Союза недостаточно; он будет настаивать на эффективных гарантиях своей безопасности».

«Вопросы, которые интересуют Советский Союз, — уточнил Молотов, касаются не только Турции, но и Болгарии… Однако судьба Румынии и Венгрии Советскому Союзу также не может быть безразлична при любых обстоятельствах. Далее, Советский Союз интересует, каковы намерения держав оси в отношении Югославии и Греции, а также что намерена предпринять Германия в отношении Польши… Советское правительство интересует также вопрос о шведском нейтралитете… Кроме того, существует вопрос выхода из Балтийского моря…»

Неутомимый, с бесстрастным лицом, советский комиссар по иностранным делам не оставил камня на камне от доводов Риббентропа, который чувствовал себя погребенным под нескончаемым градом вопросов, ибо Молотов в этот момент сказал, что был бы признателен, если бы его собеседник ответил на них, и немец запротестовал: его «допрашивают слишком подробно».

«Я могу только снова и снова повторять, — отвечал он слабым голосом, что решающий вопрос заключается в том, готов ли Советский Союз сотрудничать с нами в великой ликвидации Британской империи».

Молотов тут же с нескрываемой язвительностью ответил. Хилгер занес это в свои записи:

«В своем ответе Молотов напомнил, что Германия считает войну против Англии фактически уже выигранной. Поэтому если, как утверждает Гитлер, Германия ведет против Англии борьбу не на жизнь, а на смерть, то, стало быть, это означает, что Германия сражается за жизнь, а Англия — за смерть».

Этот сарказм Риббентроп, человек непроходимой тупости, вероятно, пропустил мимо ушей, но Молотов не упустил представившейся ему возможности. На постоянные уверения немца, что с Англией покончено, комиссар в конце концов ответил: «Если это так, то почему мы сидим в укрытии и чьи это бомбы падают на нас?»[85]

Проведя столь утомительные переговоры с неуступчивым партнером из Москвы и еще раз убедившись через пару недель в ненасытности аппетитов Сталина, Гитлер принял окончательное решение.

Здесь следует отметить, что советский диктатор вопреки последующим утверждениям в обратном принял предложение Гитлера присоединиться к фашистскому лагерю, хотя и за более высокую цену, чем это было предложено Молотову в Берлине. 26 ноября, едва прошло две недели с момента возвращения Молотова из Германии, как он информировал немецкого посла в Москве, что Россия готова присоединиться к пакту четырех держав, если будут

---

[85] Описание эпизода приводит в своей книге «Их звездный час» Черчилль, которому об этом рассказал позднее Сталин. — Прим. авт.

соблюдены следующие условия:

1) немецкие войска будут немедленно выведены из Финляндии, которая… входит в сферу влияния Советского Союза…;

2) в течение ближайших нескольких месяцев безопасность Советского Союза и проливов будет гарантирована заключением договора о взаимопомощи между СССР и Болгарией… и созданием базы для сухопутных и военно–морских сил Советского Союза в пределах досягаемости Босфора и Дарданелл на основе долгосрочной аренды;

3) район к югу от Батуми и Баку в общем направлении к Персидскому заливу признается как сфера устремлений Советского Союза;

4) Япония аннулирует свои права на концессии по добыче угля и нефти на Северном Сахалине.

В целом Сталин просил вместо двух, предусмотренных немцами, пять секретных протоколов для оформления его новых предложений и на всякий случай оговорил, что если Россия встретит препятствия со стороны Турции при решении вопроса о базах для контроля над проливами, то четыре державы предпримут военные меры против нее.

Цена предложений оказалась значительно выше, чем предполагал Гитлер. Он пытался держать Россию вне Европы, а тут Сталин требует Финляндию, Болгарию, добивается контроля над проливами, а по существу над нефтеносными районами в Аравии и Персидском заливе, откуда поступала основная часть потребляемой Европой нефти. Русские даже не упомянули про Индийский океан, который Гитлер пытался им подсунуть в качестве объекта устремлений.

«Сталин умен и коварен, — говорил Гитлер своим высшим военачальникам. Он требует все больше и больше. Это хладнокровный шантажист. Победа Германии стала непереносимой для России, поэтому необходимо поставить ее на колени как можно скорее».

Великий, хладнокровный нацистский шантажист встретил равного себе, и осознание этого факта привело его в неистовство. В начале декабря он попросил Гальдера представить ему разработанный генеральным штабом сухопутных войск план нападения на Советский Союз. 15 декабря Гальдер и Браухич, исполненные сознанием долга, принесли ему этот план, и в итоге четырехчасового обсуждения он его одобрил. Как в захваченном военном дневнике ОКВ, так и в личном дневнике Гальдера содержится описание этого решающего совещания. Нацистский диктатор подчеркивал, что оборона Красной Армии должна быть прорвана к северу и к югу от Припятских болот, а сама Красная Армия окружена и уничтожена, «как в Польше». Захватить Москву, говорил он Гальдеру, не столь важно. Важно уничтожить живую силу России. К наступлению присоединятся Румыния и Финляндия, но не Венгрия. Горную дивизию генерала Дитля, дислоцированную в Нарвике, необходимо перебросить через Северную Швецию в Финляндию для наступления на советскую Арктику[86]. Всего для этой большой кампании выделялось от120 до 130 дивизий.

В своих заметках об этом совещании, как и в предыдущих ссылках на план нападения на Россию, генерал Гальдер пользовался кодовым наименованием «Отто». Менее чем через две недели, 18 декабря 1940 года, кодовое наименование, которое войдет в историю, будет изменено. В этот день Гитлер перешел Рубикон — он издал Директиву №21. Операция получила наименование «Барбаросса».

Совершенно секретно

Ставка фюрера

18.12.1940 года

Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии. (Вариант «Барбаросса».)

---

[86] Швеция, отказавшая в транзите союзникам во время русско–финской войны, позволила провезти по своей территории эту полностью вооруженную дивизию. Венгрия присоединилась к войне против России немного позднее. — Прим. авт.

Сухопутные войска должны использовать для этой цели все находящиеся в их распоряжении соединения, за исключением тех, которые необходимы для защиты оккупированных территорий от всяких неожиданностей…

Приготовления… следует начать уже сейчас и закончить к 15 мая 1941 года.

Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны.

Итак, нападение было назначено на середину мая будущей весны. Общий замысел операции «Барбаросса» Гитлер определил следующим образом:

Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособного противника на широкие просторы России должно быть предотвращено…

Конечной целью операции является создание заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга — Архангельск.

Затем в директиве значительное место было уделено детальному изложению основных направлений наступления[87].

Были поставлены задачи Румынии и Финляндии. Они должны были обеспечить исходные районы сосредоточения для наступления на Крайнем Севере и на южном фланге, а также выделить войска в помощь немецким армиям, действующим на этих направлениях. Особенно важная роль отводилась Финляндии. Финско–немецкие армии должны были наступать на Ленинград и Ладожское озеро, перерезать Мурманскую железную дорогу, захватить никелевые рудники Петсамо и оккупировать русские незамерзающие порты в Арктике. Многое, по признанию Гитлера, зависело от того, разрешат ли шведы транзит немецких войск из Норвегии. И он правильно предсказывал, что шведы в данном случае уступят.

Границей главных операций, по мнению фюрера, должны были стать Припятские болота. Основной удар предполагалось нанести к северу от болот двумя группами армий. Одна группа армий будет наступать через Прибалтийские государства на Ленинград; другая группа армий — через Белоруссию, затем повернет на север, чтобы соединиться с первой группой. Таким образом, остатки советских войск, которые попытаются отступить из Прибалтики, окажутся в западне. Только после этого будет предпринято наступление на Москву. Захват русской столицы, еще две недели назад казавшийся фюреру «несущественным», теперь приобретал большое значение. «Захват этого города, — писал он, — означает решающую политическую и экономическую победу, не говоря уже о падении самого важного железнодорожного узла страны». И он подчеркивал, что Москва является не только главным центром коммуникаций России, но и основным производителем вооружений.

Третья группа армий будет наступать южнее болот через Украину на Киев; ее главная задача — сокрушить противника атакой во фланги и уничтожить войска к западу от Днепра. Далее, на юге немецко–румынские войска будут прикрывать фланг главных сил на этом направлении и наступать на Одессу вдоль побережья Черного моря. После этого будет захвачен Донецкий бассейн, где сосредоточено до 60 процентов советской промышленности.

Грандиозный план Гитлера был окончательно отработан перед самыми рождественскими праздниками 1940 года, причем настолько хорошо, что позднее не потребовалось вносить в него никаких существенных изменений. В целях обеспечения секретности было изготовлено только девять копий директивы: по одному экземпляру для каждого из трех видов вооруженных сил; остальные хранились в штабе ОКВ. Даже высшим

---

[87] Многие историки считают, что в первом варианте «Барбароссы» Гитлер не касался деталей. Это неверное представление сложилось, вероятно, из–за сокращенного перевода на английский. В полном немецком тексте содержится множество подробностей, что говорит о том, как далеко продвинулось планирование уже на этой ранней стадии. — Прим. авт.

командирам полевых войск, как давала понять директива, следовало разъяснить, что план подготовлен в качестве меры «предосторожности», на случай, «если Россия изменит свое прежнее отношение к нам». И Гитлер дал указание, что число офицеров, допущенных к этому секрету, «должно оставаться минимальным. Иначе существует опасность, что наши приготовления станут известны, и это вызовет серьезнейшие политические и военные осложнения».

Нет никаких свидетельств, указывающих на то, что генералы в высшем руководстве армии возражали против решения Гитлера повернуть оружие против Советского Союза, который, добросовестно выполняя условия пакта с Германией, позволил последней одержать победы в Польше и на Западе. Позднее Гальдер будет с иронией писать о «русской авантюре Гитлера», утверждая, что с самого начала высшие военачальники были против этого. Однако в записях за декабрь 1940 года в его объемистом дневнике нет ни слова, которое подтвердило бы это заявление. В действительности из дневниковых записей складывается впечатление, что все военачальники были полны энтузиазма в связи с намечаемой авантюрой, за планирование которой сам начальник генерального штаба нес основную ответственность.

Во всяком случае, Гитлер бросил жребий, и, хотя он не мог знать об этом, его судьба была окончательно решена 18 декабря 1940 года. Испытав наконец чувство облегчения от принятого решения, как он рассказывал позднее, фюрер отправился на рождественские праздники к своим солдатам и летчикам на побережье Ла–Манша, чтобы оказаться, вероятно, подальше от России. Нужно было выбросить из головы, насколько возможно, всякие мысли о шведском короле Карле XII и о Наполеоне Бонапарте, которые после стольких побед, не менее великих, чем его нынешние, потерпели катастрофу на бескрайних русских просторах. Насколько серьезно занимали они его мысли? К этому времени, как явствует из архивных материалов, бывший венский бродяга уже считал себя величайшим завоевателем, каких когда–либо видел мир. Им овладела мания величия — фатальная болезнь всех завоевателей.

Шесть месяцев разочарований

Однако после всех этих шумных побед, одержанных весной и ранним летом 1940 года, последовали шесть месяцев сплошных разочарований для нацистского завоевателя. От него ускользал не только окончательный триумф над Британией, но и возможность нанести ей смертельный удар на Средиземном море.

На третий день рождества гросс–адмирал Редер встретился с Гитлером в Берлине, но в его докладе было очень мало радостного. «Угроза со стороны Британии на всем Восточном Средиземноморье, Ближнем Востоке и в Северной Африке устранена, — доложил он фюреру. — Поэтому решающая операция на Средиземноморье, которую мы планировали, более невозможна».

Для Адольфа Гитлера, которого постигло разочарование из–за изворотливости Франко, неспособности Муссолини и даже дряхлости маршала Петена, на Средиземноморье поезд действительно ушел. Его итальянского союзника катастрофа постигла в Египетской пустыне, а теперь он застрял в снежных горах Албании. Эти неприятные происшествия являлись также вехами в войне и в истории третьего рейха. Они произошли не только из–за слабости друзей и союзников Германии, но и частично из–за неспособности нацистского военного диктатора осмыслить более масштабную, межконтинентальную стратегию, на чем настаивали Редер и даже Геринг.

Дважды в сентябре 1940 года, 6–го и 26–го числа, когда открытое наступление на Англию, казалось, было снято с повестки дня, гросс–адмирал пытался раскрыть перед фюрером новые перспективы. Во время второго совещания Редер остался с фюрером наедине, без армейских и авиационных офицеров, чтобы те не вмешивались в их разговор, и

прочитал своему шефу длинную лекцию о военно–морской стратегии и способности флота нанести Англии удар в других местах, а не только в районе Ла–Манша.

«Англичане, — говорил Редер, — всегда рассматривали Средиземноморье как центр своей мировой империи… Италия, окруженная британской мощью, быстро становится главным объектом нападения… Итальянцы еще не осознали этой опасности, когда отказывались от нашей помощи. Однако Германия должна вести войну против Великобритании всеми имеющимися в ее распоряжении средствами без промедления, прежде чем Соединенные Штаты окажутся в состоянии эффективно вмешаться. По этим соображениям средиземноморский вопрос необходимо решить в течение зимних месяцев».

Но как решить? И здесь адмирал перешел к делу.

«Гибралтар должен быть захвачен. Канарские острова должны быть захвачены военно–воздушными силами. Суэцкий канал должен быть захвачен».

Адмирал нарисовал в радужных красках, что же произойдет после захвата Суэца.

«Необходимо наступать из Суэца через Палестину и Сирию как можно дальше в направлении Турции. Если мы достигнем этого рубежа, Турция станет нашей. Тогда и русская проблема предстанет в ином свете… Сомнительно, чтобы существовала необходимость наступать на Россию с севера».

В мыслях изгнав англичан из Средиземноморья и поставив Турцию и Россию в полную зависимость от Германии, Редер продолжал рисовать заманчивую картину. Правильно предсказав, что Англия при поддержке США и сил голлистов в конечном счете попытается овладеть плацдармом в Северной Африке в качестве базы для ведения войны против держав оси, адмирал настаивал, что Германия и вишистская Франция должны опередить их, овладев этим стратегически важным районом.

Редер утверждал, что Гитлер согласился с «общим направлением его мысли», однако добавил, что сначала ему будет необходимо обговорить эти вопросы с Муссолини, Франко и Петеном. Он приступил к этому лишь тогда, когда время уже было упущено. С испанским диктатором он договорился о встрече на 23 октября, с Петеном, возглавлявшим коллаборационистское правительство Виши, — на следующий день, с дуче — несколько дней спустя.

Франко, который своей победой в гражданской войне в Испании был обязан массированной военной помощи Италии и Германии, как и все диктаторы, отличал чрезмерный аппетит к грабежу, особенно если добыча представлялась легкой. В июне, когда пала франция, он поспешно информировал Гитлера, что Испания вступит в войну, если получит за это большую часть огромной французской империи в Африке, в том числе Марокко и Западный Алжир, при условии, что Германия щедро снабдит ее оружием, бензином и продовольствием. Вот и прибыл фюрер 23 октября на специальном поезде на франко–испанскую границу у городка Андай, чтобы дать генералу Франко возможность выполнить свое обещание. Однако за прошедшие месяцы многое изменилось — хотя бы то, что Англия упорно держалась, — и Гитлера ожидал неприятный сюрприз.

На хитрого испанца не произвело впечатления хвастовство фюрера, что «Англия окончательно разбита»; не удовлетворили его и обещания Гитлера предоставить Испании территориальную компенсацию во Французской Северной Африке «в такой мере, в какой будет возможно компенсировать потери Франции за счет английских колоний». Франко хотел получить французскую империю в Африке без каких–либо условий. Предложение Гитлера сводилось к тому, чтобы Испания вступила в войну в январе 1941 года, но Франко возражал против столь поспешных действий. Гитлер хотел, чтобы испанцы при поддержке немецких специалистов, которые захватили бельгийскую крепость Эбен–Эмиль с воздуха, напали на Гибралтар 10 января. С присущей испанцам гордостью Франко ответил, что Гибралтар будет взят одними испанцами. В таком же духе два диктатора проспорили в течение девяти часов. Как свидетельствует доктор Шмидт, присутствовавший при этом обмене мнениями, Франко говорил и говорил монотонным голосом, а Гитлер все заметнее раздражался и наконец вскочил, как он сделал это во время переговоров с Чемберленом, и

воскликнул, что нет смысла продолжать разговор.

«Если бы мне пришлось вынести это еще раз, — заметил он Муссолини, пересказывая ход трудных переговоров с каудильо, □□я бы предпочел, чтобы мне вырвали три или четыре зуба».

Девятичасовые переговоры с перерывом на обед в специальном вагоне–столовой были прерваны поздно вечером; Франко так и не дал конкретного обязательства вступить в войну.

Гитлер оставил в тот вечер Риббентропа для продолжения переговоров с испанским министром иностранных дел, приказав попытаться подписать с испанцами хоть какое–то соглашение о том, что они обязуются изгнать англичан из Гибралтара и закрыть для них Западное Средиземноморье — увы, все оказалось тщетно. «Этот неблагодарный трус! — говорил Риббентроп на следующее утро Шмидту. — Он обязан нам всем, а теперь не хочет присоединяться!» Встреча Гитлера с Петеном на следующий день в Монтуаре прошла удачнее. Но это объяснялось тем, что престарелый маршал, герой Вердена времен первой мировой войны и виновник капитуляции Франции во второй мировой войне, пошел на сотрудничество с захватчиками и солидаризировался с ними в последнем усилии поставить на колени свою бывшую союзницу Англию. Фактически он согласился оформить письменно эту гнусную сделку:

«Державы оси и Франция одинаково заинтересованы в скорейшем поражении Англии. Следовательно, французское правительство будет поддерживать в пределах своих возможностей те меры, которые намерены предпринять с этой целью державы оси».

За этот предательский акт Франции предоставлялось в «новой» Европе «то место, на которое она имеет право», а в Африке она должна была получить из рук фашистских диктаторов компенсацию за счет территорий Британской империи, за ту свою территорию, которую она была вынуждена уступить другим. Обе стороны согласились держать в «строжайшем секрете» существование данного пакта[88].

Однако, даже добившись от Петена позорных, но таких важных для него уступок, Гитлер остался недоволен. Как утверждает доктор Шмидт, он хотел большего — прямого участия Франции в войне против Англии. Во время возвращения в Мюнхен, по свидетельству официального переводчика, фюрер пребывал в подавленном настроении, разочарованный результатами своей поездки. Еще больше огорчился он во Флоренции, куда прибыл на встречу с Муссолини утром 28 октября.

Они встречались всего три недели назад, 4 октября, у Бреннерского перевала. Как обычно, говорил в основном Гитлер — он сделал один из своих ослепительных обзоров, однако ни словом не обмолвился, что посылает войска в Румынию, которой домогалась и сама Италия. Когда через несколько дней дуче узнал об этом, он пришел в негодование.

«Гитлер всегда ставит меня перед свершившимся фактом, — с возмущением говорил он Чиано. — На этот раз я собираюсь отплатить ему той же монетой. Он узнает из газет, что я оккупировал Грецию. Таким путем будет восстановлено равновесие».

Честолюбивые замыслы дуче относительно Балкан были не менее безумными, чем замыслы Гитлера, причем они так пересекались, что еще в середине августа немцы предостерегали Рим от каких бы то ни было авантюр в Югославии и Греции. «Это настоящий приказ остановиться по всей линии», — записал Чиано в дневнике 17 августа. Муссолини отказался, по крайней мере на время, от своих планов, сопряженных с обретением военной славы на Балканах, что и подтвердил в почтительном письме Гитлеру от

---

[88] Хотя Черчилль и Рузвельт не знали содержания секретного соглашения в Монтуаре, но они подозревали худшее. Король Великобритании направил Петену через американские каналы личное письмо с просьбой не вставать нал сторону противников Англии. Послание президента Рузвельта Петену было сформулировано в жестких выражениях: он предупреждал маршала о тяжелых последствиях предательства со стороны вишистской Франции (см. Лангер У. Игра с Виши). Для написания этой книги профессор Лангер получил доступ к немецким документам, которые в течение одиннадцати лет были закрыты для использования английским и американским правительствами. — Прим. авт.

27 августа. Однако перспективы быстрого и легкого захвата Греции, который компенсировал бы в какой–то степени ослепительные победы партнера, оказалась слишком заманчивой для чванливого фашистского цезаря, сколь обманчивой эта перспектива ни являлась.

22 октября он определил дату внезапного нападения на Грецию — 28 октября и в тот же день написал Гитлеру письмо, датированное задним числом 19 октября, в котором тонко намекал на задуманную акцию и весьма туманно говорил о ее характере и дате осуществления. Он опасался, как записал в тот день в дневнике Чиано, что фюрер отдаст ему «приказ» остановиться. Гитлер и Риббентроп узнали о планах дуче, возвращаясь специальным поездом из Франции. По приказу фюрера нацистский министр иностранных дел на первой же немецкой станции позвонил Чиано в Рим и настоял на немедленной встрече глав держав оси. Муссолини предложил встретиться 28 октября во Флоренции, и когда немецкий диктатор, выйдя из своего вагона рано утром, поздоровался с ним, дуче, весь сияющий, с выдвинутым вперед подбородком, доложил: «Фюрер, мы на марше! Сегодня на рассвете победоносные итальянские войска пересекли греко–албанскую границу».

Судя по имеющимся источникам, Муссолини испытал огромное удовольствие, отомстив другу за все предыдущие случаи, когда фюрер нападал на ту или иную страну, предварительно даже не поставив в известность своего итальянского союзника. Гитлер пришел в ярость. Этот безрассудный акт, предпринятый против стойкого врага в самое неподходящее время года, грозил спутать на Балканах все карты. Фюрер, как он писал немного позднее итальянскому диктатору, спешил во Флоренцию в надежде предотвратить этот шаг, но прибыл туда слишком поздно. Шмидт, присутствовавший при их встрече, утверждает, что нацистский лидер сумел сдержать свою ярость.

«В тот день фюрер выехал на север с горечью на душе, — писал позднее Шмидт. — Он был расстроен трижды: в Андае, Монтуаре и теперь в Италии. Долгими зимними вечерами в течение последующих нескольких лет эти обременительные поездки были предметом неоднократных горьких упреков в адрес неблагодарных и ненадежных друзей, партнеров по оси и «лживых» французов». Тем не менее нужно было что–то делать, чтобы продолжать войну против Англии, особенно теперь, когда вторжение на Британские острова стало невозможным. Едва фюрер вернулся в Берлин, как встал перед необходимостью немедленно действовать, так как армии дуче потерпели в Греции полное фиаско. В течение недели «победоносные» итальянские армии были разбиты наголову. 4 ноября Гитлер вызвал на совещание в имперскую канцелярию в Берлин Браухича и Гальдера из ОКХ и Кейтеля и Йодля из ОКВ. Благодаря записям в дневнике Гальдера и докладу Йодля, обнаруженному в числе захваченных документов, мы теперь знаем о решениях нацистского диктатора, которые нашли воплощение в Директиве №18, изданной Гитлером 12 ноября (ее текст находится среди документов Нюрнбергского процесса).

Влияние германских военно–морских сил на стратегию Гитлера становилось очевидным, как необходимость что–то предпринять в связи с неудачами итальянцев. Гальдер отмечает у фюрера «отсутствие доверия» к итальянскому руководству. В результате было; принято решение не посылать никаких немецких войск в Ливию до тех пор, пока армия маршала Родольфо Грациани, продвинувшаяся в сентябре на 60 миль в глубь Египта к Сиди–Баррани, не достигнет Мерса–Матрух, для чего необходимо проделать еще 75 миль вдоль побережья, что произойдет не раньше рождества, если вообще произойдет. Между тем были составлены планы по отправке пикирующих бомбардировщиков в Египет для нанесения ударов по английскому флоту в Александрии и минирования Суэцкого канала.

Что касается Греции, то итальянское наступление там, как заявил Гитлер своим генералам, было «прискорбной ошибкой» и, к несчастью, создало угрозу позициям Германии на Балканах. Оккупировав острова Крит и Лемнос, англичане получили авиационные базы, откуда они смогут бомбить румынские нефтеносные районы, а направив свои войска в Грецию, — создать угрозу позициям немцев на Балканах. Чтобы предотвратить такое развитие событий, Гитлер приказал армии немедленно подготовить планы вторжения в Грецию через Болгарию силами по крайней мере десяти дивизий, которые сначала будут

направлены в Румынию. «Полагаю, что Россия останется на нейтральных позициях», — добавил фюрер.

Однако основное внимание на совещании 4 ноября, как и в Директиве №18, было уделено подрыву британских позиций в Западном Средиземноморье. Директива предписывала «захватить Гибралтар и закрыть пролив», «не допустить, чтобы англичане закрепились в другом месте Пиренейского полуострова или на островах Атлантического океана». Операция по захвату Гибралтара, Канарских островов, принадлежащих Испании, и португальских островов Зеленого Мыса получила название «Феликс». Военно–морским силам предписывалось изучить возможность оккупации острова Мадейра, а также Азорских островов. Не исключалась и оккупация Португалии. С этой целью была разработана операция «Изабелла», для осуществления которой предполагалось сосредоточить на испано–португальской границе три немецкие дивизии.

Наконец, предусматривалось отпустить часть французского флота и некоторое количество войск, чтобы французы сами могли защищать свои владения в Северо–Западной Африке от англичан и отрядов де Голля. «Из выполнения этой задачи может развиться в полной мере участие Франции в войне против Англии», — говорилось в директиве Гитлера.

В новых планах Гитлера, объявленных генералам 4 ноября и изложенных в директиве неделей позже, детально рассматривались чисто военные вопросы, в частности захват Гибралтара одним смелым ударом. Это, вероятно, произвело должное впечатление на руководителей армии своей смелостью и продуманностью. Однако в действительности это были полумеры, которые не могли дать ожидаемых результатов, так как частично зиждились на обмане. Он заверил своих генералов 4 ноября, как отмечает Гальдер, что только что получил от Франко новые заверения в том, что каудильо присоединится к войне, но это, как известно, было неполной правдой. Задачи по изгнанию англичан из Средиземноморья представлялись вполне оправданными, но выделенных для их осуществления сил было явно недостаточно, особенно если учесть слабость Италии. Штаб военно–морских сил указал на это обстоятельство в жестких формулировках меморандума, который Редер передал Гитлеру 14 ноября. Провал итальянского вторжения в Грецию — войска Муссолини были вышвырнуты оттуда на территорию Албании и продолжали отступать — не только существенно усилил стратегические позиции Англии на Средиземном море, но и укрепил ее престиж во всем мире, по мнению моряков. Что касается итальянского наступления на Египет, то руководители флота прямо заявляли Гитлеру: «Италия никогда не осуществит наступление в Египте [89]. Итальянское руководство никудышное. Оно не понимает обстановки. Итальянские вооруженные силы не имеют ни хорошо обученного руководства, ни надлежащей боеспособности, чтобы осуществить требуемые операции в районе Средиземного моря быстро, решительно и успешно».

---

[89] К этому времени хилые английские силы в составе одной бронетанковой дивизии, одной индийской пехотной дивизии, двух пехотных бригад и королевского танкового полка — всего 31 тысяча человек изгнали из Египта итальянские войска, в три раза превышавшие англичан по численности, и захватили в плен 38 тысяч, понеся при этом незначительные потери — 133 убитых, 387 раненых и 8 пропавших без вести. Английское контрнаступление под общим командованием генерала Арчибальда Уэйвелла началось 7 декабря, и за четыре дня армия маршала Грациани была разгромлена Операция, предпринятая как пятидневная ограниченная контратака, продолжалась до 7 февраля; к этому времени англичане прошли через всю Киренаику, преодолев расстояние 500 миль, и уничтожили целую итальянскую армию в составе 10 дивизий, взяв в плен 130 тысяч, захватив 1240 орудий, 500 танков и потеряв при этом 500 человек убитыми, 1373 ранеными и 55 пропавшими без вести. Скептически настроенный английский автор генерал Фуллер считает, что это была «одна из наиболее дерзких кампаний, когда–либо предпринятых» (Фуллер Ф. Вторая мировая война, с. 98).

Смертельный удар был нанесен также по итальянскому военно–морскому флоту. В ночь на 12 ноября бомбардировщики с английского авианосца «Илластриас» (руководители люфтваффе утверждали, что он потоплен) совершил налет на итальянский флот, стоявший на якоре в Таранто, и на многие месяцы вывели из строя три линкора и два крейсера. «Черным днем» назвал 12 ноября в своем дневнике Чиано. Англичане без предупреждения потопили дредноут «Кавур» и серьезно повредили линкоры «Литторио» и «Дуилио». — Прим. авт.

Поэтому, говорилось в заключении меморандума, эта задача должна быть осуществлена Германией. «Борьба за африканский регион является первостепенной стратегической целью военных действий Германии в целом… Это имеет решающее значение для исхода войны».

Однако доводы моряков не убедили нацистского диктатора. Войну на Средиземноморье и в Северной Африке он рассматривал только как второстепенные операции на пути к решению своей главной задачи. Когда адмирал Редер 14 ноября изложил ему стратегические концепции военно–морских сил, Гитлер ответил, что «все же склонен к демонстрации своей силы против России». В самом деле, он был более, чем когда–либо, склонен к этому, ибо Молотов только что покинул Берлин, вызвав гнев фюрера. Когда адмирал встретился с Гитлером после рождества и доложил об упущенных возможностях на Средиземноморье, тот воспринял это без особого беспокойства. К доводам Редера, что победа англичан над итальянцами в Египте и растущая материальная помощь, получаемая ими от Соединенных Штатов, требуют сосредоточения всех немецких ресурсов, чтобы покончить с Англией, и что операцию «Барбаросса» следует отложить, пока не будет повержена Британия, Гитлер остался глух.

Политические события и особенно вмешательство России в дела на Балканах, по мнению Гитлера, настоятельно требовали любой ценой уничтожить последнего противника на континенте, прежде чем схватиться с Англией. С этого времени до рокового конца он будет фанатически придерживаться этой основополагающей стратегии/

В качестве подачки шефу военно–морского флота Гитлер обещал «еще раз попытаться повлиять на Франко», с тем чтобы стало возможно предпринять атаку на Гибралтар и закрыть для английского флота Средиземное море. В действительности же он уже полностью отказался от этой идеи. 11 декабря он без лишнего шума отменил операцию «Феликс», поскольку для ее осуществления не было «политических условий». Однако под давлением командования ВМС и итальянцев Гитлер предпринял последнюю попытку вовлечь в это дело Франко, хотя это было для него крайне неприятно. 6 февраля 1941 года он обратился к испанскому диктатору с длинным письмом:

«… В одном, каудильо, должна быть ясность: мы ведем борьбу не на жизнь, а на смерть и не можем одновременно делать какие–либо подарки…

Сражение, которое ведут Германия и Италия, определит также и судьбу Испании. Только в случае нашей победы будет жить ваш нынешний режим».

К несчастью для держав оси, письмо это дошло до каудильо в тот самый день, когда остатки войск маршала Грациани в Киренаике были уничтожены англичанами к югу от Бенгази. И неудивительно, что, когда Франко 26 февраля 1941 года сел за составление ответного письма, он, хотя и торжественно заявил о своей «абсолютной лояльности» к державам оси, но счел необходимым напомнить нацистскому лидеру о том, что после недавних событий обстановка по сравнению с октябрьскими днями заметно осложнилась, поэтому взгляды, бытовавшие в то время, устарели.

Этот случай оказался одним из немногих в бурной жизни Адольфа Гитлера, когда он признал свое поражение. «Короче говоря, нудная испанская болтовня состоит в том, что Испания не хочет вступить в войну и не вступит, — писал Гитлер Муссолини. — Это очень прискорбно, поскольку означает, что в данный момент невозможно нанести удар по Англии простейшим способом через ее средиземноморские владения».

И все–таки на Средиземном море Италия, а не Испания являлась орудием для нанесения поражения Англии в этом регионе, однако шаткой империи дуче самостоятельное решение этой задачи было не по плечу, а Гитлер не проявил достаточной мудрости, чтобы выделить в помощь ему средства, имевшиеся у немцев. Нанесение удара по Англии либо через Ла–Манш, либо через Средиземное море, как он теперь признавал, на некоторое время стало невозможным. Хотя это его и расстраивало, но само признание такого положения приносило некоторое облегчение. Теперь он мог посвятить себя вопросам, более близким его сердцу и уму.

8–9 января 1941 года в Бергхофе над Берхтесгаденом, засыпанным снегом, он провел военный совет. Горный воздух, очевидно, прояснил его ум, и он еще раз изложил своим военачальникам грандиозную стратегию, как это хорошо видно из обстоятельных записей адмирала Редера и генерала Гальдера. К фюреру вернулся его оптимизм.

«Фюрер твердо убежден, — писал Редер, — что обстановка в Европе не может далее развиваться неблагоприятно для Германии, даже если мы потеряем всю Северную Африку. Наши позиции в Европе настолько упрочились, что исход не может оказаться не в нашу пользу… Англичане могут надеяться на победу в войне, только нанеся нам поражение на континенте. Фюрер убежден, что это невозможно».

Правда, соглашался фюрер, прямое вторжение в Англию «неосуществимо, пока она не будет в значительной степени ослаблена и пока Германия не обеспечит себе полного господства в воздухе». Военно–морские и военно–воздушные силы должны сосредоточить свои усилия против английского судоходства, тем самым перерезав пути поставок в Англию. Такие атаки, считал Гитлер, «могут привести к победе уже в июле или августе». К этому времени, говорил он, «мы должны настолько укрепить свои позиции на континенте, чтобы в дальнейшем быть в состоянии вести войну с Англией (и Америкой)». Скобки поставлены в записях Гальдера, и они многозначительны. В захваченных немецких архивах это первое упоминание Америки в подобном контексте — оно свидетельствует, что уже в начале 1941 года Гитлер считался с возможностью вступления Соединенных Штатов в войну против него.

Затем нацистский диктатор коснулся положения в нескольких стратегических районах и в этой связи изложил в общих чертах свои планы и намерения.

«Фюрер придерживается мнения, — писал Редер, — что для исхода войны важно, чтобы Италия не развалилась… Он полон решимости… предотвратить потерю Италией Северной Африки… Это означало бы огромную потерю престижа держав оси… (Поэтому) он решил оказать поддержку итальянцам».

В этом месте он предупредил военачальников о сохранении немецких планов в строжайшей тайне.

«Он не хочет информировать итальянцев о наших планах. Имеются подозрения, что королевская семья передает англичанам секретные сведения!»

Гитлер объявил, что в поддержку Италии будут выделены противотанковые формирования и несколько эскадрилий люфтваффе для использования в Ливии. Более того, он направит армейский корпус в составе двух с половиной дивизий в поддержку отступающих итальянцев, которых греки загнали в Албанию. В этой связи будет приведена в действие операция «Марита»[90]. Переброску войск из Румынии в Болгарию Гитлер приказал начать сразу же, чтобы 26 марта можно было приступить к операции «Марита». Гитлер долго распространялся о необходимости быть готовыми к выполнению операции под кодовым названием «Аттила», которую в общих чертах он изложил в своей директиве от 10 декабря 1940 года. Операция предусматривала оккупацию остальной части Франции и захват французского флота в Тулоне. Фюрер полагал, что в недалеком будущем этот план можно было бы осуществить. «Если Франция станет очагом беспокойства, — заявил он, — то ее придется разгромить полностью». Это было грубейшим нарушением перемирия в Компьене, но ни один генерал, ни один адмирал не поднял этот вопрос — так, по крайней мере, явствует из записей Гальдера и Редера.

Именно на этом совещании Гитлер назвал Сталина «хладнокровным шантажистом» и сообщил своим командующим, что Россию следует поставить на колени как можно скорее.

«Если США и Россия вступят в войну против Германии, — сказал Гитлер, во второй

---

[90] Операция «Марита» была объявлена Директивой №20 от 13 декабря 1940 года Она предусматривала сосредоточение немецкой армии в составе 24 дивизий в Румынии с последующим наступлением через Болгарию на Грецию, как только установится благоприятная погода. Директива была подписана самим фюрером — Прим авт.

раз упомянув о такой перспективе для США, — то обстановка очень осложнится. Поэтому любой повод для возникновения такой угрозы должен быть устранен в самом начале. Если русская угроза будет ликвидирована, мы сможем вести войну против Англии в течение неопределенно долгого времени. Если Россия падет, Япония воспрянет духом: это в свою очередь будет означать усиление угрозы Соединенным Штатам».

Таковы были взгляды немецкого диктатора на глобальную стратегию к началу 1941 года. Через два дня после военного совета, состоявшегося 11 января, он воплотил свои взгляды в Директиву №22. Переброска немецких подкреплений в Триполи получила название операции «Подсолнечник», а переброска подкреплений в Албанию — операции «Альпийские фиалки».

«Мир затаит дыхание»

Гитлер вызвал Муссолини в Бергхоф на 19 и 20 января. Пребывая в подавленном настроении, чувствуя себя униженным после поражения итальянских дивизий в Египте и Греции, дуче не испытывал желания ехать к фюреру. Хмурый и нервный, по словам Чиано, садился он в свой специальный поезд, опасаясь, что Гитлер, Риббентроп и немецкие генералы проявят по отношению к нему оскорбительную снисходительность. Осложняло обстановку и то обстоятельство, что дуче взял с собой генерала Альфредо Гуццони, помощника начальника штаба, которого Чиано в своем дневнике характеризует как бездарность с большим животом и париком из выкрашенных волос и которого, по его мнению, было просто позорно представлять немцам.

К удивлению Муссолини, Гитлер снизошел до того, что покинул свое «горное гнездо» и спустился на заснеженную маленькую железнодорожную станцию, чтобы встретить его. Все происходило тактично и вежливо, и не было никаких упреков по поводу серьезных неудач на полях сражений. Дуче уловил у фюрера, как пишет Чиано, очень сильные антирусские настроения. Назавтра Гитлер свыше двух часов выступал перед итальянскими гостями и солидной группой генералов из обеих стран, и секретная докладная, подготовленная Йодлем по поводу этого совещания, свидетельствует о том, что, хотя Гитлер и был обеспокоен оказанием помощи итальянцам в Албании и Ливии, его главные замыслы были связаны с Россией.

«Я не вижу большой опасности, исходящей от Америки, — говорил он, даже если она вступит в войну. Значительно большая угроза исходит от гигантского русского блока. Хотя мы заключили очень выгодные политические и экономические соглашения с Россией, я предпочитаю полагаться на мощные средства, имеющиеся в моем распоряжении».

Хотя фюрер и намекнул на то, что намеревается воспользоваться этими «мощными средствами», но планов своих партнеру не раскрыл. Однако начальнику генерального штаба сухопутных сил, который отвечал за детализацию этих планов, они были достаточно ясны, чтобы в полном объеме представить их верховному главнокомандующему на заседании в Берлине спустя две недели.

Это совещание высших генералов ОКБ и главного командования сухопутных войск (ОКХ) длилось с полудня до 6 часов вечера 3 февраля. И хотя генерал Гальдер на этом совещании докладывал в общих чертах планы генерального штаба сухопутных войск, позднее он утверждал в своей книге, что они с Браухичем высказывали сомнения в правильности оценки советской военной мощи и в целом выступали против реализации плана «Барбаросса», считая его авантюрой, однако ни в его дневниковых записях за эти дни, ни в официальном совершенно секретном меморандуме ОКБ по поводу совещания об этом не говорится ни слова. На самом деле из этих документов явствует, что сначала Гальдер оценивал противостоявшие русские силы приблизительно как 155 дивизий, заметив, что немецкие силы насчитывают примерно столько же, но «они куда выше по качеству». Много позднее, когда произошла катастрофа, Гальдер и его коллеги поняли, что данные

разведывательных служб о Красной Армии были ошибочными. Но 3 февраля 1941 года они этого не подозревали. Более того, доклад Гальдера о соотношении сил сторон и стратегии, которая будет применена в целях уничтожения частей Красной Армии [91], показался настолько убедительным, что в конце совещания Гитлер не только выразил свое согласие с изложенным «в целом», но и, воодушевившись нарисованной начальником генерального штаба перспективой, воскликнул: «Когда начнется осуществление «Барбароссы», мир затаит дыхание и промолчит!» Он сгорал от нетерпения в ожидании начала «Барбароссы» и приказал поскорее прислать ему оперативную карту и план развертывания сил.

Балканская прелюдия

Прежде чем приступать к осуществлению операции «Барбаросса», весной 1941 года предстояло обеспечить южный фланг, проходивший на Балканах, и произвести там необходимое наращивание сил. К третьей декаде февраля 1941 года немцы сосредоточили в Румынии, граничившей с Украиной на протяжении 300 миль от Польши до Черного моря, грозную силу, насчитывающую 680 тысяч человек. Но к югу Греция все еще не давала передышки итальянцам, и у Берлина были все основания считать, что английские войска, дислоцированные в Ливии, вскоре могут высадиться здесь. Как явствует из протоколов многочисленных совещаний этого периода, Гитлер опасался, что союзники откроют фронт севернее Салоник. Для Германии это было бы еще более неприятным, чем открытие аналогичного фронта во время первой мировой войны, поскольку позволило бы англичанам устроить базы для воздушных налетов на румынские нефтеносные районы. Более того, это создало бы угрозу операции «Барбаросса». По существу, такую опасность предвидели еще в декабре 1940 года, когда была издана первая директива по осуществлению операции «Марита», предусматривавшая мощное наступление на Грецию со стороны Болгарии силами войск, сосредоточенных в Румынии.

Болгарские лидеры, чьи прогнозы относительно того, кто победит, в первую мировую войну оказались ошибочными, что дорого обошлось стране, на этот раз допустили те же просчеты. Поверив заверениям Гитлера, будто он уже выиграл войну, и прельстившись перспективой получить греческие территории на юге, что открыло бы Болгарии доступ к Эгейскому морю, они согласились участвовать в операции «Марита» — например разрешив немцам подвести свои войска к греческим границам. 18 февраля 1941 года было подписано соответствующее секретное соглашение между фельдмаршалом Листом и болгарским генеральным штабом. В ночь на 28 февраля части германской армии переправились через Дунай из Румынии и заняли стратегические позиции в Болгарии, которая на следующий день присоединилась к тройственному пакту.

Югославы оказались более мужественными и не столь сговорчивыми. Однако их упорство только подстегивало немцев, стремившихся вовлечь их в свой лагерь. На 4–5 марта Гитлер пригласил тайно принца–регента Павла в Бергхоф, где наряду с привычным запугиванием предложил ему взятку в виде Салоник. 25 марта югославский премьер Драгиша Цветкович и министр иностранных дел Александр Цин–цар–Маркович, за день до этого выехавшие тайком из Белграда, чтобы избежать враждебных демонстраций или даже похищения, прибыли в Вену, где в присутствии Гитлера и Риббентропа присоединились к тройственному пакту. Гитлер остался ужасно доволен и заявил Чиано, что это будет содействовать его наступлению на Грецию. Перед тем как югославские лидеры покинули Вену, им вручили два письма от Риббентропа, подтвердившие решимость Германии уважать

---

[91] Стратегия в основном осталась такой же, как в Директиве №21 от 18 декабря 1940 года. В своих замечаниях Браухичу и Гальдеру Гитлер подчеркивал, насколько важно «уничтожить крупные контингенты врага», прежде чем они успеют отступить. И он подчеркивал, что «главной целью является овладение Прибалтийскими государствами и Ленинградом». Прим. авт.

«суверенитет и территориальную целостность Югославии во все времена» и обещание, что державы оси не будут требовать транзитных прав для своих войск через Югославию «в течение этого года». Оба соглашения были нарушены Гитлером в рекордные даже для него сроки.

Едва успели югославские министры вернуться в Белград, как вместе с правительством и принцем–регентом были свергнуты в ночь на 27 марта в результате народного восстания, которое возглавила группа высших офицеров ВВС, а поддержала почти вся армия. Молодой наследник трона Петр, который сбежал от охраны, приставленной к нему регентом, по водосточной трубе, был провозглашен королем Югославии, и хотя новый режим Душана Симовича тут же объявил о своем согласии подписать пакт о ненападении с Германией, в Берлине понимали, что новый режим вряд ли устроит марионеточное правительство, какое предусмотрел для Югославии фюрер. Во время бурных торжеств в Белграде, когда толпа оплевала машину немецкого посла, сербы показали, на чьей стороне их симпатии.

Переворот в Югославии вызвал у Гитлера один из самых диких приступов ярости за всю жизнь. Он воспринял это как личное оскорбление и в гневе принял такие опрометчивые решения, которые окажутся катастрофическими для судеб третьего рейха.

27 марта он в срочном порядке вызвал своих военачальников в имперскую канцелярию в Берлине — совещание было созвано настолько поспешно, что Браухич, Гальдер и Риббентроп прибыли на него с опозданием, — и неистовствовал по поводу того, как он отомстит югославам. Он заявил, что заговор в Белграде поставил под угрозу как операцию «Марита», так и операцию «Барбаросса». Поэтому он решил, «не ожидая заявлений нового правительства о лояльности, уничтожить Югославию как в военном отношении, так и в политическом. Не надо делать никаких дипломатических запросов, не надо предъявлять никаких ультиматумов». И добавил, что Югославия будет разделена с «безжалостной жестокостью». Он тут же приказал Герингу уничтожить Белград, прибегнув к воздушным налетам, волна за волной, бомбардировщиков, действующих с авиационных баз в Венгрии. Он издал Директиву №25, предусматривавшую немедленное вторжение в Югославию, и предложил Кейтелю и Йодлю в тот же вечер разработать необходимые для этого военные планы. Он дал указание Риббентропу проинформировать Венгрию, Румынию и Италию, что все они получат по куску Югославии, которая будет разделена на части, за исключением небольшого хорватского марионеточного государства[92].

И затем, как подчеркнуто в совершенно секретном протоколе совещания ОКВ, Гитлер объявил о самом роковом из всех своих решений:

«Начало операции по плану «Барбаросса» придется отодвинуть на более поздний срок в пределах четырех недель». (В директиве от 18 декабря 1940 года начать операцию намечалось 15 мая 1941 года.)

Это перенесение срока нападения на Россию из–за того, что нацистский диктатор захотел выместить свою злобу на маленьком балканском государстве, осмелившемся выказать непослушание, явилось, вероятно, самым роковым решением в карьере Гитлера. Едва ли будет преувеличением сказать, что, принимая в тот мартовский день в имперской канцелярии в Берлине такое решение под влиянием вспышки ненависти, он отверг последнюю возможность выиграть войну и превратить третий рейх, который он создавал с ошеломляющей гениальностью дикаря, в величайшую за всю немецкую историю империю, а себя во властелина Европы. Фельдмаршалу фон Браухичу, главнокомандующему германской армией, и генералу Гальдеру, одаренному начальнику генерального штаба, позднее, когда русские снега и морозы помешали осуществлению их замыслов и когда выяснилось, что для обеспечения окончательной победы не хватило трех–четырех недель, пришлось с глубокой горечью, но и с глубочайшим пониманием вспоминать о последствиях такого решения.

---

[92] «Война против Югославии должна стать очень популярной в Италии, Венгрии и Болгарии», — ухмыльнулся Гитлер. Он заявил, что Банат отдаст Венгрии, Македонию — Болгарии, а Адриатическое побережье — Италии. — Прим. авт.

Позднее они и их коллеги не раз будут ругать тщеславного фюрера, принявшего в ярости поспешное, непродуманное решение, повлекшее катастрофические последствия.

Военная Директива №25, которую верховный главнокомандующий изложил генералам в ходе совещания, была типичным для Гитлера документом:

…Военный путч в Югославии изменил политическую обстановку на Балканах. Югославию, даже если она на первых порах сделает заявление о своей лояльности, следует рассматривать как врага, а потому разгромить как можно скорее.

…Я намерен вторгнуться в Югославию… и нанести уничтожающий удар югославским вооруженным силам…

Йодль как начальник штаба оперативного руководства ОКВ получил указание этой же ночью подготовить планы вторжения в Югославию. «Я проработал в имперской канцелярии всю ночь, — рассказывал Йодль на Нюрнбергском процессе. — В 4 часа утра 28 марта я передал памятную записку в руки генерала фон Ринтелена, офицера по связи с итальянским высшим военным командованием».

Нужно было немедленно поставить в известность о немецких оперативных планах Муссолини и просить его активно сотрудничать в их осуществлении, так как над застрявшими в Албании итальянскими армиями нависла угроза со стороны югославов. Чтобы удостовериться, что дуче правильно его понял, Гитлер, не дожидаясь, пока Йодль состряпает план военной операции, вечером 27 марта наскоро составил послание Муссолини и приказал немедленно отправить его в Рим, с тем чтобы оно было вручено адресату этой же ночью.

Дуче, события вынуждают меня сообщить Вам как можно быстрее мою оценку обстановки и тех последствий, которые могут возникнуть из этой обстановки.

С самого начала я рассматривал Югославию как опасный фактор в споре с Грецией… По этой причине я честно сделал все, чтобы привести Югославию в наше сообщество… К сожалению, эти усилия не увенчались успехом… Сегодняшние сообщения не вызывают сомнения, что во внешней политике Югославии намечается поворот.

Поэтому я уже предпринял все необходимые меры… И теперь я убедительно просил бы Вас, дуче, не предпринимать никаких операций в Албании в течение ближайших нескольких дней. Я считаю необходимым, чтобы Вы перекрыли и закрыли наиболее важные перевалы из Югославии в Албанию всеми имеющимися у Вас наличными силами.

…Дуче, я считаю также, что необходимо усилить Ваши войска на итало–югославском фронте всеми наличными средствами, и как можно быстрее.

Я считаю также необходимым, дуче, все, что мы делаем и предлагаем сделать, сохранять в строжайшей тайне… Предпринимаемые нами меры полностью потеряют свою ценность, если станут достоянием гласности… Я не сомневаюсь, что мы оба добьемся успеха не меньшего, чем год назад в Норвегии. Это моя непоколебимая уверенность…

Примите мои сердечные и дружеские приветы.

Ваш Адольф Гитлер

Осуществляя эту ближайшую задачу, нацистский диктатор, не ошибся в своих прогнозах, но, по–видимому, он не имел ни малейшего представления о том, какой дорогой ценой будет в конечном счете оплачена его месть Югославии. На рассвете 6 апреля его армии напали превосходящими силами на Югославию и Грецию со стороны Болгарии, Венгрии и самой Германии, пустив в ход бронетанковую махину и быстро продвигаясь вперед, опрокидывая и сминая слабо вооруженных обороняющихся, которые еще не успели прийти в себя после предварительной бомбардировки и обстрела с воздуха.

Белград по приказу Гитлера был разрушен до основания. Три дня и три ночи бомбардировщики Геринга свирепствовали в небе над маленькой столицей, временами почти касаясь крыш домов, поскольку она не имела зенитных орудий; погибло свыше 17 тысяч гражданского населения, ранено и искалечено было еще больше, а город превратился в груду дымящихся развалин. Гитлер назвал бомбардировку операцией «Наказание» и получил, очевидно, большое удовлетворение от того, что его приказ был выполнен столь эффективно.

Югославам не хватило времени мобилизовать свою маленькую, хотя и стойкую армию, а их генеральный штаб сделал ошибку, пытаясь оборонять всю страну сразу. В результате их вооруженные силы были подавлены превосходящими силами противника, и 13 апреля немецкие и венгерские войска вступили в лежащий в развалинах Белград. 17 апреля остатки югославской армии в составе 28 дивизий капитулировали у Сараево, а король и премьер–министр вылетели самолетом в Грецию.

Греки, в течение шести месяцев успешно отбивавшие наступление итальянцев и с позором изгнавшие их в Албанию, не смогли противостоять 12–й армии под командованием фельдмаршала Листа, насчитывавшей 15 дивизий (из них четыре танковые). Англичане поспешно перебросили из Ливии в Грецию около четырех дивизий — 53 тысячи человек, но они, как и греки, не выдержали смертоносных ударов немецкой авиации и превосходящих сил противника. Северные греческие армии сдались немцам и — горькая пилюля! — итальянцам 23 апреля. Четыре дня спустя нацистские танки, лязгая гусеницами, вошли в Афины и над Акрополем взвился флаг со свастикой. К этому времени англичане прилагали отчаянные усилия по эвакуации своих войск морем — маленький Дюнкерк, осуществленный почти столь же успешно.

К концу апреля — всего за три недели — немцы оккупировали всю Грецию, за исключением острова Крит, который они захватили при помощи воздушного десанта в конце мая, изгнав оттуда англичан. Там, где Муссолини предпринимал жалкие потуги в течение целой зимы, Гитлер добился успеха весной всего за несколько дней. Хотя Муссолини остался доволен, что его сняли с крючка, на который он попался в Греции, ему казалось унизительным, что это сделали немцы. Его унижение усугублялось тем, что Италия получила оскорбительно малую долю добычи после разгрома Югославии, которую уже начал раздавать Гитлер[93].

Балканы являлись не единственным местом, где фюреру пришлось выручать своего незадачливого партнера. После уничтожения итальянских армий в Ливии Гитлер, хотя и неохотно, согласился в конце концов послать легкую бронетанковую дивизию и некоторые части ВВС в Северную Африку, где по договоренности с дуче командование всеми немецко–итальянскими силами было поручено генералу Эрвину Роммелю. Этот решительный, изобретательный, находчивый офицер танковых войск, отличившийся еще в боях во Франции, являл собой тип генерала, с которым англичанам до этого не приходилось сталкиваться в североафриканской пустыне, и оказался для них важнейшей проблемой на ближайшие два года, причем проблемой не единственной. Переброска из Ливии в Грецию авиационных частей и значительных сил серьезно ослабила английские войска в пустыне. Сначала их это не особенно обеспокоило, даже после того, как разведка доложила о пребытии в Триполитанию в конце февраля немецких танковых частей. А обеспокоиться следовало. В последний день марта Роммель с одной немецкой танковой дивизией и двумя итальянскими, в том числе одной бронетанковой, внезапно перешел в наступление в Киренаике. За двенадцать дней он вновь овладел всей провинцией, заблокировал Тобрук и вышел к Бардии, всего в нескольких милях от египетской границы. Снова возникла угроза английским позициям в Египте и в районе Суэца; по существу с появлением немцев и итальянцев в Греции положение англичан в восточной части Средиземноморья стало угрожающим.

Вторая военная весна принесла новые поразительные победы Германии и новые затруднения Англии, которая теперь отбивалась в одиночестве; дома она подвергалась непрерывным ночным налетам немецких бомбардировщиков, а на заморских территориях ее

---

[93] 12 апреля 1941 года, через шесть дней после нападения, Гитлер издал секретную директиву, согласно которой разделил Югославию между Германией, Италией, Венгрией и Болгарией. Хорватия должна была превратиться в автономное марионеточное государство. Фюрер забрал себе все территории, прилегающие к Австрии, и оккупировал всю Сербию, а также районы, где находились медные и угольные рудники. Доля Италии не была четко определена в директиве, и теперь ей достались весьма скудные трофеи. — Прим. авт.

армии были изгнаны из Греции и Киренаики, и общее положение казалось более мрачным и более безнадежным, чем когда–либо. Престиж Англии, когда пропаганда стала могущественным оружием, особенно в деле оказания воздействия на Соединенные Штаты и Россию, упал еще ниже[94].

Гитлер не упустил случая воспользоваться благоприятной обстановкой на фронтах и в своей хвалебной речи в рейхстаге 4 мая основное внимание уделил саркастическим нападкам лично на Черчилля как на подстрекателя (разумеется, вместе с евреями) войны, главного виновника поражения англичан.

«Он самый кровожадный в истории стратег дилетантского уровня. Ибо свыше пяти лет этот человек носился по Европе, точно безумный, в поисках чего–либо, что можно поджечь… Если назвать его солдатом, то он никудышний политик, если назвать его политиком, то он — скверный солдат. Дар, которым он обладает, — это умение лгать при благочестивом выражении лица, умение искажать правду до тех пор, пока наиболее тяжелые поражения не будут представлены им как славные победы… Черчилль, являясь одним из наиболее безнадежных дилетантов в стратегии, умудрился (в Югославии и Греции) проиграть на двух театрах войны от одного удара. В любой другой стране его отдали бы под суд… Его безумие можно объяснить лишь как проявление паралитической болезни или как бред алкоголика…»

Что касается переворота в Югославии, который вызвал у него такую ярость, то тут он и не пытался скрывать своих истинных настроений:

«Мы все были поражены этим переворотом, осуществленным кучкой подкупленных заговорщиков. Поймите, господа, когда я услышал об этом, то сразу отдал приказ о нападении на Югославию. Обращаться с германским рейхом таким способом непозволительно».

Высказывая бахвальство в связи с победами, достигнутыми весной, в особенности над англичанами, Гитлер не осознавал в полной мере, каким тяжелым ударом оказались они для Англии и в какое отчаянное положение попала Британская империя. В тот самый день, когда Гитлер выступал» в рейхстаге, Черчилль писал письмо президенту Рузвельту о серьезных последствиях потери Египта и Ближнего Востока, умоляя Америку вступить в войну. Премьер–министр пребывал в самом мрачном настроении за всю войну.

«Я умоляю Вас, мистер президент, — писал он, — взвешенно оценить всю серьезность последствий, к которым может привести крах на Ближнем Востоке».

Командование немецкого флота требовало от фюрера максимально использовать сложившуюся ситуацию. Положение дел у держав оси еще более улучшилось после того, как вновь назначенный премьер–министр Ирака Рашид Али, известный своими прогерманскими настроениями, подверг осаде английскую авиабазу Хаббания, расположенную недалеко от Багдада, и обратился к Гитлеру за помощью, дабы изгнать англичан из страны. После захвата острова Крит адмирал Редер, который всегда относился к «Барбароссе» без энтузиазма, обратился 30 мая к Гитлеру с предложением подготовить решающее наступление на Египет

---

[94] Чарлз Линдберг, известный летчик, который, по мнению автора, по своей наивности поверил пропагандистскому хвастовству немцев во время своего посещения нацистской Германии, в своих выступлениях перед различными аудиториями в Америке уже предрекал Англии поражение. 23 апреля 1941 года после победы нацистов на Балканах и в Северной Африке, обращаясь к 30–тысячной толпе в Нью–Йорке на первом массовом митинге только что созданного комитета «Америка прежде всего», Линдберг говорил: «У английского правительства отчаянный план… убедить нас отправить снова американские экспедиционные силы в Европу и разделить с Англией военное и финансовое фиаско…» Он осудил Англию за ее подстрекательство малых государств Европы к безнадежной борьбе против превосходящих сил противника. Очевидно, ему и в голову не приходило, что Югославия и Греция, только что разгромленные Гитлером, подверглись нападению без какого–либо повода с их стороны и что они пытались защищаться, так как не утратили чести и мужества, несмотря на безнадежность своей борьбы. 28 апреля Линдберг, полковник резерва армейской авиации, после того как президент Рузвельт 25–го публично заклеймил его как пораженца и умиротворителя, подал в отставку. Военный министр его отставку принял. — Прим. авт.

и Суэц, и Роммель, горевший желанием продолжить с получением подкреплений свое наступление, направил фюреру аналогичную просьбу из Северной Африки. «Этот удар, — объяснял Редер фюреру, — окажется для Британской империи более жестоким, чем захват Лондона». Через неделю адмирал вручил Гитлеру меморандум, подготовленный оперативным отделом штаба ВМС, в котором предупреждал, что осуществление плана «Барбаросса» — естественно, первостепенная задача руководства ОКБ — не должно ни при каких обстоятельствах повлиять на отказ от ведения войны на Средиземноморье или на его отсрочку.

Но фюрер уже принял решение, а по существу, он не менял его с рождественских праздников, когда провозгласил план «Барбаросса» и заявил адмиралу Редеру, что Россия должна быть уничтожена в первую очередь. Его мышление, ориентированное на ведение войны на суше, было просто не в состоянии охватить более широкую стратегию, проповедуемую военно–морскими силами. Еще до того, как Редер и штаб ВМС обратились к нему, Гитлер 25 мая издал Директиву №30, предусматривавшую отправку в Багдад военной миссии, нескольких самолетов и вооружения в помощь Ираку. «…Я решил, — заявил он, — способствовать развитию событий на Среднем Востоке путем поддержки Ирака». Он ограничился этим недостаточным шагом. Что касается более крупной и смелой стратегии, в поддержку которой выступали адмиралы и Роммель, он заметил:

«Лишь после осуществления операции «Барбаросса» решится, будут ли и каким образом окончательно ликвидированы — во взаимодействии с наступлением на Суэцкий канал — английские позиции между Средиземным морем и Персидским заливом».

Уничтожение Советского Союза является первоочередной задачей; все остальное может подождать. Это, как стало теперь очевидно, явилось крупнейшей ошибкой. В конце мая 1941 года Гитлер, используя только часть своих сил, мог нанести сокрушительный, вероятно, даже роковой удар по Британской империи. Никто не понимал этого лучше, чем оказавшийся в тяжелейшем положении под давлением обстоятельств Черчилль.

В письме президенту Рузвельту от 4 мая он признавал, что если Египет и Ближний Восток будут потеряны, то продолжение войны «превратится в трудную, долгую и мрачную проблему», даже при условии вступления в конфликт Соединенных Штатов. Но Гитлер этого не понял. Его слепота тем более непостижима, поскольку балканская кампания задержала операцию «Барбаросса» на несколько недель, поставив ее тем самым под угрозу. Захват России теперь предстояло осуществить в более короткие сроки, чем первоначально планировалось. Ибо существовал непреодолимый рубеж — русская зима, из–за которой потерпели поражение Карл XII и Наполеон. У немцев оставалось только шесть месяцев до наступления зимы для захвата огромной страны, которую еще никогда не завоевывали с запада. И хотя наступил уже июнь, огромную армию, дислоцированную на юго–востоке — в Югославии и Греции, еще предстояло перебросить к советским границам по разбитым дорогам, не соответствовавшим объему и темпам планируемых перевозок. Эта задержка, как обнаружилось впоследствии, оказалась роковой. Апологеты военного гения Гитлера утверждают, что балканская кампания не вызвала ощутимых изменений в графике осуществления плана «Барбаросса» и что перенос срока был вызван главным образом поздней оттепелью, из–за чего дороги Восточной Европы оставались месивом грязи вплоть до середины июня. Однако свидетельские показания основных представителей немецкого генералитета говорят о другом. Фельдмаршал Фридрих Паулюс, имя которого будет впредь ассоциироваться со Сталинградом и который в то время являлся главным разработчиком плана русской кампании в генеральном штабе сухопутных войск, показал на Нюрнбергском процессе, что решение Гитлера напасть на Югославию отодвинуло начало «Барбароссы» примерно на пять недель. Из боевого журнала ВМС явствует то же самое. Фельдмаршал фон Рундштедт, командовавший в России группой армий «Юг», говорил на допросе после войны, что из–за балканской кампании к осуществлению плана «Барбаросса» приступили «по меньшей мере на четыре недели позднее». «Эта задержка, — добавил он, — обошлась очень дорого».

Во всяком случае, 30 апреля, когда его армии завершили захват Югославии и Греции, Гитлер назначил новую дату начала операции «Барбаросса» — 22 июня 1941 года.

Запланированный террор

Гитлер требовал при захвате России отказаться от какой–либо сдержанности и настаивал, чтобы генералы хорошо это уяснили. В начале марта 1941 года он собрал начальников трех видов вооруженных сил и командующих ключевых армий и изложил им свои требования. Гальдер записал его выступление.

«Война против России такова, — сказал Гитлер, — что ее не следует вести по законам рыцарства. Это прежде всего борьба идеологий и рас, поэтому ее необходимо вести с беспрецедентной, неумолимой жестокостью. Все офицеры должны освободиться от устаревших взглядов. Я знаю, что такие методы ведения войны вне вашего понимания, господа генералы, но… я решительно настаиваю, чтобы мои приказы выполнялись беспрекословно. Комиссары являются носителями идеологии, прямо противоположной национал–социализму, поэтому их необходимо ликвидировать. Немецких солдат, виновных в нарушении международного закона… оправдают. Россия не участвует в Гаагской конвенции, поэтому на нее положения конвенции не распространяются».

Это был так называемый «приказ о комиссарах», который на Нюрнбергском процессе вызвал большую дискуссию, когда перед немецкими генералами был поставлен вопрос морального порядка, предпочитали ли они повиноваться приказам фюрера и совершать военные преступления или повиноваться велению своей совести[95].

Согласно утверждениям Гальдера, высказанным позднее, генералы были возмущены таким приказом, и едва закончилось совещание, как они выразили протест главнокомандующему сухопутными войсками Браухичу. Этот бесхребетный фельдмаршал, «соломенное чучело», как назвал его однажды Гитлер, пообещал бороться против этого приказа в том виде, в каком он был изложен. Позднее, как клянется Гальдер, Браухич информировал в письменной форме ОКБ, что офицеры армии «не смогут выполнять подобные приказы». Но так ли все было?

В своих свидетельских показаниях, данных в ходе прямого допроса в Нюрнберге, Браухич признал, что шагов противоречащих воле Гитлера, он не предпринимал, потому что «ничто на свете не изменило бы отношения фюрера» к комиссарам. Как руководитель армии, говорил он трибуналу, он сделал единственное — отдал приказ по армии, гласивший, что «в армии должна строго соблюдаться дисциплина в соответствии с уставными требованиями, которые применялись в прошлом».

«Вы не отдавали никакого распоряжения, прямо касавшегося приказа о комиссарах? — спросил Браухича язвительный председатель трибунала Лоуренс.

«Нет, — отвечал он. — Я не мог впрямую отменить приказ». И в дальнейшем у старомодных армейских офицеров, приверженных прусским традициям, имелся повод для борьбы с собственной совестью в виде директив, изданных генералом Кейтелем 13 мая от имени фюрера. Главная из них ограничивала функции военно–полевых судов. Судопроизводству придавалась более примитивная форма законности.

Подлежащие наказанию проступки, совершенные гражданским населением врага (в

---

95 «Впервые я оказался вовлеченным в конфликт между моими убеждениями солдата и долгом повиноваться, — заявил фельдмаршал фон Манштейн на суде в Нюрнберге, когда вопрос коснулся «приказа о комиссарах». Фактически я вынужден был повиноваться, но я сказал самому себе, что, как солдат, видимо, не смогу участвовать в подобного рода делах. Тогда я сказал командующему группой армий, под началом которого находился, что не стану выполнять такого приказа, который противоречит чести солдата».

Чтобы не погрешить против истины, следует сказать, что приказ этот, конечно, выполнялся в широких масштабах. — Прим. авт.

России), впредь до особого указания не будут рассматриваться военно–полевыми судами.

Лица, заподозренные в преступных действиях, доставляются немедленно к офицеру. Этот офицер решает, следует ли задержанных расстрелять.

В отношении проступков, совершенных против вражеского гражданского населения военнослужащими вермахта, преследование не обязательно даже в тех случаях, когда проступок является одновременно и военным преступлением.

Армии предписывалось снисходительно относиться к таким проступкам, помня в каждом случае о том зле, которое большевики причиняли Германии с 1918 года. Предание военно–полевому суду немецких солдат будет оправдано только в том случае, если «поддержание дисциплины или безопасности войск требует такой меры». Однако, как говорилось в заключении директивы, «только те приговоры будут утверждены, которые соответствуют политическим намерениям высшего командования». С этой директивой следовало обращаться как с «особо секретной»[96].

Вторая директива, изданная Кейтелем от имени фюрера и датированная тем же числом, возлагала на Гиммлера выполнение «специальных» задач по подготовке к политическому управлению Россией — задач, как говорилось в директиве, «вытекающих из борьбы между двумя противоположными политическими системами».

Садист нацистской тайной полиции был уполномочен действовать «независимо» от армии «под свою ответственность». Генералам было хорошо известно, что последует за назначением Гиммлера, хотя они и отрицали это, оказавшись на скамье подсудимых в Нюрнберге. Далее в директиве говорилось, что оккупированные районы России, где Гиммлер приступит к работе, необходимо закрыть. Туда не разрешался въезд даже высшим представителям правительства и партии, если бы они вознамерились взглянуть на происходящее. Та же директива возлагала на Геринга «эксплуатацию страны и использование ее экономических возможностей в интересах германской промышленности». Между прочим, этим приказом Гитлер объявлял, что, как только закончатся военные действия, «Россия будет расчленена на отдельные государства со своими правительствами».

Как это сделать — предстояло разработать Альфреду Розенбергу, официальному ведущему нацистскому идеологу, который являлся, как мы уже убедились, одним из наставников Гитлера во времена Мюнхена. 20 апреля фюрер назначил его «специальным уполномоченным по делам восточноевропейского региона», и этот нацистский олух, страдавший поистине «гениальным» непониманием истории, даже истории России, где он родился и получил образование, немедленно приступил к возведению воздушных замков на некогда родной почве. Многотомный архив Розенберга был захвачен в целости и сохранности; подобно его книгам, это мрачное чтиво, но оно не должно помешать настоящему повествованию, хотя время от времени к нему придется обращаться, так как именно здесь раскрываются многие планы Гитлера в отношении России.

К маю Розенберг набросал первый черновой вариант устройства территорий, что обещало стать крупнейшим историческим завоеванием немцев. Начать с того, что европейскую часть России предполагалось разделить на так называемые рейхскомиссариаты.

---

[96] 27 июня 1941 года Кейтель приказал уничтожить все копии директивы от 13 мая, касавшейся полевых судов, хотя «законность директивы не отменяется с уничтожением ее копий», как указывалось в приказе. Приказ от 27 июля, добавлял он, «также будет уничтожен». Однако копии и того и другого приказа всплыли на Нюрнбергском процессе — они были предъявлены в качестве документов обвинения верховному командованию.

За четыре дня до этого, 23 июля, Кейтель издал еще один приказ под грифом «совершенно секретно».

июля, приняв командующего армией (Браухича), фюрер издал следующий приказ «Ввиду огромной территории оккупированных районов на Востоке войск, имеющихся в наличии для обеспечения безопасности, окажется достаточно только в том случае, если всякое сопротивление будет наказуемо не только через юридическую систему уголовного преследования, но и посредством распространения оккупационными войсками такого террора, какой потребуется для искоренения любых попыток сопротивления среди гражданского населения». Прим авт.

Русская часть Польши должна была стать германским протекторатом под названием «Остланд», Украина — «независимым государством, союзным Германии», Кавказ с его нефтяными запасами попадал в управление к немецкому «полномочному представителю», а три Прибалтийских государства и Белоруссия — в германский протекторат, подготовляемый для прямого присоединения к германскому рейху. Это необходимо, как пояснил Розенберг в одном из бесконечных меморандумов, которыми он забросал Гитлера и его генералов, чтобы пролить свет «на исторические и расовые предпосылки» решений, которые завершатся германизацией пригодных в расовом отношении к ассимиляции прибалтов и выселением «нежелательных элементов». Следует предусмотреть выселение в масштабах из Латвии и Эстонии, предупреждал Розенберг. На место изгнанных прибудут немцы, предпочтительно ветераны войны. В соответствии с планами Розенберга «Балтийское море должно стать немецким внутренним морем».

За два дня до начала войны Розенберг обратился к своим ближайшим сотрудникам, которым предстояло взять на себя управление Россией.

«Задача кормить немецкий народ стоит первой в списке наших задач на Востоке, — объяснял присутствующим Розенберг. — Южные (русские) территории будут… кормить немецкий народ.

Мы не видим абсолютно никакого смысла кормить русский народ избытком продукции, добытой на этих территориях. Мы знаем, что это суровая необходимость… Русских ждут впереди очень тяжелые годы».

Действительно, очень тяжелые годы, поскольку немцы преднамеренно планировали уморить голодом миллионы русских!

Геринг, которого поставили во главе организации экономического ограбления Советского Союза, внес в этот вопрос еще большую ясность, чем Розенберг. В пространной директиве от 23 мая 1941 года его экономический штаб «Восток» установил, что излишки продовольствия, получаемые в русской черноземной полосе на юге, не должны выделяться для населения индустриальных районов, где промышленность в любом случае будет разрушена. Рабочие и их семьи в этих регионах будут обречены на голодную смерть или, если смогут, эмигрируют в Сибирь. Огромные массы русского продовольствия пойдут в Германию.

«Немецкая администрация на этих территориях, — говорилось в директиве, — может попытаться смягчить последствия голода, который несомненно будет иметь место и ускорит возврат примитивного ведения сельского хозяйства. Однако эти меры голода не предотвратят. Любая попытка спасти местное население от голодной смерти повлечет ввоз излишков продукции из черноземной зоны и уменьшение поставок в Европу. Это в свою очередь будет ослаблять военную мощь Германии и подрывать способность Германии и Европы выдержать блокаду. Следует уяснить это со всей отчетливостью».

Сколько русского населения погибнет в результате этой преднамеренно спланированной политики Германии? На совещании статс–секретарей 2 марта был дан ответ на этот вопрос. «Нет никакого сомнения, — говорилось в секретном меморандуме совещания, — что в результате многие миллионы людей умрут голодной смертью, если мы изымем из страны все то, что необходимо нам». И Геринг подтвердил слова Розенберга о том, что все будет изъято и что «следует уяснить это со всей отчетливостью».

Выступил ли хотя бы один из немцев с протестом против этой запланированной жестокости, этой хорошо продуманной системы уничтожения миллионов посредством голодной смерти? В немецких документах, касающихся этих директив по грабежу России, не содержится упоминаний о чьих–либо возражениях, подобных возражениям некоторых генералов против «приказа о комиссарах». Эти планы являлись не просто проявлением дикой и злобной фантазии извращенного ума и души людей, подобных Гитлеру, Герингу, Гиммлеру и Розенбергу. Как явствует из официальных документов, на протяжении недель и месяцев немецкие чиновники, сидя за своими рабочими столами и нежась в лучах ласкового весеннего солнца, складывали цифры и составляли памятные записки, в которых

хладнокровно планировали смерть ни в чем не повинных миллионов людей, в данном случае — посредством голодной смерти. А бывший фермер и специалист по производству цыплят Генрих Гиммлер, с мягкими чертами лица, в это же время сидел за столом в своей штаб–квартире СС в Берлине и сквозь пенсне внимательно рассматривал планы уничтожения новых миллионов более быстрым и варварским способом.

Удовлетворившись результатами работы миллионов немцев, как военных, так и гражданских, по составлению планов нападения на Советский Союз, его уничтожения, эксплуатации и массового убийства его граждан, Гитлер 30 апреля назначил дату нападения — 22 июня и 4 мая выступил с победной речью в рейхстаге, а затем отбыл в свою любимую резиденцию Бергхоф, чтобы наслаждаться видом Альпийских гор, их заснеженных вершин и думать о следующем, самом крупном своем завоевании, услышав о котором, как заявил он генералам, мир затаит дыхание.

Именно здесь в ночь на 10 мая 1941 года он получил неожиданное и весьма странное известие, которое потрясло его до глубины души и вынудило на некоторое время отключиться от военных забот. Самое доверенное лицо фюрера, его заместитель по партии, второй после Геринга преемник, человек, с 1921 года слывший преданнейшим и фанатичным последователем, а после убийства Рема и ближайшим другом, воспользовавшись самолетом, покинул страну, чтобы по собственной инициативе вступить в переговоры с противником!

Полет Рудольфа Гесса

Первое сообщение, поступившее поздно вечером 10 мая, о том, что Рудольф Гесс на истребителе «Мессершмитт–110» улетел в Шотландию, поразило Гитлера, по воспоминаниям доктора

Шмидта, точно взрыв бомбы в Бергхофе. Генерал Кейтель застал фюрера лихорадочно ходившим взад–вперед по просторному кабинету. Он стучал пальцем себе по лбу и бормотал, что Гесс, должно быть, сошел с ума. «Мне необходимо немедленно переговорить с Герингом», — кричал Гитлер. На следующее утро состоялся бурный разговор с Герингом и партийными гаулейтерами, пока они пытались найти подходящее для немецкого народа и мировой общественности объяснение этому из ряда вон выходящему событию. Положение осложнялось, как показал на суде Кейтель, тем, что англичане некоторое время молчали о нежданном визитере, и Гитлер, и его сообщники надеялись, что у Гесса кончилось горючее и его самолет упал в холодные воды Северного моря и затонул.

Первую информацию фюрер почерпнул из несколько сумбурного письма Гесса, доставленного курьером через несколько часов после его вылета (в 17.45 10 мая) из Аугсбурга. «Я не узнаю его в этом письме. Это совсем другой человек. Что–то с ним, должно быть, случилось — какое–нибудь психическое расстройство», — говорил Гитлер Кейтелю. Однако у фюрера уже родились подозрения. Был отдан приказ об аресте Мессершмитта и многих лиц из канцелярии Гесса.

Если Гитлера озадачил внезапный отлет Гесса, то Черчилля не меньше озадачил его неожиданный прилет[97]. Сталин отнесся к этому крайне подозрительно. На протяжении всей войны странный инцидент оставался загадкой, и только на Нюрнбергском процессе, где Гесс выступал в роли обвиняемого, в этот вопрос была внесена ясность.

Гесс, с его всегдашней путаницей в мыслях, хотя и не столь ограниченный, как Розенберг, вылетел в Англию по собственной инициативе, будучи убежден, что ему удастся добиться мирного урегулирования. Какой бы иллюзорной ни представлялась его затея, он искренне верил в нее — в этом не приходится сомневаться. В 1936 году, во время

---

[97] Черчилль подробно описал, как он воспринял эту новость в тот субботний вечер и как вначале подумал, что это слишком фантастично, чтобы быть правдой (Черчилль У. Большой альянс, с. 50–55). Прим. авт.

Олимпийских игр в Берлине, он встречался с герцогом Гамильтоном, и теперь он покинул свой «мессершмитт» и спустился на землю с парашютом в 20 милях от дома герцога в Шотландии настолько хорошо владел Гесс навигационным искусством, — а затем попросил первого встречного крестьянина доставить его к лорду. Случилось так, что Гамильтон, командир авиакрыла королевских военно–воздушных сил, в тот субботний вечер находился на дежурстве в помещении радиолокационного наблюдательного поста и именно в его секторе засекли перелет «мессершмитта» через прибрежную зону. Примерно через час, около 10 вечера, ему доложили, что самолет упал и сгорел, а пилот спустился на парашюте и назвался Альфредом Горном. Он утверждал, что прилетел «с особой миссией» встретиться с лордом Гамильтоном. Встреча была подготовлена английскими властями на следующее утро.

Гесс объяснил герцогу, что явился с миссией мира, что фюрер не желает поражения Англии и согласен прекратить борьбу. Тот факт, что до Англии ему удалось добраться с четвертой попытки — все три предыдущих раза он был вынужден возвращаться из–за плохой погоды — и что является членом кабинета министров рейха, по мнению Гесса, доказывал «его искренность и стремление к миру Германии». В ходе этой беседы и всех последующих Гесс не переставал утверждать, что Германия выиграет войну, что если она будет продолжаться, то англичане окажутся в ужасном положении. Поэтому он предлагал воспользоваться его пребыванием в Англии и начать переговоры о мире. Нацистский фанатик был настолько уверен, что англичане сядут с ним за стол переговоров, что советовал герцогу испросить у короля разрешение освободить его под честное слово, поскольку он явился без оружия и по собственной воле. Позднее он потребовал, чтобы с ним обращались с должным уважением как с членом кабинета министров.

В дальнейшем переговоры с Гессом, за исключением одного случая, вел Айвон Киркпатрик, бывший первый секретарь английского посольства в Берлине, конфиденциальные доклады которого позднее были предъявлены на Нюрнбергском процессе. Этому умудренному опытом специалисту по нацистской Германии Гесс, точно попугай, повторял объяснения Гитлера по поводу всех нацистских агрессий от Австрии до Скандинавии и Нидерландов и, еще раз подтвердив, что Англия ответственна за войну и конечно проиграет ее, если не покончит с ней теперь же, выдвинул условия для заключения мира. Это были те же самые условия, которые Гитлер безуспешно выдвигал Чемберлену накануне нападения на Польшу: Англия должна предоставить Германии полную свободу действий в Европе, а Германия за это предоставит ей свободу действий в пределах Британской империи. Бывшие немецкие колонии, разумеется, должны быть возвращены Германии, а Англия заключит мир с Италией.

«Наконец, когда мы покидали помещение, — докладывал Киркпатрик, — Гесс выпалил последнее условие. Он, по его словам, забыл подчеркнуть, что предложение о мире может быть рассмотрено при условии, если Германия будет вести переговоры с другим английским правительством, а не с нынешним. Господин Черчилль, планировавший с 1936 года эту войну, и его коллеги, подержавшие эту политику войны, не те люди, с которыми фюрер пойдет на переговоры».

Для немца, выдвинувшегося на видный пост внутри нацистской партии, живущей по законам джунглей, а затем и в третьем рейхе, Рудольф Гесс был необыкновенно наивным человеком. Это могут подтвердить все, кто его близко знал. Он ожидал, что его сразу же воспримут как серьезного представителя и пойдут с ним на переговоры, если не Черчилль, то руководители оппозиционной партии, одним из которых он считал герцога Гамильтона. Когда его контакты с английскими официальными лицами сузились до Киркпатрика, он сделался агрессивным и перешел к угрозам. В ходе беседы 14 мая он нарисовал скептически настроенному дипломату картину ужасающих последствий, ожидающих Англию, если она будет продолжать войну. Уже вскоре будет осуществлена полная блокада Британских островов.

Абсурдно думать, что в Англии согласны на капитуляцию, пересказывал Киркпатрик

слова Гесса, и что войну можно будет вести с территории имперских колоний. В таком случае в намерения Гитлера входило продолжать блокаду Англии… «Чтобы мы стали свидетелями запланированной голодной смерти населения островов».

Гесс настаивал, чтобы беседы, которых он добился с таким риском, были сразу же переведены в плоскость мирных переговоров. Его собственный полет, как объяснял он Киркпатрику, был рассчитан на то, чтобы предоставить англичанам шанс начать переговоры без ущерба для их престижа. Если они отвергнут этот шанс, это будет воспринято как нежелание установить взаимопонимание с Германией и Гитлер будет вынужден — по существу, это его долг — разгромить Англию окончательно и держать ее после войны в постоянном подчинении. Гесс настаивал на том, чтобы ограничить число участников переговоров. Будучи рейхсминистром, он не хотел поставить себя в положение человека, вынужденного выслушивать вопросы и комментарии.

На этой забавной ноте завершились беседы Киркпатрика с Гессом. Однако 10 июня неожиданно, по утверждению Черчилля, британский кабинет попросил лорда Саймона побеседовать с Гессом. Согласно уверениям адвоката Гесса на Нюрнбергском процессе, Саймон обещал Гессу довести его мирные условия до сведения английского правительства[98].

Мотивы Гесса были очевидны. Он искренне желал мира с Англией. У него не было и тени сомнения, что Германия выиграет войну и разгромит Соединенное Королевство, если не будет немедленно заключен мир. Имелись, конечно, и другие мотивы. Война поколебала его положение в рейхе. В условиях войны должность заместителя фюрера по партии казалась малоинтересной и уже не столь важной. Первостепенными в Германии теперь считались вопросы руководства войной и деятельность, связанная с внешней политикой. Это были те вопросы, которые привлекали внимание фюрера, исключая почти все остальное, и выводили на авансцену Геринга, Риббентропа, Гиммлера, Геббельса и генералов. Гесс испытывал чувство подавленности и зависть. Чтобы восстановить свое прежнее положение в глазах любимого вождя и всей страны, необходимо было предпринять смелый и эффективный шаг и единолично заключить мир между Германией и Англией. Наконец, подобно многим из высокопоставленных нацистских заправил, в том числе и самому фюреру и Гиммлеру, заместитель фюрера с нависшими бровями верил предсказаниям астрологов. В Нюрнберге он признался американскому тюремному психиатру Дугласу М. Келли, что в конце 1940 года один из его астрологов предсказал по звездам, что ему суждено принести мир на землю. Гесс рассказал также, что его наставник, профессор Гаусгофер, мюнхенский геополитик, видел во сне, как, шагая по коврам английского замка, он нес мир двум великим «нордическим» народам. Эта бредовая идея несомненно до некоторой степени стимулировала Гесса, так и не избавившегося от инфантильности, предпринять столь фантастическую миссию в Англию.

На Нюрнбергском процессе один из английских обвинителей выдвинул еще одну причину предпринятого Гессом полета: он вылетел в Англию для заключения мирного соглашения с Германией, чтобы, напав на Советский Союз, она могла вести войну на одном фронте. Обвинитель от России заявил трибуналу, что он в этом уверен. В этом был уверен и Сталин, подозрения которого в столь критическое время усилились не в отношении Германии, хотя именно там готовилось нападение на Советский Союз, а в отношении Англии. Появление Гесса в Шотландии убедило Сталина в том, что где–то там в большой тайне Черчилль сговаривается с Гитлером, намереваясь предоставить Германии такую же свободу для нанесения удара по Советскому Союзу, какая была предоставлена Германии, чтобы она смогла напасть на Польшу и на Запад. Когда спустя три года английский премьер–министр во время визита в Москву пытался рассказать Сталину всю правду, советский лидер просто не поверил ему. Из протоколов допросов, проведенных

---

[98] На суде в Нюрнберге Гесс говорил, что лорд Саймон представился ему как «доктор Гутри» и заявил: «Я пришел по поручению правительства и готов обсудить с вами все, что вы сочтете целесообразным, и довести до английского правительства». — Прим авт.

Киркпатриком, который пробовал выяснить у нацистского лидера намерения Гитлера в отношении России, очевидно, либо Гесс вовсе не знал о плане «Барбаросса», либо не знал, что вот–вот начнется его осуществление.

За всю свою жизнь Гитлер никогда не попадал в такое неловкое положение, как после внезапного вылета Гесса. Он понимал, что его ближайший сподвижник нанес жестокий урон престижу режима. Как объяснить его поступок немецкому народу да и внешнему миру? Допрос арестованных из окружения Гесса убедил фюрера, что выходка верного помощника — не является результатом нелояльного отношения к нему, тем более результатом заговора, и утвердился во мнении, что он просто рехнулся. После того как англичане подтвердили прилет Гесса, в Бергхофе решили дать именно такое объяснение поступка Гесса. Вскоре немецкая пресса послушно опубликовала краткое сообщение, что эта некогда выдающаяся звезда национал–социализма превратилась в «безумного идеалиста, страдающего галлюцинациями в результате ранений, полученных в первую мировую войну».

«Как теперь представляется, — говорилось в официальном сообщении, партайгеноссе Гесс жил в состоянии галлюцинации, в результате чего он решил, что сможет добиться взаимопонимания между Англией и Германией… Однако это никоим образом не повлияет на продолжение войны, навязанной немецкому народу».

В частном порядке Гитлер отдал приказ застрелить Гесса на месте, если тот вернется[99], а официально лишил его всех постов и рангов и назначил на его место фигуру еще более зловещую — Мартина Бормана, потворствовавшего всем его начинаниям. Фюрер надеялся, что этот странный эпизод уже вскоре будет позабыт; его мысли вернулись к проблемам, связанным с подготовкой нападения на Россию, до которого оставалось совсем немного времени.

Трудности Кремля

Вопреки очевидным намерениям Гитлера — наращивание германских войск в Восточной Польше, присутствие миллиона нацистских войск на Балканах, захват вермахтом Югославии и Греции, оккупация Румынии, Болгарии и Венгрии обитатели Кремля, и прежде всего Сталин, непреклонные реалисты, какими они слыли и какими были на самом деле, слепо верили, что России все же удастся избежать ярости нацистского диктатора. Обладая их подозрительностью и являясь очевидцами событий, происходивших в Юго–Восточной Европе, было просто невозможно не возмущаться действиями Гитлера. И тем не менее было что–то нереальное, почти невероятное, совершенно гротескное в дипломатическом обмене между Москвой и Берлином в эти весенние дни (что исчерпывающе зафиксировано в захваченных нацистских архивных документах), из которого явствует, что немцы неуклюже стремились водить за нос Кремль до самого последнего момента, а советские лидеры, очевидно, были не в состоянии в полной мере оценить обстановку и своевременно отреагировать на происходящее.

Хотя Советы и протестовали несколько раз против ввода немецких войск в Румынию и Болгарию, а затем против нападения на Югославию и Грецию, усматривая в этом нарушение

---

[99] На Нюрнбергском процессе Гесс выглядел жалким, надломленным и некоторое время прикидывался полностью потерявшим память (у него действительно находили легкое умопомрачение). Избежав смертного приговора благодаря обнаруженному коллапсу, он был осужден на пожизненное заключение. Я подробно писал о нем в своем труде «Конец берлинского дневника».

Англичане обращались с ним как с военнопленным и освободили его в октябре 1945 года, с тем чтобы он предстал перед судом в Нюрнберге. Во время пребывания в плену в Англии он постоянно возмущался, что на него не распространяют дипломатические привилегии; его психическое состояние стало ухудшаться, временами он впадал в состояние амнезии. Доктору Келли он говорил, что, находясь в заключении, дважды пытался покончить с собой. По его словам, он пришел к убеждению, что англичане пытаются отравить его. Прим. авт.

условий нацистско–советского пакта и угрозу русским «интересам безопасности», они продолжали умиротворять Берлин. Сталин лично проводил эту линию. 13 апреля 1941 года посол фон Шуленбург передал в Берлин любопытное донесение, в котором описывал, как при отъезде из Москвы японского министра иностранных дел Есукэ Мацуоки Сталин сделал «намеренно дружественный жест» не только по отношению к японцу, но и по отношению к немцам.

«Сталин открыто подозвал меня, — телеграфировал Шуленбург, — и, положив руку мне на плечо, сказал: «Мы должны оставаться друзьями и вы обязаны сделать все для этого!» Спустя некоторое время он обернулся к исполнявшему обязанности военного атташе полковнику Кребсу и, удостоверившись, что он действительно немец, сказал ему: «Мы с вами останемся верными друзьями и в беде, и в радости!»

Через три дня немецкий поверенный в делах в Москве Типпельскирх телеграфировал в Берлин, что демонстрация на вокзале подтвердила дружественное отношение Сталина к Германии и что это особенно важно «ввиду упорно циркулирующих слухов о предстоящем конфликте между Германией и Советским Союзом». Днем раньше Типпельскирх информировал Берлин, что Кремль после длившихся в течение долгих месяцев ожесточенных споров безоговорочно принял немецкие предложения по урегулированию границы между двумя странами от реки Игорка до Балтийского моря. «Уступчивость Советского правительства весьма примечательна», — писал он. В свете того, что готовилось Берлином, такая уступчивость действительно была примечательна.

Советское правительство проявляло уступчивость и в вопросах снабжения стратегическим сырьем Германии, зажатой английской блокадой. 5 апреля 1941 года Шнурре, который вел торговые переговоры с Москвой, торжествующе докладывал своим нацистским хозяевам, что после задержки русских поставок в январе и феврале 1941 года ввиду «охлаждения политических отношений» они «стремительно увеличились в марте, особенно поставки зерна, нефти, марганцевой руды, цветных и драгоценных металлов».

«Транзит через Сибирь, — добавил он, — осуществляется, как всегда, успешно. По нашей просьбе Советское правительство даже выделило в наше распоряжение специальный товарный состав для перевозки каучука от Манчжурской границы».

Через шесть недель, 15 мая, Шнурре докладывал, что русские выделили несколько специальных товарных составов, с тем чтобы 4 тысячи тонн остро необходимого натурального каучука были доставлены в Германию по Транссибирской магистрали.

«Русские пунктуально поставляют то количество сырья, которое оговорено контрактом, несмотря на то, что это ложится на них тяжелым бременем… У меня сложилось впечатление, что мы можем предъявить Москве такие экономические требования, которые выходят за рамки торгового соглашения от 10 января, требования, рассчитанные на обеспечение немецких потребностей в продовольствии и сырье в размерах, превышающих контракт».

Немецкие поставки машин и оборудования России отставали от установленных сроков, но Шнурре, по–видимому, это не беспокоило, раз сами русские не тревожились. Однако 15 мая его взволновало другое. «Возникают большие затруднения, — жаловался он, — из–за бесчисленных слухов о предстоящем конфликте между Германией и Россией». Вину за эти слухи он возлагал на немецкие официальные источники. В обстоятельном меморандуме министерству иностранных дел Шнурре объяснял, что затруднения проистекают не от русских, а от немецких промышленных фирм, которые пытаются разорвать контракт с русскими.

Здесь следует отметить, что Гитлер делал все возможное, чтобы опровергнуть эти слухи, но одновременно упорно убеждал своих генералов и высших чиновников, что угроза нападения на Германию со стороны России нарастает. Несмотря на то что генералы по данным военной разведки знали, что это не так, гипнотическое влияние Гитлера на них было настолько сильно, что даже после войны Гальдер, Браухич, Манштейн и другие (но не Паулюс, который, очевидно, был более честен) утверждали, будто концентрация советских войск на польской границе к началу лета приобрела угрожающий характер.

Граф фон Шуленбург, прибывший из Москвы в краткосрочный отпуск в Берлин, встретился с Гитлером 28 апреля и пытался убедить его в миролюбивых намерениях России. «Россия очень встревожена слухами о предстоящем нападении на нее Германии, — объяснял он Гитлеру. — Не могу поверить, что Россия собирается напасть на Германию. Если Сталин не мог идти вместе с Англией и Францией в 1939 году, когда эти две страны были еще сильны, то сегодня, когда Франция разгромлена, а Англия жестоко побита, он тем более не примет такого решения. Наоборот, я убежден, что Сталин готов идти нам на дальнейшие уступки».

Фюрер изобразил притворный скептицизм. Он заявил, что воспринимает события в Сербии как предостережение. «Какой дьявол вселился в русских, когда они заключали пакт о дружбе с Югославией?»[100] — вопрошал фюрер. Он, правда, не верит, что «Россия способна напасть на Германию», тем не менее он обязан «проявлять осторожность». Гитлер ничего не сказал своему послу в Советском Союзе о планах, направленных против этой страны, и Шуленбург, честный и порядочный дипломат старой школы, оставался до конца в полном неведении относительно его планов.

Сталин тоже пребывал в неведении, несмотря на многочисленные предостережения и симптомы, указывающие на подлинные замыслы Гитлера. 22 апреля Советское правительство официально заявило протест по поводу 80 случаев нарушения границы немецкими самолетами, имевших место в период между 27 марта и 18 апреля, подробно описав каждый случай нарушения воздушного пространства. В одном случае в немецком разведывательном самолете, приземлившемся недалеко от Ровно 15 апреля, была обнаружена фотокамера с засвеченной пленкой и разорванная топографическая карта западных областей СССР, «которые со всей очевидностью говорят о целях экипажа этого самолета». Даже протестуя, русские вели себя более чем корректно. Пограничным войскам был отдан приказ, говорилось в ноте, «не открывать огня по немецким самолетам, летящим над советской территорией, пока эти полеты не участятся».

В начале мая Сталин предпринял новые шаги к примирению — в угоду Гитлеру он выпроводил из Москвы дипломатических представителей Бельгии, Норвегии, Греции и даже Югославии и закрыл их посольства. Он признал пронацистское правительство Рашида Али в Ираке. Советской прессе были даны строжайшие указания воздержаться от публикации таких материалов, которые могли бы спровоцировать Германию.

«Такая демонстрация намерений сталинского правительства, телеграфировал Шуленбург в Берлин 12 мая, — рассчитана… на ослабление напряженности между Советским Союзом и Германией и создание более благоприятной атмосферы на будущее. Мы должны помнить, что сам Сталин всегда выступал в поддержку дружественных отношений между Германией и Советским Союзом».

Хотя Сталин давно обладал абсолютной диктаторской властью в Советском Союзе, Шуленбург в этом донесении впервые употребил термин «сталинское правительство». Для этого у него имелись достаточные основания. 6 мая Сталин взял на себя полномочия Председателя Совета Народных Комиссаров, заменив на этом посту Молотова, который остался Народным комиссаром по иностранным делам. Впервые всемогущий секретарь Коммунистической партии взял на себя функции главы правительства, и мир воспринял это как признак того, что ситуация для Советского Союза настолько осложнилась, особенно его отношения с нацистской Германией, что с ней мог справиться только Сталин, будучи номинальным и фактическим главой правительства. Такая интерпретация событий была очевидна, но была и другая, не столь очевидная, о которой проницательный немецкий посол

---

[100] 5 апреля, за день до нападения Германии на Югославию, Советское правительство предприняло отчаянную попытку воспрепятствовать намерениям Гитлера — в срочном порядке заключило Договор о дружбе и ненападении с новым югославским правительством. Молотов информировал об этом Шуленбурга накануне нападения, и посол воскликнул, что момент для этого выбран очень неудачный, и безуспешно пытался уговорить русских по крайней мере отложить подписание договора. Прим. авт.

в Москве сразу же догадался и сообщил в Берлин.

Посол докладывал, что Сталин был недоволен ухудшением германо–советских отношений и вину за это в значительной мере возложил на Молотова, проводившего свою неуклюжую дипломатию.

«По моему мнению, — докладывал Шуленбург, — можно со всей определенностью утверждать, что Сталин поставил перед собой внешнеполитическую цель исключительной важности… которой он надеется достигнуть посредством личных усилий. Я твердо верю, что ввиду осложнений международной обстановки Сталин поставил перед собой цель уберечь Советский Союз от конфликта с Германией».

Неужели хитрый советский диктатор не понял к середине мая 1941 года, что это уже недостижимая цель, что, чтобы достигнуть поставленной цели, не оставалось уже ничего, кроме как капитулировать перед Гитлером? Наверняка он понимал, что означает захват Гитлером Югославии и Греции, концентрация огромных масс немецких войск у юго–восточных границ Советского Союза в Румынии и Венгрии, наращивание сил вермахта у восточной границы Польши. Да и слухи, упорно циркулировавшие в Москве, до него конечно доходили. К началу мая то, что Шуленбург назвал в донесении от 2 мая «слухами о неизбежном германо–советском военном столкновении», настолько распространилось по советской столице, что ему и его сотрудникам в немецком посольстве стало просто трудно с этим бороться.

«Пожалуйста, имейте в виду, — писал он в Берлин, — что попытки противодействовать этим слухам здесь, в Москве, неминуемо окажутся неэффективными, если такие слухи будут непрерывно поступать из Германии и если каждый приезжающий в Москву или проезжающий через нее, принося с собой эти слухи, сможет и подтвердить их, ссылаясь на конкретные факты».

Дипломат с большим опытом, Шуленберг и сам был охвачен подозрениями. Он получил указание из Берлина по–прежнему опровергать слухи и распространять версию, будто не только не наблюдается никакого сосредоточения немецких войск у русских границ, но и значительные силы (восемь дивизий, как ему было сообщено в порядке личной информации) перебрасываются с востока на запад. Вероятно, подобные инструкции лишь усиливали беспокойство посла, поскольку к этому времени пресса во всем мире начала трубить о наращивании немецких военных сил у советских границ.

Однако Сталин задолго до этого получил недвусмысленные предупреждения о планах Гитлера и, вероятно, не придал им значения. Наиболее серьезное предупреждение поступило от правительства Соединенных Штатов.

В начале января 1941 года американский торговый атташе в Берлине Сэм Е. Вудз направил в государственный департамент конфиденциальное донесение, в котором сообщал, что, как ему стало известно из заслуживающих доверия немецких источников, Гитлер планирует нападение на Россию весной этого года. Это было длинное и подробное донесение с изложением в общих чертах плана нападения, разработанного генеральным штабом (оно оказалось совершенно точным), и приготовлений к экономической эксплуатации Советского Союза после того, как страна будет завоевана[101].

---

[101] Корделл Хэлл раскрывает детали этого обстоятельства в своих мемуарах. У Вудза был друг из числа антинацистски настроенных немцев, который имел связи в высших эшелонах власти, Рейхсбанке и партии. Еще в августе 1940 года этот друг информировал Вудза о совещаниях в ставке Гитлера, на которых обсуждались планы нападения на Советский Союз. С тех пор этот источник держал Вудза в курсе приготовлений, которые велись как в генеральном штабе, так и в ведомствах, разрабатывавших планы экономического грабежа России. Во избежание разоблачений Вудз встречался со своим другом в различных кинотеатрах и в темноте получал от него краткие записи (см. Хэлл К. Мемуары).

Я покинул Берлин в декабре 1940 года. Джордж Кеннэн, блестящий американский дипломат, остававшийся в Берлине, утверждает, что посольство получало из различных источников информацию о предстоящем нападении на Россию. За две или три недели до нападения, по словам Кеннэна, американский консул в Кенигсберге сообщал точную дату нападения. — Прим. авт.

Государственный секретарь Корделл Хэлл сначала решил, что Вудз стал жертвой провокации немецкой агентуры. Он пригласил Эдгара Гувера. Шеф ФБР прочитал донесение и признал его подлинным. Вудз называл имена некоторых источников, служивших как в различных министерствах в Берлине, так и в немецком генеральном штабе, и после проверки в Вашингтоне пришли к выводу, что эти люди относятся к той категории сотрудников, которые знают о том, что замышляется в верхах, и настроены достаточно враждебно по отношению к нацизму, чтобы ненароком разболтать секреты. Несмотря на натянутые отношения, существовавшие тогда между американским и советским правительствами, Хэлл решил проинформировать русских и попросил заместителя госсекретаря Самнера Уэллеса сообщить суть донесения из Берлина советскому послу Константину Уманскому. Это было сделано 20 марта.

«Мистер Уманский побледнел, — писал позднее Уэллес. — Он молчал некоторое время, а затем просто сказал: «Я полностью осознаю серьезность сделанного вами сообщения… и немедленно сообщу своему правительству о нашем разговоре».

Поверило ли оно в подлинность этой своевременно представленной разведывательной информации и осталось ли благодарно американскому правительству, об этом Советское правительство не сделало даже намека. В действительности, как пишет в своих мемуарах Корделл Хэлл, Москва стала проявлять больше враждебности и резкости, так как американская поддержка Англии сделала невозможной снабжение России всеми теми материалами, которых она требовала. Тем не менее, как утверждает Хэлл, государственный департамент, получив в первой декаде июня донесения из своих посольств в Бухаресте и Стокгольме о том, что Германия вторгнется в Россию в ближайшие две недели, препроводил копии этих донесений своему послу в Москве Штейнгардту, который передал их Молотову.

Черчилль также пытался предупредить Сталина. 3 апреля он попросил своего посла в Москве Стаффорда Криппса передать личное письмо диктатору, указав на важность для России передислокаций немецких войск в Южной Польше, о которых ему стало известно от английского агента. Криппс задержался с передачей этого сообщения русским, и Черчилль не сумел скрыть своего раздражения, даже когда писал об этом эпизоде спустя многие годы.

Криппс узнал дату нападения на Советский Союз в конце апреля, и немцам это стало известно. 24 апреля немецкий военно–морской атташе в Москве направил короткое сообщение командованию военно–морских сил в Берлине:

«Английский посол называет 22 июня днем начала войны». Это донесение, обнаруженное среди прочих нацистских документов, было занесено в тот же день в журнал германских ВМС с добавлением восклицательного знака в конце. Адмиралы были удивлены точностью предсказания, сделанного английским послом. Бедный военно–морской атташе, который, подобно послу в Москве, не был допущен к секрету, добавил в своем донесении, что это «явный абсурд».

Так, должно быть, думал и Молотов. 22 мая он принял Шуленбурга, чтобы обсудить с ним различные вопросы. «Он был, как обычно, любезен, самоуверен и хорошо осведомлен», — докладывал посол в Берлине и вновь подчеркивал, что Сталин и Молотов, «два наиболее могущественных человека в Советском Союзе», изо всех сил стремятся избежать конфликта с Германией. Только в одном проницательный посол глубоко ошибался: при сложившихся обстоятельствах Молотов не мог быть «хорошо осведомлен». Однако не был осведомлен и сам посол.

Насколько плохо был осведомлен русский комиссар по иностранным делам, явствует из опубликованного 14 июня 1941 года, всего за неделю до немецкого нападения, заявления. В этот вечер Молотов пригласил Шуленбурга и вручил ему текст заявления ТАСС, которое, по словам комиссара, предполагалось вечером передать по радио, а завтра утром опубликовать в газетах. Обвинив Криппса в распространении в английской и иностранной прессе слухов о неминуемой войне между Советским Союзом и Германией, он ознакомил посла с официальным заявлением Советского правительства, которое заклеймило слухи как «очевидный абсурд… неуклюжий пропагандистский маневр сил, выступающих против

Советского Союза и Германии». Далее в заявлении добавлялось:

«В советских кругах считают, что слухи о намерении Германии… предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы».

Даже недавнее передвижение немецких войск с Балкан к советской границе объявлялось в заявлении как «не имеющее касательства к советско–германским отношениям». Что касается слухов о том, будто Советский Союз собирается напасть на Германию, то они «лживые и провокационные».

Ирония заявления ТАСС усиливается двумя акциями с немецкой стороны, одна из которых была предпринята в день опубликования заявления, 15 июня, другая — на следующий день.

15 июня Риббентроп из Венеции, где он совещался с Чиано, направил секретную депешу в Будапешт, предупреждая венгерское правительство, что необходимо «принять меры по обеспечению, своих границ».

«Ввиду большого сосредоточения русских войск у восточной границы Германии фюрер, вероятно, будет вынужден, самое позднее, в начале июля внести ясность в германо–русские отношения и в этой связи предъявить определенные требования».

Немцы делали намек венграм, но не своему основному союзнику. Когда на следующий день Чиано во время прогулки на гондоле по каналам Венеции спросил Риббентропа про слухи о неизбежном нападении Германии на Россию, нацистский министр иностранных дел ответил:

«Дорогой Чиано, я не могу ничего сказать, потому что каждое решение находится под замком в непроницаемой груди фюрера. Однако одно несомненно: если мы нападем на них, то Россия Сталина будет стерта с карты мира в пределах восьми недель»[102].

14 июня 1941 года, в то время, как Кремль готовился оповестить по радио весь мир о том, что слухи о немецком нападении на Россию не что иное, как «очевидный абсурд», Адольф Гитлер проводил заключительное военное совещание по плану «Барбаросса» с ведущими генералами вермахта. К осуществлению графика сосредоточения войск на Востоке и их развертывания на исходных позициях приступили 22 мая. Пересмотренный вариант графика был издан через несколько дней. Этот длинный и детально разработанный документ свидетельствует, что к началу июня не только было закончено составление всех планов, связанных с нападением на Россию, но и осуществлялась строго по графику переброска войск, артиллерии и танков, самолетов, кораблей и грузов материально–технического снабжения. В журнале военно–морских сил имеется краткая запись от 29 мая: «Подготовительное передвижение боевых кораблей в соответствии с планом «Барбаросса» началось». Переговоры с генеральными штабами Румынии, Венгрии и Финляндии — последняя стремилась вернуть себе отобранное русскими в ходе зимней военной кампании — были завершены. 9 июня Гитлер направил из Берхтесгадена приказ о созыве главнокомандующих трех видов вооруженных сил и высших военачальников полевых войск на заключительное совещание по операции «Барбаросса», которое должно было состояться в Берлине 14 июня.

Несмотря на всю чудовищность задачи, не только Гитлер, но и его генералы чувствовали себя вполне уверенно, в последний раз обсуждая детали самой крупной военной операции в истории, сводившейся к массированному наступлению на фронте протяженностью около 1500 миль — от Северного Ледовитого океана до Черного моря. Накануне вечером Браухич вернулся в Берлин после инспекционной проверки концентрации сил на Востоке. Гальдер отметил в своем дневнике, что главнокомандующий сухопутными войсками остался доволен результатами поездки. «Общее впечатление отрадное, — записал начальник генерального штаба. — Войска в хорошем состоянии».

---

[102] Это взято из последней дневниковой записи Чиано, сделанной 23 декабря 1943 года в камере №27 веронской тюрьмы за несколько дней до казни. Итальянское правительство, по его воспоминаниям, узнало о немецком вторжении в Россию через полчаса после его начала. — Прим. авт.

Военное совещание 14 июня длилось с 11 часов дня до 6.30 вечера. Во время обеденного перерыва Гитлер устроил своим генералам очередную накачку перед сражением. Согласно Гальдеру, это была «большая политическая речь», в которой Гитлер подчеркнул, что вынужден напасть на Россию, потому что ее разгром «вынудит Англию прекратить борьбу». Однако кровожадный фюрер этим заявлением, должно быть, не ограничился. Кейтель рассказал об этом во время допроса на Нюрнбергском процессе.

«Главный смысл его выступления сводился к тому, что это решающая битва между двумя идеологиями, и ту практику ведения войны, которую мы знали как солдаты, — единственно правильную по международным законам, — следует измерять совершенно иными мерками».

Затем Гитлер отдал различные приказы по осуществлению беспрецедентного террора в России.

«Выступили вы или кто–либо из присутствовавших генералов с возражениями против этих приказов?» — спросил Кейтеля его адвокат.

«Нет. Я лично не высказал никаких возражений, — ответил генерал. — И никто из генералов не выступил с возражениями», — добавил он[103].

Просто непостижимо, но факт, что кремлевские лидеры, несмотря на репутацию людей подозрительных, хитрых и практичных, несмотря на очевидность нависшей над Россией угрозы, несмотря на все предупреждения об этой угрозе, до самого последнего момента не осознавали, что им нанесут удар, причем удар такой силы, который едва не разрушит их государство.

Прекрасным летним вечером 21 июня 1941 года, в 9 часов 30 минут, за девять часов до запланированного немецкого нападения, Молотов принял в своем кабинете в Кремле германского посла и вручил ему, по выражению Черчилля, свою «последнюю глупость». Упомянув о новых нарушениях границы немецкими самолетами, на что он дал указание советскому послу в Берлине обратить внимание Риббентропа, Молотов перешел к другому вопросу, о чем Шуленбург в тот же вечер сообщил срочной телеграммой в Берлин.

«Имеется ряд признаков, — говорил Молотов послу, — что германское правительство недовольно Советским правительством. Даже ходят слухи, что нависает угроза войны между Германией и Советским Союзом… Советское правительство оказалось не в состоянии понять причины недовольства правительства Германии… Он был бы признателен, если бы я мог ему сказать, что привело к нынешнему состоянию германо–советских отношений.

Я возразил, что не смогу ответить на его вопросы, поскольку не располагаю соответствующей информацией».

Вскоре он получит эту информацию, ибо уже в то время из Берлина в Москву для него передавалось по радио длинное зашифрованное указание от Риббентопа, датированное 21 июня 1941 года, с пометкой «совершенно срочно, государственная тайна, послу лично»:

«С получением этой телеграммы все материалы по шифрованию должны быть уничтожены. Рацию необходимо вывести из строя.

Пожалуйста, немедленно информируйте господина Молотова, что вам необходимо

---

[103] Это подтверждает Хассель. 16 июня он записывает в своем дневнике: «Браухич и Гальдер уже согласились с тактикой Гитлера (в России). Таким образом, армия должна взять на себя ответственность за убийства и поджоги, которая до сих пор лежала на СС».

Сначала антинацистские заговорщики наивно полагали, что приказы Гитлера на осуществление террора в России могут вызвать шок у генералов и побудить их присоединиться к антинацистскому движению. Но к 16 июня Хассель почувствовал себя разочарованным. В этот день запись в его дневнике начинается словами: «Серия совещаний с Попитцем, Герделером, Беком и Остером, на которых рассматривался вопрос о том, что конкретные приказы, полученные командующими армиями, но еще не переданные в войска, возможно, откроют глаза военачальникам на характер режима, во имя которого они сражаются. Эти приказы касаются жестоких… мер, которые солдаты должны применять против большевиков после нападения на Россию.

Мы пришли к заключению, что теперь надеяться не на что… Они (генералы) обманывают сами себя…» (Хассель. Мемуары, с. 198–199). — Прим. авт.

сделать ему срочное сообщение… Затем, пожалуйста, сделайте ему следующее заявление…»

Это было уже знакомое заявление, полное всякого рода затасканных измышлений и лжи, в составлении которых Гитлер и Риббентроп набили руку и к которым они прибегали каждый раз, чтобы оправдать очередной акт неспровоцированной агрессии. Однако данное заявление — такое, во всяком случае, создалось впечатление автора этих строк при повторном его прочтении — превосходило все предыдущие по абсолютному бесстыдству и лживости. В то время как Германия неукоснительно соблюдала условия нацистско–советского пакта, говорилось в заявлении, Россия неоднократно нарушала их. СССР осуществлял «подрывную деятельность, терроризм и шпионаж» против Германии; он «боролся против усилий Германии установить стабильный порядок в Европе». Он вступил в сговор с Англией, чтобы осуществить «нападение на германские войска в Румынии и Болгарии». Сосредоточивая «все наличные русские силы на протяженном фронте от Балтики до Черного моря», он «угрожал» рейху. Далее в заявлении говорилось:

Донесения, полученные за последние несколько дней, исключают любые сомнения относительно агрессивного характера такого сосредоточения русских войск… Кроме того, имеются донесения из Англии о переговорах посла Криппса по более тесному политическому и военному сотрудничеству между Англией и Советским Союзом.

Резюмируя вышесказанное, правительство рейха в связи с этим заявляет, что Советское правительство вопреки принятым им обязательствам:

1) не только продолжало, но и усилило свои попытки подорвать Германию и Европу;

2) проводило все более и более антигерманскую внешнюю политику;

3) сосредоточило все свои силы в готовности на границе с Германией. Тем самым Советское правительство разорвало свои договоры с Германией и собирается напасть на нее с тыла. В связи с этим фюрер приказал германским вооруженным силам противодействовать этой угрозе всеми имеющимися в их распоряжении средствами.

«Пожалуйста, не вступайте ни в какое обсуждение этого сообщения», предупреждал Риббентроп своего посла в конце телеграммы. Что мог сказать потрясенный и разочарованный Шуленбург, посвятивший лучшие годы своей жизни налаживанию германо–русских отношений и твердо знавший, что нападение на Советский Союз ничем не спровоцировано и не имеет оправдания? Вернувшись в Кремль перед самым рассветом, он ограничился прочтением немецкого заявления. Молотов, потрясенный, молча выслушал посла до конца и затем сказал: «Это война. Считаете ли вы, что мы это заслужили?»[104]

В тот же предрассветный час аналогичная сцена происходила на Вильгельмштрассе в Берлине. Всю вторую половину дня 21 июня советский посол Владимир Деканозов звонил по телефону в министерство иностранных дел, добиваясь приема у Риббентропа, чтобы вручить ему протест по поводу продолжающихся нарушений границы немецкими самолетами. Ему отвечали, что министра иностранных дел нет в городе. Наконец в 2 часа ночи 22 июня ему сообщили, что Риббентроп примет его в 4 часа утра в министерстве иностранных дел. Там посол, являвшийся одновременно заместителем комиссара по иностранным делам, палачом и порученцем Сталина, был, подобно Молотову в Москве, просто сражен услышанным. Доктор Шмидт, присутствовавший при этом, описывает эту сцену следующим образом:

«Я никогда не видел Риббентропа столь возбужденным, как за пять минут до прибытия Деканозова. Он нервно ходил туда и обратно по своему кабинету, подобно загнанному в клетку зверю…

---

[104] Так закончилась карьера посла, дипломата старой школы. Возвратившись в Германию, он вынужден был подать в отставку, а затем присоединился к оппозиции, возглавляемой Беком, Герделером, Хасселем и другими. Одно время его кандидатура даже намечалась на пост министра иностранных дел. Как утверждает Хассель, в 1943 году Шуленбург был готов пересечь линию русско–германского фронта, чтобы договориться со Сталиным о заключении мира с антинацистским правительством Германии. После июльского заговора 1944 года против Гитлера Шуленбург был арестован, заключен в тюрьму и 10 ноября казнен гестапо. — Прим. авт.

Деканозова ввели в кабинет, и он, вероятно ни о чем не догадываясь, некстати протянул Риббентропу руку. Мы сели и… Деканозов по поручению своего правительства начал излагать конкретные вопросы, требовавшие разъяснения. Однако едва он заговорил, как Риббентроп с окаменевшим лицом прервал его: «Теперь это неважно…»

После этого надменный нацистский министр иностранных дел объяснил, какой вопрос теперь самый важный, вручил послу копию меморандума, который Шуленбург в это время зачитывал в Москве Молотову, и сообщил, что в данный момент немецкие войска предпринимают «военные контрмеры» на советской границе. Ошеломленный советский посол, по словам Шмидта, «быстро взял себя в руки и выразил глубокое сожаление» по поводу такого оборота событий, за что он возложил всю вину на Германию. Затем «он встал, небрежно поклонился и покинул комнату, не подав руки».

Нацистско–советский медовый месяц закончился. 22 июня 1941 года в 3 часа 30 минут утра, за полчаса до завершения дипломатических формальностей в Кремле и на Вильгельмштрассе, грохот нацистских орудий по фронту, протянувшемуся на сотни миль, развеял иллюзии Москвы относительно дружбы с нацистской Германией.

Этой канонаде предшествовала еще одна дипломатическая прелюдия. Днем 21 июня Гитлер сел за свой рабочий стол в новой подземной ставке Вольфшанце, расположенной в Восточной Пруссии, в мрачном лесу возле Растенбурга, и продиктовал длинное письмо Муссолини. Как и при подготовке всех других агрессий, он не доверял другу и основному союзнику до такой степени, чтобы посвящать в свои секреты, и ставил в известность о них лишь в самый последний момент. Теперь пришла пора это сделать. Письмо представляет собой наиболее яркое свидетельство о причинах, побудивших его пойти на этот роковой шаг, который так долго оставался не совсем понятным для внешнего мира и который привел к гибели как самого фюрера, так и возглавляемый им третий рейх. Разумеется, его письмо, как обычно, изобилует ложью и увертками, которые он пытается навязать даже своим друзьям. Однако за этими увертками и ложью просматриваются подлинные причины и его личная, пусть ошибочная, оценка внешнеполитической обстановки в мире в начале лета 1941 года, второго военного лета.

Дуче!

Я пишу Вам это письмо в тот момент, когда месяцы тревожных размышлений и постоянного нервного ожидания завершаются принятием мною самого трудного за всю мою жизнь решения.

Обстановка: Англия эту войну проиграла. Подобно утопающему, она хватается за любую соломинку. Тем не менее некоторые из ее надежд не лишены определенных оснований… Разгром Франции… заставил английских поджигателей войны обратить свои взгляды туда, откуда они пытались начать войну: к Советскому Союзу.

Обе страны — Советская Россия и Англия — в равной степени заинтересованы в Европе… обессиленной длительной войной. За этими двумя странами стоят Соединенные штаты Америки, подстрекающие их…

Далее Гитлер объясняет, что при наличии крупных советских военных сил в его тылу он никогда не сможет собрать необходимые силы, в частности в воздухе, чтобы осуществить массированное, с применением всех средств наступление на Англию и поставить ее на колени.

В самом деле, все наличные силы русских находятся у нашей границы… Если обстоятельства заставят меня развернуть немецкие военно–воздушные силы против Англии, то существует опасность, что Россия в таком случае прибегнет к стратегии шантажа и я буду вынужден молча уступить из–за ее превосходства в воздухе… Англия еще меньше будет готова к заключению мира, ибо тогда появится возможность связать свои надежды с русским партнером. Эти надежды, само собой разумеется, будут усиливаться по мере наращивания готовности русских вооруженных сил. А за всем этим стоят массированные поставки военных материалов из Америки, которые они надеются получить в 1942 году…

Поэтому после долгих и мучительных раздумий я наконец принял решение разрубить

узел, пока он не затянулся.

…Мои взгляды в настоящее время заключаются в следующем:

1) Франции, как всегда, доверять нельзя.

2) Северная Африка, насколько это касается ваших колоний, дуче, до осени, вероятно, будет вне опасности.

3) Испания проявляет нерешительность и, боюсь, примет чью–либо сторону только тогда, когда станет очевиден исход войны…

5) Нападение на Египет до осени исключается…

6) Вступит или не вступит Америка в войну — безразлично, поскольку она поддерживает нашего противника всеми силами, какие в состоянии мобилизовать.

7) Обстановка в самой Англии плохая; снабжение продовольствием и сырьем все более затрудняется. Настроение продолжать войну сохраняется главным образом лишь в мечтах. Эти мечты основаны на двух предпосылках: Россия и Америка. У нас нет никаких шансов устранить Америку, но в нашей власти устранить Россию. Устранение России явится одновременно огромным облегчением для Японии в Восточной Азии, что создаст куда более серьезную угрозу американской деятельности посредством японского вмешательства.

Учитывая эти обстоятельства, я решил положить конец лицемерным действиям Кремля.

Германии, писал Гитлер, не потребуются какие–либо итальянские войска в России. (Он не собирался делиться славой завоевателя России в большей степени, чем славой победителя Франции.) Однако Италия, развивал он свою мысль, могла бы «оказать решающую помощь» посредством усилия своих войск в Северной Африке и готовности «вступить во Францию, если французы нарушат условия договора». Это была хорошая приманка для жадного до чужих земель дуче.

Что касается воздушной войны против Англии, то мы пока будем находиться в обороне…

Что касается войны на Востоке, дуче, то она наверняка будет трудной, но я ни на минуту не сомневаюсь в огромном успехе. Я прежде всего надеюсь, что мы сможем получить общую базу продовольственного снабжения на Украине, которая обеспечит нас такими дополнительными поставками, какие нам могут понадобиться в будущем.

Затем последовали извинения за то, что он держал своего партнера в неведении до последнего момента.

И если я медлил до настоящего момента, дуче, с отправкой этой информации, то это потому, что окончательное решение не будет принято до семи часов вечера сегодня.

Что бы ни случилось, дуче, наше положение не может ухудшиться в результате этого шага, оно может только улучшиться… Если же Англия тем не менее не извлечет для себя уроков из происходящего, тогда мы сможем, укрепив наш тыл и собрав все силы, расправиться с нашим противником.

В конце письма Гитлер сообщает об огромном облегчении, которое он испытал после принятия окончательного решения.

…Позвольте мне, дуче, высказать еще одну вещь. С тех пор как я принял это трудное решение, я вновь чувствую себя морально свободным. Партнерство с Советским Союзом, несмотря на искренность наших желаний прийти к окончательному примирению, оказалось для меня тем не менее нестерпимым, ибо так или иначе оно неприемлемо для меня из–за моего происхождения, моих концепций и моих прошлых обязательств. И теперь я счастлив, избавившись от этих душевных мук.

С сердечным и дружеским приветом

Ваш Адольф Гитлер

В три часа утра 22 июня, всего за полчаса до немецкого нападения, посол фон Бисмарк разбудил в Риме Чиано, чтобы вручить ему длинное послание, содержание которого итальянский министр иностранных дел затем передал по телефону Муссолини, отдыхавшему в своей летней неофициальной резиденции в Риччионе. Не впервые дуче поднимали с

постели среди ночи донесениями от партнера по оси, и он начал возмущаться.' «Ночью я не тревожу даже моих слуг, — раздраженно говорил он Чиано, — а немцы заставляют меня вскакивать с постели в любой час, совершенно не считаясь ни с чем». Тем не менее как только он протер глаза, то сразу же отдал приказ о немедленном объявлении войны Советскому Союзу. Теперь он окончательно стал заложником немцев. Он сознавал это, и это его возмущало. «Я надеюсь только на одно, — говорил он Чиано, — что в этой войне на Востоке немцы потеряют много перьев». И все же он понимал, что его собственное будущее полностью зависит от немецкого оружия. Он был уверен, что немцы победят в России, но надеялся, что там, по меньшей мере, им пустят кровь из носа. Не мог он предвидеть, как никто на Западе, что немцам придется гораздо хуже. Воскресным утром 22 июня, в день, когда Наполеон в 1812 году отдал приказ о нашествии на Россию, а ровно через год страна Наполеона капитулировала в Компьене, танковые, механизированные, до сего времени непобедимые армии Адольфа Гитлера, преодолев Неман и другие реки, быстро углубляясь, потоком хлынули в Россию. Для Красной Армии, несмотря на все предостережения, как писал Гальдер в первый день, «наступление… явилось… на всем фронте полной тактической неожиданностью»[105].

В первые дни все мосты были захвачены исправными. Фактически, говорит Гальдер, почти повсеместно вдоль границы русские не были даже развернуты для боевых действий и их смяли прежде, чем они успели организовать оборону. Сотни советских самолетов были уничтожены прямо на аэродромах[106]. В течение нескольких дней были захвачены десятки тысяч пленных; в окружение попадали целые армии. Все выглядело так же, как в польском походе.

«…Не будет преувеличением сказать, — записал обычно осторожный Гальдер в своем дневнике 3 июля, ознакомившись с последними сводками генерального штаба, — что кампания против России выиграна в течение 14 дней… — И добавил: — Огромная протяженность территории и упорное сопротивление противника… будут сковывать наши силы еще в течение многих недель».

СОБЫТИЯ ПРИНИМАЮТ ИНОЙ ОБОРОТ

К началу осени 1941 года Гитлер полагал, что с Россией покончено.

За три недели кампании группа армий «Центр» под командованием фельдмаршала фон Бока в составе 30 пехотных и 15 танковых или моторизованных дивизий продвинулась на 450 миль от Белостока к Смоленску. До Москвы оставалось примерно 200 миль[107] вдоль

---

[105] В дневникой записи за первый день войны у Гальдера имеется любопытное замечание. Упомянув, что в полдень русские радиостанции вновь вышли в эфир, он пишет: «Они (русские) обратились к Японии с просьбой представлять интересы России по вопросам политических и экономических отношений между Россией и Германией и ведут оживленные переговоры по радио с германским министерством иностранных дел». Неужели Сталин спустя девять часов после нападения верил, что сумеет каким–то образом добиться его отмены? — Прим. авт.

[106] Генерал Гюнтер Блюментрит, начальник штаба 4–й армии, впоследствии вспоминал, что вскоре после полуночи 21 июня, когда немецкая армия уже нацелилась на свои объекты, экспресс Берлин — Москва прошел через немецкие рубежи на Буге и через реку в Брест–Литовск без задержки. Это показалось ему чрезвычайно странным. Почти столь же странным показалось ему, что русская артиллерия не отвечала даже тогда, когда началось вторжение. «Русские, — писал он позднее, — были полностью застигнуты врасплох на нашем фронте». На рассвете немецкие связисты перехватили радиопереговоры Красной Армии: «Нас обстреливают. Что делать?» Блюментрит цитирует ответ из вышестоящего штаба: «Вы что, с ума сошли? Почему ведете передачу открытым текстом?» — Прим. авт.

[107] Генерал Гюнтер Блюментрит, начальник штаба 4–й армии, впоследствии вспоминал, что вскоре после полуночи 21 июня, когда немецкая армия уже нацелилась на свои объекты, экспресс Берлин — Москва прошел через немецкие рубежи на Буге и через реку в Брест–Литовск без задержки. Это показалось ему чрезвычайно

дороги, по которой наступал в 1812 году Наполеон. Севернее наступала под командованием фельдмаршала фон Лееба группа армий в составе 21 пехотной и 6 танковых дивизий; она быстро продвигалась через Прибалтийские государства в направлении Ленинграда. Южнее группа армий фельдмаршала фон Рундштедта в составе 25 пехотных, 4 моторизованных, 4 горных и 5 танковых дивизий наступала на Киев, столицу плодородной Украины, овладеть которой жаждал Гитлер.

Таким образом, как говорилось в очередной сводке ОКБ, немецкие армии продвигались согласно плану по всему фронту от Балтики до Черного моря, и нацистский диктатор настолько уверовал, что темпы наступления будут ускоряться по мере того, как советские армии одна за другой будут окружены или разбиты, что 14 июля, спустя три недели после начала вторжения, издал директиву, в которой говорилось, что количество вооруженных сил может быть «значительно сокращено в ближайшем будущем», а производство вооружения будет сведено к строительству военно–морских кораблей и самолетов для люфтваффе, особенно самолетов для ведения войны против последнего врага рейха — Англии и, «если возникнет необходимость, против Америки». К концу сентября он дал указание главному командованию сухопутных войск подготовиться к расформированию 40 пехотных дивизий, с тем чтобы использовать эту дополнительную рабочую силу в промышленности.

Гитлер полагал, что два крупнейших города России: Ленинград, построенный Петром Великим в качестве столицы на Балтике, и Москва, древний город, а теперь столица большевистского государства — вот–вот падут. Поэтому 18 сентября он отдал строжайший приказ: «Капитуляцию Ленинграда или Москвы не принимать, даже если она будет предложена». О том, какая судьба была уготована этим городам, он дал понять своим командующим в директиве от 29 сентября:

Фюрер принял решение стереть с лица земли Санкт–Петербург (Ленинград). Дальнейшее существование этого крупного города не представляет интереса, поскольку будет повержена Советская Россия …

Цель состоит в том, чтобы подойти к городу и разрушить его до основания посредством артиллерии и непрерывных атак с воздуха…

Просьбы о капитуляции будут отклонены, ибо проблемы выживания населения и его снабжения продовольствием не могут и не должны решаться нами. В этой войне за существование мы не заинтересованы в сохранении даже части населения этого большого города[108].

3 октября Гитлер вернулся в Берлин и в своем обращении к немецкому народу объявил о полном крахе Советского Союза. «Сегодня я заявляю, и заявляю без каких–либо оговорок, — сказал он, — что враг на Востоке повержен и никогда не восстанет вновь… Позади наших войск территория, в два раза превышающая размеры германского рейха к моменту моего прихода к власти в 1933 году».

Когда 8 октября пал Орел, ключевой город к югу от Москвы, Гитлер направил самолетом в Берлин руководителя прессы Отто Дитриха, чтобы на следующий день он сообщил корреспондентам ведущих газет мира, что последние армии Тимошенко,

---

странным. Почти столь же странным показалось ему, что русская артиллерия не отвечала даже тогда, когда началось вторжение. «Русские, — писал он позднее, — были полностью застигнуты врасплох на нашем фронте». На рассвете немецкие связисты перехватили радиопереговоры Красной Армии: «Нас обстреливают. Что делать?» Блюментрит цитирует ответ из вышестоящего штаба: «Вы что, с ума сошли? Почему ведете передачу открытым текстом?» — Прим. авт.

[108] Несколько недель спустя Геринг говорил Чиано: «В этом году в России умрет от голода от 20 до 30 миллионов человек. Пожалуй, хорошо, что так случится, ибо некоторые народы должны быть истреблены. Но даже если они не должны быть истреблены, тут ничего нельзя поделать. Совершенно очевидно, что если человечество обречено на голодную смерть, то последними умирать от этого будут наши два народа… В лагерях для русских военнопленных они начали есть друг друга» (Дипломатические документы Чиано, с. 464–465). — Прим. авт.

оборонявшие Москву, оказались в окружении в двух огромных котлах; что южные армии маршала Буденного уничтожены или рассеяны; что от 60 до 70 дивизий армии маршала Ворошилова окружены в Ленинграде. «Со всех военных точек зрения, — самодовольно закончил Дитрих, — с Советской Россией покончено. Английская мечта о войне на два фронта похоронена».

Это публичное хвастовство Гитлера и Дитриха оказалось, мягко говоря, преждевременным[109]. В действительности русские, несмотря на внезапность нападения 22 июня и последовавшие затем тяжелые потери в живой силе и технике, стремительное отступление и окружение их лучших армий, в июле начали оказывать такое сопротивление, какого вермахт никогда раньше не встречал. Дневник Гальдера и донесения таких фронтовых командиров, как генерал Гудериан, который возглавлял крупную танковую группу на Центральном фронте, запестрели, а затем и заполнились сообщениями об ожесточенных сражениях, об отчаянной обороне русских, об их контратаках и тяжелых потерях как у них, так и у немцев.

«Поведение русских войск, — писал генерал Блюментрит впоследствии, даже в этом первом сражении (за Минск) поразительно отличалось от поведения поляков и войск западных союзников в условиях поражения. Даже будучи окруженными, русские не отступали со своих рубежей». Причем их становилось все больше и оснащены они были лучше, чем полагал Адольф Гитлер. Свежие советские дивизии, о существовании которых немецкая разведка даже не подозревала, непрерывно вводились в бои. «Общая обстановка все очевиднее и яснее показывает, — писал Гальдер в дневнике 11 августа, — что колосс–Россия, который сознательно готовился к войне, несмотря на все затруднения… был нами недооценен. Это утверждение можно распространить на все хозяйственные и организационные стороны, на средства сообщения и, в особенности, на чисто военные возможности русских. К началу войны мы имели против себя около 200 дивизий противника. Теперь мы насчитываем уже 360 дивизий противника. И даже если мы разобьем дюжину таких дивизий, русские сформируют новую дюжину. Русские еще и потому выигрывают во времени, что они сидят на своих базах, а мы от своих все более отдаляемся. Таким образом и получается, что наши войска, страшно растянутые и разобщенные, все время подвергаются атакам противника. И противник потому одерживает местами успехи…»

Когда после войны союзники допрашивали Рундштедта, то он прямо заявил: «Вскоре после начала наступления я понял, что все, что было написано про Россию, просто вздор».

Несколько генералов, в том числе Гудериан, Блюментрит и Зепп Дитрих, с удивлением писали, о русском танке Т–34, о котором, раньше ничего не слышали и который имел такую прочную броню, что снаряды немецких противотанковых орудий отскакивали от нее, не причиняя никакого вреда. Появление этого танка, как говорил позднее Блюментрит, ознаменовало зарождение так называемой танкобоязни.

Кроме того, впервые в ходе войны немцы не имели подавляющего превосходства в воздухе для защиты наземных войск и дальней разведки. Несмотря на тяжелые потери, понесенные авиацией на земле в первый день войны и в первых воздушных боях, советские истребители, как и свежие дивизии, продолжали появляться ниоткуда. Более того, в результате быстрого продвижения и нехватки подходящих аэродромов в России немецкая истребительная авиация осталась слишком далеко позади, чтобы обеспечивать эффективное прикрытие своих наземных войск на фронте. «На различных стадиях наступления, — докладывал позднее генерал фон Клейст, — мои танковые силы сталкивались с осложнениями из–за отсутствия прикрытия с воздуха».

---

[109] Однако не настолько преждевременным, как предостережения американского генерального штаба, который в июле конфиденциально информировал американских редакторов и корреспондентов, что падение Советского Союза теперь вопрос нескольких недель. Неудивительно, что заявления Гитлера и Дитриха, сделанные в начале октября 1941 года, принимались на веру в Соединенных Штатах и Англии, а также в Германии и других странах. — Прим. авт.

Выявился и другой просчет немцев относительно русских, о котором Клейст упомянул Лиддел Гарту и который, разумеется, разделяло большинство людей на Западе в то лето. «Надежды на победу, — говорил Клейст, — в основном опирались на мнение, что вторжение вызовет политический переворот в России… Очень большие надежды возлагались на то, что Сталин будет свергнут собственным народом, если потерпит на фронте тяжелое поражение. Эту веру лелеяли политические советники фюрера».

И действительно, Гитлер не раз говорил Йодлю, что «нужно только ударить ногой в дверь, как вся прогнившая структура с треском развалится».

Возможность «ударить ногой в дверь» представлялась фюреру реальной уже в июле, когда в немецком верховном командовании возникли первые крупные разногласия по поводу дальнейшей стратегии, что побудило фюрера вопреки протестам со стороны высшего генералитета принять решение, которое, по мнению Гальдера, явилось «крупнейшей стратегической ошибкой в восточной кампании». Вопрос был простой, но фундаментальный: следует ли группе армий «Центр» фон Бока, самой мощной и пока что наиболее успешно действующей из трех основных немецких групп армий, продолжать наступление на Москву, находившуюся в 200 милях от Смоленска, к которому она вышла 16 июля, или лучше придерживаться первоначального плана, изложенного Гитлером в его директиве от 18 декабря, которая предусматривала нанесение главных ударов на южном и северном флангах? Иными словами, что является главной целью — Москва или Ленинград и Украина?

Высшее командование сухопутных войск, возглавляемое Браухичем и Гальдером и поддерживаемое фон Боком, чья группа армий продвигалась вдоль главной шоссейной дороги на Москву, и Гудерианом, чьи танки шли во главе войск фон Бока, настаивало на массированном наступлении на советскую столицу. Их доводы основывались на большем, чем значение с психологической точки зрения захвата вражеской столицы. Москва, доказывали они Гитлеру, является важным центром производства вооружения и, что еще более важно, центром транспортной системы и главным узлом связи России.

Забери это у Советов, и они не только будут лишены главного источника вооружений, но и окажутся не в состоянии доставлять войска и обеспечивать материально–техническое снабжение отдаленных фронтов, которые сразу начнут слабеть и разваливаться.

Однако у генералов имелся и последний, заключительный довод, который они выдвигали бывшему ефрейтору, ставшему их верховным главнокомандующим. Разведывательные донесения свидетельствовали, что основные русские силы сосредоточились перед Москвой для организации мощной обороны. Непосредственно к востоку от Смоленска советская полумиллионная армия, вырвавшаяся из двойного окружения войск Бока, окапывалась, чтобы задержать дальнейшее продвижение немцев в сторону столицы.

«Центр притяжения русских сил, — писал Гальдер в докладной для союзников сразу по окончании войны, — находился поэтому на фронте против группы армий «Центр»…

Генеральный штаб выдвигал идею, согласно которой целью операции должно быть нанесение поражения военной мощи противника, поэтому считал следующей наиболее неотложной задачей разгром войск Тимошенко путем сосредоточения всех наличных сил в группе армий «Центр» для наступления на Москву, захвата этого центра управления вражеским сопротивлением и уничтожения новых соединений врага. Сосредоточение сил для такого наступления должно было осуществляться как можно скорее, так как приближался зимний период. Группе армий «Север» между тем предстояло выполнить свою первоначальную задачу и попытаться установить контакт с финнами. Группа армий «Юг» должна была наступать дальше на восток, приковав к себе максимальные силы противника….После того как устное обсуждение этого вопроса между генеральным штабом и верховным командованием не привело стороны к единому мнению, главнокомандующий сухопутными войсками (Браухич) представил Гитлеру подготовленный генеральным штабом меморандум».

Это произошло, как явствует из дневника Гальдера, 18 августа. «Эффект был подобен

взрыву», — указывает он. Гитлер не отводил голодных глаз от продовольственного пояса и промышленных районов Украины и нефтеносных районов на Кавказе. Кроме того, он считал, что представилась счастливая возможность поймать в западню армии Буденного, дислоцированные к востоку от Днепра, за Киевом, который все еще удерживал противник. Он хотел также овладеть Ленинградом и соединиться с финнами на севере., Для осуществления этих целей несколько пехотных и танковых дивизий необходимо было взять из группы армий «Центр» и перебросить на север и в группу армий «Юг». Москва может подождать.

21 августа Гитлер издал новую директиву взбунтовавшемуся генеральному штабу. На следующий день Гальдер переписал ее слово в слово в свой дневник.

Предложение главного командования сухопутных сил от 18.8 о продолжении операций на Востоке расходится с моими планами.

1. Важнейшей задачей до наступления зимы является не захват Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на реке Донец и блокирование путей подвоза русскими нефти с Кавказа. На севере такой задачей является окружение Ленинграда и соединение с финскими войсками.

Вот уже несколько дней Гитлера раздражало упорное сопротивление на Днепре советской 5–й армии. Предстояло полностью ее уничтожить, как указывалось в директиве, оккупировать Украину и Крым, взять в кольцо Ленинград и соединиться с финскими войсками. Только тогда будут созданы условия для наступления на армии Тимошенко и их успешного разгрома.

«Таким образом, — с горечью комментировал Гальдер, — задача решающего поражения русских армий перед Москвой была отложена, поскольку возобладало желание овладеть важным промышленным районом и предпринять наступление в направлении нефтеносных районов…»

Гитлер был одержим идеей захватить как Ленинград, так и Сталинград, ибо убедил себя, что если падут эти два «священных оплота коммунизма», то Россия развалится.

Стремясь нанести новые оскорбления фельдмаршалам и генералам, не оценившим его стратегической гениальности, Гитлер направил, по словам Гальдера, «контрмеморандум» (в ответ на меморандум армии от 18 августа), который начальник генерального штаба охарактеризовал как «полный оскорблений», таких, например, как утверждение, что верховное командование сухопутных войск страдает «окаменелыми взглядами из устаревших теорий».

«Невыносимо! Неслыханно! Довольно!» — с возмущением записал Гальдер в своем дневнике. Весь день и вечер он совещался с Браухичем по поводу «нетерпимого» вмешательства фюрера в дела высшего командования армии и генерального штаба и в конце концов предложил главкому вместе подать в отставку. «Он (Браухич) отклонил это мое предложение, — отмечает Гальдер, так как практически дело до этого еще не дошло и такое решение ничего не изменит». Слабовольный фельдмаршал, как и во многих случаях в прошлом, капитулировал перед бывшим ефрейтором.

Когда на следующий день, 23 августа, генерал Гудериан прибыл в ставку фюрера, Гальдер попытался подбить его повлиять на катастрофическое решение фюрера, хотя этот несгибаемый танковый генерал в уговорах не нуждался. Однако Браухич, встретившись с ним, запретил поднимать этот вопрос. «Я запрещаю вам упоминать у фюрера о Москве, — сказал ему главком. — Приказано проводить операции на южном направлении. Сейчас вопрос сводится лишь к тому, как выполнить этот приказ. Обсуждать что–либо бессмысленно».

Тем не менее, когда Гудериана пригласили к Гитлеру — ни Браухич, ни Гальдер его не сопровождали, — он вопреки приказам принялся с жаром, на какой только был способен, доказывать целесообразность немедленного наступления на Москву.

«Гитлер позволил мне высказаться, — писал позднее Гудериан. — Затем подробно изложил свои соображения, которые привели его к принятию иного решения. Он сказал, что

сырьевые ресурсы и продовольствие Украины потребуются для будущего ведения войны. Он говорил о необходимости нейтрализовать Крым, «этот советский авианосец для нанесения ударов по румынским нефтеразработкам». Впервые я услышал от него фразу: «Мои генералы ничего не знают об экономических аспектах войны»….Он отдал строгий приказ осуществлять наступление на Киев как непосредственную стратегическую задачу и все действия проводить, памятуя об этом. Здесь я впервые стал зрителем спектакля, который впоследствии мне доводилось видеть не раз: все присутствующие — Кейтель, Йодль и другие — кивали в знак согласия после каждой произнесенной Гитлером фразы, в то время как я остался наедине со своей точкой зрения…

Однако Гальдер в ходе обсуждений не кивнул в знак согласия ни по одному пункту. Когда Гудериан встретил его на следующий день и сообщил о своих безуспешных усилиях отговорить Гитлера от принятого им решения, начальника генерального штаба, как утверждает Гудериан, «к моему удивлению, охватило такое нервное возбуждение, что он начал высказывать обвинения и измышления, которые были совершенно необоснованны»[110].

Это был самый серьезный кризис среди немецкого верховного командования со времени начала войны. Но худшее было еще впереди.

Наступление Рундштедта в южном направлении, предпринятое после получения подкреплений в виде танковых соединений Гудериана и пехотных дивизий, изъятых с Центрального фронта, явилось, по словам Гудериана, крупной тактической победой. Киев пал 19 сентября, однако немецкие части к этому времени продвинулись на 150 миль на восток и 26 сентября сражение закончилось, согласно утверждениям немцев, окружением и пленением 665 тысяч русских солдат и офицеров. Гитлер расценил это как «величайшее сражение в мировой истории», и хотя это было необычное достижение, некоторые из генералов более скептически оценивали его стратегическое значение. Лишенная танковых сил, группа армий фон Бока, действовавшая на центральном направлении, была вынуждена в течение двух месяцев топтаться вдоль реки Десна за Смоленском. Но уже приближались осенние дожди, способные превратить русские дороги в трясину. А после них — зима, холодная и снежная.

Крупное наступление на Москву

С большой неохотой уступая настояниям Браухича, Гальдера и Бока, Гитлер согласился возобновить наступление на Москву. Увы, слишком поздно! Гальдер увидел его в полдень 5 сентября. Теперь, приняв решение, фюрер стремился поскорее попасть в Кремль. «На Центральном фронте наступление начать по возможности через восемь–десять дней, — приказал верховный главнокомандующий. («Это невозможно!» — воскликнул Гальдер в своем дневнике.) Задача — окружить и уничтожить русских», — добавил Гитлер, пообещав перебросить группе армий «Центр» танковую дивизию Гудериана, которая все еще вела тяжелые бои на Украине, и танковый корпус под командованием Рейнхардта, действовавший в районе Ленинграда. Но вернуть танковые соединения на Центральный фронт, перевооружить их и подготовить к наступлению можно было не раньше начала октября. Наконец, 2 октября началось крупномасштабное наступление под кодовым наименованием «Тайфун». Предусматривалось, что мощный ураган налетит на русских, уничтожит их последние войска, обороняющие Москву, и приведет к развалу Советского Союза.

Однако и на сей раз нацистский диктатор стал жертвой собственной мегаломании.

---

[110] Гальдер в дневниковой записи от 24 августа дает совершенно иную версию. Он обвиняет Гудериана в безответственной измене своим взглядам после встречи с Гитлером и размышляет над тем, что бесполезно пытаться изменить характер человека. Если его, как утверждает Гудериан, охватило нервное возбуждение, то из его педантичных записей очевидно, что он быстро вышел из такого состояния. — Прим. авт.

Захватить русскую столицу до наступления зимы ему казалось недостаточно. Он отдал приказ фельдмаршалу фон Леебу в это же самое время захватить Ленинград, соединиться с финнами и, продвигаясь дальше на север, перерезать Мурманскую железную дорогу. Рундштедту предписывалось очистить Черноморское побережье, захватить Ростов, нефтеносные районы Майкопа и выйти к Сталинграду на Волге, перерезав тем самым последнюю артерию, связывающую Россию с Кавказом. Когда Рундштедт попытался было объяснить Гитлеру, насколько опасно продвинуться более чем на 400 миль к востоку от Днепра при открытом левом фланге, верховный главнокомандующий заявил, что русские уже не в достоянии оказать серьезного сопротивления на юге. По утверждению Рундштедта, выслушав приказы, он «громко рассмеялся над их нелепостью, но вскоре ему пришлось убедиться, что они вовсе не лишены смысла».

Немецкое наступление вдоль старой Смоленской дороги, приведшей Наполеона в Москву, началось словно неистовый тайфун. В течение первых недель октября, когда, по выражению Блюментрита, развернулось «хрестоматийное сражение», немцы окружили между Вязьмой и Брянском две советские армии и взяли, как они утверждают, в плен 650 тысяч солдат и офицеров, захватили 5 тысяч орудий и 1200 танков. К 20 октября немецкие головные танковые части находились уже в 40 милях от Москвы, и советские министерства и иностранные посольства были спешно эвакуированы в Куйбышев на Волге. Даже трезвомыслящий Гальдер, который упал с лошади во время прогулки, сломал ключицу и был госпитализирован, теперь поверил, что при смелом руководстве и благоприятной погоде Москва может быть взята до наступления суровой русской зимы.

Однако осенние дожди уже начались. Наступил период распутицы. Огромная армия, двигавшаяся на колесах, замедлила свой ход и была вынуждена часто останавливаться. Приходилось выводить из боя танки, чтобы с их помощью вытаскивать из трясины орудия и автомашины с боеприпасами.

Чтобы вытаскивать застрявшие в грязи орудия и автомашины, нужны были цепи и тросы, но их не хватало, и тогда приходилось сбрасывать с самолетов связки веревок, в то время как транспортные самолеты были крайне необходимы для доставки боевых грузов. Дожди начались в середине октября, и, как вспоминал позднее Гудериан, «последующие несколько недель кругом стояла непролазная грязь». Генерал Блюментрит, начальник штаба 4–й армии фельдмаршала фон Клюге, находившейся в самом пекле сражения за Москву, ярко описал сложившуюся обстановку:

«Пехотинцы вязли в грязи, а для того, чтобы тащить артиллерийское орудие, приходилось запрягать последовательно несколько упряжек. Все колесные машины увязали в грязевом месиве по ось. Даже тракторы продвигались с огромным трудом. Большая часть нашей тяжелой артиллерии намертво застряла в грязи. Трудно даже представить, какое напряжение вызвало все это у наших, и без того измотанных, войск».

Впервые за все время в дневниковых записях Гальдера и в донесениях Гудериана, Блюментрита и других немецких генералов появляются признаки сначала сомнений, а затем и отчаяния. Они получили распространение и среди низшего командования, и среди полевых войск, а может, это от них и исходило. «И теперь, когда Москва была почти на виду, — вспоминал Блюментрит, настроение как командиров, так и войск начинало меняться. Сопротивление противника усиливалось, бои приобретали все более ожесточенный характер… Многие из наших рот сократились до 60–70 солдат». Сказывалась нехватка исправных артиллерийских орудий и танков. «Зима уже начиналась, — говорит Блюментрит, — но не было никаких намеков, что мы получим зимнее обмундирование… Далеко за линией фронта, в нашем тылу, в бескрайних лесах и болотах, стали давать о себе знать партизаны. Колонны снабжения часто попадали в засаду…»

Теперь, по воспоминаниям Блюментрита, призрак великой армии Наполеона, шедшей этой же дорогой на Москву, и память об участи Наполеона преследовали нацистских завоевателей. Немецкие генералы принялись читать и заново перечитывать сделанное Коленкуром мрачное описание русской зимы 1812 года, закончившейся для французов

катастрофой.

Далеко на юге, где погода стояла немного теплее, но дожди и грязь были такие же, как и здесь, на центральном направлении, дела тоже шли неважно. Танки Клейста вступили в Ростов–на–Дону 21 ноября под фанфарную трескотню Геббельсовской пропаганды о том, что «ворота на Кавказ» открыты. Однако ворота эти недолго оставались открытыми. Как Клейст, так и Рундштедт понимали, что не смогут удержать Ростов. Спустя пять дней русские выбили немцев из Ростова, атаковав на северном и южном флангах так, что те сломя голову бежали 50 миль до реки Миус, где Клейст и Рундштедт намеревались создать рубеж обороны на зимний период.

Отступление из Ростова стало еще одним, правда менее значительным, поворотным пунктом в истории третьего рейха. Здесь нацистская армия впервые потерпела крупную неудачу. «Наши беды начались с Ростова, — комментировал позднее Гудериан. — Это было зловещее предзнаменование». Фельдмаршалу фон Рунд–штедту оно стоило поста командующего на южном направлении. Об этом драматичном событии, произошедшем во время отступления к Миусу, фельдмаршал рассказывал впоследствии союзным следователям:

«Неожиданно я получил от фюрера приказ оставаться там, где мы находимся, и не отступать дальше. Я немедленно телеграфировал в ответ: «Пытаться удержать позиции — безумие. Во–первых, войска не смогут этого сделать; во–вторых, если они не отступят, то будут уничтожены. Повторяю, этот приказ необходимо отменить или придется подыскать кого–нибудь другого на мое место». В тот же вечер от фюрера поступил ответ: «Согласен с вашей просьбой. Пожалуйста, сдайте командование». И тогда я направился домой»[111].

Эта мания издалека отдавать войскам приказы удержаться на рубеже, несмотря ни на какие тяжелейшие условия, возможно, спасла немецкую армию от полного развала под сокрушительными ударами, которые ждали ее впереди. Хотя многие генералы оспаривают, но именно это привело немецкую армию к Сталинграду и другим катастрофическим поражениям, что помогло решить судьбу Гитлера.

Сильные снегопады и морозы в ту зиму начались в России рано. Гудериан зафиксировал первый снег в ночь на 7 октября, как раз когда возобновилось наступление на Москву. Это побудило его вновь запросить вышестоящий штаб о зимней одежде, особенно об утепленной обуви и шерстяных носках. 12 октября снегопад все еще продолжался. 3 ноября ударили морозы, температура заметно понизилась. 7 ноября Гудериан уже докладывал о «случаях серьезного обморожения» в частях, а 13–го о том, что температура упала до минус восьми градусов мороза по Фаренгейту и отсутствие зимней одежды «сказывается все сильнее».

«Лед начинает причинять много неприятностей, — писал Гудериан, поскольку шипы для танковых тягачей еще не поступили. Холод сделал бесполезными телескопические

---

[111] «Фюрер в сильнейшем возбуждении… — зафиксировал в своем дневнике 30 ноября генерал Гальдер, описывая отступление Рундштедта к Миусу и снятие фельдмаршала с поста командующего. — Главком был вызван к фюреру в 13.00. По–видимому, произошел более чем неприятный разговор, в течение которого говорил один фюрер. Он осыпал главкома упреками и бранью и надавал необдуманных приказов». Гальдер начал в тот день свои записи с перечисления потерь, которые вермахт понес до 26 ноября. «Общие потери войск на Восточном фронте составляют (не считая больных) 734 112 офицеров и солдат, то есть 23 процента средней общей численности войск Восточного фронта (3,2 миллиона человек)».

декабря Гальдер сделал в своем дневнике запись об освобождении Рундштедта от должности командующего группой армий «Юг» и назначении на этот пост Рейхенау, командовавшего 6–й армией, которая воевала во Франции, а затем пережила тяжелые дни, сражаясь к северу от танковых дивизий Клейста, отступавших от Ростова. «…Позвонил по телефону фон Рейхенау, — пишет Гальдер. — Просил дать ему разрешение на отход сегодня ночью на позиции по Миусу. Фюрер разрешил. Итак, теперь мы находимся там, где должны были находиться вчера. В жертву принесены время и силы, кроме того, потерян Рундштедт».

«Состояние здоровья главкома, — добавил Гальдер, — из–за постоянного нервного напряжения опять вызывает беспокойство». (В дневнике Гальдера имеется запись от 10 ноября о том, что получено сообщение о тяжелом сердечном приступе у главкома.) — Прим. авт.

прицелы. Для того чтобы запустить двигатели танков, приходится разводить костер под ними. Иногда в баках замерзает топливо, а смазка затвердевает… Каждый полк (из 112–й пехотной дивизии) уже потерял около 500 человек в результате обморожений. Из–за морозов пулеметы отказывают, а наши 37–мм противотанковые орудия оказались малоэффективными против (русского) танка Т–34…

В результате распространилась паника. Это был первый случай за всю русскую кампанию, когда морозы привели к таким последствиям, что явилось предостережением: боеспособность нашей пехоты на пределе».

И не только пехоты. 21 ноября Гальдер отметил в своем дневнике, что Гудериан доложил по телефону, что «его войска выдохлись». Этот стойкий, решительный танковый командир признает, что в тот самый день решил поехать к командующему группой армий «Центр» Боку и добиться изменения отданного им приказа, поскольку «не уверен в возможности его выполнения». Он пребывал в состоянии глубокой депрессии, когда писал:

«Ледяной холод, укрытий нет, нехватка теплой одежды, тяжелые потери среди личного состава и боевой техники, из рук вон плохое снабжение горючим — все это превращает обязанности командира в жалкие хлопоты, и чем дольше продолжается такое положение, тем сильнее давит неимоверная ответственность, которую на меня возложили».

Ретроспективно Гудериан добавил:

«Только тот, кто сам видел бескрайнее пространство русских снегов в ту зиму и наше бедственное положение и почувствовал на себе неистовствовавший ледяной ветер, заметающий все пути; кто час за часом преодолевал просторы ничейной земли, чтобы в конце концов отыскать жалкое прибежище, в котором укрывались скверно одетые, полуголодные солдаты; кто мог сравнить их с хорошо накормленными, тепло одетыми, крепкими сибиряками, полностью оснащенными для ведения боев в зимних условиях… способен по–настоящему судить о событиях, которые потом произошли».

Теперь пора изложить вкратце события тех дней. При этом нельзя не подчеркнуть одно обстоятельство: сколь ужасной ни была русская зима и сколь ни бесспорно, что советские войска оказались лучше подготовлены к ней, чем немцы, фактором, определившим исход сражения, явилась не погода, а ожесточенное сопротивление советских войск, их неукротимая воля не сдаваться. Это подтверждается дневниковыми записями Гальдера и донесениями командующих с фронтов, в которых постоянно находит отражение изумление перед решимостью и ожесточенностью русских атак и контратак и отчаяние по поводу немецких неудач и понесенных потерь. Нацистские генералы не могли понять, почему русские, несмотря на откровенно тиранический режим и катастрофические последствия первых немецких ударов, выстояли, не потерпели полного краха, подобно французам и многим другим народам и государствам, которые разваливались от ударов менее мощных.

«С удивлением и разочарованием, — пишет Блюментрит, — мы обнаружили в конце октября — начале ноября, что разгромленные русские, очевидно, совершенно не осознают, что как военная сила они почти перестали существовать». Гудериан рассказывал о старом отставном царском генерале, которого он встретил по дороге на Москву, в Орле.

«Если бы вы пришли двадцать лет назад, — говорил генерал Гудериану, мы бы вас встречали с распростертыми объятиями. Но теперь слишком поздно. Мы только что начали вставать на ноги, и тут появляетесь вы и отбрасываете нас на двадцать лет назад, так что нам снова придется начинать все сначала. Теперь мы сражаемся за Россию, а в этом деле мы все едины».

И тем не менее по мере того, как ноябрь с его метелями, буранами и постоянными морозами приближался к концу, Гитлер и большинство генералов испытывали все меньше сомнений, что Москва падет в ближайшие дни. С севера, с юга и с запада немецкие армии подошли к столице на 20–30 миль. Гитлеру, рассматривавшему карту в своей ставке, расположенной далеко от фронта, в Восточной Пруссии, представлялось, что его войска способны преодолеть этот ничтожный отрезок пути за один бросок. Ведь его армии прошли 500 миль, а тут им осталось пройти не более 20–30 миль. «Один последний бросок, и мы

будем торжествовать», — говорил он Йодлю в середине ноября.

Во время телефонного разговора с Гальдером 22 ноября командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Бок сравнивал обстановку, сложившуюся перед последним броском на Москву, с обстановкой, сложившейся во время сражения на Марне, где последний батальон, брошенный в бой, решил его исход. Несмотря на усиливающееся сопротивление противника, Бок считал, что победа достижима. К концу ноября ему действительно пришлось бросать в бой свой последний батальон. Заключительное массированное наступление на сердце Советского Союза было намечено на 1 декабря 1941 года.

Однако наступление натолкнулось на железное сопротивление русских. Крупнейшие танковые силы были сосредоточены на одном фронте: 4–я танковая группа генерала Гепнера и 3–я танковая группа генерала Германа Гота занимали рубежи непосредственно к северу от Москвы; 2–я танковая армия Гудериана дислоцировалась к югу от столицы в районе Тулы; огромная 4–я армия фон Клюге наступала в центре, прямо на восток, через леса, окружавшие подступы к городу, — с этой грозной силой Гитлер связывал все свои надежды. 2 декабря разведывательный батальон 258–й пехотной дивизии проник в Химки, пригород Москвы, откуда были виды шпили кремлевских башен; однако на следующее утро батальон был оттеснен из Химок несколькими русскими танками и разношерстным отрядом наскоро мобилизованных рабочих города. Это была самая близкая от Москвы точка, до которой дошли немецкие войска и откуда бросили свой первый и последний взгляд на Кремль.

Вечером 1 декабря фон Бок, у которого начались сильные боли в желудке, сообщил по телефону Гальдеру, что его обескровленные войска уже не способны действовать. Начальник генерального штаба постарался подбодрить его: «…Нужно попытаться разбить противника, бросив в бой все силы до последнего. Если окончательно выяснится, что разгромить противника все–таки невозможно, тогда нужно будет принять другое решение». На следующий день Гальдер записал в дневнике: «…Сопротивление противника достигло своей кульминационной точки». 3 декабря фон Бок еще раз позвонил начальнику генерального штаба, который занес в дневник суть его сообщения:

«Опять пришлось отвести назад вырвавшиеся вперед наступающие части 4–й армии, так как соседние части не сумели продвинуться на такую же глубину… Однако уже близится час, когда силы войск иссякнут».

Когда Бок впервые заговорил о переходе к обороне, Гальдер попытался напомнить ему, что «лучшим способом обороны является наступление».

Но легче сказать, чем сделать, учитывая сопротивление русских и погодные условия. 4 декабря Гудериан, 2–я танковая армия которого пыталась ворваться в Москву с юга и была остановлена противником, докладывал, что температура упала до 31 градуса. Позднее она понизилась еще на пять градусов. Его танки застряли в неподвижности, нависла угроза на флангах и с тыла севернее Тулы.

5 декабря создалась критическая обстановка. На всем 200–мильном фронте, полудугой вытянувшемся вокруг Москвы, немецкие войска были остановлены.

К вечеру Гудериан информировал Бока, что его части не только остановлены, но и вынуждены отходить, и Бок по телефону сообщил Гальдеру, что «силы иссякли», а Браухич в отчаянии сообщил начальнику генерального штаба о своем решении уйти с поста главнокомандующего сухопутными войсками. Это был черный день для немецких генералов.

«Впервые мне пришлось принимать такое решение, — писал впоследствии Гудериан, — самое трудное из всех, какие я когда–либо принимал… Наше наступление на Москву провалилось. Все жертвы и лишения наших храбрых солдат оказались напрасными. Мы потерпели серьезнейшее поражение».

Генерал Блюментрит, занимавший пост начальника штаба 4–й армии фон Клюге, понял, что наступил поворотный момент. Вспоминая впоследствии эти события, он писал: «Наши надежды покончить с Россией в 1941 году были перечеркнуты в самую последнюю

минуту».

6 декабря нанес ответный удар генерал Георгий Жуков, сменивший маршала Тимошенко на посту командующего Центральным фронтом всего шесть недель назад. Чтобы отогнать немцев от Москвы, он бросил в наступление на фронте 200 миль семь армий и два кавалерийских корпуса — всего 100 дивизий, состоявших либо из свежих формирований, либо из испытанных в боях частей, которые были хорошо оснащены и обучены ведению боевых действий в суровых зимних условиях. Удар, который этот относительно малоизвестный генерал нанес силам столь грозной группировки, состоявшей из пехоты, артиллерии, танков, кавалерии и самолетов, был таким неожиданным и сокрушительным, что немецкая армия и третий рейх после него в полной мере так и не оправились. В течение нескольких недель необычно сурового декабря и первой половины января казалось, что отступающие немецкие армии, фронт которых постоянно прорывали советские войска, погибнут в русских снегах, как это случилось с великой армией Наполеона 130 лет назад. Можно отметить несколько критических моментов, когда немецкие армии были на грани краха. И, вероятно, лишь благодаря железной воле и решимости Гитлера и несомненной стойкости немецкого солдата армии третьего рейха были спасены от окончательного разгрома.»

Однако это было серьезное поражение. Красная Армия понесла тяжелые потери, но не была уничтожена. Немцам же не удалось овладеть ни Москвой, ни Ленинградом, ни Сталинградом, ни нефтеносными районами Кавказа; продолжали функционировать и жизненно важные артерии, связывающие Россию с Англией и Америкой. Впервые за более чем два года непрерывных военных побед армии Гитлера отступали под напором превосходящей силы.

Но это еще не все. Масштабы поражения измерялись не только этим. Гальдер это понял, хотя и несколько позднее. «Разбит миф о непобедимости немецкой армии», — писал он. С наступлением лета немецкая армия добьется в России новых побед, но это уже не восстановит миф о ее непобедимости. Поэтому 6 декабря 1941 года можно считать поворотным моментом в краткой истории третьего рейха, причем одним из самых роковых моментов. Сила и могущество Гитлера достигли своего апогея, начиная с этого момента они пошли на убыль, подрываемые нарастающими контрударами народов, против которых он развязал агрессию.

Поражение под Москвой вызвало решительную перетряску в немецком высшем командовании и среди командующих войсками на фронтах. Как только немецкие армии начали отступать по обледенелым дорогам и заснеженным полям под ударами советских войск, полетели головы немецких генералов. Рундштедт был отстранен от командования южными армиями, так как оказался вынужден отступить из Ростова. После декабрьского поражения под Москвой у фельдмаршала фон Бока усилились боли в желудке, и 18 декабря его заменили фельдмаршалом фон Клюге, а измотанная 4–я армия была навсегда изгнана из Подмосковья. Даже решительный генерал Гудериан, инициатор боевых действий с массированным использованием бронетанковой техники, осуществивший коренные изменения в современном бою, на рождество был отстранен от командования за отдачу приказа к отступлению без разрешения сверху. Генерала Гепнера, не менее блестящего командира, танковая группа которого достигла северных пригородов Москвы, прежде чем была отогнана, Гитлер внезапно снял по той же причине и лишил воинского звания, запретив носить военную форму. Генерал Ганс фон Шпонек, награжденный за год до этого Рыцарским крестом, после того как возглавил выброску воздушных десантов в Гааге, подвергся самому суровому наказанию за то, что 29 декабря отвел одну из дивизий своего корпуса в Крыму, когда русские войска высадили у него в тылу морской десант. Его не только разжаловали, но и посадили в тюрьму, по настоянию Гитлера приговорив к смертной казни[112].

---

[112] Генерал был казнен после июльского заговора (1944 год) против Гитлера, хотя не имел к нему никакого отношения. — Прим. авт.

Даже у раболепствующего Кейтеля возникли неприятности с верховным главнокомандующим. Кейтель обладал в достаточной мере здравым смыслом, чтобы уже в первые дни декабря понять: общий отход под Москвой необходим для предотвращения катастрофы. Однако, когда он набрался мужества и сказал об этом Гитлеру, тот накричал на него и назвал болваном. Спустя некоторое время Йодль застал начальника штаба верховного главнокомандования вооруженными силами в подавленном состоянии: он сидел за столом и писал рапорт об отставке, а рядом с ним лежал револьвер. Йодль потихоньку убрал револьвер и убедил Кейтеля — очевидно, без особых затруднений — оставаться на посту и продолжать проглатывать оскорбления фюрера, что он с поразительной терпеливостью и делал до самого конца.

Напряжение, столь необходимое, чтобы управлять войсками, не всегда добивавшимися побед, под руководством верховного главнокомандующего, требовавшего непрерывных побед, привело к повторению сердечных приступов у фельдмаршала фон Браухича, и к тому времени, когда началось контрнаступление Жукова, у него созрело решение сложить с себя обязанности главнокомандующего сухопутными войсками. 15 декабря он вернулся в ставку после поездки на фронт, и Гальдер застал его «ужасно удрученным». «Он (Браухич) не видит больше никаких средств, — записал Гальдер в дневнике, — с помощью которых можно было бы вывести армию из нынешнего тяжелого положения». Браухич дошел до ручки. 7 декабря он обратился к Гитлеру с просьбой освободить его от обязанностей главнокомандующего сухопутными войсками, 17 декабря повторил свою просьбу, а через пару дней был официально освобожден от этой должности. Что думал три недели спустя фюрер о человеке, которого сам поставил во главе сухопутных войск, записал в своем дневнике Геббельс:

«Упоминая о нем (Браухиче), фюрер употреблял лишь презрительные выражения. Надутый, трусливый, жалкий человек… просто тряпка».

В своем близком окружении Гитлер говорил о Браухиче: «Это не солдат, это соломенное чучело. Если бы Браухич оставался на своем посту еще несколько недель, то все закончилось бы катастрофой».

Некоторое время в армейских кругах обсуждали, кто будет назначен вместо Браухича, но эти разговоры носили примерно такой же характер, что и много лет назад, когда обсуждали, кто же заменит Гинденбурга. 19 декабря Гитлер вызвал к себе Гальдера и объявил ему, что намерен взять на себя командование сухопутными войсками. Гальдер может оставаться начальником генерального штаба, если хочет. И Гальдер захотел, хотя Гитлер дал ясно понять, что с этого момента он будет сам управлять сухопутными войсками, как и всем прочим в Германии.

«Гитлер говорил начальнику генерального штаба, что этот вопрос сводится к оперативному руководству и под силу любому. Задача главнокомандующего сухопутными войсками состоит в том, чтобы обучать личный состав армии в национал–социалистском духе, а он не знает ни одного генерала, который делал бы это так, как он хочет. Вследствие этого он и решил взять руководство сухопутными войсками в свои руки».

Таким образом, победа Гитлера над прусским офицерским корпусом была полной. Бывший венский бродяга и бывший ефрейтор стал главой государства, военным министром, верховным главнокомандующим вооруженными силами и главнокомандующим сухопутными войсками. Теперь генералы, как жаловался Гальдер в своем дневнике, превратились в простых почтальонов, доставлявших исполнителям приказы Гитлера, основанные на его понимании стратегии. Страдающий манией величия диктатор вскоре сосредоточил в своих руках такую власть, какой до него в немецком рейхе не обладал никто — ни император, ни король, ни президент. 26 апреля 1942 года он проштамповал через рейхстаг закон, предоставивший ему абсолютную власть над жизнью и смертью каждого немца, и попросту аннулировал все законы, которые могли ему помешать. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с формулировкой закона:

«…В нынешней войне, когда немецкий народ оказался перед необходимостью вести борьбу за свое существование, фюрер должен быть наделен всеми правами, которые ему потребуются для ведения борьбы до победного конца. Поэтому, не связывая себя существующими юридическими нормами, фюрер, как лидер нации, верховный главнокомандующий вооруженными силами, глава правительства и высшей исполнительной власти, верховный судья и лидер партии, должен иметь право в случае необходимости, используя все имеющиеся в его распоряжении средства, заставить любого немца, будь то рядовой солдат или офицер, мелкий служащий, высокопоставленный чиновник или судья, ведущий или рядовой партийный функционер, рабочий или работодатель, выполнить свои обязанности. В случае нарушения указанных обязанностей фюрер полномочен после тщательного расследования обстоятельств, независимо от так называемых прежних заслуг, определять меру наказания, лишать нарушителя занимаемой должности, звания и положения без соблюдения предусмотренных на этот случай юридических процедур».

Ни в средние века, ни в эпоху первобытного варварства ни один немец не присваивал себе столь тиранической власти, номинальной и юридической.

Однако даже без добавления таких прав Гитлер был полным хозяином армии, непосредственное руководство которой он сосредоточил теперь в своих руках. В ту суровую зиму он принимал жесточайшие меры, чтобы приостановить отступление своих разбитых армий и тем самым избавить их от судьбы наполеоновских войск, отходивших из Москвы по тем же самым покрытым льдом и снегом дорогам. Он запретил любые дальнейшие отступления. Немецкие генералы долго дебатировали по поводу его упорства: спасло ли это войска от полного разгрома или это было связано с неизбежными тяжелыми потерями. Большинство командующих считали, что, если бы им была предоставлена свобода выбора и они отвели войска с позиций, оказавшихся непригодными для обороны, они бы в значительной степени сохранили как личный состав, так и боевую технику, располагали бы более благоприятными условиями для перегруппировки и даже для контратак. В действительности же зачастую целые дивизии опрокидывались или попадали в окружение, а потом рассекались на части.

И тем не менее впоследствии некоторые генералы неохотно признавали, что благодаря железной воле Гитлера войска прекратили отход и сражались на каждом рубеже, тем самым, вероятно, избежав гибели среди снегов России. Эту точку зрения лучше всего сформулировал генерал Блюментрит:

«Фанатичный приказ Гитлера о том, что войска должны остановиться и сражаться на каждой позиции независимо от местности и неблагоприятных условий, несомненно был правильным. Гитлер инстинктивно понял, что любое отступление через снежные заносы и покрытую льдом местность в течение нескольких дней приведет к развалу фронта и что, если это случится, вермахт постигнет та же судьба, какая постигла великую армию Наполеона.

… Отход можно было осуществить только по открытой местности поскольку дороги и колонные пути оказались занесены снегом. Через несколько ночей это стало бы не под силу солдатам, которые просто ложились бы там, где они выбились из сил, и умирали. В тылу не было подготовленных позиций, на которые они могли бы отойти, и никаких рубежей, на которых они могли бы закрепиться».

С этим соглашался командир корпуса генерал Типпельскирх:

«Это было одним из крупных достижений Гитлера. В тот критический момент войска помнили о том, что они слышали об отступлении Наполеона из Москвы, и видели призрак этого далекого события. Если бы началось отступление, оно могло превратиться в паническое бегство».

В немецкой армии возникла паника, и не только на фронте, но и штабах, и об этом наглядно свидетельствуют дневниковые записи Гальдера. «Очень тяжелый день» — такими словами начинает он запись в день рождества 1941 года, а затем не раз повторяет их, описывая очередной прорыв русских или серьезное положение, складывавшееся то в одной, то в другой армии.

30 декабря. Снова тяжелый день!.. Фюрер по телефону вел возбужденные переговоры с фон Клюге. Он отклонил ходатайство об отводе войск северного фланга 4–й армии. Очень тяжелое положение создалось на фронте 9–й армии, где командование, как мне кажется, совершенно потеряло выдержку. В полдень мне позвонил взволнованный фон Клюге. Он сообщил, что 9–я армия хотела бы отойти за Ржев…

2 января 1942 года. Весь день ожесточенные бои… В то время на фронте 4–й и 9–й армий возник тяжелый кризис. Прорыв противника севернее Малоярославца превратился в оперативный, и в настоящий момент трудно даже сказать, каким образом можно восстановить положение… Сложившаяся обстановка побудила маршала фон Клюге запросить разрешения на отвод войск на соседних участках. У меня произошло бурное объяснение с фюрером, который продолжает настаивать на своем. Таким образом, линия фронта останется без изменений, невзирая на последствия…

3 января. В связи с очень глубоким прорывом противника между Малоярославцем и Боровском обстановка на фронте группы армий «Центр» чрезвычайно осложнилась. Кюблер[113] и Бок очень обеспокоены. Последний требует разрешения на отвод войск на соседнем север?4 ном участке. В ставке фюрера снова разыгралась драматическая сцена. Он высказал сомнение в мужестве и решительности генералов. В действительности же все дело в том, что войска просто–напросто не могут больше выдерживать морозы свыше 30 градусов. Фюрер принял следующее решение: в первую очередь закрыть брешь используя поддержку войск с соседних участков, и лишь после этого поднимать вопрос об отходе. Однако в любом случае решение будет принимать он сам».

Но теперь такие вопросы решает уже не фюрер, а Красная Армия. Гитлер мог заставить немецкие войска стоять насмерть, но был не в силах остановить советское наступление. В один из моментов паники некоторые офицеры из верховного командования высказали мнение, что ситуацию, вероятно, можно было бы исправить, применив против русских отравляющие вещества. «Полковник Окснер хочет мне навязать химическую войну против русских», — пишет Гальдер в дневнике 7 января. Но было, пожалуй, чересчур холодно. Во всяком случае, из этого предложения ничего не вышло.

«Очень трудный день! — отметил в дневнике Гальдер 8 января. — Развитие прорыва противника у Сухиничей на запад становится невыносимым для Клюге. В связи с этим раздаются настойчивые требования об отходе 4–й армии.» В течение дня фельдмаршал несколько раз звонил фюреру, и Гальдер поддерживал его требование. В конце концов фюрер с неохотой дал согласие на отход. Клюге должен осуществить отвод войск постепенно, чтобы сохранить свои коммуникации.

Постепенно, шаг за шагом, а иногда и ускоренным шагом на протяжении всей той мрачной зимы немецкие армии, которые собирались праздновать рождество в Москве, отступали; теперь их вынуждали отступать русские, осуществляя окружения и прорывы. К концу февраля немцы оказались отогнаны от Москвы на 75–100 миль. Гальдер записал в своем дневнике, во что обошлась немцам их русская авантюра. Общие потери по 28 февраля 1942 года, как отмечал Гальдер, составили 1 005 636 человек, или 31 процент всей численности войск Восточного фронта; из них 202251 человек составляли убитые, 725 642 — раненые и 46511 — пропавшие без вести. (Потери от обморожений составили 112627 человек.) Сюда не включены потери, понесенные в России венграми, румынами, итальянцами.

С приходом весенней оттепели на всем растянутом фронте наступило затишье и Гитлер с Гальдером принялись составлять планы доставки на Восточный фронт свежих войск, дополнительных танков и орудий, чтобы возобновить наступление по крайней мере на одном

---

[113] Генерал Кюблер заменил Клюге на посту командующего 4–й армией 26 декабря, когда тот принял на себя командование группой армий «Центр». Будучи стойким и решительным, Кюблер тем не менее выдержал напряжение только в течение трех недель, после чего был смещен и заменен генералом Хейнрици. — Прим. авт.

из участков. У них уже никогда на будет достаточно сил, чтобы наступать одновременно по всему огромному фронту. Жестокие итоги зимы, прежде всего контрнаступления Жукова, лишили немцев такой возможности.

Однако Гитлер, как мы теперь знаем, давно понял, что его замыслы завоевать Россию — не только в шесть месяцев, но и когда–либо — сорвались. В дневниковых записях от 19 ноября 1941 года генерал Гальдер излагает суть длинного доклада фюрера нескольким офицерам из верховного командования. Хотя его армии находятся всего в нескольких милях от Москвы и все еще силятся захватить ее, Гитлер оставил надежду разгромить Россию в этом году и все свои помыслы направил на достижение целей в следующем году. Гальдер записал вкратце идеи вождя.

«Задачи на будущий (1942) год. В первую очередь — Кавказ. Цель — выход к южной русской границе. Срок: март — апрель. На севере — в зависимости от итогов операций этого года. Овладение Вологдой или Горьким. Срок — к концу мая.

Вопрос о том, какие цели можно будет поставить перед собой, после этого, пока не решен. Это будет зависеть от эффективность работы наших железных дорог. Вопрос о создании в дальнейшем Восточного вала также оставлен открытым!»

Не потребуется никакого Восточного вала, если Советский! Союз будет уничтожен. Кажется, Гальдер что–то обдумывал, слушав; дальнейшее изложение замыслов верховного главнокомандующего.

«В целом, — заключает Гальдер, — можно ожидать, что обе враждующие группы стран, не будучи в состоянии уничтожить одна другую, придут к компромиссному соглашению».

Это, должно быть, явилось глубоким разочарованием для нацистского завоевателя, который всего за шесть недель до этого, выступая по Берлинскому радио, «без каких–либо оговорок» заявил, что Россия «повержена и никогда больше не поднимется». Но его расчеты и планы оказались сорваны, его надежды остались неосуществлены. Спустя пару недель, 6 декабря, они были вообще перечеркнуты, когда его разгромленные войска начали отходить из пригородов Москвы.

На следующее воскресенье, 7 декабря 1941 года, произошла событие на другой стороне земного шара, которое превратило европейскую войну, столь легко спровоцированную Гитлером, в войну мировую, которая, хотя этого он знать еще не мог, решит его судьбу и судьбу третьего рейха. Японские бомбардировщики напали на Перл–Харбор. На следующий день[114] Гитлер спешно выехал из Вольфшанце поездом в Берлин. В свое время он тайно дал Японии торжественное обещание, и теперь подошло время выполнить это обещание или отказаться от него.

НА ОЧЕРЕДИ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

Адольф Гитлер дал Японии безрассудное обещание в ходе серии переговоров, которые весной 1941 года, как раз перед нападеием Германии на Россию, вел в Берлине Есукэ Мацуока, японский министр иностранных дел. Захваченные немецкие протоколы этих переговоров позволяют обнаружить еще один крупнейший просчет Гитлера. Протоколы и другие нацистские документы этого периода свидетельствуют, что фюрер слишком несведущ, Геринг слишком невежествен, а Риббентроп слишком туп, чтобы осознать потенциальную военную мощь Соединенных Штатов, — подобный грубейший просчет был допущен во время мировой войны Вильгельмом II, Гинденбургом и Людендорфом.

С самого начала политика Гитлера в отношении Америки грешила серьезными противоречиями. Хотя он относился с презрением к военным навыкам американцев, тем не

---

[114] Все передвижения и места пребывания Гитлера отмечены в его календаре–еженедельнике, который был найден среди захваченных документов. — Прим. авт.

менее в течение первых двух лет войны в Европе он прилагал огромные усилия, чтобы не допустить вступления в войну Америки. Как мы уже убедились, в этом видело свою главную задачу немецкое посольство в Вашингтоне, которое прибегало ко всяким уловкам вплоть до подкупа конгрессменов, попыток финансировать писателей и содействовать комитету «Америка прежде всего», чтобы поддержать американских изоляционистов и тем самым удержать Америку от вступления в войну на стороне противников Германии.

Что Соединенные Штаты, пока там президентом оставался Рузвельт, препятствовали осуществлению грандиозных планов Гитлера по завоеванию мирового господства и разделению планеты между державами тройственного пакта, нацистский диктатор, как это явствует из его частных бесед в узком кругу, прекрасно понимал. Он считал, что с Америкой придется в конце концов расправиться, и расправиться, по его словам, сурово. Но только после других государств, а не в одно время с ними. В этом и состоял секрет его успешной стратегии. Придет и очередь Америки, но только после Великобритании и Советского Союза, когда эти страны будут разбиты. И тогда при помощи Японии и Италии он сможет расправиться с американскими выскочками, которые, оказавшись в полной изоляции, легко поддадутся давлению победоносных держав оси.

Японии отводилась ключевая роль в усилиях Гитлера удержать Америку от вступления в войну, пока Германия не будет готова бросить ей вызов. Япония, как уверял Риббентроп итальянского диктатора 11 марта 1940 года, явится противовесом для Соединенных Штатов, она будет удерживать Америку от попыток вступить в европейскую войну против Германии, как делала это в первую мировую войну.

Во время войны, как подчеркивали Гитлер и Риббентроп, для Японии важно не спровоцировать Соединенные Штаты на отказ от политики нейтралитета. К началу 1941 года нацистские лидеры уже всеми силами стремились втянуть Японию в войну, но не против Америки и не против России, на которую Германия вскоре должна была напасть, а против Англии, которая отказывалась капитулировать, даже потерпев поражение. Немецкое давление на Японию в начале 1941 года усилилось. 23 февраля Риббентроп принял в присвоенном им имении в Фушле, расположенном близ Зальцбурга, вспыльчивого японского посла генерала Хироси Осиму, который нередко производил на автора этих строк впечатление большего нациста, чем сами нацисты. Хотя война уже выиграна, говорил Риббентроп своему гостю, Япония в ее собственных интересах должна вступить в нее как можно скорее и овладеть территориями, принадлежащими Британской империи в Азии.

«Внезапное вмешательство Японии, — продолжал Риббентроп, — непременно удержит Америку от вступления в войну. Америка, в настоящее время фактически не имеющая вооруженных сил, будет колебаться, подвергать ли ей риску свой военно–морской флот западнее Гавайских островов, а в случае вступления Японии в войну она тем более не пойдет на такой риск. Если Япония во всех иных отношениях станет уважать интересы Америки, то у Рузвельта не будет возможности использовать доводы престижного характера, чтобы сделать вступление США в войну приемлемым для американцев. Мало вероятно, чтобы Америка объявила войну, если ей пришлось бы стать очевидицей захвата Филиппин Японией».

Но если бы даже Соединенные Штаты оказались вовлечены в войну, продолжал Риббентроп, то «это не поставило бы под угрозу конечную победу держав тройственного пакта». Японский флот легко разбил бы американский, и война бы быстро закончилась поражением как Англии, так и Америки.

Эта речь вскружила голову драчливому японскому генералу, а Риббентроп все подогревал его аппетит. Он советовал японцам проявлять твердость на переговорах в Вашингтоне.

«Соединенные Штаты только в том случае отступят, если они осознают, что столкнулись с твердой решимостью. Американцы… не хотят приносить в жертву своих сыновей, поэтому они против вступления в войну. Американский народ инстинктивно чувствует, что его без всякой на то причины втягивают в войну Рузвельт и еврейские

закулисные махинаторы. Поэтому наша политика по отношению к Соединенным Штатам должна быть твердой и ясной…»

У нацистского министра иностранных дел имелось в резерве еще одно предостережение — то самое, которое, к великому огорчению нацистов, не оказало влияния на Франко:

«Если Германия когда–либо ослабеем, то Японии сразу же придется противостоять мировой коалиции. Мы все в одной лодке. Судьба обеих стран решается сейчас на столетия вперед… Поражение Германии означало бы также конец японским империалистическим замыслам».

Чтобы ознакомить со своей новой политикой в отношении Японии высших военачальников и руководящий состав министерства иностранных дел, Гитлер издал 5 марта 1941 года совершенно секретную директиву, озаглавленную «Основополагающий приказ №24 относительно сотрудничества с Японией».

«Цель сотрудничества, основанного ни тройственном пакте, — как можно скорее склонить Японию к принятию активных мер на Дальнем Востоке. Таким образом там окажутся скованы значительные английские силы, а центр тяжести интересов Соединенных Штатов переместится в зону Тихого океана… Следует подчеркнуть, что общая цель ведения войны состоит в том, чтобы быстрее поставить Англию на колени и тем самым удержать США от вступления в войну.

Захват Сингапура как ключевой английской позиции на Дальнем Востоке будет иметь решающее значение для ведения войны тремя державами беи в целом».

Гитлер настаивал также на захвате японцами других английских военно–морских баз, «если вступление Соединенных Штатов в войну не удастся предотвратить». В заключение он предупреждал, что японцам не нужно давать никакой информации относительно операции «Барбаросса». По его мнению, японского союзника, как и итальянского, необходимо использовать для осуществления честолюбивых замыслов Германии, но ни то, ни другое правительство не следовало посвящать в планы фюрера относительно нападения на Россию.

Спустя пару недель, 18 марта, на совещании у Гитлера, Кейтеля и Йодля адмирал Редер решительно настаивал на том, чтобы оказать давление на Японию и побудить ее напасть на Сингапур. Он объяснил, что в дальнейшем уже не будет столь благоприятных условий, когда можно сковать весь английский флот, когда налицо неподготовленность США к войне с Японией, когда американский флот существенно уступает японскому. Захват Сингапура, говорил адмирал, «решит все прочие азиатские проблемы, связанные с США и Англией», и, конечно, позволит Японии избежать войны с Америкой, если она этого захочет. По мнению адмирала, имелась только одна помеха на этом пути, и упоминание о ней, должно быть, заставило Гитлера нахмуриться. Согласно данным военно–морской разведки, Япония намеревалась выступить против англичан в Юго–Восточной Азии только в том случае, «если Германия начнет высадку в Англии». В протокольных записях этого совещания, хранящихся в архиве военно–морских сил, нет никаких указаний о том, как отреагировал Гитлер на это сообщение Редера. Адмирал наверняка знал, что верховный главнокомандующий не планирует высаживаться в Англии в этом году. Редер говорил еще кое о чем, но фюрер опять никак не отреагировал. Он лишь порекомендовал проинформировать Мацуоку о планах относительно России[115].

Теперь японский министр иностранных дел держал путь в Берлин через Сибирь и Москву, делая на протяжении маршрута воинственные заявления в духе держав оси, как заметил государственный секретарь США Корделл Хэлл[116]. Прибытие Мацуоки в

---

[115] До сих пор не выяснено, было ли так в действительности или что–то напутано в документах — Прим. пер.

[116] Хэлш высказал это замечание новому японскому послу в Вашингтоне адмиралу Номуре 14 марта в присутствии Рузвельта. Номура ответил, что Мацуока «громко говорил для граждан своей страны, так как

германскую столицу 26 марта совпало с неприятным для Гитлера моментом: ночью в Югославии в результате переворота было свергнуто прогерманское правительство, и фюрер был так занят срочной разработкой планов подавления беспокойного балканского государства, что ему пришлось отложить встречу с японцем до полудня 27 марта. Риббентроп принял японца утром. Он занялся, так сказать, про–шрыванием старых пластинок, зарезервированных для таких случаев, и умудрился при этом выказать себя даже более глупым, чем обычно, не позволив проворному маленькому Мацуоке вставить ни единого слова. Пространные конфиденциальные записи, сделанные доктором Шмидтом (и теперь хранящиеся среди захваченных документов министерства иностранных дел), не оставляют в этом никаких сомнений. «Война уже определенно выиграна державами оси, — заявил Риббентроп, — и только вопрос времени, когда Англия признает это». Не переводя дыхания, он стал настойчиво требовать от японца «быстрого нападения на Сингапур», поскольку это явилось бы решающим фактором в скорейшем крушении Англии. Слушая такие противоречивые заявления, тщедушный японский гость даже глазом не моргнул. «Он сидел с непроницаемым лицом, вспоминал впоследствии доктор Шмидт, — ничем не обнаруживая, какое впечатление произвели на него эти удивительные утверждения».

«Что касается Америки, то нет никакого сомнения, — сказал Риббентроп, что англичане давно бы вышли из войны, если бы Рузвельт каждый раз не обнадеживал Черчилля… Тройственный пакт имеет своей целью прежде всего запугать Америку и удержать ее от вступления в войну… Любыми допустимыми средствами нужно предотвратить активное участие Америки в войне и оказание ею слишком эффективной помощи Англии… Захват Сингапура, скорее всего, удержал бы Америку от вступления в войну, и она едва ли рискнула бы послать свой флот в японские воды… Рузвельт оказался бы в очень трудном положении».

Хотя Гитлер запретил давать Мацуоке информацию о предстоящем нападении Германии на Россию (необходимая предосторожность во избежание утечки информации), тем не менее утечка произошла, что привело к катастрофическим для Германии последствиям. Риббентроп намекнул своему японскому партнеру, что отношения с Советским Союзом вполне корректные, но не очень дружественные. Более того, вздумай Россия угрожать Германии, фюрер ее «раздавит». Фюрер убежден, что если дело дойдет до войны, то «через несколько месяцев Россия перестанет существовать».

При этих словах, говорил позднее Шмидт, Мацуока заморгал и встревожился, и тут Риббентроп поспешил заверить его, что он сомневается, чтобы «Сталин стал осуществлять неразумную политику». В этот момент Риббентропа вызвал Гитлер, чтобы обсудить югославский кризис, и нацистский министр не смог присутствовать на официальном завтраке, который, как предполагалось, он давал в честь высокого гостя.

Днем 27 марта, приняв решение раздавить еще одно государство Югославию, Гитлер продолжил обработку японского министра иностранных дел. «Англия уже проиграла войну», — заявил он. Признать это — только вопрос времени. И все же англичане хватаются за две соломинки: Россию и Америку. В отношении Советского Союза Гитлер высказывался более осторожно, чем Риббентроп. Он не верит, что угроза войны с Россией реальна. В конце концов, у Германии «для обороны от России» имеется от 160 до 170 дивизий, что касается Соединенных Штатов, то он сказал следующее:

«У Америки имеются три возможности: она могла бы вооружаться, она могла бы помогать Англии или она могла бы вести войну на другом фронте. Если она хочет помогать Англии, то может не вооружаться. Если она оставит Англию, то последняя будет разгромлена и тогда Америка окажется одинокой в войне против держав оси. Однако в любом случае Америка не сможет одновременно вести войну на другом фронте».

Поэтому, заключил фюрер, невозможно даже представить более благоприятные условия для японцев, чем теперь, для нанесения удара на Тихом океане. «Такой момент, —

страдает политическим тщеславием» (Хэлл К. Мемуары, с 900–901) — Прим. авт.

произнес он как можно весомее, — никогда не повторится. Это уникальный шанс в истории». Мацуока согласился с Гитлером, но при этом напомнил, что к сожалению, не он правит Японией и в настоящий момент не может дать никаких обещаний от имени японской империи.

Однако Гитлер, являясь абсолютным диктатором, мог давать обещания и он дал их Японии — как бы между делом, хотя его никто об этом не просил, — 4 апреля по возращении Мацуоки в Берлин после встречи с Муссолини[117]. Эта вторая встреча состоялась накануне нацистского нападения на Югославию и Грецию, и фюрер, жаждавший одержать новую легкую победу и отомстить Белграду, пребывал в воинственном настроении. По его словам, он считал войну с Соединенными Штатами нежелательной и учитывал это в своих планах. Однако он не очень высокого мнения о военной мощи Америки[118].

Германия произвела необходимые приготовления, так что ни один американец не сможет высадиться в Европе. Германия повела бы решительную войну против Америки с помощью подводных лодок и люфтваффе, а имея огромный боевой опыт, она оказалась бы более чем грозным для Америки противником, не говоря уже о том, что немецкие солдаты, безусловно, намного превосходят американских.

Это хвастовство и спровоцировало его дать роковое обещание, зафиксированное доктором Шмидтом: «Если Япония вступит в конфликт с Соединенными Штатами, Германия со своей стороны немедленно предпримет необходимые шаги».

Из записей Шмидта явствует, что Мацуока не вполне уяснил значение обещаний фюрера, и Гитлер еще раз повторил: «Германия немедленно вмешается в случае конфликта между Японией и Америкой».

Гитлер дорого заплатил не только за это обещание, случайно оброненное, но и за обман — он так ничего и не сказал японцу о своем намерении напасть на Россию, как только будут оккупированы Балканы. Во время переговоров 28 марта Мацуока спросил Риббентропа, необходимо ли ему на обратном пути «остановиться в Москве, чтобы провести переговоры с русскими по поводу пакта о ненападении или договора о нейтралитете». Тупоумный нацистский министр иностранных дел самодовольно ответил, что Мацуоке «по возможности не следует поднимать этот вопрос в Москве, поскольку он, по–видимому, не будет укладываться в рамки нынешней ситуации». Он не совсем понял значение того, что готовилось. Но на следующий день, осознав наконец смысл сказанного, начал с того, что вернулся к этой теме. Мимоходом, как это предстояло сделать 4 апреля Гитлеру, он заговорил о немецких гарантиях: если Россия нападет на Японию, то «Германия немедленно нанесет удар». Он сказал, что хочет дать такое заверение, — «чтобы Япония могла двинуться на юг, в сторону Сингапура, не опасаясь каких–либо осложнений с Россией». Когда Мацуока сказал, что, будучи в Москве по пути в Берлин, он сам предложил русским заключить пакт о ненападении, и намекнул, что русские благосклонно восприняли его предложение, Риббентроп опять обнаружил нечто вроде провала памяти: он просто посоветовал Мацуоке не придавать этой проблеме «серьезного значения».

Однако, как только японский министр иностранных дел по пути домой снова оказался в Москве, он подписал пакт о нейтралитете со Сталиным, предусматривавший, что каждая

---

[117] Мацуока информировал Гитлера, что Муссолини сказал ему: «Америка является врагом номер один, а Советский Союз стоит только на втором месте». — Прим. авт.

[118] Как и обо всем американском. Его своеобразное представление об Америке — к этому времени Гитлер сам уверовал в нацистскую пропаганду — получило дальнейшее развитие в разговоре с Муссолини, состоявшемся на русском фронте в конце августа 1941 года. «Фюрер сделал детальное описание окружающей Рузвельта еврейской клики, которая эксплуатирует американский народ, — говорится в одном из архивных итальянских документов. — Он сказал, что просто не смог бы жить в такой стране, как США, где жизненные концепции пропитаны духом коммерции и где не любят возвышенных проявлений человеческого духа, таких, как музыка» (Дипломатические Документы Чиано, с. 449–452). — Прим. авт.

сторона останется нейтральной в случае, если другая сторона окажется втянутой в войну, Шуленбург, предвидевший возможные последствия этого пакта, так и информировал Берлин. Этот пакт, подписанный 13 апреля, Япония соблюдала до конца вопреки отчаянным усилиям Германии вынудить ее не считаться с его условиями, ведь уже к концу лета 1941 года нацисты стали упрашивать японцев атаковать не Сингапур или Манилу, а Владивосток.

Однако вначале Гитлер просто не придал значения русско–японскому пакту о нейтралитете. 20 апреля он говорил адмиралу Редеру, заинтересовавшемуся пактом, что он заключен «с молчаливого согласия Германии» и что он, фюрер, приветствовал заключение пакта, «так как теперь Япония воздержится от действий против Владивостока и вместо этого будет склонна напасть на Сингапур»[119].

На этой стадии Гитлер был уверен, что Германия разгромит Россию в течение летней кампании. Он не хотел делить с Японией лавры победоносной кампании в России, как ранее не захотел делиться с Италией славой, добытой на полях Франции. И он был абсолютно уверен, что не потребуется никакой помощи от японцев. Повторяя мысли своего хозяина, Риббентроп говорил японскому министру иностранных дел 29 марта, что, если Россия вынудит Германию нанести удар, он бы «считал разумным, чтобы японская армия воздержалась от нападения на Россию».

Однако уже три месяца спустя взгляды Гитлера и Риббентропа по этому вопросу изменились, причем изменились самым решительным образом. Через шесть дней после того, как нацистские армии напали на Россию, 28 июня 1941 года, Риббентроп направил немецкому послу в Токио генералу Ойгену Отту телеграмму с просьбой сделать все возможное, чтобы вынудить японцев поскорее напасть на Советскую Россию с тыла. Послу рекомендовалось пробудить в японцах жажду военных трофеев, а также доказывать им, что это лучший способ удержать Америку на нейтральных позициях. «Можно ожидать, — пояснял Риббентроп своему послу в Японии, — что быстрое поражение Советской России, особенно, если Япония откроет боевые действия на Востоке, явится лучшим аргументом, способным убедить Соединенные Штаты в полной тщетности вступления в войну на стороне Великобритании, полностью изолированной перед лицом самого мощного в мире альянса».

Мацуока высказался в пользу немедленной войны с Россией, но его взгляды не нашли поддержки у правительства Токио, которое, очевидно, считало, что если немцы, как они утверждают, быстро разобьют Россию, то им не потребуется помощь от японцев. Однако правительство Токио не было уверено в молниеносной победе нацистов, и это являлось подлинной причиной занятой Японией позиции.

И все же Риббентроп настаивал. 10 июля, когда немецкое наступление в России действительно развивалось с небывалом успехом и даже Гальдер, как мы убедились, считал, что победа уже обеспечена, нацистский министр иностранных дел направил из специального поезда на Восточном фронте своему послу в Токио новую, более жесткую телеграмму:

«Поскольку Россия находится в состоянии, близком к развалу… просто недопустимо, чтобы Япония не попыталась решить проблему Владивостока и района Сибири, как только будут завершены военные приготовления.

Я прошу вас использовать все имеющиеся средства, чтобы настоять на вступлении Японии в войну против России в самые ближайшие сроки… Чем скорее она вступит в войну,

---

[119] Известие о подписании в Москве советско–японского пакта о нейтралитете вызвало тревогу в Вашингтоне, где Рузвельт и Хэлл были склонны рассматривать его в той же плоскости, что и Гитлер: пакт высвобождает японские силы, предназначенные для возможных военных действий против России, для действий в южном направлении против английских и американских владений. Шервуд пишет, что 13 апреля, когда было получено известие о заключении пакта, президент набросал план действий американских боевых кораблей против немецких подводных лодок в Западной Атлантике. Установленный новый порядок требовал, чтобы американские боевые корабли просто докладывали о передвижениях немецких боевых кораблей к западу от Исландии, но не открывали огня по ним. Считалось, что советско–японский пакт о нейтралитете сделал обстановку на Тихом океане слишком опасной, чтобы рисковать в Атлантике (Шервуд Р. Е. Рузвельт и Гопкинс, с. 291). — Прим. авт.

тем лучше. Наше естественное желание встретиться с представителями Японии на Транссибирской магистрали еще до начала зимы».

Такая головокружительная перспектива все же не повлияла на взгляды милитаристски настроенного японского правительства. Через четыре дня посол Отт ответил, что он делает все возможное, чтобы убедить японцев поскорее напасть на Россию, что Мацуока полностью поддерживает эту идею, но что ему, Отту, приходится преодолевать сильное сопротивление со стороны кабинета. Вскоре Мацуока был вынужден подать в отставку. С его уходом из состава правительства Германия потеряла верного друга, и хотя, как мы убедимся, тесные отношения между Берлином и Токио позднее будут восстановлены, они никогда на станут настолько тесными, чтобы убедить японцев, что они поступят весьма мудро, оказав помощь Германии в ее войне против России. Гитлера еще раз перехитрил в его же игре лукавый японский союзник[120].

Избегать инцидентов с Соединенными Штатами

В то время как Япония по–прежнему упорно отказывалась помогать Гитлеру таскать каштаны из огня в России, поскольку у японцев жарились свои собственные каштаны, для Германии было особенно важно удержать Соединенные Штаты от вступления в войну до разгрома Советского Союза, который, по убеждению фюрера, должен был произойти до наступления зимы.

На немецком военно–морском флоте давно роптали по поводу решения Гитлера, запрещавшего флоту мешать американским поставкам в Англию и реагировать на возрастающую враждебность американских боевых кораблей по отношению к немецким подводным лодкам и надводным кораблям, действовавшим в Атлантике. Нацистские адмиралы, видевшие значительно дальше, чем способен был видеть их фюрер, мысли которого оказались прикованы к суше, почти с самого начала войны считали неизбежным вступление в нее США и убеждали своего верховного главнокомандующего готовиться к этому. Сразу же после падения Франции, в июне 1940 года, адмирал Редер, поддержанный Герингом, принялся убеждать Гитлера захватить не только Французскую Северную Африку, но и — что было более важно — острова в Атлантике, в том числе Исландию, Азорские и Канарские острова, чтобы упредить их оккупацию Соединенными Штатами. Гитлер выразил заинтересованность в этом, но сначала он хотел вторгнуться в Англию и завоевать Россию. А потом он займется самонадеянными американцами, чье положение станет безнадежным. В совершенно секретном меморандуме майора фон Фалькенштейна, офицера генерального штаба, раскрываются взгляды, которых придерживался по этому вопросу Гитлер в конце лета 1940 года: «В настоящее время фюрер занят вопросом оккупации островов в Атлантике, имея в виду ведение войны против Америки в более позднее время. Соображения по этому

---

[120] Риббентроп в течение двух последующих лет предпринимал усилия уговорить японцев напасть на Советский Союз с тыла, но всякий раз ответ японского правительства по существу сводился к вежливому отказу.

Гитлер не терял надежды в течение лета. 26 августа он говорил Редеру, что «убежден: Япония осуществит нападение на Владивосток, как только будут сосредоточены соответствующие силы. Нынешнее видимое спокойствие Японии может быть объяснено тем фактом, что сосредоточение сил должно быть осуществлено без помех и нападение должно произойти внезапно».

Из японских архивов явствует, что правители Токио уклонялись от ответа на этот непростой немецкий вопрос. Когда, например, 19 августа посол Отт спросил у заместителя японского министра иностранных дел о вступлении Японии в войну с Россией, последний ответил, что «для Японии предпринять такое дело, как нападение на Россию, весьма серьезный вопрос, который требует всестороннего обдумывания». Когда 30 августа Отт в состоянии крайнего раздражения спросил у министра иностранных дел адмирала Тойоды «Возможно ли участие Японии в русско–германской войне?», адмирал ответил: «Япония сейчас усиленно готовится к этому, но для завершения приготовлений потребуется еще какое–то время». — Прим. авт.

вопросу излагаются ниже».

Следовательно, вопрос заключался не в том, намеревается или не намеревается Гитлер начать войну против Соединенных Штатов, а в том, когда он решит ее начать. К следующей весне эта дата стала вырисовываться в голове фюрера более конкретно. 22 мая 1941 года адмирал Редер совещался с верховным главнокомандующим и с сожалением доложил, что военно–морской флот «вынужден отказаться от мысли захватить Азорские острова». У него для этого просто недостаточно сил. Однако к этому времени Гитлер был настроен поддержать данный проект, как явствует из конфиденциальных записей Редера:

«Фюрер все еще поддерживает мысль осуществить захват Азорских островов для того, чтобы авиация дальнего действия могла действовать оттуда против США. Такая необходимость может возникнуть к осени»[121] (то есть после падения Советского Союза).

Тогда наступит очередь Соединенных Штатов. Это он дал совершенно четко понять адмиралу Редеру во время встречи с ним спустя два месяца, 25 июля, когда наступление в России развивалось полным ходом. «После восточной кампании, — записал Редер, — фюрер намеревается предпринять решительные действия против США». Но до тех пор, как подчеркивал Гитлер в беседе с шефом военно–морского флота, необходимо «избежать объявления войны Соединенным Штатам… учитывая интересы армии, которая втянута в тяжелые бои».

Редера такая позиция не удовлетворяла. В его дневниковых записях о встречах с Гитлером, с которыми можно ознакомиться в числе прочих захваченных документов, просматривается все усиливающееся нетерпение адмирала из–за тех ограничений, которые фюрер ввел для военно–морского флота. При каждой встрече с фюрером адмирал пытался переубедить его.

В начале года, а именно 4 февраля, Редер передал Гитлеру меморандум, в котором военно–морской флот выражал серьезные опасения по поводу пользы американского нейтралитета для Германии. Фактически адмиралы утверждали, что вступление Америки в войну могло бы даже оказаться «выгодным для немецких военных усилий», если Япония при этом вступит в войну на стороне стран тройственного пакта. Однако на нацистского диктатора эти доводы, не произвели должного впечатления.

Редер был сильно разочарован. Битва за Атлантику в полном разгаре, а Германия ее не выигрывает. Американские поставки по ленд–лизу потоком шли в Англию. Служба сопровождения конвоев все больше затрудняла эффективные действия немецких подводных лодок. На все это Редер неоднократно указывал Гитлеру, но безрезультатно. 18 марта он опять был на докладе у фюрера, где сообщил, что американские боевые корабли эскортируют американские конвои, следующие в Англию, до самой Исландии. Он требовал полномочий на атаку таких кораблей без предупреждения. Он просил предпринять что–то, чтобы упредить захват американцами плацдарма во Французской Северной Африке. Такая возможность, доказывал адмирал, «является самой опасной». Гитлер выслушал его и заверил, что он обсудит эти вопросы с министерством иностранных дел, что было одним из способов отделаться от гросс–адмирала.

На протяжении всей весны и начала лета Гитлер откладывал решение вопросов, выдвигаемых военно–морским командованием. 20 апреля он отказался выслушать просьбы Редера о «ведении войны против торговых кораблей США, согласно морскому призовому праву».

Первое столкновение между американскими и немецкими боевыми кораблями было зарегистрировано 10 апреля, когда американский эсминец «Ниблак» сбросил глубинные бомбы на немецкую подводную лодку, по некоторым признакам готовившуюся к атаке. 22 мая Редер снова побывал в Бергхофе и вручил длинный меморандум, в котором

---

[121] У немцев не было бомбардировщиков дальнего действия, способных долетать — и тем более возвращаться — до американского побережья с Азорских островов, и подобные расчеты Гитлера являются признаком деформации его мышления, поскольку он принимал желаемое за действительное. — Прим. авт.

предлагались контрмеры в ответ на недружественные акты президента Рузвельта, но и на этот раз верховный главнокомандующий остался непреклонен.

«Фюрер, — писал Редер, — считает, что президент Соединенных Штатов еще не пришел к определенному решению. Ни при каких обстоятельствах фюрер не хочет спровоцировать инциденты, которые послужили бы поводом для вступления Соединенных Штатов в войну».

Основания избегать таких инцидентов становились еще более серьезными с началом кампании против России, и 21 июня, за день до наступления, Гитлер подчеркнул это во время разговора с Редером. Гросс–адмирал нарисовал фюреру красочную картину, как подводная лодка «U–253», обнаружив в объявленной Германией зоне блокады в Северной Атлантике американский линкор «Техас» и сопровождавший его эсминец, «преследовала их и пыталась атаковать», и добавил, что, «когда речь идет о Соединенных Штатах, твердые меры всегда более действенны, чем явные уступки». Фюрер согласился с ним в принципе, но способ действий отверг и еще раз сделал внушение командованию военно–морского флота.

«Фюрер подробно поясняет, что, до тех пор пока проводится операция «Барбаросса», он хочет избежать каких бы то ни было инцидентов с Соединенными Штатами. Через несколько недель обстановка прояснится и можно ожидать благоприятного воздействия на США и Японию. Америка будет менее склонна вступить в войну ввиду усиливающейся угрозы со стороны Японии. Поэтому, если возможно, в следующие недели все атаки на боевые корабли в зоне блокады следует прекратить».

Когда Редер начал было доказывать, что ночью трудно отличить вражеский боевой корабль от нейтрального, Гитлер оборвал его, распорядившись отдать новый приказ избегать инцидентов с Соединенными Штатами. В результате этого гросс–адмирал той же ночью направил всем боевым кораблям приказ, отменяющий нападения на любые боевые корабли внутри или вне зоны блокады, если не будет со всей определенностью установлено, что обнаруженный корабль является английским. Аналогичный приказ был отдан и люфтваффе. 9 июля президент Рузвельт объявил, что американские войска берут на себя оккупацию Исландии взамен англичан. Берлин отреагировал на это бурно и немедленно. Риббентроп телеграфировал в Токио: «Вторжение американских войск в поддержку Англии на территорию, которая была официально объявлена нами районом боевых действий, само по себе является агрессией против Германии и Европы».

Редер поспешил в Вольфшанце, откуда фюрер руководил своими армиями в России. Он хотел получить конкретный ответ относительно того, «рассматривать оккупацию Исландии Соединенными Штатами как вступление в войну или как провокационный акт, который следует игнорировать». Что касается командования немецкого военно–морского флота, то оно рассматривало высадку американцев в Исландии как акт войны и в своем меморандуме на двух страницах напоминало фюреру о всех актах «агрессии» против Германии, совершенных правительством Рузвельта. Более того, военно–морской флот потребовал предоставить ему право топить американские грузовые суда в конвоях и атаковать американские боевые корабли, если обстановка этого потребует[122]. Гитлер отказался удовлетворить требования флота.

«Фюрер объяснил, — говорится в докладной Редера о совещании у Гитлера, — что он больше всего стремится отодвинуть на месяц–другой вступление Соединенных Штатов в войну. С одной стороны, Восточная кампания должна продолжаться при активном участии всех военно–воздушных сил… которые он не хочет отвлекать даже частично; с другой стороны, победоносная кампания на Восточном фронте будет иметь огромное влияние на всю обстановку и, вероятно, на позицию Соединенных Штатов. Поэтому в настоящее время он не намерен вносить изменения в ранее данные указания и хочет быть уверен, что не будет

---

[122] Здесь необходимо отметить, что на суде в Нюрнберге адмирал Редер утверждал, будто сделал все возможное, чтобы не спровоцировать вступление США в войну. — Прим. авт.

допущено инцидентов».

Редер принялся было доказывать, что его командиры не должны нести ответственность, если «по ошибке» нанесут удар по американским судам, но Гитлер ответил, что по крайней мере в отношении боевых кораблей военно–морской флот обязан «устанавливать наверняка», что это вражеские корабли, прежде чем их атаковать. Чтобы быть уверенным, что адмиралы правильно его поняли, фюрер издал 19 июля специальный приказ, в котором подчеркивалось, что «в расширенной зоне операций американские торговые суда, будь то одиночные либо в составе английского или американского конвоев, и опознанные как таковые еще до применения оружия, не должны подвергаться нападению». В пределах зоны блокады, которая была также признана Соединенными Штатами, американские корабли могли подвергаться нападению, но Гитлер специально оговорил в своем приказе, что эта военная зона «не включает в себя морской маршрут США — Исландия» (подчеркнуто самим Гитлером).

Но «ошибки», как сказал Редер, обязательно должны были происходить. 21 мая подводная лодка потопила американское грузовое судно «Робин Моор», следовавшее в Южную Африку, за пределами объявленной немцами зоны блокады. Еще два американских торговых судна были торпедированы к концу лета. 4 сентября немецкая подводная лодка выпустила две торпеды по американскому эсминцу «Грир», но оба раза промахнулась. Спустя неделю, 11 сентября, президент Рузвельт отреагировал на эту атаку в своей речи, сообщив, что дал приказ военно–морскому флоту «стрелять без предупреждения», и предупредил, что боевые корабли держав оси, входящие в американскую зону обороны, делают это «на свой страх и риск». Эта речь привела Берлин в ярость. В нацистской печати Рузвельта стали изображать как «поджигателя войны номер один». На Нюрнбергском процессе Риббентроп говорил, что «Гитлер был сильно взволнован». Однако к 17 сентября — к моменту прибытия Редера в ставку Вольфшанце на Восточном фронте, где гросс–адмирал намеревался настоять на решительных мерах в ответ на приказ Рузвельта «стрелять без предупреждения», фюрер успокоился. На отчаянные просьбы адмирала снять наконец для немецкого военно–морского флота запрет на атаки американских кораблей верховный главнокомандующий вновь ответил твердым «нет».

«Поскольку, очевидно, в конце сентября произойдут решающие события в русской кампании, — писал Редер о беседе с Гитлером, — то фюрер требует принять меры, чтобы избежать любых инцидентов в войне против торгового судоходства примерно до середины октября. Поэтому командующий военно–морским флотом и командующий подводным флотом адмирал Дениц сняли свои предложения. Командирам подводных лодок придется сообщить причины, по которым им необходимо временно руководствоваться старыми приказами». Ввиду складывавшихся обстоятельств Гитлер вел себя с непривычной для него сдержанностью. Однако, по общему признанию, молодым офицерам — командирам подводных лодок, действовавшим в бурных водах Северной Атлантики и постоянно чувствовавшим на себе изматывающую, все более эффективную английскую противолодочную борьбу, в которой иногда участвовали американские боевые корабли, становилось все труднее себя сдерживать. В июле Гитлер заявил Редеру; что не станет привлекать к ответу командира подводной лодки, если он потопит американское судно «по ошибке». 9 ноября в своем традиционном ежегодном обращении к нацистской старой гвардии в небезызвестной мюнхенской пивной он ответил Рузвельту.

«Президент Рузвельт приказал своим кораблям немедленно открывать огонь по немецким кораблям, как только они их заметят. Я отдал приказ немецким кораблям не открывать огня, когда они заметят американские корабли, но обороняться, если они подвергнутся нападению. Я отдам под суд военного трибунала любого немецкого офицера, если он не станет защищаться».

13 ноября он издал новую директиву, в которой немецким кораблям и подводным лодкам предписывалось по возможности избегать столкновений с американскими боевыми кораблями, но в то же время защищаться от вражеских атак.

Они, конечно, это уже делали. В ночь на 17 октября американский эсминец «Керни», оказывая помощь конвою, подвергшемуся нападению немецких подводных лодок, забросал одну из них глубинными бомбами. Подводная лодка ответила торпедной атакой. В результате были убиты одиннадцать членов экипажа. Это были первые американские потери в необъявленной войне против Германии[123].

Вскоре последовали и другие. 31 октября, сопровождая конвои, был торпедирован и затонул американский эсминец «Рубен Джеймс»; при этом погибло 100 человек из 145 членов экипажа и все семь офицеров. Таким образом, война началась задолго до ее формального объявления.

Япония начинает собственную игру

Как мы убедились, Гитлер определил роль Японии — удерживать США от вступления в войну, по крайней мере в ближайшее время. Он знал, что, если Япония захватит Сингапур и станет угрожать Индии, это не только явится жестоким ударом по англичанам, но и отвлечет внимание Америки — и определенную часть ее усилий — с Атлантики на Тихий океан. Даже после того как он принялся упрашивать японцев напасть на Владивосток, он усматривал в этом не только средство помощи Германии в разгроме России, но и средство дальнейшего давления на Соединенные Штаты в целях сохранения ими нейтралитета.

Кажется довольно странным, что ни Гитлеру, ни кому–либо другому в Германии никогда и в голову не приходило, что у Японии были более важные, с ее точки зрения, цели, что японцы вряд ли рискнут начать крупное наступление в Юго–Восточной Азии против англичан и голландцев, не говоря уже о нападении с тыла на Россию, пока не ликвидируют в своем собственном тылу Тихоокеанский флот США. Правда, нацистский завоеватель обещал Мацуоке, что Германия объявит войну Соединенным Штатам, если Япония сделает то же самое, но Мацуока уже не входил в состав японского правительства, к тому же и сам Гитлер постоянно надоедал японцам уговорами избегать прямых конфликтов с Соединенными Штатами и направить усилия против Англии и Советского Союза, сопротивление которых отодвигает его окончательную победу над ними.

Нет, Берлин вовсе не хотел, чтобы японцы и американцы пришли к взаимопониманию. Это свело бы к нулю основную задачу Тройственного пакта, который предназначался для запугивания американцев, чтобы они не вмешивались в ход войны. Пожалуй, только однажды Риббентроп честно и объективно оценил замыслы фюрера по этому вопросу, когда давал показания на Нюрнбергском процессе:

Юн боялся, что если между Соединенными Штатами и Японией будет достигнуто урегулирование спорных вопросов, то это будет означать, так сказать, безопасный тыл для Америки и тогда вступление в войну Соединенных Штатов произойдет значительно скорее… Он был обеспокоен по поводу возможного соглашения, поскольку в Японии имелись определенные группы, которые хотели достигнуть договоренности с Америкой».

Одним из членов такой группы был адмирал Кисисабуро Номура, который в феврале 1941 года прибыл в Вашингтон в качестве нового японского посла и в марте начал серию конфиденциальных переговоров с Корделлом Хэллом с целью добиться урегулирования разногласий между двумя странами мирным путем. Эти переговоры причиняли Берлину

---

[123] «История зафиксировала, кто первым открыл огонь», — заявил Рузвельт, коснувшись этого инцидента в своей речи в день военно–морского флота 27 октября. Объективности ради следует заметить, что, бросая глубинные бомбы, США первыми открыли огонь. Согласно секретным материалам немецкого военно–морского флота, это был не первый случай. Официальный американский военно–морской историк подтверждает, что еще 10 апреля эсминец «Ниблак» атаковал подводную лодку глубинными бомбами (см Морисон С. Е. История военно–морских операций США во второй мировой войне, т 1, с 57). — Прим. авт.

серьезное беспокойство, пока нападение на Перл–Харбор не положило им конец[124].

Немцы предпринимали все возможные меры, чтобы саботировать вашингтонские переговоры. Еще 15 мая 1941 года Вайцзекер передал Риббентропу меморандум, в котором указывалось, что «любое политическое соглашение между Японией и Соединенными Штатами в настоящее время нежелательно», и утверждалось, что если это окажется невозможно предотвратить, то Япония будет потеряна для держав, оси. Генерал Отт, нацистский посол в Токио, часто приходил в министерство иностранных дел, чтобы предупредить о возможных последствиях переговоров между Хэллом и Номурой. Однако, несмотря на эти предостережения, переговоры продолжались, и тогда, немцы прибегли к новому маневру — попытались внушить японцам, чтобы в качестве условия для продолжения переговоров они выдвинули прекращение американской помощи Англии и отказ от враждебной политики в отношении Германии.

Это было в мае. Летом произошли изменения. В июле Гитлер был озабочен главным образом вовлечением Японии в войну против Советского Союза. Тогда же государственный секретарь Корделл Хэлл прервал переговоры с Номурой, поскольку Япония вторглась во Французский Индокитай. Переговоры были снова возобновлены в середине августа, когда японское правительство предложило провести личную встречу премьера принца Коноэ с президентом Рузвельтом с целью добиться мирного урегулирования. Такой оборот событий никак не устраивал Берлин, и вскоре неутомимый Отт появился в японском министерстве иностранных дел, чтобы выразить неудовольствие от лица нацистов. Министр иностранных дел адмирал Тойода и его заместитель Амау вежливо объяснили ему, что предложенные переговоры между Коноэ и Рузвельтом будут содействовать интересам тройственного пакта, который, напомнили они немецкому послу, на то и рассчитан, чтобы «предотвратить американское участие в войне».

Осенью, когда переговоры между Хэллом и Номурой все еще продолжались, Вильгельмштрассе возвратилась к тактике минувшей весны. Теперь немцы настаивали, чтобы Номуре дали указание предупредить Соединенные Штаты, что если они будут продолжать свои недружественные действия в отношении европейских держав оси, то Германия и Италия объявят им войну, а Япония в соответствии с условиями тройственного пакта будет вынуждена к ним присоединиться.

Гитлер все еще не желал, чтобы Америка вступала в войну, и этот шаг был принят по существу с целью запугать Вашингтон и удержать США от вступления в войну и одновременно добиться некоторого облегчения обстановки для немцев в Северной Атлантике. Государственный секретарь Хэлл незамедлительно узнал о новом давлении со стороны немцев благодаря успешному дешифрованию перехваченных японских радиограмм и телеграмм совершенно секретного характера. Союзникам удалось дешифровать не только телеграммы и радиограммы, адресованные послам держав оси в Вашингтоне и отправляемые послами из Вашингтона, но и те, что посылались в Берлин и из Берлина и других столиц. Требование немцев Тойода передал Номуре по телеграфу 16 октября 1941 года вместе с указанием изложить в более мягкой форме его суть Хэллу.

В тот день пало правительство Коноэ. Оно было заменено военным кабинетом во главе с решительным воинственным генералом Хидэки Тодзио. А в Берлине генерал Осима, солдат того же покроя, что и Тодзио, сразу поспешил на Вильгельмштрассе, чтобы сообщить германскому правительству приятную новость. По словам посла, избрание Тодзио на пост премьера означало, что Япония еще больше сблизится с партнерами по тройственному пакту и что переговоры в Вашингтоне будут прекращены. Случайно или преднамеренно, но он ничего не сказал нацистским друзьям о последствиях прекращения этих переговоров и о том, что новое правительство Тодзио полно решимости начать войну против Соединенных

---

[124] «Я отдаю должное Номуре, — пишет Хэлл в своих мемуарах, — который честно и искренне пытался избежать войны между его страной и моей» (Хэлл К. Мемуары с. 987). — Прим. авт.

Штатов, если вашингтонские переговоры не закончатся вскоре принятием Рузвельтом условий о свободе действий для Японии, то есть о том, что японцы намерены не нападать на Россию, а оккупировать Юго–Восточную Азию. Ничего подобного никогда не приходило в голову ни Риббентропу, ни Гитлеру, которые все еще смотрели на Японию как на союзника, способного обеспечить немецкие интересы в том случае, если она нападет на Сибирь и Сингапур и запугает Вашингтон так, чтобы там стали беспокоиться за свои позиции на Тихом океане и поостереглись вступать в войну. Фюрер и его ограниченный министр иностранных дел так никогда и не поняли, что провал переговоров Номуры с Хэллом в Вашингтоне, о котором мечтали нацистские главари, приведет как раз к тому самому результату, которого они стремились избежать до поры до времени, — к вступлению Америки в мировую войну[125].

Развязка быстро приближалась. 15 ноября в Вашингтон в помощь Номуре на переговорах прибыл Сабуро Курусу, однако Хэлл вскоре понял, что этот дипломат, подписавший в качестве представителя Японии в Берлине тройственный пакт и настроенный несколько пронацистски, не привез никаких новых предложений. Его задача, как решил Хэлл, сводилась к тому, чтобы попытаться убедить Вашингтон принять японские условия сразу или, если это не получится, убаюкивать американское правительство до тех пор, пока Япония не будет готова внезапно нанести мощный удар. 19 ноября для Номуры поступило из Токио зловещее известие: «Ветры», которое американские специалисты быстро расшифровали. Номура знал, что если во время передачи известий из Токио на коротких волнах, которые посольство слушало каждый день, прозвучат слова «Восточный ветер, дождь», то это будет означать: японское правительство решилось начать войну против Соединенных Штатов. Пока же Номуре предписывалось с получением этого условного сигнала уничтожить все имеющиеся в посольстве коды и секретные документы.

Берлин наконец проснулся и осознал, что назревает. За день до перехвата шифрованного сигнала, то есть 18 ноября, Токио обратился к Риббентропу с несколько неожиданной просьбой о подписании договора, в котором Япония и Германия обязывались бы не заключать сепаратного мира с общими врагами. Было неясно, кого подразумевали японцы под «общими врагами», однако нацистский министр иностранных дел, очевидно, надеялся, что первой среди них является Россия.

Он в принципе согласился удовлетворить просьбу, вероятно, полагая, что Япония наконец выполнит свои весьма туманные обещания нанести удар по Советскому Союзу со стороны Сибири. Такое решение было весьма своевременным, поскольку сопротивление Красной Армии значительно усиливалось на широком фронте, да и русская зима наступила гораздо раньше, чем предполагалось. Нападение японцев на Владивосток и советское Приморье могло стать тем дополнительным давлением, которое привело бы к развалу Советов. Однако очень скоро Риббентропа постигло разочарование. 23 ноября посол Отт телеграфировал ему из Токио: все указывает на то, что японцы двинутся на юг с намерением оккупировать Таиланд и голландские нефтеносные районы на Борнео; кроме того, японское правительство хотело бы знать, примет ли Германия участие в общем деле, если Япония начнет войну. Это означало, что Япония не собирается нападать на Россию, а замышляет военные действия против Нидерландов и Англии в южной части Тихого океана, что вполне могло привести ее к вооруженному конфликту с Соединенными Штатами. Правда, Риббентроп и Отт до этого не додумались. Как явствует из обмена телеграммами, хотя они и поняли, к своему огорчению, что Япония не нападет на Советский Союз, однако полагали, что ее наступление на юг будет направлено против нидерландских и английских владений, а не против владений США. Дядю Сэма, как того хотел Гитлер, будут держать в стороне от

---

[125] Из мемуаров принца Коноэ, написанных им после войны, явствует, что еще 4 августа он был вынужден принять требование армии, которое сводилось к тому, что если во время встречи с Рузвельтом президент не примет японских условий, то принц покинет встречу «с решимостью начать войну против Соединенных Штатов» (Хэлл К. Мемуары, с. 1025–1026) — Прим. авт.

этих событий до тех пор, пока не придет его время.

Превратное истолкование нацистами намерений Японии в значительной мере объяснялось нежеланием японцев на этой стадии информировать правительство Германии о своем роковом решении начать войну против Америки. Государственный секретарь США Хэлл благодаря дешифрованию японских телеграмм был информирован о назревающих событиях значительно лучше. Еще 5 ноября он знал, что новый министр иностранных дел Сигенори Того в телеграмме Номуре установил предельный срок подписания соглашения с Америкой на японских условиях — 25 ноября. Японские предложения были переданы в Вашингтон 20 ноября. Хэлл и Рузвельт знали, что они окончательные, так как через два дня из дешифрованной телеграммы Того в адрес Номуры и Курусу выяснилось, что предельный срок отодвинут на 29 ноября.

«Имеются причины, о которых вы вряд ли догадываетесь, — телеграфировал Того своему послу в Вашингтон, — почему мы хотим урегулировать японо–американские отношения к 25–му. Но если подписание соглашения должно состояться к 29–му… мы решили подождать до этого срока. На этот раз мы имеем в виду только этот срок, ибо он никоим образом не может быть изменен. В дальнейшем события начнут выходить из–под контроля».

25 ноября 1941 года является решающей датой. В этот день японская авианосная оперативная группа устремилась к Перл–Харбору. В Вашингтоне Хэлл направился в Белый дом, чтобы предупредить военный совет об угрозе со стороны Японии и предупредить командующих армией и военно–морским флотом о возможности внезапного нападения. В Берлине в тот день состоялась фарсовая церемония: три державы оси с помпезной торжественностью возродили Антикоминтерновский пакт 1936 года — бессмысленный жест, который, как отмечали некоторые немцы, не оказал абсолютно никакого влияния на вовлечение Японии в войну против России, но позволили напыщенному Риббентропу назвать Рузвельта «главным виновником этой войны» и проливать крокодиловы слезы о «честном и набожном американском народе», преданном таким безответственным лидером.

Казалось, нацистский министр иностранных дел опьянел от своих собственных слов. Вечером 28 ноября, после продолжительного, заседания военного совета под председательством Гитлера, он пригласил к себе Осиму и в ходе беседы внушил японскому послу, что отношения между Германией и Соединенными Штатами «существенно обострились», о чем посол немедленно радировал в Токио. С политикой Гитлера предпринимать все возможное, чтобы удержать Америку от вступления в войну, пока Германия не будет готова сама развязать войну против нее, очевидно, было покончено. Риббентроп неожиданно стал настаивать, чтобы японцы объявили войну Соединенным Штатам, а также Англии, обещая поддержку третьего рейха. Предупредив Осиму, что «если Япония проявит колебания… то вся военная мощь Англии и Соединенных Штатов будет сосредоточена против нее», — тезис довольно глупый, пока война продолжалась в Европе, — Риббентроп добавил:

«Как сказал сегодня Гитлер, имеются фундаментальные различия между Германией, Японией и Соединенными Штатами в самом праве на существование. Мы располагаем сведениями, свидетельствующими о том, что практически нет никакой надежды на успешное завершение японо–американских переговоров, поскольку Соединенные Штаты не проявляют уступчивости.

Если именно так обстоит дело и если Япония примет решение объявить войну Англии и Соединенным Штатам, то я уверен, что это не только послужит общим интересам Германии и Японии, но и даст благоприятные результаты для самой Японии».

С напряжением слушавший его японец, был приятно удивлен, но хотел удостовериться, что правильно понял собеседника. «Не указывает ли ваше превосходительство на то, — спросил он, — что Германия и Соединенные Штаты будут фактически находиться в состоянии войны?»

Риббентроп заколебался. Вероятно, он зашел слишком далеко. «Рузвельт настоящий

фанатик, поэтому невозможно предвидеть, что он предпримет», ответил он.

Этот ответ не удовлетворил Осиму, а в свете только что сказанного Риббентропом показался странным, и к концу разговора посол возвратился к основному вопросу: что будет делать Германия, если война фактически распространится на «страны, которые помогали Англии».

«Если Япония окажется вовлеченной в войну против Соединенных Штатов, ответил Риббентроп, — то Германия, конечно, немедленно присоединится к войне на стороне Японии. Для Германии совершенно невозможно вступать в сепаратные мирные переговоры с Соединенными Штатами при таких обстоятельствах. Фюрер полон решимости придерживаться такого курса».

Это были прямые гарантии, каких и ожидало японское правительство. Правда, аналогичные гарантии Гитлер дал весной и Мацуоке, но, по–видимому, успел о них забыть за те месяцы, когда пребывал в страшном раздражении в связи с отказом Японии присоединиться к войне против России. Что касается японцев, им требовалось лишь облечь немецкие гарантии в письменную форму. Генерал Осима с радостью отправлял свое донесение в Токио 29 ноября. На следующий день получил новые инструкции.

«Вашингтонские переговоры, — говорилось в них, — фактически можно считать прерванными… Вашей чести надлежит немедленно встретиться с канцлером Гитлером и министром иностранных дел Риббентропом и конфиденциально сообщить им в общих чертах о развитии событий. Передайте им, что в последнее время Англия и Соединенные Штаты заняли провокационную позицию. Сообщите им. что обе эти страны планируют переброску военной силы в различные районы Восточной Азии и что мы вынуждены предпринимать контрмеры и в свою очередь перебрасывать войска. Сообщите им под большим секретом, что существует реальная угроза внезапного возникновения войны между Японией и англо–саксонскими государствами в виде вооруженных стычек, и добавьте, что г акая война может вспыхнуть значительно скорее, чем предполагают»[126].

Японский авианосный флот находился уже на пути к Перл–Харбору. Японцы спешили получить письменное подтверждение о готовности Германии поддержать Японию в случае, если она окажется вовлечена в войну. 30 ноября, когда Осима получил новые указания, японский министр иностранных дел, совещаясь с немецким послом в Токио, подчеркнул, что вашингтонские переговоры прекращены, так как Япония отказалась принять американские требования и выйти из тройственного пакта. Японцы надеются, что немцы оценят жертву, принесенную ради общего дела.

«Назревают серьезные решения, — говорил Того генералу Отту. Соединенные Штаты целенаправленно готовятся к войне… Япония не боится прервать переговоры и надеется, что в таком случае, согласно условиям тройственного пакта, Германия и Италия будут на ее стороне».

«Я ответил, — радировал в Берлин Отт, — что не может быть никаких сомнений относительно будущей позиции Германии. После этого японский министр иностранных дел сказал, что, насколько он понял из моих слов, Германия будет рассматривать свои отношения с Японией под таким углом зрения, как если бы их связывала общая судьба. Я ответил, что, насколько я понимаю, в сложившейся ситуации Германия совершенно определенно готова заключить взаимоприемлемое соглашение между нашими двумя странами…»

Накануне Перл–Харбора

---

[126] Хэлл пишет в своих мемуарах, что копию этой инструкции он получил от американских дешифровальщиков. Таким образом, Вашингтон, как и Англия, уже к концу ноября знал, что японцы могут нанести удар по Соединенным Штатам «скорее, чем предполагают» (Хэлл К. Мемуары, с. 1092). — Прим. авт.

Генерал Осима был большим любителем немецкой и австрийской классической музыки и, несмотря на всю напряженность обстановки, выехал в Австрию на Моцартовский фестиваль. Но долго наслаждаться прекрасной музыкой знаменитого австрийского композитора ему не пришлось. Срочный звонок из посольства 1 декабря заставил его поспешно вернуться в Берлин, где его ждали указания из Токио срочно заняться делом и добиться подписания Германией документа в полном соответствии с достигнутым соглашением. Нельзя было терять времени.

И теперь, загнанный в угол, Риббентроп начал вилять. Очевидно, впервые осознав возможные последствия своих непродуманных обещаний, данных японцу, нацистский министр иностранных дел стал охладевать к ранее высказанным идеям и уклоняться от прямых ответов. Поздно вечером 1 декабря он говорил Осиме, что ему необходимо посоветоваться с фюрером, прежде чем брать какие–либо конкретные обязательства.

В среду, 3 декабря, японский посол снова прибыл на Вильгельмштрассе, чтобы решить этот вопрос, но Риббентроп опять уклонился от конкретного ответа. На уговоры Осимы, утверждавшего, что обстановка крайне обострилась, министр иностранных дел отвечал, что, хотя лично он ратует за письменное соглашение, придется ждать прибытия фюрера из ставки в конце недели. В действительности же, как отмечает в своем дневнике не без удовольствия Чиано, Гитлер вылетел на южный фронт в России, чтобы встретиться с генералом фон Клейстом, армии которого продолжали отходить под натиском русских.

В это же время японцы обратились к Муссолини, который не находился ни на каком фронте. 3 декабря японский посол в Риме обратился к дуче с официальной просьбой объявить войну Соединенным Штатам в соответствии с тройственным пактом, как только возникнет конфликт с Америкой. Посол выражал также желание заключить особое соглашение, исключающее сепаратный мир. Японский переводчик, записал Чиано в своем дневнике, «дрожал как лист». Что касается дуче, то он заявил, что с удовольствием пойдет на это, но предварительно посоветуется с Берлином.

В германской столице, как убедился на следующий день Чиано, проявили исключительную осторожность.

«Возможно, мы пойдем навстречу японцам, — записал он в дневнике 4 декабря, — так как у нас нет иного выхода, однако идея спровоцировать американцев на вступление в войну все меньше и меньше нравится немцам, Муссолини же, напротив, рад этому».

Независимо от мнения Риббентропа, которому Гитлер все еще уделял некоторое внимание, решение об официальных гарантиях Японии мог принять только сам нацистский вождь. В ночь на 5 декабря министр иностранных дел, вероятно, получил от фюрера соответствующее разрешение и в 3 часа утра вручил генералу Осиме проект испрашиваемого японцами договора, в соответствии с которым Германия давала обещание присоединиться к Японии в войне против Соединенных Штатов и не заключать сепаратного мира. Сделав роковой шаг и следуя за своим лидером, полностью поменявшим политику, которую он упорно претворял в жизнь в течение двух последних лет, Риббентроп не мог удержаться от того, чтобы не подтолкнуть итальянского союзника последовать примеру Германии. «Сон прерван беспокойным Риббентропом, — начал свою запись в дневнике 5 декабря Чиано. — Задержав ответ японцам на два дня, он не желает теперь терять ни минуты и в три часа ночи направляет ко мне (посла) Макензена, чтобы вручить проект тройственного соглашения в связи с вступлением японцев в войну, в котором содержится обязательство не заключать сепаратного мира. Они хотели, чтобы я разбудил дуче, но я этого не сделал и дуче остался очень доволен».

Японцы получили проект договора, одобренный как Гитлером, так и Муссолини, но он еще не был подписан, и это их беспокоило. Они подозревали, что фюрер умышленно затягивает его подписание, выдвигая конкретное условие: если Германия присоединится к Японии в войне против Соединенных Штатов, то Япония должна будет присоединиться к Германии в войне против России. В своих указаниях Осиме, переданных по телеграфу 30 ноября, японский министр иностранных дел посоветовал, как поступать с этим деликатным

вопросом, если его поднимут немцы и итальянцы:

«Если вас будут спрашивать о нашем отношении к Советам, скажите, что мы уже внесли ясность по этому вопросу в нашем заявлении, сделанном в июле. Скажите им, что нашими нынешними действиями в южном направлении мы не собираемся ослабить наше давление на Советы и что, если русские теснее сплотятся с Англией и Соединенными Штатами и будут проявлять по отношению к нам враждебность, мы готовы обрушить на Россию всю нашу мощь. Однако в данный момент сложилась благоприятная обстановка для нанесения удара в южном направлении и пока что мы предпочитаем воздерживаться от каких–либо прямых действий на севере».

Наступило 6 декабря. В этот день Жуков начал контрнаступление под Москвой, и немецким армиям пришлось откатываться назад, увязая в снегах в сильнейший мороз. У Гитлера тем более появились основания требовать выполнения поставленного условия. В связи с этим в министерстве иностранных дел в Токио витала тревога. Военно–морская оперативная группа уже находилась в пределах досягаемости Перл–Харбора самолетами авианосной авиации, и только благодаря чуду ее еще не засекли ни американские корабли, ни самолеты. Но это могло случиться в любой момент. По радио из Токио передавалась длинная депеша для Номуры и Курусу, находившихся в Вашингтоне, где им предписывалось направиться 7 декабря, в воскресенье, ровно в 13.00, к государственному секретарю Хэллу и вручить ноту, в которой Япония отклоняла последние американские предложения, и подчеркнуть при этом, что переговоры прерваны «де–факто». Правители Токио в отчаянии обратились в Берлин за письменными гарантиями поддержки Японии. Они все еще не доверяли немцам до такой степени, чтобы поставить их в известность о своем намерении нанести на следующий день удар по Соединенным Штатам. Однако сильнее, чем когда–либо, они были обеспокоены, как бы Гитлер не воздержался от дачи таких гарантий, пока Япония не согласится объявить войну не только Соединенным Штатам и Англии, но и Советскому Союзу. Оказавшись в столь затруднительном положении, Того направил длинную депешу своему послу в Берлине, настаивая, чтобы Осима уклонялся от решения русского вопроса и не уступал, пока не почувствует, что это неизбежно. Сколь ни заблуждались японские генералы и адмиралы относительно своих возможностей одолеть Америку и Англию, однако у них хватало здравого смысла осознать, что воевать одновременно с русскими, даже с немецкой помощью немыслимо. Указания Того, данные им послу в Берлине в ту роковую субботу, 6 декабря, находящиеся в настоящее время у американцев, помогают составить любопытное представление о японской дипломатии и ее отношениях с третьим рейхом.

«Мы бы хотели избежать… вооруженного столкновения с Россией, пока нам это не позволят стратегические обстоятельства; поэтому надо довести нашу позицию до немецкого правительства и вести с ним переговоры таким образом, чтобы оно, по крайней мере в настоящее время, не настаивало на обмене дипломатическими нотами по этому вопросу.

Объясните им самым обстоятельным образом, что поставки американских материалов в Советскую Россию… невелики, да и сами материалы невысокого качества, и что в случае, если мы начнем войну против Соединенных Штатов, мы будем перехватывать все американские суда, следующие в Советскую Россию. Пожалуйста, приложите максимум усилий, чтобы прийти к согласию по этому вопросу.

Однако, если Риббентроп будет настаивать на предоставлении нами гарантий в этом вопросе, поскольку в таком случае у нас не будет иного выхода, сделайте… заявление о том, что мы в принципе против поставок военных материалов из Соединенных Штатов через японские воды в Советскую Россию, и добейтесь их согласия по процедурному вопросу, что позволит добавить заявление о том, что до тех пор, пока стратегические соображения удерживают нас от войны с Советской Россией, мы не можем в полной мере осуществлять перехват судов.

В случае если немецкое правительство откажется согласиться (с вышеизложенным) и поставит одобрение этого вопроса в прямую зависимость от нашего участия в войне против

России и от нашего обязательства не заключать сепаратный мир, у нас не останется другого выхода, кроме как отложить заключение договора».

У японцев не было оснований чересчур беспокоиться по этому поводу. По соображениям, неведомым токийским милитаристам, а впрочем, и не поддающимся логике, Гитлер не настаивал на вступлении Японии в войну с Россией одновременно с объявлением войны Америке и Англии, хотя, если бы он настоял на этом, война могла бы принять совершенно иной характер.

Во всяком случае, 6 декабря 1941 года японцы были полны решимости нанести мощный удар Соединенным Штатам на Тихом океане, хотя ни в Вашингтоне, ни в Берлине никто не знал, где и когда этот удар будет нанесен. В то утро британское адмиралтейство доверительно информировало американское правительство об обнаружении крупного японского флота вторжения, следовавшего курсом через Сиамский пролив к перешейку Кра. Это указывало на то, что японцы собираются сначала ударить по Таиланду и, возможно, по Малайе. В 9 часов вечера президент Рузвельт направил личное послание императору Японии, умоляя его присоединиться к поискам способов, которые помогли бы развеять сгущающиеся тучи, и в то же время предупреждая, что удар японских вооруженных сил по Юго–Восточной Азии привел бы к непредсказуемой ситуации. В министерстве военно–морского флота офицеры разведки подготовили очередную докладную о местонахождении главных японских боевых кораблей. В ней указывалось, что большинство из них находятся в японских портах, в том числе все авианосцы и другие боевые корабли, входившие в ударную оперативную группу. На самом же деле они на всех парах неслись к исходному району, расположенному в трехстах милях от Перл–Харбора, и готовили бомбардировщики к взлету на рассвете.

В тот же субботний вечер министерство военно–морского флота доложило президенту и государственному секретарю, что японское посольство занято уничтожением своих шифровальных кодов. Посольство сначала должно было расшифровать длинное послание Того, которое поступало в течение дня небольшими кусочками. Специалисты из ВМФ США тоже были заняты дешифровкой этих кусочков по мере их перехвата, и к 9.30 вечера офицер из штаба ВМФ уже доставил перевод первых тринадцати кусочков послания в Белый дом. Рузвельт в присутствии Гарри Гопкинса внимательно прочитал документ и сказал: «Это война». Но где и когда она начнется — об этом в донесении не говорилось. Не знал ничего конкретного даже адмирал Номура. Не знал и Адольф Гитлер. Он знал даже меньше, чем Рузвельт.

Гитлер объявляет войну

Яростное нападение японцев на находившийся в Перл–Харборе американский Тихоокеанский флот, начавшееся в 7 часов 30 минут утра в воскресенье 7 декабря 1941 года, явилось для Берлина, как и для Вашингтона, полной неожиданностью. Хотя Гитлер и дал Мацуоке устное обещание, что Германия присоединится к Японии в войне против Соединенных Штатов, а Риббентроп вторично обещал то же самое японскому послу Осиме, эти заверения не были протокольно оформлены и подписаны, а японцы ни словом не обмолвились о Перл–Харборе[127] во время переговоров. Кроме того, в этот момент Гитлер был по горло занят — он наводил порядок среди, своих заколебавшихся генералов и отступавших войск.

В Берлине наступила ночь, когда служба прослушивания иностранных радиопередач перехватила первые сообщения о внезапном нападении на Перл–Харбор. Чиновник отдела

---

[127] Долгое время считали, что Гитлер точно знал о предстоящем нападении на Перл–Харбор, однако мне не удалось найти в захваченных секретных документах ни малейшего подтверждения подобных утверждений — Прим. авт.

печати министерства иностранных дел немедля сообщил Риббентропу эту потрясающую новость, но тот вначале не поверил ему и страшно разгневался, что его побеспокоили. Он заявил, что сообщение является, «вероятно, пропагандистским трюком врага», и приказал не тревожить его до утра. Поэтому, давая показания на Нюрнбергском процессе, Риббентроп вряд ли грешил против истины, когда уверял, что «это нападение явилось полной неожиданностью… Мы считались с возможностью нападения Японии на Сингапур или, может быть, на Гонконг, но мы никогда не считали, что нападение на Соединенные Штаты послужит нашим интересам». Однако вопреки тому, что он говорил трибуналу, он страшно обрадовался случившемуся. Или, во всяком случае, такое впечатление произвел он на Чиано.

«Вечером был телефонный звонок от Риббентропа, — писал Чиано 8 декабря в своем дневнике. — Он очень доволен нападением японцев на Соединенные Штаты. Он выказывал такую радость по этому поводу, что мне не оставалось ничего, кроме как поздравить его, хотя я не совсем уверен, что это событие принесет нам пользу… Муссолини был (тоже) рад. Он давно стремился внести ясность в отношения между Америкой и державами оси…»

В понедельник 8 декабря, в 13 часов, генерал Осима направился на Вильгельмштрассе, чтобы выяснить у Риббентропа позицию Германии. Он потребовал «сразу же» официально объявить войну Соединенным Штатам.

«Риббентроп ответил, — радировал Осима в Токио, — что Гитлер как раз совещается в генеральном штабе, обсуждая вопрос о том, как соблюсти формальности объявления войны и в то же время произвести хорошее впечатление на немецкий народ, и что он, Риббентроп, передаст ему нашу просьбу сразу же, и сделает все, что в его силах, чтобы решить все это как можно быстрее».

Нацистский министр иностранных дел сообщил также послу, как явствует из его донесения в Токио, что сегодня утром, то есть 8 декабря, «Гитлер отдал приказ немецкому военно–морскому флоту атаковать американские корабли, где бы и когда бы они ни встретились». Однако диктатор с объявлением войны медлил[128].

Фюрер, согласно записи в его ежедневном календаре, поспешно выехал в Берлин в ночь на 8 декабря и прибыл туда на следующий день, в 11 часов утра. На Нюрнбергском процессе Риббентроп утверждал, что он говорил фюреру, будто Германии не обязательно объявлять войну Америке по условиям тройственного пакта, поскольку Япония показала себя явным агрессором.

«Условия тройственного пакта обязывали нас оказать помощь Японии только в том случае, если она сама подвергнется нападению. Я направился к фюреру, объяснил ему юридические аспекты сложившейся ситуации и сказал, что хотя мы приветствовали нового союзника в войне против Англии, но это означало, что мы имеем теперь и нового противника, с которым придется иметь дело… если мы объявим войну Соединенным Штатам…

В тот момент фюрер придерживался, очевидно, мнения, что теперь Соединенные Штаты будут вести войну и против Германии. Поэтому он приказал мне вручить паспорта американским представителям».

Это было то самое решение, которого ожидали в Вашингтоне Рузвельт и Хэлл. На них оказывалось определенное давление, чтобы конгресс объявил войну Германии и Италии 8 декабря — тогда же, когда была объявлена война Японии. Но они решили повременить. Бомбардировка Перл–Харбора вывела их из затруднительного положения, а сведения, которыми они располагали, убедили, что своевольный нацистский диктатор сделает это еще раз[129]. Они размышляли над перехваченным донесением посла Осимы из Берлина в Токио

---

[128] В это самое время министр иностранных дел Того говорил в Токио немецкому послу Отту: «Японское правительство ожидает, что теперь Германия быстро объявит войну Соединенным Штатам». — Прим. авт.

[129] «Я не верю в большое будущее для американцев», — говорил он своим приближенным, а месяцем позднее, 7 января 1941 года, произнося монолог в своей ставке, заявил: «Это загнивающая страна. У них остра

от 29 ноября, в котором сообщалось: Риббентроп заверил японцев, что Германия присоединится к Японии, если та окажется «втянутой» в войну против Соединенных Штатов, никак не связывая немецкую помощь с обстоятельствами, которые можно расценивать как агрессию. Это был карт–бланш, и у американцев не осталось сомнений насчет того, что сейчас японцы настойчиво требуют у немцев в Берлине уважать взятые на себя обязательства.

Немцы согласились их уважать, но только после серьезных колебаний нацистского фюрера. Он назначил заседание рейхстага на 9 декабря, но потом перенес его на два дня, то есть на 11 декабря. Как докладывал позднее Риббентроп, фюрер, очевидно, принял решение. Он был сыт нападками Рузвельта на него и на нацизм; он больше не желал мириться с акциями военного характера, предпринимаемыми американским флотом против немецких подводных лодок на Атлантике, про которые почти в течение года постоянно твердил Редер. Его ненависть к Америке и американцам нарастала, и, что оказалось для него в конечном счете хуже всего, усилилась тенденция к катастрофической недооценке военного потенциала Соединенных Штатов.[130]

В то же время он сильно переоценивал военную мощь Японии. По существу, он поверил, что, когда японцы, обладающие самым мощным, по его мнению, флотом в мире, расправятся с англичанами и американцами на Тихом океане, они обрушатся на Россию и помогут ему завершить его великое завоевание на Востоке. Спустя несколько месяцев он говорил некоторым из своих последователей, что считал вступление Японии в войну «исключительно ценным» уже в силу выбранного для этого момента.

«Это произошло фактически в тот момент, когда превратности русской зимы оказывали наиболее сильное давление на моральное состояние нашего народа и когда каждый в Германии был удручен тем, что рано или поздно Соединенные Штаты вступят в войну. Японское вмешательство, с нашей точки зрения, было весьма своевременным».

расовая проблема и проблема социального неравенства… Я испытываю против американизма чувства ненависти и отвращения… Все в поведении американского общества показывает, что оно наполовину юдаизировано, наполовину негротизировано. Как можно ожидать, что подобное государство, государство, где все построено на долларе, не развалится?» (Секретные беседы Гитлера, с. 155). — Прим. авт.

[130] В это время я находился в Вашингтоне и у меня сложилось впечатление, что президенту Рузвельту, вероятно, было нелегко уговорить конгресс объявить войну Германии. Казалось, как в обеих палатах конгресса, так и в армии и на флоте были сильны настроения в поддержку курса, предусматривавшего сосредоточение всех усилий на разгроме Японии и одновременно отказ от дополнительного бремени войны против Германии.

Ганс Томсен, немецкий поверенный в делах в Вашингтоне, которого, подобно всем другим нацистским дипломатам за границей, держали в полном неведении относительно замыслов Гитлера и Риббентропа, докладывал в Берлин следующее. Сразу же после выступления президента в конгрессе утром 8 декабря, в котором он обратился к конгрессу с просьбой объявить Японии войну, Томсен радировал в Берлин: «Тот факт, что он (Рузвельт) не упомянул ни единым словом ни Германию, ни Италию, показывает, что сначала он попытается избежать обострения обстановки на Атлантике». Вечером того же дня Томсен отправил еще одну депешу: «Будет ли Рузвельт требовать объявлений войны Германии и Италии, пока неясно. С точки зрения американских военных; руководителей, было бы логично избежать всего, что способно привести к войне на два фронта». В нескольких донесениях как раз перед нападением на Перл–Харбор Томсен подчеркивал, что Соединенные Штаты просто не готовы к войне на два фронта, 4 декабря он радировал в Берлин об откровениях, появившихся в чикагской газете «Трибьюн», относительно «военных приготовлений американского высшего командовании к разгрому Германии и ее союзников и дальнейших перспектив».

По его сообщению, газета подтверждает, что всеобъемлющее участие Америки в войне не ожидается раньше июля 1943 года. Военные меры против Японии носят оборонительный характер.

В своем донесении в Берлин вечером 8 декабря Томсен подчеркивал, что Перл Харбор определенно принесет облегчение Германии, так как ослабнут американские воинственные действия на Атлантике.

Война с Японией, докладывал он, означает перенос всех усилий на перевооружение самой Америки, соответственно сокращение помощи по ленд–лизу и перенос всей деятельности в зону Тихого океана.

Познакомиться с обменом донесениями между Вильгельмштрассе и немецким посольством в Вашингтоне за этот период мне позволил государственный департамент Они будут опубликованы позднее в серии «Документы по внешней политике Германии». — Прим. авт.

Нет также сомнений в том, что внезапный и мощный удар Японии по американскому флоту в Перл–Харборе вызвал у него восхищение — тем более что это была «внезапность» такого рода, к которой он сам так часто прибегал. Об этом он сказал послу Осиме 14 декабря, когда награждал его орденом:

«Вы верно выбрали метод объявления войны! Этот метод является единственно правильным». Он сказал, что это соответствует его «собственной системе» — то есть затягивать переговоры. Но если очевидно, что другая сторона заинтересована только в том, чтобы без конца откладывать решение, срамить и унижать тебя, и не собирается идти ни на какое соглашение, тогда следует наносить удар, и как можно более тяжелый, а не тратить время на объявление войны. У него стало радостно на сердце при получении известий о первых операциях японцев. Он сам вел переговоры с бесконечным терпением, например, с Польшей, а также с Россией. Когда же он понимал, что другая сторона не хочет прийти к соглашению, он внезапно, без всяких формальностей наносил удар. Так он будет поступать и впредь.

Существовала еще одна причина, по которой Гитлер так поспешно решил присовокупить Соединенные Штаты к устрашающему списку своих врагов. Доктор Шмидт, который в ту неделю без конца курсировал между имперской канцелярией и министерством иностранных дел, указал на эту причину: «У меня сложилось впечатление, что Гитлер с его неистребимой манией величия, ожидавший объявления войны Соединенными Штатами, хотел сделать это первым». Нацистский правитель подтвердил это в своей речи в рейхстаге 11 декабря.

«Мы всегда будем первыми наносить удар, — заявил он под одобрительные аплодисменты депутатов рейхстага. Мы всегда будем наносить первый удар…»

Действительно, 10 декабря Берлин был так обеспокоен, как бы Америка не объявила войну первой, что Риббентроп строго–настрого предупредил Томсена, немецкого поверенного в делах в Вашингтоне, не допускать никаких необдуманных заявлений, по которым государственный департамент мог бы уяснить, что намеревается предпринять на следующий день фюрер. В длинной радиограмме 10 декабря нацистский министр иностранных дел передал текст заявления, которое он собирался сделать в Берлине американскому поверенному в делах ровно в 14.30 11 декабря. Томсену предписывалось нанести визит государственному секретарю Хэллу часом позже, то есть в 15.30 (по берлинскому времени), вручить копию заявления, запросить свой паспорт и возложить на Швейцарию дипломатическое представительство Германии в США. В конце депеши Риббентроп запретил Томсену вступать в какие–либо контакты с государственным департаментом до вручения ноты. «При любых обстоятельствах, — предупреждал он в депеше, — мы не можем допустить, чтобы американское правительство опередило нас».

Каковы бы ни были колебания у Гитлера, приведшие к отсрочке на два дня намеченного заседания рейхстага, из захваченных депеш, которыми обменивались Вильгельмштрассе и немецкое посольство в Вашингтоне, и других документов министерства иностранных дел явствует, что фактически фюрер принял свое роковое решение 9 декабря, в день прибытия в столицу с русского фронта. Два дополнительных дня, очевидно, потребовались нацистскому диктатору не для раздумий, а для тщательной подготовки выступления в рейхстаге, с тем чтобы оно произвело должное впечатление на немецкий народ, у которого, как хорошо понимал Гитлер, сохранились воспоминания о решающей роли Америки в первой мировой войне.

Ганс Дикхофф, который официально все еще являлся немецким послом в Соединенных Штатах, но отсиживался на Вильгельмштрассе с тех пор, как обе страны отозвали своих послов осенью 1938 года, 9 декабря сел за составление длинного перечня антигерманских акций Рузвельта, необходимого фюреру для его выступления в рейхстаге[131].

---

[131] Дикхофф, который, по мнению Хасселя, отличался покорностью, еще неделю назад подготовил по указанию Риббентропа длинный меморандум, озаглавленный «Принципы воздействия на американское

9 же декабря Томсен в Вашингтоне получил указание сжечь свои секретные коды и бумаги. «Меры осуществлены, как приказано», — радировал он в Берлин в 11.30 дня. Впервые начал он осознавать, что происходит в Берлине, и вечером намекнул Вильгельмштрассе, что американское правительство, вероятно, в курсе назревающих событий. «Здесь считают, — сообщал он, — что в течение 24 часов Германия объявит войну Соединенным Штатам или, по крайней мере, разорвет дипломатические отношения»[132].

Выступление Гитлера в рейхстаге 11 декабря

Выступление Гитлера 11 декабря в рейхстаге в обоснование объявления войны Соединенным Штатам свелось главным образом к изрыганию оскорблений в адрес Франклина Рузвельта, обвинению президента в том, что он спровоцировал войну, чтобы скрыть провал своего нового курса, и громогласному выкрикиванию заявлений, что только этот человек, поддерживаемый миллионерами и евреями, ответствен за вторую мировую войну. В яростных тирадах вырывалось наружу все накопившееся и ранее сдерживаемое негодование против человека, который с самого начала стоял на пути фюрера к мировому господству, который постоянно отпускал колкости в его адрес, который оказал Англии массированную помощь именно в момент, когда казалось, что это островное государство вот–вот рухнет, по указанию которого американский военно–морской флот срывал все его намерения в Атлантике.

«Позвольте мне изложить свое отношение к тому, другому миру, чьим представителем является человек, который, в то время как наши солдаты сражаются в снегах и на заледенелых просторах, любит вести тактичные разговоры у камина, человек, который несет основную вину за развязывание этой войны…

Я не буду останавливаться на оскорбительных выпадах, сделанных по моему адресу этим так называемым президентом. Никому не интересно, что он называет меня гангстером. Прежде всего, это выражение родилось не в Европе, а в Америке… Я не говорю уже о том, что Рузвельт не может меня оскорбить, ибо я считаю его сумасшедшим, таким же, каким был Вильсон… Сначала он подстрекает к войне, затем фальсифицирует ее причины, затем, прикрываясь христианским лицемерием, медленно, но верно ведет человечество к войне, привлекая господа бога в свидетели праведности своего нападения, — обычная манера старого масона[133]…

общественное мнение». Среди одиннадцати принципов значились и такие: «Подлинную опасность для Америки представляет сам Рузвельт… Влияние евреев на Рузвельта (Франкфуртер, Барух, Бенджамин Коэн, Самуэль Роземан, Генри Моргентау и др.) Лозунгом для каждой американское матери должно быть: «Я не для того растила своего сына, чтобы он умирал за Англию!» (из неопубликованных документов министерства иностранных дел). Некоторые американцы из государственного департамента и нашего посольства в Берлине были весьма высокого мнения о Дикхоффе, считая, что он противник нацизма. А мне казалось, что для этого у него не достает мужества. Он до конца служил Гитлеру, являясь с 1943 по 1945 год нацистским послом во франкистской Испании. — Прим. авт.

[132] Томсен настаивал также, чтобы арестовали находящихся в Берлине американских корреспондентов в качестве ответной меры на арест немецких корреспондентов в Америке. В меморандуме министерства иностранных дел, подписанном заместителем министра Эрнстом Верманом 10 декабря, говорилось, что приказано арестовать всех американских корреспондентов в Германии. Исключение составлял лишь Гвидо Эндерис, главный корреспондент «Нью–Йорк таймс», поскольку, как говорилось в меморандуме, «он доказал свое дружественное отношение к Германии». Такое утверждение может показаться несправедливым по отношению к Эндерису, который в то время болел и, очевидно по этой причине не был арестован. — Прим. авт.

[133] Участники тайных религиозно–этических организаций, так называемых «объединений» или «лож», которые распространились в XVIII веке в привилегированных слоях общества многих стран (в России главным образом среди дворянства) и преследовали как реакционные, так и прогрессивные политические цели. В 60–х годах XX века в мире насчитывалось около 8 миллионов масонов. Принадлежность Ф. Рузвельта к этим

Рузвельт виновен в ряде тягчайших преступлений в нарушение международных законов. Незаконный захват судов и другой собственности немецких и итальянских граждан сочетался с угрозами в их адрес и лишением свободы… В своих все усиливавшихся нападках Рузвельт в конце концов зашел так далеко, что приказал американскому военно–морскому флоту повсюду нападать на суда под немецким или итальянским флагом и топить их, тем самым грубо нарушая международное право.

Американские министры неоднократно хвастались, уничтожая немецкие подводные лодки этим преступным способом. Американские крейсера нападали на немецкие и итальянские торговые суда, захватывали их, а экипажи забирали в плен.

Таким путем были сорваны искренние усилия Германии и Италии предотвратить распространение войны и поддерживать отношения с Соединенными Штатами, несмотря на недопустимые провокации, которые годами осуществлялись президентом Рузвельтом…»

Какими мотивами руководствовался Рузвельт, чтобы разжигать антинемецкие настроения и поставить отношения между двумя странами на грань войны? Гитлер сам же и ответил на этот вопрос:

«Я слишком хорошо понимаю, что целая пропасть отделяет идеи Рузвельта от моих идей. Рузвельт происходит из богатой семьи и принадлежит к тому классу, дорогу которому вымостила демократия. А я родился в небольшой бедной семье и должен был пробивать себе дорогу тяжелым трудом. Когда началась первая мировая война, Рузвельт занимал положение в обществе, пользуясь всеми привилегиями, как и те, кто наживался на войне, в то время как другие истекали кровью. Я был одним из тех, кто выполнял приказы в качестве рядового солдата, и, естественно, вернулся с войны таким же бедным, каким был осенью 1914 года. Я разделил судьбу миллионов, а Франклин Рузвельт судьбу так называемых высокопоставленных десяти тысяч.

После войны Рузвельт пустился в финансовые махинации, в то время как я… лежал в госпитале…»

Гитлер еще некоторое время сопоставлял себя и Рузвельта в том же духе, прежде чем перейти по второму пункту обвинений: Рузвельт прибегнул к войне, чтобы избежать ответственности за провал своей президентской деятельности.

«Национал–социализм пришел к власти в Германии в тот же год, когда Рузвельт был избран президентом… Он взял на себя управление страной, которая находилась в очень тяжелом экономическом состоянии, а я взял на себя руководство рейхом, оказавшимся на грани полного развала по вине демократии…

В то время как в Германии под руководством национал–социалистов произошло беспрецедентное возрождение экономики, культуры и искусства, президент Рузвельт не добился ни малейшего улучшения жизни своей страны… И это неудивительно, если иметь в виду, что люди, которых он призвал себе на помощь, или, скорее, люди, которые поставили его президентом, принадлежали к еврейским элементам, заинтересованным в разложении общества и беспорядках…

Законодательство Рузвельта, связанное с новым курсом, полностью ошибочно. Не может быть никаких сомнений в том, что продолжение этой экономической политики привело бы к краху его президентства еще в мирное время, несмотря на все его диалектическое мастерство. В европейском государстве он в конечном счете наверняка оказался бы под следствием за преднамеренное растранжиривание национального богатства и едва ли избежал бы гражданского суда за преступные методы ведения бизнеса».

Гитлер знал, что его оценку нового курса разделяют некоторые американские изоляционисты и значительная часть представителей деловых кругов, и пытался максимально использовать это обстоятельство, позабыв о том, что после Перл–Харбора эти группы, как и все граждане Америки, сплотились во имя защиты своей страны.

«Этот факт был осознан, — продолжал Гитлер, апеллируя к этим группам, и по

организациям не установлена. — Прим. тит. ред.

достоинству оценен многими американцами, в том числе весьма высокопоставленными. Над головой этого человека угрожающе сгущались тучи оппозиции. Он понял, что единственным спасением для него является переключение общественного внимания с внутренних проблем на внешнеполитические… В этом его поддерживали окружавшие его евреи… Вся сатанинская подлость еврейства сплотилась вокруг этого человека.

Так началась мобилизация усилий американского президента по созданию конфликта… Годами этот человек мечтал втайне об одном — чтобы где–нибудь в мире вспыхнул конфликт…»

И далее последовал длинный перечень, зафиксировавший усилия Рузвельта в этом направлении, начиная с его «карантинной» речи в Чикаго в 1937 году.

«Теперь он (Рузвельт) охвачен страхом, — кричал Гитлер, — что, если в Европе наступит мир, его безрассудное проматывание миллионов на вооружение будет рассматриваться как прямое надувательство, поскольку никто не собирается нападать на Америку. И тогда он решил спровоцировать нападение на свою страну».

Казалось, нацистский диктатор испытал облегчение от того, что произошел разрыв, и он спешил поделиться этим чувством с немецким народом.

«Я думаю, что все вы почувствовали облегчение, когда нашлось государство, первым предпринявшее акцию протеста против этого беспрецедентного и бесстыдного злоупотребления правдой и правом… Тот факт, что японское правительство, которое годами вело переговоры с этим человеком, наконец устало от его недостойных насмешек, вызывает у нас, у всего немецкого народа и, я думаю, у всех честных людей во всем мире чувство глубокого удовлетворения… Президенту Соединенных Штатов следовало бы в конце концов понять — я говорю это только из–за ограниченности его интеллекта, — мы знаем, что целью его борьбы является уничтожение одного государства за другим…

Что касается немецкой нации, то она не нуждается в благотворительности мистера Рузвельта или мистера Черчилля, не говоря уже о мистере Идене. Она только отстаивает свои права! Она обеспечит себе право на жизнь, даже если тысячи Черчиллей и Рузвельтов будут плести заговоры против нее…

Поэтому я дал распоряжение сегодня же выдать паспорта американскому поверенному в делах…»

В этом месте депутаты рейхстага вскочили, и слова фюрера потонули в шумном одобрении и аплодисментах,

Вскоре после этого, в 14,30, Риббентроп в одной из своих самых бесстрастных поз принял Леланда Морриса, американского поверенного в делах в Берлине и, даже не пригласив его сесть, зачитал ноту об объявлении войны, вручил ему копию и с ледяным спокойствием отпустил.

«…Хотя Германия со своей стороны, — говорилось в ноте, — на протяжении войны всегда строго соблюдала международное право в отношениях с Соединенными Штатами, правительство Соединенных Штатов в конце концов перешло к неприкрытым актам агрессии против Германии, фактически вызвав состояние войны.

Поэтому правительство рейха разрывает дипломатические отношения с Соединенными Штатами и объявляет, что в условиях, созданных президентом Рузвельтом, Германия также считает себя находящейся в состоянии войны с Соединенными Штатами с сего дня».

Заключительным актом драмы явилось подписание тройственного соглашения Германией, Италией и Японией, в котором декларировалась «их непоколебимая решимость не складывать оружия и не заключать сепаратного мира до тех пор, пока не будет достигнуто успешное завершение совместной войны против Соединенных Штатов и Англии».

Адольф Гитлер, всего шесть месяцев назад сконцентрировавший свои усилия на осажденной Англии, которую, как ему казалось, он уже завоевал, теперь сознательно направил их против трех величайших индустриальных держав мира, и исход борьбы в конечном счете зависел от экономического потенциала. У этих трех враждебных держав, вместе взятых, имелось огромное превосходство в людских ресурсах над тремя державами

оси. Очевидно, ни Гитлер, ни его генералы и адмиралы не взвесили трезво всех факторов в тот полный событиями декабрьский день конца 1941 года.

Генерал Гальдер, в достаточной степени мыслящий начальник генерального штаба, даже не отметил в дневниковой записи за 11 декабря, что Германия объявила войну Соединенным Штатам. Он лишь упомянул, что вечером присутствовал на лекции капитана военно–морского флота о «подоплеке японо–американской войны на море». Остальная часть записей в дневнике, что, возможно, и объяснимо, связана с продолжающими поступать почти со всех участков Восточного фронта, где русские оказывали сильное давление, скверными известиями. У него не оставалось времени для раздумий о том дне, когда его обескровленные армии могут вот так же встретиться со свежими войсками из Нового Света.

Адмирал Редер приветствовал этот шаг Гитлера. 12 декабря он присутствовал на совещании, где заверил фюрера, что «обстановка в Атлантике улучшится в результате успешного японского вмешательства». Затем с воодушевлением добавил:

«Уже получены донесения о переброске некоторых (американских) боевых кораблей с Атлантики на Тихий океан. Совершенно очевидно, что легкие силы, особенно эсминцы, потребуются во все большем количестве на Тихом океане. Появится очень большая потребность в транспортных судах, так что можно ожидать отвода американских торговых судов с Атлантики. Напряжение в английском торговом судоходстве будет нарастать».

С опрометчивой бравадой сделав столь решительный шаг, Гитлер вдруг впал в сомнения. У него возникло несколько вопросов к гросс–адмиралу: верит ли он, что противник в ближайшем будущем предпримет шаги, стремясь оккупировать Азорские острова, захватить острова Зеленого Мыса и, может быть, даже атаковать Дакар, чтобы восстановить престиж, подорванный в результате неудач на Тихом океане? Редер не был в этом уверен.

«США, — отвечал он, — будут вынуждены в ближайшие несколько месяцев сосредоточить все свои силы на Тихом океане. Англия после тяжелых потерь в крупных боевых кораблях[134] не захочет идти на какой бы то ни было риск. Мало вероятно, что наберется достаточный тоннаж для осуществления такой десантной операции или доставки грузов материального обеспечения».

У Гитлера возник и более важный вопрос: реально ли, что США и Англия на время покинут Восточную Азию, чтобы сначала разгромить Германию и Италию? И гросс–адмирал опять успокоил своего фюрера:

«Мало вероятно, чтобы противник даже на время уступил Восточную Азию; сделав это, Англия подвергла бы серьезной угрозе Индию, а Соединенные Штаты не смогут снять свой флот с Тихого океана до тех пор, пока там имеется превосходство японского флота».

Далее Редер, стремясь подбодрить фюрера, сообщил ему, что шесть крупных подводных лодок спешно двинутся к восточному побережью Соединенных Штатов.

При той ситуации, которая сложилась в России, не говоря уже о Северной Африке, где Роммель тоже отступал, немецкий верховный главнокомандующий и его военачальники вскоре перестали думать о новом противнике, у которого, по их твердому убеждению, был полон рот забот на далеком Тихом океане. В своих помыслах они не будут возвращаться к этому новому противнику, пока не минует еще один год, самый роковой в этой войне, и произойдет великий перелом, что самым решительным образом повлияет не только на исход войны, которую на протяжении всего 1941 года немцы считали почти выигранной, но и на судьбу третьего рейха, ошеломляющие победы которого так стремительно вознесли немцев на головокружительную высоту и которому, по искреннему убеждению Гитлера, предстояло

---

[134] За два дня до этого, 10 декабря, японские самолеты потопили у берегов Малайи два английских линкора — «Принц Уэльский» и «Рипалс». После потерь в боевых кораблях, понесенных американцами в Перл–Харборе 7 декабря, этот удар обеспечивал японскому флоту полное превосходство на Тихом океане, в Китайском море и Индийском океане. «За всю войну, — писал в связи с потерей английских кораблей Черчилль, — я никогда не испытывал более сильного шока». — Прим. авт.

процветать тысячелетие.

По мере приближения нового, 1942 года торопливые записи Гальдера в дневнике приобретали все более зловещий оттенок. «Снова тяжелый день!» такими словами начал он запись в дневнике 30 декабря 1941 года, а на следующий день повторил: «Опять тяжелый день!» Начальник немецкого генерального штаба предчувствовал, что назревают ужасные события.

ВЕЛИКИЙ ПОВОРОТ. 1942 ГОД: СТАЛИНГРАД И ЭЛЬ–АЛАМЕЙН

Жестокие неудачи армий Гитлера в России зимой 1941/42 года и увольнение ряда фельдмаршалов и генералов из высших эшелонов вновь возродили надежды у антинацистских заговорщиков.

Им не удавалось привлечь к заговору ведущих командующих, пока их армии одерживали одну блестящую победу за другой, а слава немецкого оружия и германского рейха возносилась высоко до небес. Однако теперь гордые и до сей поры непобедимые солдаты, увязая в жестокий мороз в снегах, отступали под натиском противника, который проявил себя вполне достойным соперником; потери за шесть месяцев превысили миллион человек; множество наиболее известных генералов были уволены, причем некоторые, например Гепнер и Шпонек, с позором, а большинство других подверг унижению и сделал козлами отпущения жестокий диктатор[135].

«Время почти пришло», — сделал обнадеживающий вывод в своем дневнике 21 декабря 1941 года Хассель. Он и его единомышленники по заговору были уверены, что прусский офицерский корпус отреагирует не только на гнусное поведение фюрера по отношению к ним, но и на безумие верховного главнокомандующего, ведущего их и их армии в условиях русской зимы к катастрофе. Заговорщики были давно убеждены, что только генералы, стоящие во главе войск, обладали реальной властью, чтобы свергнуть нацистского тирана. Теперь у них появился шанс. Важнее всего было правильно выбрать время, пока не поздно. Им было ясно, что после поражений в России и вступления Америки в войну ее уже невозможно выиграть. Но она еще не была проиграна. Антинацистское правительство в Берлине могло бы, по их убеждению, добиться мирных условий, которые позволили бы Германии оставаться крупной державой и, может быть, даже сохранить некоторые приобретения Гитлера — например, Австрию, Судеты и Западную Польшу.

Эти мысли не покидали заговорщиков в конце лета 1941 года, когда перспектива уничтожения Советского Союза все еще оставалась реальной. Текст Атлантической хартии, составленный Черчиллем и Рузвельтом 19 августа, явился для них тяжелым ударом, особенно пункт 8, который предусматривал разоружение Германии до заключения соглашения о всеобщем разоружении. Для Хасселя, Герделера, Бека и других членов

---

[135] Среди тех, кого уволили, а затем вернули на службу, были фельдмаршал фон Браухич, главнокомандующий сухопутными войсками, фельдмаршалы фон Рундштедт и фон Бок, возглавлявшие соответственно южную и центральную группу армий, и талантливейший командир танкового корпуса генерал Гудериан. Командующий северной группой армий фельдмаршал фон Лееб был освобожден от занимаемой должности 18 января 1942 года. Днем ранее скончался от сердечного приступа фельдмаршал фон Рейхенау, незадолго до этого принявший командование у Рундштедта. Генерал Удет из люфтваффе застрелился 17 ноября 1941 года. Кроме того, около 35 корпусных и дивизионных командиров были заменены во время зимнего отступления.

И это было только начало. Фельдмаршал фон Манштейн рассказал на Нюрнбергском процессе о том, что происходило с генералами, когда они проигрывали сражения или, набравшись мужества, возражали Гитлеру. «Из 17 фельдмаршалов, — сообщил он трибуналу, — 10 были отправлены домой, а троих расстреляли после событий 20 июля 1944 года. Только одному фельдмаршалу удалось удержаться на своем посту до конца войны. Из 36 полных генералов (генерал–полковников) 18 были отправлены в отставку, пятеро погибли после событий 20 июля или были с позором разжалованы. Только трем полным генералам удалось пережить войну на своих постах». — Прим. авт.

оппозиционной группы это означало, что союзники не собираются делать различия между нацистами и антинацистами, и являлось доказательством, как выразился Хассель, «что Англия и Америка не только ведут войну против Гитлера, но и намерены разгромить Германию и сделать ее беззащитной». Этот аристократ, бывший посол, а в настоящее время активный участник заговора против Гитлера, был полон решимости добиться максимально возможного для Германии без Гитлера, но пункт 8, как отмечал он в своем дневнике, «ликвидировал все мыслимые шансы на мир».

Атлантическая хартия разочаровала заговорщиков, но ее провозглашение, очевидно, подтолкнуло к действию. Они понимали, что страну необходимо избавить от Гитлера, пока у Германии, владевшей большей частью Европы, имелась возможность вести переговоры о мире с выгодных для нее позиций. Они не противились использованию гитлеровских завоеваний, чтобы получить наиболее благоприятные условия для своей страны. Результаты серии переговоров, которые вели в Берлине в конце августа Хассель, Попитц, Остер, Донаньи и генерал Фридрих Ольбрихт, начальник штаба резервной армии, свелись к тому, что «немецкие патриоты», как они называли себя, выставили «самые скромные требования» союзникам, но, по словам Хасселя, имелись определенные претензии, от которых они не могли отказаться. Что это за требования и претензии, он не сказал, однако, судя по другим записям в его дневнике, заговорщики ратовали за Германию в границах 1914 года на Востоке плюс Австрия и Судетская область.

Но время поджимало. После заключительного совещания со своими единомышленниками, состоявшегося в конце августа, Хассель записал в своем дневнике: «Все единодушно убеждены, что скоро будет слишком поздно. Когда наши шансы на победу окончательно улетучатся или станут очень незначительными, то договариваться будет больше не о чем».

Были предприняты некоторые усилия склонить влиятельных генералов согласиться на арест Гитлера во время летней кампании в России. Однако все они оказались безуспешными, потому что великие полководцы, естественно, оставались под впечатлением первоначальных ошеломляющих побед и, не воспринимали всерьез разговоры о свержении человека, благодаря которому они этих побед достигли. И все же эти усилия посеяли в умах военных некоторые сомнения.

Центром заговора в армии в то лето была ставка фельдмаршала фон Бока, группа армий которого наступала на Москву. Генерал–майор фон Тресков из окружения фон Бока, первоначальный энтузиазм которого в поддержку национал–социализма настолько развеялся, что он примкнул к заговорщикам, даже стал одним из вожаков. Ему помогали Фабиан фон Шлабрендорф, его адъютант, и еще два заговорщика, которых они пристроили к фон Боку в качестве адъютантов: граф Ганс фон Харденберг и граф Генрих фон Леендорф, оба потомки старых немецких фамилий[136]. Они поставили перед собой задачу убедить фельдмаршала согласиться на арест Гитлера во время одного из его визитов в ставку группы армий. Однако убедить Бока было трудно. Хотя он и проповедовал отвращение к нацизму, но высоко поднялся именно при нацизме и был слишком тщеславен и честолюбив, чтобы рисковать на этой стадии игры. Однажды, когда фон Тресков попытался было указать ему, что фюрер ведет страну к катастрофе, Бок закричал: «Я не позволю нападать на фюрера!»

Тресков и его молодой адъютант были обескуражены, но не испугались. Они решили действовать самостоятельно. Во время посещения фюрером 4 августа 1941 года штаба группы армий в Борисове они планировали захватить его по пути с аэродрома в район расположения фон Бока. Но действовали они все еще как дилетанты и не учли мер безопасности, которые предпринимала охрана фюрера. Передвигался Гитлер в окружении своих телохранителей из СС, от автомобиля, присланного на аэродром штабом, отказался, поскольку сюда заранее прибыла целая кавалькада автомашин, и два офицера штаба не

---

[136] Леендорф был казнен нацистами 4 сентября 1944 года. — Прим. авт.

смогли даже приблизиться к фюреру. Это фиаско — нечто подобное, вероятно, происходило и раньше явилось для армейских заговорщиков поучительным уроком. Во–первых, добраться до Гитлера оказалось далеко не легким делом: его всегда надежно охраняли. Во–вторых, его захват и арест вряд ли решили бы проблему, поскольку генералы, занимающие ключевые посты, были слишком трусливы или слишком верны присяге, чтобы помочь оппозиции довести дело до конца после устранения фюрера. И примерно в это время, то есть осенью 1941 года, некоторые молодые армейские офицеры, в основном гражданские лица, подобно Шлабрендорфу, совсем недавно надевшие военную форму, невольно пришли к заключению, что ее простейшим, даже, пожалуй, единственным решением является убийство Гитлера. Освободившись от личной клятвы на верность лидеру, робкие генералы пошли бы на сотрудничество с новым режимом и обеспечили ему поддержку армии.

Однако заговорщики, находившиеся в Берлине, еще не были готовы пойти так далеко. Они составили идиотский план под названием «Изолированная акция», который как они почему–то полагали, успокоит совесть генералов, клявшихся фюреру в верности, и в то же время позволит иv избавить от него рейх. Даже сегодня трудно следить за ходом их мышления, но идея в основном сводилась к тому, что высшие военачальники как на Востоке, так и на Западе по заранее условленному сигналу просто откажутся подчиняться приказам Гитлера как главнокомандующего вооруженными силами. Это, конечно, явилось бы нарушением клятвы на верность фюреру, но софисты в Берлине делали вид, что не понимают этого. Во всяком случае, они объясняли, что подлинная цель этого варианта — создание неразберихи, во время которой генерал Бек при поддержке отрядов из резервной армии захватит власть, сместит Гитлера и объявит национал–социализм вне закона.

Однако резервная армия едва ли представляла собой военную силу; она напоминала скорее разношерстное сборище рекрутов, которые проходили непродолжительную боевую подготовку, прежде чем отправиться на фронт в качестве пополнения. Некоторых высокопоставленных генералов на Востоке или в оккупационных зонах, в чьем подчинении находились испытанные в сражениях войска, предстояло перетянуть на свою сторону, чтобы заговор действительно удался. Одним из таких военачальников был фельдмаршал фон Вицлебен, ставший командующим войсками на Западе. Он относился к числу тех, кто вместе с Гальдером планировал арест Гитлера в Мюнхене, и вполне естественно, что выбор пал на него. Чтобы ввести в курс дела его, а также генерала Александра фон Фалькенхаузена, немецкого командующего в Бельгии, заговорщики направили к ним в середине января 1942 года Хасселя. Находясь под наблюдением гестапо, бывший посол замаскировал свою поездку чтением лекций для немецких офицеров и сотрудников оккупационного аппарата по теме «Жизненное пространство и империализм». Между лекциями он в частном порядке совещался в Брюсселе с Фалькенхаузеном, а в Париже с Вицлебеном и составил об обоих благоприятное мнение, особенно о последнем.

Оказавшись во Франции на второстепенных ролях, в то время как его коллеги руководили крупными сражениями в России, Вицлебен жаждал действий. Он заявил Хасселю, что идея «изолированной акции» является утопией. Единственный способ решения проблемы — прямое свержение Гитлера, и он готов играть ведущую роль в этом деле. Самым благоприятным временем для нанесения удара, вероятно, будет лето 1942 года, когда возобновится немецкое наступление в России. Чтобы предстать к этому дню в отличной форме, он даже вознамерился сделать небольшую хирургическую операцию. К несчастью для фельдмаршала и его единомышленников по заговору, это решение привело к катастрофическим последствиям. Подобно Фридриху Великому и многим другим, Вицлебен страдал геморроем[137]. Такого рода операция считалась у хирургов несложной, однако, когда Вицлебен весной 1942 года взял краткосрочный отпуск по болезни, Гитлер,

---

[137] Прусский король часто жаловался на этот недуг, который, как он утверждал, являлся для него помехой как в умственном, так и в физическом труде. — Прим. авт.

воспользовавшись ситуацией, уволил фельдмаршала в отставку, заменив его Рундштедтом, у которого не было ни малейшего желания участвовать в заговоре против фюрера, хотя последний совсем недавно обошелся с ним довольно гнусно. Таким образом, главная надежда заговорщиков в армии рухнула — фельдмаршал оказался не у дел. А установить новый режим без войск было просто невозможно.

Руководители заговора были сильно обескуражены. Они вели тайные совещания, что–то планировали, но не могли преодолеть постигшего их разочарования. «Как представляется в данный момент, невозможно ничего предпринять против Гитлера», — отвечал Хассель в конце февраля 1942 года после одного из бесчисленных секретных совещаний.

Однако можно было обдумать и привести в систему свои идеи относительно того, какое правительство они хотят видеть в Германии после свержения Гитлера, навести порядок в своей хаотичной и пока еще совершенно неэффективной организации, которой предстояло взять на себя заботы по созданию этого правительства в будущем. Руководители тайного сопротивления, в большинстве своем люди преклонных лет, придерживались консервативных взглядов и ратовали за восстановление монархии Гогенцоллернов, однако долго не могли прийти к единому мнению, которого из принцев возвести на трон. Попитц, один из главных заговорщиков из числа гражданских, желал видеть на троне кронпринца, но его отвергало большинство других. Шахт отдавал предпочтение старшему сыну кронпринца, принцу Вильгельму, а Герделер младшему сыну Вильгельма принцу Оскару Прусскому. Все были согласны только в одном — что четвертый сын кайзера, принц Август Вильгельм, по прозвищу Ауви, из числа возможных кандидатур исключается, поскольку является фанатичным нацистом, группенфюрером СС.

И все же к лету 1941 года было достигнуто более или менее приемлемое соглашение: наиболее подходящей кандидатурой на трон был признан Луи Фердинанд, второй из сыновей кронпринца[138]. Было ему в то время тридцать три года, и он уже пять лет работал на фабрике Форда в Деарборне, был служащим на авиалиниях люфтганзы, находился в контакте с заговорщиками и сочувствовал им. Этого представительного молодого человека в конце концов сочли наиболее желательной из Гогенцоллернов фигурой в качестве претендента на трон. Он разделял настроения двадцатого столетия, был демократичен и интеллигентен. У него была привлекательная, рассудительная и мужественная жена, принцесса Кира, бывшая русская великая княжна, и, кроме того, — немаловажный момент для заговорщиков — он слыл личным другом Рузвельта, поскольку по приглашению президента супружеская пара останавливалась в 1938 году в Белом доме во время своего медового месяца.

Хассель и некоторые из его друзей не были убеждены, что Луи Фердинанд является идеальной кандидатурой. «У него отсутствуют многие качества, без которых нельзя выполнить отведенную ему роль», — мрачно комментировал Хассель в своем дневнике выбор, сделанный в рождественские дни 1941 года заговорщиками. Однако других эта кандидатура вполне устраивала.

В центре внимания Хасселя оставалось будущее немецкое правительство. Еще год назад, проконсультировавшись с генералом Беком, Герделером и Попитцем, он набросал программу правительства на переходный период, которую детализировал в проекте, составленном в конце 1941 года. В проекте он предусматривал восстановить свободу личности, а до принятия постоянной конституции возложить верховную власть на регента, который в качестве главы государства будет назначать правительство и государственный совет. Все это выглядело довольно авторитарно, и некоторые заговорщики во главе с Герделером отвергли данный вариант, предложив взамен проведение плебисцита, с тем

---

[138] Старший сын кронпринца, Вильгельм, умер от ран, полученных в бою на территории Франции 26 мая 1940 года, Прим. авт.

чтобы временное правительство получило поддержку народа и подтвердило свой демократический характер. Однако ввиду отсутствия чего–либо лучшего план Хасселя в целом был принят, по крайней мере как заявление о принципах. Он был заменен более либеральной и более обстоятельной программой, разработанной в 1943 году под давлением группы Крейсау, возглавляемой графом Гельмутом фон Мольтке.

Наконец, той же весной 1942 года заговорщики официально выдвинули руководителя. Все назвали таковым генерала Бека, принимая во внимание не только его ум и характер, но и его авторитет среди генералов, его репутацию в стране и за границей. Однако в организационном отношении заговорщики были настолько апатичны, что фактически так и не поставили его руководителем. А некоторые, подобно Хасселю, восхищаясь бывшим начальником генерального штаба, втайне продолжали сомневаться относительно правильности выбора.

«Главная трудность, связанная с Беком, — писал Хассель в своем дневнике незадолго до рождества 1941 года, — состоит в том, что он очень уж питает склонность к теоретизированию. Как говорит Попитц, человек тактики, но с небольшой силой воли». Подобная оценка, как потом выяснилось, была вполне обоснованна, а такой изъян в характере генерала, как поразительное безволие, привел в конечном счете к трагическим последствиям.

Тем не менее в марте 1942 года после многих секретных совещаний заговорщики решили, как писал Хассель, что «Бек должен держать в своих руках все нити», а в конце месяца бывший посол пояснял, что Бек официально назван главой нашей группы.

Однако, если попытаться проанализировать деятельность заговорщиков в этот период по записям, то приходишь к выводу, что программа их оставалась расплывчатой и нереальной, а деятельность даже самых активных его участников сводилась к бесконечным разговорам. Им было известно, что Гитлер планирует возобновить наступление в России, как только подсохнет земля. Это, по признанию самих заговорщиков, могло подтолкнуть Германию еще дальше к пропасти. И тем, не менее они, хотя и много говорили, ничего не предпринимали. 28 марта 1942 года, сидя на даче возле Эбенхаузена, Хассель записал в своем дневнике: «В последние дни в Берлине у меня были обстоятельные разговоры с Иессеном[139], Беком и Герделером. Перспективы не очень хорошие».

А могли ли они быть очень хорошими? Ведь не существовало даже плана действий. И именно теперь, когда время еще не было упущено. А у Адольфа Гитлера к началу весны, третьей военной весны, имелись и планы предстоящей кампании, и неудержимая воля, чтобы претворить их в жизнь.

Последнее крупное немецкое наступление

Хотя безрассудство Гитлера, не разрешившего своевременно отступить немецким армиям в России, привело к тяжелым потерям в живой силе и технике, к деморализации многих частей и к обстановке, которая в течение января февраля 1942 года грозила обернуться полной катастрофой, несомненно и то, что фанатичная решимость Гитлера выстоять и сражаться помогла остановить мощную волну советского наступления. Традиционное мужество и выносливость немецких солдат сделали остальное.

К 20 февраля русское наступление от Балтики до Черного моря выдохлось, а в конце марта началась весенняя распутица, которая принесла с собой относительное затишье на

---

[139] Иенс Петер Иессен, профессор экономики в Берлинском университете, являлся одним из мыслящих участников заговора. В период с 1931 по 1933 год слыл ревностным нацистом и одним из немногих истинных интеллектуалов в партии. Однако, быстро разочаровавшись в нацизме, стал фанатичным антинацистом. Был арестован в связи с причастностью к заговору 20 июля 1944 года и в ноябре того же года казнен в тюрьме Плетцензе. — Прим. авт.

огромной протяженности кровопролитном фронте. Обе стороны исчерпали свои возможности. Сводка немецкой армии от 30 марта 1942 года показывала, какой ужасной ценой были оплачены зимние бои. Из 162 боевых дивизий на Востоке только восемь были готовы к наступательным действиям. В 16 танковых дивизиях осталось всего 140 исправных танков — меньше, чем насчитывалось обычно в одной дивизии.

Еще в то время когда войска отступали по безбрежным заснеженным просторам России, Гитлер, являвшийся теперь главнокомандующим сухопутными войсками и верховным главнокомандующим вооруженными силами, занимался разработкой планов летнего наступления в 1942 году. Они не были столь честолюбивы, как планы минувшего года. К этому времени он приобрел уже достаточно опыта, чтобы понять, что уничтожить Красную Армию в ходе одной кампании не сможет. В это лето он планировал сосредоточить основные силы на юге, захватить нефтеносные районы на Кавказе, индустриальный Донецкий бассейн, пшеничные поля Кубани и овладеть Сталинградом на Волге. Тем самым будет осуществлено несколько важных задач. Советы лишатся нефти, значительной части продовольствия и промышленной продукции, в чем они остро нуждаются для продолжения войны, в то время как Германия приобретет нефть и продовольственные ресурсы, в которых у нее почти такая же острая нужда.

«Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, — говорил фюрер генералу Паулюсу, командующему злосчастной 6–й армией, перед началом летнего наступления, — тогда я буду вынужден закончить эту войну».

Сталин мог бы сказать то же самое. И ему нужна была кавказская нефть для продолжения войны. Именно поэтому Сталинград приобретал особо важное значение. Захватив этот город, немцы заблокировали бы последний маршрут через Каспийское море и Волгу, по которому нефть доставлялась в Центральную Россию, пока русские владели нефтяными источниками.

Для самолетов, танков и автомашин Гитлеру помимо нефти нужны были людские резервы, чтобы восполнить сильно поредевшие ряды. Общие потери к концу зимних боев составили 1 167 835 человек, исключая больных, и не поступало в достаточных количествах пополнений, чтобы укомплектовать обескровленные части и соединения. Верховное командование обратилось к союзникам Германии, вернее, к сателлитам за дополнительными войсками. Генерал Кейтель спешно направился в Будапешт и Бухарест, чтобы набрать венгерских и румынских солдат для приближающейся летней кампании.

Геринг, а потом и сам Гитлер обратились к Муссолини за итальянскими формированиями.

Геринг прибыл в Рим в конце января 1942 года, чтобы выторговать у итальянцев подкрепления для Восточного фронта, заверив Муссолини, что Советский Союз будет разбит в 1942 году, а Великобритания сложит оружие в 1943–м. Чиано разжиревший, увешанный медалями рейхсмаршал показался невыносимым. «Как обычно, он выглядит надменным и обрюзгшим», — отметил в своем дневнике итальянский министр иностранных дел 2 февраля. Через два дня он там же писал:

«Геринг покидает Рим. Мы обедали в отеле «Эксельсиор», и во время обеда Геринг почти все время говорил о своих бриллиантах. Действительно, он носит несколько красивых колец… Отправляясь на станцию, он надел широкую, подбитую соболями доху, нечто среднее между тем, что носили водители автомобилей в 1906 году, и тем, в чем приходят в оперу дорогие проститутки».

Стяжательство продолжало разъедать человека номер два третьего рейха.

Муссолини обещал Герингу направить на русский фронт в марте две итальянские дивизии, если немцы придадут им артиллерию. Однако обеспокоенность дуче поражениями своего союзника на Восточном фронте приняли такие размеры, что Гитлер решил: пора вновь с ним встретиться, чтобы объяснить, насколько все еще сильна Германия.

Встреча состоялась 29–30 апреля в Зальцбурге. Дуче и Чиано с сопровождающими их лицами разместились в выстроенном в стиле барокко дворце Клессхейм, где когда–то

находилась резиденция епископов. Теперь же в нем появились картины, мебель и ковры из Франции, за которые, как подозревал итальянский министр иностранных дел, Германия заплатила не слишком дорого. Чиано нашел, что фюрер выглядит усталым. «Зимняя кампания в России сильно сказалась на нем, — записал он в своем дневнике. — Впервые я заметил у него много седых волос»[140].

После присущего немцам подробного изложения общей ситуации Риббентроп и Гитлер заверили своих итальянских гостей, что все обстоит прекрасно — в России, в Северной Африке, на Западе и на морских просторах. Предстоящее наступление на Востоке, как доверительно сообщали они, будет направлено против нефтеносных районов Кавказа.

«Когда нефтяные источники России окажутся исчерпаны, вставил Риббентроп, — то Россия будет поставлена на колени. Затем англичане… поклонятся, чтобы спасти то, что еще останется от истерзанной империи. Америка — это большой блеф…»

У Чиано же, который более или менее терпеливо слушал своего немецкого коллегу, создалось, однако, впечатление, что относительно намерений Соединенных Штатов блефовали сами немцы и что в действительности, когда они думают об этом, «их охватывает дрожь».

Как обычно, больше всех говорил фюрер.

«Гитлер говорит, и говорит, и говорит, — записал Чиано в своем дневнике. — А Муссолини страдает; он привык говорить сам, а тут приходится почти все время молчать и слушать. На второй день после ленча, когда все было уже сказано, Гитлер говорил час и сорок минут не прерываясь. Он не пропустил абсолютно ни одного вопроса: война и мир, религия и философия, искусство и история. Муссолини машинально взглянул на свои ручные часы… Немцы — несчастные люди — должны слушать это каждый день, и я уверен, они уже знают наизусть каждый жест, каждое слово или паузу. Генерал Йодль после отчаянной борьбы с собой заснул на диване. Кейтель покачивался, но все–таки держал голову приподнятой. Он сидел слишком близко к Гитлеру, чтобы позволить себе задремать…»

Вопреки бесконечным разговором или, может, вследствие этого Гитлер заручился обещанием союзников направить на русский фронт дополнительное количество пушечного мяса. Гитлер и Кейтель добились таких успехов на переговорах со своими сателлитами, что немецкое верховное командование рассчитывало иметь 52 союзнические дивизии для летнего наступления: 27 румынских, 13 венгерских, 9 итальянских, 2 словацких и 1 испанскую. Это составляло четвертую часть объединенных сил держав оси на Востоке. Из 41 свежей дивизии, которые должны были усилить южный фланг Восточного фронта, где предстояло наносить главный удар, половину (21 дивизия) составляли венгерские (10), итальянские (6) и румынские (5). Гальдеру и большинству других генералов не нравилось, что успех кампании будет зависеть от иностранных дивизий, боевые качества которых, по их мнению, мягко говоря, вызывали большие сомнения. Однако из–за нехватки людских ресурсов они принимали такую помощь, что способствовало последовавшему затем провалу кампании.

Летом 1942 года удачи сначала сопутствовали державам оси. Еще до прыжка в сторону Кавказа и Сталинграда была одержана сенсационная победа в Северной Африке. 27 мая 1942 года генерал Роммель возобновил свое наступление в пустыне[141]. Нанеся быстрый удар

---

[140] Геббельс видел Гитлера за месяц до этого в ставке и выразил крайнее удивление в дневнике по поводу его состояния: «Я заметил, что он стал совершенно седой… Он говорил мне, что ему приходится бороться с сильнейшими приступами головокружения… Фюрер на этот раз действительно вызвал у меня обеспокоенность». И далее Геббельс добавил, что у него «физическое отвращение к снегу и морозу… Больше всего беспокоит и мучает фюрера то, что страна все еще покрыта снегом» (Дневники Геббельса, с. 131–137). — Прим. авт.

[141] После серии ожесточенных сражений с англичанами, произошедших в ноябре — декабре 1941 года, войска Роммеля были отогнаны через Киренаику к рубежу Эль–Агейлы на ее западной границе. Но, проявив

своим знаменитым Африканским корпусом (две танковые и одна мотопехотная дивизии) и восемью итальянскими дивизиями, одна из которых являлась танковой, он погнал англичан через пустыню к египетской границе. 21 июня он захватил Тобрук ключ к английской обороне, который в 1941 году выдержал девятимесячную осаду, а два дня спустя его войска вступили на территорию Египта. К концу июня они находились у Эль–Аламейна, в 65 милях от Александрии и устья Нила. Многим государственным деятелям союзников, с тревогой всматривавшимся в карту, казалось, что теперь уже ничто не может помешать Роммелю нанести роковой удар англичанам, захватив Египет, а затем, получив подкрепления, наступать далее на северо–восток, захватить богатейшие нефтеносные районы Среднего Востока и двинуться на Кавказ, чтобы встретиться там с немецкими армиями, которые уже начали наступление с севера в направлении этого региона. Это был один из самых мрачных периодов войны для западных союзников и, соответственно, один из самых обнадеживающих для держав оси. Однако Гитлер, как мы уже убедились, никогда не понимал глобального характера военных действий. Он не знал, как использовать неожиданный успех Роммеля в Африке. Он наградил решительного предводителя Африканского корпуса фельдмаршальским жезлом, но не послал ему ни материальных, ни людских подкреплений[142].

Только уступая докучливым требованиям Редера и настоятельной просьбе Роммеля, фюрер с большой неохотой согласился направить Африканский корпус и небольшую немецкую авиационную группу в первую очередь в Ливию. Но сделал он это лишь потому, что хотел предотвратить провал итальянцев в Северной Африке, а не потому, что придавал большое значение овладению Египтом.

Ключом к захвату Египта фактически являлся остров Мальта, расположенный на Средиземном море между Сицилией и базами держав оси в Ливии. Именно с этого английского бастиона бомбардировщики, подводные лодки и надводные корабли наносили огромный урон немецким и итальянским судам, доставлявшим боевые грузы и солдат в Северную Африку. В августе 1941 года около 35 процентов направляемых Роммелю боевых грузов и пополнений было потоплено союзниками; в октябре эта цифра возросла до 63 процентов. 9 ноября Чиано с горечью писал в своем дневнике:

«С 19 сентября мы отказались от попыток провести конвои в Ливию; за каждую такую попытку приходилось платить высокую цену… Сегодня мы предприняли очередную попытку. Конвой отправился в составе семи судов в сопровождении двух крейсеров водоизмещением 10 тысяч тонн и десяти эсминцев… Все — именно все — наши суда были потоплены… Англичане вернулись в свои порты (на Мальте) после того, как разгромили нас».

Немцы с запозданием перебросили несколько подводных лодок с Атлантики на Средиземное море, а Кессельрингу были выделены дополнительные эскадрильи самолетов для базирования на Сицилии. Было решено нейтрализовать Мальту и, если возможно,

---

присущее ему упорство, Роммель в январе 1942 года предпринял контрудар и вернул половину потерянной территории. За 17 дней кампании он дошел до Эль–Газаля, откуда в конце мая начал новое наступление. — Прим. авт.

[142] Гитлер произвел Роммеля в фельдмаршалы на второй день после захвата Тобрука и тем самым вызвал у Муссолини «болезненные переживания», потому что, как заметил Чиано, это подчеркивало «немецкий характер сражения». Дуче немедленно выехал в Ливию, чтобы получить часть почестей, полагая, что прибудет в Александрию «через пятнадцать дней». 2 июля он связался по телефону с Гитлером, чтобы согласовать «вопрос о будущем политическом руководстве Египтом», предложив кандидатуру Роммеля в качестве военного командующего и кандидатуру итальянца в качестве «гражданского представителя». Гитлер ответил, что не считает этот вопрос срочным (Дневники Чиано, с. 502–504).

«Муссолини с нетерпением ждал в Дерне (за линией фронта) того дня, говорил позднее генерал Фриц Байерлейн, начальник штаба у Роммеля, — когда он сможет принять парад танков держав оси в тени египетских пирамид» (Роковые решения, с. 103). — Прим. авт.

уничтожить английский флот в Восточном Средиземноморье. К концу 1941 года англичане потеряли три линкора, один авианосец, два крейсера и несколько эсминцев и подводных лодок, а то, что осталось от их флота, было загнано на военно–морские базы в Египте. В течение многих недель немецкие бомбардировщики днем и ночью обрушивали свой груз на Мальту. В результате конвои держав оси начали доходить до места назначения: в январе не было потеряно ни одной тонны грузов — и Роммель получил возможность подготовить свои силы для крупного броска в Египет.

В марте адмирал Редер уговорил Гитлера одобрить планы наступления Роммеля в сторону Нила (операция «Аида») и захвата Мальты парашютными войсками (операция «Геркулес»). Наступление из Ливии планировалось начать в конце мая, а атаку на Мальту предусматривалось предпринять в середине июля. Однако 15 июня, когда Роммель развивал свой первоначальный успех, Гитлер отложил атаку на Мальту. Он объяснил Редеру, что не может выделить ни войск, ни самолетов за счет русского фронта. Спустя несколько недель он снова отложил операцию «Геркулес», утверждая, что она может подождать до завершения летнего наступления на Востоке и завоевания Роммелем Египта. Мальту между тем можно нейтрализовать, продолжая бомбардировки.

Однако Мальта не сдавалась и немцам вскоре пришлось поплатиться за это. 16 июня к осажденному острову пробился крупный английский конвой, и, хотя при этом было потеряно несколько боевых кораблей и транспортов, с получением подкреплений Мальта ожила. С американского авианосца «Уосп» туда были переброшены «спитфайеры», и вскоре налеты бомбардировщиков люфтваффе на остров прекратились. Почувствовал это и Роммель: три четверти поставок, предназначенных для него, союзники отправляли на дно.

Он вышел к Эль–Аламейну, имея в наличии всего 30 исправных танков[143]. «Наши силы иссякли», — писал он в дневнике 3 июля. И это в тот момент, когда на горизонте уже показались пирамиды, а за ними — огромный приз в виде Египта и Суэца! Еще одна утраченная возможность, и одна из последних, какие подбрасывали Гитлеру провидение и военная удача.

Немецкое наступление в России летом 1942 года

К концу лета 1942 года Адольф Гитлер, казалось, снова был на коне и свысока смотрел на весь мир. В Атлантике немецкие подводные лодки наносили большой урон союзникам, ежемесячно отправляя на дно английские и американские суда общим водоизмещением до 700 тысяч тонн, — больше, чем спускалось на воду судов в доках США, Канады и Шотландии. Хотя Гитлер и оголял свою оборону на Западе, перебрасывая оттуда солдат, танки и самолеты на Восточный фронт, чтобы покончить с Россией, в то лето еще не чувствовалось, что англичане и американцы достаточно сильны, чтобы предпринять, пусть небольшую, высадку через Ла–Манш. Они даже не стали рисковать ради захвата Северной Африки, находившейся в руках французов, хотя ослабленные и разделенные французы едва ли смогли бы оказать серьезное сопротивление союзникам, да и немцы не смогли бы ничего предпринять, разве что выделить несколько подводных лодок и небольшое число самолетов для баз, расположенных в Италии и Ливии.

Английский военно–морской флот и военно–воздушные силы оказались не в состоянии сорвать переброску немецких линейных крейсеров «Шарнхорст» и «Гнейзенау», а также тяжелого крейсера «Принц Ойген» из Бреста в безопасные гавани Германии. Средь белого дня они на полной скорости беспрепятственно пронеслись по Ла–Маншу и Па–де–Кале с

---

[143] Согласно показаниям генерала Байерлейна, данным после войны, он преувеличивал свои потери. По данным разведки союзников, в это время у Роммеля было 125 танков. — Прим. авт.

запада на восток на виду у всех[144]. Гитлер опасался, что англичане и американцы попытаются оккупировать Северную Норвегию, и настоял на переброске из Бреста в Северное море вышеуказанных боевых кораблей, чтобы использовать их для обороны в норвежских водах. «Норвегия, — говорил он Редеру в конце января 1942 года, это сама судьба». Поэтому ее следовало защищать любой ценой. Но, как выяснилось, в этом не было необходимости. Англо–американцы намеревались использовать свои ограниченные силы на Западе по–иному.

На карте завоевания Гитлера к сентябрю 1942 года казались ошеломляющими. Средиземное море практически превратилось во внутреннее озеро держав оси, где Германия и Италия контролировали большую часть северного побережья от Испании до Турции, а южное побережье — от Туниса до участка, расположенного в 60 милях от устья Нила. По существу, немецкие войска контролировали территорию от норвежского мыса Нордкапа, омываемого арктическими водами, до Египта и от Бреста, расположенного на Атлантическом побережье, до низовьев Волги на границе с Центральной Азией.

Войска немецкой 6–й армии вышли к Волге чуть севернее Сталинграда 23 августа. За два дня до этого фланг со свастикой был водружен на вершине Эльбруса. 8 августа были захвачены нефтеносные районы Майкопа, ежегодно дававшие 2,5 миллиона тонн нефти, хотя нефтедобывающие сооружения достались немцам почти полностью разрушенные; к 25 августа танки Клейста заняли Моздок, расположенный всего в 50 милях от главного советского нефтедобывающего центра в районе Грозного; отсюда до Каспийского моря оставалось каких–нибудь 100 миль. 31 августа Гитлер настаивал, чтобы фельдмаршал Лист, командующий армиями на Кавказе, собрал все свои наличные силы для завершающего броска на Грозный, с тем чтобы «прибрать к рукам нефтеносные районы». В тот же день Роммель начал наступление у Эль–Аламейна, будучи уверен, что прорвется к Нилу.

Хотя Гитлер никогда не был удовлетворен действиями своих генералов — 13 июля он снял фельдмаршала Бока, командующего южным направлением, которого он, как явствует из дневника Гальдера, постоянно ругал и отчитывал, как большинство других командующих и генеральный штаб, за недостаточно быстрые темпы наступления, — но теперь он считал, что решающая победа не за горами. Он приказал 6–й армии и 4–й танковой армии продвигаться вдоль Волги на север после того, как будет захвачен Сталинград, и совершить глубокий охват, что позволит ему наступать на Центральную Россию и Москву как с востока, так и с запада. Он считал, что с русскими покончено, и, по свидетельству Гальдера, всерьез говорил о наступлении частью своих сил через Иран к Персидскому заливу и о том, как он соединится с японцами в Индийском океане. Он всецело доверял точности немецкого разведывательного доклада от 9 сентября, в котором утверждалось, что русские исчерпали все свои резервы. Совещаясь с адмиралом Редером в конце августа, Гитлер уже не вел речь о России, которую он теперь рассматривал как «заблокированное жизненное пространство», и все свои помыслы обратил к англичанам и американцам, которые вскоре, в чем он не сомневался, будут вынуждены «пойти на обсуждение условий заключения мира».

И тем не менее, как позднее вспоминал генерал Курт Цейтцлер, каким бы розовым ни представлялось тогда будущее, почти все генералы на фронтах и в генеральном штабе видели недостатки этой приглаженной картины. Их можно суммировать следующим образом: у немцев уже не осталось ресурсов — ни людей, ни орудий, ни танков, ни самолетов, ни средств транспортировки, чтобы достигнуть тех целей, которые ставил Гитлер. Когда Роммель попытался было объяснить это своему повелителю в отношении Египта, то Гитлер приказал ему взять отпуск по болезни и отправиться в Австрийские Альпы. Когда Гальдер и фельдмаршал Лист попытались объяснить то же самое в отношении русского фронта, он снял их с занимаемых постов.

---

[144] Это случилось 11–12 февраля 1942 года и оказалось для англичан полной неожиданностью. Только незначительные военно–морские и авиационные силы были подняты по тревоге, но нанесли немецкому флоту незначительный урон. — Прим. авт.

Даже стратег–дилетант не мог бы не увидеть, как по мере усиления советского сопротивления на Кавказе и у Сталинграда и приближения осенних дождей над немецкими армиями на юге России нависала угроза. Растянутый северный фланг 6–й армии оказался опасно оголенным по рубежу Верхнего Дона на 350 миль от Сталинграда до Воронежа. Здесь Гитлер разместил три армии своих сателлитов: венгерскую 2–ю — южнее Воронежа; итальянскую 8–ю — еще дальше на юг от Воронежа; румынскую 3–ю — правее, у излучины Дона, к западу от Сталинграда. Так как венгры и румыны ожесточенно враждовали, то в промежутке между ними была размещена итальянская армия. В степях к югу от Сталинграда находилась румынская 4–я армия. Не говоря уже об их сомнительных боевых качествах, все эти армии не были оснащены должным образом, у них не хватало бронетанковых средств, тяжелой артиллерии и транспорта. Более того, они были сильно растянуты по фронту. Румынская 3–я армия держала фронт 105 миль силами всего 69 батальонов. Но союзные армии — это все, что имелось у Гитлера. Не хватало немецких частей, чтобы прикрыть брешь. А поскольку он считал, по свидетельству Гальдера, что с русскими покончено, то особенно и не беспокоился относительно оголенного и растянутого Донского фланга.

А между тем фланг этот являлся крайне важным для сохранения как 6–й армии и 4–й танковой армии у Сталинграда, так и группы армий «А» на Кавказе. В случае развала этого фланга возникала не только угроза окружения для немецких войск у Сталинграда, но и опасность оказаться отрезанными для войск на Кавказе. Нацистский правитель опять вел рискованную игру. И это в ходе летней кампании случалось не впервые.

23 июля, в самый разгар наступления, он сделал еще один рискованный шаг. Русские отступали между Донцом и Верхним Доном, отходя на восток, к Сталинграду, и на юг, в сторону Нижнего Дона. Нужно было принимать решение: следует ли немецким войскам сосредоточиться на захвате Сталинграда и блокировании Волги или лучше нанести основной удар на Кавказе, чтобы обрести русскую нефть? Еще в начале месяца Гитлер искал ответ на этот решающий вопрос, но так и не нашел. Сначала на него сильнее всего действовал запах нефти, и 13 июля он изъял из группы армий «Б» 4–ю танковую армию, которая наступала вниз по Дону, в сторону излучины реки, и дальше к Сталинграду, и бросил ее на помощь 1–й танковой армии Клейста форсировать Дон в нижнем его течении, у Ростова, и наступать дальше на Кавказ, к нефтеносным районам, хотя в этот момент 4–я танковая армия, вероятно, могла почти беспрепятственно продвигаться к Сталинграду, который почти некем было оборонять, и быстро захватить его. К тому времени, когда Гитлер осознал свою ошибку, было уже поздно, и тогда он еще больше усугубил ее. Когда 4–я танковая армия через пару недель была снова переброшена на сталинградское направление, русские пришли в себя настолько, что уже были в состоянии остановить ее. Снятие же 4–й танковой армии с кавказского направления слишком ослабило Клейста, чтобы успешно завершить наступление на нефтеносные районы Грозного[145].

Переброска этого мощного танкового объединения обратно для наступления на Сталинград явилась результатом рокового решения, принятого Гитлером 23 июля. Его фанатичная решимость захватить одновременно и Сталинград и Кавказ вопреки советам Гальдера и других командующих войсками на фронтах, которые считали это невозможным, воплотилась в Директиве №45, которая приобрела широкую известность. Она явилась одной из наиболее роковых, изданных Гитлером за всю войну, ибо в конечном счете не была достигнута ни одна из поставленных в ней целей, что привело к самому унизительному

---

[145] Клейст подтвердил это Лиддел Гарту: «4–я танковая армия… могла захватить Сталинград без боя в конце июля, но ее отвлекли на юг в помощь мне форсировать Дон. А я не нуждался в ее помощи, и она просто забила дороги, которыми я пользовался. Когда она через две недели снова повернула на север, русские успели собрать достаточно сил у Сталинграда, чтобы остановить ее». К тому времени Клейсту потребовались дополнительные танковые резервы. «Мы могли выйти к нашей цели (район Грозного), если бы мои силы не были отвлечены — чтобы помочь наступлению на Сталинград», добавил он (Лиддел Гарт. Говорят немецкие генералы, с. 169–171). — Прим. авт.

поражению в истории Германии. Уж вскоре стало совершенно ясно, что ему никогда не удастся выиграть войну и что дни тысячелетнего третьего рейха сочтены.

Генерал Гальдер был ошеломлен. Последовала бурная сцена в ставке Вервольф на Украине, возле Винницы, куда 16 июля перебрался Гитлер, чтобы находиться ближе к фронту. Начальник генерального штаба настаивал на том, что необходимо бросить все основные силы на захват Сталинграда, и пытался объяснить, что у немецкой армии недостаточно сил, чтобы вести две крупные наступательные операции на двух различных направлениях. Гитлер сослался на то, что с русскими уже покончено, и Гальдер попытался убедить его, что, согласно разведывательным данным, которыми располагает армия, дело обстоит совсем не так.

«Всегда наблюдавшаяся недооценка возможностей противника, — с горечью писал Гальдер вечером в своем дневнике, — принимает постепенно гротескные формы и становится опасной. Все это выше человеческих сил. О серьезной работе теперь не может быть и речи. Болезненная реакция на различные случайные впечатления и полное нежелание правильно оценить работу руководящего аппарата — вот что характерно для теперешнего так называемого руководства».

Позднее начальник генерального штаба, дни которого на этом посту были сочтены, вернется к этой сцене и запишет:

«Решения Гитлера перестали иметь что–либо общее с принципами стратегии и тактики, как их понимали прошлые поколения. Эти решения являлись продуктом мышления натуры неистовой, возникали под воздействием импульсов и не признавали никаких пределов возможного; эти решения принимались на основе желаемого и без учета возможностей их реализации…»

Что касается упомянутой Гальдером «болезненной реакции» и «недооценки возможностей противника» верховным главнокомандующим, то Гальдер сообщает следующее:

«Однажды, когда ему зачитывали совершенно объективный доклад, из которого явствовало, что в 1942 году Сталин все же будет в состоянии собрать от одного миллиона до миллиона с четвертью свежих войск в районе севернее Сталинграда и западнее Волги, не говоря уже о полумиллионном войске на Кавказе, и что, по надежным источникам, выпуск русскими боевых танков достигает, по меньшей мере, 1200 единиц в месяц, Гитлер, сжав кулаки, с пеной в углах рта, бросился на человека, зачитывавшего доклад, и запретил ему читать дальше такую чушь».

«Не надо обладать особым даром, — заметил Гальдер, — чтобы сказать, что произойдет, когда Сталин направит не полтора миллиона войск против Сталинградского и Донского фланга[146]. Я откровенно указал на это Гитлеру. Результатом явилось отстранение с поста начальника генерального штаба сухопутных войск».

Это произошло 24 сентября. Уже 9 сентября, когда Кейтель сообщил ему, что фельдмаршал Лист, командовавший войсками на кавказском направлении, снят с этого поста, Гальдер понял, что следующим будет он. Фюрер, говорили ему, пришел к убеждению, что он, Гальдер, «более не соответствует тем психологическим требованиям, которые предъявляет занимаемое им положение». Гитлер объяснил это своему начальнику генерального штаба более подробно при прощальной встрече 24 сентября.

«…Мои нервы истощены, да и он свои поистрепал; мы должны расстаться; необходимость воспитания личного состава генерального штаба в духе фанатической преданности идее; решимость настойчиво проводить свои решения также и в сухопутных войсках».

---

[146] Гальдер рассказывает, что на Украине он совершенно случайно наткнулся на книгу о разгроме Сталиным генерала Деникина между излучиной Дона и Царицыном во время гражданской войны в России. Тогдашняя обстановка была аналогична той, которая складывалась в 1942 году, и Сталин мастерски использовал слабые места в обороне Деникина на Дону. Прим. авт.

«Так мог говорить, — комментировал впоследствии Гальдер, — не ответственный военачальник, а политический фанатик».

Итак, Франц Гальдер ушел. Он не был лишен недостатков, которыми обладал и его предшественник генерал Бек: они заключались в том, что мысли его подчас отличались противоречивостью, а воля к действию оказывалась парализованной. И хотя он нередко возражал Гитлеру, правда безуспешно, но так же, как и все другие армейские офицеры высокого ранга во время второй мировой войны, долго оставался соратником фюрера, содействуя свершению возмутительных актов агрессии и завоеваний. И тем не менее у него сохранились добродетели, присущие более цивилизованному времени. Он был последним начальником генерального штаба третьего рейха из числа генералов старой школы[147]. Его заменил генерал Курт Цейтцлер, более молодой и совершенно иной по характеру, бывший до этого начальником штаба у фельдмаршала Рундштедта на Западе; находясь на этом посту, который некогда, особенно во время первой мировой войны, считался самым высоким в германской армии, он исполнял роль сродни мальчику на побегушках при фюрере, вплоть до покушения на жизнь диктатора в июле 1944 года[148].

Замена начальника генерального штаба не улучшила положения немецкой армии, наступление которой в двух направлениях — на Сталинград и на Кавказ затормозилось в результате усилившегося сопротивления советских войск. В самом Сталинграде весь октябрь шли ожесточенные уличные бои. Немцы продвигались от дома к дому, неся огромные потери, ибо руины большого города, как известно каждому, кто испытал на себе тяготы современной войны, предоставляют большие возможности для упорной и длительной обороны, и русские, отчаянно отстаивая каждый метр развалин, максимально использовали эти возможности. Хотя Гальдер, а затем его преемник предупреждали Гитлера, что войска в Сталинграде изматываются, верховный главнокомандующий настаивал на дальнейшем наступлении. Он приказал бросить под Сталинград свежие дивизии, которые вскоре были перемолоты в этом аду.

Из средства достижения цели — цель уже была достигнута, когда немецкие соединения вышли на берег Волги к северу и к югу от города, перерезав водную транспортную артерию, — Сталинград превратился в саму цель. Для Гитлера же его захват стал теперь делом личного престижа. Когда даже Цейтцлер набрался достаточно мужества, чтобы предложить фюреру ввиду угрозы растянутому вдоль Дона северному флангу отвести 6–ю армию из Сталинграда к излучине Дона, Гитлер пришел в ярость. «Где немецкий солдат ступит ногой, там и остается!» — бушевал он.

Несмотря на крайне медленное продвижение и огромные потери, генерал Паулюс, командующий 6–й армией, 25 октября по радио информировал Гитлера, что овладение Сталинградом завершится, самое позднее, к 10 ноября. Воодушевленный этим заверением, Гитлер отдал на следующий день приказ 6–й армии и 4–й танковой армии, сражавшимся в

---

[147] Увольнение Гальдера явилось потерей не только для армии, но и для историков, исследующих историю третьего рейха, ибо его бесценный дневник заканчивается записью от 24 сентября 1942 года. В конце концов он был арестован, отправлен в концентрационный лагерь Дахау, где находился рядом с такими известными заключенными, как Шушниг и Шахт, и освобожден американскими войсками у Нидердорфа в Южном Тироле 28 апреля 1945 года. С тех пор он сотрудничал с американской армией в ряде военно–исторических исследований по второй мировой войне. Он не раз обстоятельно отвечал на вопросы автора этих строк, указывая при этом достоверные источники. — Прим. авт.

[148] Фанатично преданный фюреру генерал Йодль, начальник штаба оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта, тоже находился в ставке Гитлера, когда он поднял вопрос об отстранении фельдмаршала Листа и генерала Гальдера. Йодль возражал против их увольнения, чем вызвал такую вспышку ярости у фюрера, что тот в течение многих месяцев не подавал руки Йодлю при встречах и не садился обедать ни с ним, ни с другими офицерами штаба. Гитлер настроился было уволить Йодля в конце января 1943 года и заменить его генералом Паулюсом, но было слишком поздно. Рассчитывать на Паулюса, как мы вскоре убедимся, не приходилось. Прим. авт.

Сталинграде, подготовиться к броску на север и на юг вдоль Волги, как только падет город.

Нельзя сказать, что Гитлер не видел угрозу Донскому флангу. Из журнала боевых действий ОКБ явствует, что угроза эта вызывала у него беспокойство, однако недостаточно серьезное, вследствие чего он не предпринял действий для ее устранения. Действительно, он был так уверен, что ситуация полностью находится у него под контролем, что в последний день октября вместе со штабом ОКБ и генеральным штабом сухопутных войск выехал из ставки, расположенной в Виннице, в ставку Вольфшанце, расположенную возле Растенбурга в Восточной Пруссии. Фюрер убедил себя, что если зимой и начнется какое–либо советское наступление, то либо на центральном, либо на северном фронте. В таком случае ему будет легче управлять войсками из ставки в Восточной Пруссии.

Едва он успел вернуться в Восточную Пруссию, как до него долетели скверные известия с другого, более отдаленного фронта: Африканский корпус фельдмаршала Роммеля попал в тяжелое положение.

Первый удар: Эль–Аламейн и англо–американская высадка

Лиса Пустынь, как называли его по обе стороны фронта, возобновил наступление на Эль–Аламейн 31 августа с намерением опрокинуть английскую 8–ю армию и двинуться дальше на Александрию и к Нилу. Ожесточенное сражение произошло в невыносимую жару на 40–мильном фронте, протянувшемся по пустыне между морем и впадиной Кваттара, но прорвать фронт Роммелю не удалось, и 3 сентября он, прекратив сражение, перешел к обороне. Наконец, после долгих ожиданий английская армия в Египте получила сильные подкрепления в людях, орудиях, танках и самолетах (много танков и самолетов американских). 15 августа здесь появились и два новых командующих: эксцентричный, но одаренный генерал сэр Бернард Лоу Монтгомери, который принял командование 8–й армией, и генерал сэр Харолд Александер, который в будущем проявит себя как опытный стратег и блестящий администратор, а в настоящем — как главнокомандующий на Среднем Востоке.

Вскоре после этой неудачи Роммель взял отпуск по болезни и отправился на горный курорт Земмеринг, чтобы подлечить воспалившийся нос и беспокоившую его печень. Здесь днем 24 октября раздался телефонный звонок от Гитлера: «Роммель, из Африки поступают скверные известия. Обстановка представляется довольно мрачной. Никто, по–видимому, точно не знает, что случилось с генералом Штумме[149]. В состоянии ли вы возвратиться в Африку и снова принять на себя командование?» Больной Роммель согласился вернуться немедленно.

К вечеру следующего дня, когда он добрался до своей штаб–квартиры к западу от Эль–Аламейна, сражение, начатое Монтгомери в 21.40 23 октября, было уже проиграно. У 8–й армии оказалось слишком много орудий, танков и самолетов, и хотя итало–немецкие войска еще удерживали фронт, а Роммель предпринимал отчаянные усилия по переброске своих потрепанных дивизий, чтобы отбивать атаки англичан на различных участках и даже кое–где предпринимать контратаки, он понимал, что положение безнадежное. У него не было ни людских резервов, ни танков, ни запасов топлива. Английская авиация впервые полностью господствовала в воздухе и безжалостно молотила его войска, танковые части и остававшиеся склады снабжения.

2 ноября пехота и бронетанковые части 8–й армии прорвали фронт на южном участке и начали громить там итальянские дивизии. В тот вечер Роммель радировал в ставку Гитлера, расположенную за две тысячи миль в Восточной Пруссии, что он не в состоянии более

---

[149] Штумме, исполнявший обязанности командующего на время отсутствия Роммеля, умер от сердечного приступа в первую же ночь английского наступления, убегая на своих двоих через пустыню от английского патруля, который чуть было не захватил его в плен. — Прим. авт.

держаться и намерен отойти, пока еще есть такая возможность, на рубеж Фука, что проходит в 40 милях к западу.

Он уже начал отход, когда на следующий день по радио поступила длинная депеша от верховного правителя:

Фельдмаршалу Роммелю

Я и немецкий народ внимательно следим за героическими оборонительными боями в Египте, с верой уповая на силу вашего руководства и храбрость германо–итальянских войск под вашим командованием. В той ситуации, в какой вы теперь находитесь, не может быть иного выхода, кроме как твердо удерживать занятые рубежи, не отступать ни на шаг, бросать в бой каждое орудие, каждого солдата… Вы не можете показать своим войскам иного пути, кроме того, который ведет к победе либо к смерти.

Адольф Гитлер

Этот идиотский приказ означал, что итало–германские армии обречены на быстрое уничтожение, и Роммель впервые, по мнению Байерлейна, не знал, что делать. После короткой борьбы со своей совестью он решил вопреки протестам со стороны генерала Риттера фон Тома, фактического командира Африканского корпуса, который заявил, что будет отступать в любом случае[150], подчиниться приказу верховного главнокомандующего. «Я в конце концов заставил себя принять такое решение, писал Роммель в своем дневнике, — так как сам всегда требовал беспрекословного повиновения от своих солдат…» Позднее, как явствует из записей в его дневнике, он начал прозревать.

Роммель с неохотой отдал приказ приостановить отход и одновременно направил курьера самолетом к Гитлеру, чтобы попытаться объяснить тому, что, если не будет дано разрешение немедленно отойти, все будет потеряно. Однако последовавшие события сделали поездку курьера уже ненужной. Вечером 4 ноября, рискуя быть осужденным военным трибуналом за неповиновение, Роммель принял решение спасти остатки своих войск и отойти на рубеж Фука. Только остатки танковых и моторизованных частей могли оторваться от противника. Пехотинцы, в основном итальянцы, остались, чтобы сдаться в плен, что фактически основная масса пехоты уже и сделала[151]. 5 ноября поступило короткое сообщение от фюрера: «Согласен на отвод вашей армии на позиции Фука». Однако позиция эта оказалась занята танками Монтгомери. За 15 дней Роммелю пришлось отступить на 700 миль за Бенгази с остатками своей африканской армии (около 25 тысяч итальянцев, 10 тысяч немцев и 60 танков), и даже там не было возможности прекратить отступление.

Для Адольфа Гитлера это явилось началом конца, а для его противников решающим сражением, пока что выигранным ими в войне, хотя более решающее сражение должно было вот–вот начаться в заснеженных степях Южной России. Однако еще до его начала фюреру предстояло получить новые скверные известия из Северной Африки, которые предопределили крах держав оси в той части мира.

Уже 3 ноября, когда поступили первые вести о разгроме армии Роммеля, в ставке фюрера было получено сообщение о том, что в районе Гибралтара наблюдается концентрация кораблей союзников. Никто в ОКБ не смог разгадать, что бы это значило. Гитлер был склонен считать, что очередной конвой готовится следовать к Мальте. Это довольно любопытное соображение, поскольку всего две недели назад, а именно 15 октября, руководящий состав штаба ОКВ обсуждал различные сообщения о нависшей угрозе англосаксонской высадки в Западной Африке. Разведывательная информация, вероятно,

---

[150] На следующий день, 4 ноября, заявив Байерлейну: «Приказ Гитлера является беспримерным случаем безумия. Я не могу больше терпеть это», генерал фон Тома надел чистую форму со знаками различия и орденами и встал возле горящего танка. Он сдался подошедшему английскому подразделению и вечером ужинал с Монтгомери в его штабной столовой. — Прим. авт.

[151] Потери Роммеля у Эль–Аламейна составили 59 тысяч убитых, раненых или попавших в плен, из них 34 тысячи были немцы. — Прим. авт.

поступила из Рима, ведь неделей ранее, 9 октября, Чиано после разговора с начальником военной разведки записал в своем дневнике, что «англосаксонцы готовятся к высадке крупными силами в Северной Африке». Известие это вызвало у Чиано подавленное настроение; он предвидел, и правильно, как оказалось, предвидел, что это неизбежно приведет к высадке союзников в Италии.

Гитлер, поглощенный своими неудачными попытками подавить дьявольское сопротивление русских, не воспринял всерьез эти разведывательные данные. На совещании ОКВ 15 октября Йодль предложил разрешить вишистской Франции направить подкрепления в Северную Африку, чтобы французы могли отразить любые попытки англо–американцев высадиться там. Фюрер, как явствует из журнала боевых действий ОКВ, отклонил это предложение, так как оно могло вызвать раздражение у итальянцев, ревниво воспринимавших любые действия, направленные на усиление Франции. До 3 ноября в ставке верховного главнокомандующего, казалось, забыли об этой проблеме. Но и в тот день, когда немецкие агенты с испанской стороны Гибралтара сообщали, что наблюдают огромное сосредоточение англоамериканского флота, Гитлер, которого занимало тяжелое положение Роммеля у Эль–Аламейна, посчитал его просто очередным конвоем, предназначенным для Мальты.

5 ноября в ОКВ поступила информация, что английская военно–морская оперативная группа вышла из Гибралтара в восточном направлении. И только утром 7 ноября, то есть за 12 часов до начала высадки англо–американских войск в Северной Африке, Гитлер принялся размышлять над последними разведывательными донесениями, поступившими из района Гибралтара. В позднейших сообщениях, полученных в ставке в Восточной Пруссии, говорилось, что английские военно–морские силы в Гибралтаре и огромный флот из транспортов и боевых кораблей, подошедший со стороны Атлантики, соединились и устремились на восток по Средиземному морю. Офицеры штаба долго обсуждали это с фюрером. Что бы это значило? Какие цели преследовала столь крупная военно–морская группа? Теперь Гитлер склонен был считать, что западные союзники, вероятно, попытаются высадить крупный десант в составе четырех или пяти дивизий в Триполи или Бенгази с целью захватить Роммеля с тыла. Адмирал Кранке, офицер связи флота в ОКВ, заявил, что на судах союзников не более двух дивизий. Но если и так, что–то же нужно делать. Гитлер распорядился немедленно усилить части люфтваффе на Средиземном море, но ему ответили, что это в данный момент невозможно. Судя по журналу ОКВ, Гитлер в то утро сделал одно — известил Рундштедта, главнокомандующего войсками на Западе, чтобы тот приготовился к осуществлению операции «Антон» (кодовое наименование операции по оккупации остальной части Франции).

Затем, 7 ноября, верховный главнокомандующий, не обращая внимания ни на это зловещее известие, ни на положение Роммеля, который оказался бы в западне, если бы англичане и американцы высадились у него в тылу, игнорируя предупреждения разведки о нависшей угрозе русского контрнаступления в тылу 6–й армии в Сталинграде, сел после завтрака в поезд и выехал в Мюнхен, где на следующий вечер должен был произнести традиционную речь перед своими старыми товарищами по партии, которые ежегодно собирались отметить годовщину «пивного путча»[152].

Как заметил Гальдер, в критический момент войны в фюрере политик взял верх над солдатом. В штабе верховного главнокомандования старшим остался полковник Тройш фон Буттлар–Бранденфельс. Генералы Кейтель и Йодль, старшие офицеры ОКВ, отправились вместе с фюрером на торжество. Видится что–то роковое и безумное в этих поездках верховного правителя, который настойчиво стремился руководить войной на уровне дивизиона, полка и даже батальона на разбросанных на тысячи миль фронтах, в поездках,

---

[152] Missed footnotetext

Потери Роммеля у Эль–Аламейна составили 59 тысяч убитых, раненых или попавших в плен, из них 34 тысячи были немцы. — Прим. авт.

лишенных смысла с точки зрения политики, в момент, когда дом начинал разваливаться. Происходили глубокие изменения и в отдельно взятом человеке, как это случилось с Герингом, который, несмотря на то, что его некогда всемогущие люфтваффе неуклонно теряли боеспособность, испытывал все более сильное влечение к драгоценностям и игрушечным поездам, почти не оставляя времени для решения проблем угрожающе затягивавшейся и принимающей все более ожесточенный характер войны.

Англо–американские войска под командованием генерала Эйзенхауэра высадились на побережье Марокко и Алжира в 1 час 30 минут 8 ноября 1942 года, а в 5.30 Риббентроп позвонил из Мюнхена в Рим Чиано, чтобы сообщить эту новость.

Юн нервничал, — писал Чиано в дневнике, — и хотел знать, что мы собираемся предпринять. Должен признаться, что я был застигнут врасплох и еще не совсем проснулся, чтобы дать более или менее вразумительный ответ».

Итальянский министр иностранных дел узнал от сотрудников немецкого посольства, что там «пришли буквально в ужас от этого удара».

Специальный поезд Гитлера прибыл из Восточной Пруссии в Мюнхен в 3.40 пополудни. Первые сообщения, полученные фюрером о высадке союзников в Северной Африке, тревоги не вселяли. Повсюду французы оказывали упорное сопротивление, докладывали фюреру, а в Алжире и Оране попытки высадить десанты вообще были отбиты. Друг Германии в Алжире адмирал Дарлан с одобрения режима Виши занимался налаживанием обороны. Первая реакция Гитлера на известия была противоречивой. Он приказал немедленно усилить гарнизон на острове Крит, находившийся вне нового театра военных действий, объяснив, что шаг этот столь же важен, как и направление подкреплений в Африку. Он дал указание гестапо доставить генералов Вейгана и Жиро в Виши и держать их там под надзором[153]. Фельдмаршалу фон Рундштедту он приказал приступить к осуществлению операции «Антон», но не переходить демаркационную линию, пока он не получит дальнейших указаний. Затем Гитлер обратился с просьбой к Чиано[154] и Пьеру Лавалю, к тому времени премьеру вишистской Франции, на следующий день прибыть на встречу с ним в Мюнхен.

Около суток Гитлер носился с идеей попытаться заключить альянс с Францией с целью втянуть ее в войну против Англии и Америки, а в данный момент поддержать правительство Петена в его решении оказать сопротивление союзникам, высадившимся в Северной Африке. Его, вероятно, ободрило, что утром 8 ноября правительство Петена разорвало дипломатические отношения с Соединенными Штатами и что престарелый французский маршал заявил американскому поверенному в делах: его вооруженные силы окажут сопротивление англо–американским силам вторжения. Из записей в боевом журнале ОКБ за тот воскресный день видно, что Гитлер был занят разработкой «далеко идущего сотрудничества с французами». Вечером немецкий представитель в Виши Круг фон Нидда передал Петену предложение заключить более тесный альянс между Германией и Францией.

Но уже на следующий день после своей речи перед ветеранами партии, в которой он утверждал, что Сталинград «твердо удерживается в немецких руках», фюрер переменил свое мнение. Он заявил Чиано, что не питает никаких иллюзий относительно намерения французов сражаться и решил осуществить «полную оккупацию Франции, высадиться на

---

[153] В этот момент генерал Жиро находился на пути в Алжир. Он сбежал из немецкого лагеря для военнопленных и проживал на юге Франции, откуда его 5 ноября вывезли на английской подводной лодке и доставили в Гибралтар для переговоров с Эйзенхауэром перед высадкой союзников в Северной Африке. — Прим. авт.

[154] В этот момент генерал Жиро находился на пути в Алжир. Он сбежал из немецкого лагеря для военнопленных и проживал на юге Франции, откуда его 5 ноября вывезли на английской подводной лодке и доставили в Гибралтар для переговоров с Эйзенхауэром перед высадкой союзников в Северной Африке. Прим. авт.

Корсике, чтобы использовать ее как плацдарм для прыжка в Тунис». Об этом решении, но не о времени претворения его в жизнь, было сообщено Лавалю, когда он 10 ноября прибыл в Мюнхен на автомобиле. Вероломный Лаваль тут же обещал уговорить Петена пойти навстречу пожеланиям фюрера, однако посоветовал немцам начать осуществление намеченного, не ожидая одобрения со стороны престарелого маршала, что Гитлер и намеревался сделать. Чиано оставил описание премьера Виши, который был после войны казнен за измену:

«Одетый в костюм зажиточного французского крестьянина, при белом галстуке, Лавалъ явно не вписывался в обстановку, царившую в огромном салоне, заполненном высокопоставленными военными. Он пытался в привычном тоне рассказать о долгом сне в автомобиле по дороге сюда, но его слова не заинтересовали никого из присутствовавших. Гитлер обращался к нему с холодной учтивостью…

Этот жалкий человек не мог даже представить, что немцы собираются поставить его перед свершившимся фактом. Лавалю ни словом не намекнули о предпринимаемой акции — в то время как он курил сигарету и разговаривал с разными людьми, в соседней комнате отдавались приказы об оккупации Франции. Фон Риббентроп сказал мне, что Лавалю только в 8.00 утра сообщат, что, получив ночью соответствующую информацию, Гитлер был вынужден прибегнуть к полной оккупации страны».

Приказ о захвате неоккупированной части Франции в нарушение соглашения о перемирии был отдан Гитлером в 8.30 утра 10 ноября и проведен в жизнь к утру следующего дня без каких–либо инцидентов, не считая протеста Петена. Итальянцы оккупировали Корсику, а немецкие самолеты начали в срочном порядке перебрасывать по воздуху войска, чтобы занять Тунис до того, как туда придут войска Эйзенхауэра.

Был еще один типичный для Гитлера трюк, рассчитанный на обман французов. 13 ноября фюрер заверил Петена, что ни немцы, ни итальянцы не собираются оккупировать военно–морскую базу в Тулоне, где со времени заключения перемирия стоял на приколе французский флот.

В дневнике боевых действий ОКБ имеется запись за 25 ноября, что Гитлер принял решение немедля осуществить операцию «Лила»[155] (кодовое наименование операции по оккупации Тулона и захвату французского флота). Утром 27 ноября немецкие войска атаковали военно–морскую базу, однако французские моряки удерживали оборону до тех пор, пока экипажи по приказу адмирала де Лаборде не потопили свои корабли. Таким образом, державы оси лишились французских боевых кораблей, в которых они остро нуждались на Средиземном море, но вместе с тем их не получили и союзники, для которых они явились бы исключительно важным подкреплением.

Гитлер выиграл гонку, захватив Тунис до появления там войск Эйзенхауэра. Однако это была сомнительная победа. По настоянию фюрера, чтобы удержать этот плацдарм, сюда пришлось перебросить почти четверть миллиона немецких и итальянских солдат. Если бы несколько месяцев назад фюрер направил Роммелю пятую часть тех войск и танков, что пришлось направить сюда теперь, то Лиса Пустынь наверняка уже находился бы за Нилом, англо–американские десанты не высадились бы в Северной Африке, а Средиземное море

---

[155] Следует отметить, у Гитлера имелись серьезные подозрения, что французский флот может попытаться уплыть в Алжир и там присоединиться к западным союзникам. Несмотря на свое сотрудничество с немцами и ненависть к англичанам, адмирал Дарлан, прибывший в Алжир навестить больного сына, встретился с Эйзенхауэром, который старался привлечь на свою сторону французского командующего в Северной Африке, потому что тот был единственным офицером, способным не только дать приказ французской армии и флоту прекратить противодействие высаживающимся союзникам, но и дать приказ, как надеялись союзники, адмиралу в Тунисе оказать сопротивление высаживающимся там немцам и убедить французский флот в Тулоне уйти к берегам Северной Африки. Однако надежды союзников не оправдались, хотя Дарлан и предпринял попытки в указанном направлении. На распоряжение Дарлана перебросить флот из Тулона в Северную Африку адмирал де Лаборде ответил одним выразительным, хотя и не совсем деликатным словом: «Дерьмо». — Прим. авт.

было бы безвозвратно потеряно для союзников, что обеспечило бы безопасность «мягкого подбрюшья» для держав оси. В конечном счете каждый солдат, танк и орудие, переброшенные Гитлером в Тунис в ту зиму, а также остатки Африканского корпуса оказались потеряны к концу весны, а еще больше немецких войск, чем под Сталинградом, было отконвоировано в лагеря для военнопленных[156].

Катастрофа под Сталинградом

Гитлер и наиболее видные генералы из ОКБ с удовольствием коротали время в окружении Альпийских гор возле Берхтесгадена, когда до них дошли первые известия о контрнаступлении русских на Дону, которое началось ранним вьюжным утром 19 ноября. Хотя советское наступление в этом районе и ожидалось, однако в ОКБ не верили, что оно примет такой размах, Гитлеру и его главным военным советникам — Кейтелю и Йодлю придется спешно возвращаться в ставку в Восточной Пруссии.

Спокойствие и тишину, которыми они наслаждались, внезапно нарушил телефонный звонок генерала Цейтцлера, нового начальника генерального штаба сухопутных войск, который оставался в Растенбурге. Он сообщил «тревожные известия», как было записано в журнале боевых действий ОКБ. В первые же часы наступления превосходящие бронетанковые силы русских прорвали фронт на участке румынской 3–й армии между Серафимовичами и Клетской, к северо–западу от Сталинграда. К югу от осажденного города другая мощная группировка советских войск завязала решительный бой против немецкой 4–й танковой армии и румынской 4–й армии, угрожая прорвать фронт.

Достаточно было взглянуть на карту, и задача, которую преследовали русские, становилась ясна каждому. Тем более была ясна она Цейтцлеру, который по данным армейской разведки знал, что противник сосредоточил там тринадцать армий и тысячи танков. Русские наступали крупными силами с севера и с юга с очевидной целью отрезать Сталинград и вынудить немецкую 6–ю армию поспешно отступить на запад, дабы не оказаться в окружении. Позднее Цейтцлер утверждал: как только он понял, что там назревает, он стал уговаривать Гитлера, чтобы он разрешил 6–й армии уйти из Сталинграда к излучине Дона, где можно было занять прочную оборону, Но даже предложение вызвало у Гитлера приступ раздражения. «Я не оставлю Волгу! Я не отойду от Волги!» — кричал фюрер. Это решение, принятое им в приступе ярости, быстро привело к катастрофе. Фюрер приказал 6–й армии твердо стоять в Сталинграде.

Гитлер и сопровождавшие его офицеры штаба вернулись в ставку 22 ноября. Шел уже четвертый день наступления, и известия поступали катастрофические. Два мощных клина советских войск, наступавших с севера и с юга, встретились у Калача, расположенного у излучины Дона, в 40 милях западнее Сталинграда. Вечером по радио поступило донесение от генерала Паулюса, командующего 6–й армией, который подтвердил, что его войска находятся в окружении. В ответ Гитлер приказал Паулюсу перенести свой штаб в город и организовать круговую оборону. Он обещал снабжать 6–ю армию по воздуху, пока ее не деблокируют.

Но это были пустые обещания. У Сталинграда были окружены двадцать немецких и две румынские дивизии. Паулюс радировал, что им потребуется ежедневно доставлять по воздуху как минимум 750 тонн грузов. Это превышало возможности люфтваффе, у которых не набралось бы требуемого числа транспортных самолетов. Но даже если бы они и имелись,

---

[156] Согласно утверждениям Эйзенхауэра, из общего числа 240 тысяч около 125 тысяч военнопленных составляли немцы, остальные были итальянцами. В это число входят только те, кто сдался в последнюю неделю кампании — с 5 по 12 мая 1943 года (Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. М., 1980, с. 199).

По более поздним данным известного английского историка А. Тейлора, число итальянских и немецких военнопленных составило около 130 тысяч человек. — Прим. авт. и тит. ред.

далеко не все смогли бы долететь до Сталинграда в условиях метелей и господства в небе русских истребителей. Тем не менее Геринг заверил Гитлера, что военно–воздушные силы обеспечат снабжение окруженных войск по воздуху.

Более реальной представлялась перспектива деблокировать 6–ю армию. 25 ноября Гитлер отозвал с Ленинградского фронта фельдмаршала фон Манштейна, одного из наиболее одаренных командующих, и поставил его во главе вновь сформированной группы армий «Дон» с задачей, наступая с юго–запада, деблокировать 6–ю армию у Сталинграда.

Однако фюрер навязал командующему группой армий «Дон» невыносимые условия. Манштейн пытался объяснить ему, что единственный шанс добиться успеха заключается в том, чтобы 6–я армия предприняла наступление из района Сталинграда в западном направлении, а он, Манштейн, одновременно предпримет мощное наступление навстречу Паулюсу, чтобы таким образом прорвать русское кольцо окружения. Но Гитлер опять не разрешил отход от Волги. По его мнению, 6–я армия должна была оставаться в Сталинграде, а Манштейну предстояло пробиваться туда.

Манштейн пытался убедить верховного правителя, что это просто невозможно, что русские здесь слишком сильны. Тем не менее 12 декабря с тяжелым сердцем он начал наступление, которое было названо операцией «Зимняя гроза», ибо казалось, все свое неистовство проявила русская зима в этих степях, наметая снежные сугробы и обжигая трескучим морозом. Вначале наступление войск Манштейна протекало довольно успешно; 4–я танковая армия под командованием генерала Гота, продвигаясь на северо–восток по обе стороны железной дороги от Котельниково[157], преодолела почти 75 миль. К 19 декабря главные части наступавших войск находились примерно в 40 милях от города; к 21 декабря они приблизились на расстояние 30 миль, и осажденные войска 6–й армии по ночам могли видеть через заснеженные степи сигнальные вспышки приближавшихся спасителей.

В этот момент, согласно показаниям немецких генералов, данным после войны, прорыв из Сталинграда 6–й армии навстречу 4–й танковой армии наверняка увенчался бы успехом. Однако Гитлер опять запретил оставлять Сталинград. 21 декабря Цейтцлер вырвал у фюрера разрешение на прорыв войск 6–й армии из окружения при условии, что они удержат за собой Сталинград. Эта глупость, по отзывам начальников генерального штаба, чуть не свела его с ума. «На следующий вечер, — рассказывал позднее Цейтцлер, — я упрашивал Гитлера санкционировать прорыв. Я указывал, что это последний шанс на спасение для 200–тысячной армии Паулюса».

«Гитлер не уступал. Напрасно я описывал ему ужасные условия внутри так называемой крепости: отчаяние умирающих с голоду солдат, потеря веры в верховное командование; раненые умирают из–за отсутствия необходимой медицинской помощи, в то время как тысячи замерзают. Он оставался глух к моим доводам такого рода, как и другим выдвигаемым мной доводам».

Сопротивление, оказываемое русскими, все усиливалось, и генералу Готу не хватило сил и средств, чтобы преодолеть последние 30 миль до Сталинграда. Генерал Гот считал, что, если бы 6–я армия вырвалась из Сталинграда, он бы смог соединиться с ней и затем вместе отойти к Котельниково. Это, по его мнению, спасло бы не менее 200 тысяч солдат[158]. Вероятно, в течение одного или двух дней между 21 и 23 декабря это можно было сделать, но позднее это стало невозможно, ибо Красная Армия неожиданно для Гота нанесла удар

---

[157] Ныне Котельниковский. — Прим. ред.

[158] В своих мемуарах, написанных после войны, Манштейн говорит, что 19 декабря в нарушение приказов Гитлера он дал указание 6–й армии начать прорыв из Сталинграда в юго–западном направлении, чтобы соединиться с 4–й танковой армией. Он приводит в мемуарах текст своей директивы. Однако в ней имеются определенные оговорки, и Паулюс, все еще выполнявший приказ Гитлера, который запрещал оставлять город, вероятно, был совершенно сбит этой директивой с толку. «Это был единственный шанс спасти 6–ю армию», — говорит Манштейн (Манштейн Э. Утраченные победы, с. 336–341, 562–563). — Прим. авт.

дальше на север и создала угрозу левому флангу всей группы армий «Дон» Манштейна. Вечером 22 декабря Манштейн позвонил Готу и приказал приготовиться к коренным переменам в самое ближайшее время. На следующее утро пришел приказ: прекратить наступление на Сталинград, направить одну из трех танковых дивизий на северный фланг Донского фронта, а оставшимся войскам обороняться там, где они находятся.

Попытка деблокировать окруженную в Сталинграде 6–ю армию потерпела неудачу. Новые неожиданные приказы Манштейна явились результатом тревожных событий, о которых ему стало известно 17 декабря. Утром того дня Красная Армия прорвала фронт на участке итальянской 8–й армии выше по течению Дона, у Богучара, и к вечеру углубилась в прорыв на 27 миль. За три дня прорыв по фронту расширился до 90 миль, итальянцы в панике бежали, а румынская, 3–я армия, которая была основательно потрепана еще 19 ноября, в первый день советского наступления, просто разваливалась. Неудивительно поэтому, что Манштейну пришлось забрать часть танковых сил у Гота, чтобы хоть как–то заткнуть образовавшуюся брешь. Началась цепная реакция.

Отступили не только армии на Дону, но и войска Гота, подошедшие было близко к Сталинграду. Это, в свою очередь, поставило в трудное положение немецкую армию на Кавказе, над которой нависла угроза оказаться отрезанной, если русские выйдут к Ростову у Азовского моря. Через день или два после рождества Цейтцлер доложил Гитлеру: «Если вы не отдадите приказ на отход с Кавказа теперь, то очень скоро мы будем иметь второй Сталинград». С большой неохотой 29 декабря верховный главнокомандующий отдал необходимые распоряжения группе армий «А» под командованием Клейста, состоявшей из 1–й танковой и 17–й армий, группе, которая так и не сумела овладеть богатыми нефтеносными полями в районе Грозного. Ей тоже пришлось отступить, хотя совсем недавно ее конечная цель находилась в пределах видимости.

Отступление немцев в России и итало–немецких армий в Северной Африке навели Муссолини на размышления. Гитлер пригласил его приехать в Зальцбург на переговоры где–нибудь в середине декабря, и недомогавший дуче, находившийся на строгой диете из–за болезни желудка, принял приглашение, хотя, как он говорил Чиано, поставил условие: он будет питаться без посторонних, «так как не желает, чтобы множество прожорливых немцев видели, что он вынужден сидеть на одном рисе с молоком».

Подошло время, по мнению Муссолини, сказать Гитлеру, что пора поискать выход из переделки на Востоке, пойти на переговоры со Сталиным и сосредоточить усилия держав оси на обороне остальной части Северной Африки, Балкан и Западной Европы. «1943 год будет годом англо–американских усилий», — говорил он Чиано. Гитлер был настолько занят делами на Востоке, что не мог покинуть свою ставку, чтобы встретиться с Муссолини, так что пришлось Чиано по поручению Муссолини совершить 18 декабря долгое путешествие в Растенбург, чтобы изложить нацистскому лидеру предложение дуче. Гитлер выслушал эти предложения с презрением и заверил итальянского министра иностранных дел, что без какого бы то ни было ослабления русского фронта может направить дополнительные силы в Северную Африку, которую, как он заявил, необходимо удержать. Чиано нашел, что моральное состояние немцев в ставке весьма подавленное, несмотря на уверения Гитлера: «Атмосфера тяжелая. К скверным известиям, поступающим с фронтов, пожалуй, следует добавить уныние сырого леса и скуку совместного проживания в казармах… никто не пытается скрыть от меня своего глубокого разочарования известием о прорыве на русском фронте. Были прямые попытки свалить за это вину на нас».

В это самое время остатки итальянской 8–й армии, уцелевшие на Дону, спасались бегством, и когда один из сопровождавших Чиано чиновников спросил у офицера ОКВ, тяжелые ли потери понесли итальянцы, ему ответили: «Никаких потерь нет: они просто бегут».

Немецкие войска на Кавказе и на Дону, если и не бежали, то поспешно отходили, чтобы не оказаться отрезанными. С начала 1943 года они отходили все дальше от Сталинграда. Теперь для русских наступило время окончательно разделаться с немцами. Но

прежде они предоставили обреченным солдатам 6–й армии возможность спасти свои жизни.

Утром 8 января 1943 года три молодых офицера Красной Армии, следуя под белым флагом, пересекли передний край немецкой обороны на северной окраине Сталинграда и предъявили генералу Паулюсу ультиматум генерала Рокоссовского, командующего Донским фронтом. После напоминания, что 6–я армия отрезана и уже не может быть деблокирована, что ее снабжение по воздуху невозможно, в ультиматуме далее говорилось:

«Положение ваших войск отчаянное. Они страдают от голода, болезней и холода. Суровая русская зима только началась. Жестокие морозы, холодные ветры и метели — все еще впереди. Ваши солдаты не обеспечены зимним обмундированием и находятся в ужасающих антисанитарных условиях… Ваше положение безнадежно, и любое дальнейшее сопротивление бессмысленно.

Ввиду этого и для того, чтобы избежать лишнего кровопролития, мы предлагаем вам следующие условия сдачи в плен…»

Это были почетные условия. Всем пленным гарантировалось «нормальное питание», сохранение знаков различия, наград и личных вещей, раненым, больным и обмороженным — оказание медицинской помощи. Паулюсу давалось 24 часа на размышление.

Паулюс немедленно передал по радио Гитлеру текст ультиматума и просил предоставить ему свободу действий. Верховный правитель тут же отклонил его просьбу. По истечении 24–часового срока ультиматума, утром 10 января, русские приступили к последней фазе Сталинградского сражения, открыв артиллерийский огонь из пяти тысяч орудий.

Сражение было ожесточенное и кровопролитное. Обе стороны дрались с невероятной храбростью и отчаянием на руинах полностью разрушенного города, но это длилось не долго. В течение шести дней размеры котла уменьшились наполовину и достигли в самом широком месте пятнадцати миль в длину и девяти миль в глубину. К 24 января окруженная группировка была разрезана на две части, а последний небольшой аэродром потерян. Самолеты, доставлявшие продовольствие и медикаменты для больных и раненых и эвакуировавшие 29 тысяч тяжелораненых, больше не приземлялись.

Русские еще раз предложили своему мужественному противнику сдаться. 24 января на немецкие позиции прибыли представители советского командования с новыми предложениями. Колеблясь между чувством долга, требовавшим повиноваться безумному фюреру, и стремлением спасти своих солдат от неизбежного уничтожения, Паулюс снова обратился к Гитлеру.

«Войска без боеприпасов и без продуктов, — радировал он 24 января. Более нет возможности эффективно управлять войсками… 18 тысяч раненых без какой–либо медицинской помощи, без бинтов, без лекарств. Катастрофа неизбежна. Армия просит разрешения немедленно сдаться, чтобы спасти оставшихся в живых».

Ответ Гитлера сохранился:

«Сдаваться в плен запрещаю. 6–я армия будет удерживать свои позиции до последнего человека и до последнего патрона и своей героической стойкостью внесет незабываемый вклад в стабилизацию обороны и спасения Западного мира».

Спасение Западного мира! Это была горькая пилюля для солдат 6–й армии, которые совсем недавно сражались против того самого мира во Франции и Фландрии.

Дальнейшее сопротивление было не только бессмысленно, но и невозможно, и по мере того как январь 1943 года подходил к концу, героизм сражавшихся выдыхался, угасал, подобно догорающей свече. К 28 января остатки того, что когда–то представляло собой огромную армию, были расчленены на три части небольшие котлы, причем в южном котле, в подвале разрушенного универмага, находился штаб генерала Паулюса. Как утверждает очевидец, командующий армией сидел на своей походной кровати в темном углу в состоянии, близком к коллапсу.

Ни он, ни его солдаты не могли должным образом оценить поток хлынувших в их адрес поздравительных радиограмм. Геринг, коротавший большую часть зимы в солнечной

Италии, расхаживая с напыщенным видом в огромной меховой дохе и сверкая кольцами с бриллиантами, тоже послал 28 января поздравительную радиограмму.

«Сражение, которое дала 6–я армия, войдет в историю, и грядущие поколения будут говорить о нем с гордостью как о примере высокого мужества, упорства, храбрости и самопожертвования». Не доставило им радости и напыщенное выступление по радио рейхсмаршала вечером 30 января 1943 года по случаю 10–й годовщины прихода нацистов к власти:

«Тысячу лет теперь немцы будут говорить об этом сражении с глубоким почтением и благоговением и, несмотря ни на что, будут помнить, что именно там была предопределена конечная победа….В грядущие годы будут говорить об этом героическом сражении на Волге: когда придете в Германию, скажите, что видели нас, полегших у Сталинграда, как того требовали наша честь и наши вожди, во славу великой Германии…»

Слава и ужасная агония 6–й армии близились к концу. 30 января Паулюс радировал Гитлеру: «Окончательное поражение невозможно оттянуть более чем на двадцать четыре часа».

Этот сигнал подстегнул верховного главнокомандующего провести целую серию присвоений внеочередных званий обреченным в Сталинграде офицерам, очевидно, в надежде, что такие почести усилят их решимость умереть со славой в этой кровавой мясорубке. «В военной истории не зафиксировано ни одного случая пленения немецкого фельдмаршала, — заметил Гитлер Йодлю и после этого сообщил по радио о даровании Паулюсу желанного маршальского жезла. 117 других офицеров были повышены в звании. Этот жест произвел довольно жуткое впечатление.

Вечером в последний день января Паулюс отправил последнее донесение в ставку Гитлера:

«6–я армия, верная своей клятве и осознавая огромную важность своей миссии, держалась на занятых позициях до последнего солдата и последнего патрона во славу фюрера и отечества».

В 7.45 вечера радист штаба 6–й армии направил последнюю радиограмму от своего имени: «Русские в дверях нашего бункера. Мы уничтожаем оборудование». И добавил буквы «CL» — международный радиошифр, означающий: «Станция больше работать не будет».

У штаба армии не было последнего боя. Паулюс и его штаб не держались до последнего солдата. Группа русских солдат во главе с младшим офицером показалась в темном подвале, где размещался командующий. Русские потребовали сдачи в плен, и начальник штаба 6–й армии генерал Шмидт подчинился их требованиям. Подавленный Паулюс сидел на своей походной кровати. Шмидт обратился к нему: «Господин фельдмаршал, есть еще что–нибудь, о чем нужно сказать?»

Расстроенный Паулюс не отреагировал.

На севере, на развалинах тракторного завода, небольшая группа из остатков двух танковых и четырех пехотных дивизий все еще оказывала сопротивление. Вечером 1 февраля там получили радиограмму из ставки Гитлера:

«Немецкий народ ожидает, что вы выполните свой долг точно 1 так же, как выполнили его солдаты, удерживавшие южную крепость. Каждый день и каждый час длящегося сражения содействует созданию нового фронта».

Незадолго до полудня 2 февраля и эта группа капитулировала, направив перед тем последнюю радиограмму верховному главнокомандующему: «…Сражались до последнего солдата против превосходящих сил противника. Да здравствует Германия!»

Наконец над покрытым снегом, обильно политым кровью полем сражения нависла тишина. 2 февраля, в 2 часа 46 минут, высоко над городом пролетел немецкий разведывательный самолет и по радио доложил в свой штаб: «Никаких признаков боев в Сталинграде».

К тому времени 91 тысяча немецких солдат, в том числе 24 генерала, изможденные, обмороженные, а многие из них раненные, потрясенные и надломленные, плелись при

24–градусном морозе по льду и снегу, укутавшись в солдатские, пропитанные кровью одеяла, в унылые лагеря для военнопленных. За исключением 20 тысяч румын и 29 тысяч раненых, которых эвакуировали по воздуху, это было все, что осталось от армии завоевателей, которая еще два месяца назад насчитывала 285 тысяч человек. Остальные были убиты в ходе военных действий. А из 91 тысячи немцев, которые зашагали в плен в тот зимний день, только 5 тысячам суждено было вновь увидеть свой фатерланд[159].

А в хорошо протопленных помещениях ставки в Восточной Пруссии нацистский правитель, упрямство и глупость которого привели к этой катастрофе, поносил своих генералов, воевавших у Сталинграда, за то, что они не знали, как и когда умирать. Протокольные записи совещания, которое Гитлер провел в ОКБ 1 февраля, проливают свет на поведение немецкого диктатора в этот критический период в его жизни, в жизни армии и страны.

«Они сдались там по всем правилам. Можно было бы поступить иначе: сплотиться, образовать круговую оборону, оставив последний патрон для себя… Если отказывают нервы… не остается ничего другого, как застрелиться… можно было бы сказать: человек вынужден застрелиться, подобно тому как (раньше полководцы) бросались на меч, если они видели, что сражение проиграно… Даже Варе приказал своему рабу: теперь убей меня».

Злоба Гитлера к Паулюсу за то, что тот решил остаться в живых, становилась все ядовитее по мере того, как он продолжал рассуждать:

«Представьте себе: он прибудет в Москву, и вообразите себе эту «крысоловку»! Там он подпишет все. Он будет делать признания и составит воззвания. Вот увидите: теперь они пойдут по пути бесхарактерности до предела, докатятся до глубочайшего падения… Он в ближайшее время выступит по радио, вот увидите. Зейдлиц и Шмидт будет говорить по радио. Они запрут их в крысином подвале на Лубянке, и через два дня они будут настолько измучены, что немедленно заговорят… Как они могли поступить так трусливо? Я не понимаю этого…

Что такое «жизнь»? Жизнь… Отдельная личность должна умереть. Что остается от отдельного человека? Это народ. Но как может человек испытывать страх перед той секундой, когда он может освободиться от земных тягот, если долг не удержит его в юдоли печали.

…Мне это потому так досадно, что из–за одного–единственного слабовольного, бесхарактерного человека перечеркнуто мужество столь многих солдат и теперь этот человек сделает это…

…В эту войну никто больше не получит звание фельдмаршала. Все это будет сделано только после окончания войны. Не видав вечера и хвалиться нечего…»[160]

Затем последовал краткий обмен мнениями между Гитлером и Цейтцлером относительно того, как преподнести известие о капитуляции немецкому народу. 3 февраля, то есть спустя три дня, ОКВ опубликовало специальное коммюнике:

«Сталинградское сражение завершилось. Верные своей клятве сражаться до последнего вздоха, войска 6–й армии под образцовым командованием фельдмаршала Паулюса были побеждены превосходящими силами противника и неблагоприятными для наших войск обстоятельствами».

Чтению этого коммюнике по немецкому радио предшествовала приглушенная барабанная дробь и вторая часть Пятой симфонии Бетховена. Гитлер объявил четырехдневный национальный траур. На это время были закрыты все кино, театры и

---

[159] Согласно данным, опубликованным боннским правительством в 1958 году. Многие из пленных умерли от эпидемии тифа, начавшейся весной. — Прим. авт.

[160] Гитлер предсказал все верно, но ошибся во времени. К июлю следующего лета Паулюс и Зейдлиц, ставшие руководителями так называемого национального комитета «Свободная Германия», действительно обратились по Московскому радио к армии с призывом устранить Гитлера. — Прим. авт.

варьете.

Вальтер Герлитц, немецкий историк, в своем труде о генеральном штабе писал, что Сталинград «явился второй Йеной и стал безусловно крупнейшим поражением, какое когда–либо терпела немецкая армия». Но Сталинград символизировал и нечто большее. Он, как Эль–Аламейн и англо–американская высадка в Северной Африке, знаменовал собой поворотный пункт во второй мировой войне. Волна нацистской агрессии, захлестнувшая большую часть Европы и докатившаяся до границ Азии и Африки, теперь начала отступать, чтобы никогда не вернуться. Время нацистских молниеносных ударов с тысячами танков и самолетов, наводивших ужас на армии противника и рассеивавших их в прах, миновало. Правда, еще последуют отчаянные удары локального характера — под Харьковом весной 1943 года, в Арденнах на рождество 1944 года, но они явятся частью оборонительной борьбы, которую немцы будут вести с огромным упорством и мужеством. Инициатива ушла из рук Гитлера и никогда к нему не вернется. Теперь ее захватил противник и прочно удерживал в своих руках. И не только на суше, но и в небе. Уже в ночь на 30 мая 1942 года англичане осуществили свой первый налет на Кельн, использовав тысячу самолетов; за ним последовали мощные налеты на другие города в то столь богатое событиями лето. Впервые немецкое гражданское население, подобно немецким солдатам у Сталинграда и Эль–Аламейна, испытало на себе тот кошмар, который их вооруженные силы несли до сих пор другим народам.

И наконец, в снегах Сталинграда и в знойных песках североафриканской пустыни была повержена в прах великая и ужасная нацистская идея. Оказался обреченным в результате разгрома Паулюса и Роммеля не только третий рейх, но и отвратительный и гротескный «новый порядок», который Гитлер и эсэсовские головорезы пытались установить в завоеванных странах. Прежде чем мы обратимся к заключительной главе — падению третьего рейха, неплохо было бы сделать паузу, чтобы посмотреть, что это был за «новый порядок» — в теории и варварской практике — и чего Европа — этот древний оплот цивилизации — едва избежала, пережив короткий период кошмаров и ужасов. Эта глава необходима в данной книге, поскольку «новый порядок» был предназначен для добропорядочных европейцев, либо переживших его, либо уничтоженных до того, как было покончено с третьим рейхом — этой самой мрачной главой европейской истории.

КНИГА ПЯТАЯ — НАЧАЛО КОНЦА

«НОВЫЙ ПОРЯДОК»

Цельного, последовательно изложенного описания «нового порядка» никогда не существовало, однако из захваченных документов и реальных событий явствует, каким представлял его себе Гитлер.

Это — управляемая нацистами Европа, ресурсы которой поставлены на службу Германии и народы которой порабощены германской расой господ, а «нежелательные элементы», прежде всего евреи, а также большая часть славян на Востоке, особенно их интеллигенция, истреблены.

Евреи и славянские народы представлялись Гитлеру «унтерменшен»человекообразными. Фюрер считал, что они не имеют права на существование, за исключением, пожалуй, некоторых славян, которые могли понадобиться на фермах, полях и в шахтах в качестве рабочего скота. Предполагалось стереть с лица земли[161] не только крупнейшие города на Востоке — Москву, Ленинград, Варшаву, но и

---

[161] Так, 18 сентября 1941 года Гитлер отдал приказ «стереть с лица земли» Ленинград. После окружения «сровнять город с землей» путем бомбардировок и артобстрелов, а население (три миллиона человек) уничтожить вместе с городом. — Прим. авт.

уничтожить культуру русских, поляков и других славянских народов, полностью закрыть им доступ к образованию. Оборудование процветающих отраслей промышленности подлежало демонтажу и вывозу в Германию. Население должно было заниматься исключительно сельскохозяйственными работами, чтобы производить продовольствие для немцев, а себе оставлять столько, сколько необходимо, чтобы не умереть с голоду. Саму же Европу нацистские главари намеревались «избавить от евреев».

«Меня ни в малейшей степени не интересует, что произойдет с русскими или чехами, — заявил Генрих Гиммлер 4 октября 1943 года в секретном обращении к офицерам СС в Познани. К этому времени Гиммлер, будучи щефом СС и всего полицейского аппарата третьего рейха, уступал по своему положению только Гитлеру, сохранив право распоряжаться не только жизнью и смертью более чем 80 миллионов немцев, но и жизнью и смертью еще большего числа жителей порабощенных стран.

«Все, что другие нации смогут предложить нам в качестве чистой крови, наподобие нашей, — продолжал Гиммлер, — мы примем. При необходимости сделаем это путем похищения их детей и воспитания в нашей среде. Процветают ли нации или погибают голодной смертью, подобно скоту, интересует меня лишь постольку, поскольку мы используем их в качестве рабов для нашей культуры. В противном случае они не представляют для меня интереса. Погибнут от истощения 10 тысяч русских женщин при рытье противотанковых рвов или нет, интересует меня лишь в том смысле, отроют они эти рвы для Германии или нет…»

Нацистские вожди изложили свои идеалы и планы порабощения народов на Востоке задолго до речи Гиммлера, произнесенной в Познани в 1943 году, к которой мы вернемся позднее, поскольку в ней изложены другие аспекты «нового порядка».

К 15 октября 1940 года Гитлер уже решил судьбу чехов — первого завоеванного им народа. Половину чехов предполагалось ассимилировать преимущественно путем переселения в Германию в качестве подневольной рабочей силы. Другая половина, особенно, «интеллектуалы», подлежала «ликвидации», как говорилось в секретном докладе.

За две недели до этого, 2 октября, фюрер разъяснил свои замыслы относительно поляков — второго народа из числа обреченных на порабощение. Его верный секретарь Мартин Борман составил обширную памятную записку о планах нацистов, которые Гитлер изложил Гансу Франку, генерал–губернатору порабощенной Польши и другим лицам из своего окружения.

«Поляки, — подчеркивал фюрер, — от рождения предназначены для черной работы… Не может быть и речи об их национальном развитии. В Польше необходимо поддерживать низкий уровень жизни, не допуская его повышения… Поляки ленивы, поэтому, чтобы заставить их работать, следует прибегать к принуждению… Генерал–губернаторство (польское) следует использовать лишь как источник неквалифицированной рабочей силы… Ежегодно необходимое количество рабочей силы для рейха должно доставляться отсюда».

Что касается польских священников, фюрер предрекал:

«…Они будут проповедовать то, что хотим мы. Если кто–либо из священников начнет поступать по–иному, мы быстро расправимся с ним. Долг священника обеспечить, чтобы поляки проявляли спокойствие, глупость и тупость».

Было еще два класса поляков, судьбу которых предстояло решить, и нацистский диктатор не преминул о них упомянуть.

«Безусловно, следует помнить, что польское дворянство должно исчезнуть, как бы жестоко это ни звучало, его необходимо уничтожить повсеместно…

И для поляков и для немцев существует лишь один господин. Двух господ, стоящих бок о бок, не может и не должно быть. Посему все представители польской интеллигенции подлежат уничтожению. Это звучит жестоко, но таков закон жизни».

Одержимость немцев идеей, что лишь они являются господствующей расой, а

славянские народы их рабами, была особенно губительна для России. Эрих Кох, рейхскомиссар Украины, выразил эту мысль в своей речи, произнесенной 5 марта 1943 года в Киеве: «Мы — раса господ и должны управлять жестко, но справедливо… Я выжму из этой страны все до последней капли… Я пришел сюда не ради благотворительности… Местное население должно работать, работать и еще раз работать… Мы пришли сюда отнюдь не для того, чтобы осыпать их манной небесной. Мы пришли сюда, чтобы заложить основы победы.

Мы — раса господ и должны помнить, что последний немецкий труженик в расовом и биологическом отношении представляет в тысячу раз большую ценность, чем местное население».

Примерно за год до этого, 23 июля 1942 года, когда немецкие армии в России подходили к Волге и нефтяным месторождениям Кавказа, Мартин Борман, секретарь гитлеровской партии и правая рука фюрера, направил пространное письмо Розенбергу, изложив в нем взгляды фюрера по этому вопросу. Содержание письма было кратко суммировано чиновником из министерства Розенберга:

«Славяне призваны работать на нас. Когда же мы перестанем в них нуждаться, они могут преспокойно умирать. Поэтому обязательные прививки, немецкая система здравоохранения для них излишни. Размножение славян нежелательно. Они могут пользоваться противозачаточными средствами или делать аборты. Чем больше, тем лучше. Образование опасно. Вполне достаточно, если они смогут считать до 100… Каждый образованный человек — это будущий враг. Мы можем оставить им религию как средство отвлечения. Что касается пищи, то они не должны получать ничего сверх того, что абсолютно необходимо для поддержания жизни. Мы господа. Мы превыше всего».

Когда немецкие войска вступили в Россию, в ряде мест население, испытавшее на себе террор сталинской тирании, приветствовало их как освободителей. Имело место поначалу и массовое дезертирство советских солдат, особенно в Прибалтике и на Украине. Кое–кто в Берлине считал, что если бы Гитлер вел свою игру похитрее, проявляя внимание к нуждам населения и обещая помощь в освобождении от большевистского правления (предоставляя религиозные и экономические свободы и создавая кооперативы вместо колхозов), а в будущем самоуправление, то русских можно было бы привлечь на свою сторону. И они не только стали бы сотрудничать с немцами в оккупированных районах, но и могли бы подняться на борьбу против сталинского жестокого правления на неоккупированных территориях. При этом утверждалось, что, если бы все это было сделано, большевистский режим рухнул бы сам по себе, а Красная Армия распалась бы, подобно царским армиям в 1917 году. Но жестокость нацистской оккупации и откровенно провозглашаемые цели германских завоевателей — ограбление русских земель, порабощение населения и колонизация Востока немцами — быстро исключили возможность такого развития событий.

Никто не описал эту катастрофическую политику и, как ее следствие, утраченные возможности лучше, чем д–р Отто Бройтигам, профессиональный дипломат и заместитель начальника политического департамента вновь созданного Розенбергом министерства оккупированных восточных территорий. В пронизанном горечью конфиденциальном докладе своему начальству от 25 октября 1942 года Бройтигам осмелился указать на ошибки нацистов в России:

«Вступив на территорию Советского Союза, мы встретили население, уставшее от большевизма и томительно ожидавшее новых лозунгов, обещавших лучшее будущее для него. И долгом Германии было выдвинуть эти лозунги, но это не было сделано. Население встречало нас с радостью как освободителей и отдавало себя в наше распоряжение».

Фактически такой лозунг был провозглашен, но русские вскоре разуверились в нем.

«Обладая присущим восточным народам инстинктом, простые люди вскоре обнаружили, что для Германии лозунг «Освобождение от большевизма» на деле был лишь предлогом для покорения восточных народов немецкими методами… Рабочие и крестьяне быстро поняли, что Германия не рассматривает их как равноправных партнеров, а считает

лишь объектом своих политических и экономических целей… С беспрецедентным высокомерием мы отказались от политического опыта и… обращаемся с народами оккупированных восточных территорий как с белыми «второго сорта», которым провидение отвело роль служения Германии в качестве ее рабов…»

Произошли еще два события, как заявил Бройтигам, которые настроили русских против немцев: варварское обращение с советскими военнопленными и обращение русских мужчин и женщин в рабов.

«Не составляет отныне секрета ни для друзей, ни для врагов, что сотни тысяч русских военнопленных умерли от голода и холода в наших лагерях… Сейчас сложилось парадоксальное положение, когда мы вынуждены набирать миллионы рабочих рук из оккупированных европейских стран после того, как позволили, чтобы военнопленные умирали от голода словно мухи…

Продолжая обращаться со славянами с безграничной жестокостью, мы применяли такие методы набора рабочей силы, которые, вероятно, зародились в самые мрачные периоды работорговли. Стала практиковаться настоящая охота на людей. Не считаясь ни с состоянием здоровья, ни с возрастом, их массами отправляли в Германию…»[162]

Политика немцев в России вызвала, по словам этого чиновника, «колоссальное сопротивление восточных народов».

«Наша политика вынудила как большевиков, так и русских националистов выступить против нас единым фронтом. Сегодня русские дерутся с исключительной храбростью и самопожертвованием во имя признания своего человеческого достоинства, ни больше ни меньше».

Заканчивая свой 13–страничный меморандум на положительной ноте, д–р Бройтигам просил в корне изменить политику. «Русскому народу, — утверждал он, — необходимо сказать нечто более определенное относительно его будущего».

Но это был глас вопиющего в нацистской пустыне. Гитлер, как известно, уже изложил (еще до вторжения) свои директивы относительно будущего России и русских, и не нашлось ни одного немца, который мог бы убедить его изменить эти директивы хоть на йоту.

16 июля 1941 года, менее чем через месяц после начала русской кампании, когда уже стало очевидно, что большая часть Советского Союза скоро будет захвачена, Гитлер вызвал в свою ставку в Восточной Пруссии Геринга, Кейтеля, Розенберга, Бормана и Ламмерса, главу рейхсканцелярии, чтобы напомнить им о своих планах относительно только что завоеванных земель. Наконец–то его столь откровенно изложенные в «Майн кампф» цели — завоевать обширные жизненные пространства для немцев в России — были близки к осуществлению, и это со всей ясностью следовало из секретного меморандума, составленного после этой встречи Бормана и всплывшего на Нюрнбергском процессе. И Гитлеру хотелось, чтобы его сподвижники четко представляли себе, как он собирается использовать это пространство, однако он предупредил, что его намерения не должны стать достоянием гласности.

«В этом нет необходимости, — говорил Гитлер. — Главное — что мы знаем, чего хотим. Никто не должен распознать, что с этого начинается окончательное решение проблемы. В то же время это не должно помешать нам применять все необходимые меры — расстрел, перемещение лиц и т. п., и мы их применим. — И далее продолжал: — …Мы стоим сейчас перед необходимостью разрезать пирог в соответствии с нашими потребностями, чтобы иметь возможность, во–первых, доминировать на этом жизненном пространстве, во–вторых, управлять им и, в–третьих, эксплуатировать его». Он заявил, что для него несущественно, что русские отдали приказ о ведении партизанской войны в тылу немецких

---

[162] Ни истребление советских военнопленных, ни эксплуатация подневольного труда русских не составляли секрета для Кремля. Еще в ноябре 1941 года Молотов заявил официальный дипломатический протест против истребления русских военнопленных, а в апреле следующего года заявил еще один протест против программы использования Германией подневольного труда. — Прим. авт.

войск. Это, по его мнению, позволит ликвидировать любого, кто оказывает сопротивление.

Вообще, разъяснял Гитлер, Германия будет господствовать на русской территории вплоть до Урала. И никому, кроме немцев, не будет позволено ходить на этих обширных пространствах с оружием. Затем Гитлер изложил, что будет конкретно сделано с каждым куском «русского пирога».

«Прибалтика должна быть включена в состав Германии. Крым будет полностью эвакуирован («никаких иностранцев») и заселен только немцами, став территорией рейха. Кольский полуостров, изобилующий залежами никеля, отойдет к Германии. Аннексия Финляндии, присоединяемой на основе федерации, должна быть подготовлена с осторожностью. Фюрер сровняет Ленинград с землей, а затем передаст его территорию финнам».

Нефтяные месторождения Баку по распоряжению Гитлера станут германской концессией, а территории немецких поселений на Волге будут немедленно аннексированы.

Когда же дошло до дискуссии, кому из нацистских лидеров управлять новыми территориями, началась перебранка.

Розенберг заявил, что намерен использовать для этой цели капитана фон Петерсдорфа в силу его особых заслуг (все поражены; кандидатуру единодушно отвергают); фюрер и рейхсмаршал (Геринг) подчеркнули, что нет никаких сомнений в том, что фон Петерсдорф умалишенный.

Возник также спор о наилучших методах проведения политики в отношении покоренного русского народа. Гитлер предложил, чтобы немецкая полиция была оснащена броневиками. Геринг выразил сомнение в необходимости этого. Его самолеты, как заявил он, способны разбомбить непокорных.

Естественно, добавил Геринг, что гиганское пространство должно быть умиротворено как можно скорее. Наилучшее решение — пристреливать всякого, кто отводит взгляд.

На Геринга как руководителя 4–летнего плана была возложена также экономическая эксплуатация России[163], то есть грабеж, если употребить более точное слово, как разъяснил Геринг в речи, произнесенной 6 августа 1942 года перед нацистскими комиссарами на оккупированных территориях. «Обычно это называется грабежом, — сказал он. — Но сегодня обстоятельства стали более гуманными. Однако вопреки этому я намерен грабить и буду делать это со всем старанием». В данном случае он по меньшей мере сдержал свое слово, и не только в России, но и во всей оккупированной нацистами Европе. Ибо это являлось частью «нового порядка».

Нацистский грабеж в Европе

Полностью подсчитать размеры награбленного в Европе невозможно. Это выше человеческих сил. Но некоторыми данными мы располагаем. Цифры, подсчитанные самими немцами, показывают, с какой пунктуальностью выполнялись инструкции Геринга его подчиненными.

«Что бы ты ни увидел полезного для немецкого народа, вцепись в него как ищейка, изыми и… доставь в Германию».

Огромные ценности были присвоены не только в виде товаров и коммунальных услуг, но и в виде золота, банкнот и т. п. Как только Гитлер захватывал очередную страну, его финансовые агенты изымали золото и иностранные вложения из национальных банков. Но это было только начало. Немедленно производили подсчет колоссальных «оккупационных

---

[163] Директивой Экономического штаба Геринга для Востока от 23 мая 1941 года намечалось уничтожение русских промышленных районов. Рабочие этих районов и их семьи обрекались на голод. Любая попытка спасти население от голодной смерти путем привоза продовольствия из черноземной зоны (России) в соответствии с директивой воспрещалась. — Прим. авт.

расходов». На конец февраля 1944 года, по подсчетам графа Шверина фон Крозига, нацистского министра финансов, общие поступления от платежей, покрывающих «оккупационные расходы», составили около 40 миллиардов марок (примерно 12 миллиардов долларов), из которых Франция, а ее «доили» посильнее, чем другие завоеванные страны, выплачивала более половины. К концу войны поступления от оккупационных обложений достигли порядка 60 миллиардов марок (15 миллиардов долларов).

Франции пришлось выплатить из этой суммы 31,5 миллиарда марок, а ее ежегодная контрибуция составляла 7 миллиардов марок, что более, чем в 4 раза превышало ежегодные выплаты Германии по репарациям после первой мировой войны в соответствии с планом Дауэса и Янга, выплаты, казавшиеся Гитлеру «гнусным преступлением». Помимо этого французский банк был принужден предоставить «кредиты» Германии на сумму 4,5 миллиарда марок, а французское правительство — выплатить сверх того еще полмиллиарда «штрафа». На Нюрнбергском процессе было подсчитано, что немцы изъяли две трети национального дохода Бельгии в виде оккупационных налогов и «кредитов». Такую же долю отобрали они у Нидерландов. Всего, согласно оценкам американцев, Германия получила в виде контрибуции с покоренных государств 104 миллиарда марок (26 миллиардов долларов)[164]

Стоимость же товаров и ценностей, захваченных нацистами и переправленных в рейх даже без формальной оплаты, едва ли возможно подсчитать. В Нюрнберге приводились длинные столбцы цифр, пока они не перестали ошеломлять. Но ни один эксперт, насколько мне известно, не был в состоянии учесть все и указать окончательную сумму. Во Франции, например, было подсчитано, что немцы вывезли (в виде своего рода обложения) 9 миллионов тонн круп, 75 процентов урожая овса, 74 процента стали, 80 процентов добычи нефти и т. д., что оценивается в общую сумму 184,5 миллиарда франков.

«Доить» подобным образом Россию, разрушенную войной и немецким вандализмом, оказалось гораздо труднее. Нацистские документы полны справок о советских «поставках». В 1943 году, например, в число «поставок», упомянутых немцами, вошли 9 миллионов тонн зерна, 2 миллиона тонн кормов, 3 миллиона тонн картофеля, 662 тысячи тонн мяса. Советская комиссия[165] добавила к этим данным 9 миллионов голов крупного скота, 12 миллионов свиней, 13 миллионов овец, не говоря о многом другом. Но русские поставки оказались значительно меньшими, чем ожидалось. По подсчетам немцев, их чистый доход составил около 4 миллиардов марок (1 миллиард долларов)[166].

Алчные нацистские завоеватели выжали из Польши все, что можно было выжать. «Я постараюсь, — заявил д–р Франк, генерал–губернатор Польши, выжать из этой провинции все, что еще можно оттуда выжать». Это было сказано в конце 1942 года. За три года оккупации он сумел выжать, чем постоянно бахвалился, огромную массу ресурсов, особенно в виде продовольствия для голодных немцев рейха. Однако, предупреждал он, «если новая продовольственная программа: на 1943 год будет выполнена, то полмиллиона поляков в Варшаве и ее пригородах окажутся лишены продовольствия».

«Новый порядок» в Польше был введен сразу после оккупации страны. 3 октября 1939 года Франк довел до немецкой армии приказ Гитлера:

---

[164] По официальному курсу (2,5 рейхсмарки 1 доллару) это составляло 40 миллиардов долларов, но я использовал неофициальный курс, равный 4:1. Это представляется более точным, имея в виду покупательную способность марки. — Прим. авт.

[165] Комиссия по расследованию преступлений немцев на временно оккупированной территории СССР. — Прим. пер.

[166] Согласно обстоятельному исследованию немецкого правления в России, которое провел Александр Даллин, Германия, ведя обычную торговлю, могла бы получить гораздо больше (см. Даллин А. Немецкое правление в России). — Прим. авт.

«Польшей следует управлять лишь путем утилизации страны, путем беспощадной эксплуатации и вывоза всех ее запасов, сырья, машин, фабрично–заводского оборудования и т. д., которые необходимы для немецкой военной экономики; путем привлечения всех польских рабочих для работы в Германии; сокращения польской экономики до абсолютного минимума, необходимого лишь для физического существования населения; закрытия всех учебных заведений, особенно технических училищ и колледжей, с тем чтобы предотвратить рост новой польской интеллигенции. С Польшей будут обращаться как с колонией. Поляки станут рабами великого германского рейха».

Рудольф Гесс, заместитель Гитлера по партии, добавил к этому, что в свое время фюрер принял решение не восстанавливать Варшаву, что у него нет намерения ни восстанавливать, ни обновлять какую–либо отрасль промышленности в генерал–губернаторстве. В соответствии с декретом Франка вся собственность в Польше, принадлежащая не только евреям, но и полякам, подлежала конфискации без какого–либо возмещения. Сотни тысяч сельскохозяйственных ферм, принадлежавших полякам, были просто захвачены и переданы немецким поселенцам. К 31 мая 1943 года в четырех польских районах, аннексированных Германией (Западная Пруссия, Познань, Зихенау, Силезия), около 700 тысяч хозяйств, занимавших в общей сложности 15 миллионов акров земли, были захвачены, а 9500 хозяйств, занимавших 65 миллионов акров, конфискованы. В пространной табели, подготовленной центральным управлением землевладений, разница между «захватом» и «конфискацией» не разъясняется, а для поляков это вообще не имело значения.

В оккупированных странах грабежу подвергались даже произведения искусства, и, как выявилось позднее из захваченных нацистских документов, делалось это по прямым указаниям Гитлера и Геринга, которые таким образом пополняли свои частные коллекции. Тучный рейхсмаршал, по его собственным оценкам, собрал коллекцию стоимостью 50 миллионов рейхсмарок. Геринг, несомненно, был главным инициатором грабежа подобного рода. После захвата Польши он немедленно отдал приказ о конфискации произведений искусства, и через шесть месяцев специально назначенный комиссар, выполнявший данный приказ, смог доложить своему шефу, что изъял практически все художественные ценности этой страны.

Однако основная часть выдающихся произведений искусства Европы находилась во Франции, и, как только нацисты оккупировали страну, Гитлер и Геринг декретировали их захват. Руководить конкретно этой грабительской акцией Гитлер назначил Розенберга, который создал организацию под названием Айнзацштаб, причем подручными у него были и Геринг, и Кейтель. Так, один из приказов Кейтеля по оккупационной армии во Франции гласил, что на Розенберга возложена задача по транспортировке в Германию и хранению там культурных ценностей, которые он таковыми считает. Право решать их дальнейшую судьбу фюрер оставлял за собой.

Одно из решений Гитлера о судьбе художественных ценностей изложено в подписанном Герингом 5 ноября 1940 года секретном приказе, регламентирующем распределение предметов искусства, находившихся в парижском Лувре. Распределялись они следующим образом:

1. Предметы искусства, решение об использовании которых фюрер оставил за собой.

2. Предметы искусства… предназначенные для пополнения коллекции рейхсмаршала Геринга…

4. Предметы… которые целесообразно направить в германские музеи…

Французское правительство выразило протест против распределения художественных ценностей страны, заявив, что такие действия являются нарушением Гаагской конвенции. Когда же один из немецких искусствоведов из штаба Розенберга, некто герр Буньес, посмел обратить на это внимание Геринга, жирный рейхсмаршал ответил: «Мой дорогой Буньес, позволь мне самому позаботиться об этом. Я — высший судья в государстве. Лишь мои приказы имеют решающую силу, и вам надлежит действовать в соответствии с ними». Согласно докладу Буньеса, официальные документы гласили:

«Все предметы искусства, которые предназначены пополнить собрание фюрера, а также те, которые рейхсмаршал отобрал для себя, должны быть погружены в два железнодорожных вагона и прицеплены к специальному поезду рейхсмаршала, следующему в Берлин».

Вслед за этими двумя последовало еще много вагонов. Согласно официальному немецкому секретному докладу, 137 товарных вагонов, в которых находилось 4174 ящика с произведениями искусства, содержащие 21 903 предмета, включая 10 890 картин, были отправлены с Запада в Германию за период по июль 1944 года. Помимо прочих авторов они включали работы Рембрандта, Рубенса, Гальса, Вермера, Веласкеса, Мурильо, Гойи, Веккио, Ватто, Фрагонара, Рейнольдса и Гейнсборо. Еще в январе 1941 года Розенберг определил стоимость захваченных только во Франции произведений искусства в 1 миллиард марок.

Грабеж сырья, промышленных товаров и продовольствия, хотя это и несло обнищание оккупированным народам, а подчас и голодную смерть, и представляло собой прямое нарушение Гаагской конвенции о ведении войны, еще можно было бы извинить, если не оправдать, с точки зрения немцев, как необходимость, вызванную ведением тотальной войны. Однако кража произведений искусства никак не помогала гитлеровской военной машине. Это было проявление личной ненасытной жадности Гитлера и Геринга.

Весь этот грабеж и захват имущества покоренные народы еще как–то могли снести — войны и вражеская оккупация всегда влекли за собой лишения и потери. И составляли они лишь часть «нового порядка» — самую, так сказать, безобидную. Зловещая же его сторона состояла не в лишении народов материальных ценностей, а в лишении их жизни, из–за чего недолго, к счастью, просуществовавший «новый порядок» долго не забудется. Здесь нацистская деградация достигла такого уровня, какого редко достигало человечество за весь период своего существования на земле. Миллионы ни в чем не повинных мужчин и женщин были привлечены к принудительному труду, другие миллионы подвергались пыткам и издевательствам в концентрационных лагерях, а многие миллионы, в число которых вошли 4,5 миллиона евреев, были хладнокровно истреблены или намеренно обречены на голодную смерть, а их останки сожжены, чтобы не осталось следов преступлений.

В эту невероятную историю ужаса невозможно было бы поверить, не будь она полностью подтверждена документами и свидетельскими показаниями самих палачей. То, о чем шла речь, лишь краткое изложение событий, где пришлось опустить тысячи ужасающих подробностей. И все эти подсчеты основаны на неопровержимых уликах, дополняемых показаниями немногих чудом уцелевших свидетелей.

Подневольный труд в условиях «нового порядка»

На конец сентября 1944 года насчитывалось около 7,5 миллиона иностранных рабочих, трудившихся на третий рейх. Почти все они были мобилизованы насильно, привезены в Германию в товарных вагонах, как правило без пищи, воды и элементарных санитарных условий. Здесь их направляли на фабрики, на поля и в шахты. Их не только насильственно заставляли трудиться, но и подвергали издевательствам, избивали, обрекали на голод, а часто и на смерть, оставляя без пищи, одежды и крова над головой.

Помимо иностранных рабочих в Германии трудились два миллиона военнопленных, из числа которых по меньшей мере полмиллиона были насильственно направлены на работу в отрасли промышленности, производящие вооружение и боеприпасы, что представляло собой вопиющее нарушение Гаагской и Женевской конвенций, запрещавших использование военнопленных на таких работах [167]. Эта цифра не включает сотен тысяч других

[167] Альберт Шпеер, министр вооружений и военного производства, признал в Нюрнберге, что 40 процентов военнопленных использовались на производстве оружия и боеприпасов и во вспомогательных отраслях. — Прим. авт.

военнопленных, которые были брошены на строительство укреплений, доставку боеприпасов на фронт и даже на комплектование расчетов зенитных орудий, что еще в большей степени являлось игнорированием международных конвенций, подписанных Германией[168].

При массовых депортациях подневольной рабочей силы в рейх жен разлучали с мужьями, а детей с родителями, направляя порознь в отдаленные районы Германии. Не щадили и подростков, если возраст позволял им работать. Даже высшие генералы фашистской армии сотрудничали друг с другом, организуя похищение детей, которых направляли в фатерланд в качестве подневольной рабочей силы. Меморандум от 12 июня 1944 года, обнаруженный в бумагах Розенберга, вскрывает эту практику нацистов на оккупированной территории России.

«Группа армий «Центр» намеревается захватить 40–50 тысяч подростков в возрасте от 10 до 14 лет… и направить их в рейх. Это мероприятие первоначально было предложено 9–й армией… Предполагается использовать этих подростков на немецких предприятиях в качестве подмастерьев и учеников… Эта акция широко приветствуется представителями германских ремесел, поскольку позволит решительно устранить нехватку подмастерьев и учеников. Эта мера направлена не только на предотвращение прямого пополнения численности армий противника, но и на сокращение его биологического потенциала».

Операция по похищению людей носила кодовое наименование «Сенокос». Она осуществлялась, как отмечается в меморандуме, и армейской группой армий «Северная Украина», которой командовал фельдмаршал Модель.

Для вербовки людей все в более широких масштабах использовался террор. Поначалу применяли сравнительно мягкие методы. Задерживали людей, выходивших из церкви или из кинотеатра. Части СС, особенно в западных странах, попросту блокировали часть города и захватывали всех трудоспособных мужчин и женщин. С этой же целью окружали и прочесывали целые деревни. На Востоке, где насильственная вербовка встречала сопротивление, деревни просто сжигали дотла, а жителей вывозили на грузовиках. Захваченные бумаги Розенберга изобилуют докладами о таких акциях. В Польше — так, по крайней мере, полагал немецкий чиновник — эти действия зашли слишком далеко.

«Дикая и безжалостная охота за людьми, — писал он губернатору Франку, которая ведется в городах и деревнях, на улицах, площадях, станциях, даже в церквах, ночью в жилищах, резко подорвала ощущение безопасности жителей. Каждый опасается быть схваченным полицией в любом месте днем и ночью, причем совсем неожиданно. Каждый опасается, что может быть отправлен на сборный пункт и никто из близких не узнает о случившемся с ним…»

Однако подобная вербовка подневольной рабочей силы была лишь первым шагом[169].

---

[168] Захваченный протокол одного из совещаний свидетельствует, что фельдмаршал ВВС Мильх требовал в 1943 году дополнительно 50 тысяч русских военнопленных помимо 30 тысяч, уже используемых в составе зенитно–артиллерийских расчетов. «Забавно, — иронизировал Мильх, — что русским приходится обслуживать орудия». — Прим. авт.

[169] Осуществление программы обеспечения рейха подневольной рабочей силой было возложено на Фрица Заукеля, который получил титул полномочного генерала по вербовке. Этот нацист, подвизавшийся на вторых ролях, был когда–то гаулейтером и губернатором Тюрингии. Плюгавая личность с поросячьими глазками, грубый и жестокий, он, по описанию Геббельса, слыл «одним из тупейших тупиц». Сидя на скамье подсудимых в Нюрнберге, он поразил автора этих строк своим полнейшим ничтожеством. В другие времена он был бы обыкновенным мясником на рынке заштатного городишка. Одна из его первых директив гласила, что с иностранными рабочими следует «обращаться так, чтобы максимально эксплуатировать их при наименьших затратах». Он признался в Нюрнберге, что из миллионов иностранных рабочих едва ли наберется 200 тысяч добровольно согласившихся работать на Германию. Однако на процессе он снял с себя всякую ответственность за дурное обращение с иностранными рабочими. Его признали виновным, приговорили к смертной казни и повесили в Нюрнбергской тюрьме в ночь на 16 октября 1946 года. — Прим. авт.

Условия их перевозки в Германию оставляли желать лучшего. Некий д–р Гуткелч описывает в своем докладе министерству Розенберга от 30 сентября 1942 года случай, когда поезд, набитый измученными восточными рабочими, встретился на разъезде около Брест–Литовска с другим поездом, переполненным «только что набранными» русскими рабочими, направлявшимися в Германию:

«Из–за трупов, скопившихся в поезде с возвращавшимися рабочими, могла произойти железнодорожная катастрофа… В этом поезде женщины рожали детей, которых выбрасывали из окон вагонов. Люди, больные туберкулезом и венерическими заболеваниями, помещались в общих вагонах. Умирающие лежали даже без соломенной подстилки, а одного мертвеца выбросили прямо на перрон. Аналогичная картина могла иметь место и на других поездах».

Это не обещало «восточным рабочим» ничего хорошего в третьем рейхе, однако в какой–то мере готовило к тем тяжким испытаниям, которые их ожидали. А ожидали их голод и побои, болезни и страдания от холода в нетопленых помещениях, лохмотья и в лучшем случае драная обувь. Ожидала изнурительная работа, когда продолжительность рабочего дня определялась лишь их способностью держаться на ногах.

Типичным местом их работы были гигантские предприятия Круппа по производству пушек, танков и боеприпасов. Крупп использовал труд бесчисленных рабов, включая русских военнопленных. Однажды во время войны для работы на заводах Крупна были доставлены 600 евреек из Бухенвальдского концлагеря, причем разместили их в разбомбленном трудовом лагере, откуда предварительно перевели в другое место итальянских военнопленных. Д–р Вильгельм Эйгер, «старший врач», обслуживавший контингент рабов у Крупна, показаниях, данных на Нюрнбергском процессе, описывает, что он обнаружил там, принимая должность:

«После первого обхода я обнаружил, что эти женщины страдают от гнойных язв и других болезней. Я оказался первым врачом, которого им довелось увидеть по меньшей мере за две недели. Полностью отсутствовали медикаменты. У них не было обуви, и они ходили босиком. Единственной их одеждой были мешки с отверстиями для головы и рук. Все они были острижены наголо. Лагерь был окружен колючей проволокой и тщательно охранялся часовыми из службы СС.

Запасы продовольствия в лагере были весьма скудными и самого низкого качества. Нельзя было войти в барак без того, чтобы не набраться блох. Из–за них у меня на руках и на всем теле появились нарывы…»

Д–р Эйгер описал ситуацию дирекции предприятий Крупна и даже личному врачу Густава Крупна фон Болена, владельца заводов, но все оказалось тщетно. Его доклады о трудовых лагерях Крупна не принесли никакого облегчения несчастным. Он припомнил в своих свидетельских показаниях несколько таких докладов об условиях жизни в восьми лагерях, где содержались русские и польские рабочие: большая скученность, приводившая к вспышкам эпидемий, скудость питания, не позволявшая человеку выжить, нехватка воды, недостаточное число туалетов.

«Одежда восточных рабочих пришла в абсолютную негодность, ведь они работали и спали в том, в чем прибыли с Востока. Фактически никто из них не имел пальто, и в холодную или дождливую погоду они были вынуждены использовать одеяла. Из–за нехватки обуви многим рабочим приходилось работать босиком даже зимой… Санитарные условия были ужасающими. На Крамерплац имелось всего десять детских туалетов, приходившихся на 1200 человек. Полы уборных сплошь были покрыты нечистотами. Более других страдали татары и киргизы. Они гибли как мухи от плохих условий проживания, низкого качества и недостаточного количества пищи, непосильной работы без отдыха.

Кроме того, эти рабочие страдали от сыпного тифа. Вши, переносчики болезней, наряду с массами мух, клопов и других паразитов превращали существование узников этих лагерей в сплошную пытку. Снабжение этих лагерей водой иногда прекращалось на срок от 8 до 14 дней».

В целом западные рабочие содержались лучше, чем восточные, на которых немцы смотрели как на отбросы. Но разница эта была относительной, как установил д–р Эйгер в одном из лагерей для рабочих в Эссене, на Ногерратштрассе, где проживали французские военнопленные:

«Его заключенные в течение почти полугода размешались в собачьих конурах, уборных и старых пекарнях. Собачьи конуры имели размеры: три фута в высоту, девять в длину и шесть в ширину. В каждой из них размещалось по пять человек. Пленные были вынуждены заползать внутрь конуры скорчившись… Воды в лагере не было».

Примерно 2,5 миллиона узников, в основном славяне и итальянцы, были направлены в сельское хозяйство Германии, и хотя их жизнь с самого начала проходила в лучших условиях, чем у тех, кто трудился на заводах и фабриках, она была далека от человеческой. Захваченная директива «Об обращении с иностранными сельскохозяйственными рабочими польской национальности» дает отдаленное представление об их участи, и, хотя речь шла в ней о поляках (директива датирована 6 марта 1941 года, то есть еще до того, как появилась рабочая сила из России), она служила ориентиром для обращения с рабочей силой других национальностей.[170]

«Сельскохозяйственные рабочие польской национальности отныне не имеют права предъявлять жалобы, посему никакие жалобы не будут приниматься ни одним официальным органом… Посещение церквей строго запрещается… Посещение театров, кинотеатров и других культурных учреждений строго запрещается… Половые сношения с женщинами и девушками строго воспрещаются…»

Если же они имели место с немецкими женщинами, то, согласно указу Гиммлера от 1942 года, это преступление каралось смертью[171].

Иностранным сельскохозяйственным рабочим запрещалось пользоваться «железными дорогами, автобусами и другими видами общественного транспорта». По–видимому, последнее было введено для того, чтобы не позволить им бежать с ферм, к которым они были прикреплены. Директива гласила:

---

[170] Концерн Крупна не только получил тысячи военнопленных и гражданских рабочих для работы на своих предприятиях, но и построил огромный завод взрывателей в концлагере Освенцим, где евреев заставляли работать до полного изнеможения, а затем умерщвляли в газовых камерах.

Барон Густав Крупп фон Болен, председатель совета директоров, был признан в Нюрнберге главным военным преступником наряду с Герингом и другими, однако ввиду «физического и умственного состояния» (он перенес инсульт и впал в маразм) его не судили. Он умер 16 января 1950 года.

Обвинение предпринимало попытки судить вместо него его сына Альфреда, который вступил в единоличное владение концерном в 1943 году, но трибунал отклонил их. Впоследствии Альфред Крупп фон Болен предстал перед Нюрнбергским трибуналом (чисто американским судом) наряду с девятью директорами концерна на процессе по делу «Соединенные Штаты против Альфреда Крупна и других». 31 июля 1948 года он был приговорен к 12 годам тюремного заключения с конфискацией всей собственности.

Из Ландсбергской тюрьмы (той, в которой отбывал в 1924 году заключение Гитлер) он был выпущен 4 февраля 1951 года по общей амнистии, объявленной американским верховным комиссаром Джоном Макклоем. Была аннулирована конфискация его корпоративного имущества и возвращено личное состояние в размере примерно 10 миллионов долларов. Союзные правительства отдали приказ расчленить крупповскую империю, но Альфред Крупп, энергично взявшийся после освобождения из тюрьмы за руководство концерном, сумел обойти приказ и ко времени написания этой книги с одобрения боннского правительства объявил, что концерн не только не будет расчленен, но и приобретет новые предприятия. — Прим. авт.

[171] Директива Гиммлера от 20 февраля 1942 года была направлена против русских подневольных рабочих. Она обусловливала «специальные меры воздействия» и за «грубые нарушения дисциплины, включая отказ или уклонение от работы». В таких случаях «рекомендовалось избирать в качестве меры наказания повешение и производить его за пределами лагеря. Определенное число рабочих, однако, должны были присутствовать при экзекуции».

Термин «специальная мера воздействия» был обычным в документах, изданных Гиммлером, и нацистском жаргоне времен войны. Я употребил его в том значении, в каком употреблял в своей директиве Гиммлер. — Прим. авт.

«Произвольное изменение условий найма строго воспрещается. Сельскохозяйственные рабочие должны трудиться столько, сколько потребует предприниматель. Продолжительность рабочего дня не ограничивается. Каждый работодатель имеет право применять телесные наказания по отношению к своим рабочим… Если возможно, они должны быть выселены из жилых домов и размещены в конюшнях и т. п. Никакие угрызения совести не должны лимитировать такие действия».

Даже с женщинами из славянских стран, захваченными силой и доставленными в Германию для работы в качестве домашней прислуги, обращались как с рабами. Еще в 1942 году Гитлер отдал приказ Заукелю «набрать полмиллиона, чтобы облегчить труд немецких домашних хозяек». Условия труда прислуги в немецких семьях были определены комиссаром по подневольной рабочей силе.

«Никакие требования свободного времени недопустимы. Прислуга женского пола из восточных стран может выходить из дома только по хозяйственным нуждам. Ей запрещается посещать рестораны, кино, театры и подобные заведения. Запрещается также посещать церкви…»

Женщины, очевидно, были так же необходимы в нацистской системе использования подневольного труда, как и мужчины. Из примерно трех миллионов граждан России, угнанных на каторгу в Германию, более половины составляли женщины. Большинство из них были направлены на тяжелые сельскохозяйственные работы и на фабрики.

Порабощение миллионов мужчин и женщин из завоеванных стран и превращение их в подневольную рабочую силу для третьего рейха не было просто мерой военного времени. Из процитированных ранее заявлений Гитлера, Геринга, Гиммлера и других правителей рейха становится совершенно ясно, что, если бы нацистская Германия победила, «новый порядок» свелся бы к правлению немецкой расы господ в обширной империи рабов, простирающейся от Атлантики до Уральских гор. И участь восточных славян была бы несомненно наихудшей.

Как подчеркивал Гитлер в июле 1941 года, примерно через месяц после нападения на Советский Союз, планы его оккупации означали «окончательное решение». Год спустя, в разгар успешных военных действий в России, он наставлял своих соратников:

«Что касается смехотворной сотни миллионов славян, мы превратим большинство из них в таких, какие нужны нам, а остальных изолируем в их собственных свинарниках; и всякого, кто говорит о снисхождении к местным жителям и их приобщении к цивилизации, следует отправлять прямо в концлагерь!»

Военнопленные

Хотя использование военнопленных в военной промышленности или любой сфере, связанной с обеспечением нужд фронта, является грубейшим нарушением Гаагской и Женевской конвенций, все же такое использование, каким бы массовым оно ни было, представлялось не самым худшим уделом для солдат, захваченных в плен третьим рейхом.

Их важнейшей целью было выжить в этой войне. У русских военнопленных шансов выжить было гораздо меньше. Русские военнопленные превышали по численности всех остальных военнопленных, вместе взятых, и составляли около 5,75 миллиона человек.

Когда в 1945 году войска союзников освободили узников в лагерях для военнопленных, их оказалось там всего около миллиона человек. Во время войны не менее миллиона русских военнопленных было выпущено из лагерей или завербовано на службу в частях, сформированных немцами из лиц, сотрудничавших с ними. Два миллиона русских военнопленных погибли в немецкой неволе — от голода, холода и болезней. О судьбе остальных, а это более миллиона человек, данных нет, и в Нюрнберге были приведены убедительные факты, свидетельствующие о том, что они либо погибли от упомянутых выше причин, либо были истреблены фашистской службой СД. Согласно немецким данным, было казнено 67 тысяч человек, но это, вероятно, далеко не полные подсчеты.

Основная масса русских военнопленных — примерно 3 миллиона 800 тысяч человек — была захвачена немцами на первом этапе русской кампании, особенно при окружениях, — с 21[172] июня по 6 декабря 1941 года. Следует признать, что в ходе боев и быстрого продвижения армия не может уделять надлежащего внимания такому большому числу взятых в плен. Но немцы и не предпринимали на этот счет никаких усилий. Действительно, немецкие документы свидетельствуют, что советских военнопленных умышленно морили голодом, оставляли умирать на морозе в лютую, на редкость снежную зиму 1941/42 года.

«Чем больше военнопленных умрет, тем лучше для нас» — таково было отношение многих официальных нацистских должностных лиц, как свидетельствует о том Розенберг.

Туповатый министр оккупированных восточных территорий не являл собой примера гуманного нациста, особенно в отношении русских, с которыми, как мы знаем, он вместе воспитывался. Но даже он выразил протест по поводу обращения с русскими военнопленными в длинном письме от 28 февраля 1942 года генералу Кейтелю, начальнику штаба ОКБ. Это был момент, когда советское контрнаступление отбросило немцев от Москвы и Ростова на самые дальние в ту зиму рубежи и когда немцы наконец поняли, что их авантюра, имевшая целью уничтожить Россию в ходе одной короткой кампании, провалилась и что теперь, когда США присоединились к России и Великобритании в качестве противника Германии, они могут не выиграть войны, а в этом случае придется держать ответ за свои военные преступления.

«Судьба русских военнопленных в Германии, — писал Розенберг Кейтелю, есть трагедия величайшего масштаба. Из 3 миллионов 600 тысяч пленных лишь несколько сот тысяч еще работоспособны. Большинство из них истощены до предела или погибли из–за ужасной погоды».

И далее Розенберг замечает, что этого можно было избежать.. В России достаточно продовольствия, чтобы прокормить их.

«Однако в большинстве случаев лагерное начальство запрещало передачу продовольствия заключенным, оно скорее готово было уморить их голодной смертью. Даже во время переходов военнопленных в лагерь местному населению не разрешалось давать им пищу. Во многих случаях, когда военнопленные не могли дальше двигаться от голода и истощения, их пристреливали на глазах потрясенных местных жителей, а трупы оставляли на дороге. Во многих лагерях пленные содержались под открытым небом. Ни в дождь, ни в снег им не предоставляли укрытия…

И наконец, следует упомянуть о расстрелах военнопленных. При этом полностью игнорировались какие–либо политические соображения. Так, во многих лагерях расстреливали, к примеру, всех «азиатов»…»

И не только выходцев из Азии. Вскоре после начала русской кампании между ОКБ и службой безопасности СС было достигнуто соглашение, дававшее право эсэсовцам «прочесывать» русских военнопленных. Цель таких действий раскрылась в показаниях Отто Олендорфа, одного из самых жестоких палачей СД. Подобно многим из окружения Гиммлера, он слыл «интеллектуалом», поскольку окончил юридический и экономический факультеты университета и был профессором института прикладной экономики.

«Все евреи и большевистские комиссары, — свидетельствовал Олендорф, подлежали удалению из лагерей и расстрелу. Насколько мне известно, такая практика проводилась в течение всей русской кампании».

Однако не все шло гладко. Иногда русские пленные были настолько измучены, что не могли самостоятельно дойти до места казни, и это вызывало протесты Генриха Мюллера, шефа гестапо, франтоватого наглеца и холодного бесстрастного убийцы[173].

---

[172] Так в тексте. — Прим, пер.

[173] Мюллера не удалось обнаружить после войны. В последний раз его видели в бункере Гитлера в Берлине 29 апреля 1945 года. Некоторые из оставшихся в живых коллег считают, что в настоящее время он состоит на

«Начальники концлагерей жаловались, что от 5 до 10 процентов советских граждан русской национальности, приговоренных к смерти, прибывали в лагеря полумертвыми либо уже умершими… При этом отмечалось, что, например, при передвижении от железнодорожной станции в лагерь значительное число их падало в обморок от истощения, умирало или было при смерти и их приходилось бросать на машины, следовавшие за колонной. Иногда очевидцами подобных сцен становились представители местного немецкого населения».

Гестапо ничуть не огорчала гибель русских пленных от голода и истощения. Их огорчало другое — таким образом они избегали рук палачей. Однако присутствие немецкой публики на таких спектаклях оно не поощряло. Поэтому Гестапо, как прозвали Мюллера в Германии, отдал приказ: «С сего дня (9 ноября 1941 года) советские русские, находящиеся на грани смерти и неспособные в силу этого совершить даже короткий переход, должны исключаться из числа направляемых в концлагеря для казни».

Изможденные и голодные пленные не могли работать, и в 1942 году, когда немцам стало очевидно, что война продлится значительно дольше, чем ожидалось, и что советские военнопленные представляют собой источник столь необходимой им рабочей силы, нацисты пересмотрели свою политику уничтожения, заменив последнее принудительным трудом.

Эту перемену Гиммлер объяснил в своей речи, произнесенной перед эсэсовцами в 1943 году в Познани:

«В то время (1941 год) мы не ценили многочисленные людские ресурсы, как ценим их сегодня в качестве сырья, в качестве рабочей силы. То, о чем не следует сожалеть, мысля категориями поколений, но что нынче представляется неразумным в смысле потери рабочей силы, то есть гибели пленных десятками и сотнями тысяч от истощения и голода».

Отныне их следовало кормить так, чтобы они могли работать. К декабрю 1944 года 0,75 миллиона пленных, включая офицеров, работали на заводах, производящих вооружение, на шахтах (туда было направлено 200 тысяч человек) и в сельском хозяйстве. Обращались с ними жестоко, но по крайней мере им позволяли жить. Теперь даже прекратилось клеймение русских военнопленных, предложенное в свое время генералом Кейтелем[174].

С военнопленными западных стран, особенно с англичанами и американцами, обращались гораздо мягче. Время от времени бывали, конечно, случаи убийств и расстрелов, но это, как правило, происходило вследствие исключительного садизма и жестокости отдельных нацистских начальников. Одним из таких случаев был хладнокровный расстрел 71 американского военнопленного на поле боя близ Мальмеди, в Бельгии, 17 декабря 1944 года, во время сражения в Арденнах.

Были и другие случаи, когда Гитлер лично отдавал приказ об уничтожении западных военнопленных, как это произошло с 50 летчиками, пойманными весной 1944 года после побега из Сагана.

В Нюрнберге Геринг заявил, что этот факт он «считал одним из самых серьезных инцидентов за всю войну», а генерал Йодль назвал это «откровенным убийством».

По существу, такие инциденты были частью преднамеренной немецкой политики, принятой после того, как начиная с 1943 года англо–американские бомбардировки Германии стали чрезвычайно интенсивными. В качестве ответной меры немцы прибегли к расстрелам союзных летчиков в тех случаях, когда они выбрасывались на парашютах над Германией. Поощрялось и линчевание приземлявшихся на парашютах летчиков гражданским населением. Часть немцев, участвовавших в линчевании, предстали после войны перед

службе у советской госбезопасности, большим почитателем которой он всегда был. — Прим. авт.

[174] 20 июня 1942 года Кейтель составил проект приказа:

. Советские военнопленные должны иметь клеймо в виде специальной несмываемой отметки.

. Клеймо должно включать обращенный вниз острый угол примерно 45 градусов при длине стороны около сантиметра. Наносится на левую ягодицу. Прим авт.

судом за свои деяния. В 1944 году, когда интенсивность англо–американских бомбардировок достигла своего пика, Риббентроп призвал подвергать сбитых летчиков казни на месте, однако Гитлер занял более мягкую позицию. 21 мая 1944 года с согласия Геринга он приказал расстреливать сбитых летчиков без суда и следствия, если они обстреливали пассажирские поезда, гражданское население или немецкие самолеты, совершившие вынужденную посадку. Иногда захваченные в плен летчики просто передавались службе СД, где применялись «специальные меры воздействия». Так, примерно 27 американских, английских и голландских летчиков были зверски убиты в концлагере Маутхаузен в сентябре 1944 года. Один из французских заключенных в этом лагере Морис Ламп, оказавшийся свидетелем убийства, описал, выступая в Нюрнберге, как это происходило:

«Сорок семь офицеров были приведены босыми в карьер… Охранники приказали каждому из несчастных взять на дне по тяжелому камню и, взвалив на спину, доставить его наверх. Первый подъем пленные совершили, неся камни весом около 30 килограммов, причем подъем сопровождался побоями… На второй раз охранники заставили выбрать камни еще тяжелее, и, если пленные не могли удержаться на ногах под их тяжестью, их били палками… К вечеру вдоль дороги лежал двадцать один труп. На следующее утро погибли остальные двадцать шесть».

Это была одна из наиболее «популярных» форм казни в Маутхаузене, которой подверглось в числе других пленных много русских.

Начиная с 1942 года, когда наметился перелом в войне и замаячила угроза поражения, Гитлер приказал уничтожить всех захваченных в плен коммандос[175], особенно западных армий. (Захваченные в плен советские партизаны расстреливались на месте.) Совершенно секретный приказ фюрера об обращении с коммандос от 18 октября 1942 года, захваченный в числе других трофейных документов, гласил:

«Отныне вся вражеская агентура, выполняющая задачи коммандос в Европе или в Африке и участвующая в боевых действиях против немецких войск, независимо от того, носят они военную форму и оружие или нет, действуют на поле боя или в тылу, подлежит истреблению до последнего человека».

В приложении к директиве, подписанной в тот же день, Гитлер разъяснял своим офицерам причину отдания такого приказа.

«Вследствие успехов, которые сопутствуют союзным коммандос, — заявил он, — я был вынужден отдать строгий приказ по уничтожению диверсионных войск противника и указать на строжайшую ответственность за невыполнение его… У врага должна быть полная ясность, что все диверсионные войска будут истребляться, все до последнего человека. Это значит, что шанс уцелеть у них равен нулю… Ни при каких обстоятельствах они не могут рассчитывать на обращение, предписанное Женевской конвенцией… Если потребуется отсрочить уничтожение, чтобы допросить одного или двух человек, то их следует расстрелять сразу же после допроса».

Эти преступные акции должны были сохраняться в глубокой тайне. Генерал Йодль разработал инструкции о порядке выполнения этой директивы Гитлера, подчеркнув его требования: «Настоящий приказ предназначен только для офицеров руководящего состава и ни при каких обстоятельствах не должен попасть в руки врага».

Давалось предписание уничтожить все экземпляры приказа после ознакомления с ним. Его надлежало хорошо запомнить, поскольку позднее предстояло выполнять. В этой связи можно привести несколько фактов.

Вечером 22 марта 1944 года два офицера и тринадцать солдат 267–го специального разведывательного батальона американской армии высадились с десантного корабля в тылу у немцев в Италии с задачей разрушить железнодорожный туннель между Специей и Генуей. Все они были в военной форме и не имели при себе гражданской одежды. Через два дня их

---

[175] Войска специального назначения. — Прим. пер.

захватили, и 26 марта расстреляли без суда и следствия по прямому приказу генерала Антона Достлера, командира 75–го армейского корпуса немцев. Представ вскоре после войны перед американским военным трибуналом, Достлер оправдывал свои действия ссылками на то, что он лишь выполнял приказ Гитлера о коммандос, и заявил, что в противном случае сам предстал бы перед трибуналом[176].

Второй случай произошел в январе 1945 года, когда примерно пятнадцать членов англо–американской военной миссии, включая военного корреспондента агентства «Ассошиэйтед Пресс», одетые в военную форму, высадились на парашютах на территории Словакии, но были захвачены и расстреляны в концлагере Маутхаузен по приказу Эрнста Кальтенбруннера, преемника Гейдриха на посту руководителя СД и одного из обвиняемых на Нюрнбергском процессе[177]. Если бы адъютант лагеря, ставший свидетелем казни, не дал показаний на этот счет, факт расстрела мог остаться неизвестным, поскольку большая часть документов о массовых расстрелах в этом лагере была уничтожена.

Нацистский террор на оккупированных территориях

22 октября 1941 года французская газета «Ле Фар» опубликовала следующее объявление:

«Утром 20 октября трусливые преступники, состоящие на службе Англии и Москвы, убили коменданта города Нанта. Убийцы до сих пор не задержаны.

В порядке отмщения за это преступление я приказал расстрелять 50 заложников. Еще 50 заложников подлежат расстрелу в случае, если виновные не будут арестованы до полуночи 23 октября».

Подобные публикации, помещенные в черную рамку, стали обычным явлением на страницах газет или на красных уличных тумбах в городах Франции, Бельгии, Голландии, Норвегии, Польши и России. Соотношение, публично объявленное немцами, неизменно составляло 100:1, то есть сто заложников за каждого убитого немца.

Хотя захват заложников широко практиковался со времен Древнего Рима, в наше время к нему никто не прибегал, за исключением немцев в первую мировую войну и англичан в Индии и Южной Африке во время англо–бурской войны. По указанию Гитлера немецкая армия осуществляла эту практику в широких масштабах в ходе второй мировой войны. В Нюрнберге были представлены десятки подписанных генералом Кейтелем и нижестоящими нацистами секретных приказов, требовавших захвата и расстрела заложников. «Крайне важно, — указывал Кейтель 1 октября 1941 года, — чтобы в их (заложников) число входили хорошо известные высокопоставленные личности или члены их семей». А генерал Штюльпнагель, командующий немецкими войсками во Франции, подчеркивал год спустя, что, чем более известны расстрелянные заложники, тем «эффективнее устрашающее воздействие на потенциальных преступников».

Всего за время войны немцы расстреляли 29 600 французских заложников (без учета тех 40 тысяч человек, которые «умерли» во французских тюрьмах с немецкими охранниками). Число уничтоженных заложников в Польше составило 8 тысяч человек, в Голландии — около 2 тысяч. В Дании вместо публичных расстрелов заложников была введена система «выборочного истребления». Согласно чрезвычайным приказам Гитлера, репрессии за убийства немцев в Дании должны были проводиться тайно «в соотношении пять к одному». Так, был убит немцами выдающийся датский пастор, поэт и драматург Кай

---

[176] Генерал Достлер был приговорен к смертной казни военным трибуналом США в Риме 12 октября 1945 года. — Прим. авт.

[177] Кальтенбруннер был повешен в нюрнбергской тюрьме в ночь на 16 октября 1946 года. — Прим. авт.

Мунк, одна из популярнейших в Скандинавии фигур. Его тело бросили на дорогу, прикрепив к одежде записку: «Свинья, ты все же послужил Германии».

Из всех военных преступлений генерала Кейтеля, которые он объяснял необходимостью выполнять приказы Гитлера, самыми зловещими, по его признанию в Нюрнберге, были те, которые совершались под кодовым названием «Ночь и туман». Этот чудовищный приказ, предусматривавший порядок расправы над несчастными жителями захваченных территорий на Западе, был подписан лично Гитлером 7 декабря 1941 года. Его целью, как о том свидетельствует кодовое обозначение, был захват лиц, представлявших угрозу «германской безопасности», но не подлежавших немедленному расстрелу. Их следовало отправлять в мир иной, не оставляя следов на территории Германии, заставляя как бы исчезнуть в ночи и тумане неизвестности. Семьи не должны были получать никакой информации о них, даже если речь шла о месте их захоронения в рейхе.

12 декабря 1941 года Кейтель издал директиву, разъясняющую приказ фюрера:

«В принципе преступления против германского государства наказуемы смертью. Но если наказанием за эти преступления служит тюремное заключение, даже в виде пожизненных каторжных работ, его следует квалифицировать как проявление слабости. Эффективное устрашение может быть достигнуто либо посредством высшей меры наказания преступнику, либо посредством мер, в результате которых ни его родственники, ни сограждане ничего не узнают о его судьбе».

В феврале следующего года Кейтель разъяснил приказ «Ночь и туман» подробнее:

«В случаях, когда смертный приговор не был вынесен в течение восьми дней после ареста преступника, арестованных следует тайно доставлять в Германию… Такие меры будут иметь устрашающий эффект, потому что:

а) арестованные будут исчезать без следа;

б) не будет выдаваться никакой информации об их местонахождении или судьбе».

Эта зловещая задача возлагалась на службу СД, захваченные документы которой изобилуют имеющими отношение к операции «Ночь и туман» приказами, требовавшими сохранения в строжайшей тайне мест захоронения жертв. Сколько жителей Западной Европы исчезли в «ночи и тумане», не удалось установить даже на Нюрнбергском процессе. Лишь известно, что в живых удалось остаться очень немногим.

Некоторые цифры, позволяющие прояснить масштабы истребления, содержатся в документах СД. Здесь приводится число жертв в результате карательной операции на захваченной территории (на территории России). Этот вид операций выполнялся подразделениями, которые в Германии получили название айнзатцгруппен — отряды спецакций, или, используя более точный термин и принимая во внимание их специализацию, отряды истребления. Приблизительное число их жертв случайно всплыло на Нюрнбергском процессе.

Незадолго да начала процесса капитан–лейтенант военно–морского флота Уитни Р. Харрис, один из государственных обвинителей от США, допрашивал Отто Олендорфа о его деятельности в годы войны. Было известно, что этот моложавый (ему было 38 лет), привлекательный на вид немецкий интеллигент являлся начальником 3–го отдела гиммлеровского центрального управления безопасности РСХА, но в последние годы войны работал преимущественно экспертом по внешнеторговым связям министерства экономики. Он сообщил следователю, что провел всю войну на службе в Берлине, за исключением одного года. На вопрос, чем же он занимался в течение этого года, находясь за пределами Берлийа, Олендорф ответил: «…Я был командиром отряда спецакций D».

Харрис, юрист по образованию, к тому времени довольно заметный авторитет по немецким делам, знал достаточно много об отрядах спецакций. Поэтому он сразу задал вопрос: «Во время войны вы были командиром отряда спецакций D. Сколько мужчин, женщин и детей уничтожил ваш отряд?»

По воспоминаниям Харриса, Олендорф пожал плечами и почти без колебаний ответил: «Девяносто тысяч!»

Отряды спецакций были сформированы Гиммлером и Гейдрихом и сопровождали немецкие армии, вступившие в Польшу в 1939 году. В их задачу входило вылавливать евреев и направлять в гетто. Почти два года спустя, когда уже началась русская кампания, с согласия командования вермахта они получили приказ следовать за боевыми частями и выполнять фазу «окончательного решения». С этой целью были созданы четыре отряда — A, B, C и D. Последним из них и командовал Олендорф с июня 1941 года по июль 1942 года. Он действовал в южной части Украины, входя в состав 11–й армии. На суде на вопрос полковника Джона Харлана Амена, какие инструкции он получил, Олендорф ответил:

 Инструкции требовали ликвидировать евреев и советских политкомиссаров.

 Под словом «ликвидировать», вы имеете в виду «убивать»? — уточнил Амен.

 Да, я имею в виду «убивать», — ответил Олендорф, прибавив, что это относилось к женщинам, детям, а равно и к мужчинам.

 С какой же целью надо было истреблять детей? — прервал его вопросом советский судья генерал И. Т. Никитченко. Олендорф ответил:

 Приказ гласил, что еврейское население должно быть полностью истреблено.

 Включая детей?

 Да.

 Всех еврейских детей убивали?

 Да.

Отвечая на дальнейшие вопросы Амена, Олендорф описал, как обычно происходило убийство.

Отряд спецакций вступал в деревню или город и приказывал именитым еврейским гражданам созвать всех евреев для «переселения»[178] Им предлагалось сдать все ценности, а затем, незадолго до казни, снять верхнюю одежду. После этого их отвозили на место казни, которым обычно служил противотанковый ров, причем на грузовиках доставляли такое число людей, которое можно было расстрелять в один прием. При этом стремились свести к минимуму время между моментом, когда пленники догадывались о том, что их ждет, и самим расстрелом.

Затем по команде их расстреливали стоя или поставив на колени, после чего трупы сбрасывали в ров. Я никогда не позволял производить расстрел отдельным солдатам, а приказывал взводу стрелять по команде одновременно во избежание личной ответственности. Командиры других отрядов требовали, чтобы жертвы ложились на землю, и расстреливали их в затылок. Я не одобрял таких методов.

 Почему же? — спросил Амен.

 Потому, — ответил Олендорф, — что для жертв и для тех, кто проводил экзекуцию, это было психологически слишком тяжелым испытанием…

 Весной 1942 года, — рассказывал далее Олендорф, — поступил приказ от Гиммлера изменить метод казни женщин и детей. С тех пор их доставляли ко рвам в грузовиках, оборудованных газовыми камерами (душегубках). Автомобили были сконструированы специально для этой цели двумя берлинскими фирмами. Снаружи нельзя было определить, для чего они предназначались. Выглядели они как обычные фургоны, но устроены были так, что с запуском двигателя выхлопные газы подавались в закрытый кузов, умерщвляя в течение десяти–пятнадцати минут всех, кто там находился.

 Как вам удавалось заманивать жертвы в кузов? — поинтересовался полковник Амен.

 Им говорили, что предстоит переезд в другое место, — ответил Олендорф[179].

---

[178] То есть им сообщали, что предстоит переселение в другое место. — Прим. авт.

[179] Олендорфа судили в Нюрнберге американским военным трибуналом вместе с еще двадцатью одним нацистом по делу «Об отрядах спецакций». Четырнадцать из них были приговорены к смертной казни. Из них лишь четверо (Олендорф и трое других командиров отрядов) были казнены в Ландсбергской тюрьме 8 июля 1951 года, спустя три с половиной года после вынесения приговора. Для остальных смертные приговоры были заменены другими наказаниями. — Прим авт.

«Захоронение погибших в грузовиках с газовыми камерами, — продолжал он жаловаться, — было тяжелейшим испытанием для личного состава отрядов спецакций». В документе, представленном Нюрнбергскому процессу, это подтвердил некий д–р Беккер, которого Олендорф опознал как конструктора душегубок. В своем письме в штаб СД д–р Беккер возражал против того, чтобы персонал СД выгружал трупы удушенных газом женщин и детей, подчеркивая, что «всем занятым на этой работе могут быть нанесены сильнейшие психологические травмы и причинен серьезный ущерб здоровью. Они жаловались мне на головную боль, появлявшуюся после каждой такой выгрузки».

Д–р Беккер обратил также внимание своего начальства на то, что «применение газа не всегда осуществляется правильно. Для того чтобы поскорее завершить операцию, водитель нажимает на акселератор до отказа. При этом лица, подлежащие умерщвлению, погибают от удушья, а не от отравления газом, погружаясь при этом в сон», как запланировали создатели душегубок.

Д–р Беккер казался самому себе прямо–таки гуманистом, предлагая усовершенствовать технологию умерщвления. «Мои рекомендации подтвердили теперь, что при правильной регулировке рычага смерть наступает быстрее и узники засыпают мирным сном. Искаженных от ужаса лиц и экскрементов, как это было раньше, не наблюдается».

Но в душегубках, как показал Олендорф, можно было одновременно удушить от 15 до 25 человек за рейс, а этого было совершенно недостаточно в сравнении с масштабами истребления, предписанными Гитлером и Гиммлером. Недостаточно, например, для операции, проводившейся в Киеве, столице Украины, в течение двух дней — 29 и 30 сентября 1941 года, когда, по данным официальных отчетов отрядов спецакций, был уничтожен 33 771 человек, преимущественно евреи.

На Нюрнбергском процессе главный обвинитель от Великобритании сэр Хартли Шоукросс зачитал свидетельские показания о том, как проходила сравнительно ограниченная массовая экзекуция на Украине. Данные под присягой показания директора и инженера немецкой дочерней строительной фирмы на Украине Германа Грабе повергли в ужас участников судебного заседания 5 октября 1942 года. В украинском городе Дубно он стал свидетелем того, как солдаты команды спецакций при содействии украинских полицаев устроили массовую казнь пяти тысяч евреев около карьера, сбрасывая туда тела расстрелянных.

«…Я и мой мастер, услышав автоматные очереди, доносившиеся из–за насыпи, пошли прямо к угольному карьеру. Доставленные на грузовиках люди мужчины, женщины и дети всех возрастов сходили с машин и по приказу эсэсовца, державшего в руках плеть, раздевались в указанном месте. Они складывали отдельно обувь, верхнюю одежду и нижнее белье. Я видел груду обуви, состоявшую примерно из 800–1000 пар, огромные кипы одежды и нательного белья.

Без криков и плача люди раздевались, собирались семьями, целовали друг друга, прощаясь, и ждали сигнала другого эсэсовца, который также с плетью в руках стоял у края карьера. В течение 15 минут, пока я стоял у огромной ямы, я не услышал ни жалоб, ни мольбы о пощаде.

Какая–то старая женщина с белыми как снег волосами держала на руках годовалого ребенка, развлекая и веселя его. Ребенок что–то лепетал от удовольствия. Родители со слезами на глазах смотрели на своих детей. Отец мальчика лет 10 держал его за руку и что–то тихо говорил. Мальчик изо всех сил старался не заплакать. Отец показывал на небо, гладил его по головке и, казалось, что–то ему объяснял.

В этот момент эсэсовец, стоявший у края котлована, что–то крикнул своему напарнику. Тот отсчитал около двадцати человек и велел им идти за насыпь… Я хорошо помню одну девушку, тоненькую, черноволосую. Проходя мимо меня, она сказала: «Мне двадцать три года».

Я обошел вокруг насыпи и увидел перед собой огромную могилу. Люди плотно лежали друг на друге рядами. Видны были только головы. Почти у всех кровь стекала из головы на плечи. Некоторые еще шевелились. Другие поднимали руки и поворачивали головы, чтобы показать, что они живы. Котлован был заполнен примерно на две трети. По моим подсчетам, в нем находилось около тысячи человек. Я поискал глазами человека, расстреливавшего несчастных. Это был эсэсовец. Он сидел на краю карьера, свесив ноги. Держа на коленях автомат, он покуривал сигарету.

Обнаженные люди делали несколько шагов вниз и пробирались по телам мертвых в то место, куда им указывал эсэсовец. Они ложились на мертвых или раненых. Некоторые с тоской тихими голосами утешали тех, кто еще был жив. Затем я услышал автоматную очередь. Заглянув в котлован, я увидел бившиеся в судорогах тела или уже неподвижные головы, лежавшие на телах нижнего ряда. По шее у них стекала кровь.

Тут же подошла следующая партия. Люди спустились в котлован, легли рядами на предыдущих… Раздалась новая очередь».

И так шли ряд за рядом. На следующее утро немецкий инженер вернулся на место расстрела.

«Я увидел около тридцати обнаженных людей, лежавших у края карьера. Некоторые еще подавали признаки жизни… Позднее живых евреев заставили столкнуть тела мертвых в котлован. Затем приказали лечь там под расстрел… Клянусь всевышним, что все сказанное мной чистая правда».

Сколько евреев и русских партийных работников (первые во много раз превышали число вторых) было уничтожено отрядами спецакций в России до того, как Красная Армия изгнала немцев? Нюрнбергский трибунал едва ли смог бы определить это точно, но гиммлеровские архивы, как бы неполны они ни были, дают все же примерное представление об этом.

Отряд спецакций D во главе с Олендорфом, имевший на счету 90 тысяч человек, по числу убийств уступал некоторым другим отрядам. Так, например, отряд А, действовавший на северном направлении, докладывал 31 января 1942 года, что в Прибалтике и Белоруссии им истреблены 229 052 еврея. Его начальник Франц Штале–кер докладывал Гиммлеру, что столкнулся с трудностями в вышеназванных провинциях из–за задержки начала операций «ввиду наступления сильных морозов, которые затруднили проведение массовых экзекуций. Тем не менее к настоящему времени в Белоруссии уже расстреляна 41 тысяча евреев». Шталекер, в том же году убитый советскими партизанами, приложил к своему докладу красиво оформленную карту, на которой в каждом районе было нанесено число преданных смерти в сопровождении условного знака в виде гроба. На одной лишь карте Литвы было помечено — 136 421 умерщвленный еврей. Около 34 тысяч человек временно оставили в живых, «поскольку требовалась рабочая сила». Эстония, где проживало относительно немного евреев, была названа в его докладе «свободной от евреев».

На время суровой зимы экзекуции были приостановлены, но летом 1942 года отряды спецакций орудовали вовсю. К 1 июля еще около 55 тысяч евреев было убито в Белоруссии. В октябре в минском гетто за один день было уничтожено 16 200 человек оставшихся там заключенных. К ноябрю Гиммлер докладывал Гитлеру, что в России за период с августа по октябрь ликвидировано 363 211 евреев (цифра была в какой–то мере завышена, чтобы ублажить кровожадного фюрера)[180].

Всего, по подсчетам Карла Эйхмана, главы отдела гестапо по делам евреев, два

---

[180] 31 августа Гиммлер приказал отряду спецакций уничтожить 100 заключенных минской тюрьмы, чтобы лично посмотреть, как это делается. По свидетельству Бах–Залевского, высокопоставленного офицера СС, присутствовавшего при этом, Гиммлер чуть не упал в обморок, увидев результат первого залпа. Через несколько минут, когда стало ясно, что после залпа остались в живых две еврейки, с фюрером СС случилась истерика. Одним из итогов его личных впечатлений и явился приказ женщин и детей отныне не расстреливать, а уничтожать в душегубках. — Прим. авт.

миллиона человек, почти сплошь евреев, было убито на Востоке отрядами спецакций. Но цифра эта несомненно завышена. Трудно поверить, но эсэсовские главари так гордились своими злодеяниями, что часто, чтобы ублажить Гиммлера и Гитлера, сообщали дутые цифры. Личный учетчик Гиммлера, д–р Рихард Корхерр, докладывал 23 марта 1943 года своему шефу, что 633 300 евреев в России были «переселены» — эвфемизм для обозначения массовых расправ силами отрядов спецакций. Как ни удивительно, цифра эта приближается к результатам тщательного изучения, проведенного позднее рядом специалистов. Прибавьте к этому 100 тысяч умерщвленных в течение последних двух лет войны, и цифра, вероятно, будет достаточно точной, если вообще можно говорить о точных подсчетах[181].

Как ни велико это число, оно меньше числа евреев, погибших в гиммлеровских лагерях смерти к тому времени, когда приступили к выполнению «окончательного решения».

«Окончательное решение»

Прекрасным июньским днем 1946 года три сотрудника из персонала американского обвинения на Нюрнбергском процессе вели допрос обергруппенфюрера СС Освальда Поля, который помимо всего прочего руководил планированием работы узников нацистских концлагерей. До вступления в СС Поль был морским офицером. После поражения Германии он скрылся, пока год спустя, в мае 1946 года, не был обнаружен на ферме, где он укрывался под видом подсобного рабочего[182].

Отвечая на один из вопросов, Поль употребил термин, который достаточно примелькался обвинению на Нюрнбергском процессе. Поль сказал, что его коллегу по имени Хесс Гиммлер использовал для «окончательного решения еврейского вопроса».

«Как это понимать?» — задали вопрос Полю.

«Истребление евреев», — пояснил он.

В ходе войны выражение это проникало все чаще в словарь и деловые бумаги нацистских главарей. Невинное на слух словосочетание, очевидно, помогало скрыть смущение, которое они испытывали, напоминая друг другу о его действительном значении. Пожалуй, они полагали, что оно может служить чем–то вроде прикрытия, доведись всплыть этим уличающим бумагам. И действительно, на Нюрнбергском процессе большинство нацистских главарей отрицали, что им было известно значение этого термина, а Геринг даже утверждал, что никогда не пользовался им, однако вскоре его ухищрения были полностью разоблачены. В судебном деле против тучного рейхс–маршала фигурировала директива, которую 31 июля 1941 года он направил Гейдриху, шефу СД, когда отряды спецакций уже вовсю вели истребительные операции в России.

«Настоящим поручаю вам, — наставлял Геринг Гейдриха, — провести все подготовительные мероприятия относительно «полного решения» еврейского вопроса на тех территориях Европы, которые находятся под германским влиянием.

Далее, я обязываю вас представить мне как можно скорее проект доклада с изложением уже предпринятых мер по выполнению намеченного окончательного решения еврейского вопроса».

Гейдрих отлично знал, что имел в виду Геринг под этим термином, поскольку сам

---

[181] Число советских партийных работников, уничтоженных отрядами спецакций, насколько мне известно, никогда точно не подсчитывалось, В большинстве докладов СД их учитывали вместе с евреями. В одном из докладов отряда А, датированном октябрем 1941 года, значатся 3387 коммунистов среди 121 817 казненных, остальные были евреи. В других докладах приводится общая цифра. — Прим. авт.

[182] По делу о концлагерях американским военным трибуналом Полю 3 ноября 1947 года был вынесен смертный приговор. 8 июня 1951 года он был повешен в Ландсбергской тюрьме вместе с Олендорфом. — Прим. авт.

употребил его годом раньше на секретном совещании после падения Польши, на котором он описал первый шаг «окончательного решения», заключавшийся в сосредоточении всех евреев в гетто больших городов, где будет нетрудно окончательно решить их участь.

Как выяснилось позднее, «окончательное решение» было той самой идеей, которую Гитлер давно вынашивал и которую он провозгласил публично еще до начала войны. В своей речи в рейхстаге 30 января 1939 года он заявил:

«Если международные еврейские банкиры вновь сумеют втянуть народы в мировую войну, результатом этого станет уничтожение еврейской расы во всей Европе».

Это «пророчество» он не менее пяти раз повторял в своих последующих публичных выступлениях. И не имело значения, что не «международные еврейские банкиры», а он сам вверг мир в вооруженный конфликт. Для Гитлера было важно, что мировая война уже шла» и это обстоятельство давало ему возможность теперь, когда он завоевал обширные пространства на Востоке, где проживало большинство европейских евреев, осуществить их уничтожение. Ко времени вторжения в Россию он уже отдал соответствующие приказы.

То, что в высших нацистских кругах именовалось приказом фюрера об «окончательном решении», очевидно, никогда не было изложено в виде документа — по крайней мере, ни одного экземпляра приказа обнаружить среди трофейных немецких бумаг не удалось. Все свидетельства говорят о том, что приказ был устно отдан Герингу, Гиммлеру и Гейдриху, которые довели его до исполнителей летом и осенью 1941 года. Ряд свидетелей показали в Нюрнберге, что они слышали о нем, но ни один не утверждал, что видел его. Так, упрямый как бык, Ганс Ламмерс, шеф рейхсканцелярии, загнанный в угол свидетельскими показаниями, признал: «Я знал, что приказ фюрера был передан Гейдриху Герингом. Этот приказ назывался «Окончательное решение еврейской проблемы».

Однако Ламмерс, как и многие другие подсудимые, утверждал, что не знал, о чем шла речь в приказе, до тех пор, пока следствие союзников не стало ссылаться на него на Нюрнбергском процессе[183]. В начале 1942 года, по словам Гейдриха, настало время прояснить «фундаментальные проблемы окончательного решения», чтобы его наконец можно было осуществить. С этой целью 20 января 1942 года в уютном берлинском предместье Ванзе Гейдрих созвал совещание представителей различных министерств и ведомств СС и СД. Протоколы этого совещания впоследствии сыграли важную роль в ходе заседаний Нюрнбергского процесса. Несмотря на тогдашние неудачи вермахта в России, нацистские лидеры считали, что война почти выиграна и что Германия вскоре станет владычицей всей Европы, включая Англию и Ирландию. «Поэтому, — заявил Гейдрих примерно пятнадцати собравшимся высшим офицерам, — окончательное решение европейской еврейской проблемы коснется, вероятно, одиннадцати миллионов евреев». С пафосом приводил он цифры по каждой стране. На исконной территории рейха осталось всего 131 800 евреев (из 0,25 миллиона проживавших в 1939 году), однако в СССР, по его словам, насчитывается 5 миллионов, на Украине — 3 миллиона, в Польском губернаторстве — 2,25 миллиона, во Франции — 0,75 миллиона и в Англии — 0,3 миллиона. Из сказанного Гейдрихом со всей очевидностью следовало, что все 11 миллионов евреев должны быть уничтожены. Затем он разъяснил, как надлежит выполнить эту «масштабную» задачу.

«Отныне в ходе осуществления «окончательного решения» евреев необходимо

---

[183] В апреле 1949 года Ламмерс был приговорен американским военным трибуналом в Нюрнберге к 20 годам тюремного заключения главным образом за то, что он нес ответственность за подготовку антиеврейских директив. Но, как в случае с большинством других осужденных нацистов, чьи сроки заключения были значительно сокращены американскими властями, в 1951 году срок Ламмерсу был сокращен до 10 лет. Фактически же его выпустили из Ландсбергской тюрьмы в конце того же года после шести лет заключения, считая с момента ареста Следует отметить, что большинство немцев, судя по настроениям в западногерманском парламенте, не согласились даже с относительно мягкими приговорами, вынесенными гитлеровским подручным. Часть военных преступников, выданных немецкому правосудию, не предстала перед судом, хотя они обвинялись в массовых убийствах. Ряд из них быстро устроились на службу в боннском правительстве — Прим. авт.

доставлять на Восток… для использования в качестве рабочей силы. Организованные в крупные рабочие отряды, раздельно по полам, работоспособные евреи доставляются в эти районы для использования на строительстве дорог. В процессе работы значительная часть несомненно сгинет естественным образом. Оставшиеся, то есть те, кто способен выдержать все это, поскольку они, безусловно, будут представлять самую стойкую часть, должны подвергаться соответствующей обработке. Этих лиц, представляющих результат естественного отбора, следует рассматривать как исходный материал для возрождения еврейской популяции».

Другими словами, евреев из европейских стран следовало доставлять на оккупированный Восток, где надлежало уморить изнурительным трудом. Оставшиеся в живых попросту подлежали ликвидации. А как быть с миллионами евреев, проживавших на Востоке и уже находившихся, что называется, под рукой? Статс–секретарь д–р Йозеф Бюлер, представитель генерал–губернатора Польши, уже имел на этот счет готовое предложение. В Польше проживает почти 2,5 миллиона евреев, «представляющих большую опасность». Все они «либо носители болезней, либо спекулянты на «черном рынке», а главное — непригодны для работы». Каких–либо проблем с транспортировкой этих 2,5 миллиона душ не существует. Они уже на месте.

«У меня лишь одна просьба, — сказал д–р Бюлер в заключение, — решить еврейскую проблему на моей территории как можно скорее».

Добрый статс–секретарь выказал нетерпение, которое полностью разделяли высокопоставленные нацисты, включая Гитлера. Вплоть до конца 1942 года, когда было уже слишком поздно, ни один из них не сознавал, насколько ценными для рейха могли оказаться евреи как подневольная рабочая сила. Сейчас они понимали только одно — чтобы замучить до смерти каторжной работой на дорогах России миллионы евреев, потребуется немало времени. Вследствие этого еще задолго до того, как эти несчастные начали бы умирать от изнурительного труда, Гитлер и Гиммлер решили отправить их в мир иной более быстрым способом.

В принципе имелось только два способа. Один из них, как мы уже убедились, начал применяться после вторжения в Россию. Это — массовое уничтожение польских и русских евреев автомобильными командами по уничтожению из состава отрядов спецакций, на счету которых более 0,75 миллиона жертв. Именно этот способ имел в виду Гиммлер, обращаясь с речью к эсэсовским генералам в Познани 4 октября 1943 года:

«Я хочу также говорить с вами совершенно откровенно по весьма неприятному вопросу. Между собой мы можем называть все своими именами, однако публично никогда не следует высказываться на этот счет. Я имею в виду… истребление еврейской расы… Большинство из вас должны знать, что это означает, когда рядами один к одному лежат 100 трупов, или 500, или 1000. Выдержать все это до конца и остаться при этом порядочными людьми за некоторыми исключениями, что называется подчас человеческой слабостью, — вот что делает нас твердыми. Это страница славы в нашей истории, которая никогда не была и не будет написана…»

Несомненно, очкастый фюрер СС, который чуть не упал в обморок при виде сотни восточных евреев, в том числе женщин, расстрелянных ради его же любопытства, мог бы при желании увидеть еще более славную страницу германской истории, взирая на то, как старательно работают офицеры СС у газовых камер в лагерях уничтожения. Ибо здесь, в этих лагерях смерти «окончательное решение» увенчалось омерзительным успехом.

Лагеря смерти

Все тридцать с лишним главных нацистских концлагерей были по существу лагерями

смерти, где погибли от пыток и голода миллионы узников[184]. Хотя лагерное начальство вело свой учет (каждый лагерь имел свою официальную «тотенбух» — книгу смерти), записи были неполны, а во многих случаях книги уничтожались при приближении наступавших союзников. Часть одной из книг смерти, уцелевшая в Маутхаузене, включала записи о 35 318 умерших с января 1939 по апрель 1945 года[185]. В конце 1942 года, когда потребность в подневольной рабочей силе возросла, Гиммлер приказал сократить темпы умерщвления в концлагерях. Ввиду нехватки рабочей силы он выразил недовольство представленным в его управление докладом, в котором сообщалось, что из 136 700 заключенных, доставленных в концлагеря за период с июня по ноябрь 1942 года, умерло 70 610, было казнено 9267, а «перемещены», то есть отправлены в газовые камеры, 27 846 человек. Таким образом, рабочей силы оставалось не так уж много.

Такая картина наблюдалась в лагерях смерти, где был достигнут наибольший «успех» в выполнении «окончательного решения». Крупнейшим и наиболее известным был лагерь в Освенциме, пропускная способность которого (четыре огромные газовые камеры и прилегающие крематории) намного превосходила пропускную способность других лагерей — в Треблинке, Белжеце, Собибуре и Хелмно, располагавшихся на территории Польши. Имелись и другие, менее обширные лагеря смерти под Ригой, Вильно, Минском, Каунасом и Львовом, однако от остальных они отличались тем, что здесь главным образом расстреливали, а не удушали газом.

В течение некоторого времени между главарями СС существовало довольно сильное соперничество в поисках наиболее быстродействующего газа для истребления евреев. Быстрота действий была важным фактором, особенно в Освенциме, где к концу войны был установлен своеобразный рекорд — 6 тысяч жертв в день. Начальником лагеря в течение некоторого времени был Рудольф Хесс, бывший уголовник, признанный в свое время виновным в убийстве. В Нюрнберге он дал под присягой показания, что газ, которым он пользовался, был наиболее эффективным[186].

«Окончательное решение» еврейского вопроса означало поголовное истребление евреев в Европе. В июне 1941 года я получил приказ установить в Аушвице оборудование для их истребления. К этому времени в Польском генерал–губернаторстве уже действовали три лагеря истребления: Белжец, Треблинка и Вользек…

Я прибыл в Треблинку, чтобы изучить на месте, как осуществлялось истребление заключенных. Начальник лагеря сообщил мне, что за полгода он ликвидировал 80 тысяч человек. Его основной обязанностью была ликвидация всех евреев из Варшавского гетто[187].

---

[184] Когон приводит цифру 7 миллионов 125 тысяч погибших из 7 миллионов 820 тысяч заключенных, однако она несомненно завышена (см. Когон. Теория и практика ада, с. 227). — Прим. авт.

[185] Начальник лагеря Франц Цирайс приводит цифру 65 тысяч погибших. — Прим. авт.

[186] Хесс родился в 1900 году в семье мелкого лавочника в Баден–Бадене. Его отец, набожный католик, настаивал на том, чтобы сын стал священником. Вместо этого Хесс в 1922 году вступил в нацистскую партию. В следующем году он принял участие в убийстве школьного учителя, который якобы осуждал Лео Шлагетера, немецкого диверсанта в Руре, казненного французами и объявленного нацистами мучеником. Хесса приговорили к пожизненному заключению.

В 1928 году он был освобожден по общей амнистии, два года спустя поступил на службу в СС, а в 1934 году стал служить в отряде СС «Мертвая голова», основным назначением которого была охрана концлагерей. Его первым местом службы стал Дахау. Таким образом, почти всю свою сознательную жизнь он был заключенным либо тюремщиком. Он давал откровенные показания следствию на Нюрнбергском процессе и даже преувеличивал свои «заслуги» в убийствах. Переданный позднее польским властям, он был приговорен к смерти и 17 марта 1947 года повешен в Освенциме, где совершил тягчайшие преступления. — Прим. авт.

[187] Задача, которая, как мы убедимся далее, не могла быть решена вплоть до 1943 года ввиду большого числа заключенных, а впоследствии — из–за вооруженного сопротивления. — Прим. авт.

Он использовал угарный газ, и его метод показался мне малоэффективным. Поэтому когда я оборудовал здание для истребления в Аушвице, то приспособил его для использования газа циклон В, который представлял собой кристаллическую синильную кислоту. Мы сбрасывали ее в газовую камеру через небольшое отверстие. Чтобы удушить всех, находившихся в камере, было достаточно от трех до пятнадцати минут в зависимости от климатических условий.

Мы определяли, что люди мертвы, по прекращавшимся крикам. Потом мы выжидали примерно полчаса, прежде чем открыть двери камеры и выгрузить трупы. Затем солдаты отряда спецакций снимали кольца и другие драгоценности, вырывали изо рта умерших золотые коронки.

Другим усовершенствованием, сделанным нами, было строительство газовых камер с разовой пропускной способностью 2 тысячи человек, в то время как в десяти газовых камерах Треблинки можно было истреблять за один раз по 200 человек в каждой».

Затем Хесс объяснил, каким образом производился отбор жертв, предназначенных для газовых камер, поскольку не всех поступающих заключенных приканчивали сразу. Объяснялось это тем, что часть из них требовалась для работы на химических заводах «И. Г. Фарбен индустри» и на предприятиях Крупна. Там они работали до полного истощения, а затем подлежали «окончательному решению».

«В Аушвице у нас было два врача–эсэсовца, которые обследовали поступающих эшелонами заключенных. Их заставляли проходить друг за другом в затылок мимо врачей, один из которых тут же решал, кто годен для работы. Отобранных отправляли в лагерь. Остальных немедленно направляли в газовые камеры. Детей младшего возраста неизменно уничтожали».

Герр Хесс неустанно вносил усовершенствования в искусство массовых убийств.

«И еще одно усовершенствование, дававшее нам преимущество перед Треблинкой, состояло в том, что жертвы Треблинки почти всегда знали, что их ждет смерть, в то время как в Аушвице мы стремились их одурачить, внушая, что они будут подвергнуты дезинфекции, пройдут через «вошебойки». Конечно, они нередко распознавали наши подлинные намерения, и тогда вспыхивали бунты, возникали осложнения. Зачастую женщины прятали своих детей под одеждой. И когда мы их обнаруживали, то тотчас же отправляли в газовые камеры.

От нас требовали проводить операции по уничтожению втайне, но отвратительная тошнотворная вонь от постоянно сжигаемых тел пропитала весь район, и жители окрестных селений, конечно, знали, что в Аушвице проводится массовое уничтожение людей».

Хесс разъяснял, что иногда отбирали несколько пленных — очевидно, из числа русских военнопленных — и убивали их посредством инъекций бензина. «Наши врачи, — добавляет он, — имели приказ выписывать обычные свидетельства о смерти и указывать в них любую причину смерти»[188].

К откровенным описаниям Хесса можно добавить лаконичную и вместе с тем всеобъемлющую картину истребления людей и ликвидации трупов в Освенциме, нарисованную в показаниях оставшихся в живых узников и самих тюремщиков… Отбор, который определял, кто из евреев направляется на работы, а кто прямо в газовые камеры, происходил на железнодорожной станции, сразу после выгрузки заключенных из вагонов, в которых они ехали взаперти, без воды и пищи часто целую неделю, так как многие доставлялись из столь отдаленных мест, как Франция, Голландия, Греция. Хотя по прибытии

---

[188] Обычно записывали: «Сердечное заболевание». Примеры приводит сам Когон, проработавший в Бухенвальде восемь лет: «…Пациент скончался после продолжительной болезни такого–то числа, во столько–то часов. Причина смерти: сердечная недостаточность, осложненная пневмонией» (Когон. Теория и практика ада, с. 218). Когда началось массовое истребление узников в газовых камерах, подобные формальности в Освенциме уже не соблюдались. Зачастую даже не подсчитывали умерших за день. — Прим. авт.

и происходили душераздирающие сцены насильственного разлучения жен и мужей, детей и родителей, никто из узников, как свидетельствовал Хесс и подтверждали оставшиеся в живых, не подозревал, что их ждет впереди. Ведь некоторым из них вручали красивые открытки с видами Вальдзе, которые оставалось только подписать и отправить домой родственникам. Заранее напечатанный на открытке текст гласил:

«Мы тут хорошо устроились, получили работу, и с нами хорошо обращаются. Ждем вашего приезда».

Сами по себе газовые камеры и примыкающие к ним крематории, если смотреть на них вблизи, отнюдь не производили зловещего впечатления. Было невозможно определить, каково предназначение этих зданий в действительности. Вокруг них были хорошо ухоженные газоны и цветочные клумбы. Надписи при входе гласили: «Бани». Ничего не подозревавшие евреи считали, что их просто ведут в баню, чтобы избавить от вшей — распространенного явления во всех лагерях. И все это сопровождалось приятной музыкой!

Это была легкая музыка. Оркестр из молодых симпатичных девушек, одетых в белые блузки и темно–синие юбки, как вспоминал один из оставшихся в живых, был набран из узниц. Пока шел отбор кандидатов в газовые камеры, этот единственный в своем роде музыкальный ансамбль наигрывал бравурные мелодии из «Веселой вдовы» и «Сказок Гофмана». Ничего торжественного и мрачного из Бетховена. Похоронным маршем в Освенциме служили бодрые, веселые мелодии из венских и парижских оперетт.

Под эту музыку, вспоминая счастливые и более беззаботные времена, мужчины, женщины и дети направлялись в банные корпуса, где им предлагалось раздеться, перед тем как принять «душ». Иногда даже выдавали полотенца. Оказавшись в «душевой», они, пожалуй, впервые начинали подозревать, что здесь что–то не так. Помещение было набито людьми, как бочки селедкой, что не позволяло принять душ, при этом массивную дверь осторожно прикрывали, запирали на замок и герметизировали. Наверху, где ухоженные газоны и клумбы почти скрывали грибовидные конуса над вентиляционными трубами, сообщавшимися с газовыми камерами, стояли стражники, готовые в любой момент высыпать в них цианистый водород, или циклон В в виде кристаллов сине–фиолетового цвета. Первоначально это вещество вырабатывалось в качестве сильного дезинфицирующего средства. Как мы убедились, герр Хесс нашел для него новое применение, чем очень гордился.

Узники из соседних блоков наблюдали за происходившим и за тем, как сержант Молль подавал стражникам сигнал высыпать кристаллы в вентиляционные трубы. «Прекрасно! — восклицал он. — А теперь дайте им чего–нибудь пожевать». И он громко хохотал. Кристаллы в этот момент ссыпались в отверстия, которые затем плотно закрывались.

Все, что происходило внутри, палачи могли наблюдать через закрытые толстыми стеклами смотровые щели. Обнаженные узники тем временем поглядывали наверх в ожидании душа, которого не было, или под ноги, удивляясь отсутствию дренажных отверстий. Прежде чем газ начинал активно действовать, проходило некоторое время. И тут они понимали, что через отверстия в вентиляционных трубах поступает газ. Именно в этот момент обычно начиналась паника. Давя друг друга, люди стремились уйти подальше от труб, жались к огромной металлической двери, а затем, по словам Рейтлингера, «вдруг начинали лезть друг на друга, создавая нечто вроде синеватой, липкой, забрызганной кровью пирамиды, терзая и калеча друг друга, даже потеряв сознание».

Спустя двадцать — тридцать минут, когда огромная масса обнаженных тел переставала корчиться, вступали в действие насосы, откачивавшие отравленный воздух, открывалась большая дверь, и служащие зондеркоманды приступали к делу. Это были евреи из числа узников, которым была обещана жизнь и достаточное питание за выполнение самой ужасной работы, какую только можно представить[189]. Надев противогазы и резиновые сапоги, взяв

---

[189] Их регулярно отправляли в газовые камеры и заменяли новыми командами, которых ожидала та же участь. Так СС избавлялась от свидетелей, которые могли рассказать правду. — Прим. авт.

шланги, они приступали к работе. Рейтлингер так описал это:

«Их первой задачей было смыть кровь и дефекации, прежде чем начать растаскивать с помощью крюков и багров сцепленные тела. Эта процедура была прелюдией к омерзительной охоте за золотом, к удалению зубов и волос, которые немцы считали стратегическими материалами. Затем наступало время совершать путешествия в подъемнике или вагонетках к печам крематория, потом к мельницам, перемалывавшим клинкер в мелкий пепел, после чего его засыпали в грузовики и сбрасывали в реку»[190].

Как свидетельствуют документы, между немецкими предпринимателями шла активная борьба за контракты на строительство сооружений для истребления и кремации, а также на поставку смертоносных сине–фиолетовых кристаллов. Фирма «Топф и сыновья» из Эрфурта, специализировавшаяся на поставке отопительной аппаратуры, выиграла контракт на строительство крематориев в Освенциме. Обширная переписка по поводу этой сделки была обнаружена среди бумаг лагерного начальства. Письмо фирмы от 12 февраля 1943 года является на сей счет достоверным свидетельством.

В Центральное строительное управление службы СС и полиции г. Аушвиц

Содержание: О строительстве крематориев 2 и 3 для лагеря. Мы подтверждаем получение вашего заказа на пять тройных печей, включая два электрических подъемника для поднятия трупов и один запасной подъемник. Заказ включает также установку для загрузки угля и устройство для транспортировки пепла.

Однако «Топф и сыновья» была не единственной фирмой, принимавшей участие в этом грязном деле. Названия двух других вместе с их перепиской неожиданно всплыли на Нюрнбергском процессе. За контракт на создание устройств для сжигания трупов в других лагерях конкурировали также ряд немецких фирм. Так, предприятие «Заводы Дидье» в Берлине боролось за контракт на строительство объекта для сжигания трупов в нацистском лагере в Белграде, заявив, что установка будет давать превосходную продукцию.

Для подачи трупов в печь мы предлагаем простую металлическую вилку, передвигающуюся с помощью поршней.

Каждая печь будет иметь рабочую камеру размером 24 X 18 дюймов, поскольку гробы использоваться не будут. Для транспортировки трупов из места их сосредоточения к печам мы предлагаем использовать легкие колесные тележки. Схема работы установки, выполненная в масштабе, прилагается.

Фирма «С. Н. Кори» также претендовала на строительство печей в Белграде, рекламируя свой большой опыт в этой области, поскольку она уже соорудила четыре печи для Дахау и пять для Люблина, которые, как она подчеркивала, «полностью удовлетворили» заказчика.

Ссылаясь на наши устные переговоры относительно поставки оборудования упрощенной конструкции для сжигания трупов, мы настоящим представляем чертеж наших усовершенствованных кремационных печей, действующих на угле, которые до сих пор полностью удовлетворяли заказчиков.

Для намечаемого сооружения мы предлагаем две кремационные печи, в то же время мы рекомендуем вам уточнить свой заказ, чтобы быть в полной уверенности, что для ваших потребностей будет достаточно двух печей.

Эффективность действия кремационных печей, равно как и их надежность и долговечность, не подлежит сомнению, поскольку гарантируется безупречное исполнение работ и использование наилучших материалов.

---

[190] В свидетельских показаниях на Нюрнбергском процессе отмечалось, что иногда пепел продавали в качестве удобрения. Одна данцигская фирма, согласно документам, представленным советским обвинением, изготовила котел с электрическим подогревом для производства мыла из человеческого жира. Его рецепт включал «12 фунтов человеческого жира, 10 кварт воды и от 8 унций до фунта каустической соды… — все кипятилось в течение 2–3 часов и затем охлаждалось». — Прим. авт.

В ожидании вашего ответа остаюсь готовый к услугам С. Н. Кори.

Хайль Гитлер!

Но в конце концов даже напряженных усилий немецкого свободного предпринимательства, использовавшего наилучшие материалы и гарантировавшего безупречное исполнение работ, оказалось недостаточно, чтобы удовлетворить потребности. Число построенных крематориев в целом ряде лагерей отставало от числа заказанных. Особенно остро их нехватка ощущалась в Освенциме, где в 1944 году требовалось сжигать в день по 6 тысяч тел (Хесс утверждал, что 16 тысяч). Например, за 46 дней лета 1944 года только венгерских евреев было здесь предано смерти примерно 250–300 тысяч человек. Не справлялись даже газовые камеры. И тогда прибегли к массовым расстрелам в стиле отрядов спецакций. Трупы расстрелянных сбрасывали во рвы и там сжигали, причем большинство трупов обгорали лишь частично, а затем бульдозеры ровняли рвы с землей. Начальники лагерей жаловались в конце войны, что крематории оказались не только недостаточным средством, но и «неэкономичным».

Кристаллы циклона В, убивавшие узников, в первую очередь поставлялись двумя немецкими фирмами, которые получили патент на их производство у концерна «И. Г. Фарбен индустри». Это были фирмы «Теш и Штабенов» в Гамбурге и «Дегеш» в Дессау. Первая поставляла 2 тонны кристаллического цианистого водорода в месяц, вторая — 0,75 тонны. Наряды на доставку неожиданно всплыли в Нюрнберге.

Директора обеих фирм утверждали: они продавали свою продукцию только для целей дезинфекции и даже не представляли, что ее возможно использовать для убийства. Но эта уловка не сработала. Были обнаружены письма, отправленные фирмой «Теш и Штабенов» с предложением поставлять не только упомянутые кристаллы, но и вентиляционное и нагревательное оборудование для газовых камер. Кроме того, несравненный Хесс, начав давать показания, превзошел самого себя, признавшись, что директора компании не могли не знать, как использовалась их продукция, поскольку они поставили ее (по заявке Хесса) столько, что хватило бы для истребления 2 миллионов человек. Английский военный суд убедился в этом в ходе процесса над двумя партнерами — Бруно Тешем и Карлом Вайнбахером, которые в 1946 году были приговорены к смерти и повешены. Директор второй фирмы д–р Герхард Петере фон Дегеш из Дессау, можно сказать, легко отделался. Немецкий суд приговорил его к пяти годам заключения.

После войны, до начала судебных процессов в Германии, все поголовно верили, что массовые убийства — дело рук в общем–то нескольких фанатичных главарей СС. Но протоколы судебных заседаний не оставляют и тени сомнения в соучастии в них ряда немецких промышленников, причем не только Крупна и директоров химического треста «И. Г. Фарбен индустри», но и предпринимателей меньшего калибра, которые внешне, вероятно, казались ничем не примечательными отцами семейств и добропорядочными слугами общества.

Сколько же всего несчастных, ни в чем не повинных людей, в большинстве своем евреев, а также русских военнопленных, было уничтожено в одном только Освенциме! Общее число установить невозможно. Сам Хесс в своих показаниях назвал цифру порядка «2 миллиона 500 тысяч расстрелянных, удушенных газом и сожженных и еще по меньшей мере 0,5 миллиона погибших от голода и болезней, что в сумме составляет около 3 миллионов человек». Позднее в ходе суда над ним в Варшаве он уменьшил эту цифру до 1 миллиона 135 тысяч человек. Советское правительство, которое провело тщательное расследование злодеяний в Освенциме после того, как в январе 1945 года его захватила Красная Армия, приводит цифру 4 миллиона человек. Рейтлингер, основываясь на собственных тщательных подсчетах, ставит под сомнение даже цифру 0,75 миллиона истребленных в газовых камерах». По его данным, в газовых камерах погибло 600 тысяч человек, к которым добавляется еще «неопределенная часть пропавших без вести», порядка 300 тысяч человек, которые либо были расстреляны, либо умерли от голода и болезней. По любым подсчетам число это весьма внушительно.

Трупы сжигали, но золотые коронки на зубах сохранялись и, как правило, извлекались из пепла, если их не успевали присвоить солдаты специальных подразделений, перебиравшие горы трупов[191]. Золото переплавлялось в слитки и вместе с другими ценностями, отобранными у обреченных евреев, направлялось в рейхсбанк в соответствии с секретным соглашением между Гиммлером и президентом банка и заносилось на счет СС под шифром «Макс Хейлигер». Помимо золота, сорванного с зубов, из лагерей смерти поступали золотые часы, серьги, браслеты, кольца, ожерелья и даже оправы от очков, поскольку евреям рекомендовалось «при переселении на новое место жительства» забирать с собой все ценности. Были собраны также большие запасы ювелирных изделий, особенно бриллиантов и серебряной посуды, не говоря уже о толстых пачках банкнот.

Рейхсбанк был буквально переполнен поступлениями на счет под шифром «Макс Хейлигер». Подвалы Рейхсбанка были забиты «трофеями» еще в 1942 году, и его алчные директора стали искать возможности заложить их в муниципальные ломбарды, чтобы получить под них наличные. В одном из писем Рейхсбанка в берлинский муниципальный ломбард, датированном 15 сентября, упоминается «вторая партия поступлений». Начинается оно так: «Мы направляем вам следующие ценности с просьбой найти им наилучшее применение». Далее приводится длинный перечень ценностей по видам, в который включено: 154 пары золотых часов, 1601 пара золотых серег, 132 бриллиантовых кольца, 784 пары серебряных карманных часов и 160 различных зубных протезов, частично изготовленных из золота. К началу 1944 года берлинский ломбард был переполнен поступающими сплошным потоком краденными вещами и поэтому информировал рейхсбанк о том, что принимать ценности далее не в состоянии. Когда союзники одержали победу над Германией, они обнаружили в некоторых заброшенных соляных шахтах, где нацисты спрятали часть своих документов, и «трофеи», в том числе хранившиеся на счету под шифром «Макс Хейлигер». Количество их позволило заполнить три больших сейфа во франкфуртском филиале Рейхсбанка.

Знали ли банкиры об источниках этих уникальных вкладов? Директор управления драгоценных металлов Рейхсбанка показал в Нюрнберге, что и он и его служащие обратили внимание на то, что многие партии золота поступали из Люблина и Освенцима.

«Мы все знали, что это были места расположения концлагерей. Лишь в десятой партии, поступившей в ноябре 1943 года, впервые появилось золото, снятое с зубов. Количество такого золота становилось необычайно большим».

На Нюрнбергском процессе пресловутый Освальд Поль, начальник экономического отдела СС, который вел деловые операции для своего управления, подчеркивал, что д–р Функ, а также служащие и директора Рейхсбанка отлично знали происхождение вещей, которые они старались заложить в ломбард, чтобы получить под них деньги. Он довольно подробно описал «деловую сделку между Функом и СС относительно доставки в рейхсбанк ценностей, принадлежавших умершим евреям». Он припомнил разговор с вице–президентом банка д–ром Эмилем Полем.

«После этого разговора не осталось никаких сомнений, что предметы, которые поступали в рейхсбанк или которые предполагалось передать в рейхсбанк, принадлежали евреям, убитым в концлагерях. Такими предметами были перстни, часы, очки, золотые слитки, обручальные кольца, броши, булавки, золотые коронки и другие ценности».

Однажды, рассказывал Поль, после инспекционного обхода сейфов Рейхсбанка с осмотром ценностей, «принадлежавших умершим евреям», д–р Функ устроил для участников инспекции обед, во время которого случайно зашел разговор об уникальном по

---

[191] Иногда их срывали еще до того, как людей приканчивали. Из секретного доклада начальника минской тюрьмы выяснилось, что после того как он прибег к услугам еврейского дантиста, «у всех евреев были сняты или вырваны золотые мосты, коронки и пломбы. Это происходило обычно за час или за два до спецакции». Начальник тюрьмы отмечал, что из 516 немецких и русских евреев, казненных в его тюрьме в течение полутора месяцев весной 1943 года, у 336 были сняты золотые коронки и т. п. — Прим. авт.

своему характеру происхождении трофеев[192].

Конец варшавского гетто

Немало свидетелей рассказывали о той покорности, с которой очень многие евреи шли на смерть в нацистских газовых камерах или огромных котлованах, где группы спецакций расстреливали их. Но не все евреи соглашались подвергнуться истреблению так покорно. Весной 1943 года около 60 тысяч евреев забаррикадировались в варшавском гетто — все оставшиеся в живых из 400 тысяч человек, которые были согнаны сюда как скот еще в 1940 году, — и поднялись на борьбу против нацистских мучителей.

Пожалуй, никто не смог бы составить более отталкивающего и одновременно достоверного отчета о восстании в варшавском гетто, чем надменный эсэсовский офицер[193]. Этим эсэсовцем был Юрген Штроп, бригадефюрер СС и генерал–майор полиции. Его обстоятельный официальный доклад, в кожаном переплете, обильно иллюстрированный и отпечатанный на превосходной меловой бумаге, по счастью уцелел[194]. Он озаглавлен «Конец варшавского гетто».

В конце лета 1940 года, год спустя после захвата нацистами Польши, эсэсовцы арестовали почти 400 тысяч евреев и поместили их за высокой стеной, отделявшей от Варшавы район размерами примерно две с половиной мили в длину и миля в ширину, где некогда находилось средневековое гетто — место поселения евреев. Обычно в районе проживало 160 тысяч человек, теперь же там образовалось огромное скопище людей. Но это было не самой большой бедой. Генерал–гебернатор Франк отказался выделить продовольствие, необходимое для того, чтобы не дать умереть с голоду хотя бы половине из 400 тысяч человек, находившихся на грани жизни и смерти. Выходить за пределы ограды запрещалось под страхом смерти. Работать евреям было негде, за исключением нескольких предприятий по производству оружия, принадлежавших вермахту или ненасытным немецким предпринимателям, которые умели извлекать крупные барыши из эксплуатации подневольного труда. По меньшей мере 100 тысяч евреев пытались выжить, имея миску супа в день, зачастую приготовленного из соломы. Это была безнадежная борьба за жизнь.

Но население гетто не вымирало настолько быстро от голода и болезней, как хотелось Гиммлеру. Летом, 1942 года он приказал переселять всех евреев из варшавского гетто «по соображениям безопасности» в другое место. 22 июля началось великое «переселение». За период до 3 октября, согласно данным Штропа, были «переселены» 310 322 еврея. Точнее, они были перевезены в лагеря истребления, главным образом в Треблинку, где их направляли в газовые камеры.

И все же Гиммлер не был доволен. Когда он неожиданно приехал в Варшаву в январе 1943 года и обнаружил, что 60 тысяч евреев все еще живут в гетто, он приказал завершить «переселение» к 15 февраля. Но это оказалось трудной задачей. Суровая зима и потребности армии, которая потерпела крупное поражение под Сталинградом и последующее отступление которой на юге России требовало обеспечения транспортными средствами в первую очередь, помешали СС получить необходимый транспорт для выполнения

---

192 Д–р Функ был приговорен в Нюрнберге к пожизненному тюремному заключению. — Прим авт.

193 Документальная повесть Джона Херси о евреях гетто «Стена» представляет собой эпический рассказ о восстании. — Прим. авт.

194 Чего нельзя сказать о самом Штропе. После войны он был пойман и 22 марта 1947 года за расстрел заложников в Греции приговорен к смерти американским судом в Дахау. Затем его выдали Польше, где судили за массовые убийства евреев в варшавском гетто. Он вновь был приговорен к смерти и повешен на месте своих преступлений 8 сентября 1951 года. — Прим. авт.

«окончательного решения». Кроме того, как докладывал Штроп, евреи сопротивлялись полному истреблению «любыми возможными средствами». До весны нечего было и рассчитывать, что приказ Гиммлера будет выполнен. Было принято решение расчистить гетто в ходе специальной акции в течение трех дней. На деле для этого потребовалось четыре недели.

Депортация свыше 300 тысяч евреев позволила немцам уменьшить территорию огороженного стеной гетто. И после того, как 19 апреля 1943 года генерал СС Штроп бросил на них танки, артиллерию, огнеметы и взводы подрывников, размеры гетто составили уже 1000 на 300 ярдов (900 X 270 метров). Все постройки были изрешечены пулями, однако отчаянно сопротивлявшиеся евреи превратили в укрепленные пункты сточные колодцы, подвалы и погреба. У них было совсем мало оружия — несколько пистолетов и винтовок, дюжины две пулеметов, украденных у немцев, да самодельные гранаты. Но в то апрельское утро они были полны решимости применить их в первый и последний раз в истории третьего рейха против нацистских поработителей.

В распоряжении Штропа было 2090 человек, половину из которых составляли части регулярной армии и эсэсовские войска, остальные представляли собой отряды полиции СС, усиленной литовской милицией численностью 335 человек, а также немногочисленными польскими полицейскими и пожарными. С первого дня они натолкнулись на упорное сопротивление.

«Едва началась операция, — докладывал Штроп в первом из своих ежедневных донесений, — как мы столкнулись с сильным сосредоточенным огнем евреев и бандитов. На танк и два броневика обрушился град бутылок с зажигательной смесью… В результате этой контратаки противника мы были вынуждены отойти».

Немецкая атака возобновилась, но продвижения почти не было. «Около 17.30 мы встретили очень сильное сопротивление и пулеметный огонь со стороны группы зданий. Специально выделенная штурмовая группа нанесла поражение противнику, но не смогла захватить кого–либо из оказывавших сопротивление. Евреи и преступники вели огонь то из одного, то из другого подвала, а в последний момент скрывались… В первой атаке мы потеряли 12 человек».

И так продолжалось в течение нескольких дней. Плохо вооруженные защитники отступали только под огнем танков, артиллерии и огнеметов, продолжая оказывать сопротивление. Генерал Штроп не мог понять, почему «это отребье и человеческие отбросы», как он называл осажденных евреев, не сдавались.

«Через несколько дней, — докладывал он, — стало ясно, что евреи не имеют ни малейшего намерения переселяться добровольно, а полны решимости сопротивляться эвакуации и далее… Если в первые дни еще можно было захватить значительное число евреев, которые трусливы по натуре, то в ходе второй половины операции захватывать живьем бандитов и евреев становилось все труднее. Снова и снова создавали они боевые группы, насчитывавшие 20–30 еврейских мужчин, сопровождаемых таким же числом женщин, и упорная борьба вспыхивала вновь».

Некоторые женщины, отмечал Штроп, имели привычку «стрелять из пистолета, держа его обеими руками», а также прятать ручные гранаты в шароварах.

На пятый день сражения рассвирепевший от нетерпения Гиммлер приказал Штропу прочесать гетто «с максимальной жестокостью и неумолимой настойчивостью».

«Поэтому, — отмечает Штроп в своем итоговом отчете, — я решил уничтожить район еврейского гетто, сжигая каждый дом». И далее описывает последующие события:

«Евреи оставались в горящих домах до последней минуты, пока, опасаясь сгореть заживо, не выпрыгивали из окон верхних этажей. Даже переломав себе кости, они переползали через улицы в дома, еще не охваченные огнем… Несмотря на опасность сгореть заживо, евреи и бандиты часто предпочитали войти в огонь, чем быть схваченными».

Человеку, подобному Штропу, было просто невдомек, почему мужчины и женщины готовы скорее погибнуть в огне, чем спокойно умереть в газовых камерах. Ведь всех

захваченных, которых он не прикончил на месте, Штроп направлял в Треблинку. 25 апреля он сообщил по телетайпу в штаб СС, что всего захвачено 27 464 еврея.

«Я рассчитываю завтра получить эшелон на Т–2 (Треблинка). В противном случае ликвидация будет осуществлена на месте».

Ликвидация на месте практиковалась довольно часто.

На следующий день Штроп информировал начальство: «1330 евреев были выведены из подвалов и немедленно уничтожены; 362 еврея убиты в ходе боев». Лишь 30 захваченных в плен были «эвакуированы».

К концу восстания защитники гетто заняли оборону в канализационных сооружениях. Штроп пытался выгнать их оттуда, затопив основные сточные трубы, но евреям удалось перекрыть доступ воде.

Однажды немцы сбросили туда через 183 люка дымовые шашки, однако Штропу пришлось уныло докладывать, что они не «произвели желаемого эффекта».

В исходе сражения сомневаться не приходилось. В течение месяца загнанные в ловушку евреи сражались с отчаянной храбростью, хотя Штроп в одном из своих донесений жаловался на «коварные методы ведения боя и уловки, широко практиковавшиеся евреями и бандитами». К 26 апреля он доложил, что многие из осажденных «сходят с ума вследствие жары, дыма и взрывов».

«В течение дня еще несколько зданий были сожжены дотла. Это единственно эффективный метод, чтобы выгнать наружу это отребье».

Наступил последний день — 16 мая. К вечеру Штроп отправил последнее боевое донесение:

«Уничтожено 180 евреев, бандитов и ублюдков. Бывший еврейский квартал в Варшаве более не существует. Эта крупная операция завершилась в 20 часов 15 минут подрывом еврейской синагоги… Общее число евреев, подвергшихся акции, составило 56 065, включая как пойманных евреев, так и евреев, уничтожение которых может быть доказано».

Неделю спустя его попросили пояснить эту цифру. Вот что он ответил:

«Из общего числа 56 065 задержанных около 7 тысяч было уничтожено в бывшем гетто в ходе этой крупной операции. 6929 евреев было уничтожено в результате транспортировки в Треблинку. Таким образом, всего было истреблено 13 929 евреев. Помимо этого около шести тысяч евреев погибло при взрывах или в огне».

Арифметика генерала Штропа недостаточно надежна, поскольку в его подсчетах не отражена судьба еще 36 тысяч евреев. Но едва ли стоит сомневаться в том, что он не грешил против правды, когда писал в красиво переплетенном итоговом докладе, что захватил «в общей сложности 56 065 евреев, уничтожение которых можно доказать». Бесспорно, 36 тысяч человек прошли через газовые камеры.

Потери немцев, по отчетам Штропа, составили 16 убитых и 90 раненых. Возможно, истинные потери были значительно больше, если принять во внимание ожесточенный характер уличных боев, когда приходилось штурмом овладевать каждым домом, что сам генерал описал с такими страшными подробностями. Потери же были приуменьшены, дабы не задеть тонкую чувствительность Гиммлера. Германские войска и полиция, заключал Штроп, «исполняли свой долг достойно, в духе полного единства и проявили себя как примерные солдаты». «Окончательное решение» продолжалось до конца войны. Сколько евреев погибло в ходе его? Число погибших часто вызывало споры. Согласно показаниям двух эсэсовцев в Нюрнберге, которые ссылались на данные ведущего нацистского эксперта в этом вопросе — шефа отдела гестапо по делам евреев Карла Эйхмана, приводившего в исполнение «окончательное решение» под указующим перстом Гейдриха[195], инициатора

---

[195] Эйхман, по свидетельству одного из приспешников, заявил незадолго до падения третьего рейха, что с восторгом прыгнет в могилу, если на его совести действительно пять миллионов уничтоженных евреев. «Сознание этого будет служить для меня источником огромного удовлетворения», — бахвалился палач. В действительности же ему удалось скрыться из американского лагеря для интернированных лиц в 1945 году. Только после выхода в свет первого издания этой книги он был арестован в Южной Америке, вывезен в

идеи, общее число жертв составляет примерно 5–6 миллионов человек. Цифра, приведенная в обвинительном заключении в Нюрнберге, составляет 5 миллионов 700 тысяч человек. Она также подтверждается подсчетами, произведенными Всемирным еврейским конгрессом. В своем обстоятельном анализе акции «окончательное решение» Рейтлингер пришел к выводу, что действительная цифра несколько меньше и составляет примерно 4 194 200–4 581 200 человек.

В 1939 году на территории, впоследствии оккупированной гитлеровскими войсками, проживало 10 миллионов евреев. По любым оценкам совершенно очевидно, что почти половина из них была уничтожена немцами. Такова страшная расплата за то затмение, которое овладело сознанием нацистского диктатора в дни его беспризорной юности в Вене и которое он передал столь многим своим последователям в Германии.

Медицинские эксперименты

В период недолго просуществовавшего в Европе «нового порядка» немцы совершили деяния, порожденные скорее обыкновенным садизмом, нежели жаждой массовых убийств. Только для психиатра существует, пожалуй, разница между этими двумя пагубными страстями, хотя конечный результат в первом случае отличался от второго лишь масштабами уничтожения людей.

Медицинские эксперименты нацистов как раз и являются примером такого садизма, поскольку использование заключенных концлагерей и военнопленных в качестве подопытных животных едва ли обогатило науку. Эти ужасные деяния, которыми не может гордиться немецкая медицина. И хотя проводили «эксперименты» что–то около 200 шарлатанствующих живодеров, часть из которых занимали весьма ответственное положение в медицинских кругах, их преступная деятельность была известна тысячам ведущих медиков рейха, но ни один, как об этом свидетельствуют документы, не выразил открыто хотя бы малейшего протеста[196].

Евреи были не единственными жертвами убийств подобного рода. Нацистские врачи проводили опыты над русскими военнопленными, над узниками концлагерей, над мужчинами и женщинами, даже над немцами. «Эксперименты» были весьма разнообразными. Испытуемых помещали в барокамеры и проверяли на них высотные режимы до тех пор пока у них не останавливалось дыхание. Им впрыскивали смертельные дозы микробов тифа и гепатита. Над ними проводили опыты «по замораживанию» в ледяной воде или выводили обнаженными на мороз, пока они не замерзали. На них испытывалось действие отравленных пуль, а также иприта. В концлагере для женщин Равенсбрюк сотням польских девушек — «подопытных крольчих», как их называли, — умышленно наносили раны и доводили до гангрены, на других же проводили «эксперименты» по пересадке костей. В Дахау и Бухенвальде отбирали цыган и проверяли на них, сколько и каким образом может прожить человек, питаясь соленой водой. Во многих лагерях широко проводились опыты по стерилизации мужчин и женщин, поскольку, как писал Гиммлеру эсэсовский терапевт д–р Адольф Покорны, «врага необходимо не только победить, но и искоренить». В тех случаях, когда его не нужно убивать, — а потребность в рабочей силе, как уже мы имели

Израиль, предан там суду за военные преступления и казнен в 1963 году. — Прим. авт.

[196] В том числе и самый известный в Германии хирург д–р Фердинанд Зауэрбрух, хотя позднее он стал антифашистом и сотрудничал с силами Сопротивления. В мае 1943 года Зауэрбрух присутствовал в берлинской военно–медицинской академии на лекции, прочитанной двумя отъявленными врачами–убийцами — Карлом Гебхардтом и Фрицем Фишером об экспериментах по провоцированию газовой гангрены у пленных. Единственным возражением Зауэрбруха на этой лекции было замечание, что «хирургия лучше сульфаниламида». Профессор Гебхардт был приговорен к смерти на известном «Процессе врачей» и повешен 2 июня 1948 года. Д–р Фишер был приговорен к пожизненному заключению. — Прим. авт.

возможность убедиться, к концу войны ставила под вопрос целесообразность уничтожения людей — его следует «лишить возможности воспроизводить себя». В сущности, как сообщал Гиммлеру д–р Покорны, ему удалось найти подходящие средства для этой цели — растение Caladium seguinum, которое, по его словам, обеспечивало длительную стерильность.

«Сама по себе мысль о том, — писал добрый доктор фюреру СС, — что три миллиона большевиков, находящихся сейчас в немецком плену, могут быть стерилизованы и в то же время будут пригодны для работы, открывает далеко идущие перспективы».

Еще одним немецким доктором, открывшим «далеко идущие перспективы», был профессор Август Хирт, руководитель Института анатомии при Страсбургском университете. Область его интересов несколько отличалась от предметов исследования его коллег, о чем он поведал адъютанту Гиммлера генерал–лейтенанту войск СС Рудольфу Брандту в письме, написанном в канун рождества 1941 года:

«В нашем распоряжении находится большая коллекция черепов почти всех рас и народов. Однако мы располагаем лишь очень небольшим числом черепов еврейской расы… Война на Востоке представляет нам благоприятную возможность восполнить этот пробел. С получением черепов еврейско–большевистских комиссаров, которые представляют собой прототип наиболее отталкивающих, но характерных человекоподобных существ, мы получим возможность обрести необходимый научный материал».

Профессор Хирт не имел в виду черепа «еврейско–большевистских комиссаров», так сказать, уже препарированные. Он предлагал вначале измерить черепа у живых. Затем, после умерщвления еврея — при этом голова не должна быть повреждена — врач отделит ее от туловища и поместит в герметически закрытом контейнере. После этого д–р Хирт приступит к дальнейшим научным исследованиям. Гиммлер был очень доволен. Он дал указание обеспечить профессора Хирта всем необходимым для исследовательской работы. И его обеспечили. Ответственным поставщиком «научного материала» являлся довольно примечательный нацист по имени Вольфрам Сивере, который неоднократно выступал в качестве свидетеля на основном процессе в Нюрнберге, а затем в качестве обвиняемого[197] на «Процессе врачей». Бывший книготорговец Сивере дослужился до чина полковника войск СС и секретаря–исполнителя в Институте исследований наследственности, одном из нелепых «культурных» учреждений, созданных Гиммлером для исследований в сфере его многочисленных безумных идей. По показаниям Сиверса, там имелось 50 научных учреждений, одно из которых именовалось Институтом военно–научных изысканий, и возглавлял его все тот же Сивере. Это был человек чем–то похожий на Мефистофеля, с хитрым прищуром глаз и густой иссиня–черной бородой. В Нюрнберге его окрестили нацистской Синей Бородой по сходству с известным персонажем. Подобно многим другим участникам этой истории, он вел обстоятельный дневник, который, как и его переписка, сохранился и помог ему покончить жизнь на виселице.

К июню 1943 года Сиверсу удалось отобрать в Освенциме мужчин и женщин, скелеты которых должны были послужить впоследствии «для научных обмеров», проводимых д–ром Хиртом, профессором Страсбургского университета. «Всего, докладывал Сивере, — подверглись обработке 115 человек, включая 79 евреев, 30 евреек, 4 азиатов и 2 поляков». Одновременно он дал заявку в главное управление СС в Берлине на транспортировку отобранных «для обработки» из Освенцима в концлагерь Натцвейлер, близ Страсбурга. В ходе перекрестного допроса в Нюрнберге английский прокурор спросил, что означает слово «обработка».

 Антропологические измерения, — ответил Сивере.

 То есть, прежде чем их убивали, проводился антропологический обмер? И это все, для чего они требовались, не так ли?

 Затем делались слепки, — добавил Сивере.

---

[197] Он был приговорен к смертной казни и повешен. — Прим. авт.

О том, что следовало далее, рассказал капитан войск СС Йозеф Крамер, убийца с большим опытом, приобретенным в Освенциме, Маутхаузене, Дахау и других концлагерях. Заслужив недолговечную славу Бельзенского Зверя, он был впоследствии приговорен английским судом в Люнебурге к смертной казни.

«Профессор Хирт из Страсбургского института анатомии известил меня об эшелоне заключенных, следующем из Аушвица. Он сообщил, что они будут умерщвлены в газовых камерах концлагеря Натцвейлер. После этого тела будут доставлены в институт анатомии в его распоряжение. Он передал мне пол–литровую бутылку, заполненную примерно наполовину какими–то кристаллами (думаю, это были соли цианида), и объяснил примерную дозировку, которую надлежит применять для отравления прибывающих из Аушвица.

В начале августа 1943 года я принял 80 заключенных, которые подлежали умерщвлению с помощью кристаллов, переданных мне Хиртом. Однажны ночью на небольшой автомашине я повез к газовой камере примерно 15 человек — первую партию. Я сообщил женщинам, что для прохождения дезинфекции им нужно войти в камеру. Конечно, я не сказал, что там их отравят газом».

К этому времени нацисты уже усовершенствовали технологию отравления газом.

«При помощи нескольких солдат СС, — продолжал Крамер, — я заставил женщин раздеться донага и в таком виде затолкал их в газовую камеру.

Когда дверь захлопнулась, они начали кричать. Через небольшую трубу… я высыпал в камеру нужное количество кристаллов и стал наблюдать в смотровое отверстие за происходящим в камере. Женщины дышали примерно еще полминуты, затем попадали на пол. Потом, выключив вентиляцию, я открыл дверь и увидел безжизненные тела, испачканные экскрементами».

Капитан Крамер показал, что он несколько раз повторял эту процедуру, пока все 80 заключенных не были умерщвлены. После этого трупы были переданы профессору Хирту, как и требовалось. Допрашивавшие задали Крамеру вопрос, что он чувствовал в это время. Крамер дал ответ, который невозможно забыть и который проливает свет на явление, характерное для третьего рейха, но казавшееся непостижимым для нормального человека:

«У меня не было никаких чувств при выполнении этих акций, так как я получил приказ ликвидировать 80 заключенных только что изложенным мною способом.

Именно так, между прочим, я был обучен действовать».

Другой свидетель описал, что происходило далее. Его имя Анри Эрипьер (француз, работавший в качестве ассистента в институте анатомии, в лаборатории профессора Хирта, вплоть до вступления в Страсбург войск союзников).

«Первая партия, полученная нами, включала трупы 30 женщин… Тела были еще теплые. Глаза были открыты и блестели. Красные, налитые кровью, они вылезли из орбит. Следы крови были видны около носа и вокруг рта. Но никаких признаков трупного окоченения не наблюдалось».

Эрипьер заподозрил, что они были умерщвлены умышленно, и тайно записал их личные номера, вытатуированные на левой руке. Затем поступили еще две партии общим числом 56 трупов в точно таком же состоянии. Их заспиртовали под непосредственным руководством д–ра Хирта. Однако профессор проявлял признаки беспокойства в связи со всем этим делом. «Анри, — сказал он Эрипьеру, — если не сможешь держать язык за зубами, станешь одним из них». Тем не менее д–р Хирт продолжал руководить работой. Как свидетельствует переписка Сиверса, профессор отделял головы и, по его словам, собрал коллекцию черепов, никогда дотоле не существовавшую. Но вскоре возникли определенные трудности и, услышав о них из уст Хирта, ведь Сивере никогда не был специалистом в медицине, тем более в анатомии, шеф Института исследований наследственности доложил о них 5 сентября 1944 года Гиммлеру: «Ввиду широких масштабов научных исследований обработка трупов еще не завершена. Чтобы обработать еще 80 трупов, потребуется определенное время».

А время уходило. Наступавшие американские и французские войска приближались к

Страсбургу. Хирт запросил «указаний относительно судьбы коллекции».

«От трупов можно было бы отделить мягкие ткани, с тем чтобы исключить их опознавание, — докладывал Сивере в штаб от имени д–ра Хирта. — Однако это означает, что по крайней мере часть работы была проделана впустую и что эта уникальная коллекция утрачена для науки, поскольку сделать впоследствии гипсовые слепки будет невозможно.

Как таковая коллекция скелетов не привлечет к себе внимания. Можно объявить, что мягкие ткани были оставлены французами еще до того, как институт анатомии перешел в наши руки[198], и что они будут сожжены. Дайте мне, пожалуйста, рекомендации, к какому из трех вариантов следует прибегнуть: 1) Сохранить полностью всю коллекцию. 2) Частично разукомплектовать ее. 3) Полностью разукомплектовать коллекцию».

 Свидетель, скажите, зачем вы хотели отделить мягкие ткани? — задал вопрос английский обвинитель в притихшем судебном зале Нюрнберга. — Почему вы предлагали, чтобы вина пала на французов?

 Как неспециалист, я не мог иметь своего мнения в этом вопросе, ответил нацистская Синяя Борода, — я лишь передал запрос д–ра Хирта. Я не имел никакого отношения к убийству этих людей. Я выполнял роль почтальона.

 Вы работали как целое почтовое отделение, — прервал прокурор, — еще одно из этих столь известных нацистских почтовых отделений, не так ли?

Защита у этого нациста, как и у многих других на суде, была шита белыми нитками, и обвинение легко загнало его в угол.

Захваченные архивы СС позволили установить, что 26 октября 1944 года Сиверс докладывал: «Коллекция в Страсбурге полностью разукомплектована согласно полученной директиве. Это лучший выход, учитывая сложившуюся ситуацию».

Позднее Эрипьер описал попытку, правда не вполне удавшуюся, скрыть следы преступлений:

«В сентябре 1944 года, когда союзники стали наступать на Бельфор, Хирт приказал Бонгу и герру Мейеру расчленить трупы и сжечь в крематории… Я спросил у герра Мейера на следующий день, все ли тела он расчленил, однако герр Бонг ответил: «Мы не могли расчленить все тела, это слишком большая работа. Несколько трупов мы оставили в хранилище».

Когда месяц спустя части во главе с, французской 2–й бронетанковой дивизией, действовавшей в составе американской 7–й армии, вошли в Страсбург, эти трупы были обнаружены там союзниками[199].

Не только черепам, но и человеческой коже находили применение апологеты «нового порядка», хотя в последнем случае они уже не могли прикрыться служением науке. Кожа узников концлагерей, специально уничтожавшихся с этой дьявольской целью, имела всего лишь декоративную ценность. Из нее, как выяснилось, они изготовляли отличные абажуры, причем несколько штук были сделаны специально для фрау Ильзе Кох, жены коменданта концлагеря в Бухенвальде, прозванной узниками Бухенвальдской Сукой[200]. Татуированная

---

[198] Германия аннексировала Эльзас после падения Франции в 1940 году, и немцы захватили Страсбургский университет Прим авт.

[199] Профессор Хирт скрылся. Покидая Страсбург, он, как передают, похвалялся, что живым его взять никому не удастся. Видимо, он был прав, поскольку ни живым, ни мертвым обнаружить его не удалось. — Прим. авт.

[200] Фрау Кох, власть которой над жизнью и смертью заключенных была безгранична и любая причуда которой могла стоить заключенному страшного наказания, была приговорена на Бухенвальдском процессе к пожизненному заключению. Впоследствии, однако, срок ей был сокращен до четырех лет, а вскоре ее вообще выпустили на свободу. 15 января 1951 года она была приговорена немецким судом к пожизненному заключению за убийство. В годы войны за «эксцессы» ее муж был приговорен эсэсовским судом к смерти. Однако ему было предоставлено право выбора — смерть или служба на русском фронте. Но, прежде чем он

кожа пользовалась особым спросом. Об этом на Нюрнбергском процессе узник лагеря немец Андреас Пфаффенбергер дал под присягой следующие показания:

«…Всем заключенным, имевшим татуировку, было приказано явиться в амбулаторию… После осмотра, заключенных с наиболее художественной татуировкой умерщвляли посредством инъекций. Их трупы доставлялись в патологическое отделение, где от тела отделялись лоскуты татуированной кожи, подвергавшейся затем соответствующей обработке. Готовая продукция передавалась жене Коха, по указанию которой из кожи выкраивались абажуры и другие декоративные предметы домашней утвари».

На одном куске кожи, который, вероятно, произвел особо сильное впечатление на фрау Кох, имелась татуировка с надписью: «Гензель и Гретель».

В другом лагере, в Дахау, спрос на такую кожу часто превышал предложение. Лагерный узник, чешский врач д–р Франк Блаха, показал в Нюрнберге следующее:

«Иногда не хватало тел с хорошей кожей, и тогда д–р Рашер говорил: «Ничего, вы получите тела». На следующий день мы получали двадцать или тридцать тел молодых людей. Они были убиты выстрелом в голову или ударом по голове, но кожа оставалась неповрежденной… Кожа должна была поступать от здоровых людей и не иметь дефектов».

Судя по всему, именно д–р Зигмунд Рашер нес ответственность за наиболее садистские медицинские эксперименты. Этот отпетый шарлатан привлек внимание Гиммлера, одной из навязчивых идей которого было выведение все более полноценных поколений нордической расы, распространив в кругах СС слух о том, что фрау Рашер после сорока восьми лет родила троих детей, отличающихся более совершенными качествами с точки зрения расовой теории. В действительности же семейство Рашер попросту похищало детей из сиротских домов через соответствующие промежутки времени. Весной 1941 года д–ру Рашеру, посещавшему в то время специальные медицинские курсы в Мюнхене, организованные люфтваффе, неожиданно пришла в голову блестящая идея. 15 мая 1941 года он написал о ней Гиммлеру. К своему ужасу, д–р Рашер обнаружил, что опыты по исследованию воздействия больших высот на летчиков застряли на мертвой точке. «До настоящего времени невозможно было проводить эксперименты на людях, потому что они опасны для здоровья испытуемых, а добровольцев, готовых подвергнуться им, не находится, — писал «исследователь». — Не могли бы вы предоставить двух или трех профессиональных преступников… для участия в этих экспериментах. Опыты, в ходе которых они, вероятно, погибнут, будут проводиться при моем участии».

Через неделю эсэсовский фюрер ответил, что «заключенные, конечно, будут охотно предоставлены для проведения высотных экспериментов». Они были предоставлены, и д–р Рашер приступил к делу. О результатах можно судить по его собственным докладам и по отчетам других «экспериментаторов». Эти документы фигурировали на Нюрнбергском и последующих процессах, в частности над врачами СС.

Описание д–ром Рашером его изысканий может служить образцом псевдонаучного жаргона. Для проведения высотных экспериментов он организовал переброску барокамеры ВВС из Мюнхена прямо в концлагерь близ Дахау, где не было недостатка в человеческом материале, предназначенном на роль подопытных кроликов. Из новоизобретенного хитроумного устройства выкачивался воздух так, что моделировались условия отсутствия кислорода и низкое давление, характерные для больших высот. После этого д–р Рашер приступал к наблюдениям.

«Третий опыт проводился в условиях отсутствия кислорода, соответствующих высоте 29400 футов (8820 метров). Испытуемым был еврей 37 лет в хорошем физическом состоянии. Дыхание продолжалось в течение 30 минут. Через четыре минуты после начала испытуемый стал покрываться потом и крутить головой.

Пять минут спустя появились спазмы; между шестой и десятой минутами увеличилась

смог воспользоваться им, руководитель СС округа принц Вальдек добился его казни. В Бухенвальде погибла также принцесса Мафальда, дочь короля и королевы Италии, жена принца Филипа Гессенского. — Прим. авт.

частота дыхания, испытуемый стал терять сознание. С одиннадцатой по тридцатую минуту дыхание замедлилось до трех вдохов в минуту и полностью прекратилось к концу срока испытания… Спустя полчаса после прекращения дыхания началось вскрытие».

Австрийский заключенный Антон Пахолег, который работал в отделе д–ра Рашера, описал «эксперименты» менее научным языком:

«Я лично видел через смотровое окно барокамеры, как заключенные переносили вакуум, пока не происходил разрыв легких. Они сходили с ума, рвали на себе волосы, пытаясь уменьшить давление. Они расцарапывали себе голову и лицо ногтями и пытались искалечить себя в приступе безумия, бились головой о стены и кричали, стремясь ослабить давление на барабанные перепонки. Такие опыты завершались, как правило, смертью испытуемых».

Около 200 заключенных были подвергнуты этим опытам, прежде чем д–р Рашер завершил их. Из этого числа, как стало известно на «Процессе врачей», около 80 погибли на месте, остальные были ликвидированы несколько позднее, чтобы никто не мог рассказать о происходившем.

Закончилась эта программа «исследований» в мае 1942 года, когда фельдмаршал Эрхард Мильх из люфтваффе передал Гиммлеру благодарность Геринга за новаторские «эксперименты» д–ра Рашера. Некоторое время спустя, 10 октября 1942 года, генерал–лейтенант д–р Хиппке, инспектор авиационной медицины, выразил Гиммлеру от имени германской авиационной медицины и науки свою глубочайшую признательность за «эксперименты» в Дахау. Однако, на его взгляд, в них имелось одно упущение. Они не учитывали экстремально низкие температуры, в которых летчик действует на больших высотах. В целях исправления этого недостатка д–р Хиппке информировал Гиммлера, что ВВС приступили к сооружению барокамеры, оснащенной охладительной системой, способной воссоздавать холод на высотах вплоть до 100 тысяч футов (30 тысяч метров). Он добавил, что эксперименты в условиях низких температур по различным программам по–прежнему продолжаются в Дахау.

Они действительно продолжались. И снова под руководством д–ра Рашера. Однако некоторых его коллег–докторов одолевали сомнения: по–христиански ли поступает д–р Рашер? Ряд врачей люфтваффе стали всерьез задумываться на этот счет. Узнав об этом, Гиммлер пришел в бешенство и тут же направил фельдмаршалу Мильху негодующее послание, осуждая атмосферу трудностей, созданную «христианскими медицинскими кругами» в ВВС. При этом он просил начальника штаба ВВС освободить д–ра Рашера от работы в медицинской службе ВВС, с тем чтобы он мог трудиться в СС. Гиммлер предложил подыскать «врача нехристианина, достойного ученого», способного продолжить ценные изыскания д–ра Рашера. Одновременно Гиммлер подчеркнул, что он «берет на себя ответственность за направление в исследовательские центры ВВС асоциальных лиц и преступников из концлагерей, которые не заслуживают ничего, кроме смерти».

«Эксперименты по замораживанию», проводившиеся д–ром Раше–ром, были двух видов: первый — с целью выяснить, какой холод и сколько времени способен выдержать человек, прежде чем умрет; второй — с целью найти наилучшие способы отогрева еще живого человека, после того как он подвергся воздействию экстремально низких температур. Для замораживания людей использовались два способа: либо человека помещали в резервуар с ледяной водой, либо оставляли обнаженным на снегу на ночь в зимнее время. Рашер посылал многочисленные доклады Гиммлеру о своих «экспериментах по замораживанию и отогреву». Один или два примера дадут полное представление о них. Одним из самых первых оказался доклад, представленный 10 сентября 1942 года:

«Испытуемых погружали в воду в полном летном снаряжении… с капюшоном. Спасательные жилеты удерживали их на поверхности. Эксперименты проводились при температуре воды от 36,5 до 53,5 градуса по Фаренгейту (от 2,5 до 12 градусов Цельсия). В первой серии испытаний задняя часть щек и основание черепа находились под водой. Во второй — погружались задняя часть шеи и мозжечок. С помощью электрического

термометра была измерена температура в желудке и прямой кишке, составлявшая соответственно 79,5 градуса по Фаренгейту (27,5 градуса по Цельсию) и 79,7 градуса по Фаренгейту (27,6 градуса по Цельсию). Смерть наступала лишь в том случае, если продолговатый мозг и мозжечок были погружены в воду.

При вскрытии , после смерти в указанных условиях было установлено, что большая масса крови, до полулитра, скапливалась в черепной полости. В сердце регулярно обнаруживалось максимальное расширение правого желудочка. Испытуемые при подобных опытах неизбежно погибали, несмотря на все усилия по спасению, если температура тела падала до 82,5 градуса по Фаренгейту (28 градусов по Цельсию). Данные вскрытия со всей ясностью доказывают важность обогрева головы и необходимость защищать шею, что должно быть учтено при разработке губчатого защитного комбинезона, которая ведется в настоящее время».

Таблица, которую д–р Рашер приложил к своему отчету, составлена на основе шести «фатальных случаев» и отражает температуру воды, температуру тела при извлечении из воды, температуру тела в момент смерти, продолжительность пребывания в воде и время, прошедшее до наступления смерти. Самый крепкий человек оказался способен пробыть в ледяной воде в течение 100 минут, самый слабый — в течение 53.

Вальтер Нефф, лагерный узник, служивший санитаром при д–ре Рашере, дал показания на «Процессе врачей», в которых непрофессионально описал один из опытов по переохлаждению человека в ледяной воде:

«Это был самый худший из всех экспериментов, которые когда–либо проводились. Из тюремного барака привели двух русских офицеров. Рашер приказал раздеть их и сунуть в чан с ледяной водой. Хотя обычно испытуемые теряли сознание уже через шестьдесят минут, однако оба русских находились в полном сознании и по прошествии двух с половиной часов. Все просьбы к Рашеру усыпить их были тщетны. Примерно к концу третьего часа один из русских сказал другому: «Товарищ, скажи офицеру, чтобы пристрелил нас». Другой ответил, что он не ждет пощады «от этой фашистской собаки». Оба пожали друг другу руки со словами «Прощай, товарищ»… Эти слова были переведены Рашеру молодым поляком, хотя и в несколько иной форме. Рашер вышел в свой кабинет. Молодой поляк хотел было тут же усыпить Хлороформом двух мучеников, но Рашер вскоре вернулся и, выхватив пистолет, пригрозил нам… Опыт продолжался не менее пяти часов, прежде чем наступила смерть».

Номинальным руководителем первых экспериментов в ледяной воде был некий д–р Хольцлехнер, профессор медицины Кильского университета. Ему помогал некий д–р Финке. Проработав с Рашером пару месяцев, они пришли к выводу, что возможности экспериментов исчерпаны. После этого три врача написали совершенно секретный отчет на 32 страницах под названием «Эксперименты по замораживанию человека» и направили его в штаб ВВС. По их же инициативе 26 и 27 октября 1942 года в Нюрнберге была созвана конференция немецких ученых для обсуждения результатов их исследований. Обсуждались медицинские аспекты чрезвычайных происшествий в открытом море и в зимних условиях. Из представленных на «Процессе врачей» свидетельских показаний следует, что на конференции присутствовало 95 немецких ученых, включая наиболее известных медиков. И хотя не оставалось сомнений в том, что три врача в ходе экспериментов умышленно довели до смерти большое число людей, им не было задано ни одного вопроса на этот счет и соответственно не прозвучал ни один протест.

Профессор Хольцлехнер[201] и д–р Финке отошли к этому времени от экспериментов, но д–р Рашер упрямо продолжал их в одиночку с октября 1942–го по май следующего года. Помимо прочего он хотел провести эксперименты, названные им как «сухое

---

[201] Возможно, профессор Хольцлехнер испытывал угрызения совести. Арестованный англичанами, он покончил с собой после первого допроса. — Прим. авт.

замораживание». Гиммлеру он писал:

«Аушвиц больше подходит для проведения подобных испытаний, чем Дахау, так как климат в Аушвице несколько холоднее, а также потому, что в этом лагере опыты будут меньше привлекать внимания ввиду его большей площади (испытуемые громко кричат при замораживании)».

По какой–то причине перенести опыты в Освенцим не удалось, поэтому д–р Рашер продолжил свои исследования в Дахау, уповая на настоящую зимнюю погоду.

«Слава богу, у нас в Дахау вновь наступили сильные холода, — писал он Гиммлеру ранней весной 1943 года. — Некоторые испытуемые находились на открытом воздухе по 14 часов при наружной температуре 21 градус по Фаренгейту (□6,1 по Цельсию), при этом температура тела опускалась до 77 градусов по Фаренгейту (□25 по Цельсию) и наблюдалось обморожение конечностей…»

На «Процессе врачей» свидетель Нефф дал также непрофессиональное описание «экспериментов по сухому замораживанию» проводившихся его шефом:

«Однажды вечером полностью раздетого заключенного вывели из барака и положили на носилки. Его прикрыли простыней, и каждый час выливали на него ведро холодной воды. Так продолжалось до утра. При этом регулярно измерялась температура.

Позднее д–р Рашер заявил, что было ошибкой накрывать испытуемого простыней, а затем поливать водой… В будущем лиц, подвергающихся опытам, накрывать не следует. Следующий эксперимент проводился над десятью заключенными, которых выводили наружу по очереди также обнаженными».

По мере того как люди замерзали, д–р Рашер или его ассистент регистрировали температуру, работу сердца, дыхание и т. п. Тишину ночи часто нарушали душераздирающие крики мучеников.

«Первоначально, — объяснял Нефф суду, — Рашер запрещал проводить испытания под анестезией. Но испытуемые поднимали такой крик, что продолжать опыты без обезболивания Рашер уже не мог…»

Испытуемых оставляли умирать, по словам Гиммлера, «как они того и заслуживали», в чанах с ледяной водой или на промерзлой земле обнаженными вне бараков. Тех, кто выживал, быстро уничтожали. Но доблестных немецких летчиков и моряков, ради пользы которых проводились «эксперименты», необходимо было спасти после того, как они делали вынужденную посадку в ледяных водах Северного Ледовитого океана или приземлялись на скованных морозом просторах Заполярной Норвегии, Финляндии или Северной России. И несравненный д–р Рашер приступил в Дахау к «экспериментам по отогреву» над людьми, ставшими подопытными кроликами. Он желал знать, каков наилучший метод отогрева замерзшего человека и каковы, соответственно, возможности по спасению его жизни.

Генрих Гиммлер немедля выдал корпусу без устали работавших под его началом ученых рекомендации «практических решений». Он предложил Рашеру испытать способ отогрева «животным теплом», однако доктор поначалу не придал большого значения этой идее. «Отогрев животным теплом, будь то тело животного или женщины, слишком медленный процесс», — писал он шефу СС. Однако Гиммлер продолжал настойчиво убеждать его:

«Меня чрезвычайно интересуют эксперименты с животным теплом. Лично я убежден, что такие эксперименты дадут наилучшие и наиболее надежные результаты».

Несмотря на свой скептицизм, д–р Рашер был не из тех, кто отважился бы игнорировать предложение, исходящее от главаря СС. Он просто приступил к серии наиболее абсурдных из всех когда–либо проводившихся «экспериментов», фиксируя их для грядущих поколений во всех отталкивающих подробностях. Из женского концлагеря Равенсбрюк ему в Дахау направили четырех заключенных женщин. Однако привлечение к опытам одной из них (все они проходили как проститутки) смущало доктора, и он решил доложить об этом начальству:

«Одна из поступивших женщин обладает ярко выраженными нордическими расовыми

чертами… Я спросил девушку, почему она добровольно пошла работать в публичный дом, на что она ответила: «Чтобы выбраться из концлагеря». Когда я возразил, что стыдно быть продажной женщиной, она без смущения ответила: «Лучше уж полгода в публичном доме, чем полгода в концлагере».

Мое расовое сознание кипит гневом при мысли о том, что придется выставлять обнаженной перед расово неполноценными элементами из концентрационного лагеря девушку, которая внешне являет собой чистейший образец нордической расы… В силу изложенного я отказываюсь использовать эту девушку для моих экспериментов».

Однако он использовал других, чьи волосы были менее белокуры, а глаза не такие голубые. Итоги опытов были должным образом изложены Гиммлеру в докладе от 12 февраля 1942 года, помеченном грифом «Секретно».

«Испытуемые были охлаждены известным способом — в одежде или без нее в холодной воде при различной температуре… Изъятие из воды проводилось при достижении ректальной температуры 86 градусов по Фаренгейту (30 градусов по Цельсию). В восьми случаях испытуемых помещали между двумя обнаженными женщинами на широкой кровати. При этом женщины получили указание прижаться к охлажденному человеку как можно плотнее. Затем всех троих накрывали одеялами.

Придя в сознание, испытуемые больше не теряли его. Они быстро осознавали, что с ними происходит, и плотно прижимались к обнаженным телам женщин. Повышение температуры при этом происходило примерно с той же скоростью, что и у испытуемых, которых отогревали укутыванием в одеяла. Исключение составили четверо испытуемых, которые совершили половой акт, когда температура тела колебалась от 86 до 89,5 градуса по Фаренгейту (от 30 до 33 градусов по Цельсию). У этих лиц очень быстро повышалась температура, что можно сравнить лишь с эффектом горячей ванны».

К своему удивлению, д–р Рашер обнаружил, что одна женщина отогревала замерзшего человека быстрее, чем две.

«Я отношу это за счет того, что при отогреве одной женщиной отсутствует внутреннее торможение и женщина прижимается более плотно к охлажденному. В этом случае возвращение полного сознания также происходило значительно быстрее. Лишь в одном случае отмечено, что испытуемый не пришел в сознание и температура его тела повысилась незначительно. Он скончался при симптомах кровоизлияния в мозг, что и было позднее подтверждено вскрытием».

Подводя итог, этот гнусный душегуб заключал, что отогрев охлажденного при помощи женщин «протекает довольно медленно» и что действие горячей ванны более эффективно.

«Лишь те испытуемые, — делал он вывод, — физическое состояние которых допускало половой акт, отогревались удивительно быстро и возвращались в нормальное физическое состояние исключительно быстро».

По показаниям свидетелей, выступавших на «Процессе врачей», в целом на 300 заключенных было проведено около 400 экспериментов по «замораживанию». В ходе опытов умерло от 80 до 90 человек. Остальных, за немногим исключением, уничтожили позднее, причем некоторые сошли с ума. Между прочим, самого д–ра Рашера в числе дававших свидетельские показания на процессе не было. Он продолжал свои кровавые деяния, реализуя многочисленные новые планы, слишком многочисленные, чтобы говорить о каждом отдельно. Продолжались они до мая 1944 года, когда он и его жена были арестованы СС, судя по всему, не за преступные «эксперименты» по умерщвлению людей, а по обвинению «в том, что он и его жена прибегли к обману в истории с происхождением их детей». Подобного вероломства Гиммлер, преклонявшийся перед немецкими матерями, не мог снести. Он искренне верил, что фрау Рашер действительно начала заводить детей в возрасте сорока восьми лет. И рассвирепел, узнав, что она попросту их похитила. Посему д–ра Рашера посадили в бункер для политзаключенных в столь хорошо знакомом ему концлагере Дахау, а его жену отправили в Равенсбрюк, откуда доктору поставляли проституток для опытов по «отогреву». Ни один из лагеря живым не вышел. Полагают, что

Гиммлер в одном из своих последних распоряжений приказал их ликвидировать, ибо они могли оказаться слишком неудобными свидетелями.

Несколько таких нежелательных свидетелей все же дожили до суда. Семь из них были приговорены к смерти и повешены — они до конца отстаивали мнение, что смертоносные «эксперименты» — это патриотические акты, направленные на благо фатерланда. Д–р Герта Оберхойзер, единственная из обвиняемых на «Процессе врачей» женщина, была приговорена к 25 годам тюремного заключения. Она призналась, что сделала смертельные инъекции «пяти или шести польским женщинам» из сотен, испытавших на себе все муки ада в ходе различных «экспериментов» в Равенсбрюке. Ряд врачей, подобно пресловутому Покорны планировавших стерилизовать миллионы врагов, были оправданы. Некоторые чистосердечно раскаялись. На втором процессе, где судили младший медицинский персонал, д–р Эдвин Катценелленбоген, бывший преподаватель факультета Гарвардского медицинского института, попросил вынести ему смертный приговор. «Вы поставили мне на лоб каинову печать, — воскликнул он. — Любой врач, совершивший преступления, в которых обвиняют меня, заслуживает смерти». Его приговорили к пожизненному заключению.

Смерть Гейдриха и уничтожение Лидице

В разгар войны свершился акт возмездия бандитской шайке поборников «нового порядка» за истребление покоренного народа. Нашел свою позорную смерть Гейдрих–Вешатель, как его называли в оккупированных странах. 38–летний шеф СД и заместитель Гиммлера, обладатель длинного носа и леденящего взгляда, напоминал по виду дьявола, являясь, по сути дела, злым гением «окончательного решения».

Обуреваемый жаждой еще большей власти, он плел тайные интриги против своего шефа Гиммлера, преследуя цель занять его место, и добился–таки, обойдя многих, назначений действующим протектором Богемии и Моравии. Нейрат, его предшественник на посту протектора, был отправлен Гитлером в сентябре 1941 года в бессрочный отпуск по болезни, и в древней резиденции богемских королей — пражском замке Градчаны его сменил Гейдрих.

Однако ненадолго. Утром 29 мая 1942 года, когда он, сидя за рулем открытого «мерседеса», направлялся из своей загородной виллы в пражский дворец, в него была брошена бомба английского производства. Бомба разнесла вдребезги машину и раздробила Гейдриху позвоночник. Покушение было делом рук двух чехов — Яна Кубиса и Йозефа Габиека, солдат Свободной чехословацкой армии, сформированной в Англии, которые были сброшены на парашютах с английского военного самолета. Хорошо снаряженные для выполнения своего задания, они, воспользовавшись дымовой завесой, сумели скрыться и нашли убежище у священников церкви Карла Баррамеуса в Праге.

Гейдрих умер от ран 4 июня, и тогда последовала настоящая гекатомба[202]. Немцы организовали зверскую расправу в духе тевтонских обычаев, предписывавших мстить за гибель вождя. По данным одного из докладов гестапо, были немедленно расстреляны 1331 чех, в том числе 201 женщина. Сами же покушавшиеся вместе со 120 бойцами чешского Сопротивления, которые также укрывались в церкви Карла Баррамеуса, были схвачены в ходе осады и убиты эсэсовцами[203]. Сильнее всех в результате акта возмездия господствующей расы пострадали евреи. Целых три тысячи евреев были выселены из

---

[202] Жестокое уничтожение или гибель множества людей. — Прим. Авт.
Массовое человеческое жертвоприношение. — Прим. OCR.

[203] По данным Шелленберга, гестаповцам так и не удалось опознать среди погибших в церкви чехов тех, кто расправился с Гейдрихом (Шелленберг В. Лабиринт, с. 292). — Прим. авт.

«привилегированного» гетто в Терезиенштадте и переправлены на Восток для уничтожения. В день покушения на Гейдриха Геббельс распорядился арестовать 500 евреев из числа немногих, остававшихся на свободе в Берлине, а в день смерти Гейдриха 152 из них были подвергнуты экзекуции в порядке репрессалий.

Но из всех последовавших за смертью Гейдриха нацистских злодеяний судьба небольшой деревушки Лидице, расположенной близ шахтерского городка Кладно, навечно останется в памяти цивилизованного мира. Чтобы преподать урок порабощенному народу, который посмел покуситься на жизнь одного из своих инквизиторов, в этом маленьком тихом селении было совершено ужасное зверство.

Утром 9 июня 1942 года десять грузовиков с солдатами немецкой полиции безопасности под командованием капитана Макса Ростока[204] подъехали к деревне Лидице и окружили ее. Ни одному человеку не разрешили покинуть деревню, зато каждому, проживавшему там, но временно находившемуся в другом месте, разрешили вернуться домой. Мальчик 12 лет, перепугавшись, попытался убежать. Его тут же пристрелили. Крестьянка побежала по направлению к видневшимся вдалеке полям. Ее убили выстрелом в спину. Все мужское население деревни было заперто в амбарах, стойлах и погребе старосты по имени Хорак.

На следующий день, с рассвета до 4 часов пополудни, солдаты полиции безопасности выводили их группами по десять человек в сад позади амбара и расстреливали. Всего там было казнено 172 мужчины и подростка старше 16 лет. Еще 19 жителей деревни, работавших в день побоища на шахтах в Кладно, позднее были схвачены и убиты в Праге.

Семеро женщин, пойманных в ходе облавы в Лидице, были направлены в Прагу и там расстреляны. Остальное женщины — а их насчитывалось 195 — были отправлены в концлагерь Равенсбрюк, где семеро из них были брошены в газовую камеру, трое — «исчезли» и 42 погибли от бесчеловечного обращения. Четырех женщин из Лидице, у которых вскоре должны были родиться дети, сначала доставили в родильный дом в Праге, где умертвили их новорожденных детей, а затем направили в Равенсбрюк.

Теперь немцам осталось избавиться от детей Лидице, отцы которых были убиты, а матери заключены в концлагерь (немцы не расстреляли даже детей мужского пола). Детей — а всего их насчитывалось 90 — переправили в концлагерь Гнейзенау. После тщательного осмотра «расовыми экспертами» нацисты отобрали семерых, которым не было еще и года, чтобы направить их в Германию, где им дали немецкие имена и фамилии, а заодно и немецкое воспитание. С остальными поступили подобным же образом.

«Следы детей потеряны», — пришло к заключению чехословацкое правительство, представляя Нюрнбергскому трибуналу специальный доклад о зверствах нацистов в Лидице.

К счастью, некоторых из детей в конце концов удалось разыскать позднее. Я вспоминаю, как осенью 1945 года читал в тогдашних газетах, выходивших под цензурой союзников, горестные объявления.

Уцелевшие матери из Лидице взывали к немецкому народу помочь разыскать им детей и направить их домой[205].

Сама же Лидице по существу была стерта с лица земли. После того как мужчин расстреляли, а женщин и детей увезли, полиция безопасности сожгла деревню дотла, взорвала динамитом руины и сровняла все с землей.

Хотя деревня Лидице наиболее известный пример нацистского изуверства подобного рода, она была не единственной пережившей такую ужасную трагедию в оккупированных немцами странах. В Чехословакии такая же судьба постигла еще одну деревню — Лежаки, а

---

[204] Повешен в Праге в августе 1951 года. — Прим. авт.

[205] ЮНРРА сообщила 2 апреля 1947 года, что 17 детей разысканы в Баварии и направлены к своим матерям в Чехословакию. Прим. авт.

в Польше, России, Греции и Югославии — еще множество деревень. Даже на Западе, где «новый порядок» не был таким варварским, опыт Лидице немцы повторяли много раз — например, в Телевааге (Норвегия), откуда женщины, мужчины и дети были рассредоточены по различным концлагерям, после чего каждый дом в деревне сровняли с землей.

10 июня 1944 года, день в день ровно через два года после кровавой бойни в Лидице, во французской деревушке Орадур–сюр–Глан, близ Лиможа, было осуществлено новое ужасающее истребление людей. Отряд эсэсовцев из дивизии «Рейх», прославившейся своими террористическими акциями, а отнюдь не боевыми действиями в России, окружили эту французскую деревню, приказав жителям собраться на главной площади. Здесь командир отряда объявил, что по имеющимся сведениям в деревне спрятаны боеприпасы, поэтому будет проведен обыск и проверка документов. Затем все население деревни — 652 человека были взяты под стражу. Мужчин согнали в амбары, женщин и детей заперли в церкви. После этого немецкие солдаты подожгли деревню со всех сторон и принялись за жителей. Мужчин, не сгоревших заживо в амбарах, косили из пулеметов, женщин и детей, находившихся в церкви, также расстреляли из пулеметов, а тех, кто остался в живых, сожгли в церкви. Спустя три дня епископ Лиможский обнаружил в церкви, позади сгоревшего алтаря, гору обугленных детских тел.

Через девять лет, в 1953 году, французский военный суд установил, что 642 человека — 245 женщин, 207 детей и 190 мужчин — погибли во время кровавой бойни в Орадуре. Десять человек выжили, получив тяжелые ожоги: они симулировали смерть и таким образом спаслись[206].

Орадур, как и Лидице, не был восстановлен. Его руины стоят как памятник гитлеровскому «новому порядку» в Европе. Обгоревшая церковь на фоне мирной сельской природы служит напоминанием о том светлом июньском дне, когда и деревня и ее обитатели в одночасье перестали существовать. К тому месту, где в церкви было небольшое окно, прикреплена скромная доска, надпись на которой гласит: «Мадам Руффанс, единственная оставшаяся в живых из находившихся в тот день в церкви, бежала через это окно». А напротив окна — небольшое ржавое распятие.

Так в общих чертах проходило становление гитлеровского «нового порядка», таков был дебют бандитской империи нацистов в Европе. К счастью для человечества, он был уничтожен еще в младенческом возрасте, и не в результате восстания немецкого народа против этого возврата к варварству, а в результате поражения немецкой армии и последующего падения третьего рейха, историю которого пришло время рассказать.

ПАДЕНИЕ МУССОЛИНИ

В течение первых трех лет войны немцы удерживали за собой инициативу в проведении летних крупномасштабных наступательных операций на Европейском континенте. Теперь, в 1943 году, роли поменялись. В мае, после разгрома в Тунисе войск держав оси, а точнее, всего, что осталось от их некогда мощной армии в Северной Африке, стало очевидно, что англо–американские войска, руководимые генералом Эйзенхауэром, нанесут удар уже по самой Италии. Именно этот кошмар преследовал Муссолини еще в сентябре 1939 года, и именно он заставил его не спешить со вступлением Италии в войну до тех пор, пока соседняя Франция не была захвачена немцами, а экспедиционный корпус англичан не был изгнан на английское побережье Ла–Манша. Теперь кошмар возник снова, но с той разницей, что он быстро становился реальностью.

---

[206] Двадцать солдат из отряда СС были приговорены этим судом к смерти, но лишь двое были казнены. Остальным наказание смягчили, и они получили от до двенадцати лет тюрьмы. Командир дивизии «Рейх» генерал–лейтенант СС Гейнц Ламмердинг был приговорен к смерти заочно. Насколько я знаю, разыскать его не удалось. Исполнитель расправы в Орадуре, командир отряда СС майор Отто Дикман, был убит в бою в Нормандии несколько дней спустя. — Прим. авт.

Сам Муссолини был нездоров и подавлен, более того, он был напуган. В народе и армии распространились пораженческие настроения. В промышленных городах Милане и Турине прошли массовые забастовки. Голодные рабочие вышли на демонстрации с требованиями «Хлеба, мира и свободы». Дискредитировавший себя, пораженный коррупцией фашистский режим разваливался на глазах, и, когда в начале года граф Чиано был освобожден от поста министра иностранных дел и направлен послом в Ватикан, немцы заподозрили, что он послан туда, чтобы начать переговоры о заключении сепаратного мира с союзниками, к чему призывал и румынский диктатор Антонеску.

В течение нескольких месяцев Муссолини бомбардировал Гитлера просьбами заключить мир со Сталиным, с тем чтобы перебросить немецкие армии на Запад и создать совместную с итальянцами оборону против угрозы, нарастающей со стороны англо–американских сил на Средиземном море, а также тех сил, которые, по его расчетам, сосредоточивались в Англии для вторжения через Ла–Манш. Гитлер понял, что пришло время вновь встретиться с Муссолини, чтобы ободрить опустившего руки союзника и наставить его на путь истинный. Встреча была назначена на 7 апреля 1943 года в Зальцбурге, и, хотя дуче прибыл с намерением держаться своего курса или по меньшей мере своего мнения, он опять поддался многословным увещеваниям фюрера. Позднее Гитлер поведал о своем успехе Геббельсу, который сделал об этом краткую запись в дневнике:

«Вложив всю свою энергию в эти условия, он сумел вернуть Муссолини на прежние рельсы… Дуче полностью переменился… Когда по прибытии Муссолини вышел из вагона, фюреру показалось, что он видит перед собой дряхлого старика. Когда же по прошествии четырех дней он уезжал, то выглядел воодушевленным, готовым к любым действиям».

В действительности же Муссолини не был подготовлен к событиям, которые вскоре последовали, быстро сменяя друг друга. Захватив в мае Тунис, союзники осуществили 10 июля успешную высадку в Сицилии. У итальянцев не было особого желания воевать на своей территории. И вскоре Гитлер получил сообщение о том, что итальянская армия находится «на грани развала», как он выразился перед своими советниками в ставке.

«Лишь жесточайшие меры, — заявил Гитлер на военном совете 17 июля, подобно тем, к которым прибегал Сталин в 1941 году или французы в 1917–м, способны спасти нацию. В Италии необходимо учредить нечто вроде трибуналов или военно–полевых судов для устранения нежелательных элементов».

Он вновь вызвал Муссолини, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Встреча состоялась 19 июля в местечке Фелтре в Северной Италии. По чистой случайности это была тринадцатая встреча диктаторов, и проходила она по тому же образцу, что и недавние: говорил только Гитлер, Муссолини молча слушал три часа обеда и два часа после. Без особого успеха фанатичный фюрер пытался поднять подорванный дух своего больного друга и союзника. Они оба должны продолжать борьбу на всех фронтах. Выпавшая им миссия не может быть передана другому поколению. Голос истории по–прежнему взывает к ним. Сицилию и собственно Италию можно удержать, если итальянцы будут сражаться. На помощь им будут направлены свежие немецкие пополнения. Скоро вступит в строй новая подводная лодка и устроит англичанам «новый Сталинград».

Несмотря на обещания и похвальбу Гитлера, на встрече, по свидетельству Шмидта, царила весьма гнетущая атмосфера. Муссолини был настолько переутомлен, что уже не мог следить за тирадами своего друга и в конце переговоров попросил Шмидта дать ему записи беседы. Подавленность дуче возросла еще более, когда в ходе совещания поступили сообщения о мощном воздушном налете союзников на Рим среди бела дня.

Бенито Муссолини, изможденный и дряхлый, хотя ему только должно было исполниться шестьдесят, тот самый Муссолини, который в течение двух десятилетий напыщенно и нагло паясничал на европейской сцене, приближался к своему закату. Вернувшись в Рим, он обнаружил нечто гораздо худшее, чем последствия мощной бомбежки. Он узнал о заговоре, организованном некоторыми из его приспешников в верхушке фашистской партии, в числе которых был и его зять Чиано. Заговор фашистской

верхушки фактически служил ширмой для заговора более широкого, нити которого тянулись к самому королю. Целью заговора было свержение дуче.

Мятежные фашистские главари во главе с Дино Гранди, Джузеппе Боттаи и Чиано потребовали созыва фашистского Большого совета, который не собирался с декабря 1939 года. Совет всегда являлся послушным органом, которым всецело заправлял дуче. Совет заседал в ночь на 25 июля 1943 года, и впервые за время своей карьеры диктатора Муссолини подвергся на нем резкой критике за ту катастрофу, в которую он вверг страну. Резолюция, принятая 19 голосами против 8, потребовала восстановления конституционной монархии с демократически избираемым парламентом. Она призывала также восстановить полное подчинение всех вооруженных сил королю.

Фашистские заговорщики, за исключением, пожалуй, Гранди, едва ли намеревались идти в своих требованиях дальше. Но вспыхнул второй, более широкий мятеж нескольких генералов и короля. Сам Муссолини, очевидно, считал, что уже выдержал шторм. Во всяком случае, решения в Большом совете в Италии принимались не большинством голосов, а самим дуче. Поэтому для него было полнейшей неожиданностью, когда вечером 25 июля его вызвали во дворец к королю, без промедления отстранили от дел и, арестовав, отвезли в карете «скорой помощи» в полицейский участок[207].

Так бесславно сошел со сцены современный римский Цезарь, воинственно–крикливый деятель двадцатого столетия, который знал, как извлекать дивиденды из смятения и отчаяния этого столетия. Это был деятель, у которого за броской внешностью скрывалось не особенно привлекательное нутро. Как личность он был совсем не глуп. Он прочитал множество книг по истории и считал, что усвоил ее уроки. Но как диктатор он совершил роковую ошибку, стремясь создать великую военную империю из страны, которой остро не хватало промышленных ресурсов и народ которой в отличие от немецкого оказался слишком практичен, слишком приземлен, чтобы дать увлечь себя пустыми амбициями. В глубине души итальянский народ в отличие от немецкого так никогда и не принял фашизма. Он лишь мирился с фашизмом, прекрасно сознавая, что это преходящий период в его жизни. Муссолини, судя по всему, в конце концов это понял. Однако, подобно всем диктаторам, он был ослеплен властью, которая, как это неизбежно происходит, развратила его, помутила рассудок, лишила ясности мысли. А это привело его ко второй роковой ошибке к тому, что он связал и свою судьбу и судьбу Италии с третьим рейхом. Когда по гитлеровской Германии начал звонить колокол, он начал звонить и по Италии Муссолини, и, когда настало лето 1943 года, итальянский диктатор услышал этот звон. Но уже ничего не мог предпринять, чтобы обмануть судьбу. К этому времени он уже стал заложником Гитлера.

Не раздалось ни единого выстрела даже со стороны фашистской полиции, чтобы спасти его, не раздалось ни одного голоса в его защиту. Никого, судя по всему, не задела унизительная процедура его ухода — его вывели под руки из приемной короля и отправили в тюрьму в карете «скорой помощи». Напротив, его падение вызвало всеобщее ликование. Фашизм потерпел крах, как и его основатель. Маршал Пьетро Бадольо сформировал беспартийное правительство, в которое вошли генералы и государственные служащие. Фашистская партия была распущена, ее членов сместили с ключевых постов, а антифашистов выпустили из тюрем.

Можно представить, как отреагировали в гитлеровской ставке на сообщение о падении

---

[207] «У меня не было никаких предчувствий», — отметил позднее Муссолини, описывая свое состояние, когда он направлялся во дворец. Король Виктор Эммануил, не теряя времени, вернул его к действительности.

«Мой дорогой дуче, — цитирует Муссолини слова короля, сказанные им вначале, — ничего хорошего впереди нас не ждет. Италия развалилась… Солдаты не хотят больше воевать… Сейчас вы — самый ненавистный человек в стране…»

«Вы принимаете чрезвычайно серьезное решение», — ответил, с его собственных слов, Муссолини, но он особенно не пытался убедить монарха изменить свое решение. В заключение он пожелал успеха своему преемнику (Муссолини Б. Мемуары. 1942–1943 гг., с. 80–81). — Прим. авт.

Муссолини. Впрочем, в этом нет необходимости. О том, какова была реакция, свидетельствуют объемистые директивные документы. Определить ее можно как глубокий шок. Даже в нацистском сознании сразу же возникли аналогии. Случившееся в Риме могло стать опасным прецедентом, и это глубоко обеспокоило д–ра Геббельса, которого 26 июля с особой поспешностью вызвали в ставку в Растенбурге. Первая забота министра пропаганды, о чем мы узнаем из его дневника, свелась к тому, как объяснить германскому народу свержение Муссолини. «Что же все–таки мы скажем немцам?» — задавался он вопросом и пришел наконец к выводу, что сейчас следует лишь сказать, что дуче подал в отставку «по состоянию здоровья».

«Ясно, что известие об этих событиях, — писал он в дневнике, — могло бы натолкнуть некоторые подрывные элементы в Германии на мысль, что они способны осуществить то же самое, что Бадольо и его приспешники в Риме. Фюрер приказал Гиммлеру принять самые суровые полицейские меры на тот случай, если подобная опасность окажется неминуемой здесь…»

Однако Гитлер, продолжает Геббельс, не считал, что существует непосредственная опасность такого поворота событий в Германии. Министр пропаганды в конце концов уверил себя, что германский народ не будет «считать кризис в Риме возможным прецедентом».

Что Муссолини сдает, фюрер заметил еще во время их встречи две недели назад. Однако теперь, 25 июля, начавшие просачиваться в ставку известия из Рима застали его врасплох. Сначала пришло сообщение о том, что собрался Большой фашистский совет, и Гитлер недоумевал почему. «Какой прок в подобных советах? — задавал он себе вопрос. — На что они способны, кроме пустой болтовни?»

Вечером его худшие опасения подтвердились. «Дуче подал в отставку, объявил он своим обескураженным военным советникам на совещании, созванном в 9.30 вечера. — Бадольо, наш злейший враг, возглавил правительство».

В последний раз в ходе войны Гитлер отреагировал на сообщение с ледяным спокойствием. Так он реагировал на кризисные ситуации в прежние, более счастливые времена. Когда генерал Йодль попытался убедить Гитлера дождаться более полных донесений из Рима, тот резко оборвал его:

«Разумеется, но мы по–прежнему должны разрабатывать планы на будущее. Несомненно, совершив предательство, они провозгласят, что сохраняют нам верность, что само по себе уже является предательством. Конечно, верность нам они не сохранят… Хотя этот — как его там? — Бадольо сразу же заявил, что война будет продолжаться, это не меняет дела. Они вынуждены это говорить, но измена остается. Мы будем вести прежнюю игру, но в то же время готовить все необходимое, чтобы одним ударом заменить всю команду, весь этот сброд».

Такова была первая мысль Гитлера: захватить всех, кто низверг Муссолини, и вернуть ему власть.

«Завтра, — продолжал он, — я пошлю туда человека с приказом командиру 3–й мотопехотной дивизии двинуться частью сил на Рим и немедленно арестовать правительство, короля и всю компанию. Прежде всего арестовать кронпринца и всю шайку, особенно Бадольо и весь его кабинет. Проследить, чтобы все сдались, а затем через два–три дня будет еще один переворот».

Затем Гитлер повернулся к начальнику штаба оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта.

Гитлер: Йодль, подготовьте приказ… обязывающий их войти в Рим со штурмовыми орудиями… и арестовать правительство, короля и весь кабинет. Важнее всего для меня захватить кронпринца. Кейтель: Он поважнее, чем старик. Боденшатц (генерал ВВС): Организовать это следует так, чтобы всех захваченных посадить в самолет и перебросить по воздуху. Гитлер: Именно в самолет, и сразу в воздух. Боденшатц: Не допускайте, чтобы бамбино затерялся на аэродроме.

На состоявшемся после полуночи совещании возник вопрос, как поступить с Ватиканом. На него ответил сам Гитлер:

«Я пойду прямо в Ватикан. Вы думаете, меня смутит Ватикан? Мы захватим его сразу же… Там находится весь дипломатический корпус… Этот сброд… Мы вышвырнем оттуда это стадо свиней. Позднее можно будет принести извинения…»

В ту же ночь Гитлер отдал приказ перекрыть горные проходы в Альпах как между Италией и Германией, так и между Италией и Францией. С этой целью было срочно собрано около восьми немецких дивизий из Франции и Южной Германии. Получив наименование группы армий «В», они были переданы под командование энергичного генерала Роммеля. Взорви итальянцы, как отмечал Геббельс в своем дневнике, туннели и мосты в Альпах, немецкие войска в Италии, часть которых уже ввязалась в тяжелые бои против армий Эйзенхауэра в Сицилии, оказались бы отрезаны от своих баз снабжения. И долго бы они не продержались.

Но итальянцы не могли внезапно, за одну ночь повернуть оружие против немцев. Бадольо предстояло прежде установить контакт с союзниками, чтобы выяснить возможности заключения перемирия, а также оказания поддержки войсками союзников в борьбе против дивизий вермахта. Гитлер не ошибся, полагая, что Бадольо именно так и поступит, но он не мог предположить, что это займет так много времени. Действительно, вопрос этот и стал основным на военном совете в ставке фюрера 27 июля, где присутствовала вся верхушка нацистского руководства и вооруженных сил, среди них Геринг, Геббельс, Гиммлер, Роммель и новый главнокомандующий военно–морскими силами адмирал Карл Дениц. Последний в январе сменил на этом посту впавшего в немилость гросс–адмирала Редера[208]. Большинство генералов во главе с Роммелем призывали к осмотрительности, считая, что любая намеченная в Италии акция должна быть тщательно подготовлена и хорошо продумана. Гитлер требовал выступить немедленно, хотя это и означало отвод ударных танковых дивизий с Восточного фронта, где русские только что (5 июля) начали свое первое в ходе войны летнее наступление[209]. Лишь один раз генералам, казалось, удалось взять верх и убедить Гитлера отложить операцию. Все немецкие войска, которые можно было собрать, намечалось перебросить в срочном порядке через Альпы в Италию, Геббельс не ждал ничего хорошего из–за нерешительности генералов.

«Они не принимают во внимание того, — писал он в дневнике после шумных военных дебатов, — что намерен делать противник. Англичане, безусловно, не будут ждать целую неделю, пока мы раздумываем и готовимся к операции».

Но ни ему, ни Гитлеру не стоило волноваться. Союзники прождали не неделю, а целых шесть. За это время Гитлер подготовил планы и силы для их осуществления.

Действительно, в его лихорадочном мозгу планы созрели как раз ко времени созыва военного совещания, назначенного на 27 июля.

Таких планов было четыре: 1) Проведение операции «Эйхе»[210] в целях освобождения

---

[208] Гитлер гневался на Редера, который командовал немецким военно–морским флотом с 1928 года, за то, что тот оказался неспособен уничтожить караваны судов союзников, следовавших через Северный Ледовитый океан в Россию, а также за тяжелые потери, понесенные там немецким флотом. Во время истерической вспышки, происшедшей 1 января, верховный командующий приказал немедленно вывести в резерв океанский военный флот. Суда подлежали слому. 6 января произошла бурная стычка между Гитлером и Редером в ставке Вольфшанце. Фюрер обвинил флот в бездействии, отсутствии воли к борьбе и готовности к риску. В результате Редер попросил освободить его от командования. Его отставка была официально принята 30 января. Дениц, новый главнокомандующий ВМС, ранее командовал подводным флотом, был слабо знаком с особенностями надводного флота и потому сосредоточил внимание на боевых операциях подводных лодок. — Прим. авт.

[209] Советские войска перешли в наступление на Курской дуге 12 июля 1943 года. — Прим. тит. ред.

[210] Дуб (нем.).

Муссолини либо силами флота, если он содержится на острове, либо парашютистами ВВС, если его обнаружат на материке; 2) Операция «Студент», ставившая своей целью внезапный захват Рима и восстановление там правительства Муссолини; 3) Операция «Шварц»[211] — под этим кодовым названием значилась военная оккупация всей Италии; 4) Операция «Ахсе»[212], предусматривавшая захват или уничтожение итальянского флота. Впоследствии две последние операции были объединены в одну под кодовым названием «Ахсе».

Два события в сентябре 1943 года послужили толчком к началу реализации планов фюрера. 3 сентября войска союзников высадились на южной оконечности Италии, а 8 сентября было объявлено о перемирии (тайно подписанном 3 сентября) между Италией и западными державами.

В этот день Гитлер вылетел на Украину, в Запорожье, с целью попытаться выровнять линию немецкого фронта, но, как свидетельствует Геббельс, им овладело «странное чувство беспокойства» и в тот же вечер он вернулся в свою ставку в Растенбург, где его ожидало известие о дезертирстве главного союзника. Хотя он и ожидал такого поворота событий, сам момент застал его врасплох и в течение нескольких часов в ставке царило замешательство. Впервые немцы узнали о подписании итальянцами перемирия из передачи радиостанции Би–би–си из Лондона, и, когда Йодль связался по телефону из Растенбурга с фельдмаршалом Кессельрингом, находившимся во Фраскати, близ Рима, чтобы получить подтверждение этому, командующий немецкими армиями в Южной Италии признался, что это и для него новость. Однако Кессельринг, штаб которого был в это утро разрушен в результате налета союзной авиации и который был занят поспешным сколачиванием группы войск для отражения еще одной высадки союзников где–то на западном побережье, сумел разобрать кодированный сигнал «Ахсе», что означало приведение в действие плана по разоружению итальянской армии и оккупации страны.

В течение одного–двух дней положение немецких войск в Центральной и Южной Италии было критическим. В окрестностях Рима двум немецким дивизиям противостояли пять итальянских. Если бы мощный флот вторжения союзников, появившийся на рейде Неаполя 8 сентября, продвинулся севернее и высадил десант неподалеку от столицы, особенно при поддержке парашютного десанта, на соседние аэродромы, чего поначалу так опасался Кессельринг, ход войны в Италии принял бы совсем другой оборот и окончательный крах третьего рейха мог произойти годом раньше. Позднее Кессельринг утверждал, что вечером 8 сентября Гитлер и ставка списали все его силы в составе восьми дивизий как «безвозвратно потерянные». Два дня спустя Гитлер сказал Геббельсу, что Южная Италия потеряна и что необходимо создать новую линию фронта к северу от Рима, в Апеннинах.

Но союзное командование не воспользовалось своим господством на море, что позволяло производить высадку чуть ли не в любом месте на обоих побережьях Италии. Не использовало оно и своего подавляющего превосходства в воздухе, чего так опасались немцы. Более того, судя по всему, штаб Эйзенхауэра не предпринял ни малейших усилий, чтобы попытаться использовать крупные итальянские силы во взаимодействии со своими собственными, особенно пять итальянских дивизий в окрестностях Рима. Предприми Эйзенхауэр эти действия — так, по крайней мере, утверждали Кессельринг и его начальник штаба генерал Зигфрид Вестфаль, — и без того трудное положение немцев стало бы безнадежным. Противостоять армиям Монтгомери, продвигавшимся от подковы итальянского сапога на север полуострова, отразить натиск сил вторжения генерала Марка Кларка, где бы они ни высадились, да при этом отбивать атаки крупных итальянских формирований, стоявших бок о бок с ними или в ближайшем их тылу, было просто выше их

---

211 Черный (нем.).

212 Ось (нем.).

сил[213].

Когда американская 5–я армия высадилась не близ Рима, а южнее Неаполя, в Салерно, и когда парашютисты союзников не появились над римскими аэродромами, оба генерала вздохнули с облегчением. Еще большее облегчение испытали они, когда итальянские дивизии сдались немцам почти без единого выстрела и были разоружены. Это означало, что немцы легко удержат Рим и какое–то время даже Неаполь. Это позволило им сохранить за собой две трети территории Италии, включая промышленный Север, заводы которого были реконструированы и изготовляли оружие для немцев. Почти чудом Гитлер вновь получил отсрочку и избежал гибели[214].

Выход Италии из войны страшно озлобил фюрера. «Это подлое свинство», заявил он Геббельсу, вновь срочно вызванному в Растенбург. Более того, свержение Муссолини встревожило его и заставило задуматься о собственном положении. «Фюрер, — отметил Геббельс в своем дневнике 11 сентября, призывал предпринять все необходимые меры, чтобы предотвратить подобный поворот событий у нас раз и навсегда».

Вечером 10 сентября Гитлер обратился по радио к нации. Решился он на это лишь после долгих увещеваний Геббельса. «В этот критический момент народ вправе услышать от своего фюрера слова воодушевления и утешения», — сказал ему министр пропаганды. Но тон выступления Гитлера по этому поводу был скорее вызывающим:

«Надежды найти предателей среди нас строятся на полном невежестве в отношении характера национал–социалистского государства: вера в то, что события 25 июля способны распространиться на Германию, исходит из полнейшей иллюзии как относительно моего положения, так и относительно позиции моих политических соратников, моих фельдмаршалов, адмиралов и генералов».

На самом деле, как мы увидим далее, несколько немецких генералов и горстка бывших политических соратников фюрера, по мере того как нарастали военные неудачи, снова начали вынашивать изменнические замыслы, которые к июлю следующего года вылились в насильственную акцию, но менее успешную, чем та, что была проведена против Муссолини.

Одной из мер, предпринятых Гитлером, чтобы подавить зарождающуюся измену, был приказ уволить из вермахта всех немецких принцев. Так, бывший курьер фюрера для контактов с Муссолини принц Филип Гессенский, вечно болтавшийся при гитлеровском штабе, был арестован и передан гестапо. Его жена, принцесса Мафальда, дочь короля Италии, также была арестована и вместе с супругом отправлена в концлагерь. Король Италии, подобно королям Норвегии и Греции, избежал цепкой хватки Гитлера, который

---

[213] По свидетельству капитана Гарри К. Бутчера, морского адъютанта Эйзенхауэра, начальники штабов как американской, так и английской армий — генерал Джордж К. Маршалл и фельдмаршал сэр Джон Г. Дилл жаловались, что Эйзенхауэр не проявлял достаточной инициативы для повышения темпов наступления в Италии. Защищая своего начальника штаба, Бутчер подчеркивал, что осуществление планов Эйзенхауэра сдерживалось недостатком десантных судов и что проведение морской десантной операции намного севернее, близ Рима, вывело бы операцию за пределы действия истребителей союзников, которые базировались на Сицилии. Сам Эйзенхауэр подчеркивает, что после захвата Сицилии он получил приказ откомандировать семь дивизий — четыре американские и три английские — в Англию для подготовки вторжения через Ла–Манш, что привело к острой нехватке войск. Бутчер утверждает также, что первоначально Эйзенхауэр планировал сбросить воздушные десанты на римские аэродромы с целью помочь итальянцам защитить столицу от немцев, но в последнюю минуту Бадольо попросил временно отложить операцию. Генерал Максвэлл Д. Тейлор, который с большим риском для себя, тайно отправился в Рим на переговоры с Бадольо, сообщил, что вследствие пораженческих настроений у итальянцев и наличия крупных сил у немцев выброска там американской воздушно–десантной дивизии представляется ему самоубийством (см. Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу, с. 189; Бутчер Г. Три года с Эйзенхауэром, с. 407–425). — Прим. авт.

[214] Итальянский король, маршал Бадольо и его правительство, к большому огорчению Гитлера, бежали из Рима и вскоре обосновались на юге Италии, освобожденном союзниками. Большая часть итальянского флота передислоцировалась на Мальту, несмотря на коварные планы Деница захватить или потопить его. — Прим. авт.

отомстил ему как мог, арестовав его дочь[215].

В течение нескольких недель на совещании у фюрера значительное время отводилось проблеме, бередившей его сознание, — спасению Муссолини. Следует напомнить, что в протоколах совещаний в ставке Гитлера операция получила кодовое наименование «Эйхе», а Муссолини иносказательно именовался «ценным объектом». Большинство генералов и даже Геббельс сомневались, следует ли считать бывшего дуче «ценным объектом», но Гитлер считал именно так и настаивал на его освобождении.

Он не только хотел оказать услугу доброму другу, к которому по–прежнему питал привязанность, но и лелеял надежду поставить его во главе нового фашистского правительства Северной Италии, что избавило бы немцев от забот по управлению этой территорией и помогло бы охранять протяженные пути снабжения и коммуникации от недружественно настроенного населения, среди которого все чаще стали появляться партизаны, доставлявшие немцам массу неприятностей.

К 1 августа адмирал Дениц докладывал Гитлеру, что ему удалось обнаружить Муссолини на острове Вентотене. К середине августа ищейки Гиммлера были уверены, что дуче находится на другом острове — Маддалена, близ северной оконечности Сардинии. Были тщательно разработаны планы по выброске на остров парашютистов под прикрытием эсминцев, но к тому времени, когда планы надо было приводить в исполнение, Муссолини перевели в другое место. В соответствии с секретным пунктом соглашения о перемирии его надлежало передать союзникам, однако по какой–то причине Бадольо медлил с его передачей и в начале сентября «ценный объект» тайно перевезли в отель, расположенный на вершине Гран Сассо, высочайшего пика Абруццких Апеннин, куда можно было добраться только с помощью фуникулера.

Немцы вскоре узнали о его местонахождении, проведя разведку с воздуха, и решили, что там, пожалуй, мог бы высадиться десант на планерах. Преодолев сопротивление охранников–карабинеров, десантники прихватили бы дуче, а затем взлетели на небольшом самолете «Физелер–Шторх». Этот дерзкий план был осуществлен 13 сентября под руководством еще одного находчивого и неглупого головореза СС, австрийца по имени Отто Скорцени, который еще появится в конце нашего повествования в связи с новым отчаянным предприятием[216].

Предварительно, буквально выкрав одного итальянского генерала, которого он впихнул в свой планер, Скорцени высадил десант в сотне метров от отеля, стоявшего на вершине, откуда он высмотрел дуче, который с надеждой поглядывал из окна второго этажа. Большинство карабинеров при виде немецких солдат поспешно ретировались в горы, а тех немногих, кто остался, Скорцени и Муссолини сумели убедить не применять оружия. При этом эсэсовский офицер прикрикнул на них, требуя не стрелять в итальянского генерала, которого он протолкнул вперед, а дуче, как припоминает один из свидетелей, кричал из окна: «Никому не стрелять! Не проливать кровь!» И ни капли крови не было пролито.

Через несколько минут потерявшего от радости голову фашистского главаря, который поклялся, что скорее покончит с собой, чем попадет в руки союзников и будет выставлен, как он писал позднее, на Мэдисон–сквер–гарден в Нью–Йорке[217], втиснули в крошечный

---

[215] Гитлеру она никогда не нравилась. «Мне пришлось как–то сидеть рядом с Мафальдой, — говорил он генералам во время военного совещания в ставке в мае того года. — Что мне до Мафальды?.. Ее интеллектуальные способности не таковы, чтобы она смогла вас очаровать, не говоря о ее внешности» (из секретных протоколов ежедневных военных совещаний Гитлера, приведенных в книге Феликса Гилберта «Гитлер руководит своей войной»). Прим. авт.

[216] На следующий день после падения Муссолини Скорцени был впервые вызван в ставку фюрера и получил от него личное задание осуществить похищение дуче. — Прим. авт.

[217] Как раз перед освобождением Муссолини капитан Гарри Бутчер сообщил о полученной в штабе Эйзенхауэра телеграмме от театрального треста в Кейптауне, предлагавшего пожертвовать десять тысяч фунтов

самолет «Физелер–Шторх». После опасного взлета с небольшого, усыпанного камнями луга, расположенного несколько ниже отеля, самолет взмыл вверх, направляясь в Рим. В тот же вечер Скорцени вылетел оттуда в Вену на транспортном самолете люфтваффе.

Когда Муссолини два дня спустя, испытывая благодарность за свое спасение, тепло обнял Гитлера на встрече в Растенбурге, это был уже конченый человек, чей душевный пламень давно погас. К большому огорчению Гитлера, он не испытывал особого желания восстанавливать фашистский режим на оккупированной немцами территории Италии. Фюрер не скрывал своего глубокого разочарования старым итальянским другом во время продолжительной беседы с Геббельсом в конце сентября.

«Дуче не сделал из катастрофы, постигшей Италию, тех моральных выводов, которых ожидал от него фюрер… — доверил Геббельс своему дневнику содержание беседы. — Фюрер ожидал, что в первую очередь дуче сполна отомстит предавшим его изменникам. Но тот не проявил каких–либо признаков подобных намерений и тем самым показал свою явную ограниченность. Он — не революционер, как фюрер или Сталин. Он настолько привязан к итальянскому народу, что ему явно не хватает революционной широты в мировом масштабе».

Гитлер и Геббельс пришли в ярость от того, что Муссолини, судя по всему, находясь под каблуком у своей дочери Эдды, которая была женой Чиано, примирился с зятем. Оба они нашли убежище в Мюнхене[218]. Фюрер и министр пропаганды считали, что Муссолини должен немедленно организовать ликвидацию Чиано, а Эдду, как выразился Геббельс, высечь[219]. Они возражали против намерения Муссолини ввести Чиано, «эту поганку», как выразился Геббельс, в руководство новой фашистско–республиканской партии.

Гитлер настаивал, чтобы дуче немедленно создал такую партию, и 15 февраля, подталкиваемый фюрером, Муссолини провозгласил новую Итальянскую социальную республику.

Но из этого так ничего и не вышло. У Муссолини не лежало сердце к этой идее. Очевидно, он не утратил до конца чувства реальности и понимал, что всего лишь марионетка в руках Гитлера, что ни он, ни его «фашистско–республиканское правительство» не будут обладать реальной властью, кроме той, какую сочтет необходимым предоставить им в интересах Германии фюрер, и что итальянский народ никогда больше не примет ни его самого, ни фашизм.

Больше Муссолини в Рим не возвращался. Он поселился на крайнем севере, в уединенном местечке Рокка делле Каминате, близ Гарньяно, на берегу озера Гарда, где его надежно охранял специальный отряд СС. Именно сюда, на этот живописный курорт на берегу озера, была доставлена скандально известная любовница Муссолини Клара Петаччи. Эскортировал ее Зепп Дитрих, еще бодрый ветеран СС, откомандированный специально с этой целью с русского фронта из состава отступающего 1–го танкового корпуса. Очутившись снова в объятиях преданной возлюбленной, свергнутый диктатор, казалось, перестал интересоваться окружающим. Геббельс, имевший, как известно, не одну, а несколько любовниц, сделал вид, что шокирован.

«Личные отношения дуче с его подружкой, — отметил он в своем дневнике 9 ноября,

---

на «благотворительные цели», если будет организован показ «живого Муссолини» на подмостках театров в Кейптауне. Предлагался трехнедельный контракт (Бутчер Г. Три года с Эйзенхауэром, с. 423). — Прим. авт.

[218] В действительности, судя по письму, которое Чиано направил позднее королю Виктору Эммануилу, немцы заманили его в Германию в августе. Ему сообщили, что его детям грозит опасность и что немецкое правительство будет радо переправить его и его семью в Испанию через Германию (см. Чиано Г. Дневники). — Прим. авт.

[219] Эдда Муссолини, как писал Геббельс в своем дневнике, ведет себя на вилле в Баварии как необузданная тигрица, по любому поводу бьет фарфор и ломает мебель (см. Геббельс И. Дневники, с. 479). — Прим. авт.

— которую Зепп Дитрих должен был ему доставить, порождают дурные предчувствия».

За несколько дней до этого Геббельс записал, что Гитлер уже «сбрасывает дуче со счетов как политика». Но прежде он вынудил дуче «уступить» Германии Триест, Истрию и Южный Тироль при условии, что Венеция будет присоединена к ним позднее. Некогда гордому тирану пришлось до дна испить чашу унижения. Под давлением Гитлера дуче согласился на арест своего зятя Чиано, что произошло в ноябре, и на его расстрел в тюрьме Вероны 11 января 1944 года[220].

К началу осени 1943 года Адольф Гитлер мог констатировать, что ему удалось справиться с наиболее серьезными опасностями, угрожавшими рейху. Падение Муссолини и безоговорочная капитуляция правительства Бадольо в Италии могли привести, как того опасались в течение нескольких недель Гитлер и его генералы, к тому, что южная граница Германии подверглась бы угрозе прямого нападения союзников, и к тому, что открылся бы путь из Северной Италии на Балканы, непосредственно в тыл немецких армий, сражавшихся на юге России. Безропотная отставка дуче в Риме, а также последовавший за ней развал блока держав оси явились тяжелым ударом по престижу фюрера как в самой Германии, так и за ее пределами. Тем не менее в течение двух месяцев Гитлер сумел реабилитировать Муссолини. Оккупированным Италией территориям на Балканах — Греции, Югославии и Албании теперь не угрожало нападение союзников, которого в конце лета верховное немецкое командование ожидало в любой день; стоявшие там итальянские войска силой до нескольких дивизий безропотно сдались немцам. Отпала необходимость сбрасывать со счетов силы фельдмаршала Кессельринга, как он сделал вначале, и отступать на север Италии — теперь фюрер испытывал удовлетворение от того, что армии фельдмаршала окапывались южнее Рима, где они легко преграждали путь продвижению на север англо–франко–американских сил. Без сомнения, положение гитлеровских войск на юге значительно улучшилось благодаря смелости и находчивости Гитлера и отваге его войск.

На других фронтах, однако, неудачи следовали одна за другой. 5 июля 1943 года Гитлер начал наступление, которое по его замыслам должно было стать решающим в войне против России. Цвет немецкой армии — 500 тысяч человек, не менее 17 танковых дивизий, оснащенных новейшими тяжелыми танками «тигр», были брошены против скопления русских войск, занимавших оборону на большом выступе к западу от Курска. Началась операция «Цитадель», и Гитлер верил, что в результате ее проведения лучшие русские армии численностью до миллиона человек — те самые, что гнали немцев от Сталинграда и Дона прошлой зимой, — попадут в ловушку, что позволит ему снова прорваться к Дону и, возможно, к Волге, а главное — с юго–востока захватить Москву.

Но она привела к окончательному поражению. Русские хорошо подготовились, чтобы нанести его. К 22 июля немецкие танковые дивизии потеряли половину танков, немцы были сначала остановлены, а затем стали откатываться назад. Русские были настолько уверены в своей силе, что в середине июля, не дожидаясь наступления немцев, начали свое собственное наступление против них на выступе под Орлом, к северу от Курска, и быстро прорвали фронт. Это было первое летнее наступление русских за всю войну, и с этого момента Красная Армия уже не уступала инициативу. 4 августа она выбила немцев из Орла, ставшего

---

[220] Последнюю запись, сделанную Чиано в дневнике, сопровождает пометка «23 декабря 1943 года, камера 27, тюрьма Вероны». Это волнующая запись. Я не представляю, как он сумел тайно переправить из камеры смертников запись, а также письмо королю Италии. От отмечает, что остальную часть дневника ему удалось спрятать до того, как его схватили немцы. Записи мужа вывезла из оккупированной немцами Италии Эдда Чиано, которая, переодевшись крестьянкой и спрятав их под юбкой, сумела перебраться через границу в Швейцарию.

Остальные фашистские главари, голосовавшие против дуче в Большом совете и схваченные им, были преданы суду специального трибунала за государственную измену. Все, кроме одного, были приговорены к смерти и расстреляны вместе с Чиано. Среди них был и один из наиболее стойких в прошлом последователей Муссолини маршал Эмилио де Боно, член квадрумвирата (четверки), некогда возглавивший марш на Рим, который привел Муссолини к власти. — Прим. авт.

южным исходным рубежом немецкого наступления на Москву, имевшего целью ее захват в декабре 1941 года.

Теперь наступление советских войск развернулось по всему фронту. 23 августа пал Харьков. Через месяц, 25 сентября, немцы были выбиты из Смоленска, откуда они, подобно великой армии Наполеона, столь самоуверенно двинулись на Москву в первые месяцы русской кампании. К концу сентября упорно теснимые на юге армии Гитлера отошли к Днепру и к оборонительному рубежу, протянувшемуся от изгиба реки у Запорожья до Азовского моря. Индустриальный Донецкий бассейн оказался потерян для немцев, а над немецкой 17–й армией в Крыму нависла угроза быть отрезанной.

Гитлер был уверен, что его армии смогут удержаться на Днепре и на укрепленных позициях к югу от Запорожья — на так называемом «зимнем рубеже». Но русские не стали делать передышки даже для перегруппировки войск. В течение первой недели октября они форсировали Днепр севернее и юго–восточнее Киева, который пал 6 ноября. К концу рокового 1943 года советские армии вышли к польской и румынской границам, пройдя по полям сражений, на которых летом 1941 года гитлеровские солдаты одерживали свои первые победы по мере продвижения в глубь России.

Но и это не все.

В этом году Гитлера поджидали еще два крупных поражения, которые также свидетельствовали о коренном переломе в ходе войны: поражение в битве за Атлантику и усиление интенсивности воздушных ударов союзников по самой Германии.

Как уже говорилось, в 1942 году немецкие подводные лодки потопили суда союзников общим водоизмещением 6 миллионов 250 тысяч тонн, в большинстве своем направлявшиеся в Англию или в Средиземное море. Такой тоннаж намного превосходил возможности кораблестроительных верфей Запада. Но к началу 1943 года западные союзники взяли верх над немецкими подводными лодками благодаря совершенствованию методов использования самолетов с большим радиусом действия и авианосцев, а главное — в результате оснащения подводных лодок радиолокаторами, которые засекали вражеские подводные лодки раньше, чем те могли их обнаружить. Новый командующий немецким флотом Дениц, опытный подводник, поначалу заподозрил измену, когда такое большое число его подводных, лодок было обнаружено и уничтожено еще до того, как они приблизились к караванам союзников, однако быстро сообразил, что причина катастрофических потерь кроется не в измене, а в радиолокаторах. В течение трех месяцев — февраля, марта и апреля потери составили ровно 50 единиц. Только в мае было потоплено 37 немецких подводных лодок. При таких потерях немецкий флот долго продержаться не смог бы, поэтому к концу мая Дениц под свою ответственность вывел из Атлантики все подводные лодки.

Они вновь появились там в сентябре, но за оставшиеся четыре месяца 1943 года сумели потопить лишь 67 судов противника, потеряв при этом 64 подводные лодки, — соотношение, которое решило судьбу подводной войны и исход битвы за Атлантику. В 1917 году, когда продвижение немецких армий было остановлено, немецкие подводные лодки едва не поставили Великобританию на колени. Столь же серьезно угрожали они ей и в 1942 году, когда армии Гитлера были остановлены в России и Северной Африке, а Соединенные Штаты и Великобритания напрягали все силы, чтобы не только остановить японское нашествие в Юго–Восточной Азии, но и собрать силы, вооружение и снаряжение для вторжения в пределы империи Гитлера на Западе. Неспособность немецких подводных лодок серьезно нарушить морские коммуникации в Северной Атлантике в 1943 году обернулась более крупным бедствием, чем считали в ставке Гитлера, поскольку, как ни тяжки были потери[221],

---

[221] «Не может быть и речи о прекращении подводной войны, — обрушился Гитлер на Деница, когда 31 мая тот доложил ему, что все подводные лодки выведены с Атлантики. — Атлантика — это мой первый рубеж обороны на Западе». Это было легче сказать, чем сделать. 12 ноября Дениц в отчаянии записал в своем дневнике: «Противник держит в руках все козыри, перекрыв все районы дальним патрулированием с воздуха и используя методы локации, которым мы все еще ничего не можем противопоставить… Противнику известны все наши секреты. Нам же из его секретов не известен ни один». Прим. авт.

именно за двенадцать месяцев этого переломного года огромные партии оружия и снаряжения были переброшены почти беспрепятственно через Атлантику, что обеспечило возможность наступления на «европейскую крепость» в следующем году. Кроме того, именно в этот период ужасы современной войны пришлось познать и немецкому народу, познать у своего собственного порога. Народ плохо представлял себе, чем занимаются подводные лодки. И хотя вести из России, со Средиземного моря и из Италии становились все хуже и хуже, они все же касались событий, происходивших за сотни и тысячи миль от дома. Но бомбы, сброшенные с английских самолетов ночью, а с американских — днем, стали теперь разрушать дома, в которых жили сами немцы, и конторы, и заводы, на которых они работали.

Сам Гитлер избегал посещать разбомбленный город. Эта обязанность оказалась для него слишком тяжкой, и он просто не мог этого выносить. Это очень огорчало Геббельса, и он часто жаловался, что его засыпают письмами, в которых спрашивают, почему фюрер не посещает районы, подвергшиеся воздушным налетам, и почему нигде не видно Геринга. Дневник министра пропаганды авторитетно свидетельствует о все более сильных разрушениях, причиняемых с воздуха немецким городам и предприятиям.

«16 мая 1943 года… Дневные налеты американских бомбардировщиков создают исключительные трудности. В Киле… сильно пострадали военно–технические объекты флота… Если это будет продолжаться, нам грозят серьезные последствия, которые в итоге могут оказаться невыносимыми…

25 мая. Ночной налет англичан на Дортмунд был исключительно сильным и, вероятно, самым интенсивным из всех, какие когда–либо обрушивались на немецкие города… Сообщения из Дортмунда просто ужасающие… Большой ущерб нанесен промышленным предприятиям и заводам по производству боеприпасов… Бездомными остались от 80 до 100 тысяч человек… Население западных районов страны постепенно начинает терять присутствие духа. Подобный ад трудно вынести… Вечером я получил (еще одно) донесение по Дортмунду. Разрушено буквально все… Не осталось буквально ни одного дома, пригодного для жилья…

26 июля. Ночью был сильный налет на Гамбург… Причем с самыми серьезными последствиями как для гражданского населения, так и для производства оружия… Это подлинная катастрофа.

29 июля. В течение ночи мы пережили самый сильный налет из всех, что были совершены на Гамбург… от 800 до 1000 бомбардировщиков… Кауфман (местный гаулейтер) прислал мне первое донесение… Он пишет о катастрофе, размах которой потрясает воображение. Город с миллионным населением был уничтожен беспрецедентным в истории способом. Перед нами стоят проблемы, которые почти не поддаются решению. Население в миллион человек необходимо снабдить продовольствием, обеспечить одеждой и жильем и как можно скорее эвакуировать. Короче говоря, мы столкнулись здесь с проблемами, в существование которых не верилось всего лишь несколько недель назад… Кауфман говорит примерно о 800 тысячах бездомных, которые бродят по улицам, не зная, что предпринять…»

Хотя некоторым важным военным заводам немцев был нанесен значительный урон, особенно тем, которые выпускали истребители, подшипники, боевые корабли, сталь и топливо для новых реактивных самолетов, а также ракетному экспериментальному предприятию в Пенемюнде, на которое Гитлер возлагал такие большие надежды[222], и хотя

---

[222] В мае 1943 года разведывательный самолет английских ВВС сфотографировал предприятия в Пенемюнде. Незадолго до этого в Лондоне была получена информация от польских подпольщиков о том, что там разрабатываются как беспилотные реактивные самолеты (позднее получившие наименование Фау–1, или самолеты–снаряды), так и ракеты (Фау–2). В августе английские бомбардировщики нанесли удар по Пенемюнде, причинив сильные разрушения предприятию и отбросив на несколько месяцев назад исследовательские работы и испытания. К ноябрю английские и американские ВВС обнаружили 63 пусковые установки для Фау–1 на побережье Ла–Манша, а в период с декабря по февраль следующего года разбомбили и

работа железнодорожного и морского транспорта систематически нарушалась, в целом производство вооружения в Германии не сократилось даже во время все более возраставших в 1943 году англо–американских бомбардировок. Отчасти это объяснялось увеличением выпуска продукции заводами и фабриками оккупированных стран, прежде всего Чехословакии, Франции, Бельгии и Северной Италии, которые не подвергались бомбардировкам. Наибольший ущерб англо–американская авиация, как разъясняет Геббельс в своем дневнике, нанесла жилому фонду и моральному духу немецкого народа. Помнится, в первые годы войны немецкая печать подбадривала население сенсационными сообщениями о том, как люфтваффе бомбили врага, особенно англичан. Они были уверены, что бомбардировки помогут им быстро и победоносно завершить войну. Теперь, в 1943 году, они начали ощущать на себе весь ужас воздушных налетов, гораздо более разрушительных, чем те, которые совершали люфтваффе на жителей Лондона в 1940–1941 годах. Немецкий народ выносил их так же храбро и стойко, как ранее английский народ. Но после четырех лет войны это требовало еще большего напряжения сил. Поэтому неудивительно, что теперь, в конце 1943 года, когда рухнули надежды на победу в России, на севере Африки и в Италии, когда собственные города рейха были буквально обращены в пепел бомбежками, немецкий народ начал отчаиваться и осознавать, что происходящее — это начало приближающегося конца.

«Самое позднее, в конце 1943 года, — напишет оставшийся не у дел генерал Гальдер, — уже стало очевидно, что в военном смысле война проиграна».

Генерал Йодль в мрачной, не для протокола лекции, прочитанной нацистским гаулейтерам в канун очередной годовщины «пивного путча», 7 ноября 1943 года, в Мюнхене, не зашел так далеко. Но обстановка на начало пятого года войны, которую он обрисовал на лекции, выглядела достаточно удручающей.

«Что ложится сегодня наиболее тяжким бременем на внутренний фронт и соответственно отражается на других фронтах, — сказал он, — так это разрушительные воздушные налеты врага на наши дома, на наших жен и детей. В этом смысле… исключительно по вине Англии война обрела формы, которые, как считалось, были невозможны со времен расовых и религиозных войн.

Эффект этих терроризирующих налетов — психологический, моральный и материальный — таков, что его необходимо ослабить, если не представляется возможным устранить полностью».

Состояние морального духа немцев в результате поражений и бомбардировок 1943 года было недвусмысленно обрисовано этим авторитетным нацистом, который на сей раз выступал от лица фюрера:

«Дух разрушения ощущается в нашей стране то тут, то там. Разные трусливые элементы ищут выхода или того, что они называют «политическим решением». Они заявляют, что мы должны приступить к переговорам, пока у нас еще кое–что есть»[223].

Но дело было не только в «трусливых элементах». Сам д–р Геббельс, наиболее верный

уничтожили 73 установки, общее число которых возросло к этому времени до 96. Термины Фау–1 и Фау–2 произошли от немецких слов «оружие возмездия», которое так превозносила пропаганда д–ра Геббельса в мрачном 1944 году. — Прим. авт.

[223] Лекция Йодля на тему «Стратегическое положение к началу пятого года войны» является, пожалуй, наиболее исчерпывающим из имеющихся у нас из первых рук описаний неблагоприятной обстановки в конце 1943 года, как она представлялась Гитлеру и его генералам. Это не просто конфиденциальная лекция для нацистских политических лидеров. Йодль приводил десятки цитат из совершенно секретных меморандумов и документов со штампом «Ставка фюрера». Взятые вместе, они рисуют подлинную картину войны, как она виделась фюреру, который наверняка следил за подготовкой лекции. Изображая настоящее в мрачных красках, Йодль нарисовал еще более безрадостное будущее, верно предсказывая, что предстоящее англо–американское вторжение в Европу «решит судьбу войны» и что сил, имеющихся в распоряжении немцев, недостаточно, чтобы его отразить. — Прим. авт.

и преданный до фанатизма из последователей Гитлера, как об этом свидетельствует его дневник, искал выход еще до конца 1943 года, напряженно размышляя не столько о том, следует ли Германии вести мирные переговоры или нет, сколько о том, с кем их вести — с Россией или с Западом. Он не вел разговоры за спиной Гитлера о необходимости поисков мира, подобно некоторым. У него хватало смелости и откровенности, чтобы изложить свои мысли непосредственно Гитлеру. 10 сентября 1943 года, находясь в ставке Гитлера в Растенбурге, куда его вызвали в связи с известием о капитуляции Италии, Геббельс впервые затронул, как отмечено в его дневнике, вопрос о возможных мирных переговорах.

«Проблема состоит в том, к какой стороне нам надлежит обратиться сначала — к Москве или к Англии и Америке. Во всяком случае, трудно успешно вести войну против обеих».

Он замечал, что Гитлер обеспокоен перспективой вторжения союзников на Западе так же, как и «угрожающей обстановкой» на русском фронте:

«Удручающим обстоятельством является то, что мы не имеем ни малейшего представления о резервах, которые приберег Сталин. Я очень сомневаюсь, сможем ли мы в этих условиях перебросить наши дивизии с Востока на другие европейские театры военных действий».

Записав в секретном дневнике некоторые из своих собственных идей, которые еще несколько месяцев назад казались ему изменническими и пораженческими, Геббельс обратился к Гитлеру.

«Я спросил фюрера, можно ли что–нибудь решить со Сталиным в ближайшем будущем или в перспективе. Он ответил, что в данный момент нельзя… Во всяком случае, фюрер считает, что легче иметь дело с англичанами, чем с Советами. В определенный момент, считает фюрер, англичане образумятся… Я склонен считать Сталина более доступным, поскольку Сталин — политик более практического склада, нежели Черчилль. Черчилль — романтичный авантюрист, говорить с которым, взывая к разуму, невозможно».

Именно в этот мрачный период состояния их дел Гитлер и его приспешники стали хвататься за спасительную соломинку — коалиция союзников распадется, Англия и Америка испугаются перспективы вторжения советских армий в Европу и в конечном счете объединятся с Германией, чтобы защитить Старый Свет от большевизма. Гитлер довольно пространно высказался по этому поводу на встрече с Деницем в августе 1943 года, теперь же, в сентябре, он обсуждал эту тему с Геббельсом.

«Англичане, — продолжал Геббельс запись в дневнике, — не хотят допустить большевизации Европы ни при каких обстоятельствах… Как только они осознают это… у них останется выбор лишь между большевизмом и некоторым потеплением по отношению к национал–социализму, и они, несомненно, проявят склонность к компромиссу с нами. Сам Черчилль — старый противник большевизма, и его сотрудничество с Москвой сегодня всего–навсего преходящий момент».

Казалось, Гитлер и Геббельс позабыли в этот момент, кто первым начал сотрудничать с Москвой и кто втянул Россию в войну. Подводя итоги беседы с Гитлером о возможности заключения мира, Геббельс писал:

«Рано или поздно нам придется решать вопрос о том, в сторону кого из врагов следует склониться. В истории Германии ей еще ни разу не повезло в войне на два фронтов… Не сможет она в конечном счете выстоять и в этой».

Но не слишком ли поздно было размышлять на этот счет? Геббельс вернулся в ставку 23 сентября и во время утренней прогулки с нацистским лидером нашел его гораздо более пессимистично настроенным, чем две недели назад, относительно возможности ведения мирных переговоров с одной из сторон, чтобы затем воевать на одном фронте.

«Фюрер не верит, что в настоящее время можно чего–либо достигнуть путем переговоров. Англия еще достаточно твердо стоит на ногах… На Востоке, естественно, нынешний момент совершенно неблагоприятен… Сталин обладает сейчас преимуществом». В этот вечер Геббельс обедал с Гитлером наедине. «Я спросил фюрера, готов ли он вести

переговоры с Черчиллем… Он не считает, что переговоры с Черчиллем приведут к какому–либо результату, поскольку тот слишком прочно находится в плену своих враждебных взглядов и, кроме того, движим ненавистью, а не разумом… Фюрер предпочел бы переговоры со Сталиным, но он не думает, что они будут успешными…

Как бы ни сложились обстоятельства, сказал я фюреру, мы должны прийти к урегулированию либо с одной стороной, либо с другой. Рейх еще ни разу не выигрывал войну на два фронта. Поэтому нам следует подумать, как так или иначе покончить с войной на два фронта».

Эта задача была куда сложнее, чем они себе ее представляли, они, кто так легко вверг Германию в войну на два фронта. Но в тот сентябрьский вечер 1943 года, по крайней мере на мгновение, нацистский диктатор избавился наконец от своего пессимизма и предался мечтам о том, каким благом мог бы оказаться мир. По свидетельству Геббельса, он даже заявил, что «жаждет» мира.

Он сказал, что «был бы счастлив снова оказаться в кругу артистов, отправиться вечером в театр, а затем зайти в артистический клуб». Гитлер и Геббельс не были единственными в Германии, кто теперь, когда война вступила в свой пятый год, размышлял о шансах и путях, ведущих к миру. Разобщенные болтливые антинацистские заговорщики, хотя число их возросло, но оставалось огорчительно малым, снова стали задумываться над прежней проблемой. Они уже ясно видели: хотя армии Гитлера все еще сражались на чужой земле, война проиграна. Большинство из них, но отнюдь не все, неохотно, лишь преодолев угрызения совести, приходили к выводу, что для того, чтобы Германия обрела мир, который открыл бы ей перспективу уцелеть и существовать далее, им придется устранить Гитлера посредством убийства и одновременно уничтожить национал–социализм.

С наступлением 1944 года, когда появилась уверенность, что англо–американские армии начнут вторжение через Ла–Манш еще до конца года, что Красная Армия приблизится к границам самого рейха, а древние города Германии в результате воздушных налетов союзников скоро будут обращены в груды развалин[224], заговорщики решились на отчаянную попытку убить нацистского диктатора и свергнуть его режим, прежде чем он ввергнет Германию в страшную катастрофу. Они сознавали, что времени осталось немного.

ВТОРЖЕНИЕ СОЮЗНИКОВ В ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ И ПОКУШЕНИЕ НА ГИТЛЕРА

В течение 1943 года заговорщики предприняли по меньшей мере полдюжины попыток убить Гитлера, одна из которых сорвалась лишь потому, что не взорвалась бомба замедленного действия, заложенная в самолет фюрера во время его полета на русский фронт.

Серьезные изменения произошли в этом году в немецком движении Сопротивления. Его участники отказались делать ставку на фельдмаршалов, ибо они были либо слишком трусливы, либо слишком тупы, чтобы использовать свое положение и военную власть для свержения верховного главнокомандующего. В ноябре 1942 года на тайной встрече в лесу под Смоленском Герделер, политический застрельщик немецкого Сопротивления, обратился к фельдмаршалу Клюге, командующему группой армий «Центр» на Востоке, с просьбой сыграть активную роль в ликвидации Гитлера. Нестойкий генерал, только что получивший щедрый подарок от фюрера[225], согласился, но через несколько дней струсил и написал

---

[224] «Тысячелетний труд превратился в груду камней», — писал Герделер фельдмаршалу фон Клюге в июле 1943 года после посещения на западе районов, подвергшихся бомбардировкам. В своем письме Герделер умолял колеблющегося генерала примкнуть к заговорщикам, чтобы положить конец Гитлеру и его безумию, — Прим. авт.

[225] В день своего 60–летия — 30 октября 1942 года Клюге получил от Гитлера чек на 250 тысяч марок (100 тысяч долларов по официальному валютному курсу) и специальное разрешение израсходовать половину этой суммы на уход за имением. Другой бы воспринял это как оскорбление достоинства и чести немецкого офицера,

генералу Беку в Берлин, чтобы на него не рассчитывали.

Несколько недель спустя заговорщики попытались убедить генерала Паулюса, 6–я армия которого находилась в то время в окружении под Сталинградом и который по их предположениям глубоко разочаровался в фюрере, допустившем такую катастрофу, выступить с обращением к армии сбросить тирана, который привел четверть миллиона немецких солдат к такому постыдному концу. Личное обращение генерала Бека с этой просьбой к Паулюсу, изложенное в письме, было доставлено летчиком немецких ВВС в осажденный город. Паулюс, как мы видели, отреагировал на это тем, что направил целый поток радиограмм фюреру с выражением верности, и опомнился лишь тогда, когда был доставлен в Москву в качестве военнопленного.

В течение нескольких дней заговорщики, разочаровавшись в Паулюсе, возлагали свои надежды на Клюге и Манштейна, которые после разгрома под Сталинградом вылетели в Растенбург, чтобы потребовать от фюрера передать им командование армиями на русском фронте. В случае успеха этот демарш должен был послужить сигналом к военному перевороту в Берлине. Заговорщики вновь стали жертвой собственных иллюзий. Два фельдмаршала действительно полетели в ставку Гитлера, но лишь для того, чтобы заверить верховного главнокомандующего в своей преданности.

«Нас предали. Мы остались в одиночестве», — с горечью жаловался Бек.

Ему и его друзьям стало очевидно, что не стоит ожидать какой–либо практической помощи от высшего командного состава фронта. В отчаянии они обратились к последнему носителю военной власти — к армии резерва, которую лишь с натяжкой можно было считать армией. Это были формирования рекрутов, проходивших военное обучение, а также различные части из пожилых солдат, стоявшие гарнизонами на охране объектов в рейхе. Тем не менее эти солдаты были вооружены из их общего числа, учитывая, что лучшие части войск СС находились на фронте, было достаточно, чтобы под руководством заговорщиков оккупировать Берлин и другие крупные города после убийства Гитлера. Но у оппозиции все еще не было полного согласия относительно необходимости или даже желательности проведения акции против Гитлера.

Кружок Крейсау, например, «неизменно выступал против любых актов насилия. Это была своеобразная, разнородная по составу группа молодых идеалистов–интеллигентов, объединившихся вокруг отпрысков двух наиболее именитых немецких аристократических семей — графа Хельмута Джеймса фон Мольтке, правнучатого племянника того самого фельдмаршала, который привел прусскую армию к победе над Францией в 1870 году, и графа Петера Йорка фон Вартенбурга, прямого потомка знаменитого генерала наполеоновской эпохи, совместно с Клаузевицем подписавшего Тауроггенскую конвенцию с царем Александром I, по которой прусская армия переходила на сторону коалиции и способствовала падению Бонапарта.

Взяв себе название от названия имения Мольтке в Крейсау, расположенного в Силезии, кружок Крейсау стал не конспиративной ячейкой, а дискуссионным клубом[226], члены которого представляли как бы немецкое общество в разрезе, каким оно сложилось в донацистские времена и каким, по их мнению, оно должно было стать после исчезновения нацистского кошмара. В его состав входили два иезуитских священника, два лютеранских пастора, консерваторы и либералы, социалисты, богатые землевладельцы, бывшие профсоюзные лидеры, профессора и дипломаты. Несмотря на различия в происхождении и убеждениях, они смогли выработать общую широкую платформу, которая позволяла им

однако фельдмаршал принял и то и другое (Шлабрендорф Ф. Они чуть не убили Гитлера, с. 40). Позднее, когда Клюге стал противником Гитлера, фюрер сказал как–то своим офицерам в ставке: «Я лично дважды присваивал ему звания, удостаивал его высших наград, подарил ему большое имение… и дал большую прибавку к жалованью как фельдмаршалу…» (Гилберт Ф. Гитлер руководит своей войной, с. 101–102). Прим. авт.

[226] «Нас повесят, — писал Мольтке своей жене перед казнью, — за то, что мы думали вместе». — Прим авт.

исповедовать интеллектуальные, духовные, этические, философские и в известной мере политические идеи сопротивления Гитлеру. Судя по сохранившимся после них документам (почти все эти люди были повешены еще до окончания войны), намечая планы создания будущего правительства, экономические, социальные и духовные основы нового общества, они преследовали цель установить что–то наподобие христианского социализма, при котором все люди станут братьями, а ужасные пороки времени — извращения человеческого духа — будут исцелены. Идеалы их были благородны, возвышенны и несли на себе налет традиционного немецкого мистицизма.

Но эти возвышенные молодые люди были невероятно пассивны. Они ненавидели Гитлера за тот полный упадок, к которому он привел Германию и Европу, но не стремились свергнуть его. Они считали, что предстоящее поражение Германии решит и этот вопрос, и сосредоточили свое внимание на том, что должно затем последовать. «Для нас… — писал Мольтке, — понятие «Европа после войны» сводится к тому, как восстановить представление о человеке в душе наших сограждан».

Дороти Томпсон, известная американская журналистка, которая в течение многих лет работала в Германии и хорошо знала ее, обратилась к Мольтке, своему старому и близкому другу, с призывом спуститься на землю с заоблачных высот. Летом 1942 года в серии коротковолновых радиопередач из Нью–Йорка, адресованных Гансу, она умоляла его и его друзей предпринять что–нибудь, чтобы избавиться от своего дьявольского диктатора. «Мы живем не среди святых, а среди обычных людей», — пыталась напомнить ему она.

«Последний раз, когда мы встречались с тобой, Ганс, мы пили чай на той чудесной террасе, что выходит на озеро… Я сказала, что наступит день, когда ты должен будешь показать своими действиями, решительными действиями, чего ты добиваешься. И я помню, как спросила тебя, найдется ли у тебя и твоих друзей достаточно мужества, чтобы действовать…»

Это был острый вопрос, а ответ, судя по всему, оказался таким: Мольтке и его друзья нашли в себе мужество открыто говорить, за что и были казнены, но не действовать. Это ошибка — скорее ошибка ума, а не сердца, ибо все они мужественно приняли ужасную смерть, — была главной причиной расхождения между кружком Крейсау и группой заговорщиков Бека — Герделера — Хасселя, хотя и они спорили о типе и составе правительства, которое должно было прийти на смену нацистскому режиму. После представительного совещания, состоявшегося 22 января 1943 года в доме Петера Йорка под председательством генерала Бека, который, как отметил в своем дневнике Хассель, «был довольно неуверен и сдержан», произошло несколько встреч между членами группы. Уже в ходе совещания разгорелся жаркий спор между «молодыми и стариками», по терминологии Хасселя, относительно будущей экономической и социальной политики, причем Мольтке схватился с Герделером. Хассель считал, что бывший мэр Лейпцига занимал крайне реакционную позицию, и обратил внимание на англосаксонские и пацифистские настроения Мольтке.

Гестапо также обратило внимание на это совещание и на состоявшемся впоследствии суде над его участниками представило удивительно подробный отчет об этих дискуссиях.

Гиммлер, обнаружив заговорщиков, шел по горячим следам, чего никто из них не мог предположить. Но один из парадоксов нашего повествования заключается в том, что в этот момент, то есть в 1943 году, когда надежда на победу была уже утеряна, а поражение казалось неизбежным, по иронии судьбы обладавший мягкими манерами, но кровожадный шеф СС, глава полиции третьего рейха, начал проявлять личный интерес к немецкому Сопротивлению и с некоторыми представителями имел ряд дружеских контактов. И, что характерно для образа мыслей заговорщиков, некоторые из них, в особенности Попитц, теперь видели в Гиммлере вероятного преемника Гитлера! Шеф СС, казавшийся таким фанатично преданным фюреру, осознал это, но почти до самого конца вел двойную игру, в ходе которой погубил многих смелых заговорщиков.

Отныне сопротивление действовало по трем направлениям. Члены кружка Крейсау

вели нескончаемые дискуссии о пришествии золотого века. Группа Бека, мыслившая более реалистично, стремилась прикончить Гитлера любым способом и захватить власть. Она поддерживала контакт с Западом, чтобы информировать демократически мыслящих союзников о происходящем, а также выяснить, какого рода мир они готовы заключить в результате переговоров с новым антинацистским правительством[227]. Эти контакты были установлены в Стокгольме и Швейцарии. В шведской столице Герделер часто встречался с банкирами Маркусом и Якобом Валленбергами, с которыми его связывала давняя дружба и с которыми он поддерживал деловые и личные контакты в Лондоне. Во время одной из встреч с Якобом Валленбергом в апреле 1942 года Герделер убеждал его связаться с Черчиллем. Заговорщики хотели авансом получить от премьер–министра заверения в том, что союзники заключат с Германией мир, если они арестуют Гитлера и свергнут нацистский режим. Валленберг ответил, что, насколько ему известно, от английского правительства получить такие заверения невозможно.

Месяц спустя два лютеранских священника установили прямой контакт с англичанами в Стокгольме. Это были д–р Ганс Шенфельд, член отдела внешних сношений немецкой евангелической церкви, и пастор Дитрих Бонхеффер, видный церковный деятель и активный заговорщик, который, прослышав, что д–р Джордж Белл, англиканский епископ в Чичестере, прибыл с визитом в Стокгольм, поспешил туда, чтобы с ним встретиться. Заметим, что Бонхеффер совершал поездку инкогнито по подложным документам, которыми его снабдил полковник Остер из абвера.

Оба пастора проинформировали епископа о планах заговорщиков и так же, как и Герделер, поинтересовались, готовы ли западные союзники заключить достойный мир с нацистским правительством после свержения Гитлера. Они просили дать им ответ либо в частном послании, либо в публичном выступлении. Чтобы создать у епископа впечатление, что заговор против Гитлера подготовлен серьезно, Бонхеффер передал ему список имен руководителей заговора неосторожность, которая впоследствии стоила ему жизни и повлекла за собой расправу над многими.

Это была самая свежая и достоверная информация о немецкой оппозиции и ее планах, оказавшаяся в руках союзников. Епископ Белл незамедлительно передал ее Антони Идену, английскому министру иностранных дел, когда тот возвратился в июне в Лондон. Но Идеи, ушедший со своего поста в 1938 году в знак протеста против политики попустительства Гитлеру, проводимой Чемберленом, воспринял информацию скептически. Подобная информация однажды уже поступала к английскому правительству якобы от немецкого подполья еще во времена Мюнхена, но ничего из этого не вышло. Ответа не последовало.

Контакты немецкого подполья с союзниками в Швейцарии осуществлялись в основном через Аллена Даллеса, который возглавлял там Управление стратегических служб США с ноября 1942 года до конца войны. Его основным визитером был Ганс Гизевиус. Он часто ездил в Берн и слыл, как известно, активным заговорщиком. Гизевиус служил в абвере и фактически занимал пост вице–консула при немецком генеральном консульстве в Цюрихе. В его основные функции входило доставлять Даллесу сообщения от Бека и Герделера и держать его в курсе подготовки различных заговоров против Гитлера. Среди других немецких посетителей Даллеса были д–р Шенфельд и Тротт цу Зольц, причем последний являлся членом кружка Крейсау и одновременно участником заговора. Однажды он совершил поездку в Швейцарию, чтобы предупредить Даллеса о том, что если западные

---

[227] В некоторых немецких мемуарах сообщается, что в 1942–1943 годах нацисты установили контакты с русскими на предмет возможных мирных переговоров и что Сталин будто бы предложил начать переговоры о сепаратном мире. Риббентроп, находясь на скамье подсудимых в Нюрнберге, сообщил о своих усилиях, направленных на то, чтобы войти в контакт с русскими, и заявил, что фактически он установил его с советскими агентами в Стокгольме. Петер Клейст, который действовал в Стокгольме от имени Риббентропа, рассказал об этом в своей книге. Я подозреваю, что, когда все секретные немецкие документы будут разобраны, могут всплыть данные, способные пролить дополнительный свет на этот эпизод. — Прим. авт.

демократии откажутся рассматривать возможность подписания достойного мира с антинацистским режимом в Германии, то заговорщики обратятся к Советской России. Даллес отнесся к этому с пониманием, однако не дал каких–либо заверений.

Можно только удивляться лидерам немецкого Сопротивления, которые проявляли такую настойчивость в достижении мирного соглашения с Западом и такую нерешительность в избавлении от Гитлера. Казалось, раз они считают нацизм таким чудовищным злом, как они о том постоянно заявляли, безусловно искренне, им следовало бы сосредоточиться на устранении его независимо от того, как станет относиться к их новому режиму Запад. Создается впечатление что большое число этих добропорядочных немцев слишком легко поддались искушению обвинить весь мир в своих собственных неудачах, подобно тому, как некоторые из них навлекли на Германию беды после поражения в первой мировой войне и даже способствовали приходу к власти Гитлера.

Операция «Вспышка»

В феврале 1943 года Герделер сообщил Якобу Валленбергу в Стокгольме, что они «подготовили план переворота, намеченного на март». План у них действительно был. Операцию, получившую название «Вспышка», разработали в течение января — февраля генералы Фридрих Ольбрихт, начальник общего управления сухопутных войск, и фон Тресков, начальник штаба группы армий «Центр» в России под командованием Клюге. Ольбрихт, глубоко религиозный человек, лишь недавно присоединился к заговору, но в силу своего нового назначения быстро занял в нем ключевое место. Как заместитель генерала Фридриха Фромма, командующего армией резерва, он имел возможность направлять действия гарнизонов в Берлине и других крупных городах рейха в интересах заговорщиков. Сам Фромм, как и Клюге, к этому времени полностью разочаровался в фюрере, но не считался достаточно надежным человеком, чтобы посвятить его в заговор.

«Мы готовы. Настало время для «Вспышки», — сообщил Ольбрихт в конце февраля молодому Фабиану Шлабрендорфу, младшему офицеру в штабе генерала Трескова. В начале марта заговорщики собрались на последнее совещание в Смоленске, в штабе группы армий «Центр». Хотя адмирал Канарис, шеф абвера, и не участвовал в операции, он был в курсе событий и способствовал организации совещания, прихватив с собой в Смоленск на самолете офицеров штаба Ганса фон Донаньи и генерала Эрвина Лахузена — якобы на совещание офицеров разведки вермахта. Лахузен, бывший офицер разведки австрийской армии и единственный из заговорщиков абвера, переживший войну, привез с собой несколько бомб.

Шлабрендорф и Тресков после многочисленных испытаний пришли к выводу, что немецкие бомбы замедленного действия непригодны. Их взрыватели, как объяснил позднее молодой офицер, издавали перед взрывом низкий шипящий звук, который их выдавал. Англичане, как выяснилось, разработали более удачные бомбы этого типа. «Перед взрывом они не производили никакого шума», отметил Шлабрендорф. Значительное число подобных подрывных устройств самолеты английских ВВС сбрасывали для своей агентуры в оккупированной Европе в целях проведения диверсий. Одно из них было использовано для покушения на Гейдриха. В распоряжении абвера имелось несколько таких бомб, которые теперь были переданы заговорщикам. Разработанный на совещании в Смоленске план состоял в том, чтобы заманить Гитлера в штаб группы армий и там покончить с ним. Это в свою очередь должно было послужить сигналом для переворота в Берлине.

Заманить же в ловушку верховного главнокомандующего, который с подозрительностью относился к большинству своих генералов, было делом непростым. Но Тресков уговорил своего старого друга генерала Шмундта, тогдашнего адъютанта Гитлера, обработать своего шефа. Фюрер некоторое время колебался, несколько раз отменял поездку, пока наконец не дал твердого согласия прибыть в Смоленск 13 марта 1943 года. Сам Шмундт

ничего не знал о заговоре.

Тем временем Тресков энергично принялся убеждать Клюге взять в свои руки операцию по устранению Гитлера. Он подал фельдмаршалу мысль разрешить подполковнику барону фон Безелагеру [228], который командовал кавалерийским подразделением при штабе, использовать его для ликвидации Гитлера и его личной охраны, как только они прибудут в Смоленск. Безелагер охотно согласился. Чтобы начать действовать, ему требовалось одно — получить приказ от фельдмаршала, но колеблющийся командующий не смог заставить себя отдать этот приказ. Поэтому Тресков и Шлабрендорф решили взять все в свои руки. Они попросту поместят бомбу замедленного действия в самолет Гитлера перед обратным вылетом. «Сходство с несчастным случаем, — объяснял позднее Шлабрендорф, — позволило бы избежать политических издержек убийства. Ибо в то время у Гитлера было еще много последователей, которые после такого события могли оказать сильное противодействие нашему мятежу».

Дважды — днем и вечером 13 марта — после прибытия Гитлера два антинацистски настроенных офицера готовы были поддаться искушению изменить план и взорвать бомбу: сначала в кабинете Клюге, где Гитлер беседовал с генералами армейской группы, а позднее в офицерской столовой, где для них был устроен ужин[229]. Но такое изменение плана привело бы к гибели ряда тех самых генералов, которые, освободившись от присяги на верность фюреру, должны были содействовать заговорщикам в захвате власти в рейхе.

Оставалась еще проблема — пронести бомбу в самолет фюрера, который должен был взлететь сразу после обеда. Шлабрендорф собрал то, что он назвал двумя взрыв–пакетами, завернул так, чтобы это походило на две бутылки коньяка. За обедом Тресков невинно спросил полковника Гейнца Брандта из главного штаба сухопутных войск, находившегося в числе сопровождавших Гитлера лиц, не окажет ли он любезность, не захватит ли с собой презент две бутылки коньяка для своего старого друга генерала Хельмута Штиффа[230], начальника оргуправления главного командования сухопутных войск. Ничего не подозревавший Брандт сказал, что будет рад исполнить просьбу.

На аэродроме Шлабрендорф, нервно просунув палец в небольшое отверстие в свертке, запустил механизм замедленного действия и вручил посылку Брандту, входившему в самолет фюрера. Взрывное устройство было сконструировано довольно хитро — в него был встроен часовой механизм. Молодой офицер нажал на кнопку — она раздавила небольшую ампулу с химическим раствором, который разъедал проволочку, удерживавшую сжатую пружину. Когда проволочка обрывалась, пружина ударяла по бойку, а тот ударял по детонатору, подрывавшему бомбу. Взрыв, как объяснял Шлабрендорф, должен был произойти вскоре после того, как Гитлер пролетит Минск, примерно через тридцать минут после взлета в Смоленске. Дрожа от возбуждения, Шлабрендорф позвонил в Берлин и кодом предупредил заговорщиков о том, что «Вспышка» началась. Затем он и Тресков, затаив дыхание, стали ждать грандиозной новости. Они предполагали, что первое известие поступит по радио от одного из истребителей, сопровождавших самолет фюрера, и вели счет минутам. Прошло двадцать, тридцать, сорок минут, час… Однако известий все не поступало. Прошло более двух часов, прежде чем поступило обычное сообщение. Оно гласило, что самолет Гитлера приземлился в Растенбурге.

«Мы были ошеломлены и не могли постичь причину неудачи, — рассказывал позднее

---

[228] Казнен нацистами. — Прим. авт.

[229] При первой встрече, по словам Шлабрендорфа, он имел возможность подержать в руках фуражку Гитлера необычно большого размера. Его поразил ее вес. Осмотрев ее внимательнее, он обнаружил, что она имеет стальную подкладку весом около полутора килограммов. — Прим. авт.

[230] Казнен нацистами. — Прим. авт.

Шлабрендорф. — Я немедленно позвонил в Берлин и условной фразой сообщил, что попытка провалилась. Затем мы с Тресковом посоветовались, что предпринять далее. Мы оба были глубоко потрясены. Положение казалось достаточно серьезным, поскольку попытка не удалась. Однако оно ухудшилось бы после обнаружения бомбы, которая безошибочно вывела бы следствие на нас, а это повлекло бы гибель широкого круга прямых участников заговора».

Но бомба так и не была обнаружена. В тот же вечер Тресков позвонил полковнику Брандту и между прочим поинтересовался, нашлось ли у него время передать сверток генералу Штиффу. Брандт ответил, что у него еще руки до этого не дошли. Тогда Тресков попросил его не беспокоиться, поскольку в бутылках не тот коньяк, и заверил, что Шлабрендорф приедет завтра по делам и заодно прихватит поистине отменный коньяк, тот, который он и намеревался послать.

Собрав все мужество, Шлабрендорф отправился в ставку Гитлера и обменял пару бутылок коньяка на бомбу. Позднее он рассказывал:

«Я до сих пор с ужасом вспоминаю, как Брандт передал мне сверток, тряхнув его, и как я похолодел, ожидая запоздалого взрыва. Притворившись спокойным, я взял бомбу и тут же вышел к машине. Нажав на газ, двинулся к соседнему железнодорожному разъезду Коршен».

Там он сел в ночной поезд на Берлин и, запершись в купе, разобрал бомбу. При этом быстро обнаружилось, что случилось, точнее, почему ничего не случилось.

«Механизм сработал: маленькая ампула была раздавлена, жидкость разъела проволочку, боек пробил капсюль, но детонатор не воспламенился».

Разочарованные, но не обескураженные берлинские заговорщики решили готовить новое покушение на Гитлера. И вскоре подходящий случай подвернулся. 21 марта Гитлер в сопровождении Геринга, Гиммлера и Кейтеля должен был присутствовать в Цойгхаусе в Берлине на поминовении павших героев. Представлялась возможность разделаться не только с фюрером, но и с его ближайшими пособниками. Как позднее отметил начальник разведки при штабе Клюге полковник барон фон Герсдорф, это был шанс, который дважды не повторяется. Именно Герсдорфу поручил Тресков бросить бомбу. На этот раз, однако, пришлось бы жертвовать жизнью. План заключался в том, что полковник, спрятав в карман шинели две бомбы, должен был взвести их, встать во время церемонии как можно ближе к Гитлеру и взорвать фюрера и его окружение, отправив всех, в том числе и самого себя, на тот свет. Герсдорф проявил мужество и добровольно выразил готовность пожертвовать собой.

Вечером 20 марта он встретился со Шлабрендорфом в его номере в берлинском отеле «Эдем». Шлабрендорф принес две бомбы со взрывателями, установленными на десять минут. Но ввиду низкой температуры в застекленном дворе Цойгхауса взрыв мог произойти лишь через 15–20 минут. По программе церемонии после произнесения речи Гитлер в течение получаса знакомился на этом же дворе с организованной штабом Герсдорфа выставкой русской трофейной техники. Выставка была единственным местом, где полковник мог подойти к Гитлеру достаточно близко, чтобы убить его.

Позднее Герсдорф рассказывал, что там произошло:

«На следующий день я пронес в обоих карманах шинели по бомбе со взрывателем, установленным на 10 минут. Я стремился подойти как можно ближе к Гитлеру, чтобы взрыв разнес его в клочья. Когда Гитлер… вошел в выставочный зал, Шмундт пересек помещение и подошел ко мне, чтобы сказать, что на осмотр экспонатов отводится от восьми до десяти минут. Таким образом, осуществить покушение снова оказалось невозможно, поскольку даже при нормальной температуре требовалось не менее десяти минут, чтобы сработал взрыватель. Это изменение программы в последнюю минуту было типичным для Гитлера приемом самосохранения, который снова спас ему жизнь»[231].

---

[231] Одна из трудностей сведения воедино всех действий заговорщиков состоит в том, что воспоминания немногих уцелевших из них далеко не совершенны, так как они не только различны, но и подчас противоречат друг другу. Например, Шлабрендорф, который доставил бомбу Герсдорфу, пишет в своей книге, что, поскольку они не смогли найти взрыватель с достаточно коротким временем срабатывания, им пришлось «отказаться от

Находясь в Смоленске, генерал Тресков, по словам Герсдорфа, с тревогой и надеждой слушал радиопередачу об этой церемонии, держа в руках секундомер. Когда диктор сказал, что Гитлер покинул зал выставки через восемь минут после того, как вошел туда, генерал понял, что сорвалась еще одна попытка покушения.

По меньшей мере было предпринято три «шинельных» попытки, как называли их заговорщики, и каждая из них, как мы убедимся, оканчивалась неудачей.

В начале 1943 года в Германии произошло еще одно стихийное выступление, хотя и небольшое по масштабу. Оно помогло поднять упавший было дух Сопротивления, все попытки которого устранить Гитлера до сих пор кончались провалом. Это также послужило предупреждением, насколько беспощаден нацистский режим в своем стремлении подавить малейшее проявление оппозиции.

Как мы видели, в начале тридцатых годов из среды студентов немецких университетов выходили самые фанатичные нацисты. Но десятилетие гитлеровского правления привело к массовому разочарованию, обострившемуся в результате неспособности Германии выиграть войну, особенно в начале 1943 года, после катастрофы под Сталинградом. Очагом студенческих выступлений стал университет в Мюнхене — городе, породившем нацизм. Возглавили их 25–летний студент–медик Ганс Шолль и его сестра Софья, 21 года, изучавшая биологию. Идейным руководителем стал Курт Хубер, профессор философии. Посредством так называемых «Писем белой розы» они вели антинацистскую пропаганду и в других университетах. Им удалось установить связи с заговорщиками в Берлине. Однажды, в феврале 1943 года, гаулейтер Баварии Пауль Гислер, которому гестапо доставило пачку писем, созвал студентов и объявил, что юноши, признанные негодными по своему физическому состоянию для военной службы (годные были призваны в армию), отныне будут заниматься более полезным для войны делом, и, плотоядно улыбаясь, добавил, что студенткам придется ежегодно рожать по ребенку на благо фатерланда. Если же иные девицы не обладают достаточным очарованием, чтобы найти себе партнера, он пообещал приставить к каждой из них по одному из своих подчиненных для в высшей степени приятного времяпрепровождения. Выходцы из Баварии славятся своим грубоватым юмором, но эта откровенная пошлость вывела студентов из терпения. Их крики заглушили голос гаулейтера, его вытолкали из зала вместе с гестаповцами и эсэсовцами, которым было поручено его охранять. Вечером впервые на улицах Мюнхена прошли антинацистские студенческие демонстрации. Студенты во главе с братом и сестрой Шолль стали распространять листовки, открыто призывавшие немецкую молодежь к восстанию. 19 февраля какой–то служащий с соседней стройки видел, как Ганс и Софья Шолль разбрасывали листовки с балкона университета и донес на них в гестапо.

Расправа была скорой и необычайно жестокой. Доставленные в наводивший страх Народный суд под председательством Роланда Фрейслера (о нем речь пойдет ниже), самого зловещего и кровожадного после Гейдриха нациста в третьем рейхе, они были признаны виновными в измене и приговорены к смерти. С Софьей Шолль в гестапо обращались так жестоко, что в суд она была доставлена со сломанной ногой. Но дух ее не был сломлен. На свирепые угрозы Фрейслера она отвечала совершенно спокойно: «Вы так же хорошо знаете, что война проиграна. Почему же вы настолько трусливы, что не хотите признать этого?» Прихрамывая, она на костылях поднялась на эшафот и умерла так же гордо и мужественно, как и ее брат. Профессор Хубер и еще несколько студентов были казнены через несколько дней.

Все это послужило предостережением заговорщикам в Берлине, напомнило им, что неосторожность некоторых их руководителей могла стать источником опасности для остальных. Сам Герделер отличался крайней болтливостью. Попытки Попитца прощупать

попытки покушения в Цойгхаусе». Очевидно, он не знал или забыл, что Герсдорф в действительности поехал в Цойгхаус, чтобы попытаться выполнить задание, да и сам полковник свидетельствует, что накануне вечером тот сообщил ему, что полон решимости «совершить это» с имеющимися взрывателями. — Прим. авт.

Гиммлера и других высокопоставленных офицеров на предмет присоединения к заговору были чрезвычайно рискованными. Неподражаемый Вайцзекер, который после войны любил изображать себя этаким стойким бойцом Сопротивления, так испугался, что порвал всякие отношения со своим близким другом Хасселем, обвинив его вместе с фрау фон Хассель в «непостижимом неблагоразумии», ведь он предупреждал, что за ними тайно следило гестапо[232].

Гестапо вело слежку за многими, особенно за беззаботным и самоуверенным Герделером. Но удар, который оно нанесло по заговорщикам сразу после злополучного марта 1943 года, когда провалились две попытки убить Гитлера, по иронии судьбы был результатом не столько умелой слежки, сколько соперничества между двумя разведслужбами — абвера вермахта и гиммлеровского РСХА — главного управления имперской безопасности, которое руководило секретной службой СС и которое стремилось сместить адмирала Канариса и подчинить себе находившийся в его ведении абвер.

Осенью 1942 года мюнхенский делец по имени Шмидтхубер был арестован за контрабандный провоз валюты в Швейцарию. В действительности он был агентом абвера, а деньги, которые он долгое время провозил через границу, поступали группе еврейских беженцев в Швейцарии. Для немца третьего рейха это считалось тягчайшим преступлением, даже если он был агентом абвера. Когда Канарис оказался бессилен прикрыть дело Щмидтхубера, агент начал рассказывать гестапо все, что ему было известно об абвере. Он указал на Ганса Донаньи, который вместе с полковником Остером входил в ядро заговорщиков. Одновременно он сообщил сотрудникам Гиммлера о миссии д–ра Йозефа Мюллера в Ватикан в 1940 году, когда через папу римского был установлен контакт с англичанами. Он сообщил о визите пастора Бонхеффера к епископу Чичестерскому в Стокгольм в 1942 году по подложному паспорту, выданному абвером. Он намекнул на замыслы Остера по устранению Гитлера.

После расследования, продолжавшегося не один месяц, гестапо приступило к действиям. 5 апреля 1943 года Донаньи, Мюллер и Бонхеффер были арестованы, а Остер, который сумел уничтожить большую часть компрометирующих бумаг, был вынужден уйти в декабре в отставку.

Его посадили под домашний арест в Лейпциге[233]. Это был сокрушительный удар по заговору. Как отзывался об Остере Шлабрендорф, он обладал ясным умом, был невозмутим в минуту опасности и с 1938 года являлся одной из ключевых фигур среди пытавшихся устранить Гитлера. Донаньи, юрист по профессии, стал его изобретательным помощником. Протестант Бонхеффер, католик Мюллер не только придали движению Сопротивления большую духовную силу, но и подали примеры личного мужества, когда выполняли различные миссии за границей и когда даже под пытками, которым их подвергали, отказывались выдать своих товарищей.

Но самой серьезной в связи с упразднением абвера была утрата заговорщиками «крыши» и надежной связи как друг с другом, так и с колеблющимися генералами и друзьями на Западе.

Другие следы, на которые напали гиммлеровские ищейки, позволили вывести абвер и

---

[232] Хассель описывает в своем дневнике тягостную сцену: «Он попросил меня избавить его от неудобств, которые вызывало мое присутствие. Когда я начал было протестовать, он резко оборвал меня» (Дневники фон Хасселя, с. 256–257). Лишь позднее, когда Вайцзекер благополучно устроился в Ватикане в качестве немецкого посла, он принялся побуждать заговорщиков к действию. «Это, конечно, легче делать из Ватикана», — заметил Хассель. Вайцзекер уцелел, что позволило ему написать довольно жалкие мемуары. Дневники Хасселя были опубликованы после его казни. — Прим. авт.

[233] Бонхеффер, Донаньи и Остер были казнены 9 апреля 1945 года, менее чем за месяц до капитуляции Германии. Их ликвидация представляется актом мести со стороны Гиммлера. Уцелел лишь один Мюллер. — Прим. авт.

его шефа Канариса из игры в течение нескольких месяцев.

Одной из таких находок оказался аристократический салон, известный в нацистских кругах под названием «Чайный салон фрау Зольф». Произошло это 10 сентября 1943 года. Фрау Анна Зольф, вдова бывшего министра колоний в правительстве Вильгельма И, который был также послом Германии в Японии во времена Веймарской республики, долго стояла во главе антинацистского салона в Берлине. Сюда часто наведывались именитые гости, в числе которых были графиня Ханна фон Бредов, внучка Бисмарка, граф Альбрехт фон Берншторф, племянник немецкого посла в Соединенных Штатах во время первой мировой войны, отец Эркслебен, известный иезуитский священник, Отто Кип, важный чиновник в министерстве иностранных дел, которого уволили с поста генерального консула в Нью–Йорке за присутствие на званом обеде в честь профессора Эйнштейна, но затем восстановили на дипломатической службе, а также Елизавета фон Тадден, блестящая и глубоко религиозная дама, которая содержала известную женскую школу в Вейнблингене, близ Гейдельберга.

На чай к фрау Зольф 10 сентября фрейлейн фон Тадден привела с собой молодого симпатичного доктора из Швейцарии по имени Рексе, который имел практику при госпитале Шарите (благотворительное учреждение) в Берлине, руководимом профессором Зауэрбрухом. Подобно большинству швейцарцев, д–р Рексе высказывал резкие антинацистские суждения, в чем нашел поддержку у других гостей, особенно у Кипа. Незадолго до того как чаепитие завершилось, добрый доктор вызвался доставить любые вести или письма, которые фрау Зольф и ее гости пожелали бы послать своим друзьям в Швейцарии — немецким эмигрантам–антифашистам, английским или американским дипломатам. Предложение нашло отклик у многих.

К несчастью для них, д–р Рексе оказался агентом гестапо, которому он и передал несколько компрометирующих писем, как и отчет о чае.

Граф фон Мольтке узнал об этом через друга в министерстве авиации, который подслушал несколько телефонных разговоров между швейцарским доктором и гестапо. Он быстро предупредил своего друга Кипа, а тот в свою очередь остальных гостей салона фрау Зольф. Но у Гиммлера теперь были в руках улики. Он ждал четыре месяца, чтобы расставить пошире свои сети и пустить улики в ход. 12 января все присутствовавшие на чае были арестованы, отданы под суд и казнены, за исключением фрау Зольф и ее дочери, графини Баллештрем[234]. Фрау Зольф и ее дочь были заключены в Равенсбрюк и чудом избежали смерти[235]. Граф фон Мольтке, замешанный в этом деле вместе со своим другом Кипом, также был арестован. Но это было не единственное последствие ареста Кипа. Отзвуки этого дела докатились даже до Турции и предопределили ликвидацию абвера и передачу его функций Гиммлеру.

Среди антинацистски настроенных друзей Кипа были Эрих Вермерен и его потрясающе красивая жена графиня Элизабет фон Плеттенберг, которые, подобно другим противникам режима, поступили на службу в абвер и работали там в качестве его агентов в Стамбуле. Для допроса по делу Кипа гестапо вызвало обоих в Берлин. Зная, что их ждет, они отказались повиноваться. В начале февраля 1944 года они вошли в контакт с английской

---

[234] Очевидно, Гиммлер за прошедшие четыре месяца действительно широко расставил свои сети. По свидетельству Рейтлингера, примерно 74 человека было арестовано по доносу д–ра Рексе (Рейтлингер. Та самая служба СС, с. 304). Прим. авт.

[235] Сначала вмешался посол Японии, пытаясь отсрочить суд над ними. Затем, 3 февраля 1945 года, во время дневного налета американской бомбой не только был убит Роланд Фрейслер, председательствовавший на одном из страшных процессов, спровоцированных предательством, но и было уничтожено судебное дело фрау Зольф и ее дочери, находившееся в канцелярии Народного суда. Тем не менее процесс над ними был назначен в этом же суде на 27 апреля. К этому времени русские уже вошли в Берлин. Практически фрау Зольф и ее дочь были освобождены из тюрьмы Моабит 23 апреля, скорее всего, по ошибке (Уилер–Беннет. Немезида, с. 595; Пехель. Дойчер видерштандт, с. 88–93). Прим. авт.

секретной службой и были переброшены в Каир, а оттуда в Англию.

В Берлине посчитали, хотя это оказалось неправдой, что Вермерены скрылись, прихватив с собой все секретные коды абвера, которые передали англичанам. Это была последняя капля, переполнившая чашу терпения Гитлера. Вслед за арестами Донаньи и других сотрудников абвера, принимая во внимание его растущие подозрения против самого Канариса, 18 февраля 1944 года фюрер приказал упразднить абвер, а его функции передать РСХА. Таким образом, Гиммлер, борьба которого с офицерским корпусом началась с подтасовки обвинений против генерала Фрича еще в 1938 году, смог записать на свой счет еще одно очко. В соответствии с этим решением вооруженные силы лишались собственной разведки, а Гиммлер получил еще большую власть над генералами. Оно являлось новым ударом по заговорщикам, которые лишились возможности хоть как–то использовать секретную службу для продолжения своей работы[236].

Они по–прежнему не прекращали своих попыток убить Гитлера. В период с сентября 1943 года по январь 1944 года было организовано еще полдюжины покушений. В августе Якоб Валленберг прибыл в Берлин для встречи с Герделером, который уверил его, что все готово к перевороту в сентябре и что Шлабрендорф направится затем в Стокгольм на встречу с представителем Черчилля для ведения переговоров о мире. «Я ждал наступления сентября с большой тревогой, — рассказывал позднее шведский банкир А,шену Даллесу. — Он прошел без каких–либо событий».

Месяц спустя генерал Штифф, острый на язык горбун, тот самый, которому Тресков посылал две бутылки «коньяка» и которого позднее Гиммлер назвал «ядовитым карликом», согласился организовать доставку бомбы замедленного действия на дневное совещание Гитлера в Растенбурге, но в последний момент струсил. А через несколько дней его склад английских бомб, которые он получил от абвера и спрятал под сторожевой башней в обнесенном колючей проволокой дворе ставки, взорвался, и лишь благодаря тому, что расследование этого происшествия Гитлер возложил на полковника абвера Вернера Шрадера, участника заговора, заговорщики не были раскрыты.

В ноябре была предпринята еще одна «шинельная» попытка. Для показа новой армейской шинели и предметов снаряжения, которые разрабатывались по приказу Гитлера и которые теперь он хотел увидеть, прежде чем утвердить для массового пошива, заговорщики выбрали в качестве манекена 24–летнего пехотного капитана Акселя фон дем Бусше. Во избежание неудачи, которая постигла Герсдорфа, Бусше решил спрятать в карманах образца шинели две немецкие бомбы, взрывавшиеся через несколько секунд после установки запала. Его план состоял в том, чтобы обхватить Гитлера в момент показа и подорваться вместе с ним.

Однако накануне показа бомба союзников, сброшенная во время воздушного налета, уничтожила все образцы одежды, и Бусше вернулся в свою роту на русском фронте. Вновь в ставке Гитлера он появился в декабре, чтобы во второй раз показать образцы военной формы, но фюрер неожиданно выедал на рождественские праздники в Берхтесгаден. А вскоре Бусше получил тяжелое ранение на фронте и потому вместо него прислали другого молодого пехотного офицера. Это был Генрих фон Клейст, сын Эвальда фон Клейста, одного из старейших заговорщиков[237]. Демонстрация моделей была назначена на 11 февраля 19,44

---

[236] Канарис был назначен начальником управления коммерческой и экономической войны. С получением этого ничего не значащего титула «адмиралишка» исчез из немецкой истории. Он был настолько непонятной фигурой, что трудно найти два одинаковых мнения об этом человеке, о том, во что он верил и верил ли во что–нибудь вообще. Циник и фаталист, он ненавидел Веймарскую республику и тайно действовал против нее, а затем аналогичным образом обрушит свой гнев на третий рейх. Его дни, как и дни других известных в абвере лиц, за исключением генерала Лахузена, отныне были сочтены. — Прим. авт.

[237] Клейсты, отец и сын, позднее были арестованы. Отец был казнен 16 апреля 1945 года, сын же уцелел. — Прим. авт.

года, однако фюрер по какой–то причине не прибыл (как утверждает Даллес, из–за воздушного налета).

К этому времени заговорщики пришли к выводу, что тактика Гитлера постоянно менять свои программы требовала коренного пересмотра их собственных планов[238]. Они пришли к выводу, что реально рассчитывать на встречу с Гитлером можно лишь во время проводимых им дважды в день военных совещаний (советов) с генералами из верховного главнокомандования и штаба сухопутных войск (ОКБ и ОКХ). И ликвидировать его следует непременно на одном из них. 26 декабря 1943 года молодой офицер по имени Штауфенберг, замещавший генерала Ольбрихта, прибыл в ставку в Растенбурге на дневное совещание, где должен был доложить о ходе подготовки пополнений для армий. В его портфеле лежала бомба замедленного действия. Совещание было отменено: Гитлер уехал отмечать рождество в Оберзальцберге.

Это была первая попытка подобного рода со стороны красивого молодого подполковника, но не последняя, ибо Клаус Филип Шенк граф фон Штауфенберг был тем человеком, в котором заговорщики нашли наконец единомышленника. С этого момента он не только возложит на себя миссию по ликвидации Гитлера единственным казавшимся теперь возможным способом, но и вдохнет новую жизнь в сам заговор, став его фактическим, хотя отнюдь не номинальным главой.

Миссия графа фон Штауфенберга

Для профессионального армейского офицера это был человек удивительно одаренный. Родился он в 1907 году в старинной знатной семье из Южной Германии. По линии матери графини фон Укс–кулль Гилленбрандт он приходился праправнуком Гнейзенау, одному из героев освободительной антинаполеоновской войны, ставшем совместно с Шарнхорстом основателем прусского генерального штаба, и потомком Йорка фон Вартенбурга, другого прославленного генерала эпохи Бонапарта. Отец Клауса был гофмейстером последнего короля Вюртемберга. Семья была дружной, приверженной римско–католической церкви и высокообразованной. В такой семье и в такой атмосфере вырос Клаус. По свидетельству всех, кто его знал, он обладал не только редкой красотой и отличным телосложением, но и блестящим пытливым умом и рассудительностью. Он увлекался различными видами спорта, особенно любил лошадей, интересовался искусством и литературой, был начитан в разных областях, а в юности испытал на себе влияние известного поэта Стефана Георга и его романтического мистицизма. Одно время молодой человек хотел стать профессиональным

---

238 Гитлер часто обсуждал эту тактику со своими старыми соратниками по нацистской партии. Сохранилась стенографическая запись его высказывания в ставке 3 мая 1942 года: «Я отдаю себе отчет в том, почему девяносто процентов исторических покушений оказались успешными. Единственная превентивная мера, к которой следует прибегать, — это не соблюдать в своей жизни регулярности — в прогулках, поездках, путешествиях. Все это лучше делать в разное время и неожиданно… Насколько это возможно, направляясь куда–либо на автомобиле, я выезжаю неожиданно, не предупреждая полицию» (Секретные беседы Гитлера, с. 366).

Гитлер всегда сознавал, как мы уже убедились, что на него может быть совершено покушение. На военном совете 22 августа 1939 года накануне нападения на Польшу он обратил внимание генералов на то, что, хотя он лично незаменим, его в любой момент может «ликвидировать какой–нибудь преступник или идиот».

В своем довольно бессвязном выступлении 3 мая 1942 года он развил эту тему: «Обеспечить абсолютную безопасность от фанатиков и идеалистов невозможно… Если какой–нибудь фанатик пожелает выстрелить в меня или бросить бомбу, то, стою я или сижу, степень безопасности от этого не меняется». Он, однако, считал, что число фанатиков, способных совершить покушение на его жизнь по идейным соображениям, все уменьшается… «Единственно реально опасные элементы — это либо те фанатики, которых подстрекают трусливые подлые священники, либо националистически настроенные патриоты из той или иной оккупированной страны. Мой многолетний опыт весьма затрудняет деятельность даже подобных элементов». — Прим. авт.

музыкантом, затем увлекся архитектурой, но в 1926 году в возрасте 19 лет пошел на службу в армию кадетом–офицером прославленного 17–го Бамбергского кавалерийского полка.

В 1936 году он был направлен в военную академию в Берлине, где его блестящая эрудиция привлекла к нему внимание как преподавателей, так и высшего командования. Два года спустя, окончив академию, молодой офицер получил назначение в генеральный штаб. Монархист в душе, как и большинство офицеров его выпуска, он не был противником национал–социализма. Первые сомнения относительно Гитлера, очевидно, зародились у него в связи с еврейскими погромами 1938 года. Сомнения эти усилились, когда летом 1939 года он увидел, как фюрер втягивает Германию в войну, которая могла стать затяжной, обернуться страшными потерями и в конечном счете поражением.

Тем не менее с началом войны он включился в нее с присущей ему энергией, быстро выдвинулся как офицер штаба 6–й танковой дивизии генерала Гепнера, участвовавшей в кампаниях в Польше и во Франции. Судя по всему, именно в России Штауфенберг полностью разуверился в третьем рейхе. В июне 1940 года его перевели в штаб главного командования сухопутных войск (ОКХ) как раз перед наступлением на Дюнкерк. Когда началась война с Россией, он первые полтора года находился преимущественно на советской территории, где среди прочих дел помогал сколачивать русские «добровольческие» части из военнопленных. В это время, по свидетельству друзей, Штауфенберг считал, что, пока немцы будут избавляться от гитлеровской тирании, эти русские формирования можно использовать для свержения тирании сталинской. Вероятно, в этом сказалось влияние гуманистических идей поэта Стефана Георга. Зверства СС в России, не говоря уже о прямом приказе Гитлера расстреливать большевистских комиссаров, открыли Штауфенбергу глаза на то, каков на самом деле хозяин, которому он служит. По воле случая в России он встретил двух ведущих заговорщиков, решивших покончить с этим хозяином, — генерала фон Трескова и Шлабрендорфа. Последний рассказывал: потребовалось всего несколько встреч со Штауфенбергом, чтобы понять, что это свой человек. Он стал активным заговорщиком.

Но хотя Штауфенберг был лишь младшим офицером, он вскоре убедился, что фельдмаршалы слишком нерешительны, если не сказать, слишком трусливы, чтобы предпринять хоть что–нибудь для упразднения Гитлера или прекращения ужасающего истребления евреев, русских и военнопленных на оккупированной территории. Ничем не оправданная катастрофа под Сталинградом вызвала у него отвращение. Сразу по ее окончании, в феврале 1943 года, он попросил направить его на фронт, был назначен в штаб 10–й танковой дивизии в Тунисе и прибыл туда к моменту завершения боев за Кассеринский перевал, в которых его дивизия вышибла оттуда американцев.

7 апреля его автомобиль наскочил на минное поле. Некоторые утверждают, что он был также атакован низко летящим самолетом союзников. Штауфенберга тяжело ранило: он потерял левый глаз, правую руку и два пальца на левой и получил ранения в голову возле левого уха и в колено. В течение нескольких недель казалось, что он полностью лишится зрения, если останется в живых. Но в мюнхенском госпитале под квалифицированным наблюдением профессора Зауэрбруха его вернули к жизни. Любой другой человек на его месте подал бы в отставку и отказался бы от участия в заговоре. Но уже в середине лета он писал генералу Ольбрихту, после упорных упражнений научившись держать ручку тремя пальцами левой руки, что рассчитывает вернуться на военную службу через три месяца. Пока он поправлялся, у него было достаточно времени для размышлений, и он пришел к выводу, что, несмотря на свои увечья, обязан взять на себя священную миссию.

«Я чувствую, что должен теперь что–то предпринять, чтобы спасти Германию, — сказал он своей жене, графине Нине, матери четырех маленьких детей, когда она приехала в госпиталь навестить его. — Мы, офицеры генерального штаба, обязаны взять на себя свою долю ответственности».

К концу сентября 1943 года он вернулся в Берлин в чине подполковника и получил назначение на должность начальника штаба у генерала Ольбрихта в управлении сухопутных войск. А вскоре он, используя три пальца здоровой руки, начал учиться обращению с

имевшимися в абвере бомбами английского производства. Но этим он не ограничился. Ясность мышления, религиозность, незаурядный организаторский талант вселили решимость в заговорщиков, однако породили и определенные разногласия, поскольку Штауфенберга не удовлетворял тот громоздкий, консервативный, бесцветный режим, который намеревались установить в Германии после падения национал–социализма престарелые, с заскорузлым умом руководители заговора Бек, Герделер и Хассель.

Отличаясь большей практичностью, чем его друзья из кружка Крейсау, Штауфенберг ратовал за учреждение новой, динамичной социал–демократии и настаивал на том, чтобы в намечаемый состав антинацистского кабинета были включены его новый друг Юлиус Лебер, блестящий социалист, и бывший профсоюзный лидер Вильгельм Лойшнер — активные и деятельные участники заговора. Возникли серьезные разногласия, но Штауфенберг быстро доказал свое превосходство над политическим руководством готовящегося переворота.

В равной мере он добился успеха в отношениях с большинством военных лиц. Он признал генерала Бека их номинальным лидером и с восхищением относился к бывшему начальнику генерального штаба. Однако по возвращении в Берлин он увидел, что Бек после сложной онкологической операции превратился в подобие прежнего Бека: усталый, утративший боевой дух, не выработавший определенной политической концепции, он всецело полагался на Герделера. Прославленное в военных кругах имя Бека могло бы сослужить пользу при осуществлении путча, но для активного вовлечения в него войск и управления ими следовало мобилизовать молодых офицеров, находившихся в действующей армии. Вскоре Штауфенберг собрал вокруг себя большинство ключевых фигур, из числа тех, кто был ему нужен.

Помимо Ольбрихта, его начальника, это были: генерал Штифф, глава организационного управления сухопутных войск (ОКХ); генерал Эдуард Вагнер, первый генерал–квартирмейстер сухопутных войск; генерал Эрих Фельгибель, начальник службы связи при верховном главном командовании (ОКВ); генерал Фриц Линдеман, начальник артиллерийско–технического управления; генерал Пауль фон Хазе, начальник берлинской комендатуры (он мог выделить войска для захвата Берлина); полковник барон фон Ренне, начальник отдела иностранных армий, и его начальник штаба капитан граф фон Матюшка.

К числу заговорщиков примыкали еще два или три занимавших ключевые должности генерала, чьим начальником был Фриц Фромм, фактический командующий армией резерва, который, подобно Клюге, постоянно менял свои взгляды и на которого нельзя было полагаться всерьез.

В рядах заговорщиков не было ни одного фельдмаршала из состоявших на действительной службе. Фельдмаршала фон Вицлебена, который одним из первых примкнул к заговору, намечали на должность главнокомандующего вооруженными силами, но пока он числился в резерве и не имел в своем подчинении войск. Прозондировали и фельдмаршала фон Рундштедта, который в то время командовал всеми войсками на Западе, однако он не пожелал нарушить присягу, данную фюреру, — так, по крайней мере, объяснил он свою позицию. Впрочем, как и блестящий, но склонный к авантюризму фельдмаршал фон Манштейн.

В начале 1944 года, еще не зная о существовании Штауфенберга, один очень активный и популярный фельдмаршал проявил что–то вроде готовности примкнуть к заговорщикам. Это был Роммель, Его вступление в заговор против Гитлера явилось большой неожиданностью для руководителей Сопротивления и не встретило одобрения со стороны большинства из них. Они считали Лису Пустыни нацистом, приспособленцем, явно добивавшимся расположения Гитлера, а теперь покидавшим его, поскольку стало ясно, что война проиграна.

В январе 1944 года Роммель был назначен командующим группой армий «Б» на Западе — основной группировкой сил, которая должна была отразить вторжение англо–американских войск в Европу через Ла–Манш. Во Франции он начал часто встречаться с двумя старыми друзьями — генералом Александром фон Фалькенхаузеном,

военным губернатором Бельгии и Северной Франции, и генералом Карлом Генрихом фон Штюльпнагелем, военным губернатором Франции. Оба генерала к тому времени вступили в антигитлеровский заговор и постепенно втягивали в него Роммеля. Им помогал д–р Карл Штрелин, давнишний друг Роммеля, обер–бургомистр Штутгарта, который, подобно многим действующим в этой истории лицам, числился в свое время ярым нацистом, а теперь, когда угроза поражения нависла над Германией, включая его родной город, который быстро превращался в груду развалин в результате бомбардировок союзников, стал по–новому оценивать происходящее. Ему в свою очередь помог вступить на этот путь д–р Герделер, убедивший его в августе 1943–го принять участие в составлении меморандума возглавляемому теперь Гиммлером министерству внутренних дел, в котором они совместно потребовали прекратить преследования евреев и христианской церкви, восстановить гражданские права и юридическую систему, независимые от контроля со стороны нацистской партии и гестапо. Через фрау Роммель Штрелин привлек к меморандуму внимание фельдмаршала, на которого меморандум произвел, очевидно, впечатление.

В конце февраля 1944 года эти два человека встретились в доме Роммеля в Херрлингене, близ Ульма, где между ними состоялся откровенный разговор.

«Я сказал ему, — вспоминал позднее бургомистр, — что ряд старших офицеров армии на Восточном фронте предлагают арестовать Гитлера и вынудить его объявить по радио об отречении. Роммель одобрил эту идею.

Я даже сказал ему, что он — наш самый выдающийся и популярный генерал, уважаемый за границей более, чем кто–либо другой. «Вы — единственный, сказал я, — кто способен предотвратить гражданскую войну в Германии. Вы должны связать свое имя с нашим движением».

Роммель сначала заколебался, но в конце концов согласился.

«Я считаю, — сказал он Штрелину, — что мой долг прийти на помощь Германии во имя ее спасения».

На этой встрече и на всех последующих, где присутствовали Роммель и заговорщики, он возражал против убийства Гитлера, не по моральным, а по практическим соображениям. По его мнению, убить диктатора — значит превратить его в мученика. Он настаивал на том, чтобы армия арестовала Гитлера и привлекла его к суду за преступления против немецкого народа и народов оккупированных стран». Как раз в это время судьба распорядилась так, что на Роммеля повлияла еще одна личность. Ею оказался генерал Ганс Шпейдель, назначенный 15 апреля 1944 года начальником штаба фельдмаршала. Шпейдель, как и его сподвижник по заговору Штауфенберг, хотя они и принадлежали к совершенно различным группировкам, не был обычным армейским офицером. Он был не только солдатом, но и философом (диплом доктора философии с отличием он получил в Тюбингенском университете в 1925 году). Не теряя времени, Шпейдель принялся обрабатывать своего начальника. В течение месяца он организовал встречу Роммеля со Штюльпнагелем и начальниками их штабов, которая состоялась 15 мая на вилле в предместье Парижа. «Цель встречи заключалась в том, — говорит Шпейдель, — чтобы разработать необходимые меры для прекращения войны на Западе и свержения нацистского режима».

Это было трудное дело, и Шпейдель отдавал себе отчет в том, что при его подготовке необходим тесный контакт с немецкими антинацистами, особенно с группой Герделера — Бека. В течение нескольких недель деятельный Герделер добивался тайной встречи Роммеля — надо же! — с Нейратом, который, внеся свою лепту в грязное дело Гитлера сначала в качестве министра иностранных дел, а потом рейхспротектора Богемии, теперь, когда над фатерландом нависла страшная катастрофа, переживал жестокое похмелье. Было решено, что для Роммеля встреча с Нейратом и Штрелином таит слишком большую опасность, поэтому фельдмаршал послал на встречу генерала Шпейделя, в доме которого во Фройдентштадте она 27 мая и состоялась. Все трое присутствовавших Шпейдель, Нейрат и Штрелин, как и сам Роммель, были швабами, и эта встреча земляков не только оказалась встречей близких по духу людей, но и привела к быстрому согласию. Заключалось оно в том,

что Гитлера предстояло без промедления свергнуть, после чего Роммеля назначали временным главой государства либо главнокомандующим вооруженными силами. Ни на один из этих постов, следует заметить, Роммель никогда не претендовал. Был разработан ряд других деталей, включая установление контактов с союзниками для заключения перемирия, а также коды для связи между заговорщиками в Германии и штабом Роммеля.

Генерал Шпейдель особо подчеркивал, что Роммель откровенно проинформировал о готовящемся своего непосредственного начальника на Западном фронте фельдмаршала фон Рундштедта и что последний был полностью согласен с ними. В характере этого высокопоставленного генерала сухопутных войск имелся один существенный недостаток.

«При обсуждении формулировок совместных требований к Гитлеру, — писал позднее Шпейдель, — Рундштедт сказал Роммелю: «Вы молоды. Вы знаете и любите народ. Вы должны сделать это».

К концу весны в ходе последующих совещаний был выработан план. О содержании его поведал Шпейдель, практически единственный из оставшихся в живых армейских заговорщиков на Западе.

Немедленное заключение перемирия с западными союзниками, а не безоговорочная капитуляция. Отвод немецких войск на Западе в пределы границ Германии. Арест Гитлера и предание его немецкому суду. Упразднение нацистского правления. Исполнительная власть в Германии временно переходит в руки сил Сопротивления, представляющих все классы общества, во главе с генералом Веком, Герделером и представителем профсоюзов Лойшнером. Никакой военной диктатуры. Подготовка «конструктивного мирного соглашения» в рамках соединенных штатов Европы. Продолжение войны на Востоке. Удержание сокращенной линии фронта по рубежу устье Дуная, Карпаты, река Висла, Мемель. У генералов, судя по всему, не возникало и тени сомнения в том, что британские и американские армии затем присоединятся к ним в войне против России, чтобы предотвратить, как они выражались, превращение Европы в большевистскую.

В Берлине генерал Бек соглашался как минимум на продолжение войны на Востоке. Еще в начале мая он отправил в Швейцарию через Гизевиуса меморандум Даллесу с изложением фантастического плана: немецкие генералы на Западе отводят свои войска в пределы границ Германии после вторжения англо–американских сил. В ходе решения этой задачи Бек считал обязательным, чтобы западные союзники осуществили три боевые операции: выбросили в район Берлина три воздушно–десантные дивизии для оказания содействия заговорщикам в захвате столицы; высадили крупные морские десанты на немецкое побережье в районе Гамбурга и Бремена; и, наконец, высадили крупные силы во Франции, форсировав Ла–Манш. Тем временем антинацистски настроенные немецкие войска захватывают район Мюнхена и окружают Гитлера в его горном убежище в Оберзальцберге.

Война против России будет продолжена. Даллес рассказывал, что он не стал терять времени, чтобы вернуть берлинских заговорщиков на грешную землю. Им было прямо заявлено, что не может быть никакого сепаратного мира с Западом.

Это хорошо поняли Штауфенберг, его друзья из кружка Крейсау, а также такие участники заговора, как Шуленбург, бывший посол в Москве. По существу, большинство из них, включая Штауфенберга, были «восточниками», настроенными прорусски, хотя и антибольшевистски. Какое–то время они считали, что, вероятно, будет легче заключить мир с Россией, которая устами Сталина делала упор в своей пропаганде на то, что она ведет войну не против немецкого народа, а против гитлеровцев, легче, чем с западными союзниками, которые твердили только о безоговорочной капитуляции[239]. Но они отказались

---

[239] На встрече в Касабланке Черчилль и Рузвельт опубликовали 24 января 1943 года декларацию о безоговорочной капитуляции Германии. Геббельс, естественно, использовал это в полной мере, пытаясь повсеместно разжечь в немецком народе дух сопротивления, но, по моему мнению, успех его пропаганды был сильно преувеличен западными комментаторами. — Прим. авт.

от подобного самообольщения, когда Советское правительство официально присоединилось к Касабланкской декларации о безоговорочной капитуляции. Произошло это на Московской конференции министров иностранных дел союзников в октябре 1943 года.

Тогда же, накануне рокового лета 1944 года, они поняли, что теперь, когда советские армии приближались к границам рейха, когда английские и американские армии готовились к крупномасштабному вторжению через Ла–Манш, а немецкие войска в Италии, пытавшиеся оказывать сопротивление союзным войскам под командованием Александера, стояли перед катастрофой, заговорщики должны быстро ликвидировать Гитлера и нацистский режим, если хотят добиться хоть какого–нибудь мира, который спасет Германию от полного уничтожения.

В Берлине Штауфенберг и его сообщники наконец доработали свой план. Разрозненные его части были сведены воедино. Он получил наименование «Валькирия» — термин подходящий, поскольку валькириями, согласно скандинавско–германской мифологии, звались девы, красивые, но вселяющие ужас, которые витали над полями сражений, выбирая тех, кому суждено погибнуть. В данном случае погибнуть суждено было Адольфу Гитлеру. По иронии судьбы адмирал Канарис незадолго до его отстранения подал фюреру идею дать кодовое название «Валькирия» плану обеспечения силами армии резерва безопасности Берлина и других крупных городов на случай восстания миллионов подневольных иностранных рабочих, трудившихся в Германии. Вероятность такого восстания была ничтожно мала, более того, это было просто невозможно, поскольку иностранные рабочие не были ни вооружены, ни организованы, но болезненно подозрительному фюреру в эти дни казалось, что опасность таится повсюду. Поскольку способные носить оружие солдаты находились вдали от дома — либо на фронтах, либо на оккупированных территориях, Гитлер с готовностью ухватился за идею возложить на армию резерва задачу внутренней безопасности рейха против орд упрямых и угрюмых иностранных рабов.

Таким образом, кодовое наименование «Валькирия» явилось лучшей маскировкой для заговорщиков, позволяя им в открытую разрабатывать планы по захвату этой армией столицы и таких городов, как Вена, Мюнхен и Кельн, сразу после ликвидации Гитлера. В Берлине основная трудность заключалась в том, что в распоряжении заговорщиков было очень мало войск и численно они сильно уступали формированиям СС. Кроме того, в столице и вокруг нее дислоцировалось значительное число частей люфтваффе, обслуживавших средства ПВО, и в случае, если бы армия промедлила, эти части, сохраняя верность Герингу, наверняка выступили бы в защиту нацистского режима под командой своего шефа даже после смерти Гитлера. Они могли повернуть против частей армии резерва. Полицейские силы Берлина, можно считать, стояли на стороне заговорщиков, так как их шеф, граф фон Хельдорф, примкнул к заговору.

Учитывая численность войск СС и ВВС, Штауфенберг уделял первоочередное внимание выбору момента проведения операции по захвату столицы. Первые два часа будут наиболее критическими. За этот короткий отрезок времени войска должны занять и удержать в своих руках национальное управление радиовещания и две радиостанции столицы, а также телеграф, телефонные узлы, рейхсканцелярию, министерства и штабы СС и гестапо. Геббельса, единственного нацистского главаря, который редко покидал Берлин, необходимо было арестовать вместе с офицерами СС. Тем временем, как только Гитлер будет убит, его ставку в Растенбурге необходимо изолировать от остальной Германии, с тем чтобы ни Геринг, ни Гиммлер, ни нацистские генералы вроде Кейтеля или Йодля не смогли захватить власть и попытаться собрать полицию или войска для поддержки еще не свергнутого нацистского режима. Обеспечить решение всех этих вопросов взялся начальник войск связи генерал Фельгибель, управление которого находилось при ставке Гитлера.

Только после того, как в течение первых двух часов переворота все эти задачи будут выполнены, по радио, телефону и телеграфу будут переданы сообщения и уже подготовленные обращения к командирам частей армии резерва в других городах, а также к

командующим войсками на фронтах и в оккупированных зонах о том, что Гитлер убит, что в Берлине сформировано антинацистское правительство. Восстание закончится, достигнув цели, в течение 24 часов — за это время новое правительство твердо возьмет власть в свои руки, иначе колеблющиеся генералы могут передумать. Геринг и Гиммлер могут сплотить их вокруг себя, и тогда начнется гражданская война. В этом случае вмешаются войска на фронте, и возникнут хаос и анархия, чего заговорщики хотели избежать.

После убийства Гитлера — а об этом Штауфенберг намеревался позаботиться лично — успех полностью зависел от способности заговорщиков использовать для своих целей, причем с предельной быстротой и энергией, наличные войска армии резерва в самом Берлине и вокруг него. Это представляло довольно сложную проблему.

Лишь генерал Фриц Фромм, командующий внутренней армией, мог, не вызывая подозрений, отдать приказ на выполнение плана «Валькирия». Но он до самого последнего момента оставался загадкой. Заговорщики обрабатывали его в течение всего 1943 года. В конце концов они пришли к выводу: положиться на этого осторожного генерала можно лишь после того, как он убедится, что восстание увенчалось успехом. А поскольку в успехе они были уверены, то составили целую серию приказов от имени Фромма, хотя и без его ведома. В случае если в решающий момент Фромм начнет колебаться, его заменят генералом Гепнером, способным танковым командиром, которого Гитлер с позором уволил со службы после битвы за Москву в 1941 году без права ношения военной формы.

Беспокоил заговорщиков вопрос еще об одном генерале, занимавшем ключевую должность в Берлине. Это был генерал фон Корцфляйш, нацист до мозга костей, командовавший военным округом, который включал Берлин и Бранденбург. Было решено посадить его под арест и заменить генералом бароном фон Тюнгеном. Что касается генерала Пауля фон Хазе, коменданта Берлина, то он принимал участие в заговоре и можно было рассчитывать, что он сумеет встать во главе войск гарнизона в период захвата власти в городе.

Помимо разработки подробных планов установления контроля над Берлином, Штауфенберг и Тресков совместно с Герделером, Веком, Вицлебеном и другими разработали документы, содержавшие инструкции командующим войсками военных округов, как захватить исполнительную власть в своих округах, нейтрализовать СС, арестовать нацистское руководство и занять концлагеря. Более того, было подготовлено несколько громких деклараций, с которыми в соответствующий момент заговорщикам предстояло обратиться к вооруженным силам, к немецкому народу, к прессе и радио. Некоторые из них были подписаны Беком в качестве нового главы государства, другие — фельдмаршалом фон Вицлебеном в качестве главнокомандующего вермахтом, а также Герделером в качестве нового канцлера. В большой тайне поздно ночью на Бендлерштрассе приказы и обращения размножили две отважные участницы заговора: фрау Эрика фон Тресков, жена генерала, внесшего большой вклад в расширение заговора, и Маргарита фон Овен, дочь отставного генерала и в течение ряда лет верный секретарь двух бывших главнокомандующих сухопутными войсками — генералов фон Хаммерштейна и фон Фрича. Затем документы были спрятаны в сейфе генерала Ольбрихта.

Таким образом, планы были готовы. Их дополнительно уточнили к концу 1943 года, но в течение многих месяцев мало что делалось для их реализации. Тем временем события развивались. В июне 1944 года заговорщики поняли, что время уходит. Во–первых, гестапо подбиралось все ближе. Число арестов среди лиц, имевших отношение к заговору (граф фон Мольтке и члены кружка Крейсау), росло с каждой неделей. Многие уже были казнены. Бек, Герделер, Хассель, Вицлебен и другие, составлявшие внутренний круг заговора, находились под такой неусыпной слежкой тайной полиции Гиммлера, что им становилось все труднее встречаться. Еще весной Гиммлер предупредил опального Канариса: ему прекрасно известно, что генералы и их штатские друзья вынашивают планы восстания. Он упомянул, что ведет наблюдение за Беком и Герделером. Канарис предупредил обо всем Ольбрихта.

В равной мере зловещей становилась для заговорщиков и военная обстановка. Все

ждали, что русские вот–вот начнут повсеместное наступление на Востоке. Рим уже был сдан союзникам (он пал 4 июля). На Западе в любой момент могло начаться англо–американское вторжение. Совсем скоро Германия потерпит военное поражение — еще до того, как падет нацизм. Да и среди самих заговорщиков, возможно под влиянием идей кружка Крейсау, росло число тех, кто подумывал, что, пожалуй, лучше отказаться от своих планов и пусть Гитлер и нацисты несут ответственность за катастрофу. Сейчас их ликвидация может попросту породить в умах немцев легенду о том, что фатерланду был опять нанесен преступный «удар в спину», и одурачить их, как это уже случилось после первой мировой войны.

Англо–американское вторжение 6 июня 1944 года

Сам Штауфенберг не допускал, что западные союзники попытаются высадиться во Франции в это лето. Он настаивал на своем даже после того, как полковник Георг Хансен, один из бывших офицеров абвера, в настоящее время находившийся на службе в военной разведке Гиммлера, в начале мая предупредил его, что вторжение может быть предпринято в любых числах июня.

Немецкая армия терзалась сомнениями, по крайней мере, относительно даты и места высадки. В мае было восемнадцать дней, когда погода, волнение моря и сила прилива благоприятствовали высадке, и немцы не могли не отметить, что генерал Эйзенхауэр не воспользовался ими. 30 мая Рундштедт, главнокомандующий войсками на Западе, доложил Гитлеру, что никаких признаков надвигающегося вторжения не наблюдается. 4 июня синоптик BBC в Париже дал прогноз, что ввиду неблагоприятной погоды никаких действий со стороны союзников по меньшей мере в течение двух недель ожидать не следует.

Исходя из этого прогноза и той скудной информации, которой он располагал, поскольку люфтваффе отменили из–за плохой погоды все разведывательные полеты над портами южного побережья Англии, где в этот момент войска Эйзенхауэра начали массовую погрузку на корабли, и поскольку немецкий флот вывел из пролива все разведывательные суда по причине высокой волны, командующий группой армии «Б» Роммель составил разведывательную сводку по состоянию на утро 5 июня и, доложив Рундштедту, что в данный момент непосредственной угрозы вторжения нет, выехал на машине домой, в Херрлинген, чтобы провести ночь с семьей, а на следующий день отправиться в Берхтесгаден на совещание к Гитлеру.

День 5 июня, как вспоминал впоследствии Шпейдель, начальник штаба у Роммеля, выдался спокойный. Почему бы, казалось, Роммелю, не расслабиться и не совершить поездку домой, в Германию? От немецких агентов, конечно, поступали привычные сообщения о возможности высадки союзников — на этот раз в период с 6 по 16 июня, но таковых с апреля поступило уже множество и всерьез их не принимали. И на 6 июня генерал Фридрих Дольман, который командовал 7–й армией в Нормандии, куда союзные войска собирались высадиться, отдал приказ о временной отмене боевой готовности и собрал своих старших офицеров для проведения штабных учений в Ренне, что примерно в 125 милях к югу от нормандского побережья Ла–Манша.

Если немцы не знали точной даты вторжения, то они не представляли также, где оно может произойти. Рундштедт и Роммель были уверены, что районом вторжения станет Па–де–Кале, где Ла–Манш наиболее узок. Здесь они сосредоточили свои самые крупные силы. 15–ю армию, состав которой в течение весны увеличился с 10 до 15 пехотных дивизий. В конце марта поразительная интуиция подсказала Адольфу Гитлеру, что главным районом вторжения станет Нормандия. Поэтому он приказал в течение последующих нескольких недель перебросить значительные средства усиления в район между Сеной и Луарой. «Следите за Нормандией», — не уставал предупреждать он генералов.

Тем не менее основной костяк немецких сил, как пехотных, так и танковых дивизий,

был сосредоточен к северу от Сены — между Гавром и Дюнкерком. И Рундштедт и его генералы следили скорее за Па–де–Кале, чем за Нормандией, и нацеливал их на это целый ряд отвлекающих маневров высшего англо–американского командования, проведенных в апреле — мае. Эти меры убеждали немцев в том, что их расчеты верны.

5 июня прошло относительно спокойно, по крайней мере для немцев. Англо–американская авиация продолжала наносить мощные удары по немецким складам и радиолокационным станциям, позициям Фау–1, средствам связи и транспорта. Это происходило ежедневно уже много недель, и на этот раз воздушные налеты не казались более интенсивными, чем в другие дни.

Вскоре после наступления темноты в штабе Рундштедта было получено донесение, что радиостанция Би–би–си в Лондоне передает необычайно много кодированных сообщений для французского Сопротивления и что немецким РЛС между Шербуром и Гавром поставлены сильные помехи. В 10 вечера 15–я армия перехватила кодированное сообщение Би–би–си французскому Сопротивлению, означавшее, как там посчитали, что вторжение начинается. 15–я армия была приведена в состояние боевой готовности, но Рундштедт не счел нужным отдать такой же приказ 7–й армии, в секторе побережья которой между Каэном и Шербуром союзные войска уже приближались на тысяче судов.

Лишь в 1 час 11 минут 6 июля 7–я армия, командир которой еще не вернулся со штабных учений в Ренне, осознала, что происходит. Две американские и одна английская воздушно–десантные дивизии начали высадку в ее расположении. Общая тревога была объявлена в 1.30.

Через 45 минут генерал–майор Макс Пемзель, начальник штаба 7–й армии, связался по телефону с генералом Шпейделем в штабе Роммеля и доложил ему, что, судя по всему, началась крупномасштабная операция. Шпейдель не поверил донесению, но сообщил о нем Рундштедту, который также отнесся к нему скептически. Оба генерала посчитали, что выброска парашютистов всего лишь отвлекающие действия союзников в целях прикрытия высадки основных сил вокруг Кале. В 2.40 Пемзелю сообщили, что Рундштедт «не считает эти действия главной операцией». И даже когда на рассвете 6 июня к нему начали поступать донесения, что на побережье Нормандии, между реками Вир и Орн, большой флот союзников осуществляет высадку больших сил под прикрытием смертоносного огня крупнокалиберных орудий армады боевых кораблей, главнокомандующий немецкими войсками на Западе не поверил, что союзники предприняли главный штурм. Это стало очевидным, по словам Шпейделя, лишь во второй половине дня 6 июня. К этому времени дмериканцы уже зацепились за побережье в двух местах, а англичане продвинулись в глубь материка на расстояние от двух до шести миль.

Шпейдель позвонил Роммелю домой около 6 утра, и фельдмаршал срочно выехал на машине обратно, так и не встретившись с Гитлером, однако в штаб группы армий «Б» он прибыл лишь в конце дня[240]. Тем временем Шпейдель, Рундштедт и его начальник штаба генерал Блюментрит пытались связаться по телефону со ставкой ОКБ, которая находилась в Берхтесгадене. В соответствии с идиотским приказом Гитлера даже главнокомандующему немецкими силами на Западе не разрешалось использовать свои танковые дивизии без особого распоряжения фюрера. Когда рано утром 6 июня три генерала умоляли Йодля дать им разрешение на переброску двух танковых дивизий в Нормандию, тот ответил, что Гитлер хочет сначала разобраться, что происходит, а пока он пошел спать и приказал не беспокоить его паническими звонками с Западного фронта до 3 часов пополудни.

Только когда нацистский диктатор проснулся, плохие вести, к тому времени уже не оставлявшие сомнений во вторжении, подхлестнули его к активным действиям. Он дал разрешение ввести в бой в Нормандии учебную танковую дивизию и 12–ю танковую

---

[240] Гитлер запретил командующим пользоваться самолетом из–за превосходства в воздухе союзников. — Прим. авт.

дивизию СС, но, как оказалось, слишком поздно. Он отдал также знаменитый приказ, сохранившийся для потомства в документации 7–й армии.

6 июня 1944 года, 16.55

Начальник штаба западного командования подчеркивает, что верховное главнокомандование ожидает уничтожения противника на плацдарме к вечеру 6 июня, поскольку существует опасность высадки новых десантов для поддержки его действий… Плацдарм должен быть ликвидирован не позднее сегодняшнего вечера.

Приказ этот родился в мрачной атмосфере горного Оберзальцберга, откуда Гитлер пытался теперь руководить решающим сражением. Многие месяцы он не уставал повторять, что судьба Германии решится на Западе, и этот фантастический приказ, как представляется, был отдан со всей серьезностью, которую разделяли Йодль и Кейтель. Даже Роммель, которому его передали по телефону около 5 часов пополудни, судя по всему, воспринял приказ всерьез, поскольку дал распоряжение штабу 7–й армии нанести удар силами 21–й танковой дивизии, единственного дислоцированного в этом районе танкового соединения, «немедленно, не дожидаясь прибытия подкреплений».

Но удар этот дивизия уже нанесла, не дожидаясь приказа Роммеля. Генерал Пемзель, находившийся на другом конце провода, когда Роммель звонил в штаб 7–й армии, дал конкретный ответ на требование Гитлера ликвидировать плацдарм союзников — а таких плацдармов было три — не позднее сегодняшнего вечера.

«Это невозможно», — отрезал он.

Всемерно разрекламированный Гитлером Атлантический вал был прорван за несколько часов. Некогда хваленые люфтваффе были полностью изгнаны из воздушного пространства, немецкий флот — с морского, а сухопутные войска оказались застигнуты врасплох. Битва еще не завершилась, но исход ее уже был предрешен. «Начиная с 9 июня, — констатировал Шпейдель, — инициатива перешла в руки союзников».

Рундштедт и Роммель решили, что пора сообщить Гитлеру обо всем напрямую и потребовать, чтобы он примирился с последствиями высадки. Они убедили его провести 17 июня совещание в Марживале, что севернее Суасона, в надежно защищенном от бомбежек бункере, который был построен для ставки Гитлера еще летом 1940 года, перед планируемым вторжением в Англию, и который ни разу с тех пор не использовался. Теперь, четыре года спустя, нацистский диктатор объявился там впервые.

«Бледный от бессонницы, — писал позднее Шпейдель, — нервно перебирая свои очки и целый набор цветных карандашей, которые он держал между пальцами, он сидел сгорбившись, в то время как фельдмаршалы стояли. Его гипнотическая сила, казалось, иссякла. Он отрывисто и холодно поздоровался. Затем громко и желчно стал выражать свое недовольство по поводу успешной высадки союзников, ответственность за которую он пытался возложить на командующих».

Однако перспектива нового ошеломляющего поражения придала храбрости генералам, во всяком случае Роммелю, которому Рундштедт предоставил возможность говорить от имени всех с Гитлером, когда тот сделал короткую паузу в своей обличительной речи. «С беспощадной откровенностью Роммель заявил… — отмечал Шпейдель, присутствовавший на совещании, — что борьба против превосходящих сил (союзников) в воздухе, на море и суше является безнадежной»[241]. Впрочем, не такой уж безнадежной, если бы Гитлер

---

[241] 23 апреля Роммель писал генералу Йодлю «Если нам, несмотря на превосходство противника в воздухе, удастся уже в первые часы ввести в бой большую часть наших подвижных средств на решающих направлениях береговой обороны, я убежден, что наступление противника на побережье потерпит полный провал в первый же день» (Записки Роммеля, с. 468). Но строгий приказ Гитлера сделал невозможным использование танковых дивизий в первые часы и даже дни. Когда же они наконец прибыли, их ввели в бой по частям, что привело к поражению. — Прим. авт.

отказался от своего абсурдного требования удерживать каждый метр территории, а затем сбросить силы союзников в море. Роммель с согласия Рундштедта предложил, чтобы немецкие войска отошли за пределы дальности смертоносного огня корабельной артиллерии противника, отвели свои танковые части в тыл и перегруппировали их для последующего удара. Такой удар мог бы привести «к поражению союзников в бою, который будет происходить вне пределов досягаемости морской артиллерии противника».

Но верховный главнокомандующий и слышать не хотел об отходе. Немецкий солдат обязан сражаться, а не отступать. Предмет обсуждения был ему неприятен, и он поспешил переменить тему. В хвастливой речи, которую Шпейдель назвал странной смесью цинизма и ложной интуиции, Гитлер заверил генералов, что Фау–1, или самолеты–снаряды, которые накануне были впервые выпущены по Лондону, «станут решающим оружием против Великобритании… и заставят англичан заключить мир». Когда фельдмаршалы обратили внимание Гитлера на полный провал люфтваффе на Западе, фюрер возразил, что «массы реактивных истребителей» — у союзников не было реактивных самолетов, а немцы уже запустили их в производство — вскоре лишат английских и американских летчиков возможности действовать в воздушном пространстве Германии. «После этого, — заявил он, — Англия падет». В этот момент приближение авиации союзников заставило их перенести совещание в бомбоубежище.

Находясь в безопасности в подземном бетонированном бункере, они продолжали беседу[242]. Но теперь Роммель предложил переключиться на политические вопросы.

«Он предсказывал, — говорит Шпейдель, — что немецкий фронт в Нормандии развалится и что невозможно будет предотвратить прорыв союзников в Германию. Одновременно он высказал сомнение в способности удержать русский фронт, подчеркнув при этом полную политическую изоляцию Германии… В заключение… Роммель настоятельно призвал всех положить конец войне».

Гитлер, который несколько раз перебивал Роммеля, наконец резко оборвал его: «Будущий ход войны — это не ваша забота. Лучше займитесь фронтом вторжения».

Оба фельдмаршала ничего не достигли ни военными, ни политическими доводами. Как позднее вспоминал в Нюрнберге генерал Йодль, Гитлер полностью проигнорировал их предостережения. В конце совещания генералы начали убеждать верховного главнокомандующего посетить хотя бы штаб группы армий «Б» Роммеля, чтобы обсудить с войсковыми командирами положение в Нормандии. Гитлер неохотно ^огласился совершить поездку через два дня — 19 июня.

Но поездка не состоялась. Вскоре после того как вечером 17 июня фельдмаршалы разъехались из Марживаля, сбившийся с курса на Лондон Фау–1 перевернулся и упал на бункер фюрера.

Никто не был ни убит, ни ранен, но Гитлер так расстроился, что решил немедленно отправиться в более безопасное место, и не останавливался, пока не добрался до спасительных гор Берхтесгадена.

Однако здесь его настигли еще более неприятные вести. 20 июня началось наступление русских на Центральном фронте, которого долго ждали и которое стало развиваться, причем с таким все сокрушающим размахом и так стремительно, что в течение нескольких дней немецкая группа армий «Центр», где Гитлер сосредоточил самые мощные силы, была полностью разгромлена, образовался широкий фронт прорыва и открылся путь на Польшу. 4 июля русские пересекли границу 1939 года с Польшей и устремились в Восточную

---

[242] Обсуждение продолжалось с 9 утра до 4 часов пополудни с перерывом на обед, состоявший из одного блюда. Как вспоминает Шпейдель, во время обеда Гитлер буквально проглотил полную тарелку риса и овощей, после того как его пищу проверили. Вокруг его столового прибора стояли различные рюмки с лекарствами и лежали пилюли, и которые он поочередно принимал. Позади его стула стояли два телохранителя из СС. (Прим авт.)

Пруссию[243]. Впервые в ходе второй мировой войны были срочно собраны все наличные резервы верховного командования и брошены на защиту фатерланда. Это означало, что теперь немецкие армии на Западе обречены. Отныне они уже не могли рассчитывать на сколько–нибудь значительные подкрепления.

29 июня Рундштедт и Роммель вновь обратились к Гитлеру с просьбой реально оценить создавшееся положение на Востоке и на Западе и попытаться положить конец войне, пока еще сохранялась значительная часть немецкой армии. Эта встреча состоялась в Оберзальцберге, где верховный главнокомандующий, приняв обоих фельдмаршалов на редкость холодно, резко отклонил их призывы и пустился в длинные рассуждения о том, как он выиграет войну с помощью нового «чудо–оружия». «Этот монолог, — говорит Шпейдель, перешел затем в область фантастических построений».

Два дня спустя Рундштедт был заменен на посту главнокомандующего Западным фронтом фельдмаршалом фон Клюге[244]. 15 июля Роммель направил Гитлеру длинное обращение, передав его по армейскому телетайпу. «Войска повсюду сражаются героически, — сообщал он, — но неравная борьба подходит к концу». И добавил постскриптум от руки:

«Я прошу вас сделать необходимые выводы незамедлительно. Как командующий группой армий, считаю своим долгом заявить об этом со всей ясностью».

«Я дал ему последний шанс, — сказал Роммель Шпейделю. — Если он не воспользуется им, мы начнем действовать».

Два дня спустя, вечером 17 июля, возвращаясь в свой штаб из Нормандии, Роммель, находившийся в штабной машине, был обстрелян с бреющего полета истребителями союзников и настолько серьезно ранен, что сначала посчитали: он не проживет и нескольких часов. Для заговорщиков это была катастрофа, поскольку Роммель — и Шпейдель клянется в этом — бесповоротно решил сыграть свою роль в избавлении Германии от нацистского правления в течение ближайших нескольких дней, хотя по–прежнему противился убийству Гитлера. Но, как выяснилось, энергии и решимости Роммеля крайне недоставало армейским офицерам, которые теперь, в июле 1944 года, когда немецкие армии стали разваливаться и на Востоке и на Западе, предприняли последнюю попытку покончить с Гитлером и национал–социализмом.

«Заговорщики остро почувствовали, — говорит Шпейдель, — что лишились сильной опоры»[245].

---

[243] Очевидно, автор имеет в виду Белорусскую операцию (23.6–29.8 1944 года), скоординированную по времени с высадкой союзников в Нормандии. Границу с Польшей советские войска пересекли 20 июля 1944 года. — Прим. тит. ред.

[244] Причиной отстранения Рундштедта могла послужить отчасти грубоватая прямота, допущенная им накануне вечером во время телефонного разговора с Кейтелем, который пытался выяснить у него обстановку. Только что застопорился тщательно подготовленный фронтальный удар силами четырех танковых дивизий СС по войскам англичан, и Рундштедт пребывал в мрачном настроении. «Что будем делать?» — закричал Кейтель. «Заключать мир, дурачье, — выпалил Рундштедт. — Что еще вы способны сделать?!» Судя по всему, Кейтель, этот сплетник и лизоблюд, как называли его большинство войсковых командиров, тут же отправился к Гитлеру и пересказал ему весь разговор с соответствующими комментариями. Фюрер в этот момент беседовал с Клюге, который последние несколько месяцев находился в отпуске по болезни из–за травм, полученных в автомобильной катастрофе. Он и был тут же назначен взамен Рундштедта. Таким способом нацистский диктатор часто менял высший командный состав. О телефонном разговоре генерал Блюментрит сообщил Уилмоту (см. Борьба за Европу, с. 347) и Лиддел Гарту (см. Говорят немецкие генералы, с. 205). — Прим. авт.

[245] Шпейдель цитирует писателя Эрнста Юнгера, книги которого в свое время были популярны в нацистской Германии, но который затем занял антинацистскую позицию и примкнул к парижской ветви заговора: «Удар, который свалил Роммеля по дороге на Ливоро 17 июля, лишил наш заговор единственного человека, способного взвалить на себя одновременно бремя войны с Россией и гражданской войны у себя» (Шпейдель Г. Вторжение 1944 года, с 119). — Прим авт.

В последний час перед покушением

Успешная высадка союзников в Нормандии повергла заговорщиков в Берлине в полное замешательство. Штауфенберг, как мы убедились, считал, что в 1944 году она не произойдет. И даже если бы она состоялась, шансы на ее успех составили бы менее 50 процентов. Казалось даже, он рассчитывал на неудачу высадки, поскольку правительства США и Англии после такого провала, который стоил бы им огромных людских и материальных потерь, стали бы более сговорчивыми на мирных переговорах с новым антинацистским правительством, способным в этом случае добиться более благоприятных условий.

Когда же стало очевидно, что высадка прошла успешно, что Германия терпела еще одно крупное поражение, а на Востоке тем временем назревало еще одно, Штауфенберг, Бек и Герделер засомневались в целесообразности подготовки своих планов. Если они успешно осуществятся, то на заговорщиков ляжет вина за окончательную катастрофу Германии. Хотя сами они считали, что теперь она неизбежна, массы немецкого народа этого еще не осознавали. Бек в конце концов пришел к выводу, что, поскольку успешное антинацистское выступление не спасет Германию от оккупации врагом, оно поможет побыстрее покончить с войной и избавить фатерланд от новых людских потерь и разрушений. Мирный договор предотвратил бы также опустошение и большевизацию Германии русскими. Он показал бы всему миру, что, помимо нацистской, существует другая Германия. И, кто знает, возможно, западные союзники, несмотря на выдвигаемые ими условия безоговорочной капитуляции, окажутся не слишком жестоки по отношению к завоеванной ими Германии. Герделер соглашался с этим, возлагая еще большие надежды на западные демократии. Он говорил, что ему известно, насколько Черчилль опасался угрозы «полной русской победы».

Молодые заговорщики, которых вел за собой Штауфенберг, не были до конца убеждены в этом. Они стремились получить рекомендации от Трескова, который был теперь начальником штаба 2–й армии на разваливающемся русском фронте. Его ответ колеблющимся заговорщикам указал им правильный путь.

«Необходимо любой ценой осуществить убийство. Даже если оно не удастся, нужно предпринять попытку захвата власти в столице. Мы должны показать всему миру и будущим поколениям, что борцы немецкого Сопротивления осмелились предпринять решающий шаг, рискуя собственной жизнью. Все остальное по сравнению с этой целью ничего не стоит».

Вдохновенный ответ разрешил все вопросы, поднял дух и рассеял сомнения у Штауфенберга и его молодых друзей. Угроза развала фронтов в России, Франции и Италии вынудила заговорщиков действовать немедля. Еще одно событие ускорило приближение развязки.

С самого начала группа Бека, Герделера и Хасселя не желала иметь ничего общего с коммунистическим подпольем. Такой же линии придерживались и коммунисты. Для коммунистов заговорщики были такой же реакционной силой, как нацисты, и успех их заговора мог помешать коммунистической Германии прийти на смену Германии национал–социалистской. Беку и его друзьям была хорошо известна эта позиция коммунистов, как и то, что деятельность коммунистического подполья поддерживалась из Москвы и служила главным образом источником разведывательной информации для русских.[246]

---

[246] Это всплыло в 1942 году при расследовании по делу «Красной капеллы», когда абвер выявил большое число немцев, занимавших стратегически важные посты. Многие из них происходили из старинных родов, что не помешало им стать участниками широкой шпионской сети, работавшей на русских. Одно время они передавали разведывательные сведения в Москву с помощью 100 подпольных радиопередатчиков, размещенных в Германии и оккупированных странах Запада. Руководителем «Красной капеллы» («Красного оркестра») являлся Гарольд Шульце–Бойзен, внук гросс–адмирала фон Тирпица, ставшего после первой мировой войны своего рода вождем потерянного поколения. Будучи страстным почитателем революционной поэзии, фигурой весьма колоритной в мире богемы, в черном свитере, с густой гривой белокурых волос, он

Более того, они знали, что в это подполье гестапо внедрило своих агентов, так называемых «людей победы», как именовал их Генрих Мюллер, шеф гестапо и одновременно поклонник советского НКВД.

В июне заговорщики вопреки совету Герделера и старейших участников заговора решили установить контакт с коммунистами. Сделано это было по предложению социалистического крыла, особенно Адольфа Рейхвейна, идеолога социалистов и любителя туризма, который являлся в это время директором Музея фольклора в Берлине. Рейхвейн поддерживал незначительные контакты с коммунистами. И хотя Штауфенберг относился к ним с подозрительностью, его друзья–социалисты Рейхвейн и Лебер убедили его, что теперь придется поддерживать с ними контакты, чтобы выяснить, каковы их цели и что они предпримут в случае успеха путча, и по возможности использовать в последний момент для расширения базы антинацистского сопротивления. Против собственной воли он согласился на встречу Лебера и Рейхвейна с руководством коммунистического подполья 22 июня, но одновременно запретил сообщать коммунистам что–либо существенное.

Встреча состоялась в восточном Берлине. Лебер и Рейхвейн представляли социалистов, а двое лиц, назвавшиеся Францем Якобом и Антоном Зефковом, представляли коммунистическое подполье. С ними был и третий товарищ, которого они называли Рамбовом.

Оказалось, что коммунистам известно достаточно много о заговоре против Гитлера, но хотелось бы узнать больше. Они попросили организовать им встречу с военными руководителями заговора 4 июля. Штауфенберг идти отказался, и Рейхвейну было поручено представлять его на следующей встрече в тот же день. Однако, когда он прибыл на встречу, его самого, а также Якоба и Зефкова немедленно арестовали. Как оказалось, Рамбов был провокатором из гестапо. На следующий день Лебер, на которого Штауфенберг делал ставку как на наиболее влиятельную политическую силу в новом правительстве, был также арестован[247].

Штауфенберг был глубоко потрясен арестом Лебера, с которым они стали близкими друзьями и которого он считал незаменимым в предполагаемом новом правительстве, и сразу понял, что всем участникам заговора грозит смертельная опасность, поскольку люди Гиммлера могли вот–вот выйти на их след. Лебер и Рейхвейн были людьми мужественными, и он считал, что они не выдадут тайны даже под пыткой, что на них можно положиться. А если нельзя? Некоторые заговорщики не были уверены в этом. Даже самый смелый человек не в состоянии молчать, когда его тело истерзано невыносимой болью.

привлекал к себе пристальное внимание в Берлине. Он отвергал как нацизм, так и коммунизм, хотя считал себя человеком левых убеждений. Благодаря матери он в самом начале войны добился зачисления в люфтваффе в чине лейтенанта и подыскал тепленькое местечко в «исследовательском отделе» у Геринга, сотрудники которого специализировались на подслушивании телефонных разговоров. Вскоре он приступил к организации широкой разведывательной сети для Москвы, имея доверенных лиц в каждом министерстве и военном ведомстве в Берлине. Среди них были Арвид Харнак, племянник известного богослова, блестящий молодой экономист из министерства экономики, женатый на американке Милдред Фиш, которую он встретил в Висконсинском университете; Франц Шелиха — из министерства иностранных дел; Хорст Хейлман — из министерства пропаганды; графиня Эрика фон Брокдорф — из министерства труда.

Из 75 руководителей, обвиненных в государственной измене, 50 были приговорены к смерти, включая Шульце–Бойзена и Харнака. Милдред Харнак и графиня фон Брокдорф отделались было тюремным заключением, однако Гитлер настоял на высшей мере наказания, и они были казнены. По указанию фюрера всех их приговорили к повешению, чтобы предотвратить попытки измены в будущем, но в Берлине виселиц не нашлось, поскольку традиционным орудием казни служила гильотина, поэтому приговоренных казнили, затягивая на шее веревку, которую перекидывали через крюк для подвески мясных туш и затем медленно вздергивали. Крюки позаимствовали на время на скотобойне. С тех пор именно этот метод повешения и стал применяться как особая форма жестокой расправы над теми, кто осмелился пойти против фюрера. — Прим. авт.

[247] Все четверо — Лебер, Рейхвейн, Якоб и Зефков были казнены — Прим. авт. 436

Арест Лебера и Рейхвейна подтолкнул заговорщиков к немедленным действиям.

20 июля 1944 года

В конце июня заговорщикам все–таки выпал счастливый случай. Штауфенберг был произведен в полковники и назначен начальником штаба к генералу Фромму, командующему армией резерва. Этот пост не только позволял ему отдавать приказы по армии от имени Фромма, но и открывал доступ к Гитлеру. Действительно, фюрер стал чаще вызывать командующего армией резерва или его заместителя к себе в ставку (два–три раза в неделю), требуя свежих пополнений для своих потрепанных в России дивизий. Штауфенберг решил подложить бомбу на одной из таких встреч.

Ключевой фигурой в заговоре отныне стал Штауфенберг. Теперь единственный шанс заговорщиков на успех зависел всецело от него. Поскольку из всех заговорщиков только он имел возможность проникнуть через плотную охрану в гитлеровскую ставку, ему и предстояло убить Гитлера. Лишь на него, начальника штаба армии подготовки пополнений, могла быть возложена задача Фромм все еще вызывал сомнения, и на него нельзя было до конца положиться руководить операцией по захвату Берлина после того, как Гитлер будет ликвидирован. И ему, Штауфенбергу, предстояло выполнить эти задачи в один день в двух разных местах, разделенных расстоянием 200–300 миль: в ставке Гитлера — в Оберзальцберге либо в Растенбурге — и в Берлине. Между первым и вторым актом драмы намечался интервал в два–три часа, когда его самолет будет находиться в полете и когда он не сможет что–либо предпринять, а сможет только надеяться, что его сподвижники в Берлине начали энергично воплощать в жизнь его планы. Однако это была лишь одна проблема, как мы вскоре убедимся.

Возникли и другие. Ничем, казалось бы, не оправданные осложнения появились у заговорщиков в связи с тем, что они пришли к выводу: устранить одного только Адольфа Гитлера недостаточно. Одновременно следует убить Геринга и Гиммлера, с тем чтобы предотвратить использование ими против заговорщиков военных сил, находящихся в их подчинении. Они также считали, что высший генералитет на фронте, еще не перешедший полностью на сторону заговорщиков, сделает это гораздо скорее, если будут устранены два ближайших заместителя Гитлера. Поскольку Геринг и Гиммлер обычно присутствовали на ежедневных военных совещаниях в ставке фюрера, заговорщики посчитали, что не составит особого труда ликвидировать всех троих посредством одной бомбы. Это нелепое решение привело к тому, что Штауфенберг упустил две блестящие возможности разделаться с Гитлером.

11 июля его вызвали в Оберзальцберг для доклада фюреру о ходе отправки на фронт крайне необходимых там пополнений. В самолет, летевший в Берхтесгаден, он прихватил одну из бомб английского производства, имевшихся в абвере. На совещании заговорщиков, состоявшемся в Берлине накануне вечером, было решено, что настал момент разделаться с Гитлером, а заодно с Герингом и Гиммлером. Но Гиммлер в этот день отсутствовал, и, когда Штауфенберг, выйдя на минуту, позвонил генералу Ольбрихту в Берлин и сообщил об этом, дав понять, что может убрать Гитлера и Геринга, генерал уговорил его подождать еще день, когда соберутся все трое. Этим же вечером, вернувшись в Берлин, Штауфенберг встретился с Веком и Ольбрихтом и настоял на том, что в следующий раз он попытается убить Гитлера независимо от того, будут присутствовать на совещании Геринг и Гиммлер или нет. Они согласились.

Вскоре представилась еще одна возможность. 14 июля Штауфенберг получил приказ доложить на следующий день фюреру о положении с резервами, ведь каждый новобранец был теперь на счету, о том, как закрыть бреши на фронте в России, где группа армий «Центр», потеряв 27 дивизий, перестала существовать как боевая группировка. В этот день, 14 июля, Гитлер перенес свою ставку назад в Вольфшанце в Растенбурге, взяв лично на себя

задачу восстановить Центральный фронт, где войска Красной Армии вышли на рубеж всего в 60 милях от Восточной Пруссии. Утром 15 июля полковник Штауфенберг вновь отправился самолетом в ставку фюрера[248], прихватив с собой бомбу в портфеле. В этот момент заговорщики настолько уверовали в успех, что было решено подать первый сигнал операции «Валькирия» за два часа до совещания у Гитлера, назначенного на 11 часов. По этому сигналу войскам и танкам из танкового училища в Крампнице предписывалось начать марш на столицу. Задержки с захватом власти быть не должно.

В субботу 15 июля, в 11 утра, генерал Ольбрихт отдал приказ «Валькирия–1» для Берлина и еще до полудня войска начали движение к центру столицы, имея приказ занять квартал на Вильгельмштрассе. В 13 часов Штауфенберг с портфелем в руке прибыл в конференц–зал фюрера, сделал доклад о резервах и затем вышел довольно надолго, чтобы по телефону сообщить в Берлин Ольбрихту посредством условленного кода, что Гитлер на месте, что сам Штауфенберг намерен вернуться в зал и взорвать бомбу. Ольбрихт информировал его, что войска в Берлине уже начали продвижение. Казалось, успех большого дела обеспечен. Но когда Штауфенберг вернулся в зал, Гитлер уже ушел и больше не возвращался. Огорченный Штауфенберг пошел к телефону известить о неудаче Ольбрихта. Генерал в бешенстве отменил тревогу, и войска постарались вернуться в казармы как можно быстрее и незаметнее.

Весть о еще одной неудаче явилась тяжелым ударом для заговорщиков, которые по возвращении Штауфенберга в Берлин собрались, чтобы обсудить дальнейшие действия. Герделер был сторонником так называемого «западного решения». Он предложил Беку вылететь вдвоем в Париж на встречу с фельдмаршалом фон Клюге и обсудить возможность заключения перемирия с Западом при условии, что союзники согласятся не пересекать франко–германскую границу, высвободив тем самым немецкие армии на Западе для последующей переброски их на Восточный фронт во имя спасения от русских и от большевизма. Но у Бека была более ясная голова. Он сознавал, что идея заключения сепаратного мира с Западом всего лишь пустая затея. Тем не менее заговор в целях убийства Гитлера необходимо было осуществить любой ценой, как утверждал Бек, хотя бы ради спасения достоинства Германии. Штауфенберг поклялся, что в следующий раз он не подведет. Генерал Ольбрихт, который получил нагоняй от Кейтеля за передвижение войск в Берлине, заявил, что не пойдет на новый риск, поскольку это раскроет весь заговор. Ему едва удалось убедить Кейтеля и Фромма в том, что это были обычные практические занятия. Страх ввести в дело войска еще раз до того, как станет точно известно, что Гитлер убит, в четверг на следующей неделе обернулся катастрофой.

В воскресенье вечером, 16 июля, Штауфенберг пригласил к себе домой в Ваннзе небольшой круг близких друзей и родственников: своего брата Бертольда, уравновешенного, погруженного в себя молодого человека ученого вида, служившего при морском штабе советником по международному праву; подполковника Цезаря фон Хофакера, своего кузена и связного с генералами на Западе; графа Фрица фон Шуленбурга, бывшего члена нацистской партии, который все еще оставался заместителем полицай–президента Берлина;

---

[248] Среди историков существуют разногласия по поводу того, куда направился Штауфенберг — в Растенбург или Оберзальцберг. Два наиболее авторитетных в этом вопросе немецких исследователя Эберхард Целлер и профессор Герхард Риттер приводят противоречивые сведения. Целлер считает, что Гитлер все еще оставался в Берхтесгадене, а Риттер уверен, что это ошибка и что фюрер возвратился в Растенбург. К сожалению, календарь Гитлера, который до сих пор надежно служил автору, сохранился не полностью, и записи на этот период отсутствуют. Наиболее надежные свидетельства, в том числе доклад о действиях Штауфенберга, составленный в ставке Гитлера 22 июля, убедительно указывают на то, что 15 июля Гитлер находился в Растенбурге и что именно там Штауфенберг намеревался его убить. Хотя оба места, откуда Гитлер пытался руководить ходом войны (он редко бывал в Берлине, подвергавшемся варварским бомбардировкам), находились примерно на одинаковом расстоянии от столицы, Берхтесгаден давал заговорщикам больше преимуществ, чем Растенбург, поскольку был расположен неподалеку от Мюнхена, гарнизон которого, считалось, сохранял верность Беку. — Прим. авт.

Тротта цу Зольца. Хофакер только что вернулся с Запада, где встречался с некоторыми генералами, такими, как Фалькенхаузен, Штюльпнагель, Шпейдель, Роммель и Клюге. Он рассказал о неизбежном крушении Западного фронта и — что было гораздо важнее — о поддержке заговора Роммелем независимо от того, куда повернет Клюге, хотя он по–прежнему высказывался против убийства Гитлера. После длительного обсуждения молодые заговорщики сошлись на том, что теперь единственный выход из создавшегося положения — уничтожение Гитлера. К этому времени у них уже не осталось иллюзий относительно того, что их отчаянный шаг спасет Германию от безоговорочной капитуляции. Они даже согласились, что следует капитулировать как перед русскими, так и перед западными демократиями. Самой важной задачей для немцев, считали они, является освобождение Германии от гитлеровской тирании.

Они страшно опоздали. Нацистский деспотизм продержался одиннадцать лет, и лишь убежденность в неизбежности поражения в войне, которую развязала Германия, чему они почти не противодействовали, заставляла их теперь действовать. Лучше поздно, чем никогда. Однако времени оставалось мало. Генералы сообщили им с фронтов, что полный крах как на Востоке, так и на Западе дело нескольких недель.

Судя по всему, в распоряжении заговорщиков оставалось всего несколько недель. Преждевременный выход войск на улицы Берлина 15 июля породил подозрения в ставке ОКБ. В этот день пришло сообщение, что генерал фон Фалькенхаузен, один из руководителей заговора на Западе, внезапно смещен со своего поста военного губернатора Бельгии и Северной Франции. Возникли опасения, что кто–то их выдает. 17 июля они узнали: Роммель настолько серьезно ранен, что не сможет помочь им в осуществлении их планов в течение неопределенно долгого времени. На следующий день друзья из штаба полиции предупредили Герделера, что Гиммлер подписал приказ о его аресте. По настоянию Штауфенберга Герделер был вынужден скрыться. В тот же день личный друг Штауфенберга капитан Альфред Кранцфельдер, один из немногих морских офицеров, состоявших в заговоре, предупредил его, что в Берлине распространяются слухи о том, будто ставка Гитлера в ближайшие дни взлетит на воздух. Снова, очевидно, произошла утечка информации. Все указывало на то, что гестапо сужает кольцо вокруг ядра заговорщиков.

Вечером 19 июля Штауфенберг опять был вызван в Растенбург для доклада Гитлеру о положении дел с новыми дивизиями ополчения, которые армия резерва поспешно формировала для переброски на разваливающийся Восточный фронт. Ему было поручено на следующий день, 20 июля, сделать доклад в ставке фюрера на первом дневном совещании — в 13 часов[249]. Штауфенберг попросил фельдмаршала фон Вицлебена и генерала Гепнера, проживавших в пригороде Берлина, прибыть в город к назначенному времени. Генерал Бек сделал последние приготовления для руководства переворотом до того момента, когда Штауфенберг возвратится самолетом после выполнения своей задачи. Ответственные офицеры в гарнизонах внутри и вокруг Берлина были извещены о том, что 20 июля — день операции.

На Бендлерштрассе Штауфенберг продолжал работать до вечера над докладом Гитлеру и отправился домой в Ваннзе вскоре после 8 часов вечера. По дороге он остановился у Далемского католического собора, чтобы помолиться[250]. Вечер он провел дома с братом

---

[249] По свидетельству генерала Адольфа Хойзингера, начальника оперативного управления сухопутных войск, вести, поступившие 19 июля с Украинского фронта, были настолько плохи, что он запросил ставку о наличных войсках армии резерва, проходящих подготовку в Польше, которые можно было бы перебросить на Восточный фронт Кейтель предложил вызвать на следующий день Штауфенберга для доклада по этому вопросу (Хойзингер А. Спорный приказ, с 350) — Прим. авт.

[250] Фицгиббон пишет «Считается, что перед тем он ходил на исповедь, но конечно не получил отпущения грехов» Автор рассказывает, что Штауфенберг поведал епископу Берлинскому, карциналу графу Прейсингу, о том, что намерен совершить. Епископ ответил, что он с уважением относится к мотивам, побуждающим к действию молодого человека, и не вправе удерживать его по религиозным соображениям — Прим. авт.

Бертольдом и рано отправился спать. Все, кто видели его днем и вечером, вспоминают, что он был приветлив и спокоен, как будто не предстояло ничего особенного.

Теплым солнечным утром 20 июля 1944 года, в начале седьмого, полковник Штауфенберг в сопровождении своего адъютанта лейтенанта Вернера фон Хефтена отправился на машине мимо разбомбленных зданий Берлина на аэродром в Рангсдорфе. В своем раздувшемся портфеле он вез документы о новых дивизиях ополчения, о чем ему предстояло в 13 часов докладывать в ставке Гитлеру. Между бумагами лежала завернутая в рубашку бомба замедленного действия. Она была того же типа, что и та, которую Тресков и Шлабрендорф заложили в самолет фюрера годом раньше и которая не сработала. Как известно, она была английского производства. Срабатывала она после того, как разбивалась стеклянная ампула и находившаяся в ней кислота разъедала тонкую проволочку, освобождавшую боек, который ударял по капсюлю–детонатору. Толщина проволочки определяла время до взрыва. Этим утром он вложил в бомбу самую тоненькую проволочку. Она должна была раствориться за каких–нибудь 10 минут.

В аэропорту Штауфенберг встретил генерала Штиффа, который доставил ему накануне вечером бомбу. Там они разыскали ожидавших их личный самолет генерала Эдуарда Вагнера, первого генерал–квартирмейстра сухопутных войск и руководителя заговора, который позаботился о том, чтобы предоставить им самолет для этого важного полета. Самолет взлетел в 7 утра и в 10 с небольшим приземлился в Растенбурге. Хефтен проинструктировал летчика быть готовым к возвращению в любое время после полудня.

С аэродрома штабная машина доставила прибывших в ставку Вольфшанце, расположенную в мрачном, заросшем густым лесом районе Восточной Пруссии. Попасть туда было непросто, а выбраться еще труднее, что наверняка отметил про себя Штауфенберг. Она была построена в виде трех колец, каждое из которых прикрывалось минным полем, дотами и колючей проволокой под напряжением. Днем и ночью «логово» охраняли фанатично преданные фюреру войска СС. Чтобы проникнуть в тщательно охраняемый внутренний комплекс, где жил и работал Гитлер, даже высшие чины генералитета обязаны были представлять специальный разовый пропуск и пройти личный досмотр оберфюрера СС Раттенхубера, начальника управления безопасности у Гиммлера и командира подразделения охраны СС, или одного из его заместителей. Однако, поскольку Гитлер лично приказал докладывать Штауфенбергу, он и Хефтен, хотя их и остановили для проверки пропусков, сравнительно легко миновали три контрольно–пропускных пункта. После завтрака с капитаном фон Меллендорфом, адъютантом начальника гарнизона, Штауфенберг разыскал генерала Фрица Фельгибеля, начальника службы связи ставки.

Фельгибель был одной из ключевых фигур заговора. Штауфенберг убедился, что генерал готов в срочном порядке сообщить заговорщикам о взрыве, с тем чтобы они немедленно приступили к действиям. Затем Фельгибель должен был изолировать ставку фюрера от внешнего мира, перекрыв телефонные, телеграфные и радиоканалы связи. Никто другой не годился, как он, для этой цели, и заговорщики, перетянув его на свою сторону, считали, что им крупно повезло. Для успешного осуществления заговора он был незаменим.

После визита к генералу Буле, представителю армии резерва при ставке, с которым они обсудили подготовку резервов, Штауфенберг прошел в блок Кейтеля, повесил в приемной фуражку и ремень и затем вошел в кабинет начальника штаба ОКБ. Здесь он узнал, что ему придется действовать быстрее, чем он рассчитывал. На часах было начало первого, и Кейтель проинформировал его, что, поскольку Муссолини прибудет поездом в 2.30 дня, первое ежедневное совещание у фюрера переносится с 13 часов на 12.30. Полковнику, сказал Кейтель, придется сократить свой доклад, поскольку Гитлер хочет закончить совещание пораньше. Должно быть, перед взрывом бомбы Штауфенберг подумал, что судьба снова готова отнять у него шанс на успех. И в то же время у него, очевидно, промелькнула надежда, что на этот раз совещание будет проходить в подземном бункере фюрера, где

взрывная волна во много раз сильнее, чем при взрыве на поверхности. Но Кейтель сообщил ему, что совещание состоится в конференц–казарме[251] (казарменном помещении для совещаний). Она отнюдь не походила на непрочный деревянный барак, каким его часто изображали. За минувшую зиму по указанию Гитлера первоначально деревянную основу строения укрепили бетонными стенами толщиной 18 дюймов (45 сантиметров) для защиты от зажигательных и осколочно–фугасных бомб, которые могли упасть поблизости. Эти массивные стены усилили действие бомбы Штауфенберга.

Вскоре ему предстояло запустить ее механизм. Он кратко изложил Кейтелю, о чем собирается докладывать фюреру, и, еще не закончив, заметил, как начальник генштаба нетерпеливо поглядывает на часы. За несколько минут до 12.30 Кейтель сказал, что им следует немедля идти на совещание, иначе они опоздают. Они вышли из блока, но не успели пройти и нескольких шагов, как Штауфенберг заявил, что забыл фуражку и ремень в приемной, и быстро пошел назад, пока Кейтель не сообразил, что надо бы послать за ними адъютанта, шедшего рядом.

В приемной Штауфенберг быстро открыл портфель, выхватил тремя пальцами изувеченной руки щипцы и раздавил ими ампулу. Ровно через десять минут, если снова не произойдет сбоя в механизме, бомба взорвется.

Кейтель, который был весьма обходителен с начальством, но груб с подчиненными, раздраженный задержкой, повернулся к Штауфенбергу и рявкнул: «Мы опаздываем». Штауфенберг извинился. Кейтель несомненно понимал, что калеке требуется несколько больше времени, чем здоровому человеку, чтобы надеть ремень. По дороге к блоку Гитлера Штауфенберг, казалось, был настроен добродушно, и мелочная раздражительность Кейтеля — у него не появилось и тени подозрения — рассеялась.

Тем не менее, как и опасался Кейтель, они опоздали. Совещание уже началось. Когда Кейтель и Штауфенберг вошли в здание, последний задержался на минуту в прихожей, чтобы предупредить унтер–офицера, дежурившего у телефонного коммутатора, что он ждет срочного звонка из своего штаба в Берлине, чтобы получить последние данные и отразить их в докладе (это предназначалось для ушей Кейтеля), и попросил немедленно вызвать его, как только последует звонок. Это обстоятельство также не возбудило подозрений Кейтеля, хотя и должно было показаться довольно необычным, поскольку даже фельдмаршал не осмеливался выйти с совещания, не получив разрешения нацистского главаря.

Двое вошли в зал, где проводилось совещание. Прошло около четырех минут с момента, когда Штауфенберг открыл портфель и щипцами раздавил ампулу. В запасе оставалось еще шесть минут. Зал был относительно небольшим, примерно 30 на 50 футов (9 на 15 метров). Все десять окон в этот жаркий душный день были раскрыты настежь. Несомненно, так много открытых окон уменьшит воздействие взрывной волны. В центре зала стоял прямоугольный стол размером 18 на 5 футов (5,4 на 1,5 метра), сделанный из толстых дубовых досок. Это был стол особой конструкции, он опирался не на ножки, а на две большие тяжелые опоры, или тумбы, шириной почти во весь стол, по одной с каждой стороны. Эта необычная конструкция повлияла на дальнейшее развитие событий.

Когда Штауфенберг вошел в зал, Гитлер сидел в центре длинной стороны стола, спиной к двери. Справа от него занимали места генерал Хойзингер, начальник оперативного управления, заместитель начальника штаба сухопутных войск, генерал Кортен, начальник штаба ВВС, полковник Гейнц Брандт, заместитель Хойзингера. Кейтель занял место слева от фюрера, далее сидел генерал Йодль. Еще восемнадцать человек, представлявших три вида вооруженных сил и СС, стояли вокруг стола, но ни Геринга, ни Гиммлера среди них не было. Сидели только Гитлер, вертевший в руках лупу, которая была нужна ему, чтобы читать мелкий шрифт на разложенных перед ним картах, и два стенографиста.

---

[251] Ряд авторов утверждают, что ежедневные военные совещания у Гитлера в Растенбурге проводились в его подземном бункере и что совещание 20 июля было перенесено в наземное здание ввиду ремонта, а также из–за жары и большой влажности — Прим. авт.

Хойзингер дошел примерно до середины своего неутешительного доклада о последнем прорыве русских на Центральном фронте и опасном положении, в котором оказались немецкие армии не только там, но и на северном и южном участках фронта. Кейтель прервал его, чтобы сообщить о прибытии на совещание полковника Штауфенберга, и указал цель его приезда. Гитлер взглянул на однорукого полковника с черной повязкой на глазу, кратко поприветствовал его и сказал, что, прежде чем заслушать его доклад, он хотел бы закончить с Хойзингером. Штауфенберг занял место у стола между Кортеном и Брандтом; на расстоянии нескольких футов по правую сторону от Гитлера он поставил на пол свой портфель, подтолкнув его под столом так, чтобы он прислонился к внутренней стороне дубовой тумбы. Расстояние от нее до ног фюрера составляло не более шести футов (1,8 метра). На часах было 12.37. До взрыва оставалось пять минут. Хойзингер продолжал говорить, постоянно обращаясь к карте, расстеленной на столе. Гитлер и другие офицеры то и дело склонялись над ней, вникая в обстановку.

Никто не заметил, как вышел Штауфенберг. Разве что полковник Брандт. Он с таким интересом слушал доклад генерала, что склонился над столом, чтобы лучше видеть карту, и, почувствовав, что портфель Штауфенберга ему мешает, попытался ногой отодвинуть его в сторону, а затем достал его и переставил по другую сторону тумбы так, что теперь она заслоняла Гитлера[252] от бомбы. Эта, казалось бы, незначительная передвижка, очевидно, спасла жизнь фюреру, но привела к гибели самого Брандта — опять вмешалась рука судьбы. Полковник Брандт, заметим, был тем офицером, кого Тресков просил отвезти пару бутылок коньяка на самолете Гитлера, возвращавшемся из Смоленска в Растенбург вечером 13 марта 1943 года, и он исполнил это, не испытывая ни малейшего подозрения, что в действительности в свертке лежала бомба, точная копия той, которую сейчас он неумышленно отодвинул подальше от фюрера. К этому моменту кислота почти полностью разъела проволочку, удерживавшую боек.

Кейтель, который отвечал за вызов на совещание Штауфенберга, взглянул туда, где должен был находиться полковник. Хойзингер уже заканчивал свой мрачный доклад, и начальник штаба ОКБ хотел дать знать Штауфенбергу, что теперь его очередь докладывать. Возможно, придется помочь ему достать бумаги из портфеля. Но, к величайшей досаде Кейтеля, молодой полковник исчез. Припомнив, что Штауфенберг сказал входя телефонисту, Кейтель выскользнул из зала, чтобы вернуть этого странного молодого офицера.

Штауфенберга у телефона не было. Находившийся рядом унтер–офицер сказал, что он поспешно вышел из здания. Кейтель в замешательстве вернулся в конференц–зал. Хойзингер заканчивал свой доклад о катастрофической обстановке на сегодняшний день. «Русские, — говорил он, — крупными силами продвигаются западнее Дины (Даугава) на север. Их передовые части находятся юго–западнее Динабурга (Даугавпилс). Если наша группа армий в районе Чудского озера не будет немедленно отведена, катастрофа…»

Фраза так и осталась неоконченной.

Именно в этот момент, в 12.42, взорвалась бомба.

Штауфенберг наблюдал за происходящим вместе с генералом Фельгибелем, стоя примерно в 200 ярдах от входа в бункер 88, где находился его кабинет, и с беспокойством поглядывая то на свои часы, то в сторону конференц–зала. Внезапно он увидел, как конференц–зал взлетает на воздух, охваченный огнем и дымом, будто от прямого попадания 155–миллиметрового снаряда. Воздушной волной из окон выбросило тела нескольких человек, в воздух полетели обломки. Воспаленное воображение подсказало Штауфенбергу, что все находившиеся в конференц–зале непременно погибли. Он поспешно попрощался с Фельгибелем, которому предстояло немедленно сообщить по телефону заговорщикам в Берлин, что покушение удалось, а затем блокировать все средства связи, пока заговорщики

---

[252] Согласно показаниям адмирала Курта Ассмана, присутствовавшего на совещании, Штауфенберг шепнул Брандту: «Мне надо срочно позвонить. Присмотрите за моим портфелем, там секретные бумаги». — Прим. авт.

не захватят столицу и не провозгласят новое правительство[253].

Следующая задача Штауфенберга заключалась в том, чтобы быстро выбраться из ставки. Охрана на контрольно–пропускных пунктах слышала или видела взрыв в конференц–зале фюрера и немедленно перекрыла все выходы. Машину Штауфенберга остановили у первого же шлагбаума — в нескольких метрах от бункера Фельгибеля. Он выскочил из машины и потребовал вызвать дежурного офицера из караульного помещения. В его присутствии он позвонил кому–то, кому именно, осталось неизвестно, — коротко переговорил и, повесив трубку, сказал офицеру: «Господин лейтенант, мне разрешено следовать».

Это был чистый блеф, но он сработал. Очевидно, записав в журнал: «12.44. Полк. Штауфенберг проехал через контрольно–пропускной пункт», исполнительный лейтенант передал на следующий КПП: «Машину пропустить». У третьего, и последнего, КПП дело осложнилось. Здесь уже получили сигнал тревоги — шлагбаум был опущен, караул удвоен, и никому не разрешалось ни въезжать, ни выезжать. Машина, в которой находились Штауфенберг и его адъютант лейтенант Хефтен, была задержана на редкость упрямым унтер–офицером по имени Кольбе. Вновь Штауфенберг попросил разрешения воспользоваться телефоном и, позвонив капитану фон Меллендорфу, адъютанту коменданта городка, пожаловался на то, что из–за взрыва охрана КПП его не пропускает. А он торопится, поскольку на аэродроме его ждет генерал Фромм. Он опять блефовал: Фромм находился в Берлине, и Штауфенбергу это было хорошо известно.

Повесив трубку, полковник повернулся к унтер–офицеру: «Вы слышали? Мне разрешено проехать». Но провести того оказалось непросто: он сам позвонил Меллендорфу, чтобы получить подтверждение. Капитан подтверждение дал.

Машина помчалась в аэропорт. Лейтенант Хефтен тем временем поспешно разбирал вторую бомбу, которую он привез в своем портфеле, выбрасывая детали в кювет, где их позднее разыскало гестапо. Комендант аэродрома еще не получил извещение о тревоге. Пилот прогревал двигатели самолета, когда подъехала машина с двумя офицерами. Через одну–две минуты самолет взлетел.

Часы показывали начало второго. Последующие три часа, должно быть, показались Штауфенбергу самыми длинными в его жизни. В то время как тихоходный «хейнкель» летел на запад над песчаной немецкой равниной, ему ничего не оставалось, как только надеяться, что Фельгибель смог дозвониться до Берлина и передать исключительной важности сигнал сообщникам: немедленно приступить к действиям по овладению столицей и рассылке заранее подготовленных документов командующим войсками в Германии и на Западе. Он надеялся, наконец, что его самолет не будет посажен поднятыми по тревоге истребителями ВВС или сбит патрулирующими самолетами русских, активность которых над Восточной Пруссией все более возрастала. На самолете не было обычного радиоприемника, и Штауфенберг не мог настроиться на Берлин и услышать первые захватывающие сообщения, которые, как он ожидал, заговорщики передадут еще до того, как он приземлится. Не мог он и связаться с заговорщиками в столице и подтвердить сигнал на случай, если его не сумел передать генерал Фельгибель.

Его самолет приземлился в Рангсдорфе в 3.45 пополудни, и Штауфенберг в прекрасном настроении поспешил к ближайшему телефону на аэродроме, чтобы связаться с генералом Ольбрихтом и узнать точно, что сделано за истекшие роковые три часа, от которых зависело

---

[253] Большое число исследователей утверждают, что в этот момент генерал Фельгибель должен был взорвать узел связи, и тот факт, что он не сумел этого сделать, имел катастрофические последствия для заговорщиков. Так, Уилер–Беннет пишет, что «генерал Фельгибель, как это ни печально, не сумел выполнить свою задачу». Поскольку различные узлы связи размещались в нескольких подземных бункерах, тщательно охраняемых СС, представляется совершенно невероятным, что в планы Фельгибеля входило взорвать их. Генерал соглашался сделать единственное — блокировать связь с внешним миром на два–три часа после передачи в Берлин сообщения о взрыве. Это вопреки неизбежным накладкам он исполнил. — Прим. авт.

все. К величайшему ужасу, он узнал, что еще ничего не сделано. Сообщение о взрыве поступило от фельгибеля вскоре после 13 часов, но связь работала плохо и заговорщики так и не разобрали, убит Гитлер или нет. Поэтому ничего и не было сделано. Приказы из сейфа Ольбрихта с грифом «Валькирия» были изъяты, но не разосланы. На Бендлерштрассе бездействовали, ожидая возвращения Штауфенберга. Ни генерал Бек, ни фельдмаршал Вицлебен, которые соответственно в качестве нового главы государства и верховного главнокомандующего вермахтом должны были немедленно опубликовать прокламации, отдать приказы и сообщить по радио о наступлении рассвета для Германии, пока не появились.

Вопреки твердой уверенности Штауфенберга, которую он вселил в Ольбрихта по телефону из Рангсдорфа, Гитлер в действительности не был убит. Почти безотчетное движение полковника Брандта, переместившего портфель к дальнему краю тумбы прочного дубового стола, спасло фюреру жизнь. Он был сильно контужен, но ранен относительно легко. У него были опалены волосы, на ногах появились ожоги, правая рука — в синяках и временно парализована, лопнули барабанные перепонки, а упавшая балка оставила ссадину на спине. Как позднее вспоминал один из очевидцев, он был неузнаваем, когда, опираясь на Кейтеля, выбрался из разрушенного, горящего здания. Лицо его было покрыто гарью, волосы тлели, а брюки превратились в клочья. Кейтель уцелел чудом. Но большинство из тех, кто стоял у того края стола, где взорвалась бомба, либо погибли сразу или умерли позднее, либо получили тяжелые ранения[254]. Уже в первые минуты после взрыва, когда еще не прошло потрясение, начали высказываться догадки о его причине. Гитлер подумал было, что взрыв произошел в результате внезапной атаки вражеского штурмовика. Йодль, который сидел обхватив руками разбитую в кровь голову на него помимо разных обломков упала люстра, — был убежден, что под полом здания строители заложили бомбу замедленного действия. Это, казалось, подтверждал зияющий в полу пролом, оставленный бомбой Штауфенберга. Самого полковника заподозрили не сразу. Гиммлер, прибежавший сюда на взрыв, был в полном замешательстве, но за минуту до того, как Фельгибель блокировал связь, он позвонил Артуру Небе, начальнику криминальной полиции в Берлине, и приказал выслать самолетом группу сыщиков для проведения расследования.

Из–за неразберихи, возникшей сразу после взрыва, никто поначалу не вспомнил, что Штауфенберг исчез из конференц–зала непосредственно перед взрывом. Сперва посчитали, что он находился в зале и оказался в числе тех, кто получил тяжелые ранения и был срочно госпитализирован. Гитлер, еще не заподозрив его, распорядился проверить, кто был доставлен в госпиталь.

Примерно через два часа после взрыва картина начала проясняться. Унтер–офицер, дежуривший у коммутатора перед конференц–залом, доложил, что одноглазый полковник, который предупредил его, что ждет телефонного звонка из Берлина, вышел из зала и, не дожидаясь звонка, с большой поспешностью покинул здание. Некоторые из участников совещания вспомнили, что Штауфенберг оставил под столом портфель. Дежурные на КПП сообщили, что полковник и его адъютант проехали сразу же после взрыва.

Теперь подозрения Гитлера усилились. Звонок на аэродром в Растенбург дал интересную информацию: Штауфенберг вскоре после 13 часов вылетел в большой спешке сказав, что направляется в аэропорт Рангсдорф. Гиммлер немедленно отдал приказ арестовать его при приземлении, но приказ не достиг Берлина вследствие смелых действий Фельгибеля, блокировавшего связь. До этой минуты никто в ставке, очевидно, не подозревал, что в Берлине могут произойти беспорядки. Все еще считали, что Штауфенберг действовал в одиночку. Задержать его будет несложно, если он, как полагали некоторые, не приземлился за линией русского фронта. Гитлера, который в этой обстановке, судя по всему,

---

[254] Официальный стенографист Бергер был убит, а полковник Брандт, генерал Шмундт, адъютант Гитлера, и генерал Кортен умерли от ран. Все другие, включая генералов Йодля, Боденшатца, начальника штаба Геринга, и Хойзингера, получили тяжелые ранения. — Прим. авт.

вел себя довольно спокойно, что–то тревожило. Ему предстояло в этот день встречать Муссолини, поезд которого должен был прибыть в 4 часа дня, но почему–то опаздывал. Было что–то фатально–абсурдное в этой последней встрече двух фашистских диктаторов, состоявшейся вечером 20 июля 1944 года. Осматривая руины конференц–зала, они старались обмануть себя, думая, что «ось», которую они выковали и которая должна была обеспечить им господство в Европе, отнюдь не развалилась. Некогда гордый и напыщенный, дуче теперь являл собой всего лишь гаулейтера Ломбардии, вызволенного из заключения нацистскими головорезами и поддерживаемого Гитлером и СС. Тем не менее фюрер демонстрировал неизменную дружбу и уважение по отношению к свергнутому итальянскому тирану и тепло, насколько это позволяло его физическое состояние, приветствовал гостя. Затем он провел его через еще дымившиеся обломки конференц–зала, где всего несколько часов назад едва не лишился жизни. Сейчас он вещал, что их общее дело, несмотря на все неудачи, скоро восторжествует.

Д–р Шмидт, присутствовавший на встрече в качестве переводчика, так вспоминает об этой сцене:

«Муссолини был просто в ужасе. Он никак не мог понять, как такое могло произойти в ставке…

«Я стоял здесь, у этого стола, — рассказывал Гитлер, — бомба взорвалась прямо у меня под ногами… Очевидно, что со мной ничего не может произойти, и мое предназначение, несомненно, в том, чтобы идти избранным путем и довести свою миссию до завершения… Происшедшее сегодня — это кульминация! Избежав смерти… я более чем когда–либо убежден, что великому делу, которому я служу, не страшны никакие опасности и что все придет к счастливому концу». Муссолини, как это обычно бывало, захватили речи Гитлера, и он согласился с ним.

«У нас плохое положение, — продолжал он, — иные могут сказать, отчаянное. Но то, что произошло здесь сегодня, вселяет в меня мужество. После такого чуда немыслимо, чтобы наше дело потерпело неудачу».

Затем оба диктатора в сопровождении свиты направились пить чай, и здесь произошла — а было уже около 5 вечера — смехотворная сцена, откровенно продемонстрировавшая поразительное ничтожество нацистских вождей в один из самых кризисных моментов в истории третьего рейха. К этому времени по прямому приказу Гитлера была восстановлена система связи Растенбурга, и из Берлина начали поступать первые сообщения, что там, а также, вероятно, на Западном фронте начался военный мятеж. И тут собравшиеся приспешники Гитлера обрушили друг на друга поток подавлявшихся длительное время взаимных обвинений. Их крики отдавались громким эхом от потолка. Сам Гитлер сначала сидел спокойно, размышляя над происходящим, Муссолини же покраснел от смущения.

Адмирал Дениц, который, получив известие о попытке покушения, срочно вылетел в Растенбург и прибыл уже после того, как началась беседа за чаем, разразился гневными упреками в адрес изменников в армии. От ВВС его поддержал Геринг. Однако Дениц неожиданно обрушился на Геринга за катастрофические провалы люфтваффе, а тучный рейхсмаршал, отведя от себя обвинения, напал на Риббентропа, которого он ненавидел больше всех, инкриминируя ему банкротство внешней политики Германии, и в какой–то момент даже пригрозил министру иностранных дел, что стукнет его своим маршальским жезлом. «Ты, грязный торгаш шампанским, заткни свою гнусную глотку!» — орал Геринг. Но это было уже выше сил для Риббентропа, который потребовал хотя бы немного уважения к себе от рейхсмаршала. «Я еще министр иностранных дел, кричал он, — и мое имя фон Риббентроп!»[255]

Затем кто–то припомнил давний «заговор» против нацистского режима мятеж Рема 30

---

[255] Риббентроп действительно был торговцем шампанским, а позднее женился на дочери крупнейшего в Германии изготовителя этого вина. Приставку «фон» к своей фамилии он получил в 1925 году после того, как его в возрасте 32 лет усыновила тетка — фрейлейн Гертруда фон Риббентроп — Прим. авт.

июня 1934 года. Гитлер, до тех пор угрюмо посасывавший ярко окрашенные лечебные пилюли, которыми его щедро снабжал врач–шарлатан Теодор Морелль, при упоминании о нем просто пришел в бешенство. Свидетели сцены вспоминают, что он вскочил со стула с пеной на губах и начал визжать и метаться. Он кричал, что расправа с Ремом и его подручными ничто по сравнению с тем, что он сделает с теми, кто предал его сегодня. Он вырвет их с корнем и уничтожит. «Я брошу их жен и детей в концлагеря, — все более распалялся он, — и пусть они не ждут пощады». На этот раз, как и во многих случаях ранее, слова его не разошлись с делом.

Частично вследствие изнеможения, а частично из–за того, что по телефону из Берлина поступали все новые подробности военного мятежа, Гитлер прервал свой неистовый монолог, хотя пыл его еще не угас. Он проводил Муссолини на поезд, в последний раз попрощался с ним и вернулся в свой кабинет. Когда в 6 вечера ему доложили, что путч еще не подавлен, он схватил телефонную трубку и прокричал приказ войскам СС в Берлине — стрелять в каждого, кто вызывает хотя бы малейшее подозрение. «Где Гиммлер? Почему его там нет?» — завопил фюрер, забыв, что час назад, когда все сидели за чаем, он приказал шефу СС вылететь в Берлин и безжалостно подавить восстание и что его полицеймейстер, вероятно, просто туда еще не прибыл.

Долго и тщательно готовившееся выступление в Берлине, как об этом с тревогой узнал Штауфенберг, приземлившись в Рангсдорфе в 3.45, началось вяло. Три столь дорогих часа, во время которых ставка фюрера была отрезана от внешнего мира, пропали даром. Почему? Штауфенберг не мог этого понять, как и историк, пытающийся восстановить события того рокового дня. Погода стояла жаркая и душная, и, пожалуй, это обстоятельство и сказалось. И хотя главные заговорщики знали, что Штауфенберг направился в это утро в Растенбург с «тяжелым грузом» — об этом был поставлен в известность генерал Гепнер — для участия в совещании у фюрера в 13 часов, лишь немногие из заговорщиков, преимущественно младшие офицеры, к полудню начали не спеша собираться в штабе армии резерва на Бендлерштрассе, который являлся и штабом заговора. Помнится, 15 июля, когда Штауфенберг подготовил предпоследнее покушение на Гитлера, генерал Ольбрихт приказал войскам Берлинского гарнизона начать выдвижение за два часа до намеченного взрыва бомбы. Но теперь, 20 июля, помня о риске, на который он тогда пошел, генерал не отдал соответствующих приказов.

Накануне ночью командиры частей в Берлине и в учебных центрах, расположенных в близлежащих пунктах — Деберице, Ютербоге, Крампнице и Вюнсдорфе, были предупреждены, что, по всей вероятности, сигнал «Валькирия» они получат 20–го числа. Однако, вместо того чтобы двинуть войска, Ольбрихт решил подождать, пока не поступит вполне конкретное известие от Фельгибеля из Растенбурга. Генерал Гепнер, захватив с собой чемодан с генеральской формой, которую Гитлер запретил ему носить, прибыл на Бендлерштрассе в половине первого — Штауфенберг в этот момент как раз раздавил ампулу в бомбе — и вместе с Ольбрихтом отправился на завтрак, во время которого они распили полбутылки вина за успех предприятия.

Едва они вернулись в кабинет Ольбрихта, как туда стремительно вошел генерал Фриц Тиле, начальник связи при штабе сухопутных войск, и возбужденно сообщил: он только что разговаривал по телефону с Фельгибелем, и хотя слышимость была плохая и Фельгибель выражался крайне осторожно, взрыв, видимо, произошел, но Гитлер остался жив. В этом случае, заключил Тиле, приказ «Валькирия» отдавать не следует. Ольбрихт и Гепнер согласились с его мнением.

Таким образом, в период с 13.15 до 15.45, когда Штауфенберг вышел из самолета в Рангсдорфе и поспешил к телефону, ничего не было предпринято. Войска не собраны, приказы войсковым командирам в других городах не разосланы, и — что самое удивительное — никто не подумал о захвате радиостанции, телефона и телеграфа. Оба главных военных руководителя заговора — Бек и Вицлебен так и не появились.

Прибытие Штауфенберга побудило наконец заговорщиков к действию. По телефону из

Рангсдорфа он пытался убедить генерала Ольбрихта не ждать, пока он доберется до Бендлерштрассе, на что уйдет 45 минут, а немедля приступить к реализации плана «Валькирия». Наконец–то заговорщики обрели руководителя, способного отдавать приказы. Без них немецкий офицер, даже заговорщик. казался беспомощным даже в решающий час. И они приступили к реализации плана. Полковник Мерц фон Квирнхайм, начальник штаба у Ольбрихта и близкий друг Штауфенберга, извлек приказы с шифром «Валькирия» и начал передавать их по телетайпу и телефону. Согласно первому приказу, войска в Берлине и вокруг него поднимались по тревоге, согласно второму, подписанному Вицлебеном как главнокомандующим вермахтом и заверенному графом фон Штауфенбергом, по радио передавалось официальное сообщение о том, что Гитлер умер и что Вицлебен «вручает исполнительную власть командующим военными округами в рейхе и армиями на фронте». Фельдмаршал Вицлебен к этому времени все еще не прибыл на Бендлерштрассе. Он добрался только до Цоссена, находившегося в 20 милях к юго–востоку от Берлина, где совещался с первым генерал–квартирмейстером Вагнером. За ним, как и за генералом Беком, пришлось посылать. Действовать медленнее, чем в этот роковой день действовали два высших в заговоре генерала, было просто невозможно.

Пока приказы передавались в войска, причем некоторые из них за подписью генерала Фромма, хотя и без его ведома, Ольбрихт направился в штаб командующего армией резерва. Он передал ему сообщение Фельгибеля о том, что Гитлер убит, и попытался убедить взять на себя руководство «Валькирией» и обеспечить внутреннюю безопасность государства. Заговорщики понимали, что приказы Фромма будут исполняться беспрекословно. В этот момент он был для них исключительно важен. Но Фромм, подобно Клюге, был гением нерешительности. Он не относился к числу тех, кто прыгает, не думая, где приземлится. Прежде чем решить, что предпринять, он потребовал доказательств, что Гитлер действительно убит.

И здесь Ольбрихт совершил еще одну роковую ошибку. Исходя из сообщения Штауфенберга из Рангсдорфа, он был уверен, что фюрер убит. Он знал также, что Фельгибелю удалось блокировать телефонную связь с Растенбургом на большую часть дня. Поэтому он решительно снял трубку и попросил соединить его с Кейтелем по «чрезвычайной» (правительственной) линии связи. И для него оказалось полной неожиданностью, — связь, как известно, была к этому времени восстановлена, но Ольбрихт об этом не знал, — когда Кейтель почти сразу поднял трубку.

Фромм: Что случилось в ставке? По Берлину ходят страшные слухи.

Кейтель: А что могло случиться? Здесь все идет своим чередом.

Фромм: Я только что получил известие, что фюрер убит.

Кейтель: Чепуха. Верно, было предпринято покушение, но, к счастью, оно не удалось. Фюрер жив, он лишь слегка ранен. Где, кстати, ваш начальник штаба, полковник граф Штауфенберг?

Фромм: Штауфенберг еще не вернулся.

С этого момента Фромм был потеряй для заговорщиков, причем последствия этого оказались катастрофическими. Ольбрихт, ошеломленный, не говоря ни слова, выскользнул из здания. В эту минуту прибыл генерал Бек, одетый в темный гражданский костюм, — возможно, это имело целью замаскировать военный характер выступления, — чтобы принять на себя руководство. Но реальным руководителем, как вскоре выяснилось, был полковник фон Штауфенберг, который, запыхавшись, без фуражки, взбежал по лестнице старого здания военного министерства около 4.30 дня. Он коротко сообщил о взрыве, подчеркнув, что видел все с расстояния не более 200 ярдов. Когда вмешался Ольбрихт, заявив, что только что разговаривал по телефону с самим Кейтелем, что Гитлер лишь слегка ранен, Штауфенберг ответил, что Кейтель тянет время, прибегая ко лжи. Гитлер, возразил он, должен быть как минимум тяжело ранен. В любом случае, добавил он, сейчас нам остается одно — использовать каждую минуту, чтобы свергнуть нацистский режим. Бек согласился и сказал, что для него безразлично, жив деспот или мертв. Необходимо действовать и сбросить его

тяжкий гнет. Но беда в том, что после рокового промедления и замешательства они, несмотря на все свои планы, не представляли, что делать дальше. Даже когда генерал Тилс сообщил, что известие о провале покушения на Гитлера вскоре будет передано по национальному радио, им не пришло в голову, что необходимо немедленно захватить центральную студию радиовещания, чтобы помешать нацистам выйти в эфир и заполнить его собственными воззваниями от имени нового правительства. В случае если войска еще не подошли, чтобы осуществить это, можно было привлечь берлинскую полицию. Граф фон Хельдорф, начальник полиции и активный заговорщик, с полудня с нетерпением ждал команды бросить в дело свои крупные силы, уже приведенные в боеготовность. Но команды все не поступало, и в 4 часа он направился на Бендлерштрассе, чтобы выяснить, что же произошло. Ольбрихт сообщил ему, что полиция будет действовать по приказам армии. Но восставшей армии пока не было — лишь сбитые с толку офицеры слонялись по штабу, не имея солдат, которым можно было бы отдавать приказы.

Вместо того чтобы решить немедленно этот вопрос, Штауфенберг позвонил по телефону в Париж своему кузену подполковнику Цезарю фон Хофакеру в штаб генерала фон Штюльпнагеля и призвал заговорщиков пошевеливаться. Безусловно, шаг этот был чрезвычайно важен, поскольку во Франции к заговору подготовились значительно лучше, поддерживали его там более высокопоставленные генералы и офицеры, чем в других местах, за исключением Берлина. И действительно, в Париже генерал Штюльпнагель проявил гораздо больше энергии, чем его коллеги в столице. Еще до наступления темноты он арестовал и заключил под стражу всех 1200 офицеров и солдат СС и СД, включая их грозного начальника генерал–майора войск СС Карла Оберга. Если бы в Берлине в тот вечер проявили такую же энергию и решительность, история могла бы пойти другим путем.

Приведя в действие план заговора в Париже, Штауфенберг взялся за упрямого Фромма, начальником штаба которого он состоял и чей отказ действовать заодно с заговорщиками после сообщения Кейтеля о том, что Гитлер жив, создавал серьезную угрозу успешному исходу заговора. У Бека не хватило смелости поссориться с Фроммом в самом начале событий, и он не присоединился к Штауфенбергу и Ольбрихту, которые направились к нему. Ольбрихт вновь заявил Фромму, что Штауфенберг готов подтвердить смерть Гитлера. «Но это невозможно, — рявкнул Фромм, — Кейтель заверил меня в обратном». «Кейтель, как обычно, лжет, — вмешался Штауфенберг. — Я сам видел, как выносили тело Гитлера». Эти слова начальника штаба заставили Фромма задуматься, и с минуту он хранил молчание. Но когда Ольбрихт, решив воспользоваться нерешительностью Фромма, заметил, что приказ «Валькирия» уже отдан, Фромм вскочил и закричал: «Это превышение власти! Кто отдал приказ?» Когда он узнал, что это сделал полковник Мерц фон Квирнхайм, он вызвал офицера к себе и арестовал.

Штауфенберг сделал еще одну, последнюю попытку убедить своего начальника. «Генерал, — сказал он, — я лично взорвал бомбу на совещании у Гитлера. Взрыв был похож на взрыв 150–миллиметрового снаряда. Никто из присутствовавших в зале не мог остаться в живых».

Но Фромм был слишком искусным приспособленцем, чтобы поддаться блефу. «Граф Штауфенберг, — ответил он, — покушение провалилось. Вы должны немедленно пустить себе пулю в лоб». Штауфенберг холодно отклонил его совет. Тогда тучный Фромм, налившись кровью, объявил, что арестовывает всех троих посетителей — Штауфенберга, Ольбрихта и Мерца.

«Не занимайтесь самообманом, — ответил Ольбрихт. — Это мы сейчас вас арестуем!»

Между единомышленниками вспыхнула крайне несвоевременная ссора, во время которой Фромм, как свидетельствовал один из очевидцев, ударил по лицу Штауфенберга. Генерала быстро утихомирили и посадили под арест в комнате адъютанта, где его охранял майор Людвиг фон Леонрод[256]. В целях предосторожности заговорщики оборвали в комнате

---

[256] За несколько недель до этого Леонрод спросил своего друга, армейского капеллана отца Германа Верле,

телефонные провода.

Штауфенберг вернулся в свое управление и обнаружил, что здесь его поджидает, чтобы арестовать, обер–фюрер Пифредер, эсэсовский головорез, недавно отличившийся при проведении эксгумации и сожжении 221 тысячи тел евреев, расстрелянных отрядами спецакций в Прибалтике до того, как туда вошли части советских войск. Пифредера и двух субъектов из СД в гражданском быстро заперли в соседнем пустом кабинете. Объявившийся в этот момент генерал фон Корцфляйш, которому подчинялись все войска в округе Берлин Бранденбург, потребовал доложить, что происходит. Нацистский генерал настаивал, чтобы его проводили к Фромму, но его провели к Ольбрихту, с которым он отказался говорить. Тогда его принял Бек, и, поскольку Корцфляйш заупрямился, его также заперли. Как было намечено планом заговора, его заменил генерал фон Тюнген.

Приход Пифредера подсказал Штауфенбергу, что заговорщики забыли выставить охрану вокруг здания. Поэтому у входа был выставлен наряд из батальона охраны дивизии «Гросдойчланд» («Великая Германия»), который должен был заступить в караул, но не заступил. Наконец, уже после 5 вечера, заговорщики взяли под контроль свой собственный штаб, но в Берлине только это и находилось у них под контролем. А что же произошло с войсками армии, которым предписывалось занять столицу и удерживать ее до установления власти нового антинацистского правительства?

После 4 часов дня, когда заговорщики по возвращении Штауфенберга пришли наконец в себя, генерал фон Хазе, комендант Берлина, позвонил командиру отборного батальона охраны «Гросдойчланд» в Дебериц и приказал ему поднять по тревоге свое подразделение и немедленно прибыть в комендатуру на Унтер–ден–Линден. Командиром батальона был недавно назначен майор Отто Ремер, которому выпала в этот день крайне важная роль, хотя и не та, на которую рассчитывали заговорщики. Поскольку на его батальон возлагалась наиважнейшая задача, они предварительно проверили, что это за человек, и удовлетворились тем, что он не интересовался политикой и был готов повиноваться приказам своих непосредственных начальников. Его храбрость не вызывала сомнений. Он имел восемь ранений и совсем недавно получил из рук Гитлера редкую награду — Рыцарский крест с дубовыми листьями.

Ремер поднял по тревоге батальон и, согласно приказу, спешно направился в город для получения конкретных распоряжений от Хазе. Генерал сообщил ему об убийстве Гитлера и о попытке путча со стороны СС и приказал блокировать здания министерств на Вильгельмштрассе, а также главное управление безопасности СС в близлежащем квартале Анхальтстацион. К 5.30 Ремер расторопно выполнил все указания и прибыл на Унтер–ден–Линден за получением новых.

И тут в драму вмешалось незначительное лицо, которое помогло Ремеру стать карающей Немезидой по отношению к заговорщикам. Некий лейтенант д–р Ганс Хаген, экзальтированный и самоуверенный молодой человек, занимал в батальоне охраны Ремера должность офицера по национал–социалистскому воспитанию. Одновременно он работал в министерстве пропаганды у Геббельса. В данный момент он находился в Байрейте, куда был послан министром работать над книгой, которую ему поручил писать Мартин Борман, секретарь Гитлера. Называлась она «История национал–социалистской культуры». В Берлине он оказался чисто случайно — приехал, чтобы доставить памятный адрес в честь малоизвестного писателя, погибшего на фронте, а заодно прочитать вечером лекцию для своего батальона, хотя было довольно жарко и душно, о вопросах национал–социалистского воспитания. Он питал слабость к публичным выступлениям.

По пути в Дебериц впечатлительному лейтенанту почудилось, что в проезжавшем армейском легковом автомобиле сидел в полной военной форме фельдмаршал Браухич, и

прощает ли католическая церковь убийство тирана, и получил отрицательный ответ. Когда это обстоятельство всплыло на заседании Народного суда по делу Леонрода, отец Верле был арестован за то, что не сообщил об этом разговоре властям и, как и Леонрод, казнен. — Прим. авт.

ему сразу же пришло в голову, что старый генерал замышляет измену. Правда, Браухич, задолго до этого снятый Гитлером со всех постов, в этот день ни в форме, ни без формы в Берлине не был. Но Хаген клялся, что видел его. О своих подозрениях он сообщил Ремеру, который как раз в то время получил приказ занять Вильгельмштрассе. Приказ лишь усилил подозрения Хагена, и он уговорил Ремера дать ему мотоцикл с коляской и помчался в министерство пропаганды, чтобы предупредить Геббельса.

Министру же только что позвонил Гитлер — это был его первый после покушения звонок. Он сообщил, что на него совершено покушение, и поручил Геббельсу немедленно выступить по радио и объявить о его провале. Очевидно, всегда осведомленный министр пропаганды впервые услышал о том, что произошло в Растенбурге. Хаген же быстро ввел его в курс событий, которые, получалось, вот–вот могли произойти в Берлине. Сначала Геббельс отнесся к сообщению скептически — он считал Хагена надоедливым типом — и по одной из версий собирался прогнать визитера, когда лейтенант предложил ему подойти к окну и лично во всем убедиться. То, что увидел министр пропаганды, оказалось убедительнее истерических рассказов Хагена. Войска устанавливали посты вокруг министерства. Геббельс, человек по природе довольно глупый, был необыкновенно находчив: он велел Хагену немедленно прислать к нему Ремера. Хаген исполнил его приказ и благодаря этому вошел в историю.

Таким образом, пока заговорщики на Бендлерштрассе связывались с генералами по всей Европе, не обращая внимания на такую незначительную сошку, как Ремер, хотя и поставили ему весьма важную задачу, Геббельс связался именно с ним — человеком пусть невысокого звания, но в этот момент призванным сыграть роль довольно значительную.

Встреча с Геббельсом и без того была неизбежна, ибо Ремер уже получил приказ арестовать министра пропаганды. Итак, майор имел приказ арестовать Геббельса и в то же время получил от Геббельса указание прибыть к нему. Ремер направился в министерство пропаганды с 20 солдатами, приказав им вызволять его самого, если он не выйдет из кабинета министра через несколько минут. Затем Ремер и его адъютант с пистолетами в руках вошли в кабинет, чтобы арестовать главного из находившихся в тот день в Берлине нацистского вождя.

Из качеств Геббельса, которые помогли ему занять столь высокий пост в третьем рейхе, главное — умение уговорить любого даже в острых ситуациях, а сложившаяся ситуация была самой острой и опасной в его бурной жизни. Он напомнил молодому майору о его присяге на верность верховному главнокомандующему. На это Ремер решительно возразил, что Гитлер мертв. Геббельс заверил его, что фюрер жив и здоров, — он только что говорил с ним по телефону. И он докажет это. Геббельс тут же снял трубку и попросил срочно соединить его с верховным павнокомандующим в Растенбурге. И вновь промах заговорщиков, заключавшийся в том, что они не захватили телефонную связь в Берлине и даже не нарушили ее, сыграл с ними злую шутку[257]. Через одну–две минуты Гитлер был у телефона. Геббельс быстро передал трубку Ремеру. «Вы узнаете мой голос, майор?» — спросил Гитлер. Кто в Германии не узнал бы этот хриплый голос, сотни раз звучавший по радио! Более того, Ремер слышал фюрера непосредственно несколько недель назад, когда получал от него награду. Рассказывают, что майор вытянулся по струнке. Гитлер приказал ему подавить восстание и подчиняться только командам Геббельса, Гиммлера, который был только что назначен командующим армией подготовки пополнений и летел в Берлин, а также генерала Рейнеке, который случайно оказался в столице и получил приказ взять на себя командование всеми войсками города. Кроме того, фюрер тотчас произвел майора в полковники.

Для Ремера этого было вполне достаточно. Он получил приказ свыше и со всем

---

[257] «Подумать только, эти революционеры даже не сообразили перерезать телефонные провода! восклицал, по слухам, позднее Геббельс. — Моя маленькая дочурка и то додумалась бы до этого» (Рисе К Йозеф Геббельс — пособник дьявола, с 280) Прим. авт.

рвением, которого так недоставало на Бендлер–штрассе, приступил к его выполнению. Он отвел свой батальон с Вильгельмштрассе, захватил комендатуру на Унтер–ден–Линден, выслал патрули остановить любые другие части, которые могли двигаться в город, а сам взялся за поиски штаба заговора с тем, чтобы арестовать его главарей.

Почему восставшие генералы и полковники доверили такую ключевую роль Ремеру, почему не заменили его в последний момент офицером, который мог бы стать душой заговора, почему не послали надежного офицера вместе с батальоном охраны следить за тем, как Ремер выполняет их приказы, — вот некоторые из многих загадок 20 июля. И далее, почему Геббельс, самый высокопоставленный и наиболее опасный нацистский главарь из всех находившихся в Берлине, не был немедленно арестован? Двух полицейских графа фон Хельдорфа с лихвой хватило бы сделать это за две минуты, поскольку министерство пропаганды вообще не охранялось. И почему затем заговорщики не захватили штаб гестапо на Принц–Альбрехт–штрассе и не только не пресекли деятельность тайной полиции, но и не освободили своих же сподвижников, включая Лебера, находившихся там в заключении? Штаб гестапо практически не охранялся, как и центральное управление РСХА — мозговой центр СД и СС, который, естественно, следовало бы захватить в первую очередь. Ответить на эти вопросы невозможно.

В штабе на Бендлерштрассе в течение 4некоторого времени не знали о внезапном переходе Ремера на сторону нацистов. Судя по всему, лишь очень немногое из того, что происходило в Берлине, становилось там известно, да и то слишком поздно. И даже сегодня трудно установить почему. Показания свидетелей полны противоречий. Где были танки? Где находились войска из близлежащих гарнизонов?

Вскоре после 6.30 вечера радиостанцией «Германия», оснащенной таким мощным передатчиком, что его сигналы можно было принимать по всей Европе, было передано краткое сообщение, в котором говорилось, что имела место попытка покушения на фюрера с целью его убийства, однако она провалилась. Известие обрушилось на измученных заговорщиков на Бендлерштрассе как гром среди ясного неба, одновременно прозвучав предостережением, что воинское подразделение, посланное занять радиостанцию, не выполнило свою задачу. Оказалось, что Геббельс успел передать по телефону, пока ждал Ремера, текст сообщения на радиостанцию. Без четверти семь Штауфенберг передал по телетайпу командующим войсками, что объявление по радио не соответствует действительности и что Гитлер убит. Но ущерб, нанесенный путчистами этим объявлением, оказался непоправимым. Командующие войсками в Праге и Вене, которые отправились было арестовывать руководство СС и нацистской партии на местах, начали отводить свои части назад. Затем, в 20.20, Кейтель сумел передать по армейскому телетайпу во все штабы сухопутных войск распоряжение ставки фюрера о назначении Гиммлера командующим армией резерва и о том, что отныне надлежит исполнять приказы, отданные только им. Кейтель добавил: «Любые приказы, отданные от имени Фромма, Вицлебена и Гепнера, недействительны». Объявление, переданное радиостанцией «Германия», о том, что Гитлер жив, а также грозный приказ Кейтеля подчиняться лишь его приказам, а не приказам заговорщиков оказали, как мы увидим, решающее воздействие на фельдмаршала фон Клюге, который, находясь во Франции, уже готов был связать свою судьбу с заговором[258].

---

[258] Существуют противоречивые свидетельства, почему не была захвачена берлинская радиостанция. Согласно одному из них, эта задача была возложена на пехотное училище в Деберице, в частности на начальника училища генерала Хицфельда, участника заговора. Но заговорщики не предупредили Хицфельда, что выступление назначено на 20 июля, и он уехал в Баден на похороны родственника. Его заместитель, полковник Мюллер, также отлучился по делам службы. Когда наконец в 8 вечера Мюллер возвратился, он обнаружил, что его лучший батальон привлечен на ночные учения. Около полуночи он добился его возвращения, однако было уже слишком поздно. Согласно другой версии, некто майор Якоб сумел окружить радиостанцию силами пехотного училища, но не смог получить от Ольбрихта четких указаний относительно дальнейших действий Когда Геббельс передал по телефону текст первого сообщения, Якоб не помешал его выходу в эфир. Позднее майор утверждал, что, если бы Ольбрихт дал ему соответствующие указания, заговорщики отобрали бы немецкие радиовещательные станции у нацистов. Первая версия приведена

Даже танки, на которые так рассчитывали заговорщики, не прибыли. Можно было предположить, что Гепнер, известный генерал танковых войск, обеспечит участие танков, но у него не дошли до этого руки. Начальник танкового училища в Крампнице полковник Вольфганг Глесемер, откуда должны были подойти танки, получил от заговорщиков приказ начать выдвижение танков к городу, а самому прибыть на Бендлерштрассе для получения дальнейших указаний. Но полковник не захотел участвовать в военном путче против нацистов. И тогда Ольбрихт, потеряв надежду уговорить его, был вынужден запереть полковника в здании. Однако Глесемер сумел шепотом передать через своего остававшегося на свободе адъютанта сообщение в штаб инспекции танковых войск в Берлине, которому подчинялись танковые части, о том, что произошло, и проследить за тем, чтобы исполнялись приказы, исходящие только от инспекции. В результате в распоряжении заговорщиков не оказалось танков, так остро необходимых им и уже отчасти достигших центра города — Колонны победы у Тиргартена.

В конце концов полковнику Глесемеру удалось бежать из заключения, прибегнув к хитростям. Заявив часовым, что готов подчиниться приказам Ольбрихта и командовать танками, он незаметно выскользнул из здания. Вскоре танки были выведены из города.

Полковник танковых войск не был единственным офицером, которому удалось бежать из импровизированного места заключения, куда направлялись те, кто не хотел присоединиться к заговорщикам, что также способствовало быстрому подавлению заговора.

Когда около 8 часов вечера, играя жезлом, в штаб заговорщиков прибыл наконец в полной военной форме фельдмаршал фон Вицлебен, чтобы приступить к исполнению обязанностей нового главнокомандующего вермахта, он, очевидно, сразу понял, что путч провалился, и обрушился на Бека и Штауфенберга за то, что они загубили все дело. На суде он заявил: у него не осталось сомнений в провале заговора, как только он узнал, что даже радиостанция не захвачена. Но и сам он ничего не предпринял в тот момент, когда своей властью фельдмаршала мог объединить командиров частей и командующих войсками в Берлине и за рубежом. Через сорок пять минут он покинул здание на Бендлерштрассе, не считая себя более участником заговора. Уже не сомневаясь в окончательном провале заговора, он направился на своем «мерседесе» в Цоссен, где незадолго до этого потратил впустую семь решающих для судеб заговора часов, сообщил генерал–квартирмейстеру Вагнеру, что восстание потерпело неудачу, и выехал в собственное имение, расположенное в 30 милях оттуда, где на следующий день его арестовал знакомый генерал по имени Линнерц.

И вот пришло время поднять занавес перед последним актом.

Вскоре после 9 вечера и без того обескураженные заговорщики буквально онемели, когда по всегерманскому радио объявили, что с обращением к немецкому народу выступит сам фюрер. Еще через несколько минут стало известно, что комендант Берлина генерал Хазе, толкнувший майора, а теперь уже полковника Ремера на ложный путь, арестован и командование всеми войсками в Берлине принял на себя нацистский генерал Рейнеке, который при поддержке частей СС готовится штурмовать Бендлерштрассе.

Служба СС пришла наконец в себя, главным образом благодаря Отто Скорцени. Этот несгибаемый эсэсовец однажды уже проявил отвагу, вызволив из плена Муссолини. Ничего не зная о происходящих в этот день событиях, Скорцени в 6 вечера выехал ночным экспрессом в Вену, но был вынужден по указанию генерала СС Шелленберга, второго человека в руководстве СД, сойти в пригороде Лихтерфельд. Прибыв в штаб СД, Скорцени обнаружил, что он не охраняется, а его руководители прямо–таки в истерическом состоянии. Будучи по натуре человеком весьма хладнокровным, прирожденным организатором, он быстро собрал вокруг себя вооруженных эсэсовцев и взялся за дело. Именно он был первым, кому удалось убедить подразделения танкового училища оставаться верными Гитлеру.

Эбер–хардом Целлером (Призрак свободы, с. 267–269), наиболее авторитетным исследователем заговора 20 июля. Вторую излагают Уиллер–Беннет (Немезида, с. 654–655) и Рудольф Заммер (Геббельс: второй после Гитлера, с 138). Оба утверждают, что вышесказанное сообщил им майор Якоб. — Прим. авт.

Энергичные контрмеры, предпринятые в Растенбурге, находчивость Геббельса, сумевшего привлечь на свою сторону Ремера, использование радиовещания, восстановление боеспособности СС в Берлине и невероятная неразбериха в рядах заговорщиков на Бендлерштрассе и их бездействие заставили многих армейских офицеров, почти решившихся связать свою судьбу с заговорщиками, а то и решившихся, передумать. Одним из них был генерал Отто Херфурт (начальник штаба арестованного Корцфляйша), который сначала сотрудничал с Бендлерштрассе и пытался собрать войска, однако, увидев, как развиваются события, перешел на другую сторону и около 9.30 позвонил в ставку Гитлера, сообщив, что подавляет военный путч[259].

Генерал Фромм, который отказался присоединиться к заговору, тем самым поставив под угрозу его исход, вдруг взялся за дело. Вечером, просидев под арестом в кабинете своего адъютанта около четырех часов, он попросил разрешения уйти в свой кабинет, расположенный этажом ниже. Он дал честное слово офицера, что не предпримет попытки бежать или установить контакт с внешним миром. Генерал Гепнер согласился. Более того, поскольку Фромм пожаловался, что он не только голоден, но и хочет пить, Гепнер послал ему бутербродов и бутылку вина. Несколько раньше прибыли три генерала из штаба Фромма, которые также отказались примкнуть к восстанию и потребовали провести их к своему начальнику. Кажется невероятным, но их проводили к нему в кабинет, хотя и под конвоем. Не успели они войти, как Фромм сообщил им о редко используемом запасном выходе, через который генералы могут бежать. Нарушив слово, данное Гепнеру, он приказал генералам организовать помощь, взять штурмом здание, освободить его и подавить мятеж. Генералы незаметно ускользнули.

Тем временем младшие офицеры из штаба Ольбрихта, которые либо примкнули к заговорщикам, либо, находясь поблизости от штаба на Бендлерштрассе, выжидали, как будут развиваться события, начали осознавать, что выступление терпит неудачу. Они хорошо понимали, как позднее признался один из них, что всех их перевешают как изменников, если переворот потерпит неудачу и если они вовремя не выступят против него. Один из них, подполковник Франц Гербер, бывший офицер полиции и убежденный нацист, раздобыл несколько автоматов и патроны к ним из арсенала в Шпандау. Около 10.30 эти офицеры пришли в кабинет к Ольбрихту и потребовали объяснить им, чего, собственно, он и его друзья добиваются. Генерал объяснил, и они молча удалились.

Однако минут через двадцать они возвратились во главе с Гербером и подполковником Бодо фон дер Хайде и, размахивая оружием, потребовали от Ольбрихта новых объяснений. На шум заглянул Штауфенберг, и его тут же задержали. Когда он, отодвинув засов, сумел вырваться и бросился бежать по коридору, в него выстрелили и ранили в единственную руку. Контрзаговорщики открыли беспорядочную стрельбу, никого, правда, не задев, кроме Штауфенберга. Затем принялись прочесывать помещения в крыле здания, где сосредоточился штаб заговорщиков, и сгонять их в одно место. В бывший кабинет Фромма они привели Бека, Гепнера, Ольбрихта, Штауфенберга, Хефтена и Мерца. А вскоре там появился и сам Фромм, размахивая пистолетом.

«Итак, господа, — сказал он, — теперь я стану обращаться с вами так, как вы обращались со мной». Но повел он себя по–иному.

«Сдать оружие!» — скомандовал он и объявил тем, кто еще недавно держал его под арестом, что они арестованы. «Вы не посмеете требовать этого от меня, вашего бывшего начальника, — спокойно сказал Бек, доставая свой пистолет. — Я сам сделаю выводы из этой тяжкой ситуации». «Хорошо, только направляйте его на себя», — предупредил Фромм. Однако у блестяще воспитанного бывшего начальника генерального штаба в момент самого тяжкого в его жизни испытания не хватило воли, что сразу уронило его в глазах офицеров. «Я вспоминаю сейчас былые дни…» — начал было он, но Фромм резко оборвал его: «У нас

---

[259] Предательство не спасло его от ареста за соучастие в заговоре и виселицы. — Прим. авт.

нет времени выслушивать всякую чушь. Я прошу вас перестать болтать и сделать что–нибудь».

Бек так и поступил. Он нажал на курок, но пуля лишь поцарапала ему голову. Он тяжело опустился в кресло. Царапина слегка кровоточила. «Помогите пожилому человеку», — приказал Фромм двум молодым офицерам, но, когда они попытались отобрать пистолет, Бек воспротивился, попросив предоставить ему еще одну возможность. Фромм кивнул в знак согласия.

Затем он повернулся к остальным заговорщикам: «А вам, господа, если вы хотите что–нибудь написать, я даю еще несколько минут». Ольбрихт и Гепнер попросили бумаги и присели, чтобы написать своим женам короткие прощальные письма. Штауфенберг, Мерц, Хефтен и другие продолжали стоять молча. Фромм вышел из комнаты.

Он принял решение уничтожить этих людей и тем самым замести следы. Хотя он и отказался играть активную роль в заговоре, однако знал о его существовании, не один месяц укрывал убийц и никому не сообщал об их замыслах. Теперь же ему хотелось выслужиться, предстать перед Гитлером человеком, подавившим мятеж. Одного лишь не понимал Фромм — в глазах нацистских бандитов его решение было слишком запоздалым.

Он вернулся минут через пять и объявил от имени фюрера, что на заседании «трибунала» (доказательств, подтверждающих его проведение, нет) вынесены смертные приговоры четырем офицерам: полковнику генерального штаба Мерцу, генералу Ольбрихту, полковнику, имя которого он отныне не желает произносить (Штауфенбер–гу), и лейтенанту (Хефтену).

Два генерала — Ольбрихт и Гепнер все еще писали письма женам. Генерал Бек полулежал в кресле, лицо его было запачкано кровью, сочившейся из царапины, четыре офицера, приговоренные к смерти, стояли навытяжку.

«Итак, господа, — обратился Фромм к Ольбрихту и Гепнеру, — вы готовы? Я вынужден просить вас поторопиться, чтобы не осложнять положение остальных».

Гепнер закончил письмо и положил его на стол. Ольбрихт попросил конверт, вложил в него письмо и заклеил. Бек, пришедший наконец в себя, попросил другой пистолет. Рукав кителя Штауфенберга пропитался кровью. Его и его троих осужденных товарищей вывели наружу. Фромм приказал Гепнеру следовать за ними.

Внизу, во дворе, при тусклом свете затемненных фар армейского автомобиля четырех офицеров торопливо расстрелял взвод охраны. Очевидцы свидетельствуют, что все это происходило в суете, под крики охранников, спешивших укрыться от ожидавшегося воздушного налета, — английские самолеты бомбили в это лето Берлин почти каждую ночь. Перед смертью Штауфенберг крикнул: «Да здравствует священная Германия!»

Тем временем Фромм предложил генералу Гепнеру нечто вроде выбора. Три недели спустя Гепнер, над которым уже нависла тень виселицы, упомянул о нем перед Народным судом.

«Признаться, Гепнер, — сказал мне тогда Фромм, — все это причиняет мне боль. Мы были друзьями, как ты помнишь. Ты ввязался в это дело и должен отвечать за последствия. Ты готов последовать примеру Бека? Иначе я буду вынужден сейчас же арестовать тебя». Гепнер ответил, что он «не считает себя настолько виновным» и надеется оправдаться. «Понимаю», — ответил Фромм, пожимая ему руку. Гепнера отвезли в военную тюрьму в Моабите.

Когда его уводили, он услышал сквозь дверь, ведущую в другую комнату, утомленный голос Бека: «Если не получится и на этот раз, прошу вас помочь мне». Затем раздался выстрел из пистолета. Вторая попытка Бека застрелиться также не удалась. Фромм просунул голову в дверь и еще раз сказал офицеру: «Помогите пожилому человеку». Этот неизвестный офицер отказался нанести «удар милосердия», перепоручив потерявшего сознание от второго выстрела Бека сержанту, который оттащил его в сторону и прикончил выстрелом в шею.

Часы показывали за полночь. Единственный серьезно подготовленный мятеж,

поднятый против Гитлера за одиннадцать с половиной лет существования третьего рейха, был подавлен за одиннадцать с половиной часов. Скорцени прибыл на Бендлерштрассе с бандой вооруженных эсэсовцев и прекратил дальнейшие экзекуции. Будучи полицейским, он хорошо понимал, что нельзя убивать тех, кто под пыткой может дать много ценных сведений о масштабах заговора. Поэтому, распорядившись надеть наручники на остальных заговорщиков, он отправил их в тюрьму гестапо на Принц–Альбрехт–штрассе и поручил сыщикам собрать все обличительные документы, уничтожить которые у заговорщиков не хватило времени. Гиммлер, который прибыл в Берлин несколько раньше и временно развернул свой штаб в министерстве Геббельса, охраняемом частью батальона Ремера, связался по телефону с Гитлером и сообщил ему, что мятеж подавлен. Тем временем по Восточной Пруссии из Кенигсберга в Растенбург мчался автомобиль с радиостанцией, чтобы дать Гитлеру возможность выступить по радио с обращением, о котором радиостанция «Германия» предупреждала каждые несколько минут начиная с 9 часов.

Наконец около часа ночи хриплый голос Адольфа Гитлера разорвал тишину летней ночи.

«Мои немецкие товарищи! Я выступаю перед вами сегодня, во–первых, чтобы вы могли услышать мой голос и убедиться, что я жив и здоров, и, во–вторых, чтобы вы могли узнать о преступлении, беспрецедентном в истории Германии.

Совсем незначительная группа честолюбивых, безответственных и в то же время жестоких и глупых офицеров состряпали заговор, чтобы уничтожить меня и вместе со мной штаб верховного главнокомандования вермахта.

Бомба, подложенная полковником графом фон Штауфенбергом, взорвалась в двух метрах справа от меня. Взрывом были серьезно ранены мои верные и преданные сподвижники, один из которых погиб. Сам я остался совершенно невредим, если не считать нескольких незначительных царапин, ожогов и ссадин. Я рассматриваю это как подтверждение миссии, возложенной на меня провидением…

Круг этих узурпаторов очень узок и не имеет ничего общего с духом германского вермахта и прежде всего германского народа. Это банда преступных элементов, которые будут безжалостно уничтожены.

Поэтому сейчас я отдал распоряжение, чтобы ни одно военное учреждение… не подчинялось приказам, исходящим от этой шайки узурпаторов. Я приказываю также считать долгом арест каждого, кто отдает или исполняет такие приказы, а если он оказывает сопротивление, расстреливать его на месте…

На этот раз мы сведем с ними счеты так, как это свойственно нам, национал–социалистам».

Кровавая месть

И на этот раз Гитлер сдержал слово.

Жестокость нацистов по отношению к своим же согражданам достигла апогея. По Германии, в тылу и на фронтах, прокатилась волна арестов, за которой последовали ужасающие пытки, военно–полевые суды и громкие процессы. Приговоры приводились в исполнение по большей части путем медленного удушения жертв рояльными струнами, перекинутыми через крюки для подвески мясных туш. Крюки же брали напрокат в мясных лавках и на скотобойнях. Родственников и друзей обвиняемых тысячами отправляли в концлагеря, где многие из них погибли. С теми немногими, кто приютил у себя скрывавшихся, расправились таким же образом.

Гитлер, одержимый нечеловеческой злобой, неутолимой жаждой мести, подхлестывал Гиммлера и Кальтенбруннера с еще большим рвением заниматься каждым обнаруженным заговорщиком, посмевшим пойти против него. Он сам разработал процедуру казни. «На этот раз, — бесновался он на одном из первых совещаний после взрыва в Растенбурге, —

преступников ждет короткая расправа. Никаких трибуналов. Мы предадим их Народному суду. И не позволим им произносить длинных речей. Суд будет действовать с молниеносной быстротой. И через два часа после приговора он будет приведен в исполнение… Через повешение… Беспощадно…»

Эти инструкции сверху исполнялись скрупулезно. Исполнял их председатель Народного суда Рональд Фрейслер, отвратительный злобный маньяк, который, оказавшись в первую мировую войну в русском плену, стал фанатичным большевиком, а позднее, вступив в 1924 году в нацистскую партию, таким же фанатичным нацистом. При этом он остался горячим поклонником советского террора. Он специально изучал приемы Андрея Вышинского, главного прокурора на московских процессах тридцатых годов, когда старые большевики и большинство высших генералов были признаны виновными в измене и уничтожены. «Фрейслер — это наш Вышинский», — воскликнул Гитлер на упомянутом выше совещании.

Первый процесс над заговорщиками 20 июля в Народном суде проходил в Берлине 7 и 8 августа. На скамье подсудимых оказались фельдмаршал фон Вицлебен, генералы Гепнер, Штифф и фон Хазе, а также младшие офицеры Хеген, Клаузинг, Бернардис и граф Петер Йорк фон Вартенбург, работавшие бок о бок со Штауфенбергом. После пыток в подвалах гестапо они были фактически сломлены. Геббельс приказал заснять на кинопленку весь процесс до последней минуты, чтобы показывать кинофильм в назидание военным и гражданскому населению, причем сделать так, чтобы обвиняемые выглядели как можно более ничтожными. Одеты они были в неподдающуюся описанию одежду, в старые шинели и свитера. В зал суда их вводили небритыми, без воротничков и галстуков, в брюках без ремней и подтяжек. Особенно был унижен некогда гордый фельдмаршал Вицлебен, который выглядел окончательно раздавленным беззубым стариком. У него отобрали даже искусственную челюсть. Безжалостно затравленный ядовитыми выпадами главного судьи, фельдмаршал, стоявший за ограждением у скамьи подсудимых, то и дело хватался за брюки, чтобы не дать им упасть.

«Ты, грязный старик, — орал на него Фрейслер, — что это ты постоянно теребишь свои брюки?»

И хотя обвиняемые знали, что судьба их решена, они вели себя мужественно и с достоинством, несмотря на нескончаемые попытки председателя суда Фрейслера унизить и опозорить их. Молодой Петер Йорк, двоюродный брат Штауфенберга, казался, пожалуй, самым смелым, на оскорбительные вопросы он отвечал спокойно, даже не пытаясь скрыть своего презрения к национал–социализму!

 Почему вы не вступили в партию? — спросил Фрейслер.

 Потому что я не являюсь и никогда не смог бы стать нацистом, ответил граф.

Когда Фрейслер пришел в себя и снова стал требовать ответа на вопрос, Йорк попытался объяснить.

 Господин председатель, я уже заявлял на допросе, что нацистская идеология является таковой, что я… Судья прервал его.

 …не мог согласиться…

 Вы не согласны с национал–социалистской концепцией справедливости, ну, скажем, относительно истребления евреев?

 Важным фактором, который объединяет все эти вопросы, — ответил Йорк, — являются тоталитарные требования государства по отношению к человеку, что вынуждает его пренебрегать своими моральными и религиозными обязанностями перед богом.

 Ерунда! — выкрикнул Фрейслер, оборвав молодого человека, ведь подобные разговоры могли испортить фильм д–ра Геббельса и рассердить фюрера, который запретил обвиняемым произносить длинные речи.

Назначенные судом защитники играли еще более незавидную роль. Когда читаешь протоколы суда, убеждаешься, что их трусость почти ^невероятна. Так, например, защитник Вицлебена, некий д–р Вайсман, превзошел государственного прокурора и почти сравнялся с

Фрейслером в нападках на своего подзащитного, именуя его убийцей, объявляя полностью виновным и заслуживающим самого тяжкого наказания.

Это наказание было определено 8 августа, как только закончился суд. «Всех повесить как скот», — приказал Гитлер, и этот приказ был исполнен. В тюрьме Плетцензе восьмерых осужденных загнали в небольшое помещение, где с потолка свисало восемь крюков. Одного за другим, раздетых по пояс, их вздергивали вверх, накинув на шею петлю из рояльной струны, перекинутую через крюк. Непрерывно трещала кинокамера, снимая, как осужденные поначалу свободно свисали в петле, а затем, по мере того как петля затягивалась, начинали хватать ртом воздух, как с них сползали и падали на пол брюки, как они бились в предсмертной агонии и наконец затихали.

Срочно проявленный фильм согласно приказу немедленно направляли Гитлеру, чтобы он мог увидеть его в тот же вечер, как и кинокадры, сделанные во время суда. Говорят, что Геббельс, боясь упасть в обморок, закрывал глаза обеими руками[260].

Все лето, осень и зиму наступившего 1945 года шли заседания Народного суда, наводя ужас на немцев. Нацистские судьи творили скорый страшный суд, штампуя смертные приговоры, пока наконец утром 3 февраля 1945 года американская бомба не поразила прямым попаданием здание суда, убив главного судью Фрейслера и уничтожив судебные дела остававшихся в живых обвиняемых. Произошло это в тот момент, когда в зал вводили Шлабрендорфа. И он чудом остался жив — один из немногих, кому улыбнулась судьба и кого впоследствии вырвали из лап гестапо американские войска.

Теперь проследим судьбу остальных.

Герделер, которого намечали в канцлеры при новом режиме, скрылся за три дня до 20 июля, после того как его предупредили, что в гестапо заготовлен ордер на его арест. В течение трех недель он скрывался то в Берлине, то в Потсдаме, то в Восточной Пруссии, редко проводя две ночи кряду в одном и том же месте. Он находил убежище у друзей и родных, которые рисковали жизнью, пряча его, тем более что за его голову Гитлер установил награду в один миллион марок. Утром 12 августа, измученный и голодный, после нескольких дней скитаний по Восточной Пруссии он, с трудом переставляя ноги, зашел в небольшую деревенскую гостиницу в Кон–радсвальде, близ Мариенвердера. Ожидая завтрака, он заметил, что за ним пристально и с подозрением наблюдает женщина в форме вспомогательной службы люфтваффе. Он быстро вышел на улицу и бросился в близлежащий лес. Но было слишком поздно. Женщина, некая Елена Шварцель, оказалась давней знакомой семьи Герделеров. Она сразу узнала его и по секрету сообщила об этом двум летчикам, сидевшим с ней за столом. Герделера вскоре настигли.

8 сентября 1944 года Народный суд приговорил его к смертной казни, однако приговор был приведен в исполнение лишь 2 февраля следующего года. Вместе с ним был казнен и Попитц[261]. Гиммлер отсрочил казнь, очевидно, потому, что считал: контакты этих двух людей, особенно Герделера, с западными союзниками через Швецию и Швейцарию могут оказаться полезными, если он примет бразды правления тонущим государственным кораблем, о чем он начал помышлять в это время.

Графа Фридриха Вернера фон Шуленбурга, бывшего посла в Москве, и Хасселя,

---

[260] Союзникам удалось обнаружить фильм об этом процессе и показать в Нюрнберге, где его видел и автор. Однако фильма о казнях обнаружить не удалось. Вероятно, он был уничтожен по приказу Гитлера. По свидетельству Аллена Даллеса, эти два фильма были скомпонованы Геббельсом и демонстрировались в некоторых армейских аудиториях в качестве назидания. Но солдаты отказывались его смотреть, и вскоре показ прекратили (Даллес А. Подполье Германии, с 83) — Прим. авт.

[261] Одновременно был казнен и отец Альфред Делп, иезуит из кружка Крейсау Через несколько дней был повешен брат Герделера — Фриц Графа фон Мольтке, главу кружка Крейсау, казнили 23 января 1945 года, хотя он не участвовал в заговоре Троттцу Зольц, ведущая фигура в кружке и в заговоре, был повешен 25 августа 1944 года — Прим. авт.

бывшего посла в Риме, которые должны были взять на себя руководство внешней политикой при новом антинацистском режиме, казнили соответственно 10 ноября и 8 сентября. Граф Фриц фон Шуленбург окончил жизнь на виселице 10 августа. Генерал Фельгибель, начальник связи при ставке ОКБ, чью роль в Растен–бурге 20 июля мы уже рассмотрели, был казнен в тот же день.

Список казненных нескончаемо длинен. Согласно одному из источников, он насчитывал 4980 имен. По данным гестапо, было произведено 7000 арестов. Из числа руководителей Сопротивления, упомянутых в этой книге, были казнены генерал Фриц Линдеманн, полковник Безелагер, пастор Дитрих Бонхеффер, полковник Георг Хансен из абвера, граф фон Хельдорф, полковник фон Хофакер, д–р Иенс Петер Иессен, Отто Кип, д–р Карл Лангбен, Юлиус Лебер, майор фон Леонрод, Вильгельм Лойшнер, Артур Небе, шеф криминальной полиции, профессор Адольф Рейхвейн, граф Бертольд фон Штауфенберг, брат Клауса, генерал Тиле, начальник связи штаба сухопутных войск, и генерал фон Тюнген, назначенный Беком вместо генерала фон Корцфляйша в день путча.

Двадцать осужденных, жизнь которым продлил Гиммлер, очевидно, считая, что они могут оказаться ему полезны, если он возьмет власть в свои руки и будет вынужден заключить мир, расстреляли в ночь на 23 апреля, когда русские уже вели бои за центр столицы. Узников вели строем из тюрьмы на Лертерштрассе в застенок гестапо на Принц–Альбрехт–штрассе, и немалому числу арестованных удалось бежать, воспользовавшись темнотой, но затем они встретили отряд СС. Поставив арестованных к стенке, эсэсовцы их расстреляли. Только двум удалось бежать и позднее рассказать о свершившейся трагедии. Среди погибших же оказались граф Альбрехт Хаусхофер, близкий друг Гесса и сын известного геополитика. Его отец покончил с собой вскоре после гибели сына.

Генералу Фромму не удалось избежать казни, несмотря на его поведение в тот роковой вечер 20 июля. Арестованный на следующий день по приказу Гиммлера, который сменил его на посту командующего армией резерва, он был доставлен в Народный суд в феврале 1945 года по обвинению в трусости и приговорен к смертной казни[262]. Пожалуй, в порядке признания его незначительных услуг в деле спасения нацистского режима его не вздернули на крюке для подвески, мясных туш, как тех, кого арестовал он в ночь на 20 июля, а просто расстреляли 19 марта 1945 года.

Тайна, окружавшая жизнь адмирала Канариса, смещенного главы абвера, который так много сделал для заговорщиков, но не был напрямую замешан в событиях 20 июля, на долгие годы скрыла и обстоятельства его смерти. Известно, что после покушения на Гитлера его арестовали. Однако Кейтель сделал для него одно из немногих в своей жизни добрых дел — во время пребывания в ставке он сумел предотвратить его передачу в руки Народного суда. Разгневанный отсрочкой Гитлер приказал судить Канариса специальным судом СС. Но и этот процесс не раз откладывался. Лишь 9 апреля 1945 года, менее чем за месяц до окончания войны, Канарис, его бывший помощник полковник Остер и еще четверо заключенных предстали перед судом в концлагере Флоссенбург и были приговорены к смерти. Однако точных данных о казни Канариса не было. Потребовалось десять лет, чтобы раскрыть его тайну. В 1955 году участвовавший в процессе над Канарисом судья из гестапо сам предстал перед судом. Многие свидетели показали на нем, что Канарис был повешен 9 апреля 1945 года. Один из свидетелей, датский полковник Лундинг, сообщил, что видел, как обнаженного Канариса волокли из камеры на виселицу. Остер был казнен в тот же день. Некоторой части арестованных удалось избежать суда и в конце концов дождаться освобождения наступавшими войсками союзников. Среди них были генерал Гальдер и д–р Шахт, которые не принимали участия в заговоре 20 июля, хотя на суде в Нюрнберге Шахт

---

[262] «Приговор сильно подействовал на него, вспоминал позднее Шлабрендорф, который общался с Фроммом, пока они находились в тюрьме гестапо на Принц–Альбрехт–штрассе. — Он никак этого не ожидал» (Шлабрендорф Ф. Они чуть не убили Гитлера, с. 121). — Прим. авт.

заявил, что был «посвящен в тайну». Гальдер провел несколько месяцев в одиночной камере — совершенно темном подвале. Эти двое, а также высокопоставленные лица, немцы и иностранцы, включая Шушнига, Леона Блюма, Шлабрендорфа и генерала Фалькенхаузена, были освобождены 4 мая 1945 года американскими войсками в местечке Нидердорф, в Южном Тироле, как раз в тот момент, когда гестаповская охрана приготовилась их всех уничтожить. Несколько позднее Фалькенгаузен попал под суд в Бельгии как военный преступник. 9 мая 1951 года после четырех лет пребывания в тюрьме в ожидании суда его приговорили к 12 годам каторжных работ, однако через две недели освободили и он возвратился в Германию.

Многие из армейских офицеров, замешанных в заговоре, предпочли самоубийство «милосердию» Народного суда. Утром 21 июля генерал Хеннинг фон Тресков, душа заговора среди офицерства Восточного фронта, простился со своим другом и помощником Шлабрендорфом, который запомнил его последние слова:

«Теперь все набросятся на нас и будут поливать грязью. Но мои убеждения незыблемы: мы поступили правильно. Гитлер не только заклятый враг Германии, он — заклятый враг всего человечества. Через несколько часов я предстану перед богом, держа ответ за свои действия и упущения. Думаю, что смогу с чистой совестью оправдать все, что я сделал в борьбе против Гитлера…

Каждый, кто присоединялся к движению Сопротивления, надевал на себя тунику Несса, этот смертоносный дар. Человек чего–нибудь стоит лишь тогда, когда готов пожертвовать жизнью за свои убеждения».

В то утро Тресков выехал в 28–ю пехотную дивизию, прополз на нейтральную полосу и выдернул предохранительную чеку из ручной гранаты. Взрывом ему оторвало голову.

Спустя пять дней свел счеты с жизнью генерал–квартирмейстер сухопутных войск Вагнер.

Среди высокопоставленных военачальников на Западном фронте покончили с собой два фельдмаршала и один генерал. Как известно, в Париже восстание взяло хороший старт, когда генерал Генрих фон Штюльпнагель, военный губернатор Франции, арестовал весь состав СС и СД гестапо. С этого момента все зависело от фельдмаршала фон Клюге, нового главнокомандующего Западным фронтом, которого в течение двух лет обрабатывал на русском фронте Тресков, пытаясь сделать активным заговорщиком. Хотя Клюге постоянно менял свое решение, он в конечном счете согласился или почти согласился, как считали заговорщики, поддержать заговор, как только будет убит Гитлер.

В тот вечер, 20 июня, в Ла–Рош–Гуйон, в штабе группы армий «Б», командование которой после ранения Роммеля Клюге также принял на себя, состоялось роковое совещание за обеденным столом. Клюге хотелось обсудить противоречивые сообщения относительно того, жив или убит Гитлер. Присутствовали его главные советники — начальник штаба генерал Гюнтер Блюментрит, начальник штаба группы армий «Б» генерал Шпейдель, генерал Штюльпнагель и полковник Хофакер. Последнему в тот день уже звонил Штауфенберг, чтобы проинформировать о ходе мятежа в Берлине. Когда офицеры собрались на обед, по крайней мере некоторым показалось, что осторожный фельдмаршал наконец–то решится связать свою судьбу с заговором. Бек дозвонился до него перед обедом и настоятельно просил поддержать выступление независимо от того, убит Гитлер или Нет. После этого поступил приказ, подписанный фельдмаршалом фон Вицлебеном. На Клюге это произвело сильное впечатление.

Тем не менее ему хотелось иметь дополнительную информацию об обстановке, и она, к несчастью для заговорщиков, поступила от генерала Штиффа, который утром ездил вместе со Штауфен–бергом в Растенбург и видел взрыв. Он подтвердил, что Гитлер остался жив, а сейчас пытался скрыть происшедшее. Блюментрит связался с ним по телефону, и Штифф рассказал ему всю правду о том, что произошло, а точнее, не произошло.

«Значит, попытка не удалась», — сказал Клюге Блюментриту. Он, казалось, был искренне разочарован, поскольку тут же добавил, что, удайся она, он не стал бы терять

времени, немедленно связался бы с Эйзенхауэром и попросил о перемирии.

За обедом, проходившем будто во сне, как позднее вспоминал Шпейдель, им казалось, «что они сидят в доме, куда пришла смерть». Клюге слушал горячие призывы Штюльпнагеля и Хофакера продолжать восстание даже в том случае, если Гитлер уцелел. Блюментрит описал, что последовало дальше:

«Когда они закончили, Клюге заметил с явным разочарованием: «Итак, господа, покушение провалилось. Все кончено». Штюльпнагель воскликнул: «Фельдмаршал, я думаю вам известны наши планы. Надо что–то делать».

Клюге отрицал, что посвящен в какие–либо планы. Приказав Штюльпнагелю освободить арестованных из частей СС и СД в Париже, он посоветовал ему: «Самое лучшее, что вы можете сделать, — это переодеться в гражданскую одежду и скрыться».

Но для гордого генерала Штюльпнагеля такой выход был неприемлем. После трудно объяснимой ночной попойки в парижском отеле «Рафаэль», где рекой лилось шампанское и где освобожденные офицеры СС и СД во главе с генералом Обергом братались с армейскими офицерами, которые только что держали их под арестом и, скорее всего, расстреляли бы, увенчайся заговор успехом, Штюльпнагель, получивший приказ явиться в Берлин, выехал на автомобиле в Германию. В Вердене, где в первую мировую войну он командовал батальоном, сделал остановку, чтобы взглянуть на знаменитое поле боя, а также исполнить принятое решение. Его водитель и солдат охраны услышали пистолетный выстрел. Они обнаружили генерала в канале, откуда он пытался выбраться. Пулей был выбит глаз и так серьезно поврежден другой, что его пришлось удалить в верденском военном госпитале, куда его срочно доставили.

Но это не спасло Штюльпнагеля от ужасной смерти. Слепой и беспомощный, он был доставлен по срочному приказу Гитлера в Берлин, в Народный суд, где его, лежащего на носилках, всячески поносил Фрейслер. 30 августа его повесили в тюрьме Плетцензе.

Решительный отказ фельдмаршала Клюге присоединиться к мятежу не спас его, как не спас он и Фромма, который подобным же образом вел себя в Берлине. «Судьба, — как вскользь высказался об этом нерешительном генерале Шпейдель, — не щадит того, чьи убеждения не подкреплены готовностью стоять за них до конца». Есть свидетельства, что полковник фон Хофакер под ужасными пытками — его казнили только 20 декабря — назвал в числе участников заговора Клюге, Роммеля и Шпейделя. Блюментрит свидетельствовал: Оберг информировал, что Хофакер упомянул Клюге на первых же допросах и что, узнав об этом, фельдмаршал «выглядел день ото дня все более озабоченным».

Сообщения с фронта отнюдь не способствовали поднятию его духа. 26 июля американские войска под командованием генерала Брэдли прорвали немецкий фронт у Сен–Ло. Через четыре дня недавно сформированная 3–я армия генерала Паттона, устремившись в прорыв, достигла Авранша и открыла путь на юг — в Бретань и к Луаре. В наступлении союзников это стало поворотным моментом и имело далеко идущие последствия. 30 июля Клюге предупредил ставку Гитлера: «Весь Западный фронт взломан… Левый фланг рухнул». К середине августа все, что еще оставалось от немецких армий в Нормандии, оказалось зажато в узком кольце вокруг Фалеза, после чего Гитлер приказал прекратить дальнейшее отступление. К этому времени фюреру уже порядком надоел Клюге, которого он обвинял в поражении на Западе и подозревал в намерении сдаться союзникам вместе с находившимися в его подчинении войсками.

17 августа в штаб Клюге прибыл фельдмаршал Вальтер Модель, с тем чтобы сменить его. Само внезапное появление Моделя было для Клюге первым признаком готовящегося отстранения. Одновременно Гитлер потребовал от него сообщать о своем местонахождении в Германии. Это означало, что он, Клюге, находится под подозрением в связи с мятежом 20 июля. На следующий день фельдмаршал написал длинное письмо Гитлеру и отправился на машине домой. Около Метца он принял яд.

Его прощальное письмо Гитлеру было обнаружено в захваченных немецких военных архивах:

«Когда Вы получите эти строки, меня уже не будет в живых… Жизнь потеряла для меня всякий смысл… И Роммель, и я предвидели сложившуюся сейчас обстановку… К нам не прислушались…

Я не знаю, сможет ли фельдмаршал Модель, который не раз доказывал свои большие способности, справиться с ситуацией теперь… Однако, если этого не произойдет и новое оружие, на которое Вы возлагаете такие надежды, не обеспечит успеха, тогда, мой фюрер, примите решение закончить войну. Немецкий народ вынес такие несказанные страдания, что пришло время положить конец этому ужасу…

Я всегда восхищался Вашим величием… Если судьба сильнее Вашей воли и Вашего гения, значит, такова воля провидения… Покажите себя столь же великим и в понимании необходимости положить конец безнадежной борьбе, раз уж это стало неизбежно…»

Как показал Йодль на Нюрнбергском процессе, Гитлер прочитал письмо молча и затем передал ему, не сказав ни слова. Через несколько дней, на военном совещании 31 августа, военный диктатор заметил: «Есть серьезные причины полагать, что, не соверши Клюге самоубийства, он непременно был бы арестован». Теперь настала очередь фельдмаршала Роммеля, идола немецких масс.

Лежа без сознания на операционном столе в Вердене, ослепший генерал фон Штюльпнагель случайно назвал имя Роммеля. Позднее полковник фон Хофакер, не выдержав страшных пыток в гестаповских застенках на Принц–Альбрехт–штрассе, рассказал о той роли, которую сыграл Роммель в заговоре. «Передайте товарищам в Берлине, что они могут на меня положиться», — привел Хофакер слова фельдмаршала, который заверил его в своем согласии участвовать в заговоре. Эта фраза засела в сознании Гитлера, и в конечном счете он пришел к решению, что ходивший у него в фаворитах, пользовавшийся в Германии огромной популярностью генерал должен умереть.

Роммель был ранен в голову и получил серьезную травму левого глаза. Во избежание пленения наступающими союзниками из госпиталя в Берне его перевели сначала в Сен–Жермен, а оттуда 8 августа отправили домой в Херрлинген, неподалеку от Ульма. Первым предупреждением о том, что его ожидает, послужил арест его начальника штаба генерала Шпейделя. Произошло это 7 сентября, сразу после того, как тот навестил Роммеля в Херрлингене.

«Этот патологический лжец, — воскликнул Роммель, когда в беседе со Шпейделем упомянул Гитлера, — окончательно сошел с ума. Он обрушивает свой садизм на участников заговора 20 июля, и этим дело не кончится».

Роммель заметил, что его дом взят под наблюдение СД. Когда он вышел на прогулку в близлежащий лес вместе со своим 15–летним сыном, который получил краткосрочный отпуск для ухода за отцом, оба захватили с собой пистолеты. В растенбургской ставке тем временем Гитлер получил копию показаний Хофакера, изобличающих Роммеля, и сразу отдал приказ ликвидировать его, но необычным способом. Фюрер понимал, как объяснял позднее на допросе в Нюрнберге Кейтель, что в Германии разразится страшный скандал, если знаменитый фельдмаршал, самый популярный из всех военачальников, будет арестован и доставлен в Народный суд. Поэтому он договорился с Кейтелем, что Роммелю сообщат об уликах против него и предложат на выбор либо застрелиться, либо предстать перед судом за измену. Если он изберет первое, ему будут организованы государственные похороны и отданы все воинские почести, а его семью не станут преследовать.

Итак, днем 14 октября 1944 года два генерала из ставки Гитлера подъехали к дому Роммеля, который теперь был постоянно окружен войсками СС, усиленными пятью броневиками. Одним из генералов был Вильгельм Бургдорф, алкоголик, с испитым багровым лицом, соперник Кейтеля в раболепии перед Гитлером, другим — его помощник в управлении кадров вермахта Эрнст Майзель, того же поля ягода. Они заранее предупредили Роммеля, что приедут по поручению Гитлера обсудить «новое назначение».

«По подстрекательству фюрера, — свидетельствовал позднее Кейтель, — я направил Бургдорфа с копией показаний, уличающих Роммеля. Если они верны, пусть он отвечает за

последствия. Если же нет — суд его оправдает».

«И вы порекомендовали Бургдорфу прихватить с собой яд, не так ли?» спросили Кейтеля.

«Да, я порекомендовал Бургдорфу взять с собой яд, чтобы передать его в распоряжение Роммеля, если обстоятельства того потребуют».

Бургдорф и Майзель прибыли, как вскоре выяснилось, отнюдь не для того, чтобы обсуждать новое назначение Роммеля. Они попросили оставить их с фельдмаршалом наедине, и все трое удалились в его кабинет.

«Через несколько минут, — рассказывал позднее Манфред Роммель, — Я услышал, как отец поднялся наверх и вошел в комнату матери». И затем:

«Мы с отцом прошли в мою комнату. «Я только что был вынужден сказать твоей матери, — начал он медленно, — что через четверть часа должен буду умереть… Гитлер обвиняет меня в измене. Учитывая мои заслуги в Африке, мне предлагают отравиться ядом. Два генерала привезли его с собой. Он действует за три секунды. Если я соглашусь, никаких обычных в таких случаях действий не будет предпринято против моей семьи… Мне устроят государственные похороны. Все продумано до мельчайших деталей. Через четверть часа позвонят из госпиталя в Ульме и скажут, что у меня произошел апоплексический удар по пути на совещание».

Фактически произошло следующее.

Роммель надел свою кожаную куртку — форму Африканского корпуса и, сжимая в руке фельдмаршальский жезл, сел в машину рядом с двумя ожидавшими его генералами. Проехав одну–две мили по направлению к городу, автомобиль остановился на краю леса. Здесь генерал Майзель и водитель–эсэсовец вышли, оставив Роммеля и генерала Бургдорфа беседовать на заднем сиденье. Когда несколько минут спустя они вернулись к машине, Роммель, согнувшись на сиденье, был уже мертв. Бургдорф нетерпеливо ходил взад–вперед, будто опасался, что пропустит обед и дневную выпивку. Через пятнадцать минут после того, как фрау Роммель попрощалась с мужем, раздался телефонный звонок из госпиталя. Главный врач сообщил, что два генерала только что внесли тело фельдмаршала, который скончался от кровоизлияния в мозг, вероятно, в результате прежних ранений черепа. Бургдорф запретил производить вскрытие. «Не прикасайтесь к трупу, — рявкнул он. — В Берлине уже все подготовлено».

Так оно и было в действительности.

Фельдмаршал Модель отдал выспренний приказ по войскам, в котором отмечалось, что Роммель скончался от ран, полученных 17 июля, и выражалась скорбь в связи с потерей «одного из величайших полководцев нации».

Гитлер послал фрау Роммель телеграмму: «Примите мое искреннее сочувствие в связи с тяжелой утратой, которую вы понесли, — смертью мужа. Имя фельдмаршала Роммеля навсегда будет связано с геройскими сражениями в Северной Африке». Геринг телеграфировал, что выражает ей «молчаливое сострадание».

«Тот факт, что ваш муж умер смертью героя в результате полученных ран, когда появилась было надежда, что он останется с немецким народом, глубоко тронул меня».

Гитлер приказал организовать государственные похороны, на которых старейший генерал немецкой армии фельдмаршал фон Рундштедт произнес похоронную речь. «Его сердце, — сказал он, стоя рядом с гробом Роммеля, украшенным свастикой, — принадлежало фюреру»[263].

---

[263] Справедливости ради следует сказать, что Рундштедт, возможно, не знал об обстоятельствах смерти Роммеля. О них ему, очевидно, стало известно лишь из показаний Кейтеля на Нюрнбергском процессе. «Мне не было известно об этих слухах, — заявил на процессе Рундштедт, — иначе я отказался бы выступать в роли представителя фюрера на государственных похоронах: это было бы подлостью сверх всякой меры». Тем не менее семья Роммеля обратила внимание на то, что этот добропорядочный господин старой школы отказался присутствовать на кремации и приехать в дом Роммеля, чтобы выразить свои соболезнования вдове, как это сделали большинство других генералов. — Прим. авт.

«Старый солдат (Рундштедт), — указывает Шпейделъ, — произвел на присутствующих впечатление сломленного и сбитого с толку человека… Здесь судьба дала ему единственную в своем роде возможность сыграть роль Марка Антония. Он пребывал в какой–то моральной апатии»[264].

Велико было унижение хваленого офицерского корпуса германской армии. Он стал свидетелем участия в заговоре против верховного главнокомандующего трех прославленных фельдмаршалов — Вицлебена, Клюге и Роммеля, за что одного из них повесили, а двое других были вынуждены пойти на самоубийство. Он был вынужден оставаться безучастным в то время, когда десятки высших генералов были брошены в гестаповские застенки и умерщвлены после судебных фарсов, разыгранных в Народном суде. Произошло нечто беспрецедентное — офицерский корпус не сплотился в этой обстановке, несмотря на свои традиции. Вместо этого он стремился сохранить «честь» ценой, которая иностранцу представляется не чем иным, как бесчестьем и деградацией. Перед охваченным гневом бывшим австрийским ефрейтором перепуганные генералы и офицеры этого корпуса лебезили и пресмыкались.

Неудивительно, что фельдмаршал фон Рундштедт выглядел сломленным и сбитым с толку, когда произносил прощальную речь над гробом Роммеля. Как и его собратья–офицеры, которых Гитлер заставил испить до дна горькую чашу унижения, он дошел до грани падения. Рундштедт добровольно принял пост председателя так называемого офицерского суда части, учрежденного Гитлером для изгнания из армии всех офицеров, подозреваемых в причастности к заговору против него, чтобы не предавать их военному трибуналу, а, опозорив, уже в качестве гражданских лиц передать в руки пресловутого Народного суда. Суду чести не разрешалось заслушивать показания обвиняемых офицеров в свою защиту, а приговор выносился лишь на основе улик, представленных гестапо. Рундштедт не протестовал против такого ограничения прав обвиняемых, как и другой член суда — генерал Гудериан, который на следующий после взрыва день был назначен начальником генерального штаба армии. Правда, последний признается в своих мемуарах, что членство в суде было для него неприятной обязанностью и что заседания суда наводили меланхолию и затрагивали «наиболее сложные проблемы совести». Безусловно, так оно и было, поскольку Рундштедт, Гудериан и их коллеги в суде (все генералы) отправили сотни своих товарищей на экзекуцию после унижений и изгнания из армии.

Этим Гудериан не ограничивался. На посту начальника генерального штаба он издал два выспренних приказа, заверявших нацистского диктатора в неизменной верности офицерского корпуса. Первый, отданный 23 июля, резко осудил заговорщиков как «немногочисленную группу офицеров, в том числе отставных, которые, утратив мужество, из трусости и слабости предпочли единственному открытому для честного офицера пути, пути доблести и долга, путь позора». А затем торжественно заверил фюрера «в единстве

---

[264] Сам же генерал Шпейдель, заключенный в подвал гестаповской тюрьмы на Принц–Альбрехт–штрассе, подвергавшийся нескончаемым допросам, не был ни сломлен, ни сбит с толку. Помогло, вероятно, то, что он был солдатом и философом одновременно. Он сумел провести своих мучителей из СД, ни в чем не признавшись и никого не выдав. Был у него один нелегкий момент, когда ему устроили очную ставку с полковником фон Хофакером, которого, как он считает, подвергли не только пыткам, но и воздействию наркотических средств, однако полковник не выдал в данном случае Шпейделя, отказавшись от прежних показаний.

Хотя Шпейделя не предали суду, его в течение семи месяцев держали в тюрьме гестапо. Когда американские войска приблизились к месту его заключения близ озера Констанц в Южной Германии, он, обманув охрану, бежал вместе с 20 другими заключенными и нашел убежище у католического священника, который прятал всю группу до прихода американцев. Эту главу своей жизни Шпейдель опустил в написанной им от третьего лица книге, которая отличается строгой объективностью. Однако он рассказал о ней Десмонду Янгу, который и привел ее в своей книге «Роммель — Лиса Пустыни» (с. 251–252).

Свою необычную карьеру Шпейдель завершил в конце 1950–х годов на важном командном посту в НАТО. — Прим. авт.

генералов, офицерского корпуса и всего личного состава армии».

Тем временем снятый со всех постов фельдмаршал фон Браухич поспешил выступить в печати с гневным заявлением, осуждающим путч, давая вновь клятву верности фюреру и приветствуя назначение Гиммлера, который презирал генералов, включая Браухича, командующим армией резерва. Другой уволенный, гросс–адмирал Редер, опасаясь, что может быть заподозрен в симпатиях к заговорщикам, поспешил из своего затворничества в Растенбург, чтобы лично заверить Гитлера в своей преданности. Приказом по армии от 24 июля вместо традиционного армейского отдания чести было введено нацистское приветствие «как свидетельство непоколебимой верности фюреру и теснейшего единства армии и партии».

29 июля Гудериан предупредил всех офицеров генерального штаба, что отныне они должны являть собой образец нациста, верного и преданного фюреру.

«Каждый офицер генерального штаба должен быть национал–социалистским офицером–руководителем не только… служа образцом отношения к политическим вопросам, но и активно участвуя в политическом воспитании молодых командиров в соответствии с учением фюрера.

При оценке качеств и отборе офицеров для службы в генштабе вышестоящие начальники должны исходить прежде всего из свойств их характера и духа, а затем уже умственных способностей. Негодяй может оказаться весьма способным, но в час испытания тем не менее потерпит поражение, потому что он негодяй.

Я надеюсь, что каждый офицер генерального штаба немедленно выскажется относительно того, принимает он или уже исповедует мои взгляды, и пусть объявит об этом во всеуслышание. Каждый, кто не способен поступить таким образом, должен подать заявление о переводе из генштаба»[265].

Насколько известно, такого заявления никто не подал.

С этого момента, как свидетельствует один немецкий историк, «история генерального штаба как автономной единицы, можно сказать, заканчивается». Эта элитарная группа военного руководства, основанная Шарнхорстом и Гнейзенау и ставшая благодаря Мольтке оплотом нации, группа, которая управляла Германией в первую мировую войну, господствовала в Веймарской республике и вынудила самого Гитлера ликвидировать службу СА и ее руководителя, когда она встала на пути этой группы, теперь, летом 1944 года, превратилась в жалкую кучку подобострастных запуганных людей. Отныне Гитлеру не угрожала оппозиция и даже критика. Некогда могущественная армия, как и любой другой институт третьего рейха, скатывалась вместе с ним все ниже и ниже. Ее руководители до такой степени оцепенели и утратили мужество, которое еще недавно проявила горстка заговорщиков, что не могли теперь выразить протест, не говоря о том, чтобы совершить поступок, остановить руку человека, который — и это они хорошо понимали — все быстрее вел их и весь немецкий народ к самой ужасной в истории Германии катастрофе.

Просто поразителен паралич сознания и воли этих людей, воспитанных в христианской вере, на почитании старых добродетелей, хвалившихся своим кодексом чести, людей, не раз глядевших на поле боя смерти в лицо. Но это, наверное, можно понять, если проследить ход немецкой истории, изложенный в предыдущей главе, согласно которому слепое повиновение временщикам превратилось у немцев в высшую добродетель, а раболепие всячески поощрялось. К этому времени генералы уже осознали зловещую сущность человека, перед которым они преклонялись. Гудериан позднее вспоминал, каким стал Гитлер после 20 июля:

«Что касается его твердости, она превратилась в жестокость, а склонность к блефу сменилась откровенной нечестностью. Он часто лгал без малейшего колебания, полагая, что и другие лгут ему. Гитлер никому больше не доверял, и с ним стало довольно трудно иметь

---

[265] В своих мемуарах Гудериан, который постоянно подчеркивает, как смело противостоял он Гитлеру и как резко его критиковал, об этих приказах тем не менее умалчивает. Прим. авт.

дело. С каждым месяцем это все более превращалось в пытку. Он часто терял самообладание, становился все более несдержан в выражениях. В его непосредственном окружении не было никого, кто мог бы повлиять на него сдерживающим образом».

И тем не менее этот полубезумный, быстро слабеющий рассудком и телом человек теперь, как и в снежную зиму 1941 года под Москвой, сумел собрать остатки отступавших армий и вселить новую веру в павшую духом нацию. Невероятным напряжением воли, которой так недоставало армии, правительству, народу, он едва ли не в одиночестве смог продлить агонию рейха почти на год.

Мятеж 20 июля окончился неудачей не только из–за необъяснимой неспособности ряда самых способных людей в армии и среди гражданской части нации, но и из–за роковой бесхарактерности Фромма, Клюге, а также из–за неудач, подстерегавших заговорщиков за каждым углом. Он провалился из–за того, что почти все, кто управлял этой великой страной, генералы и просто граждане, немцы, носившие форму или нет, не были готовы к революции, а по существу, несмотря на страдания и горькую перспективу поражения, не хотели ее. Они все еще принимали и безусловно поддерживали национал–социализм, несмотря на деградацию, в которую он вверг Германию и Европу, а в Адольфе Гитлере по–прежнему видели спасителя своей страны.

«В то время, — писал позднее Гудериан как о неоспоримом факте, большая часть немецкого народа по–прежнему верила в Адольфа Гитлера и была убеждена, что любой преступник, совершивший убийство Гитлера, устранил бы единственного человека, который все еще мог привести войну к благополучному концу».

Даже по окончании войны генерал Блюментрит, который не участвовал в заговоре, но поддержал бы его, если бы его начальник Клюге обладал более решительным характером, считал, что по меньшей мере «половина гражданского населения была потрясена тем, что немецкие генералы приняли участие в покушении на Гитлера в целях его свержения, и впоследствии относилась к ним с горечью и разочарованием. Те же чувства разделяла и армия».

Благодаря необъяснимому гипнотизму, по крайней мере с точки зрения немца, Гитлеру удалось сохранить у этого необыкновенного народа верность и веру в себя до конца. Как безмолвный скот, с трогательной верой и даже с энтузиазмом, который возвышал их над стадом, немцы храбро устремились за ним в пропасть, что грозило гибелью нации.

КНИГА ШЕСТАЯ — ПАДЕНИЕ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

ОККУПАЦИЯ ГЕРМАНИИ

Война пришла на территорию самой Германии.

Едва оправившись от потрясения, вызванного взрывом бомбы 20 июля, Гитлер столкнулся с потерей Франции и Бельгии и обширных территорий, завоеванных на Востоке. Превосходящие силы вражеских войск теснили войска рейха со всех сторон.

К середине августа 1944 года после летних наступательных операций, развертывавшихся одна за другой, Красная Армия вышла к границам Восточной Пруссии, заперев 50 немецких дивизий в Прибалтике. Ее войска прорвались к Выборгу в Финляндии, уничтожили группу армий «Центр», что позволило в течение шести недель продвинуться на фронте шириной 400 миль к берегам Вислы у Варшавы. Одновременно на юге в результате нового наступления, начавшегося 20 августа, была повержена Румыния с ее нефтяными месторождениями в Плоешти — единственным крупным источником нефти для немецких армий. 26 августа официально вышла из войны Болгария, и немцы стали поспешно покидать страну. В сентябре капитулировала Финляндия и выступила против тех немецких войск, которые отказывались покинуть ее территорию.

На Западе была быстро освобождена Франция. Вновь сформированную 3–ю армию

возглавил генерал танковых войск Паттон, который по напористости и умению схватывать ситуацию напоминал американцам Роммеля периода африканской кампании. После захвата 30 июля Авранша Паттон покинул Бретань, так и не осуществив планов по ее захвату, и начал большую операцию по обходу немецких войск в Нормандии, двинувшись на юго–восток к Орлеану на Луаре, а затем на восток к Сене, южнее Парижа. К 23 августа его войска вышли к Сене юго–восточнее и северо–западнее столицы, и через два дня великий город, слава Франции, был освобожден после четырех лет немецкой оккупации. Когда французская 2–я танковая дивизия генерала Жака Леклерка и американская 4–я пехотная дивизия ворвались в Париж, они обнаружили, что власть в большей части города уже находится в руках отрядов французского Сопротивления. Они увидели также, что мосты через Сену, многие из которых являлись настоящими произведениями искусства, уцелели[266].

Остатки немецких армий во Франции начали отход по всему фронту. Победитель Роммеля в Северной Африке Монтгомери, произведенный 1 сентября в фельдмаршалы, преодолев за четыре дня 200 миль, перебросил свою канадскую 1–ю армию и английскую 2–ю армию из района нижнего течения Сены в Бельгию. Брюссель сдался на милость победителя 3 сентября, Антверпен — на следующий день. Наступление было настолько стремительным, что немцы не успели взорвать в Антверпене портовые сооружения. Для союзников это оказалось хорошим подарком, поскольку этому порту, как только расчистили подступы к нему, суждено было стать главной базой снабжения англо–американских армий.

Также стремительно продвигалась в юго–восточную часть Бельгии, обходя южнее англо–канадские силы, американская 1–я армия под командованием генерала Ходжеса. Она вышла на реку Маас, откуда в мае 1940 года начался сокрушительный немецкий прорыв, и овладела укрепленными районами Намюра и Льежа, где немцы не успели даже организовать оборону. Еще южнее 3–я армия Паттона овладела Верденом, окружила Мец, вышла к реке Мозель и около Бельфорского перевала соединилась с франко–американской 7–й армией, которая под командованием генерала Александра Пэтча высадилась 15 августа на Ривьере в Южной Франции и стремительно двинулась на север через долину Роны.

К концу августа немецкие армии на Западе потеряли 500 тысяч человек, половина из которых была взята в плен, а также почти все танки, артиллерию и грузовики. Мало что осталось для защиты фатерланда. Широко разрекламированная линия Зигфрида фактически была не укомплектована личным составом и не имела орудий. Большинство немецких генералов на Западе считали, что пришел конец. «Не было больше наземных сил, не говоря уже о воздушных», — отмечает Шпейдель. «Для меня война закончилась в сентябре», говорил после войны следователям союзников Рундштедт, восстановленный 4 сентября в должности главнокомандующего войсками на Западе.

Но она не закончилась для Адольфа Гитлера. В последний день августа он отчитывал в ставке нескольких генералов, пытаясь вселить в них новые силы и надежды.

«В случае необходимости мы будем сражаться на Рейне. Не имеет значения где. Как сказал Фридрих Великий, при любых обстоятельствах мы будем сражаться до тех пор, пока один из наших ненавистных врагов не выдохнется и не откажется от дальнейшей борьбы. Мы будем сражаться, пока не добьемся мира, который обеспечит существование германской нации еще на пятьдесят или на сто лет и который прежде всего не запятнает нашу честь во второй раз, как это произошло в 1918 году… Я живу лишь для продолжения этой борьбы, так

---

[266] По свидетельству Шпейделя, 23 августа Гитлер приказал взорвать все парижские мосты и другие важные сооружения, «даже если при этом могут быть уничтожены памятники искусства». Шпейдель отказался выполнить приказ, как и генерал фон Холтиц, новый комендант Большого Парижа, который сдался, сделав несколько выстрелов для очистки совести. В апреле 1945 года Холтица заочно отдали под суд за измену, но друзья по службе сумели оттянуть процесс до окончания войны. Шпейдель сообщил также, что сразу после сдачи Парижа Гитлер приказал разрушить его тяжелой артиллерией и самолетами–снарядами Фау–1, но и этот приказ он отказался выполнить (Шпейдель Г. Вторжение 1944 года, с. 143–145). — Прим. ред.

как знаю, что, если за ней не будет стоять железная воля, она обречена».

После разноса, устроенного генеральному штабу за недостаток железной воли, Гитлер поведал генералам о некоторых причинах своей упрямой веры:

«Наступит время, когда разлад между союзниками станет настолько серьезным, что произойдет разрыв. Все коалиции в истории рано или поздно разваливались. Главное — это ждать подходящего момента, не считаясь ни с какими трудностями».

На Геббельса была возложена задача проведения «тотальной мобилизации», а Гиммлер, новый командующий армией резерва, приступил к формированию 25 дивизий ополчения для обороны западных границ. Несмотря на все планы «тотальной войны» для нацистской Германии, ресурсы страны не были тотально мобилизованы. По настоянию Гитлера в течение всей войны производство товаров народного потребления сохранялось на поразительно высоком уровне — якобы для того, чтобы поддерживать высокий моральный дух. И он препятствовал осуществлению планов, разработанных еще до войны, согласно которым к работе на предприятиях следовало привлекать женщин. В марте 1943 года, когда Шпеер хотел было мобилизовать женщин для работы в промышленности, он заявил: «Принести в жертву самые дорогие для нас идеалы — слишком дорогая цена». Нацистская идеология учила, что место немецкой женщины дома, а не на фабрике, посему домом она и занималась. За первые четыре года войны, когда в военном производстве Великобритании было занято 2,25 миллиона женщин, в Германии на таких же работах было занято лишь 182 тысячи женщин. Число женщин, служивших домашней прислугой — 1,5 миллиона, оставалось неизменным на протяжении всей войны.

Теперь, когда враг стоял у ворот, нацистские главари взялись за дело. В армию были призваны все подростки в возрасте от 15 до 18 лет и мужчины от 50 до 60 лет. В поисках рекрутов прочесывались университеты и средние школы, учреждения и предприятия. В сентябре — октябре 1944 года для армии удалось мобилизовать 0,5 миллиона человек. Но никто не посмел предложить заменить их на предприятиях и в учреждениях женщинами. Альберт Шпеер, министр вооружения и военного производства, выразил Гитлеру протест в связи с призывом в армию квалифицированных рабочих, что серьезно сказывалось на выпуске оружия.

Со времени наполеоновских войн немецким солдатам не приходилось оборонять священную землю фатерланда. Во всех последующих войнах Пруссии или Германии захватывались и опустошались земли других народов. Теперь на головы солдат, теснимых врагом, обрушились потоки призывов и воззваний.

Солдаты Западного фронта!

…Я надеюсь, что вы будете оборонять священную землю Германии… до последнего вздоха!

Хайль фюрер!

Фельдмаршал фон Рундштедт

Солдаты группы армий!

…Пока мы живы, ни один из нас не отдаст ни пяди немецкой земли… Тот, кто отойдет без боя, — предатель своего народа.

Солдаты! На карту поставлена судьба нашей родины, жизни наших жен и детей.

Наш фюрер, наши дорогие и близкие исполнены веры в своих солдат…

Да здравствует наша Германия и наш любимый фюрер!

Фельдмаршал Модель

Тем не менее, когда запахло паленым, резко возросло число дезертиров, и Гиммлер принял решительные меры, чтобы воспрепятствовать этому. 10 сентября он издал приказ:

Отдельные ненадежные элементы, очевидно, считают, что война для них закончится, как только они сдадутся врагу… Каждого дезертира… ждет справедливое возмездие. Более того, его недостойное поведение повлечет за собой самые серьезные последствия для его семьи… Ее немедленно расстреляют…

Некий полковник Гофман–Шонфорн из 18–й гренадерской дивизии довел до сведения

своей части следующее:

Из наших рядов дезертировали изменники, перейдя на сторону врага… Эти ублюдки выдали важные военные тайны… Лживые еврейские клеветники насмехаются над вами, в своих книжонках подбивая и вас стать ублюдками. Пускай себе изрыгают яд… Что же касается презренных предателей, позабывших о чести, то пусть они знают, что за их измену сполна заплатят их же семьи.

В сентябре произошло то, что скептически настроенные немецкие генералы называли «чудом». Для Шпейделя это был «немецкий вариант» французского чуда на Марне в 1914 году. Внезапно грозное наступление союзников застопорилось. Среди союзных командующих, начиная от генерала Эйзенхауэра и ниже, по сей день ведутся споры, почему оно застопорилось. Для немецких же генералов это было просто необъяснимо. Ко второй неделе сентября американские армии вышли к границам Германии в районе Ахена и реки Мозель. В начале сентября Монтгомери убеждал Эйзенхауэра передать все запасы и резервы англо–канадским армиям, а также американским 9–й и 1–й армиям для развертывания широкого наступления на севере под его командованием. Это позволило бы быстро прорваться к Руру, лишить немцев их главного арсенала, открыть путь на Берлин и положить конец войне. Эйзенхауэр предложение отклонил[267]. Он хотел наступать к Рейну на широком фронте.

Однако его армии оторвались от тылов. Каждую тонну бензина и боеприпасов приходилось доставлять через прибрежные пески Нормандии или через единственный порт — Шербур и затем на грузовиках перебрасывать наступающим армиям, преодолевая расстояние 300–400 миль. Во второй неделе сентября армии Эйзенхауэра начали пробуксовывать из–за недостатка снабжения. Одновременно они неожиданно натолкнулись на сопротивление немцев. Сосредоточив наличные силы на двух решающих участках, Рундштедт к середине сентября сумел остановить, по крайней мере временно, 3–ю армию Паттона на реке Мозель и 1–ю армию Ходжеса у Ахена.

Эйзенхауэр, побуждаемый Монтгомери, в конце концов согласился с его смелым планом: захватить плацдарм на нижнем Рейне в районе Арнема, что позволяло выйти на рубеж, с которого можно было обойти линию Зигфрида с севера. Цель операции отнюдь не совпадала с замыслом Монтгомери ворваться в Рур, а затем в Берлин, но она позволяла создать стратегическую базу для такой попытки позднее. Наступление началось 17 сентября массированным десантом двух американских и одной английской воздушно–десантных дивизий, базировавшихся на территории Англии. Но из–за плохой погоды и того обстоятельства, что парашютисты приземлились в расположении двух танковых дивизий СС, о присутствии которых они не подозревали, а также из–за недостатка наземных сил, наносивших удар с юга, операция потерпела неудачу. После десятидневных ожесточенных боев союзники отошли от Арнема. От английской 1–й воздушно–десантной дивизии, сброшенной близ города, осталось всего 2163 человека из 9000. Для Эйзенхауэра эта неудача стала убедительным доказательством, что следует ожидать еще более серьезных испытаний.

Тем не менее вряд ли он думал, что немцы сумеют в достаточной мере оправиться и нанести на Западном фронте накануне рождественских праздников ошеломляющий удар.

Последняя авантюра Гитлера

Вечером 12 декабря 1944 года большая группа немецких генералов — высший командный состав Западного фронта — была вызвана в штаб Рундшгедта. Сдав личное оружие и портфели, генералы с трудом разместились в ожидавшем их автобусе. После

---

[267] «Я уверен, писал Эйзенхауэр в своих мемуарах (Крестовый поход в Европу, с 305), что фельдмаршал Монтгомери в свете происходивших событий согласится, что такой план ошибочен». Но фельдмаршал был далек от такой оценки, что хорошо известно тем, кто читал мемуары Монтгомери — Прим. авт.

получасовой езды в темноте по заснеженной местности (чтобы потеряли ориентировку) автобус остановился наконец у входа в глубокий бункер, оказавшийся ставкой Гитлера в Цигенберге, близ Франкфурта. Здесь они впервые узнали о том, что около месяца уже было известно горстке высших офицеров генштаба и командующим армиями: через четыре дня фюрер начнет мощное наступление на Западе.

Идея эта зародилась у него еще в середине сентября, когда армии Эйзенхауэра были остановлены на немецкой границе западнее Рейна. Хотя в октябре американские 9, 1 и 3–я армии пытались возобновить наступление с целью «дотащиться», как выразился Эйзенхауэр, до Рейна, продвижение шло медленно и трудно. 24 октября после ожесточенного сражения 1–я армия захватила Ахен, столицу империи Карла Великого. Он стал первым немецким городом, захваченным союзниками, но американцы не смогли прорваться к Рейну. Тем не менее на своем фронте — севернее продвигались англичане и канадцы они изматывали в ходе боев слабеющего врага. Гитлер понимал, что, ведя оборонительные бои, он лишь оттягивает час расплаты. В его воспаленном мозгу созрел смелый и хитроумный план перехватить инициативу и нанести удар, который расчленит американские 3–ю и 1–ю армии и позволит прорваться к Антверпену, лишив Эйзенхауэра главного порта снабжения. Он позволит также разгромить английские и канадские армии на флангах вдоль бельгийско–голландской границы. Такое наступление, по его расчетам, не только нанесло бы сокрушительное поражение англо–американским армиям и отвело угрозу от немецкой границы, но и позволило бы затем повернуть войска против русских, которые хотя и продолжали наступать на Балканах, но были остановлены еще в октябре на Висле и в Восточной Пруссии. Стремительное наступление рассекло бы Арденны, где в 1940 году начался мощный прорыв и где, по данным немецкой разведки, стояли в обороне всего четыре слабые пехотные дивизии американцев.

Это был смелый план. Как считал Гитлер, он почти наверняка позволял захватить союзников врасплох и разгромить их прежде, чем они смогут прийти в себя[268]. Но в плане имелся существенный недостаток. Немецкая армия не только была слабее прежней, времен 1940 года, особенно в воздухе, но и имела дело с куда более находчивым и лучше вооруженным противником. Немецкие генералы не преминули обратить на этот факт внимание Гитлера.

«Когда я получил этот план в начале ноября, — заявил позднее Рундштедт, — я был ошеломлен. Гитлер не потрудился проконсультироваться со мной… Для меня было совершенно ясно, что наличных сил явно недостаточно для осуществления такого самоуверенного плана». В то же время, сознавая, что спорить с Гитлером бесполезно, Рундштедт и Модель предложили альтернативный план, который, возможно, отвечал бы настояниям верховного главнокомандующего перейти в наступление, но имел бы ограниченную цель — ликвидировать американскую дугу вокруг Ахена. У главнокомандующего немецкими силами на Западе почти не было надежд, что Гитлер изменит свое решение, и он предпочел послать на военное совещание 2 декабря в Берлине начальника штаба Блюментрита. Однако на совещании Блюментрит, фельдмаршал Модель, генерал Хассо фон Мантейфель и генерал войск СС Зепп Дитрих (последним двум

---

[268] К плану имелось интересное приложение, получившее название «Операция «Грейф» (кондор), которая, гудя по всему, являлась детищем Гитлера. Руководить ее осуществлением фюрер доверил Отто Скорцени, который после вызволения Муссолини и решительных действий в Берлине вечером 20 июля 1944 года еще раз отличился в привычной для него сфере — похитил венгерского регента адмирала Хорти в Будапеште в октябре 1944 года, когда тот готов был предложить капитуляцию Венгрии наступавшим русским войскам. На Скорцени была возложена новая задача — сформировать специальную бригаду в составе двух тысяч человек из знающих английский язык немецких солдат, одеть их в американскую форму и посадить в трофейные американские танки и джипы. Предстояло просочиться через американскую линию фронта, перерезать связь в тылу, уничтожить связных, запутать движение транспорта и дезорганизовать тыл в целом. Мелкие подразделения должны были подобраться к мостам через реку Маас и попытаться захватить их и удержать до подхода основных сил немецких бронетанковых войск. — Прим. авт.

предстояло командовать мощными танковыми армиями, предназначенными для развития прорыва) не смогли поколебать решимости Гитлера.

Все оставшееся время он стремился наскрести по Германии ресурсы для последней авантюры. В ноябре ему удалось собрать почти 1500 новых или восстановленных танков и самоходных орудий, а в декабре еще 1000. Для прорыва в Арденнах он сформировал почти 28 дивизий, включая 9 танковых, и дополнительно 6 дивизий для последующего удара на Эльзас. Геринг пообещал три тысячи истребителей[269].

Эта была внушительная сила, хотя и гораздо слабее, чем группа армий Рундштедта на этом же фронте в 1940 году. И направить ее на Западный фронт означало отказать в подкреплениях немецким войскам на Востоке, командующие которых считали, что они абсолютно необходимы для отражения ожидавшегося в январе зимнего наступления русских. Когда Гудериан, начальник генерального штаба, отвечавший за Восточный фронт, запротестовал, Гитлер сурово отчитал его:

«Вам нет нужды пытаться поучать меня. Я командовал германской армией в ходе войны в течение пяти лет и за это время приобрел больше практического опыта, чем любой господин из генштаба мог надеяться когда–либо получить. Я изучил Клаузевица и Мольтке, прочитал все труды Шлиффена. Я лучше разбираюсь в обстановке, чем вы».

Гудериан возразил, что русские вот–вот перейдут в наступление превосходящими силами, и привел данные о советских приготовлениях, на что Гитлер закричал: «Со времен Чингисхана это величайший блеф! Кто сочинил всю эту галиматью?»

На генералов, собравшихся в ставке фюрера в Цигенберге вечером 12 декабря, естественно без пистолетов и портфелей, нацистский верховный главнокомандующий, сгорбившийся в кресле, как вспоминал позднее Мантейфель, произвел впечатление больного человека: сутулая фигура, бледное отечное лицо, трясущиеся руки. Ею левую руку сводила судорога, что он тщательно скрывал. При ходьбе он волочил ногу.

Но дух Гитлера по–прежнему оставался неукротим. Генералы ожидали услышать оценку обстановки и изложение замысла предстоящего наступления. Вместо этого верховный главнокомандующий ударился в политические разглагольствования и исторические

«В истории никогда не существовало такой коалиции, как у наших противников, коалиции, составленной из столь разнородных элементов v преследующих столь разные цели… С одной стороны, ультракапиталистические государства, с другой — ультрамарксистские. С одной стороны, умирающая империя — Великобритания, с другой — бывшая колония, твердо решившая наследовать ей, — Соединенные Штаты… Вступая в коалицию, каждый партнер лелеял надежду реализовать свои политические цели… Америка стремится стать наследницей Англии, Россия пытается захватить Балканы… Англия пытается сохранить свои владения… на Средиземном море. Даже сейчас эти государства конфликтуют друг с другом, и тот, кто, подобно пауку, сидит в центре сотканной им паутины, наблюдая за событиями, видит, как этот антагонизм с каждым часом все возрастает. Если сейчас мы нанесем несколько ударов, то в любой момент этот искусственно сколоченный общий фронт может рухнуть с оглушительным грохотом, но при условии, что Германия не проявит слабости.

Необходимо лишить противника уверенности, что победа обеспечена… Исход войны в конечном счете решается признанием одной из сторон факта, что она не в состоянии победить. Мы должны постоянно внушагь противнику, что ему ни при каких условиях, никогда не добиться нашей капитуляции. Никогда! Никогда!»

И хотя в ушах расходившихся с совещания генералов все еще звучали пустопорожние речи фюрера, ни один из них, как по крайней мере говорили они позднее, не верил, что удар

---

[269] Реально наступавшие немецкие войска имели около 900 танков и штурмовых орудий, 800–900 самолетов. — Прим. тит. ред.

в Арденнах увенчается успехом. Но все же они были преисполнены решимости выполнить приказ в меру своих сил.

И они сумели это сделать. Ночь на 16 декабря выдалась темная и морозная. Под покровом густого тумана, нависшего над заснеженными лесистыми холмами Арденн, немцы выдвинулись на исходные позиции, протянувшиеся на 70 миль между Моншау к югу от Ахена и Эхтернахом к северо–западу от Трира. Согласно прогнозу, такая погода должна была сохраниться в течение нескольких дней. Все это время, как рассчитывали немцы, союзная авиация будет прикована к аэродромам, а немецкие тылы смогут избежать ада, который они однажды испытали в Нормандии. Пять дней кряду Гитлеру везло с погодой. За это время немцы, застав врасплох верховное командование союзников, нанесли начиная с утра 16 декабря ряд фронтальных ударов и прорвали позиции противника сразу на нескольких участках фронта.

К в ночь на 17 декабря немецкая танковая группа подошла к Ставело, что в восьми милях от Спа, где размещался штаб американской 1–й армии, его пришлось срочно эвакуировать. Более того, немецкие танки находились в миле от огромного полевого бензохранилища американцев, где было сосредоточено три миллиона галлонов бензина. Захвати немцы этот склад, их бронетанковые дивизии, постоянно терявшие темп продвижения из–за задержек с подвозом горючего, нехватку которого они и без того остро ощущали, могли бы продвинуться быстрее и дальше. Дальше всех продвинулась так называемая 150–я танковая бригада Скорцени, личный состав которой был переодет в американскую форму и посажен на захваченные американские танки, грузовики и джипы. Через незанятые участки фронта удалось проскочить примерно 40 джипам с солдатами и продвинуться до реки Маас[270]. Однако упорное, хотя и неподготовленное сопротивление разбросанных частей американской 1–й армии замедлило продвижение немцев, а стойкость гоюзнми войск на северном и южном флангах, соответственно у Моншау и Бастони, вынудила гитлеровцев продвигаться по узкому, изогнутому коридору. Стойкая оборона американцев у Бастони окончательно решила их судьбу.

Ключом к обороне Арденн и реки Маас была развилка дорог у Бастони. Ее прочное удержание позволяло не только блокировать основные дороги, по которым наступала к реке Маас у Динана 5–я танковая армия Мантейфеля, но и сковать значительные немецкие силы, предназначенные для развития прорыва. К утру 18 декабря танковые клинья Мантейфеля находились всего в 15 милях от города, и единственными американцами, оставшимися там, были офицеры и солдаты штаба одного из корпусов, готовившиеся к эвакуации, Однако вечером 17–го американская 101–я воздушно–десантная дивизия, которая переоснащалась в Реймсе, получила приказ совершить бросок к Бастони, расположенной в 100 милях от него. Двигаясь всю ночь на грузовиках с зажженными фарами, она достигли города за сутки, сумев опередить немцев. Это была решающая гонка, и немцы ее проиграли. Хотя они окружили Бастонь, им с трудом удалось ввести в действие свои дивизии, чтобы выйти к реке

---

[270] 16 декабря был захвачен в плен немецкий офицер, имевший при себе несколько экземпляров приказа на операцию «Грейф», и американцам, таким образом, стало обо всем известно. Но это обстоятельство, видимо, не положило конец дезориентации, созданной людьми Скорцени. Часть их, переодевшись в форму американском военной полиции, установили посты на перекрестках и указывали ложное направление движения американскому военному транспорту. Не помешало это разведотделу 1–й армии поверить россказням нескольких захваченных немцев, переодетых в американскую форму, что большое число головорезов Скорцени направилось в Париж, чтобы прикончить там Эйзенхауэра. За несколько дней американская военная полиция задержала тысячи американских солдат вплоть до Парижа, и они были вынуждены доказывать свою национальную принадлежность, отвечая на такие например, вопросы: кто выиграл чемпионат США по бейсболу и как называемся столица их штата, хотя некоторые не помнили этого или просто не знали. Многих задержанных в американской форме, расстреляли на месте, остальных отдали под трибунал и казнили. Самого Скорцени судил американский трибунал в Дахау в 1947 году, но оправдал. После этого он направился в Испанию, а затем в Южную Америку, где организовал процветающую компанию по производству цемента и написал мемуары. — Прим. авт.

Маас. Кроме того, они были вынуждены выделить крупные силы для блокирования развилки дорог, чтобы затем попытаться захватить Бастонь.

22 декабря генерал Генрих фон Лютвиц, командир 47–го бронетанкового корпуса, направил письменное обращение командиру 101–й воздушно–десантной дивизии, требуя сдачи Бастони. Он получил ответ, состоявший из одного слова и ставший знаменитым: «А пошел ты…» Канун рождества явился поворотным моментом в арденнской авантюре Гитлера. За день до того разведывательный батальон немецкой 2–й бронетанковой дивизии вышел к высотам в трех милях к востоку от Мааса в районе Динана и в ожидании подвоза горючего для танков и подкреплений остановился, прежде чем ринуться вниз по склонам к реке. Однако ни горючее, ни подкрепления так и не прибыли. Американская 2–я бронетанковая дивизия внезапно нанесла удар с севера. Тем временем несколько дивизий 3–й армии Паттона уже подходили с юга с основной задачей деблокировать Бастонь. «Вечером 24–го, — писал позднее Мантейфель, — стало ясно, что операция достигла своей высшей точки. Теперь мы уже знали, что никогда не решим поставленной задачи». Давление на южном и северном флангах узкого и глубокого вклинения немцев стало слишком сильным, притом за два дня до рождества небо наконец прояснилось и англо–американские ВВС начали наносить массированные удары по немецким коммуникациям, по войскам и танкам, двигавшимся узкими и извилистыми горными дорогами. Немцы сделали еще одну отчаянную попытку захватить Бастонь. Весь день рождества начиная с трех часов утра они предпринимали одну атаку за другой, но оборонявшиеся войска Маколифа выстояли. На следующий день бронетанковое соединение из состава 3–й армии Паттона ударом с юга деблокировало город. Перед немцами теперь встал вопрос, как вывести войска из узкого коридора прежде, чем их отсекут и уничтожат.

Но Гитлер и слышать не хотел об отходе. Вечером 28 декабря он провел военное совещание, на котором, вместо того чтобы прислушаться к совету Рундштедта и Мантейфеля и вовремя отвести войска с выступа, приказал вновь перейти в наступление, взять штурмом Бастонь и прорываться к Маасу. Более того, он требовал немедленно начать новое наступление на юге, в Эльзасе, где количество американских сил резко сократилось из–за переброски нескольких дивизий Паттона на север, в Арденны. Гитлер остался глух к протестам генералов, заявлявших, что имеющихся в их распоряжении сил недостаточно как для продолжения наступления в Арденнах, так и для удара в Эльзасе.

«Господа, я занимаюсь этим делом одиннадцать лет и… еще никогда ни от кого не слышал, что у него полностью все готово… Вы никогда не бываете вполне готовы. Это ясно».

И он все говорил и говорил[271]. Задолго до того, как он закончил, генералы поняли, что их верховный главнокомандующий, очевидно, потерял чувство реальности и витает в облаках.

«Вопрос в том… есть ли у Германии воля к жизни или она будет уничтожена… Поражение в этой войне приведет к уничтожению ее народа».

Затем последовали пространные рассуждения об истории Рима и Пруссии в Семилетней войне. Наконец он вернулся к неотложным проблемам текущего дня. Признав, что наступление в Арденнах «не привело к решающему успеху, которого можно было ожидать», фюрер заявил, что оно привело к «такому изменению всей обстановки, какое еще две недели назад никто не считал возможным».

«Противник был вынужден отказаться от всех своих наступательных планов… Ему пришлось бросать в бой измотанные части. Нам удалось полностью опрокинуть его оперативные планы. В тылу на него обрушилась резкая критика. Для него это тяжелый психологический момент. Ему уже пришлось признать, что до августа, а то и до конца

---

[271] В течение нескольких часов, если судить по сохранившейся стенографической записи этого совещания. Здесь приведен фрагмент 27 совещаний фюрера. Полный текст приводит Гилберт в книге «Гитлер руководит своей войной. — Прим. авт.

следующего года решить судьбу войны невозможно…»

Была ли эта последняя фраза признанием окончательного поражения? Спохватившись, Гитлер тут же попытался рассеять подобное впечатление:

«Поспешу добавить, господа, что… вы не должны делать из этого вывод, будто я хотя бы отдаленно допускаю мысль о поражении в этой войне… Мне незнакомо слово «капитуляция»… Для меня сегодняшняя обстановка не представляет ничего нового. Мне доводилось бывать в гораздо худших ситуациях. Я упоминаю об этом лишь потому, что хочу, чтобы вы поняли, почему я преследую свою цель с таким фанатизмом и почему ничто не в состоянии меня сломить. Как бы ни терзали меня заботы и как бы они ни подрывали мое здоровье, ничто ни на йоту не изменит моей решимости сражаться, пока наконец чаша весов не склонится в нашу сторону».

После этого он призвал генералов нанести новые удары по врагу с таким воодушевлением, на какое они только способны.

«Тогда мы… полностью сокрушим американцев… И тогда вы увидите, что произойдет. Я не верю, что в конечном счете враг устоит перед 45 немецкими дивизиями… Мы еще одолеем судьбу!» Увы, слишком поздно. У Германии уже не было для этого военной мощи.

В первый день нового года Гитлер бросил в наступление в Сааре восемь дивизий, затем последовал удар с плацдарма на Верхнем Рейне силами армии под командованием Генриха Гиммлера, что представлялось немецким генералам злой шуткой. Ни та, ни другая операция многого не достигли. Не принес успеха и массированный удар на Бастонь, предпринятый 3 января. Удар наносился по меньшей мере двумя корпусами в составе девяти дивизий. Ему суждено было вылиться в самое ожесточенное в Арденнской операции сражение. К 5 января немцы потеряли надежду овладеть этим ключевым городом. Им самим теперь угрожала опасность оказаться в окружении в результате англо–американского контрудара с севера, предпринятого 3 января. 8 января Модель, над армиями которого нависла угроза оказаться в ловушке у Уффализа, к северо–востоку от Бастони, получил наконец разрешение отойти. К 16 января, ровно через месяц после начала наступления, ради успеха которого Гитлер бросил в бой последние людские ресурсы, вооружение и боеприпасы, немецкие войска были отброшены на исходные рубежи.

Они потеряли около 120 тысяч человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, 600 танков и самоходных орудий, 1600 самолетов и 6 тысяч автомашин. У американцев также имелись серьезные потери: 8 тысяч убитых, 48 тысяч раненых, 21 тысяча захваченных в плен или пропавших без вести, а также 733 танка и самоходных противотанковых установок[272]. Но американцы могли восполнить свои потери, немцы — нет.

---

[272] Среди убитых американцев числилось несколько зверски убитых пленных. Убили их 17 декабря близ Мальмеди офицеры и солдаты боевой группы полковника Йохена Пейпера из состава 1–й танковой дивизии СС. Согласно данным, приведенным на Нюрнбергском процессе, были зверски замучены 129 американских пленных. На последующих процессах над причастными к этому преступлению офицерами СС цифра эта сократилась до 71. Заседания завершились любопытной развязкой. 43 эсэсовских офицера, включая Пейпера, были приговорены к смерти, 23 — к пожизненному заключению и 8 — к более коротким срокам. Зепп Дитрих, командир 6–й танковой армии СС, который вел боевые действия на северной стороне выступа, получил 25 лет; Кремер. командир 1–го танкового корпуса СС, — 10 лет и Германн Присс, командир 1–й танковой дивизии СС, — 18 лет.

Неожиданно в американском сенате раздались негодующе–слезливые голоса, особенно со стороны ныне покойного сенатора Маккарти, утверждавшие, что к офицерам СС якобы применяли силовое воздействие, добиваясь от них признания вины. В марте 1948 года 31 смертный приговор был отменен и заменен различными сроками заключения. В апреле генерал Л. Клей из оставшихся 12 смертных приговоров отменил еще шесть, а в январе 1951 года американский верховный комиссар в Германии Джон Макклой по общей амнистии заменил оставшиеся смертные приговоры пожизненным заключением. К моменту завершения этой книги всех эсэсовцев выпустили на свободу. Под крики о якобы жестоком обращении с эсэсовскими офицерами оказались забыты неопровержимые свидетельства, что по меньшей мере 71 безоружный американский пленный был зверски убит на заснеженном поле близ Мальмеди 17 декабря 1944 года по приказу или по подстрекательству нескольких эсэсовских офицеров. — Прим. авт.

Они исчерпали все свои ресурсы. Это было последнее крупное наступление немецкой армии во второй мировой войне. Провал его не только предопределил неизбежность поражения на Западе, но и обрек немецкие армии на Востоке, где переброска Гитлером своих последних резервов к Арденнам немедленно сказалась.

Что касается русского фронта, то пространная лекция, прочитанная Гитлером через три дня после рождества для генералов Западного фронта, звучала довольно оптимистично. На Востоке немецкие армии, постепенно теряя Балканы, твердо держались еще с октября на Висле и в Восточной Пруссии.

«К сожалению, из–за предательства наших союзников мы вынуждены постепенно отходить… — говорил Гитлер. — Тем не менее в целом оказалось возможным удерживать Восточный фронт».

Но как долго? Накануне рождества, после того как русские окружили Будапешт, и в первый день нового года Гудериан тщетно просил Гитлера дать подкрепления, чтобы принять соответствующие меры при возникновении русской угрозы в Венгрии и отразить советское наступление в Польше, которое ожидалось в середине января.

«Я подчеркнул, — говорит Гудериан, — что Рур уже парализован бомбежками западных союзников… С другой стороны, сказал я, промышленный район Верхней Силезии еще может работать на полную мощность, поскольку центр немецкого производства вооружения переместился на Восток. Потеря же Верхней Силезии приведет к нашему поражению через несколько недель. Но все было тщетно. Я получил отпор и провел унылый и трагический канун рождества в совершенно обескураживающей обстановке».

Тем не менее 9 января Гудериан в третий раз отправился на прием к Гитлеру. Он взял с собой начальника разведки на Востоке генерала Гелена, который, используя принесенные карты и схемы, пытался объяснить фюреру опасность положения немецких войск накануне ожидаемого наступления русских на севере.

«Гитлер, — вспоминает Гудериан, — окончательно потерял самообладание… заявив, что карты и схемы «абсолютно идиотские», и приказал, чтобы я посадил в сумасшедший дом человека, подготовившего их. Тогда я вспылил и сказал: «Если вы хотите направить генерала Гелена в сумасшедший дом, тогда уж отправляйте и меня с ним заодно».

Гитлер возразил, что на Восточном фронте «еще никогда ранее не было такого сильного резерва, как сейчас», и Гудериан огрызнулся: «Восточный фронт подобен карточному домику. Если его прорвут хотя бы в одном месте, все остальное рухнет».

Так все и произошло. 12 января 1945 года русская группа армий Конева осуществила прорыв на Верхней Висле, южнее Варшавы, и устремилась в Силезию. Армии Жукова форсировали Вислу к северу и югу от Варшавы, которая пала 17 января. Еще севернее две русские армии овладели половиной Восточной Пруссии и двинулись к Данцигскому заливу.

Это было крупнейшее наступление русских за всю войну. Только на Польшу и Восточную Пруссию Сталин бросил 180 дивизий, в основном, как это ни удивительно, танковых. Остановить их было невозможно.

«К 27 января (всего через пятнадцать дней после начала советского наступления) русская приливная волна, — вспоминает Гудериан, — обернулась для нас полной катастрофой». К этому времени Восточная и Западная Пруссия уже были отрезаны от рейха. Именно в этот день Жуков форсировал Одер, продвинувшись за две недели на 220 миль и выйдя на рубежи всего в 100 милях от Берлина. Самые катастрофические последствия имел захват русскими Силезского промышленного бассейна.

30 января, в день двенадцатой годовщины прихода Гитлера к власти, министр производства вооружений Альберт Шпеер представил на имя Гитлера меморандум, подчеркнув значение потери Силезии. «Война проиграна», — начал он свой доклад и далее в бесстрастной и объективной манере объяснил почему. После массированных бомбежек Рура силезские шахты начали поставлять 60 процентов немецкого угля. Для железных дорог, электростанций и заводов остался двухнедельный запас угля. Таким образом, сейчас, после потери Силезии, можно, по словам Шпеера, рассчитывать лишь на одну четвертую часть

угля и одну шестую часть стали от того объема, который она производила в 1944 году. Это предвещало катастрофу в 1945–м.

Фюрер, как вспоминал позднее Гудериан, взглянул на доклад Шпеера, прочитал первую фразу и распорядился положить его в сейф. Он отказался принимать Шпеера наедине, а Гудериану сказал:

«С сегодяшнего дня я никого не буду принимать наедине. Шпеер всегда старается преподнести мне что–нибудь неприятное. Я не выношу этого».

27 января, во второй половине дня, войска Жукова форсировали Одер в 100 милях от Берлина. Событие это вызвало в ставке Гитлера интересную реакцию, которая распространилась и на рейхсканцелярию в Берлине. 25–го Гудериан в отчаянии направился к Риббентропу с настоятельной просьбой попытаться немедленно заключить перемирие на Западе, с тем чтобы все, что осталось от немецких армий, сосредоточить на Востоке против русских. Министр иностранных дел немедленно разболтал об этом фюреру, который в тот же вечер отчитал начальника генштаба, обвинив его в государственной измене.

Однако два дня спустя Гитлер, Геринг и Йодль, потрясенные катастрофой на Востоке, посчитали лишним просить Запад о перемирии, поскольку были уверены, что западные союзники сами прибегут к ним, испугавшись последствий большевистских побед. О том, какая сцена разыгралась в ставке, дает представление сохранившаяся запись совещания 27 января у фюрера.

Гитлер: Вы думаете, англичане в восторге от событий на русском фронте?

Геринг: Они, конечно, не предполагали, что мы будем сдерживать их, пока русские завоюют всю Германию… Они не рассчитывали, что мы как сумасшедшие станем обороняться против них, пока русские будут продвигаться все глубже и глубже в Германию и фактически захватят ее всю…

Йодль: Они всегда относились к русским с подозрением.

Геринг: Если так будет продолжаться, через несколько дней мы получим телеграмму от англичан,

И с этим призрачным шансом главари третьего рейха связали свои надежды.

Весной 1945 года третий рейх быстро приближался к своему концу.

Агония началась в марте. К февралю, когда почти весь Рур лежал в развалинах, а Верхняя Силезия оказалась утрачена, добыча угля составляла одну пятую уровня предыдущего года. Лишь очень немногое из этого количества можно было перевезти, так как англоамериканские бомбардировки вывели из строя железнодорожный и водный транспорт. На совещаниях у Гитлера разговор шел главным образом о нехватке угля. Дениц жаловался на недостаток горючего, из–за чего многие корабли стояли на приколе, а Шпеер спокойно объяснял, что электростанции и предприятия находятся в таком же положении по тем же причинам, Потеря румынских и венгерских нефтяных месторождений и бомбежки заводов синтетического топлива в Германии создали такой острый дефицит бензина, что большая часть крайне необходимых теперь истребителей не поднималась в воздух и уничтожалась на аэродромах авиацией союзников. Многие танковые дивизии бездействовали из–за отсутствия горючего.

Надежды на обещанное «чудо–оружие», которые какое–то время поддерживали народ и солдат и даже таких трезвомыслящих генералов, как Гудериан, в конце концов пришлось оставить. Пусковые установки самолетов–снарядов Фау–1 и ракет Фау–2, нацеленные на Англию, были почти полностью разрушены, когда войска Эйзенхауэра заняли побережье Франции и Бельгии. Осталось всего несколько установок в Голландии. Почти 8 тысяч этих снарядов и ракет были выпущены по Антверпену и другим военным объектам после того, как англо–американские войска вышли к границам Германии, но ущерб, причиненный ими, оказался незначителен.

Гитлер и Геринг рассчитывали, что новые реактивные истребители добьются превосходства в воздухе над союзной авиацией, и они бы этого добились, поскольку немцам удалось произвести их более тысячи, если бы англо–американские летчики, у которых не

было таких самолетов, не предприняли успешных контрдействий. Обычные винтовые истребители союзников не могли противостоять немецким реактивным истребителям, но подняться в воздух удалось лишь немногим из них. Нефтеочистительные заводы, производившие специальное горючее, были разбомблены, а удлиненные взлетные полосы, строившиеся для них, легко обнаруживали союзные летчики, которые уничтожили реактивные самолеты на земле.

Гросс–адмирал Дениц когда–то обещал фюреру, что новые подводные лодки с электродвигателями произведут чудеса на море, вновь нарушат англо–американские жизненно важные коммуникации в Северной Атлантике. Но к середине февраля 1945 года лишь две из 126 новых, введенных в строй подводных лодок смогли выйти в море.

Что касается проекта немецкой атомной бомбы, который причинил столько беспокойства Лондону и Вашингтону, то он продвинулся недалеко, поскольку не вызывал большого интереса у Гитлера и поскольку Гиммлер имел обыкновение арестовывать ученых–атомщиков по подозрению в нелояльности или отрывал их для проведения увлекавших его нелепых «научных» экспериментов, которые он считал гораздо более важными. К концу 1944 года правительство Англии и США с большим облегчением узнали, что немцы не смогут создать атомную бомбу и применить ее в этой войне[273].

8 февраля армии Эйзенхауэра, насчитывавшие к этому времени 85 дивизий, начали сосредоточиваться на Рейне. Союзники считали, что немцы будут вести лишь сдерживающие действия и беречь силы, укрывшись за мощной водной преградой, какую представляла собой эта широкая и быстрая река. И Рундштедт это предлагал. Но в данном случае, как и ранее, Гитлер даже слышать не хотел об отходе. Это бы означало, сказал он Рундштедту, «перенести катастрофу с одного места на другое». Поэтому по настоянию Гитлера немецкие армии продолжали вести боевые действия на занимаемых позициях. Однако длилось это недолго. К концу месяца англичане и американцы вышли к Рейну в нескольких местах севернее Дюссельдорфа, а через две недели они уже прочно удерживали левый берег к северу от Мозеля. При этом немцы потеряли еще 350 тысяч человек убитыми, ранеными или захваченными в плен (число пленных достигло 293 тысяч), а также основную часть вооружения и техники.

Гитлер был в бешенстве. 10 марта он отстранил Рундштедта (в последний раз), заменив его фельдмаршалом Кессельрингом, который так долго и упорно сопротивлялся в Италии. Еще в феврале фюрер в припадке гнева счел необходимым денонсировать Женевскую конвенцию, чтобы, как он заявил на совещании 19 февраля, «заставить противника понять, что мы полны решимости драться за наше существование всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами». Предпринять этот шаг ему настоятельно советовал д–р Геббельс, кровожадный тип, предложивший немедленно, без суда и следствия провести массовые расстрелы пленных летчиков в порядке ответных репрессий за ужасные бомбардировки немецких городов. Когда некоторые из присутствовавших офицеров привели юридические доводы против такого шага, Гитлер злобно оборвал их:

«К черту… Если я дам ясно понять, что не намерен церемониться с вражескими пленными, что с ними будут обращаться, не считаясь ни с их правами, ни с возможными репрессиями против нас самих, то многие (немцы) подумают дважды, прежде чем дезертировать». Это заявление стало одним из первых свидетельств, показавших его приспешникам, что Гитлер, чья миссия в качестве завоевателя мира провалилась, готов ринуться в пропасть, как Вотан в Вальхаллу, увлекая за собой не только врагов, но и собственный народ. В заключение совещания он потребовал, чтобы адмирал Дениц рассмотрел все «за» и «против» в связи с этим шагом и доложил ему в кратчайший срок.

---

[273] Как они об этом узнали — захватывающая история, но слишком длинная, чтобы приводить ее здесь. О ней поведал в своей книге «Алсос» профессор Самуэль Гоудсмит. «Алсос» — кодовое наименование группы американских ученых, которую он возглавлял и которая следовала за армиями Эйзенхауэра во время их похода в Западную Европу. — Прим. авт.

Дениц, что было характерно для него, прибыл с ответом на следующий день.

«Негативные последствия перевесят позитивные… В любом случае было бы лучше соблюсти приличия, хотя бы внешние, и осуществить меры, которые мы считаем необходимыми, не объявляя об этом заранее».

Гитлер неохотно согласился, и хотя поголовного истребления пленных летчиков или других военнопленных, кроме русских, как мы убедились, не последовало, нескольких все же убили, а гражданское население подстрекали линчевать приземлявшиеся на парашютах экипажи самолетов союзников. Один пленный французский генерал (Месни) был умышленно убит по приказу Гитлера, а большое число военнопленных союзных армий погибло, когда их насильственно перегоняли на большие расстояния без воды и пищи. Эти длительные марши они совершали по дорогам, подвергавшимся налетам английских, американских и русских самолетов. Перегоняли их в глубь страны, чтобы не допустить освобождения наступавшими войсками союзников. Стремление Гитлера заставить немецких солдат подумать дважды, прежде чем дезертировать, имело свои основания. На Западе число дезертиров или по меньшей мере тех, кто сдавался при первой возможности, сразу после начала англо–американского наступления стало ошеломляющим. 12 февраля Кейтель отдал от имени фюрера приказ о том, что любой солдат, который обманным путем раздобудет увольнительную записку, получит отпуск или совершит поездку по подложным документам, будет «наказываться смертью». А 5 марта генерал Бласковиц, командующий группой армий «Х» на Западе, отдал такой приказ:

«Все солдаты… обнаруженные за пределами своих частей… а также все заявляющие, что они отстали и разыскивают свои части, будут немедленно отданы под трибунал и расстреляны».

12 апреля Гиммлер внес свою лепту в этот приказ, объявив, что командир, не сумевший удержать город или важный узел коммуникаций, будет расстрелян. Приказ тут же был приведен в исполнение по отношению к нескольким офицерам, которые не сумели удержать один из мостов через Рейн.

Во второй половине дня 7 марта передовые подразделения американской 9–й танковой дивизии достигли высот у города Ремаген, в 25 милях севернее Кобленца. К удивлению американских танкистов, железнодорожный мост Людендорфа не был разрушен. Они быстро спустились по склонам к воде. Саперы торопливо перерезали любой попадавшийся провод, который мог вести к заложенной мине. По мосту устремился взвод пехотинцев. Когда они подбегали к правому берегу последовал один взрыв, затем другой. Мост тряхнуло, но он не рухнул. Немногочисленная группа немцев, прикрывавшая его на том берегу, была быстро отброшена. Танки устремились вперед через пролеты моста. К вечеру американцы создали прочный плацдарм на правом берегу Рейна. Последний серьезный естественный рубеж на пути в Западную Германию был преодолен[274].

Через несколько дней, поздним вечером 22 марта, 3–я армия Паттона, преодолев Саар–Палатинатский треугольник, в ходе блестящей операции во взаимодействии с американской 7–й и французской 1–й армиями организовала еще одну переправу через Рейн у Оппенхайма, к югу от Майнца. К 25 марта англо–американские армии вышли на левый берег реки на всем ее протяжении, создав в двух местах на правом берегу укрепленные плацдармы. За полтора месяца Гитлер потерял на Западе более трети своих сия и большую часть вооружения, достаточного для оснащения полумиллиона человек.

В 2.30 ночи 24 марта в своей ставке в Берлине он созвал военный совет, чтобы решить, что же предпринять дальше.

Гитлер: Я считаю, что второй плацдарм в Оппенхапме представляет собой величайшую

---

[274] Гитлер приказал расстрелять восемь немецких офицеров, которые командовали немногочисленными силами, прикрывавшими ремагенский мост. Их судил учрежденный фюрером специальный подвижный трибунал Западного фронта под председательством фанатичного нацистского генерала по фамилии Хюбнер. Прим. авт.

опасность.

Хевелъ (представитель МИД): Рейн там не слишком широк.

Гитлер: Добрых двести пятьдесят метров. Но на речном рубеже достаточно уснуть лишь одному человеку, чтобы случилась страшная беда.

Верховный главнокомандующий поинтересовался, «нет ли там бригады или чего–либо подобного, что можно было бы туда послать». Ответил адъютант:

«В настоящее время в наличии нет ни одной части, которую можно было бы направить в Оппенхайм. В военном городке на Сене имеется только пять противотанковых установок, которые будут готовы сегодня или завтра. Их можно ввести в бой через несколько дней…»

Несколько дней! К этому времени Паттон уже создал в Оппен–хайме плацдарм семь миль шириной и шесть глубиной, а его танки устремились на восток к Франкфурту. И показателем того трудного положения, в каком оказалась некогда мощная немецкая армия, чьи хваленые танковые корпуса в былые годы рассекали Европу из конца в конец, явилось то, что сам верховный главнокомандующий был вынужден заниматься пятью подбитыми противотанковыми установками, которые можно было заполучить и ввести в бой лишь через несколько дней, чтобы остановить наступление мощной танковой армии противника[275].

Теперь, к началу третьей недели марта, когда американцы находились уже на той стороне Рейна, а мощная союзная армия англичан, канадцев и американцев под командованием Монтгомери изготовилась форсировать Нижний Рейн и устремиться на северонемецкую равнину и Рур, что они и осуществили в ночь на 23 марта, мстительный Гитлер обрушился на собственный народ. Народ поддерживал его в годы величайших в немецкой истории побед. Теперь, в годину испытаний, фюрер не считал более народ достойным его, Гитлера, величия. «Если германскому народу суждено потерпеть поражение в борьбе, — заявил он в речи, обращенной к гаулейтерам в августе 1944 года, — то он, очевидно, слишком слаб: он не смог доказать свою храбрость перед историей и обречен лишь на уничтожение». Фюрер быстро превращался в развалину, и это еще больше отравляло его суждения. Напряжение, которого требовало руководство войной, потрясения, вызванные поражениями, нездоровый образ жизни без свежего воздуха и движения в подземных штабных бункерах, которые он редко покидал, неспособность сдерживать все чаще повторявшиеся вспышки гнева и не в последнюю очередь вредные лекарства, которые он принимал каждый день по настоянию своего врача — шарлатана Морелля, подорвали его здоровье еще до взрыва 20 июля 1944 года. Во время взрыва у него лопнули барабанные перепонки в обоих ушах, что усугубило приступы головокружения. После взрыва доктора порекомендовали ему продолжительный отдых, но он отказался. «Если я покину Восточную Пруссию, — говорил он Кейтелю, — она падет. Пока я здесь, она будет держаться».

В сентябре 1944 года у него случился нервный срыв, сопровождавшийся упадком сил, и он слег, но к ноябрю поправился и вернулся в Берлин. Однако теперь он уже не мог сдерживать свой гнев. По мере того как вести с фронтов становились все хуже и хуже, его все чаще и чаще охватывала истерия. Это неизменно сопровождалось дрожью в руках и ногах, которую он не мог унять. Несколько описаний таких моментов оставил генерал

---

[275] Стенограмма военного совета, состоявшегося у фюрера 23 марта, последняя из числа относительно неповрежденных огнем. По ней можно судить о действиях обезумевшего фюрера и его одержимости ничтожными деталями в момент, когда начали рушиться стены. Битый час он обсуждал предложение Геббельса использовать широкий проспект в берлинском Тиргартене в качестве взлетно–посадочной полосы. Он распространялся о непрочности немецкого бетона, не выдерживающего бомбежек. Значительная часть времени была потрачена на обсуждение вопроса, где собрать по крохам войска. Один из генералов упомянул об индийском легионе.

Гитлер заявил: «Индийский легион — это несерьезно. Есть индусы, неспособные убить даже вошь. Они скорее позволят съесть себя. Они не способны также убить англичанина. Я считаю нелепостью направлять их сражаться против англичан… Если бы мы использовали индусов для вращения молитвенных барабанов или чего–либо в этом роде, они были бы самыми неутомимыми тружениками в мире…» И так до глубокой ночи. Разошлись в 03.43. — Прим. авт.

Гудериан. В конце января, когда русские вышли на Одер всего в 100 милях от Берлина и начальник генерального штаба потребовал эвакуировать морем несколько дивизий, отрезанных в Прибалтике, Гитлер в гневе накинулся на него.

«Он стоял передо мной и грозил мне грясущимися кулаками. Мой добрый начальник штаба Томалс счел нужным схватить меня за фалды кителя и оттащить назад, чтобы я не стал жертвой физического воздействия».

По воспоминаниям Гудериана, несколько дней спустя, 13 февраля 1945 года, из–за обстановки на русском фронте произошла еще одна стычка, продолжавшаяся два часа.

«Передо мной стоял человек с поднятыми кулаками и багровыми от гнева щеками, дрожавший всем телом… и потерявший всякий контроль над собой. После каждого взрыва негодования Гитлер ходил длинными шагами вдоль края ковра, затем внезапно останавливался передо мной и бросал мне в лицо новую порцию негодующих обвинений. Он почти визжал, казалось, его глаза вот–вот вылезут из орбит, а вздувшиеся на висках вены лопнут».

И в таком состоянии, душевном и физическом, немецкий фюрер принял одно из последних важных государственных решений. 19 марта он подписал директиву о том, что все военные, промышленные, транспортные объекты и объекты связи, как и все материальные ресурсы Германии, должны быть уничтожены, дабы не попасть в руки врага. Исполнение возлагалось на военных совместно с нацистскими гаулейтерами и комиссарами обороны. Директива заканчивалась словами: «Все распоряжения, противоречащие настоящему приказу, недействительны».

Германию собирались превратить в обширную пустыню. Ничего не следовало оставлять из того, что могло бы помочь немецкому народу как–то пережить свое поражение.

Откровенный и прямой Альберт Шпеер, министр вооружений и военного производства, предвидел эту варварскую директиву, исходя из предшествующих встреч с Гитлером. 15 марта он составил памятную записку, в которой решительно выступил против этого преступного шага и подтвердил, что война проиграна. Вечером 18 марта он представил ее фюреру.

«Полного крушения немецкой экономики, — писал Шпеер, — следует со всей определенностью ожидать в ближайшие четыре — восемь недель… После этого краха продолжать войну военными средствами станет невозможно… Мы должны предпринять все, чтобы до конца сохранять, пусть даже самым примитивным образом, основу для существования нации… На этом этапе войны мы не имеем права производить разрушения, которые могут отразиться на жизни народа. Если враги хотят уничтожить нашу нацию, которая сражалась с непостижимой храбростью, тогда пусть этот исторический позор полностью ляжет на них. Наш долг — сохранить для нации любую возможность возрождения в отдаленном будущем…»

Но Гитлер, решив свою собственную судьбу, отныне не интересовался дальнейшим существованием немецкого народа, к которому всегда выражал такую безграничную любовь. И он сказал Шпееру:

«Если война будет проиграна, нация также погибнет. Это ее неизбежный удел. Нет необходимости заниматься основой, которая потребуется народу, чтобы продолжать самое примитивное существование. Напротив, будет гораздо лучше уничтожить все эти вещи нашими же руками, потому что немецкая нация лишь докажет, что она слабее, а будущее будет принадлежать более сильной восточной нации (России). Кроме того, после битвы уцелеют только неполноценные люди, ибо все полноценные будут перебиты».

На следующий день верховный главнокомандующий открыто провозгласил свою позорную доктрину «выжженной земли». 23 марта появился на свет в равной мере чудовищный приказ Мартина Бормана, человека–крота, первого среди сатрапов Гитлера, с которым в настоящее время никто не мог сравниться по положению. Шпеер так описал это на Нюрнбергском процессе:

«Декретом Бормана предусматривалось сосредоточение всего населения с Запада и с

Востока, включая иностранных рабочих и военнопленных, в центре рейха. К месту сбора миллионы людей должны были двигаться пешком. Никакого обеспечения продуктами питания и предметами первой необходимости ввиду сложившейся обстановки не предусматривалось. Условия движения не позволяли взять что–либо с собой. Результатом всего этого мог стать страшный голод, последствия которого трудно представить».

И если бы все прочие приказы Гитлера и Бормана — а было издано еще немало дополнительных директив — исполнялись, миллионы немцев, остававшихся к тому времени в живых, наверняка погибли бы. Свидетельствуя на Нюрнбергском процессе, Шпеер попытался обобщить различные приказы и распоряжения, требовавшие превращения рейха в «выжженную землю».

Уничтожению, по его словам, подлежали: все промышленные предприятия, все важные источники и средства передачи электроэнергии, водопроводы, газовые сети, продовольственные и вещевые склады; все мосты, все водные пути, корабли и суда, все грузовые автомобили и все локомотивы.

Приближался конец и немецкой армии.

Пока англо–канадские армии фельдмаршала Монтгомери форсировали в последнюю неделю марта Нижний Рейн, продвигались в северо–восточном направлении к Бремену, Гамбургу и Балтийскому побережью в районе Любека, американские 9–я армия генерала Симпсона и 1–я армия генерала Ходжеса быстро охватывали Рур соответственно с севера и с юга, 1 апреля они соединились у Липпштадта. Группа армий «Б» под командованием фельдмаршала Моделя, состоявшая из 15–й и 5–й танковых армий, насчитывавших примерно 21 дивизию, была загнана в ловушку среди развалин крупнейшего промышленного района Германии. Она продержалась 18 дней и 18 апреля сдалась. В плену оказалось еще 325 тысяч немцев, в том числе 30 генералов. Моделя среди них не было. Он предпочел застрелиться.

Окружение армий Моделя в Руре оголило немецкий фронт на большом протяжении на Западе. В образовавшуюся брешь шириной 200 миль двинулись американские 9–я и 1–я армии, высвободившиеся в Руре. Отсюда они устремились к Эльбе, к самому сердцу Германии. Открылась дорога на Берлин, поскольку в промежутке между этими двумя американскими армиями и немецкой столицей находилось всего несколько беспорядочно разбросанных, дезорганизованных немецких дивизий. Вечером 11 апреля, преодолев с рассвета около 60 миль, передовые части 9–й армии достигли Эльбы у Магдебурга, а на следующий день организовали на другом берегу предмостный плацдарм. Американцы находились всего в 60 километрах от Берлина.

Цель Эйзенхауэра теперь состояла в том, чтобы расколоть Германию надвое, соединившись с русскими на Эльбе, между Магдебургом и Дрезденом. Несмотря на резкую критику со стороны Черчилля и английского военного руководства за то, что не взяли Берлин раньше русских, хотя легко могли это сделать, Эйзенхауэр и его штаб работали как одержимые над решением неотложной задачи. Теперь, после соединения с русскими, необходимо было немедленно двинуться на юго–восток, чтобы овладеть так называемой Национальной крепостью, где в труднопроходимых Альпийских горах Южной Баварии и Западной Австрии Гитлер собирал на последнем рубеже обороны оставшиеся силы.

«Национальная крепость» была миражом. Ее никогда не существовало, кроме как в пропагандистских тирадах д–ра Геббельса и в головах сверхосторожных штабистов Эйзенхауэра, которые клюнули на эту удочку. Еще 11 марта разведка штаба верховного командования союзных экспедиционных сил предупредила Эйзенхауэра, что нацисты планируют создать в горах неприступную крепость и что Гитлер будет лично руководить ее обороной из своего убежища в Берхтесгадене. По сообщениям разведки, покрытые льдом горные утесы были практически непроходимы.

«Здесь, — утверждала разведывательная сводка, — под прикрытием естественных оборонительных препятствий, усиленных самым эффективным секретным оружием из когда–либо созданного человеком, уцелевшие силы, которые до сих пор руководили

Германией, положат начало ее возрождению; здесь на заводах, расположенных в бомбоубежищах, будет изготовляться оружие; здесь в обширных подземных нишах будет храниться продовольствие и снаряжение, а специально сформированный корпус из молодых людей будет обучаться ведению партизанской войны, с тем чтобы целая подпольная армия могла быть подготовлена и направлена на освобождение Германии от оккупировавших ее сил».

Казалось, в разведывательное управление штаба верховного союзного командования проникли английские и американские мастера детективных романов. Во всяком случае, эти фантастические измышления всерьез восприняли в штабе союзных экспедиционных сил, где начальник штаба Эйзенхауэра генерал Беделл Смит ломал голову над ужасной возможностью «затяжной кампании в альпийских районах», что повлекло бы огромные людские потери и привело бы к затягиванию войны на неопределенный срок[276]. Еще раз — уже в последний — изобретательному д–ру Геббельсу удалось повлиять посредством пропагандистского блефа на ход военных операций. И хотя Адольф Гитлер вначале допускал возможность отступления в австро–баварские Альпы, чтобы укрыться и дать последний бой в горах, близ которых он родился, где провел немало часов своей жизни, где на горном курорте Оберзальцберг, за Берхтесгаденом, он построил дом, который мог назвать своим, он долго колебался, пока не стало слишком поздно.

16 апреля — в день, когда американские войска вошли в Нюрнберг, город громогласных сборищ нацистской партии, русские армии Жукова устремились вперед с плацдарма на Одере и 21 апреля вышли к пригородам Берлина. Вена пала еще 13 апреля. В 16.40 25 апреля передовые дозоры американской 69–й пехотной дивизии встретились с передовыми частями русской 58–й гвардейской дивизии в Торгау на Эльбе, примерно в 75 милях к югу от Берлина. Между Северной и Южной Германией был вбит клин, и Гитлер оказался отрезан в Берлине. Дни третьего рейха были сочтены.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Гитлер планировал покинуть Берлин и направиться в Оберзальцберг 20 апреля, в день, когда ему исполнялось 56 лет, чтобы оттуда, из легендарной горной твердыни Фридриха Барбароссы, руководить последней битвой третьего рейха. Большинство министерств уже переехали на юг, переправив туда в переполненных грузовиках государственные документы и охваченных паникой чиновников, отчаянно стремившихся вырваться из обреченного Берлина. Десятью днями ранее Гитлер отправил в Берхтесгаден большую часть домашней прислуги, чтобы она могла подготовить к его приезду расположенную в горах виллу Бергхоф.

Однако судьба распорядилась иначе и он уже больше не увидел своего излюбленного пристанища в Альпах. Конец приближался гораздо быстрее, чем рассчитывал фюрер. Американцы и русские стремительно продвигались к месту встречи на Эльбе. Англичане стояли у ворот Гамбурга и Бремена, угрожая отрезать Германию от оккупированной Дании. В Италии пала Болонья, и союзные войска под командованием Александера вступили в долину реки По. Овладев 13 апреля Веной, русские продолжали продвигаться вверх по Дунаю, а навстречу им вниз по реке шла американская 3–я армия. Они встретились в Линце,

---

[276] «Лишь по окончании всей кампании, — писал позднее генерал Омар Брэдли, — мы поняли, что эта крепость существовала в воображении нескольких фанатичных нацистов. Она превратилась в такое пугало, что я просто поражаюсь, как мы могли столь наивно поверить в ее существование. Но пока оно существовало, легенда о крепости была слишком зловещей угрозой, чтобы ею пренебрегать, и в результате в последние недели войны мы не могли не учитывать ее в своих оперативных планах» (Брэдли О. Записки солдата, с. 536). «Превеликое множество всего было написано об Альпийской крепости, — заметил с усмешкой фельдмаршал Кессельринг после войны, — и в основном чепухи» (Кессельринг. Послужной список солдата, с. 276). — Прим. авт.

родном городе Гитлера. Нюрнберг, на площадях и стадионах которого на протяжении всей войны проходили демонстрации и митинги, что должно было означать превращение этого древнего города в столицу нацизма, теперь был осажден, а части американской 7–й армии обошли его и двинулись на Мюнхен — родину нацистского движения. В Берлине уже слышался гром русской тяжелой артиллерии.

«В течение недели, — отмечал в своем дневнике за 23 апреля граф Шверин фон Крозиг, легкомысленный министр финансов, стремглав бежавший из Берлина на север при первом же сообщении о приближении большевиков, — не произошло никаких событий, лишь нескончаемым потоком прибывали посланцы Иова[277]. Судя по всему, нашему народу уготована страшная судьба».

В последний раз Гитлер выехал из своей ставки в Растенбурге еще 20 ноября, поскольку приближались русские, и с тех пор до 10 декабря пребывал в Берлине, который почти не видел с начала войны на Востоке. Затем он направился в свою западную ставку в Цигенберге, расположенную близ Бад–Наухайма, чтобы руководить колоссальной авантюрой в Арденнах. После ее провала он вернулся 16 января в Берлин, где и оставался до конца. Отсюда он руководил своими разваливавшимися армиями. Его ставка размещалась в бункере, расположенном на глубине 15 метров под имперской канцелярией, огромные мраморные залы которой превратились в руины в результате воздушных налетов союзников.

Физически он заметно деградировал. Молодой армейский капитан, впервые увидевший фюрера в феврале, позднее так описывал его внешность:

«Голова у него слегка тряслась. Его левая рука висела плетью, а кисть дрожала. Глаза сверкали непередаваемым лихорадочным блеском, вызывая страх и какое–то странное оцепенение. Его лицо и мешки под глазами создавали впечатление полного истощения. Все движения выдавали в нем дряхлого старика».

С момента покушения на его жизнь 20 июля он перестал кому–либо доверяться даже старым соратникам по партии. «Мне лгут со всех сторон», возмущенно говорил он в марте одной из своих секретарш.

«Я ни на кого не могу положиться. Меня кругом предают. От всего этого меня просто тошнит… Если со мной что–нибудь случится, Германия останется без вождя. У меня нет преемника. Гесс — сумасшедший, Геринг несимпатичен народу, Гиммлера отвергнет партия, кроме того, он совсем неартистичен. Поломайте себе голову и скажите, кто может стать моим преемником».

Казалось, на данном историческом отрезке времени вопрос о преемнике чисто отвлеченный, однако это было не так, да иначе и быть не могло в безумной стране нацизма. Не только фюрер мучился этим вопросом, но и, как мы вскоре убедимся, ведущие кандидаты в его преемники.

Хотя физически Гитлер был уже полной развалиной и стоял перед лицом надвигающейся катастрофы, по мере того как русские продвигались к Берлину, а союзники опустошали рейх, он и его наиболее фанатичные приспешники, прежде всего Геббельс, упрямо верили, что в последний момент их спасет чудо.

Однажды, чудесным вечером в начале апреля, Геббельс читал Гитлеру вслух его любимую книгу «История Фридриха II» Карлейля. В главе рассказывалось о мрачных днях Семилетней войны, когда великий король почувствовал приближение гибели и сказал своим министрам, что если до 15 февраля в его судьбе не произойдет поворота к лучшему, то он сдастся и примет яд. Этот исторический эпизод, безусловно, вызывал ассоциации, а Геббельс, естественно, читал это место с особым, присущим ему драматизмом…

«Наш храбрый король! — продолжал чтение Геббельс. — Подожди еще немного, и дни твоих страданий останутся позади. Солнце твоей счастливой судьбы уже появилось на небе и скоро взойдет над тобой». Умерла царица Елизавета, и для Бранденбургской династии

---

[277] По библейским сказаниям, вестники беды. — Прим. ред.

свершилось чудо».

Геббельс рассказывал Крозигу, из дневника которого мы узнали об этой трогательной сцене, что глаза фюрера наполнились слезами. Получив такую моральную поддержку, да еще из английского источника, они потребовали принести им два гороскопа, хранившиеся в материалах одного из многочисленных «научно–исследовательских» отделов Гиммлера. Один гороскоп был составлен для фюрера 30 января 1933 года, в день его прихода к власти, другой — был составлен известным астрологом 9 ноября 1918 года, в день рождения Веймарской республики. Геббельс сообщил позднее Крозигу результат повторного изучения этих удивительных документов.

«Был обнаружен поразительный факт — оба гороскопа предсказали начало войны в 1939 году и победы до 1941 года, а также последующую серию поражений, при этом наиболее тяжкие удары должны были обрушиться в первые месяцы 1945 года, особенно в первой половине апреля. Во второй половине апреля нас ожидает временный успех. Затем воцарится затишье до августа и тогда же наступит мир. В течение последующих трех лет Германии предстоит пережить тяжелые времена, но с 1948 года она вновь начнет возрождаться».

Ободренный Карлейлем и поразительными предсказаниями звезд, Геббельс обратился 6 апреля с призывом к отступающим войскам:

«Фюрер заявил, что уже в этом году должна наступить перемена в судьбе… Истинная сущность гения — это предвидение и твердая уверенность в предстоящих переменах. Фюрер знает точный час их наступления. Судьба послала нам этого человека, чтобы мы в час великих внутренних и внешних потрясений стали свидетелями чуда…»

Едва минула неделя, как в ночь на 12 апреля Геббельс убедил себя, что час чуда настал. В этот день пришли новые недобрые вести. Американцы появились на автостраде Дессау — Берлин, и верховное командование поспешно отдало приказ об уничтожении двух последних пороховых заводов, расположенных поблизости от нее. Отныне немецким солдатам придется обходиться боеприпасами, которые имелись у них в наличии. Весь день Геббельс провел при штабе генерала Буссе в Кюстрине на одерском направлении. Как рассказывал Геббельс Крозигу, генерал заверил его, что прорыв русских невозможен, что он «будет держаться здесь, пока не получит от англичан пинка в зад».

«Вечером они сидели вместе с генералом в штабе, и он, Геббельс, развивал свой тезис, что согласно исторической логике и справедливости ход событий должен измениться, как это чудесным образом произошло в Семилетней войне с Бранденбургской династией.

«А какая царица умрет на этот раз?» — спросил генерал. Геббельс не знал. «Но судьба, — ответил он, — располагает многими возможностями».

Когда поздно вечером министр пропаганды возвратился в Берлин, центр столицы полыхал в огне после очередного налета английской авиации. Пожаром были охвачены уцелевшая часть здания канцелярии и отель «Адлон» на Вильгельмштрассе. У входа в министерство пропаганды Геббельса приветствовал секретарь, сообщивший ему срочную новость: «Рузвельт умер». Лицо министра засветилось в отблесках пожара, охватившего здание канцелярии на противоположной стороне Вильгельмштрассе, и это увидели все. «Принесите лучшего шампанского, — воскликнул Геббельс, — и соедините меня с фюрером». Гитлер пережидал бомбежку в подземном бункере. Он подошел к телефону.

«Мой фюрер! — воскликнул Геббельс. — Я поздравляю вас! Рузвельт умер! Звезды предрекли, что вторая половина апреля станет для нас поворотным моментом. Сегодня пятница, 13 апреля. (Было уже за полночь.) Это и есть поворотный момент!» Реакция Гитлера на эту новость в документах не зафиксирована, хотя ее нетрудно представить, учитывая воодушевление, которое он черпал у Карлейля и в гороскопах. Свидетельства же реакции Геббельса сохранились. По словам его секретаря, «он впал в экстаз». Его чувства разделял и известный нам граф Шверин фон Крозиг. Когда статс–секретарь Геббельса сообщил ему по телефону, что Рузвельт умер, Крозиг, если верить записи в его дневнике, воскликнул:

«Это снизошел ангел истории! Мы ощущаем трепет его крыльев вокруг нас. Разве это не есть дар судьбы, которого мы ждали с таким нетерпением?!»

На следующее утро Крозиг позвонил Геббельсу, передал ему свои поздравления, о чем он с гордостью записал в дневнике, и, очевидно, не считая это достаточным, направил письмо, в котором приветствовал смерть Рузвельта. «Божий суд… Божий дар…» — так писал он в письме. Министры правительства вроде Крозига и Геббельса, получившие образование в старейших университетах Европы и долго находившиеся у власти, хватались за предсказания звезд и бурно радовались смерти американского президента, считая ее верным признаком того, что теперь, в последнюю минуту, всевышний спасет третий рейх от неизбежной катастрофы. И в этой атмосфере сумасшедшего дома, каким представлялась охваченная пламенем пожаров столица, разыгрывался последний акт трагедии вплоть до того момента, когда должен был упасть занавес.

Ева Браун приехала в Берлин, чтобы присоединиться к Гитлеру, 15 апреля. Лишь очень немногие немцы знали о ее существовании и мало кто — о ее отношениях с Гитлером. Более двенадцати лет она была его любовницей. Теперь, в апреле, она приехала, как утверждает Тревор–Роупер, на свою свадьбу и церемониальную смерть.

Ее роль в последней главе этой повести довольно любопытна, но как личность она не представляет особого интереса. Она не была ни маркизой Помпадур, ни Лолой Монтес[278].

Дочь небогатых баварских бюргеров, которые поначалу решительно возражали против ее связи с Гитлером, хотя тот и был диктатором, она служила в мюнхенской фотографии Генриха Гофмана, который и познакомил ее с фюрером. Это произошло спустя год или два после самоубийства Гели Раубал, племянницы Гитлера, к которой, единственной в своей жизни, он, очевидно, питал страстную любовь. Еву Браун ее любовник тоже доводил до отчаяния, правда по иной причине, чем Гели Раубал. Ева Браун, хотя ей и отвели просторные апартаменты на альпийской вилле Гитлера, плохо переносила длительную разлуку с ним и в первые годы их дружбы дважды пыталась покончить с собой. Но постепенно она смирилась со своей непонятной ролью — не жена, не любовница.

Последнее важное решение Гитлера

День рождения Гитлера, 20 апреля, прошел достаточно спокойно, хотя генерал Карл Коллер, начальник штаба ВВС, присутствовавший на праздновании в бункере, отметил его в своем дневнике как день новых катастроф на быстро разваливавшихся фронтах. В бункере находились нацисты старой гвардии Геринг, Геббельс, Гиммлер, Риббентроп и Борман, а также уцелевшие военачальники — Дениц, Кейтель, Йодль и Кребс — и новый начальник генерального штаба сухопутных войск. Он поздравил фюрера с днем рождения.

Верховный главнокомандующий не был, как обычно, мрачен, несмотря на сложившуюся обстановку. Он все еще верил, как он заявил за три дня до этого своим генералам, что на подступах к Берлину русские потерпят самое жестокое поражение из всех, какие они терпели до сих пор. Однако генералы были не столь глупы и на военном совещании, состоявшемся после праздничной церемонии, стали убеждать Гитлера покинуть Берлин и двинуться на юг. «Через день или два, — объясняли они, — русские перережут последний на этом направлении коридор для отхода». Гитлер колебался. Он не сказал ни да, ни нет. Очевидно, он никак не мог осознать тот устрашающий факт, что столица третьего рейха вот–вот будет захвачена русскими, армии которых, как он уверял много лет назад, «полностью уничтожены». В качестве уступки генералам он согласился сформировать два отдельных командования на случай, если американцы и русские соединятся на Эльбе. Тогда

---

[278] «Историков Ева Браун явно разочарует», — сказал Шпеер Тревор–Роуперу, а историк добавил: «И любителей истории тоже» (Тревор–Роупер. Последние дни Гитлера, с. 92). — Прим. авт.

адмирал Дениц возглавит северное командование, а Кессельринг — южное. В пригодности кандидатуры последнего на этот пост фюрер не был вполне уверен.

В этот вечер началось массовое бегство из Берлина. Два самых доверенных лица и испытанных сподвижника — Гиммлер и Геринг оказались в числе покидавших столицу. Геринг уходил с колонной автомобилей и грузовиков, доверху набитых трофеями и имуществом из его сказочно богатого поместья Каринхалле. Каждый из этих нацистов старой гвардии покидал Берлин в уверенности, что любимого фюрера скоро не станет и именно он придет ему на смену.

Им не довелось увидеть его снова, как, впрочем, и Риббентропу, который в тот же день, поздно вечером, поспешил в места более безопасные.

Но Гитлер все еще не сдавался. На другой день после своего рождения он приказал генералу войск СС Феликсу Штейнеру нанести контрудар по русским в районе южнее пригорода Берлина. Предполагалось бросить в бой всех солдат, каких только можно обнаружить в Берлине и его окрестностях, в том числе и из наземных служб люфтваффе.

«Каждый командир, который уклонится от выполнения приказа и не бросит в бой свои войска, — кричал Гитлер на генерала Кол–лера, оставшегося за командующего ВВС, — поплатится жизнью в течение пяти часов. Вы лично головой отвечаете за то, чтобы все до последнего солдата были брошены в бой».

Весь этот день и большую часть следующего Гитлер нетерпеливо ждал результатов контрудара Штейнера. Но не было предпринято даже попытки, чтобы провести его, поскольку существовал он лишь в воспаленном мозгу отчаявшегося диктатора. Когда же до него наконец дошел смысл происходящего, разразилась буря.

22 апреля обозначился последний поворот на пути Гитлера к краху. С раннего утра до 3 часов пополудни, как и предыдущий день, он сидел на телефоне и пытался выяснить на различных КП, как развивается контрудар Штейиера. Никто ничего не знал. Ни самолеты генерала Коллера, ни командиры наземных частей обнаружить его не сумели, хотя предположительно он должен был наноситься в двух–трех километрах к югу от столицы. Даже Штейнера, хотя он–то существовал, невозможно было обнаружить, не говоря о его армии.

Буря разразилась на дневном совещании, состоявшемся в 3 часа в бункере Разозленный Гитлер потребовал доклада о действиях Штейнера. Но ни у Кейтеля, ни у Йодля, ни у кого другого сведений на этот счет не было. У генералов имелись новости совсем иного свойства. Отвод войск с позиций севернее Берлина для поддержки Штейнера настолько ослабил там фронт, что это привело к прорыву русских, танки которых пересекли черту города.

Для верховного главнокомандующего это оказалось слишком. Все оставшиеся в живых свидетельствуют, что он полностью потерял контроль над собой. Так он еще никогда не бесновался. «Это конец, — пронзительно завизжал он. — Все меня покинули. Кругом измена, ложь, продажность, трусость. Все, кончено. Прекрасно. Я остаюсь в Берлине. Я лично возьму на себя руководство обороной столицы третьего рейха. Остальные могут убираться куда хотят. Здесь я и встречу свой конец».

Присутствовавшие запротестовали. Они говорили, что еще есть надежда, если фюрер отступит на юг. В Чехословакии сосредоточены группа армий фельдмаршала Фердинанда Шернера и значительные силы Кессельринга. Дениц, который выехал на северо–запад принять командование войсками, и Гиммлер, который, как мы убедимся, по–прежнему вел собственную игру, звонили фюреру, убеждая его покинуть Берлин. Даже Риббентроп связался с ним по телефону и сообщил, что готов организовать «дипломатический переворот», который все спасет. Но Гитлер уже никому из них не верил, даже «второму Бисмарку», как однажды в минуту расположения он, не подумав, назвал своего министра иностранных дел. Он сказал, что принял наконец решение. И, чтобы показать, что это решение бесповоротно, он вызвал секретаря и в их присутствии продиктовал заявление, которое следовало немедленно зачитать по радио. В нем говорилось, что фюрер остается в Берлине и будет оборонять его до конца.

Затем Гитлер послал за Геббельсом и пригласил его с женой и шестью детьми переехать в бункер из своего сильно пострадавшего от бомбежек дома, расположенного на Вильгельмштрассе. Он был уверен, что по крайней мере этот фанатичный приверженец останется при нем вместе с семьей до конца. Потом Гитлер занялся своими бумагами, отобрав те, которые, на его взгляд, следовало уничтожить, и передал одному из своих адъютантов — Юлиусу Шаубу, который вынес их в сад и сжег.

Наконец, вечером он вызвал к себе Кейтеля и Йодля и приказал им двинуться на юг и взять на себя непосредственное руководство оставшимися войсками. Оба генерала, находившиеся рядом с Гитлером всю войну, оставили довольно красочное описание последнего расставания с верховным главнокомандующим. Кейтель, который ни разу не ослушался приказа фюрера, даже когда тот повелевал совершать самые подлые военные преступления, промолчал. В отличие от него Йодль, лакействовавший в меньшей степени, ответил. В глазах этого солдата, который, несмотря на фанатичную преданность и верную службу фюреру, еще хранил верность военным традициям, верховный главнокомандующий бросал свои войска, перекладывая в момент катастрофы ответственность на них.

«Вы не сможете руководить отсюда, — сказал Йодль. — Если рядом с вами не будет штаба, как вы сможете вообще чем–либо управлять?»

«Что ж, тогда Геринг там примет руководство на себя», — возразил Гитлер.

Один из присутствовавших заметил, что ни один солдат не будет сражаться за рейхсмаршала, и Гитлер прервал его: «Что вы имеете в виду под словом «сражаться»? Сколько осталось сражаться? Всего ничего». Даже у безумного завоевателя спала наконец пелена с глаз.

Или боги на мгновение ниспослали ему просветление в эти последние дни его жизни, похожие на кошмар наяву.

Вспышки неистовой ярости у фюрера 22 апреля и его решение остаться в Берлине не прошли без последствий. Когда Гиммлер, который находился в Хоэнлихене, северо–западнее Берлина, получил от Германа Фегелейна, своего офицера связи из штаба СС, отчет по телефону, он воскликнул в присутствии подчиненных: «В Берлине все с ума посходили. Что же мне делать?» «Поезжайте прямо в Берлин», — ответил один из главных его помощников Готлиб Бергер, начальник штаба СС. Бергер был одним из тех простодушных немцев, которые искренне верили в национал–социализм. Он и понятия не имел о том, что его досточтимый шеф Гиммлер, подстрекаемый Вальтером Шелленбергом, уже установил контакт со шведским графом Фольке Бернадоттом относительно капитуляции немецких армий на Западе. «Я еду в Берлин, — сказал Бергер Гиммлеру, — и ваш долг состоит в том же».

В тот же вечер Бергер, а не Гиммлер, отправился в Берлин, и поездка его представляет интерес благодаря описанию, оставленному им как очевидцем принятия Гитлером важнейшего решения. Когда Бергер прибыл в Берлин, снаряды русских уже рвались неподалеку от канцелярии. Вид Гитлера, который казался «сломленным, конченым человеком», потряс его. Бергер осмелился выразить восхищение решением Гитлера остаться в Берлине. По его словам, он сказал Гитлеру: «Невозможно покинуть народ после того, как он держался так долго и так верно». И снова эти слова привели фюрера в ярость.

«Все это время, — позднее вспоминал Бергер, — фюрер не произнес ни слова. Затем он вдруг выкрикнул: «Все меня обманули! Никто не сказал мне правды. Вооруженные силы лгали мне». И далее в том же духе все громче и громче. Затем лицо его сделалось фиолетово–багровым. Я подумал, что в любой момент у него может случиться удар».

Бергер был также главой администрации Гиммлера по вопросам военнопленных, и после того, как фюрер успокоился, они обсудили судьбу именитых английских, французских и американских пленных, а также таких немцев, как Гальдер и Шахт, и бывшего австрийского канцлера Шушнига, которых перемещали на юго–восток, чтобы не допустить освобождения их американцами, продвигавшимися в глубь Германии. В эту ночь Бергеру предстояло вылететь в Баварию и заняться их судьбой. Собеседники обсудили, кроме того,

сообщения о сепаратистских выступлениях в Австрии и Баварии. Мысль о том, что в его родной Австрии и на его второй родине — Баварии может вспыхнуть мятеж, вновь вызвала у Гитлера конвульсии.

«У него тряслась рука, нога и голова, и он, по словам Бергера, продолжал повторять: «Расстрелять их всех! Расстрелять их всех!»

Означал ли этот приказ расстрелять всех сепаратистов или всех именитых пленных, а может, и тех и других, Бергеру было неясно. И этот недалекий человек, очевидно, решил расстрелять всех подряд.

Попытки Геринга и Гиммлера взять власть в свои руки

Генерал Коллер воздержался от участия в совещании у Гитлера 22 апреля. На нем лежала ответственность за люфтваффе, и, как отмечает он в своем дневнике, он бы не вынес, если бы его оскорбляли целый день. Его офицер связи в бункере генерал Эккард Кристиан позвонил ему в 6.15 вечера и прерывающимся голосом едва слышно произнес: «Здесь происходят исторические события, решающие для исхода войны». Часа два спустя Кристиан прибыл в штаб ВВС в Вильдпарк–Вердер, расположенный на окраине Берлина, чтобы лично доложить обо всем Коллеру.

«Фюрер сломлен!» — задыхаясь произнес Кристиан, убежденный нацист, женатый на одной из секретарш Гитлера. Разобрать что–либо помимо того, что фюрер решил встретить свой конец в Берлине и сжигает бумаги, было невозможно. Поэтому начальник штаба люфтваффе, несмотря на сильную бомбежку, которую только что начали англичане, срочно вылетел в ставку. Он собирался разыскать Йодля и выяснить, что же произошло в тот день в бункере.

Йодля он нашел в Крампнице, расположенном между Берлином и Потсдамом, где лишившееся фюрера верховное командование организовало временную ставку. Тот поведал своему другу из ВВС всю печальную историю от начала до конца. По секрету он сообщил также то, о чем еще никто не говорил Коллеру и что должно было привести к развязке в ближайшие страшные дни.

«Когда дело доходит до переговоров (о мире), — сказал однажды Кейтелю и Йодлю фюрер, — Геринг больше подходит, чем я. У Геринга это получается намного лучше, он умеет гораздо быстрее поладить с другой стороной». Теперь Йодль повторил это Коллеру. Генерал ВВС понял, что его долг — немедленно лететь к Герингу. Объяснять сложившуюся обстановку в радиограмме было затруднительно, да и опасно, учитывая, что противник прослушивал эфир. Если Герингу, которого Гитлер еще несколько лет назад официально назначил своим преемником, предстоит вступить в переговоры о мире, как предлагает фюрер, следовательно, нельзя терять ни минуты. Йодль с этим согласился. В 3.20 ночи 23 апреля Коллер поднялся в воздух на истребителе, который сразу взял курс на Мюнхен.

Днем он прибыл в Оберзальцберг и доставил известие рейхсмаршалу. Геринг, который, мягко говоря, давно с нетерпением ждал того дня, когда сменит Гитлера, проявил тем не менее большую осмотрительность, чем можно было ожидать. Он не хотел стать жертвой своего смертельного врага — Бормана. Предосторожность, как оказалось, была вполне оправданной. Он даже вспотел, решая вставшую перед ним дилемму. «Если я начну сейчас действовать, говорил он своим советникам, — меня могут заклеймить как предателя. Если же я буду бездействовать, меня обвинят в том, что я ничего не предпринял в час испытания».

Геринг послал за Гансом Ламмерсом, статс–секретарем рейхсканцелярии, который находился в Берхтесгадене, чтобы получить у него юридическую консультацию, а также достал из своего сейфа копию декрета фюрера от 29 июня 1941 года. Декрет определял все четко. Он предусматривал, что в случае смерти Гитлера его преемником становится Геринг. В случае временной неспособности Гитлера руководить государством Геринг действует в качестве его заместителя. Все согласились с тем, что, оставшись погибать в Берлине,

лишенный в свои последние часы возможности руководить военными и государственными делами, Гитлер неспособен выполнять эти функции, поэтому долг Геринга согласно декрету — взять власть в свои руки.

Тем не менее рейхсмаршал очень тщательно составил текст телеграммы. Он хотел быть твердо уверенным, что власть действительно передается ему.

Мой фюрер!

Ввиду вашего решения оставаться в крепости Берлин, согласны ли Вы, чтобы я немедленно принял на себя общее руководство рейхом при полной свободе действий в стране и за ее пределами в качестве Вашего заместителя в соответствии с Вашим декретом от 29 июня 1941 года? Если до 10 часов вечера сегодня не последует ответа, я буду считать само собой разумеющимся, что Вы утратили свободу действий и что возникли условия вступления в силу Вашего декрета. Я также буду действовать в высших интересах нашей страны и нашего народа. Вы знаете, какие чувства я питаю к Вам в этот тяжкий час моей жизни. У меня нет слов, чтобы выразить это. Да защитит Вас всевышний и направит к нам сюда как можно скорее, несмотря ни на что.

Верный Вам

Герман Геринг.

В этот же вечер за несколько сот миль отсюда Генрих Гиммлер встречался с графом Бернадоттом в шведском консульстве в Любеке на побережье Балтийского моря. «Верный Генрих», как часто приветливо обращался к нему Гитлер, не просил власти в качестве преемника. Он уже взял ее в свои руки.

«Великая жизнь фюрера, — сообщил он шведскому графу, — близится к концу. Через день или два Гитлер умрет». Затем Гиммлер попросил Бернадотта немедленно сообщить генералу Эйзенхауэру о готовности Германии капитулировать на Западе. На Востоке, добавил он, война будет продолжаться до тех пор, пока западные державы сами не откроют фронт против русских. Такова была наивность, или глупость, или то и другое вместе, этого эсэсовского вершителя судеб, который в данный момент, добивался для себя диктаторских полномочий в третьем рейхе. Когда Бернадотт попросил Гиммлера письменно изложить свое предложение сдаться, письмо было спешно составлено. Делалось это при свечах, поскольку налеты английской авиации в этот вечер лишили Любек электрического освещения и вынудили совещавшихся спуститься в подвал. Гиммлер подписал письмо.

Но и Геринг и Гиммлер действовали, как они это быстро поняли, преждевременно. Хотя Гитлер был полностью отрезан от внешнего мира, если не считать ограниченной радиосвязи с армиями и министерствами, поскольку к вечеру 23 апреля русские завершали окружение столицы, он все еще стремился показать, что способен управлять Германией одной лишь силой своего авторитета и подавлять любую измену, даже со стороны особо приближенных последователей, для чего достаточно одного слова, переданного по трескучему радиопередатчику, антенна которого была закреплена на аэростате, висевшем над его бункером.

Альберт Шпеер и одна свидетельница, весьма замечательная дама, чье драматичное появление в последнем акте в Берлине скоро будет обрисовано, оставили описание реакции Гитлера на телеграмму Геринга. Шпеер прилетел в осажденную столицу в ночь на 23 апреля, посадив крохотный самолетик на восточном конце автострады Восток — Запад — широкой улице, проходившей через Тиргартен, — у Бранденбургских ворот, в квартале от канцелярии. Узнав, что Гитлер решил остаться в Берлине до конца, который был уже недалек, Шпеер зашел попрощаться с фюрером и признаться ему, что «конфликт между личной преданностью и общественным долгом», как он это назвал, вынуждает его саботировать тактику «выжженной земли». Он не без основания полагал, что его арестуют «за измену» и, возможно, расстреляют. И все наверняка так бы и случилось, если бы диктатор знал, что два месяца назад Шпеер предпринял попытку убить его и всех остальных, кому удалось избежать бомбы Штауфенберга. К блестящему архитектору и министру вооружений, хотя он всегда гордился своей аполитичностью, наконец–то пришло запоздалое

прозрение. Когда он понял, что его обожаемый фюрер намеревается уничтожить немецкий народ посредством декретов о «выжженной земле», он решил убить Гитлера. Его план состоял в том, чтобы подать ядовитый газ в систему вентиляции бункера в Берлине в момент крупного военного совещания. Поскольку на них теперь неизменно присутствовали не только генералы, но и Геринг, Гиммлер и Геббельс, Шпеер надеялся уничтожить все нацистское руководство третьего рейха, а также верховное военное командование. Он раздобыл нужный газ и проверил систему воздушного кондиционирования. Но затем обнаружил, как он рассказывал впоследствии, что воздухозаборник в саду защищен трубой высотой около 4 метров. Эта труба была установлена недавно по личному распоряжению Гитлера во избежание диверсии. Шпеер понял, что подать туда газ невозможно, поскольку этому сразу помешает эсэсовская охрана в саду. Поэтому он оставил свой план, а Гитлеру вновь удалось избежать покушения.

Теперь, вечером 23 апреля, Шпеер признался, что не подчинился приказу и не осуществил бессмысленное уничтожение жизненно важных для Германии объектов. К его удивлению, Гитлер не выказал ни возмущения, ни гнева. Пожалуй, фюрера тронула искренность и отвага его молодого друга — Шпееру только что исполнилось сорок, — к которому он питал давнюю привязанность и которого считал «соратником по искусству». Гитлер, как отметил Кейтель, был странно спокоен в тот вечер, как будто решение умереть здесь в ближайшие дни принесло мир в его душу. Это спокойствие было не столько спокойствием после бури, сколько затишьем перед бурей.

Тем временем в канцелярию прибыла телеграмма Геринга. Продержав ее некоторое время, Борман, этот мастер интриги, наконец–то дождавшийся своего часа, принес ее фюреру, представив как «ультиматум», как изменническую попытку узурпировать власть. «Гитлер пришел в неописуемую ярость, вспоминает Шпеер, — и в очень сильных выражениях отозвался о Геринге. Он сказал: для него не новость, что Геринг опустился, погряз в разврате и стал наркоманом», — заявление, которое чрезвычайно потрясло молодого архитектора, поскольку он удивился тому, что Гитлер мог так долго использовать на столь высоком посту подобного человека. Шпеера также озадачило, что, придя в себя, Гитлер добавил: «Хорошо, пусть Геринг вступает в переговоры о капитуляции. В конце концов, не имеет значения, кто этим займется». Но такой настрой длился у Гитлера всего несколько мгновений.

Прежде чем закончился разговор, он с подсказки Бормана продиктовал телеграмму, обвинявшую Геринга в совершении «государственной измены», наказанием за которую может быть только смерть, но, учитывая его долгую службу на благо нацистской партии и государства, жизнь ему может быть сохранена, если он немедленно уйдет со всех постов. Ему было предложено ответить односложно — да или нет. Однако подхалиму Борману и этого оказалось мало.. На свой страх и риск он направил в штаб СС в Берхтесгадене радиограмму, приказав немедленно арестовать Геринга за государственную измену. На следующий день, еще до рассвета, второй по положению человек в третьем рейхе, самый наглый и богатый из нацистских бонз, единственный рейхсмаршал в немецкой истории, главнокомандующий ВВС, стал узником эсэсовцев.

Три дня спустя, вечером 26 апреля, Гитлер высказался в адрес Геринга еще более резко, чем в присутствии Шпеера.

Последние посетители бункера

Тем временем еще два интересных посетителя прибыли в напоминавший сумасшедший дом бункер Гитлера: Ханна Рейч, отважная летчица–испытатель, которую отличала помимо прочих достоинств глубокая ненависть к Герингу, и генерал Риттер фон Грейм, которому 24 апреля было приказано прибыть из Мюнхена к верховному командующему, что он и сделал. Правда, вечером 26–го, когда они подлетали к Берлину, их самолет был подбит над

Тиргартеном русской зениткой и генералу Грейму раздробило ногу.

Гитлер пришел в операционную, где врач перевязывал рану генерала.

Гитлер: Вам известно, зачем я вас вызвал?

Грейм: Нет, мой фюрер.

Гитлер: Герман Геринг предал меня и фатерланд и дезертировал. Он установил за моей спиной контакт с врагом. Его действия нельзя расценить иначе как трусость. Вопреки приказу он бежал в Берхтесгаден, чтобы спасти себя. Оттуда он направил мне непочтительную радиограмму. Это был…

«Здесь, — вспоминает Ханна Рейч, присутствовавшая при разговоре, — лицо фюрера задергалось, дыхание стало тяжелым и прерывистым».

Гитлер: …Ультиматум! Грубый ультиматум! Теперь ничего не осталось. Ничто меня не миновало. Нет таких измен, такого предательства, которых бы я не испытал. Присяге не верны, честью не дорожат. А теперь еще и это! Ничего не осталось. Нет такого зла, которого бы мне не причинили.

Я приказал немедленно арестовать Геринга как предателя рейха. Снял его со всех постов, изгнал из всех организаций. Вот почему я вызвал вас!

После этого он назначил обескураженного генерала, лежавшего на койке, новым главнокомандующим люфтваффе. Назначение это Гитлер мог бы объявить по радио. Это позволило бы Грейму избежать увечья и находиться в штабе ВВС единственном месте, откуда еще можно было руководить тем, что осталось от ВВС.

Три дня спустя Гитлер приказал Грейму, который к этому времени, подобно фрейлейн Рейч, ожидал и желал смерти в бункере рядом с фюрером, вылететь на место и разобраться с новой изменой. А измена среди главарей третьего рейха, как мы видели, не сводилась к действиям Германа Геринга.

В течение этих трех дней Ханне Рейч представились широкие возможности наблюдать за жизнью безумцев в подземном сумасшедшем доме и, конечно, участвовать в ней. Поскольку эмоционально она была столь же неустойчива, как и приютивший ее высокопоставленный хозяин, ее записи носят зловещий и одновременно мелодраматический характер. И тем не менее в основном они, очевидно, соответствуют действительности и даже достаточно полны, поскольку подтверждаются свидетельствами других очевидцев, что делает их важным документом заключительной главы истории рейха.

Ночью 26 апреля после ее прибытия с генералом Греймом русские снаряды начали падать на канцелярию, и доносившиеся сверху глухие звуки взрывов и рушившихся стен только усугубляли напряженность в бункере. Гитлер отвел летчицу в сторону.

 Мой фюрер, почему вы остаетесь здесь? — спросила она. — Почему Германия должна вас лишиться?! Фюрер должен жить, чтобы жила Германия. Этого требует народ.

 Нет, Ханна, — ответил, по ее словам, фюрер. — Если я умру, то умру за честь нашей страны, потому что, как солдат, я должен подчиняться своему же приказу — защищать Берлин до конца. Моя дорогая девочка, — продолжал он, — я не предполагал, что все так случится. Я твердо верил, что мы сумеем защитить Берлин на берегах Одера… Когда все наши усилия закончились ничем, я ужаснулся сильнее, чем все остальные. Позднее, когда началось окружение города… я посчитал, что, оставаясь в Берлине, подам пример всем наземным войскам и они придут на выручку городу… Но, моя Ханна, я все еще надеюсь. Армия генерала Венка подходит с юга. Он должен — и сумеет — отогнать русских достаточно далеко, чтобы спасти наш народ. Мы отступим, но будем держаться.

В таком настроении пребывал Гитлер в начале вечера. Он все еще надеялся, что генерал Венк освободит Берлин. Но буквально через несколько минут, когда обстрел русскими канцелярии усилился, он снова впал в отчаяние. Он вручил Рейч капсулы с ядом: одну — для нее самой, другую — для Грейма.

«Ханна, — сказал он, — ты из тех, кто умрет со мной… Я не хочу, чтобы хоть один из нас попал живым в руки русских, я не хочу, чтобы они нашли наши тела. Тело Евы и мое тело сожгут. А ты выбирай свой путь».

Ханна отнесла капсулу с ядом Грейму, и они решили, что, если «действительно придет конец», они проглотят яд и затем для верности выдернут чеку из тяжелой гранаты и плотно прижмут ее к себе.

28–го у Гитлера, судя по всему, появились новые надежды или по крайней мере иллюзии. Он радировал Кейтелю: «Я ожидаю ослабления нажима на Берлин. Что делает армия Генриха? Где Венк? Что происходит с 9–й армией? Когда Венк соединится с 9–й армией?»

Рейч описывает, как в этот день верховный главнокомандующий беспокойно ходил «по убежищу, размахивая картой автодорог, которая быстро расползалась в его потных руках, и обсуждал с любым, кто готов был его слушать, план кампании Венка».

Но «кампания» Венка, как и «удар» Штейнера неделей раньше, существовала лишь в воображении фюрера. Армия Венка была уже уничтожена, как и 9–я армия. Севернее Берлина армия Генриха[279] быстро откатывалась на Запад, чтобы сдаться западным союзникам, а не русским.

Весь день 28 апреля доведенные до отчаяния обитатели бункера ждали результатов контратак этих трех армий, особенно армии Венка. Русские клинья уже были на расстоянии нескольких кварталов от канцелярии и медленно к ней приближались по нескольким улицам с востока и с севера, а также через Тиргартен. Когда от идущих на помощь войск не поступило никаких известий, Гитлер, подстрекаемый Борманом, заподозрил новые вероломства. В 8 вечера Борман направил радиограмму Деницу:

«Вместо того чтобы побуждать войска продвигаться вперед во имя нашего спасения, ответственные лица хранят молчание. Судя по всему, на смену верности пришла измена. Мы остаемся здесь. Канцелярия лежит в развалинах».

Позднее, той же ночью, Борман послал еще одну телеграмму Деницу:

«Шернер, Венк и другие должны доказать свою верность фюреру, придя к нему на помощь как можно скорее».

Теперь Борман говорил уже от своего имени. Гитлер решил умереть через день или два, а Борман хотел жить. Ему, наверное, не быть преемником Гитлера, но он хотел иметь возможность и в будущем нажимать на тайные пружины за спиной любого, кто придет к власти.

В ту же ночь и адмирал Фосс отправил телеграмму Деницу, известив его, что связь с армией нарушена, и потребовал срочно сообщить по радиоканалам флота о важнейших событиях в мире. Вскоре поступили некоторые новости, но не с флота, а из министерства пропаганды, с его постов прослушивания. Для Адольфа Гитлера новости оказались убийственными.

Помимо Бормана в бункере находился еще один нацистский деятель, желавший остаться в живых. Это был Герман Фегелейн, представитель Гиммлера при ставке, типичный образец немца, выдвинувшегося при правлении Гитлера. Бывший конюх, затем жокей, совершенно необразованный, он являлся протеже пресловутого Кристиана Вебера, одного из старых товарищей Гитлера по партии. После 1933 года посредством махинаций Вебер сколотил солидное состояние и, будучи помешан на лошадях, завел большую конюшню скакунов. При поддержке Вебера Фегелейн сумел высоко подняться в третьем рейхе. Он стал генералом войск СС, а в 1944 году вскоре после назначения офицером связи Гиммлера при ставке фюрера он еще более укрепил свои позиции в верхах, женившись на сестре Евы Браун Гретель. Все оставшиеся в живых главари СС единодушно отмечают, что Фегелейн, сговорившись с Борманом, не раздумывая предал Гитлеру своего эсэсовского шефа Гиммлера. Этот пользовавшийся дурной репутацией неграмотный и невежественный человек, каким был Фегелейн, казалось, обладал удивительным инстинктом самосохранения. Он умел вовремя определить, тонет корабль или нет.

---

[279] Гиммлера — Прим. пер.

26 апреля он потихоньку покинул бункер. На следующий вечер Гитлер обнаружил его исчезновение. У фюрера, и без того настороженного, возникло подозрение, и он немедленно выслал группу эсэсовцев на розыски пропавшего. Его обнаружили уже в гражданской одежде у себя дома в районе Шарлоттенбурга, который вот–вот должны были захватить русские. Его доставили в канцелярию и там, лишив звания обер–группенфюрера СС, посадили под арест. Попытка Фегелейна дезертировать породила у Гитлера подозрения относительно Гиммлера. Что замышлял шеф СС теперь, покинув Берлин? Известий не поступало с тех пор, как его офицер связи Фегелейн оставил свой пост. Теперь новости наконец прибыли.

День 28 апреля, как мы убедились, выдался для обитателей бункера тяжелый. Русские подходили все ближе. Долгожданного известия о контратаке Венка все не поступало. В отчаянии осажденные запросили по радиосети ВМС о положении за пределами осажденного города.

Пост радиоподслушивания в министерстве пропаганды поймал переданное радиостанцией Би–би–си из Лондона сообщение о происходящих за пределами Берлина событиях. Агентство Рейтер передало вечером 28 апреля из Стокгольма настолько сенсационное и невероятное сообщение, что один из помощников Геббельса, Гейнц Лоренц, стремглав бросился через изрытую снарядами площадь в бункер. Он принес своему министру и фюреру несколько экземпляров записи этого сообщения.

Известие, по словам Ханны Рейч, «обрушилось на общество как смертельный удар. Мужчины и женщины кричали от бешенства, страха и отчаяния, их голоса слились в одном эмоциональном спазме». У Гитлера он был намного сильнее, чем у остальных. По словам летчицы, «он бесновался как сумасшедший».

Генрих Гиммлер, «верный Генрих», тоже бежал с тонущего корабля рейха. В сообщении агентства Рейтер говорилось о его тайных переговорах с графом Бернадоттом и о готовности немецких армий сдаться на Западе Эйзенхауэру.

Для Гитлера, который никогда не сомневался в абсолютной преданности Гиммлера, это был тягчайший удар. «Лицо его, — вспоминала Рейч, — стало багрово–красным и буквально неузнаваемым… После довольно продолжительного приступа гнева и возмущения Гитлер впал в какое–то оцепенение, и на некоторое время в бункере воцарилась тишина». Геринг по крайней мере попросил у фюрера разрешение продолжить его дело. А «верный» шеф СС и рейхсфюрер вероломно вступил в контакт с врагом, ни словом не уведомив об этом Гитлера. И Гитлер заявил своим приспешникам, когда немного пришел в себя, что это — подлейший акт предательства, с каким он когда–либо сталкивался.

Этот удар наряду с известием, полученным несколько минут спустя о том, что русские приближаются к Потсдамерплац, расположенной всего в квартале от бункера, и, вероятно, начнут штурм канцелярии утром 30 апреля, то есть через 30 часов, означал, что конец наступает. Это вынудило Гитлера принять последние в его жизни решения. Перед рассветом он вступил в брак с Евой Браун, затем изложил свою последнюю волю, составил завещание, отправил Грейма и Ханну Рейч собирать остатки люфтваффе для массированной бомбардировки русских войск, приближавшихся к канцелярии, а также приказал им двоим арестовать предателя Гиммлера.

«После меня во главе государства никогда не станет предатель! — сказал, по словам Ханны, Гитлер. — И вы должны обеспечить, чтобы этого не произошло».

Гитлер сгорал от нетерпения отомстить Гиммлеру. У него в руках был офицер связи шефа СС Фегелейн. Этого бывшего жокея и нынешнего генерала СС тотчас доставили из камеры, тщательно допросили на предмет измены Гиммлера, обвинили в соучастии и по приказу фюрера вывели в сад канцелярии, где и расстреляли. Фегелейну не помогло даже то, что он был женат на сестре Евы Браун. А Ева и пальцем не шевельнула, чтобы спасти жизнь своего зятя.

В ночь на 29 апреля, где–то между часом и тремя, Гитлер вступил в брак с Евой Браун. Он исполнил желание своей любовницы, увенчав ее законными узами в награду за верность

до конца.

Последняя воля и завещание Гитлера

Как и желал того Гитлер, оба эти документа сохранились. Подобно другим его документам, они имеют важное значение для нашего повествования. Они подтверждают, что человек, который железной рукой правил Германией более двенадцати лет, а большей частью Европы — четыре года, ничему не научился. Даже неудачи и сокрушительное поражение ничему его не научили.

Правда, в последние часы жизни он вернулся мысленно к дням своей бесшабашной юности, прошедшей в Вене, к шумным сборищам в мюнхенских пивных, где он клял евреев за все беды на свете, к надуманным вселенским теориям и сетованиям на то, что судьба вновь обманула Германию, лишив ее победы и завоеваний. Эту прощальную речь, адресованную германской нации и всему миру, которая должна была стать и заключительным обращением к истории, Адольф Гитлер составил из пустых, рассчитанных на дешевый эффект фраз, надерганных из «Майн кампф», добавив к ним свои лживые измышления. Эта речь была закономерной эпитафией тирану, которого абсолютная власть совершенно развратила и уничтожила.

«Политическое завещание», как он назвал его, делится на две части. Первая представляет собой обращение к потомкам, вторая — его особые установки на будущее.

«Прошло более тридцати лет с тех пор, как я, будучи добровольцем, внес свой скромный вклад в первую мировую войну, навязанную рейху.

За эти три десятилетия всеми моими помыслами, действиями и жизнью руководили только любовь и преданность моему народу. Они дали мне силу принимать самые трудные решения, которые когда–либо выпадали на долю смертному…

Это неправда, что я или кто–либо другой в Германии хотел войны в 1939 году. Ее жаждали и спровоцировали те государственные деятели других стран, которые либо сами были еврейского происхождения, либо работали во имя интересов евреев.

Я внес слишком много предложений по ограничению вооружений и контролю над ними, чего потомки никогда не смогут сбросить со счетов, когда будет решаться вопрос, лежит ли ответственность за развязывание этой войны на мне. Далее, я никогда не хотел, чтобы вслед за ужасной первой мировой войной возникла вторая мировая война, будь то просив Англии или против Америки. Пройдут века, но из руин наших городов и памятников всегда будет восставать ненависть к тем, кто несет полную ответственность за эту войну. Люди, которых мы должны благодарить за все это, — международное еврейство и его пособники».

Затем Гитлер повторил ложь о том, что за три дня до нападения на Польшу он предложил британскому правительству разумное решение польско–германской проблемы.

«Мое предложение отвергли только потому, что правящая клика Англии хотела войны, частично по коммерческим соображениям, частично потому, что поддалась пропаганде, распространяемой международным еврейством».

Он возложил всю ответственность, причем не только за миллионы погибших на полях сражений и в разбомбленных городах, но и за массовое истребление евреев по его личному приказу, на самих евреев.

Потом последовали призывы ко всем немцам «не прекращать борьбы». В заключение он был вынужден признать, что с национал–социализмом на время покончено, но тут же заверил соотечественников, что жертвы, принесенные солдатами и им самим, посеют зерна, которые однажды дадут всходы «возродившегося во славе национал–социалистского движения истинно единой нации».

Во второй части «политического завещания» рассматривается вопрос о преемнике. Хотя третий рейх был охвачен огнем и сотрясался от взрывов, Гитлер не мог позволить себе

умереть, не назвав преемника и не продиктовав точного состава правительства, которое тот должен будет назначить. Но прежде он постарался ликвидировать бывших преемников.

«На пороге смерти я изгоняю из партии бывшего рейхсмаршала Геринга Германа и лишаю его всех прав, которые предоставлялись ему декретом от 20 июня 1941 года… Вместо него я назначаю адмирала Деница президентом рейха и верховным главнокомандующим вооруженными силами.

На пороге смерти я изгоняю из партии и со всех государственных постов бывшего рейхсфюрера СС и министра внутренних дел Гиммлера Генриха».

Руководители армии, ВВС и СС, как он считал, предали его, украли у него победу. Поэтому единственным его преемником может стать лишь руководитель флота, который представлял весьма незначительную силу, чтобы играть большую роль в захватнической войне. Это была последняя насмешка над армией, на которую легла основная тяжесть сражений и которая понесла наибольшие потери в войне. Это было и последним поношением двух лиц, которые наряду с Геббельсом были его наиболее близкими приспешниками с первых дней существования партии.

«Не говоря уже о вероломстве по отношению ко мне, Геринг и Гиммлер запятнали несмываемым позором всю нацию, тайно вступив в переговоры с врагом без моего ведома и вопреки моей воле. Они также пытались незаконным путем захватить власть в государстве».

Изгнав предателей и назначив преемника, Гитлер принялся наставлять Деница в отношении того, кто должен войти в его новое правительство. Все это, по его утверждению, «достойные люди, которые выполнят задачу продолжения войны всеми возможными средствами». Геббельс должен был стать канцлером, а Борман занять новый пост министра партии. Зейсс–Инкварт, австрийский квислинг и недавний палач Голландии, должен был стать министром иностранных дел. Имя Шпеера, как и Риббентропа, в составе правительства не упоминалось. Но граф Шверин фон Крозиг, который с момента назначения его Папеном в 1932 году оставался министром финансов, и теперь сохранил свой пост. Человек этот был глуп, но, надо признать, обладал удивительным талантом самосохранения.

Гитлер не только назвал состав правительства при своем преемнике, но и дал последнее, типичное для него наставление относительно его деятельности.

«Превыше всего я требую, чтобы правительство и народ максимально защищали расовые законы и беспощадно противостояли отравителю всех наций международному еврейству».

И затем прощальное слово — последнее письменное свидетельство о жизни этого безумного гения.

«Все усилия и жертвы германского народа в этой войне так велики, что я даже не могу допустить мысли, что они были напрасны. Нашей целью по–прежнему должно оставаться приобретение для германского народа территорий на Востоке».

Последняя фраза взята прямо из «Майн кампф». Гитлер начал свою жизнь как политик с навязчивой идеей, что для избранной немецкой нации необходимо завоевать территории на Востоке. С этой же идеей он свою жизнь и заканчивал. Миллионы убитых немцев, миллионы разрушенных бомбами немецких домов и даже сокрушительное поражение немецкой нации не убедили его, что грабеж земель славянских народов на Востоке, не говоря уже о морали, это тщетная тевтонская мечта.

Смерть Гитлера

29 апреля, во второй половине дня, из внешнего мира в бункер поступило последнее известие. Собрат по фашистской диктатуре и партнер по агрессии Муссолини нашел свою погибель, которую разделила с ним его любовница Клара Петаччи.

26 апреля их поймали итальянские партизаны. Произошло это в тот момент, когда они пытались бежать из своего убежища в Комо в Швейцарию. Через два дня их казнили.

Субботним вечером 28 апреля их тела были перевезены на грузовике в Милан и выброшены из кузова прямо на площадь. На следующий день их подвесили за ноги на фонарных столбах. Затем веревки перерезали, и остаток выходного дня они лежали в сточной канаве, отданные на поругание итальянцам. Первого мая Бенито Муссолини был похоронен рядом со своей любовницей на миланском кладбище Симитеро Маджиоре, на участке для бедных. Достигнув последней степени деградации, дуче и фашизм канули в Лету.

Насколько подробно были сообщены Гитлеру обстоятельства столь позорного конца дуче, осталось неизвестно. Можно лишь предположить, что, если бы он узнал о них, это лишь ускорило бы его решимость не допустить, чтобы ни он сам, ни его невеста ни живыми ни мертвыми не стали частью «спектакля, разыгранного евреями для развлечения еврейских истеричных масс», как он только что написал в своем завещании.

Не таков был Борман. У этой темной личности осталось еще немало дел. Его собственные шансы уцелеть, по всей видимости, уменьшились. Промежуток времени между смертью фюрера и приходом русских, в течение которого он имел бы возможность бежать к Деницу, мог оказаться совсем непродолжительным. Если же шансов не представится, то Борман, пока фюрер оставался в живых, мог отдавать приказы от его имени и имел время по крайней мере отыграться на «предателях». В эту последнюю ночь он направил еще одну депешу Деницу:

«Дениц, с каждым днем у нас усиливается впечатление, что дивизии на Берлинском театре военных действий уже в течение нескольких дней бездействуют. Все доклады, которые мы получаем, контролируются, задерживаются или искажаются Кейтелем… Фюрер приказывает вам действовать немедленно и беспощадно против любых изменников».

И затем, хотя он знал, что Гитлеру осталось жить считанные часы, добавил постскриптум: «Фюрер жив и руководит обороной Берлина».

Но оборонять Берлин было уже невозможно. Русские заняли почти весь город, и вопрос мог стоять только об обороне канцелярии. Но и она была обречена, как о том узнали Гитлер и Борман 30 апреля на последнем совещании. Русские подошли к восточной окраине Тиргартена и ворвались на Потсдамерплац. Они находились всего в квартале от бункера. Настал час, когда Гитлер должен был осуществить свое решение.

У Гитлера и Евы Браун в отличие от Геббельса не было проблем с детьми. Они написали прощальные письма родным и знакомым и удалились в свои комнаты. Снаружи, в проходе, стояли в ожидании Геббельс, Борман и еще несколько человек. Через несколько минут раздался пистолетный выстрел. Они ждали второго, но воцарилась тишина. Подождав немного, они вошли в комнату фюрера. Тело Адольфа Гитлера лежало распростертым на диване, с которого стекала кровь. Он покончил с собой выстрелом в рот. Рядом лежала Ева Браун. Оба пистолета валялись на полу, но Ева не воспользовалась своим. Она приняла яд.

Это произошло в 3.30 пополудни в понедельник 30 апреля 1945 года, через десять дней после того, как Гитлеру исполнилось 56 лет, и ровно через 12 лет и 3 месяца после того, как он стал канцлером Германии и учредил третий рейх. Последнему было суждено пережить его всего на неделю.

Похороны прошли по обычаю викингов. Речей не произносили: молчание нарушали лишь разрывы русских снарядов в саду канцелярии. Камердинер Гитлера Гейнц Линге и дежурный у входа вынесли тело фюрера, завернутое в армейское темно–серое одеяло, скрывавшее изуродованное лицо. Кемпка опознал фюрера лишь по торчавшим из–под одеяла черным брюкам и ботинкам, которые верховный главнокомандующий обычно носил с темно–серым кителем. Тело Евы Браун Борман вынес не прикрыв в коридор, где передал Кемпке.

Трупы перенесли в сад и во время затишья положили в одну из воронок, облили бензином и подожгли. Прощавшиеся во главе с Геббельсом и Борманом укрылись под козырьком запасного выхода из бункера и, пока языки пламени поднимались все выше и выше, стояли вытянувшись и вскинув правую руку в прощальном нацистском салюте. Церемония была короткой, поскольку снаряды Красной Армии вновь начали рваться в саду,

и все, кто еще оставался в живых, укрылись в бункере, доверив пламени костра полностью стереть следы пребывания на земле Адольфа Гитлера и его жены[280].

У Геббельса и Бормана еще оставались нерешенные задачи в третьем рейхе, лишившемся своего основателя и диктатора, хотя задачи эти были разные.

Прошло слишком мало времени, чтобы посыльные могли добраться до Деница с завещанием фюрера, в котором он, Дениц, назначался его преемником. Теперь адмирала предстояло известить об этом по радио. Но даже в этот момент, когда власть ускользала из рук Бормана, он все еще колебался. Вкусившему власть было непросто расстаться с ней так быстро. Наконец он отправил телеграмму:

Гросс–адмиралу Деницу

Вместо бывшего рейхсмаршала Геринга фюрер назначает своим преемником вас. Письменное подтверждение вам направлено. Вам надлежитъ немедленно предпринять все необходимые меры, которые диктует сложившаяся обстановка.

И ни слова о том, что Гитлер умер.

Адмирал, который командовал всеми вооруженными силами на севере и потому перенес свой штаб в Плен в Шлезвиге, был поражен этим назначением. В отличие от партийных главарей у него не было ни малейшего желания стать преемником Гитлера. Ему, моряку, эта мысль никогда не приходила в голову. За два дня до этого, считая, что преемником Гитлера станет Гиммлер, он отправился к шефу СС и заверил его в своей поддержке. Но поскольку ему в равной степени никогда бы не пришло в голову ослушаться приказа фюрера, он отправил следующий ответ, считая, что Гитлер все еще жив:

Мой фюрер!

Моя преданность вам беспредельна. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы прийти вам на помощь в Берлин. Если, однако, судьба повелевает мне возглавить рейх в качестве назначенного вами преемника, я пойду этим путем до конца, стремясь быть достойным непревзойденной героической борьбы немецкого народа.

Гросс–адмирал Дениц

В эту ночь у Бормана и Геббельса возникла новая идея. Они решили попытаться вступить в переговоры с русскими. Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Кребс, находившийся в бункере, в свое время был военным атташе в Москве и немного говорил по–русски. Может, ему удастся добиться чего–нибудь от большевиков. А если конкретно, то Геббельс и Борман хотели заручиться гарантией собственной неприкосновенности, что позволило бы им занять предназначавшиеся им по завещанию Гитлера посты в новом правительстве Деница. Взамен они были готовы сдать Берлин.

Вскоре после полуночи 1 мая генерал Кребс отправился на встречу с генералом Чуйковым[281], командующим советскими войсками, сражавшимися в Берлине. Один из немецких офицеров, сопровождавших его, записал начало их переговоров.

Кребс: Сегодня — Первое мая, большой праздник для обеих наших наций.

Чуйков: Сегодня у нас большой праздник. А как там у вас — сказать трудно.

Русский генерал потребовал безоговорочной капитуляции всех находившихся в бункере Гитлера, а также всех оставшихся в Берлине войск.

Кребс задерживался. На выполнение миссии у него ушло немало времени, и, когда он не вернулся к 11 утра 1 мая, нетерпеливый Борман направил еще одну радиограмму Деницу:

«Завещание вступило в силу. Я прибуду к вам, как только смогу. До тех пор

---

[280] Впоследствии обнаружить останки не удалось, и это породило после войны слухи, будто Гитлер остался в живых. Но допросы нескольких очевидцев офицерами английской и американской разведок не оставляют сомнений на этот счет. Кемпка дал достаточно убедительное объяснение, почему не были обнаружены обуглившиеся останки. «Все следы были уничтожены полностью, — сказал он допрашивавшим, непрекращавшимся огнем русских». — Прим. авт.

[281] А не с маршалом Жуковым, как утверждается в большинстве свидетельств. — Прим. авт.

рекомендую воздержаться от публичных заявлений».

Эта телеграмма также была двусмысленной. Борман просто никак не мог решиться сообщить, что фюрера нет в живых. Он хотел во что бы то ни стало первым проинформировать Деница об этой важнейшей новости и тем самым заручиться расположением нового верховного главнокомандующего. Но Геббельс, готовившийся вскоре умереть вместе с женой и детьми, не имел оснований скрывать от адмирала правду. В 3.15 дня он направил Деницу свою депешу последнюю радиограмму, переданную из осажденного бункера в Берлине.

Гросс–адмиралу Деницу

Совершенно секретно

Вчера, в 15.30, умер фюрер. По завещанию от 29 апреля вы назначаетесь рейхспрезидентом… (Затем следовали имена основных членов правительства.)

По приказу фюрера завещание выслано вам из Берлина… Борман намерен отправиться к вам сегодня, чтобы проинформировать об обстановке. Время и форма сообщения для прессы и обращения к войскам — на ваше усмотрение. Подтвердите получение.

Геббельс.

Геббельс не счел нужным информировать нового главу государства о своих собственных намерениях. Он осуществил их в конце дня 1 мая. Было решено вначале отравить ядом шестерых детей. Их игру прервали, и каждому сделали смертельную инъекцию. Очевидно, это сделал тот самый врач, который накануне отравил собак фюрера. Затем Геббельс вызвал своего адъютанта, гауптштурмфюрера Гюнтера Швегермана и дал ему указание найти бензин. «Швегерман, — сказал он ему, — произошло величайшее предательство. Все генералы изменили фюреру. Все потеряно. Я умираю вместе со своей семьей. (Он не сказал адъютанту, что только что убил своих детей.) Сожгите наши тела. Вы сможете это сделать?»

Швегерман заверил его, что сможет, и отправил двух дневальных раздобыть бензин. Несколько минут спустя, примерно в 8.30 вечера, когда уже начало смеркаться, д–р и фрау Геббельс проследовали через бункер, прощаясь с теми, кто находился в этот момент в коридоре, и поднялись по лестнице в сад здесь по их просьбе дежурный эсэсовец прикончил их двумя выстрелами в затылок. На их тела вылили четыре канистры бензина и подожгли, но кремацию до конца не довели. Все, кто еще оставался в бункере, не имели времени дожидаться, пока сгорят мертвые. Они бросились спасаться, присоединясь к массе бегущих людей. Уже на следующий день русские обнаружили обуглившиеся тела министра пропаганды и его жены и сразу же опознали.

Около 9 вечера 1 мая загорелся бункер фюрера, и примерно 500 или 600 человек из свиты Гитлера, оставшиеся в живых, преимущественно эсэсовцы, начали метаться по служившему им укрытием зданию новой канцелярии в поисках спасения, «подобно цыплятам с отрубленными головами», как выразился позднее портной фюрера.

Ища спасения, они решили двинуться пешком по туннелям метро от станции под Вильгельмсплац, напротив канцелярии, к станции «Фридрихштрассе», чтобы пересечь реку Шпре и просочиться к северу от нее через позиции русских. Многим это удалось, но некоторым, в том числе и Мартину Борману, не повезло.

Когда генерал Кребс возвратился наконец в бункер с требованием генерала Чуйкова о безоговорочной капитуляции, партийный секретарь Гитлера уже пришел к выводу, что единственный шанс спастись для него — слиться с массой беженцев. Его группа попыталась следовать за немецким танком, но, как рассказывал потом находившийся здесь же Кемпка, он был подбит прямым попаданием противотанкового снаряда русских и Бормана почти наверняка убило. Там же находился и главарь «Гитлерюгенда» Аксман, который, желая спасти свою шкуру, бросил на произвол судьбы батальон подростков на мосту Пихельсдорф. Позднее он показал, что видел тело Бормана лежащим под мостом, в том месте, где Инвалиденштрассе пересекает железнодорожные пути. На его лицо падал лунный свет, но Аксман не заметил следов ранения. Он высказал предположение, что Борман проглотил

капсулу с ядом, когда понял, что шансов пробраться через русские позиции нет.

Генералы Кребс и Бургдорф не присоединились к массе беглецов. Считают, что они застрелились в подвале новой канцелярии.

Конец третьего рейха

Третий рейх пережил своего основателя ровно на семь дней.

Вскоре после 10 вечера 1 мая, когда тела д–ра и фрау Геббельс догорали в саду канцелярии, а обитатели бункера толпились в поисках спасения у входа в туннель метро, радио Гамбурга прервало трансляцию торжественной Седьмой симфонии Брукнера. Раздался бой военных барабанов, и заговорил диктор:

«Наш фюрер Адольф Гитлер, сражаясь до последнего дыхания против большевизма, сегодня днем пал за Германию в своем оперативном штабе в рейхсканцелярии. 30 апреля фюрер назначил своим преемником гросс–адмирала Деница. Слушайте обращение к немецкому народу гросс–адмирала и преемника фюрера».

Третий рейх, начав свое существование с откровенной лжи, с ложью же сходил со сцены. Не говоря о том, что Гитлер умер не в этот день, а накануне, что само по себе не существенно, он вовсе не пал, «сражаясь до последнего дыхания». Однако распространение этой лжи по радио было необходимо, коль скоро его наследникам предстояло увековечить эту легенду, а также удержать контроль над войсками, которые все еще оказывали сопротивление врагу и которые наверняка посчитали бы, что их предали, если бы узнали правду.

Сам Дениц повторил эту ложь в 10.20 вечера, выступая по радио, и назвал смерть фюрера «героической». В этот момент он еще не знал, как встретил свой конец Гитлер. Из радиограммы Геббельса он лишь знал, что фюрер умер накануне вечером. Но это не помешало адмиралу, прибегнув ко лжи, как и в других случаях, утверждать именно это. Он сделал все, что мог, чтобы в час трагедии еще больше сбить с толку и без того находившийся в смятении немецкий народ.

«Моя первейшая задача, — сказал он, — спасти Германию от уничтожения наступающим врагом — большевиками. Во имя одной только этой цели вооруженная борьба будет продолжаться. До тех пор пока достижению этой цели препятствуют англичане и американцы, мы будем вынуждены продолжать оборонительные бои и против них. В сложившихся условиях, однако, англо–американцы будут вести войну не в интересах своих народов, а исключительно ради распространения большевизма в Европе».

Пустые слова. Дениц знал, что сопротивление немцев на исходе. 29 апреля, за день до самоубийства Гитлера, безоговорочно капитулировали немецкие армии в Италии. Известие это из–за нарушений связи не дошло до Гитлера, что, вероятно, избавило его от излишних переживаний в последние часы жизни.

4 мая немецкое верховное командование отдало приказ всем немецким войскам на северо–западе Германии, в Дании и Голландии сдаться войскам Монтгомери. На следующий день капитулировала расположенная севернее Альп группа армий «G» Кессельринга в составе немецких 1–й и 9–й армий.

В тот же день, 5 мая, адмирал Ганс фон Фридебург, новый главнокомандующий немецким флотом, прибыл в Реймс, в штаб генерала Эйзенхауэра, для переговоров о капитуляции. Цель немцев, как об этом ясно свидетельствуют последние документы их верховного командования, состояла в том, чтобы затянуть переговоры на несколько дней, выиграть таким образом время и дать возможность максимальному количеству войск и беженцев избежать русского плена и сдаться западным союзникам.

На следующий день в Реймс прибыл и генерал Йодль, чтобы помочь своему коллеге, главнокомандующему флотом, затянуть переговоры об условиях капитуляции. Но уловки немцев были тщетны. Эйзенхауэр видел их игру насквозь.

«Я попросил генерала Смита, — писал он позднее, — информировать Йодля, что, если они не прекратят искать отговорки и тянуть время, я немедленно закрою весь фронт союзников и силой остановлю поток беженцев через расположение наших войск. Я не потерплю никаких дальнейших проволочек».

В 1.30 ночи 7 мая Дениц, узнав от Йодля о требованиях Эйзенхауэра, радировал генералу из своей новой ставки во Фленсбурге, на датской границе, что ему даются все полномочия подписать документ о безоговорочной капитуляции. Игра окончилась.

В небольшой красной школе в Реймсе, где Эйзенхауэр расположил свой штаб, 7 мая 1945 года, в 2.41 ночи, Германия безоговорочно капитулировала. От имени союзников акт о капитуляции подписали: генерал Уолтер Беделл Смит, генерал Иван Суслопаров (в качестве свидетеля) за Россию и генерал Франсуа Севез за Францию. От Германии его подписали адмирал Фридебург и генерал Йодль[282].

В ночь на 9 мая 1945 года в Европе прекратился орудийный огонь и перестали рваться бомбы. Впервые после 1 сентября 1939 года на континент опустилась долгожданная тишина. За прошедшие 5 лет 8 месяцев и 7 дней миллионы мужчин и женщин были убиты на сотнях полей сражений, в тысячах разбомбленных городов. Еще миллионы погибли в нацистских газовых камерах или были расстреляны у края рвов командами спецакций в России и Польше. И все это во имя неуемной жажды завоеваний Адольфа Гитлера. Большинство самых древних городов Европы лежали в руинах, и, по мере того как прогревался весенний воздух, из–под обломков начал исходить нестерпимый смрад от бесчисленных непогребенных трупов.

Не отзовутся более улицы Германии эхом кованых сапог марширующих гусиным шагом штурмовиков, одетых в коричневые рубашки, эхом их торжествующих воплей, истошных выкриков фюрера, разносимых репродукторами.

После 12 лет 4 месяцев и 8 дней эпоха мрачного средневековья, обернувшаяся для всех, кроме немцев, народов Европы, а теперь и для немцев ночным кошмаром, кончилась. «Тысячелетний» рейх перестал существовать. Он вознес, как мы видели, эту великую нацию и этот талантливый, но, увы, легковерный народ к вершинам власти и побед, неведомых им дотоле, и потерпел такой стремительный и полный крах, которому почти нет параллелей в истории.

В 1918 году, когда, потерпев последнее поражение, бежал кайзер, рухнула монархия, но все традиционные институты, поддерживавшие государство, остались. Правительство, избранное народом, продолжало функционировать, как и ядро германских вооруженных сил и генерального штаба. Но весной 1945 года третий рейх действительно перестал существовать. Ни на одном уровне не осталось ни одного немецкого органа власти. Миллионы солдат, летчиков и моряков стали пленными на своей собственной земле. Миллионами граждан вплоть до жителей деревень теперь управляли оккупационные войска, от которых зависело не только поддержание законности и порядка, но и обеспечение населения продовольствием и топливом, чтобы оно могло пережить предстоящее лето и суровую зиму 1945 года. До такого состояния довело их сумасбродство Гитлера, да и их собственное. Ведь они слепо следовали за ним, а подчас и с энтузиазмом. И тем не менее, возвратившись той же осенью в Германию, я почти не встречал немцев, осуждавших Гитлера.

Остались люди, и осталась земля. Люди — ошеломленные, обессиленные и голодные, а

---

[282] Акт о капитуляции вооруженных сил фашистской Германии был подписан в ночь на 9 мая 1945 года в Берлине (Карлсхорст). По согласованию между правительствами СССР, США и Великобритании была достигнута договоренность считать процедуру в Реймсе предварительной. Тем не менее в западной историографии подписание капитуляции германских вооруженных сил, как правило, связывается с процедурой в Реймсе, а подписание акта о капитуляции в Берлине именуется его «ратификацией». К сожалению, все это делается с целью принизить решающий вклад СССР в достижение победы над агрессорами. День победы в Европе отмечается в западных странах 8 мая. — Прим. тит. ред.

с приходом зимы — дрожавшие в лохмотьях и укрывавшиеся в развалинах, в которые превратились в результате бомбежек их дома. Земля обширная пустыня, покрытая грудами развалин. Немецкий народ не был уничтожен, как того хотелось Гитлеру, который стремился уничтожить множество других народов, а когда война оказалась проиграна, и свой собственный. Но третий рейх ушел в небытие.

Краткий эпилог

Той же осенью я возвратился в эту некогда гордую страну, где провел большую часть времени недолгого существования третьего рейха. Ее трудно было узнать. Я уже рассказывал об этом возвращении. Сейчас же остается поведать о судьбе некоторых из оставшихся в живых лиц, которые занимали значительное место на страницах этой книги.

Остатки правительства Деница, учрежденного во Фленсбурге, были распущены союзниками 23 мая 1945 года, а все его члены арестованы. Генрих Гиммлер был выведен из правительства 6 мая, накануне подписания капитуляции в Реймсе. Дениц рассчитывал, что этот шаг позволит ему снискать расположение союзников. Бывший глава СС, который так долго распоряжался жизнью и смертью миллионов людей в Европе, бродил в окрестностях Фленсбурга до 21 мая, пока не задумал вместе с одиннадцатью офицерами СС, пройдя через расположение английских и американских войск, пробраться в родную Баварию. Гиммлер при всем его самолюбии решился сбрить усы, натянуть черную повязку на левый глаз и надеть форму рядового. Компанию задержали в первый же день на английском контрольно–проверочном пункте между Гамбургом и Бремерхафеном. На допросе Гиммлер назвал себя капитану английской армии, который направил его в штаб 2–й армии в Люнебурге. Здесь его обыскали, переодели в английскую военную форму на тот случай, чтобы он не смог отравиться, если спрятал в одежде яд. Но обыск не был тщательным. Гиммлер сумел спрятать ампулу с цианистым калием между зубами. Когда 23 мая второй офицер английской разведки прибыл из штаба Монтгомери и приказал военному врачу проверить рот арестованного, Гиммлер раскусил ампулу и через двенадцать минут умер, несмотря на отчаянные попытки вернуть его к жизни путем промывания желудка и введения рвотного препарата.

Остальные приспешники Гитлера прожили немного дольше. Я направился в Нюрнберг, чтобы снова увидеть их. Я не раз видел их в пору могущества на ежегодных съездах нацистской партии, проводившихся в этом городе. Теперь на скамье подсудимых перед Международным трибуналом они выглядели совсем иначе. Произошла удивительная метаморфоза. Одетые в довольно потрепанные костюмы, ссутулившиеся и нервно ерзающие на скамье, они совсем не походили на наглых главарей прошлого. Они казались каким–то бесцветным сборищем ничтожеств. Трудно было даже представить, что подобные люди еще совсем недавно обладали такой чудовищной властью, которая позволила им подчинить себе великую нацию и большую часть Европы.

Сидевших на скамье подсудимых оказалось двадцать один[283]… Среди них — Геринг, похудевший фунтов на восемьдесят в сравнении с тем, каким я видел его последний раз, одетый в поношенную форму люфтваффе без знаков различия и, очевидно, удовлетворенный этим, занимал на скамье подсудимых первое место — нечто вроде запоздалого признания его первенства в нацистской иерархии, когда Гитлера уже не было в живых. Рудольф Гесс, некогда, до полета в Англию, человек номер три, с изнуренным лицом, глубоко запавшими глазами и отсутствующим взором, симулирующий потерю памяти, но несомненно сломленный человек; Риббентроп, утративший свою наглость и помпезность, побледневший,

---

[283] Д–р Роберт Лей, глава Трудового фронта, который также должен был сесть на скамью подсудимых, повесился в своей камере еще до начала процесса. Он изготовил петлю из разорванного на полосы полотенца и привязал ее к канализационной трубе. Прим. авт.

согнувшийся, побитый; Кейтель, утративший былое самодовольство; «партийный философ» Розенберг — путаник, которого происшедшие события наконец–то вернули к действительности. Юлиус Штрейхер, нюрнбергский ярый антисемит, также находился среди обвиняемых. Этот садист, обожавший порнографию, которого я видел однажды вышагивавшим по улицам старинного города и угрожающе размахивавшим хлыстом, очевидно, совсем пал духом. На скамье сидел лысый дряхлый старик, который сильно потел и, злобно уставившись на судей, убеждал себя, о чем мне рассказал охранник, что все они евреи. Был там и Фриц Заукель, босс подневольного труда в третьем рейхе. Маленькие глазки–щелочки придавали ему сходство со свиньей. Он, вероятно, нервничал и потому раскачивался из стороны в сторону. Рядом с ним сидел Бальдур фон Ширах, первый предводитель гитлеровской молодежи, а позднее гаулейтер Вены, по происхождению больше американец, чем немец, похожий на кающегося студента, выгнанного из колледжа за хулиганство. Был там и Вальтер Функ — ничтожество с плутоватыми глазками, сменивший в свое время Шахта. Был и сам д–р Шахт, проведший последние месяцы по распоряжению некогда обожаемого им фюрера в концлагере и страшившегося казни, которая могла произойти каждый день. Теперь он пылал негодованием из–за того, что союзники собираются судить его как военного преступника. Франц фон Папен, который более, чем кто–либо другой в Германии, нес ответственность за приход Гитлера к власти, попал в облаву и также оказался в числе обвиняемых. Он выглядел сильно постаревшим, и на его сморщенном как печеное яблоко лице, казалось, застыло выражение старой лисы, которой не раз удавалось выбраться из западни.

Нейрат, первый министр иностранных дел Гитлера, представитель старой школы, человек неглубоких убеждений, не отличавшийся щепетильностью, казался окончательно сломленным. Не таков был Шпеер, производивший впечатление человека наиболее откровенного из всех. В ходе длительного процесса он давал честные показания, не делая попыток снять с себя ответственность и вину. На скамье подсудимых находились также Зейсс–Инкварт, австрийский квислинг, Йодль и два гросс–адмирала — Редер и Дениц. Преемник фюрера в своей спецодежде походил ни дать ни взять на подмастерье сапожника. Был там и Кальтенбруннер, кровавый преемник Гейдриха–Вешателя, который во время дачи показаний отрицал за собой всякую вину, и Ганс Франк, нацистский инквизитор в Польше, частично признавший свою вину и покаявшийся в грехе после того, как, по его словам, вновь обрел господа, которого молит о прощении, и Фрик, такой же бесцветный на пороге смерти, каким был всю жизнь; и, наконец, Ганс Фрицше, сделавший карьеру в качестве радиокомментатора благодаря тому, что его голос напоминал голос Геббельса, который и взял его на службу в министерство пропаганды. Никто из присутствовавших на суде, включая самого Фрицше, не мог понять, почему он, будучи слишком мелкой сошкой, там оказался, и его оправдали.

Были оправданы также Шахт и Папен. Позднее всех троих немецкий суд по денацификации приговорил к длительным срокам заключения, хотя в конечном счете в тюрьме они пробыли всего неделю.

К тюремному заключению в Нюрнберге приговорили семерых обвиняемых: Гесса, Редера и Функа — пожизненно, Шпеера и Шираха — к 20 годам, Нейрата к 15, Деница — к 10. Остальных приговорили к смерти. Риббентроп взошел на помост виселицы в специальной камере нюрнбергской тюрьмы в 1 час 11 минут ночи 16 октября 1946 года. Через короткие промежутки времени за ним последовали Кейтель, Кальтенбруннер, Розенберг, Франк, Фрик, Штрейхер, Зейсс–Инкварт, Заукель и Йодль.

Но Герман Геринг виселицы избежал. Он обманул палача. За два часа до своей очереди он проглотил капсулу с ядом, которую ему тайно доставили в камеру. Вслед за своим фюрером Адольфом Гитлером и своим соперником по наследованию власти Генрихом Гиммлером он избрал в последний час их путь, чтобы покинуть землю, на которой он, подобно им, оставил такой кровавый след.